

Лариса Куницына

Повелитель теней

Баркентина «Пилигрим»

Баркентина «Пилигрим», разыскивая пропавших в космосе друзей, попадает в ту же ловушку, что и её собрат «Паладин»: она не может покинуть странный мир, затерявшийся в бурлящем океане на поверхности планеты-гиганта. Современные технологии в этом мире не работают, и улететь отсюда невозможно. Командор Азаров, знавший, как запустить двигатели звездолёта, убит, а члены экипажа «Паладина» разбрелись странному миру, который начинает манить и их коллег с «Пилигрима». Чтоб раскрыть его тайны им придётся отправиться туда, где живут рыцари и маги, два королевства ведут непримиримые войны, а неведомая сила с пугающей неотвратимостью исполняет самые заветные желания. Каждому придётся пройти предназначенный ему путь, а новый мир потихоньку затягивает их в свои сети, вовлекая в круговерть интриг и страстей, наполняя жизнь иным смыслом и посылая новых друзей и врагов. Всем ли удастся выдержать испытания, справиться с искушениями и вернуться домой?

Глава 1

Хок направлялся в Магдебург. Покинув ночью лагерь армии Сен-Марко, он сразу же отошёл немного на юг и только потом двинулся на восток. Уже к утру он добрался до небольшого городка, известного в округе своими кузнечными изделиями, а где есть кузницы, там всегда есть кони, которых требуется подковать. Именно там он купил себе крепкого рыжего коня с тёмной гривой и вместительную корзину для Кисы, уже снабжённую специальными ремнями для того, чтоб крепить её на круп лошади. Передохнув, он двинулся дальше, и потихоньку продвигался всё ближе к Магдебургу, проезжая днём двадцать-тридцать миль, а на ночь останавливаясь в городках, деревнях и придорожных гостиницах. Денег у него было достаточно, земли вокруг были небедные, потому это путешествие было спокойным и вполне комфортным, до тех пор, когда, проезжая купеческий город Гарц, он неожиданно понял, что за ним следят.

Этих людей он заметил ещё раньше. Их было несколько, и они то и дело попадались ему на пути, намеренно глядя куда-то в сторону, и неотступно следуя по пятам. Они меняли одежду и шляпы, но он всё равно узнавал их, встречая на своём пути, в тех тавернах и гостиницах, на постоянных дворах, где останавливался сам. Иногда они пропадали на какое-то время, и он начинал думать, что ошибся, но они появлялись снова. Их было четверо. Иногда это был потрепанный жизнью ветеран, который слегка прихрамывал на правую ногу, курил трубку, и его лицо было помечено целой галереей разнообразных шрамов, в дополнении с длинными седыми патлами чуть выющихся волос, придававших ему разбойничий вид. Он был ещё крепок, и его цепкий взгляд выдавал в нём опытного воина. Второй был моложе, широкоплечий и суровый, хотя именно он чаще всего попадался на глаза и выглядел даже забавно, когда вдруг начинал рассматривать какую-нибудь безделицу с таким интересом, словно увидел небывалую диковину, лишь бы объект его внимания не догадался о том, что за ним следят. Из этого Хок сделал вывод, что парень хоть и силен, как бык, но вряд ли намного умнее упомянутого тяглового животного. И ещё двое появлялись всегда вдвоём: стройный молодой мужчина в неизменно ярких щёгольских куртках с длинным мечом на боку и симпатичная девица, которая изображала его подружку. То, что она была не подружкой, а сестрой, было ясно при одном взгляде на эту парочку. Пусть мужчина был с бородой, а женщина обладала нежным румянцем, в их лицах было что-то похожее, да и в манере поведения тоже.

То, что это слежка, Хок понял по тому, что эти соглядатаи менялись, но никогда не оказывались рядом все одновременно. Сначала это его встревожило, но потом он успокоился. Они вели себя сдержанно, не проявляя какой-либо недоброжелательности. Ну, следят и следят, жалко что ли? Хотя, конечно, его беспокоило, что кто-то проявляет к нему такой неизменный и настойчивый интерес, особенно после предупреждения барона де Сегюра, что за ним могут послать погоню. Хок всё ещё ругал себя за беспечность, которую проявил, наболтав лишнего хитрому мальчишке, несмотря на то, что уже был предупреждён о необходимости держать язык за зубами. И всё же он никак не мог поверить, что вот из-за такой ерунды, нескольких вскользь сказанных слов, у него действительно могут возникнуть серьёзные проблемы. Этот мир хоть и был суровым, всё же мало напоминал те мрачные времена, когда инквизиция охотилась за еретиками по всей Европе. Да и не было здесь никакой инквизиции, а потому причины этой слежки были ему непонятны.

В какой-то момент он решил оторваться от преследования и снова свернул на юг, уходя дальше от проторённых дорог, связывавших крупные города. И какое-то время его не тревожили, но в ту ночь он снова заметил возле себя парочку: бородатого парня в синей куртке, подпоясанной красным шёлковым шарфом с кистями, и его спутницу, снова выдававшую себя за разбитную девчонку. Видимо, это была её любимая роль.

К ночи он как раз добрался до большой деревни, в которой проходили ярмарки, куда съезжались со всех окрестных деревень ремесленники и селяне, чтоб обменяться плодами своего труда, зачастую даже не прибегая к деньгам. К темноте ярмарка уже закончилась и все, кто не успел разъехаться по домам, разошлись по гостиницам и постоялым дворам. Именно в один из таких дворов и заехал Хок. Привычно привязав в стойле открытой конюшни коня, он дал мальчику-конюху монетку и, достав из корзины уставшего от долгой дороги Кису, зашёл в низкий зал, где уже собрались на поздний ужин посетители. Вот там, за одним из этих столов он и увидел «сладкую парочку», как уже успел окрестить про себя своих шпионов. Впрочем, это его не так уж смутило. Он прошёл с Кисой на руках к свободному столу неподалёку и сел, а к нему тут же вышел упитанный хозяин, который, похоже, больше заинтересовался странным котом, чем его хозяином.

Заказав ужин, Хок сидел, почёсывая расслабившегося у него на коленях Кису и поглядывая по сторонам. Его «парочка» старательно разыгрывала свидание, что-то нашёптывая друг другу и хихикая, стараясь не демонстрировать внимания к его персоне, но при этом оба они развернулись так, чтоб не выпускать его из виду. В стороне сосредоточенно уминал плотный ужин мастеровой с покрытыми шрамами крупными руками и всклоченной шевелюрой. В глубине зала сидели несколько крестьян, которые пили эль, негромко переговариваясь. Дальше сидела дородная женщина в красной юбке и синем корсаже, надетом на белую льняную блузку. Её седеющие волосы были убраны под чепец, а на поясе виднелась крепкая кожаная сумочка и ножны с большим кинжалом. Хок решил, что она сама ведёт хозяйство и приехала сюда, чтоб продать птицу или телят. И возле растопленного камина расположились немного необычные для такого места посетители: высокий мужчина, совершенно лысый, с начисто выбритым бледным лицом, облачённый в добротный кафтан из чёрного бархата, и светловолосый мальчик лет семи, одетый в новый камзольчик из узорчатого сатина с маленькими ножнами на красивом расшитом речным жемчугом пояске. Мужчина был полностью сосредоточен на ребёнке, постоянно наклоняясь к нему и что-то нашёптывая, а мальчик выглядел растерянным и даже встревоженным незнакомой обстановкой.

Темнота за окнами сгущалась всё сильнее, и вскоре наступил момент, когда небольшие оконца налились чернотой, и от них потянуло влажным холодом. Хозяин сам принёс Хоку большую миску с овощной похлёбкой, в которой на самом верху красовались крупные розоватые куски тушёного мяса, и снова с любопытством посмотрел на Кису, в нетерпении привставшего при виде ужина.

Хок вооружился ложкой, а Киса привычно потянулся за куском мяса, как вдруг что-то изменилось. Его пушистая лапа замерла над краем миски, он повернул большую лохматую голову к двери и тихо завыл на низкой ноте. Сначала только Хок услышал этот тревожный звук, но этого было достаточно, чтоб он отложил ложку и опустил руку на рукоятку кинжала.

А потом дверь распахнулась, и в харчевню вошёл невысокий худой человек в широком тёмном плаще, на плече у которого весела завёрнутая в холстину лютня. Он окинул зал взглядом маленьких чёрных глазок и уже хотел пойти дальше, как вдруг в зале раздался

тревожный вой кота. Киса спрыгнул с колен хозяина на лавку и, выгнув спину и распушившись, выл, глядя на бродячего музыканта. Хозяин харчевни и его гости замерли на своих местах, глядя то на свирепо воющего кота, то на бродягу, который настороженно смотрел на маленького зверя. И что-то в глазах кота и его позе произвело на незнакомца столь странное впечатление, что он вдруг начал чернеть и раздуваться, превращаясь в нечто страшное и неестественное, с красными глазами и острыми клыками, торчащими из распахнутой пасти.

Ближайшие к двери столы мигом опустели, потому что мастеровой и «сладкая парочка», оценив опасность, поспешили убраться подальше от этого чудовища. Киса напрягся, готовясь к прыжку, но Хок опередил его, метнув в демона свой тяжёлый кинжал. Клинок вонзился прямо между красными глазами, демон взревел, и тут же на него посыпалась сбоку золотистая пыльца, и спокойный голос произнёс несколько фраз на неведомом языке. Демон тут же сдулся и опал на пол, после чего там осталась лишь куча грязного серого тряпья да завёрнутая в холстину лютня. Всё это произошло так быстро, что никто толком ничего не успел понять. Все были напуганы, кроме троих, выступивших против демона. Лысый мужчина в бархатном кафтане нагнулся и поднял с полу кинжал Хока, а тот, снова спокойно взялся за ложку. Киса мгновенно успокоился и, вернувшись на колени к хозяину, потянулся за своей порцией мяса.

Мужчина в бархате подошёл к их столу и положил рядом с миской кинжал, на что Хок благодарно кивнул, не отрываясь от еды. Но мужчина не спешил уходить. Он спросил, может ли он присесть, и, не дожидаясь ответа, сел напротив, глядя на Кису, который аккуратно жевал кусок мяса, придерживая его лапкой.

— Я хочу купить вашего кота, — проговорил мужчина, взглянув на Хока. — Я дам за него пятьсот золотых марок.

— У меня уже есть пятьсот золотых марок, — равнодушно ответил Хок. — Кот не продаётся, — и, бросив взгляд на явно удивлённого собеседника, спросил: — Вы бы продали своего ребёнка?

— Я вас понял, — кивнул тот. — Но тогда, может быть, я могу вас нанять, чтоб вы сопровождали нас в пути?

— Это вряд ли, — покачал головой Хок. — Мы идём в Магдебург. У нас там дело.

— Это не займёт много времени, — продолжил тот, в то время как мальчик подбежал к их столу и несмело протянул руку, чтоб погладить Кису. — Уже к утру вы будете свободны. Вместо того чтоб сидеть здесь целый тёмный день и ещё одну тёмную ночь, вы можете проводить нас и заработать полтысячи золотом.

— Идти куда-то на ночь глядя, да ещё с ребёнком? — нахмурился Хок, бросив взгляд на мальчика. — Неужели вы не можете подождать до утра?

— Нет, мы должны спешить, и нам было бы спокойнее ехать в сопровождении человека опытного и хорошо вооружённого.

Хок какое-то время смотрел на него, а потом снова перевёл взгляд на ребёнка, который теперь аккуратно гладил маленькой ладошкой пушистый кисин загривок, и на его лице появилась слабая улыбка.

— Если я скажу «Нет», вы всё равно пойдёте? — спросил Хок.

— У нас нет другого выхода. К утру нам нужно быть на месте.

— Давайте начистоту, сударь. Вас, прежде всего, заинтересовал кот, а уж я, как дополнение к нему. И кот, скорее всего, потому, что он опознал эту нечисть с лютней,

которая ни с того, ни с сего забрела сюда среди ночи. Не думаю, что тут все дороги переполнены бродячими демонами.

— Вы правы, — кивнул тот. — Эта нечисть охотится за моим воспитанником, но только ваш кот смог распознать её под видом обычного бродяги. Я могу защитить ребёнка от демонов, но для этого мне нужно знать, что они передо мной или поблизости, а сам я их выявить не могу. Я вижу, вы странствующий рыцарь, а значит, нанимаетесь на службу, если за это хорошо платят. Я щедро заплачу, если вы проводите нас до замка Исборн.

— Вы колдун? — прямо спросил Хок.

— Скорее, книжник, — учтиво поклонился тот. — Меня зовут Соломон Фиделис. Пять лет назад баронесса Викланд наняла меня наставником и воспитателем к своему внуку Ноэлю Иадору Августусу, — он указал на мальчика, который сосредоточенно гладил Кису. — С тех пор я забочусь о нём. Я привязался к нему, как к собственному сыну, которого у меня никогда не было, и никогда бы не подверг его опасности, но, к сожалению, над мальчиком, как и над всей его семьёй, довлеет проклятие семи демонов.

— Что это за проклятие? — нахмурился Хок.

— Это проклятие семьи Августус, которое идёт из глубины веков. Их преследуют семь демонов. С каждым представителем мужской половины этого рода однажды случается эта беда. Семь демонов течение одного светлого и одного тёмного дня начинают по очереди нападать на несчастного, и если до следующего светлого утра ему удастся добраться до замка Исборн и победить всех демонов, проклятие падёт. Раньше демоны нападали на взрослых мужчин. Дед Ноэля погиб от их когтей уже перешагнув порог зрелости, а отец — успев жениться и обзаведясь потомством. После его смерти, которая повлекла и смерть его несчастной жены, ребёнка забрала к себе бабушка баронесса Викланд. Она наняла меня, чтоб я оберегал его и готовил к будущей схватке, но, увы, всё это началось слишком рано. Прошедшим белым днём из камина неожиданно появилось соткавшееся из тёмного дыма создание. К счастью, я был неподалёку и, услышав крик Ноэля, успел вмешаться до того, как эта сущность задушила ребёнка дымом. Я понял, что время пришло, и мы отправились в Исборн.

— Без охраны?

— Конечно, с охраной! — воскликнул Соломон. — Но охрана разбежалась, едва поняла, с чем имеет дело. По дороге нам встретила старая нищенка, которая вдруг подскочила к пони, на котором ехал Ноэль, и схватила мальчика за ногу. Я только тогда увидел когти на её руке. Я отрубил ей кисть, но она превратилась в нечто вроде того, что вы только что видели. Я уничтожил того демона с помощью заклинания, но охрана отказалась ехать с нами дальше. Мы остались одни. Благодаря вам мы уничтожили третьего демона. Осталось четыре, но наш путь лежит через лес и ехать придётся ночью. Я не уверен, что вовремя распознаю опасность. Я прошу вас, сэр рыцарь, проводите нас до Исборна. Я буду очень щедр.

— А что это за проклятие? — вдруг раздался рядом чей-то голос, и, обернувшись, Хок увидел за соседним столом своего соглядатая, который вместе с сестрой внимательно прислушивался к разговору. — Простите, что я встречаю, но мы случайно услышали...

— Случайно, — усмехнулся Хок, не скрывая сарказма. — Вы уже давно шастаете за мной по пятам и без конца подслушиваете.

— Что, так заметно? — смутился он, а девушка толкнула его локтем в бок.

— Не сердитесь на нас, командор! — воскликнула она. — Мы действительно следим за вами, но вовсе не замысливаем зла. Нам велено следить и сообщать, куда вы идёте.

— Кому? — спросил Хок.

— Кавалеру Адаму де Брассеру. Вы должны помнить его по Сен-Марко, — она перевела взгляд на Соломона. — Он благородный человек и был учителем принца Жоана. Увы, последнее время судьба отвернулась от него, и он ищет службы. Мы готовы проводить вас в замок Исборн вместе с командором. Если, конечно, вы заплатите нам.

— Вы знаете этих людей? — Соломон повернулся к Хоку.

— Я видел Адама де Брассера в Сен-Марко на турнире, а этих людей увидел лишь недавно. Они ходят за мной попятам уже несколько дней.

— Зачем?

— Понятия не имею.

— Де Брассер просил нас наблюдать за вами, командор, — молодой человек искренне взглянул ему в глаза. — Меня зовут Оливер, а это — моя сестра Франческа. С нами, кроме де Брассера, ещё двое: Каспар и Иеремия. Они опытные воины, но сейчас не у дел. Конечно, командор не может поручиться за нас, но он не станет и отрицать того, что кроме слезки, за нами грехов не знает. Мы готовы проводить вас до Исборна и сможем защитить вас если не от демонов, то, по меньшей мере, от разбойников.

Соломон задумался, глядя на них, а потом перевёл взгляд на Кису. Тот закончил трапезу и теперь аккуратно умывался, принимая осторожную ласку от мальчика.

— Только скажите, что это за проклятие? — попросил Оливер, причём в его голосе было больше любопытства, чем тревоги.

— Обычное дело для таких случаев, — рассеянно произнёс Соломон. — Один нечестивый предок в роду, который однажды не к месту поклялся семью демонами, и нарушил клятву. С тех пор эти семь демонов преследовали его потомков, но в этот раз удалось уничтожить уже трёх из них. Вы пойдёте с нами? — он умоляюще взглянул на Хока.

Тот вздохнул и посмотрел на Кису. Тот поднял голову и твёрдо встретил его вопросительный взгляд.

— Ладно, — проворчал Хок. — Я ни за какие деньги не потащился бы в такую ночь через лес, да ещё навстречу демонам, но не могу оставить без защиты ребёнка. Мы пойдём с вами.

— А мы? — Оливер просительно взглянул на Соломона. — Мы наёмники, но всегда честно отработываем свою плату.

— Позовите сюда вашего главаря, — строго произнёс Соломон. — Я поговорю с ним и решу. Учтите сразу, плата пойдёт из казны замка Исборн, так что ограбить нас по пути вам не удастся.

— Мы не грабители! — обиделась Франческа и поднялась. — Ждите, мы скоро вернёмся и приведём наших товарищей. Вы убедитесь, что нам можно доверять!

Она направилась к выходу, а за ней бросился её брат. Через полчаса они вернулись в сопровождении уже известного Хоку ветерана, который оказался Иеремией, молодого вояки Каспара и Адама де Брассера. Адам радостно приветствовал Хока и тут же принялся извиняться за то, что потревожил его своим вниманием.

— Поверьте мне, никакого злого умысла у меня не было! — воскликнул он. — Просто после того, как вместо меня к принцу приставили того молодого гвардейца, мне тягостно стало оставаться в Сен-Марко. Честно скажу, я был обижен на короля! Я всю жизнь служил ему верой и правдой, а потом меня просто выкинули со службы, как ненужного старого пса. Вот я и пустился на вольные хлеба, прихватив своих друзей Иеремию и Каспара, а Оливер и

Франческа — дети моего старого друга, погибшего в прошлой кампании. Мы бродили в поисках заработка и случайно наткнулись на вас. Вот уж я удивился! Подумал, что вы, должно быть, идёте по секретному поручению короля или нашли себе хорошее место, получше, чем у вас было в армии Сен-Марко. Ну, и подумалось, может и нам там что перепадёт!

— Может, и перепадёт, — проворчал Хок, покосившись на Соломона, ожидавшего своей очереди расспросить Адама.

Тот отвечал на вопросы с подкупающей прямоотой, и, наконец, книжник согласился нанять его и остальных в качестве охраны за тысячу золотых марок, которые должны быть выплачены не раньше светлого утра после благополучного прибытия маленького Ноэля в родовую замок Исборн. Порешив на этом, они начали собираться в дорогу. У воинов с собой было не так много вещей. Франческа поднялась в свою комнату, и, переодевшись в мужской костюм и спрятав длинные волосы под берет, приобрела вполне бравый и даже воинственный вид. На поясе у неё, как и у мужчин, висели ножны с мечом и кинжалом, а в руках она держала небольшой арбалет с длинным ложем.

Они выехали из селения, когда вокруг уже начала сгущаться темнота, потому ехавшие впереди Хок и Соломон держали в руках ярко горящие факелы, освещая дорогу. Ноэль ехал между ними на своём невысоком пони, тревожно глядя по сторонам. Но вокруг было слишком темно, и доносившиеся до них звуки были обычными звуками ночного леса.

Копыта коней не спеша ступали по пыльной дороге, и всадники настороженно вглядывались в темноту леса. За деревьями густой чёрной массой стояла непроглядная тьма. Хок ехал, держа руку на эфесе меча, однако чувствовал себя спокойнее, чем его спутники. Он был уверен в чутье Кисы, который хоть и сидел в своей корзине, но на сей раз наверняка не спал, прислушиваясь к ночной тишине и собственным ощущениям. Киса всегда чувствовал тёмную магию и приближение того, что он называл Злом. И, несмотря на то, что был всего лишь маленьким зверьком, он всегда был готов кинуться в бой, защищая своих друзей и, конечно, папу.

Несколько часов прошли спокойно. Дорога всё так же катилась вперёд, рассекая густой массив хвойного леса. Ноэль устал и жалобно пробормотал что-то, глядя на Соломона. Тот передал свой факел Адаму, а сам взял мальчика на руки и, завернув в плащ, усадил перед собой. Ещё через какое-то время слева от дороги показалась небольшая проплешина в лесу, а на ней — слегка покосившаяся избушка, наполовину ушедшая в землю. Сразу было видно, что она давно заброшена, вокруг всё заросло густой высокой травой, а над поросшей низеньким кустарником крышей склонились ветви старой ели, лохматые от свисающего мха.

— Привал, — скомандовал Хок и свернул к избушке.

Внутри было темно и пахло сыростью. В центре размещался небольшой, сложенный из камней очаг, а вдоль стен стояли длинные скамьи. Скорее всего, эта хижина никогда не была чьим-то домом, а использовалась для ночёвки и непродолжительного отдыха проезжавших мимо путников.

Соломон уложил Ноэля на лавку, но тот уже проснулся, и, выпутавшись из плаща, в который был укутан, сел, уныло глядя по сторонам. Хок принёс Кису, выбравшегося из корзины, и опустил на пол. Кот тут же решительно направился к мальчику и, забравшись ему на колени, свернулся калачиком, внимательно глядя по сторонам.

— Похоже, ваш кот взял Ноэля под свою защиту, — проговорил Соломон, развязывая свой мешок, в котором хранил съестные припасы.

— Он прекрасно осознаёт ситуацию, — ответил Хок и сел неподалёку, с удовольствием вытянув ноги.

Адам де Брассер и его спутники тоже устроились вдоль стен, доставая из своих мешков свёртки с едой. Только Каспар какое-то время постоял у дверей, глядя на пустой очаг.

— Наверно, нужно разжечь огонь, — пробормотал он. — Я пойду, поищу хворост.

— Не уходите далеко, — посоветовал Соломон. — И если услышите или увидите что-то странное, тут же возвращайтесь.

Каспар кивнул и, взяв с собой один из факелов, вышел. Какое-то время он стоял у порога, глядя по сторонам. В темноте даже присутствие привязанных рядом лошадей вызывало смутную тревогу. Однако сколько он ни прислушивался, ничего кроме дыхания коней и далёкого крика ночной птицы не услышал. Осмотревшись, он направился туда, где под ветвями деревьев виднелось что-то вроде кучи сломанных еловых веток. Подойдя, он увидел, что это подрытое кабанами небольшое деревце, искривлённое и обросшее длинными тонкими ветвями, спутавшимися в густой клубок. Воткнув факел в землю, Каспар вытащил из ножен длинный тяжёлый кинжал и принялся пилить им хилый ствол. Плотная древесина поддавалась с трудом, и он, увлечённый своим занятием, не сразу заметил, что рядом с ним возникла чья-то неясная фигура, а, заметив, тут же обернулся и принял боевую стойку.

Стоявшая перед ним девушка была хрупкой и смуглой, с густыми чёрными кудрями и тёмными, как ночь, глубокими глазами. Широкая юбка и узкий вышитый корсаж подчёркивали её тоненькую талию. Она с улыбкой смотрела на застывшего в изумлении мужчину, а потом с радостным смехом бросилась к нему и, обняв, притянула к себе.

— Наконец, я нашла тебя, Каспар, — прошептала она, прижавшись губами к его небритой щеке.

— Сара? — прошептал он, выронив кинжал и обхватив широкими ладонями её тонкий стан. — Сара, ты же умерла! Я сам видел...

— Тебе приснилось, дурачок! — рассмеялась она. — Вот же я, живая, тёплая и столь же страстно влюблённая в тебя, увалень ты неуклюжий!

— Сара... — пробормотал он, прижав девушку к себе. — Неужели это ты? Я же видел, как тебя сожгли...

— Они сожгли мой дом, но меня в нём не было! — с торжеством воскликнула она. — Неужели ты думаешь, что занимаясь знахарством, я не подумала, что однажды меня могут обвинить в колдовстве! Я всё предусмотрела, а ты поторопился уйти! И мне пришлось долго искать тебя! Но я нашла! Я нашла тебя, Каспар, и теперь мы всегда будем вместе! Я никуда тебя не отпущу!

— Конечно, моя птичка! — с нежностью проговорил он, глядя своими грубыми пальцами её нежную щёчку. — Идём со мной...

Он повернулся к избушке, но она вдруг вцепилась в него и отчаянно замотала головой. В её глазах появился ужас.

— Я не могу пойти туда! Там древнее зло! Страшный демон, который уничтожит меня! Он уничтожит всех. Он только ждёт своего часа, чтоб убить твоих друзей и этого несчастного мальчишку. Я знаю! Я не пойду туда, и тебя не пущу!

— Что за демон? — нахмурился Каспар, взглянув на девушку.

— Этот кот! Ты видел его? Разве бывают такие коты, с чёрными мордами и красными глазами? С загнутыми когтями и полным ртом острых, как иглы, зубов. Он совсем близко

подобрался к своей жертве. Его надо убить! Ты ведь убьёшь его, Каспар? И тогда я пойду с тобой! Я пойду с тобой куда угодно, но ты должен избавиться от этого ужасного зверя. Ты понял меня? Если ты хочешь, чтоб мы снова были вместе, ты должен убить кота!

Последние слова она произнесла, глядя ему в глаза, и Каспар нерешительно кивнул. Разжав объятия, Сара подтолкнула его к двери.

— Я буду ждать тебя здесь, — прошептала она.

Он направился к избушке и, остановившись возле двери, обернулся. Она стояла под пологом зелёных ветвей, и горящий в темноте факел освещал её милое лицо с чуть вздёрнутым носиком и круглым подбородком, украшенным ямочкой. Кивнув ей, Каспар вошёл в землянку.

Там было тихо. Путники молча сидели на лавках и с задумчивым видом жевали.

— Ты не принёс хворост? — спросила Франческа, увидев Каспара, и зябко поёжилась.

— Я его не нашёл, — проговорил он. — А далеко отойти не решился.

Он посмотрел туда, где сидел мальчик, обнимая сидевшего на его коленях большого пушистого кота. Кот, действительно, был странным, очень лохматым с тёмной мордочкой. И Каспар готов был поклясться, что заметил красный проблеск в его глазах. Он присел напротив у стены, и сидевший рядом Иеремия протянул ему кусок хлеба. Он взял и тоже принялся жевать, не отводя взгляда от кота. И тот неожиданно повернул свою большую голову и взглянул ему в глаза. Круглые зрачки полыхнули алым огнём, а взгляд был слишком осмысленным и суровым для обычного животного. Каспар почувствовал, как его прошибла дрожь, и опустил руку вниз, но там, где должна была находиться рукоятка кинжала, было пусто. Только теперь он вспомнил, что выронил кинжал на улице, да так и не поднял его. О том, чтоб воспользоваться мечом, речи не было. Резкое движение, когда он будет доставать его из ножен, не останется незамеченным.

Каспар осмотрелся. Слева от него сидела Франческа и, шурясь на холодный очаг, медленно откусывала от ломтя сыра маленькие кусочки. Рядом, совсем близко от бедра Каспара на лавке лежал её арбалет. Он взял его и, положив на колени, осмотрел. Болт лежал на ложе, но тетива не была натянута. Он осторожно потянул за рычаг, натягивая её, раздался слабый треск, а следом недовольный голос Франчески:

— Ты с ума сошёл? — воскликнула она, отобрав у него арбалет. — Разве можно натягивать тетиву, когда он нацелен на кого-то? Хочешь случайно убить ребёнка?

— Нет, я... — Каспар растерянно пожал плечами и снова посмотрел на кота.

Теперь взгляд зверька стал пристальным и даже подозрительным. Каспар поднялся и потёр спину, после чего не спеша прошёлся по узкому пространству между лавками и каменным очагом и остановился возле Ноэля. Мальчик гладил тёплую шерсть кота, прижимая его к себе, а кот тихо мурчал, не сводя с Каспара настороженного взгляда. Тот словно невзначай положил руку на эфес меча, и в тот же миг кот вздрогнул, зашипел и оскалился, продемонстрировав всё великолепие тонких, белых и, действительно, острых, как иглы, зубов. Это было так неожиданно, что Каспар отпрянул, а в следующий момент сжал пальцами эфес.

— Киса! — раздался голос Хока, который поднялся и подошёл к ним. — Простите моего питомца, — дипломатично улыбнулся он. — Он защищает мальчика.

После этого Хок сел рядом с Ноэлем на лавку, и, положив руку на рукоять своего кинжала, посмотрел на Каспара. Тот снова пожал плечами и вернулся на своё место. Теперь за ним следили уже две пары глаз: кота и его хозяина. И оба они выглядели довольно

опасными противниками. Прикинув разные возможности, Каспар убедился, что у него нет шансов убить кота внезапным, стремительным ударом, поскольку, едва он возьмётся за эфес, как Хок извлечёт из ножен свой меч или кинжал, и вряд ли Каспару удастся справиться с ним, если то, что он слышал о командоре де Мариньи, правда. Немного подумав, он снова поднялся и вышел на улицу.

— Он ведёт себя странно, — заметил Соломон, проводив его взглядом.

— Он вообще странный, — проворчал де Брассер, сделав большой глоток из фляжки с вином.

— Он пошёл в солдаты, когда сожгли его невесту, — добавила Франческа. — Её обвинили в том, что она ведьма и наслала потраву на поля.

— Она и была ведьмой, — пожал плечами Оливер. — Иначе с чего бы ей убивать чёрного петуха в самый тёмный час на чужом поле и разбрызгивать вокруг его кровь?

— Хватит рассказывать всякие ужасы! — проворчал Иеремия. — Нашли время поминать ведьм!

— И то верно, — согласился Адам. — Нам здесь и своих ужасов хватит.

В это время Каспар стоял под ветвями ели, тревожно глядя на Сару.

— Это, и правда, демон, — проговорил он, — но он заподозрил что-то. И его хозяин тоже не сводит с меня глаз. Давай просто уйдём отсюда. Возьмём коней и поскачем по дороге, пока не найдём деревню или город, где нас приютят до утра. А там решим, что делать дальше.

— Ты предлагаешь бежать? — улыбнулась девушка, подходя к нему. — Бежать вдвоём туда, где никто не станет мешать нам? Где мы будем жить долго и счастливо? Это чудесная мысль, Каспар! Мне так хочется остаться с тобой навсегда, там, где ты будешь навеки моим, и душой, и телом.

Она снова обняла его и приникла губами к его губам. Он обнял её, готовый ощутить сладость поцелуя, но вместо этого почувствовал, как что-то тёмное и страшное вливается в него, в то время как его собственная душа вместе с жизнью постепенно и неотвратно вытекает из тела. Он ещё успел испугаться и попытался оторвать от себя того, кого принял за Сару, но силы быстро оставили его и в глазах потемнело.

Ноэль задремал, свернувшись на лавке и прижимая к себе Кису. Мерное урчание и мягкая вибрация тёплого мягкого тельца убаюкали его, и он смог, наконец, расслабиться и уснуть. Сидевший рядом Соломон посмотрел на него с нежностью и печалью и укрыл своим плащом.

— Пусть немного поспит, — проговорил он, взглянув на Хока. — А потом мы снова тронемся в путь...

Дверь в избушку снова закрипела, и на пороге появился Каспар. На сей раз его появление вызвало неожиданный эффект. Только что спокойно лежавший рядом с мальчиком Киса вдруг выскользнул из его рук, и, соскочив на пол, выгнулся дугой и, распушившись до невероятных размеров, взвыл на низкой ноте.

— Проклятый зверь! — зарычал Каспар, кидаясь вперёд с кинжалом в руках. — Ты ещё смеешь рычать на меня!

Но дорогу ему уже преградил Хок, который выхватил меч и отбил в сторону клинок кинжала.

— Не вмешивайся, де Мариньи! — крикнул Каспар и с неожиданной силой оттолкнул его в сторону так, что Хок не удержался на ногах и упал на лавку, а Каспар рванулся вперёд,

но вместо того, чтоб схватить Кису, он протянул руку к Ноэлю, который испуганно жался к стене.

Он бы наверно схватил его, но его рука оказалась как раз над головой кота, и тот со странным щёлкающим звуком подскочил в воздух и когтями всех четырёх лап и зубами, вцепился в эту руку. Каспар взревел, и тут же его рука превратилась в чёрную лапу, на изогнутых пальцах которой сверкали железные когти.

— Демон! — закричала Франческа, хватаясь за свой меч, но Оливер опередил её и клинок его кинжала воткнулся в спину Каспара.

Он пошатнулся, и тут же на него посыпалась мелкая золотистая пыль. Соломон скороговоркой произнёс своё заклинание. Демон осел вниз и исчез, только одежда Каспара, его сапоги, меч и слегка поржавевший нагрудник упали на пол.

— Четвёртый, — пробормотал Соломон, сев на лавку рядом с Ноэлем.

Киса обнюхал нагрудник, лежавший на земляном полу, презрительно фыркнул и запрыгнул обратно к Ноэлю, который тут же схватил его и прижал к себе, зарывшись заплаканным лицом в мягкую шерсть. Киса стоически снёс столь грубое обращение и снова успокаивающе замурлыкал и потёрся пушистой щекой о голову мальчика.

— Чёрт, — пробормотал Оливер, ошарашено глядя на нагрудник. — Это был Каспар?

— Это был демон в его теле, — проговорил Соломон. — Боюсь, что вашего друга больше нет.

— Нет худа без добра, — проворчал де Брассер, — теперь каждый из нас получит ещё по полусотне монет к своей доле.

Оливер мрачно взглянул на него, но ничего не сказал. Остаться в землянке никому не хотелось, и они вскоре снова отправились в путь. Тьма вокруг сгущалась всё больше, и наступил момент, когда два факела едва выхватывали из темноты небольшие круги слабоосвещённой дороги, позволяя видеть, куда ступают кони, идущие впереди, и служить ориентиром для тех, кто ехал следом. Лес казался бесконечным, как и тянущаяся сквозь него дорога. Дважды она проходила вдоль молчаливых селений, но всадники проезжали мимо, не задерживаясь.

— Вы уверены, что мы не сбились с пути? — спросил Адам де Брассер, подъехав к Соломону. — Вы ездили по этой дороге раньше?

— Нет, но я помню карту и перечень ориентиров наизусть. Пока мы идём точно по ним. Смотрите, скоро слева появится дуб с расколотой вершиной и большим дуплом.

И, действительно, этот дуб вскоре выплыл из темноты, подсвеченный рыжеватым пламенем факела, при этом казалось, что он нависает над дорогой, заноса над головами всадников свои огромные ветви-лапы. Адам что-то проворчал, посмотрев на распахнутый зев дупла, словно застывшего в немом крике.

Ещё несколько часов они ехали в полном молчании, настороженно прислушиваясь к ночным звукам, поэтому раздавшийся вдалеке глухой вой услышали все.

— Волки? — чуть придержав коня, спросил Оливер.

— Нет, это что-то другое, — слегка дрогнувшим голосом ответил Иеремия. — Нужно остановиться и разжечь огонь.

— Мы поедem дальше, — возразил Соломон. — Времени до утра остаётся не так много, а до Исборна ещё далеко. Мы едем слишком медленно...

— Мы не можем ехать быстрее в такой темноте, — заметила Франческа.

— Потому мы должны двигаться дальше, — продолжил книжник. — Кони не устали, да

и мы тоже. Доедем до следующей деревни и остановимся там. Это уже недалеко.

Никто не стал спорить с ним, но спустя какое-то время, снова послышался странный вой. Он был слишком низкий и густой для волка, и звучал уже ближе. Всадники невольно заторопили коней, но тут впереди раздался такой же вой.

— Нас окружают, — проговорила Франческа, осматриваясь по сторонам. — Я уверена, что они ищут нас.

— Нужно остановиться и развести огонь, — произнёс Хок. — Если это демоны, то мы должны быть готовы к их нападению. В сёдлах мы слишком уязвимы.

— Далеко ещё до деревни? — нервно спросил Иеремия.

— Несколько миль, — ответил Соломон и свернул с дороги на небольшую поляну.

Всадники быстро спешили и, собрав под деревьями валежник, сложили его в центре поляны. Они ещё не раз слышали странный вой, который раздавался то с одной стороны, то с другой, а когда посреди поляны уже запылало весёлое пламя костра, совсем недалеко раздалось странное угрожающее рычание, словно множество камней перекатывалось в медной бочке.

Книжник усадил своего воспитанника ближе к огню, и тот уже привычно обнял прибежавшего к нему Кису. Остальные встали вокруг костра, вглядываясь в темноту и держа руки на эфесах мечей. Соломон достал из своей сумки мешочек, который слабо мерцал от покрывавшей его золотистой пыли. Рычание раздалось снова, и в темноте под деревьями вспыхнули два красных огонька.

— Вон он! — воскликнул Оливер, указав туда.

— Там ещё один! — сообщил Адам, стоявший с другой стороны костра.

Хруст веток под тяжёлыми лапами и хриплое рычание возвестило о приближении третьего зверя. Путники пристально следили за окружившими их демонами, готовые отразить нападение, и всё же оно оказалось неожиданным, так стремительно вылетели на них из темноты три чёрные тени. Только Хок, чувства которого обострились до предела, как всегда с ним бывало в минуту смертельной опасности, успел выхватить свой длинный тяжёлый кинжал, и напавший на него чёрный зверь напоролся как раз на его клинок. Но вместо того, чтоб взвыть от боли, зверь издал разъярённое рычание и лапами ударил его в грудь. Хок упал на спину, удерживая тушу зверя над собой на вытянутых руках, и упёрся ногами в его живот, после чего перекатился назад и сбросил демона в костёр. Лишь попав в огонь, тот издал что-то похожее на протестующий визг, и тут же на него посыпалась золотая пыль. Соломон прокричал заклинание и кинулся туда, где рычал второй зверь, мотая головой и пытаясь скинуть со своей морды вцепившегося в неё Кису. Ноэль отчаянно колот демона своим маленьким кинжалом, пытаясь помочь своему пушистому другу. Ещё порция порошка и заклинание, и второй демон опал чёрной исчезающей тенью.

Третий демон кинулся на Франческу, которая пыталась зарядить свой арбалет. Он сбил её с ног и старался добраться клыками до её шеи, в то время как Оливер с криком ярости рубил его своим мечом. К нему тут же присоединился Адам де Брассер, но шкура чёрного зверя, который был похож то ли на массивного волка, то ли на худого медведя, была словно сделана из железа. Мечи соскальзывали с неё, и зверь продолжал клацать клыками у лица девушки, которая из последних сил удерживала его морду подальше от своей шеи.

— Иеремия, помоги! — крикнул Оливер, поняв, что его тактика не срабатывает.

Он обхватил зверя руками, пытаясь оторвать его от сестры, в то время как Адам продолжал наносить удары мечом.

К этому времени два других демонических зверя уже были уничтожены, и Хок с Соломоном кинулись им на помощь, но зверь заметил это и, резко рванувшись, скинул со своей спины Оливера, после чего схватил Франческу за куртку зубами и бросился в темноту.

Оливер откатился к костру и упал в огонь, закричав не столько от боли, сколько от отчаяния. Он понимал, что никто не кинется вглубь леса за демоном спасти его сестру, но он ошибся. За демоном устремился Хок. Он помчался следом, чувствуя злость на порождение Тьмы, желание спасти девушку и охотничий азарт, так редко испытываемый им в последнее время. Он чувствовал, как всё его тело зарядилось энергией, чувства обострились настолько, что он нёсся между деревьями, легко огибая их и по наитию перескакивая через препятствия, будь то поваленное дерево или глубокая лощина. Ему казалось, что он чувствует запах зверя, густой, отталкивающий и притягательный одновременно. Сжимая в руке кинжал, он летел по его следам с невероятной скоростью. А зверь, который, может, и ушёл бы от погони, додумайся он бросить свою добычу, терял скорость из-за своей ноши, тем более что Франческа дотянулась, наконец, до кинжала на своём поясе и, преодолевая боль, наносила удары по его морде.

В какой-то момент зверь оказался на краю оврага и, сорвавшись, покатился вниз вместе с девушкой. Он упал на дно, и тут же ему на спину, как разъярённый леопард, прыгнул Хок и вонзил свой кинжал в загривок демона по самую рукоятку. Его освященный клинок с серебряной насечкой, как в масло, вошёл в плоть демона и тот тут же оплыл и исчез, словно впитался в землю. Хок склонился над Франческой, но, увы, она была мертва. Её тело было покрыто ранами, а на шее протянулась кровоточащая борозда от зубов демона.

Хок издал отчаянный стон, после чего поднялся на ноги и, взвалив её тело на плечи, быстро вскарабкался по склону оврага. Он принёс её назад к костру, где Адам яростно орал на Иеремию, сжавшегося возле огня. Он обвинял его в том, что тот не пришёл на помощь, в то время как они с Оливером пытались отбить Франческу у демона. Оливер стоял, вглядываясь в темноту и, увидев Хока, кинулся ему навстречу.

— Мне жаль, — проговорил Хок, опустив тело девушки на землю.

Оливер с рыданиями бросился к ней, но Хок уже забыл о них. Он увидел, что по другую сторону костра на расстеленном плаще лежит неподвижный Киса, в то время как Соломон склонился над пушистым тельцем, а рядом безутешно рыдает Ноэль. Хок кинулся к своему коту, но Соломон жестом остановил его, продолжая что-то нашептывать. Опустившись рядом на колени, Хок увидел, что у Кисы на боках темнеют две рваные раны, из которых на плащ натекло много крови, но теперь она почти остановилась.

— Я заговорил раны, кровотечение прекратилось, — произнёс Соломон, выпрямившись. — У меня есть бальзам, я наложу повязки.

— Лучше я сам, — возразил Хок и полез в свою котомку за аптечкой.

Он быстро обработал кисины раны, покрыл их золотистой плёнкой заживляющего аэрозоля, после чего наложил повязку и сделал несколько инъекций. Киса издал слабое мурчание, и приоткрыл затуманенные глаза.

— Как ты, мой маленький? — ласково спросил Хок, склонившись над ним.

— Киса жив, — чуть слышно, но вполне уверенно заявил кот и снова закрыл глаза.

Франческу похоронили тут же на поляне. Оливер ещё какое-то время стоял над могилой сестры, пока остальные отвязывали коней, чтоб ехать дальше.

— Надеюсь, это всё? — проговорил Адам, посмотрев на Соломона. — Этих адских псов было три, это последние три демона?

— Боюсь, что это был один демон, — вздохнул книжник, усаживая Ноэля в седло пони. — Он разделился на три части, и если б хоть одна уцелела, он остался бы жив.

— Его погубила жадность, — проворчал Иеремия. — Если б он оставил в покое девчонку, то наверно сбежал бы.

— А, может быть, и нет, — возразил Хок, аккуратно укладывая Кису в корзину на свёрнутый в подобие гнезда плащ. — Оливер, нам нужно ехать дальше. Вы с нами?

— Да, если их осталось ещё два, я должен уничтожить их и отомстить за Франческу, — ответил молодой человек и, подойдя, больше не оборачивался назад, где под деревьями темнел свежий холмик земли.

Привязав к своему седлу лошадь сестры, он сел верхом и поехал следом за остальными.

Пустившись в путь, вскоре они достигли той деревни, о которой говорил Соломон. Они снова поехали мимо, и только Иеремия развернул коня и двинулся по улице туда, где под крышей одного из домиков горела лампа, указывающая на придорожную таверну.

— Мы не будем задерживаться здесь! — крикнул ему вслед Соломон.

— Вы — нет, а я задержусь, — ответил Иеремия, даже не взглянув на него. — Мне моя жизнь дороже горсти монет. Можете забрать мою долю себе!

— Так и сделаем, — пожал плечами Адам, проезжая дальше.

— Всё равно от этого труса никакой пользы, — с отвращением глядя на удаляющегося Иеремию, заявил Оливер и пришпорил коня.

До следующего привала ничего не случилось. Их путь уже казался бесконечным, копыта коней мерно стучали по дороге, и порой Хоку казалось, что они давно уже выехали за пределы реального мира и едут где-то в тех самых бесконечных лабиринтах Тьмы, о которых ему рассказывал иногда Джулиан, сидя вечером у камина и глядя на танец маленьких весёлых саламандр. Они всё так же молчали, погружённые в тревожную задумчивость, и при этом вздрагивая и хватаясь за мечи при каждом звуке, доносившемся из чащи.

Привал они устроили у развалин башни, стоявшей на вершине холма, и вонзающейся в тёмное небо своими полуразрушенными стенами. И всё же на его фоне эта башня уже казалась более тёмной, а значит, небо начало постепенно светлеть. Время перевалило за полночь, понемногу приближая рассвет.

На сей раз, чтоб накормить Кису, Хок открыл банку с его любимым лососем, которую хранил на особый случай с самого начала путешествия. Конечно, он надеялся, что повод будет более праздничный, но сейчас нужно было поддержать маленького пушистого воина, получившего боевые ранения. Киса чувствовал себя не так уж плохо и, приподнявшись на передних лапах, с аппетитом уплетал розоватую мякоть рыбы, в то время как Хок задумчиво почёсывал его лохматый загривок. После сытной трапезы Киса позволил снять повязки и осмотреть его раны, они были поверхностными и уже начали затягиваться. После этого он терпеливо снёс несколько инъекций регенерирующих, обезболивающих и поддерживающих препаратов и снова был помещён в своё гнездо в корзине.

Поредевший отряд стал собираться в дальнейшую дорогу. Ноэль, совсем измученный долгой бессонной ночью, спал на ходу, и Соломон снова завернул его в плащ и взял на руки. Вскоре небо над лесом начало светлеть и приобрело глубокий синий оттенок, покрыв всё вокруг лёгкой голубоватой вуалью. Стало светлее, и нужды в факелах больше не было. Соломон с удовлетворением сообщил, что им остался всего один переход, и они успеют в Исборн ещё до того, как наступит утро.

Им уже казалось, что до замка они доедут без происшествий, когда на дорогу перед

ними из леса выехал тёмный всадник и преградил им путь. Всадник выглядел странно, потому что разглядеть можно было лишь его чёрный силуэт, в то время как вокруг уже было достаточно света, чтоб видеть стволы деревьев и смутные очертания ветвей. Конь под всадником напоминал грозовую тучу, а сам он был закован в броню доспехов, угловатые контуры которых чётко виднелись на фоне серой дороги.

Соломон, прижав к себе спящего Ноэля, тут же остановил коня, а Хок выехал вперёд, вглядываясь в незнакомца. За его спиной снова завыл Киса, а потом послышались звуки, с которыми он яростно царапал крышку своей корзины, стремясь выбраться.

— Отдыхай. На сей раз мы справимся без тебя, — проговорил Хок, вглядываясь в мрачную фигуру перед собой.

Ему было немного не по себе, словно это был сон или он вдруг угодил внутрь какой-то странной компьютерной игры, замешанной на средневековье и демонах. Он чувствовал, что тот, кто преградил ему дорогу, не человек. Он понимал это не хуже Кисы, и ощущение охотничьего азарта и свирепой ярости снова начало подниматься в его душе.

— Кто ты и что тебе нужно? — крикнул он, положив руку на эфес меча.

— Я Люциан Гверрино Августус, барон Исборна! — прозвучал в ответ глухой голос. — Я требую отдать мне моего наследника и свернуть с дороги!

— А если мы не исполним твоё требование? — поинтересовался Хок, чувствуя возбуждение перед схваткой.

— Тогда вы все умрёте! — чёрный всадник выхватил из ножен меч и поднял его над головой.

— Есть варианты, — усмехнулся Хок, тоже обнажая меч. — Мы уничтожим тебя и поедem дальше.

— В любом случае вам не справиться с Носителем печати, — проворчал демон. — Но вам не придётся даже пробовать!

Он двинулся к Хоку, и тот уже приготовился вступить в бой, как вдруг из-за его спины вырвался вперёд Оливер и с яростным криком бросился на демона. Он налетел на него и послышался звон мечей. Оливер сумел отбить несколько ударов, а очередной рассёк бы его пополам, если б ему на подмогу не пришёл Хок, подставив свой меч под белый клинок демона. Тут же к схватке присоединился и Адам де Брассер, который действовал с уверенной прямолинейностью тяжеловеса, но при этом с лёгкостью блокировал сыпавшиеся на него удары.

Втроём они окружили всадника, но тот успевал отбить все удары и даже наносить ответные, и вскоре Адам с проклятиями отъехал в сторону, зажимая рукой рану на правом плече. Потом под Оливером зашаталась раненная лошадь, и он упал на дорогу, едва успев откатиться в сторону, чтоб не попасть под копыта коней. Хок снова остался один на один с демоническим всадником, но это его не огорчило. Теперь, когда его соратники не лезли под руку, он мог полностью отдаться схватке и вытащил свою дагу. Тяжёлый длинный кинжал, предназначенный для левой руки в поединке на мечах, наконец, занял своё место и радостно сверкал голубоватой молнией, отклоняя удары белого клинка и нанося быстрые уколы. К тому времени Хок уже заметил, что даже удачные удары обычным мечом не причиняют всаднику никакого вреда, но первый же укол кинжалом, пришедшийся в шею призрачному коню, достиг своей цели. Клинок вошёл в дымную плоть и конь, визгливо заржав, начал заваливаться на задние ноги.

Всадник ловко прыгнул на землю, и Хок последовал за ним. Биться пешим ему было

удобнее. Они сошлись вдвоём на дороге, нанося друг другу стремительные и рубящие удары мечами, но у Хока был его кинжал, и если меч соскальзывал с чёрных лат, то каждый удар кинжалом уходил в броню по самую гарду. Демон рычал и изрыгал проклятия, однако, красноватые проблески ран на его доспехах мгновенно затягивались, и он снова бросался в бой.

— Соломон, — крикнул Хок, — его раны затягиваются! Где вы?

— Здесь! — отозвался книжник, который до того был занят сильно кровоточившей раной Адама.

Он выхватил из своей сумы мешочек с пылью и бросил горсть в демона, прочитав заклинание. Но на сей раз эти манипуляции не возымели обычного действия. Демон твёрдо стоял на ногах и продолжал нападать на Хока с прежней неутомимостью.

— Серебро! — закричал Хок, отбросив меч. — Что-нибудь серебряное!

— Ловите! — крикнул Оливер и бросил ему серебряную монету.

— Надеюсь, она не фальшивая, — пробормотал Хок, поймав её на лету.

В следующий момент он мощно и стремительно рванулся вперёд, поднырнул под занесённую над ним руку с мечом и вонзил кинжал в темноту туда, где должна была быть щель между нагрудником и закрытым шлемом, после чего со всей силы толкнул демона назад. Тот издал бешеный рёв и упал спиной на дорогу. Хок прыгнул ему на грудь, разглядев стремительно закрывающуюся рану на шее, сунул в неё серебряную монету и пальцем протолкнул её глубже.

После этого он соскочил на землю и на всякий случай отступил подальше. Демон конвульсивно бился в дорожной пыли, а потом в его панцире появилась трещина, которая начала стремительно удлиняться, змеиться в разные стороны красноватой молнией. Спустя минуту бледное свечение вырвалось наружу, разрывая остатки чёрной оболочки. Оно постепенно погасло, а обрывки чего-то тёмного медленно осыпались на дорогу и исчезали, не долетев до земли. Спустя пару минут в пыли лишь блёкло поблескивала маленькая серебряная монетка.

— Вы убили демона! — восторженно воскликнул Оливер.

Хок поднял монету и бросил ему.

— Очередного демона.

— И часто вы занимаетесь такими делами? — спросил Адам, к которому вернулся Соломон, чтоб перевязать рану.

— Иногда, — неопределённо ответил Хок и пошёл ловить своего коня.

Крышка корзины на крупе его скакуна приподнялась, и оттуда тревожно блестели глаза Кисы.

— Я справился, — успокоил его Хок. — Ложись отдыхать.

— Папа сильный, — удовлетворённо сообщил Киса, и крышка снова опустилась на место.

— Остался один, — проговорил Соломон, закончив перевязку де Брассера. Он снова взял на руки заспанного Ноэля, который так толком и не проснулся на этот раз, и взобрался в седло. — Полагаю, что последний будет ждать нас в Исборне.

— Меня насторожило, что на этого не подействовало ваше заклинание, — заметил Оливер, склонившись над своей павшей лошадей. — И он назвался предком вашего воспитанника.

— Это уже не обычный демон. Это было то, во что превратился рыцарь, породивший

это проклятие. Значит, мы близки к цели, которая, увы, будет не так легко достижима. Если нам удалось уничтожить причину проклятия, то остался только тот, кто его наслал, хозяин, достаточно сильный демон, сумевший извести несколько поколений мужчин в роду Августусов.

— Каждый последующий демон сильнее предыдущего, — заметил Хок. — Значит, последний будет очень силен. Вы что-нибудь знаете о нём?

— Ничего, — признался Соломон. — Я был уверен, что моё заклинание может справиться с любым демоном, но на сей раз оно не подействовало.

— Он назвал последнего демона Носителем печати, — напомнил Адам де Брассер. — Что это может значить?

— Пока не знаю, но не исключено, что это важная информация.

— Всё слишком туманно, и нам ничего не остаётся, как действовать по обстоятельствам, — проговорил Хок, садясь в седло.

Оливер помог раненному де Брассеру сесть верхом, а сам вскочил на лошадь Франчески и маленький отряд снова двинулся в путь. Небо постепенно светлело, однако, до утра ещё было довольно далеко. В ранних предрассветных сумерках они, наконец, выехали из леса в небольшую долину, посреди которой на насыпном холме стоял маленький замок с высокой крепостной стеной, увенчанной полуразрушенными зубцами. Над ними поднимались три узкие башни с конусообразными крышами, в которых зияли чёрные провалы дыр, и большой донжон с широкой площадкой на плоской крыше. По мере приближения к замку становилось понятно, что он давно заброшен. Окружавший его вал местами просел и обвалился, серые стены были покрыты трещинами. Вокруг было тихо и пусто, где-то вдалеке темнели развалины небольших домиков. Всё вокруг поросло высокой травой, и только большие чёрные птицы кружились над долиной и сидели на разбитых зубцах стен.

Ворота замка были открыты настежь, мост, частью разрушенный, успел врасти своим концом в землю. Проезжая по нему, можно было видеть пересохший и местами засыпанный ров вокруг крепостных стен. Если бы не свист ветра в щелях и крики чёрных птиц, то можно было бы сказать, что здесь царил мёртвая тишина. Не было никаких признаков того, что здесь живут или хотя бы бывают люди. Эти места были давно покинуты живыми, и вокруг царил унылый запустение.

Четверо всадников въехали в небольшой мощёный двор, где между камнями росла густая трава. Внутренние постройки давно разрушились, покрытые тёсом кровли сараев, конюшен и кузни обвалились. Низкий, сложенный из камней парапет колодца, расположенный возле самой стены, был завален серыми досками и брёвнами, которые раньше, видимо, служили его крышей. Покосившиеся ворота открывали вход в хозяйственные помещения. Эстакада из брёвен, ведущая к дверям нижнего зала донжона, давно сгнила и так покосилась, что пройти по ней не решился бы наверно самый опытный акробат. Окна башни, лишившиеся переплётов и ставен, зияли пустыми глазницами. И от этой удручающей разрухи становилось тревожно и неудобно.

Напротив ворот под стеной донжона размещалось странное изваяние из серого камня, что-то среднее между облачённым в доспехи воином со страшным лицом и средневековой гаргулей, похожей на те, что когда-то украшали собой готические соборы. С подозрением посмотрев на неё, Хок спешил и подвёл коня к полуразрушенной коновязи. Он слышал, как тревожно завывает в своей корзине Киса, и сам чувствовал, что Зло где-то рядом, и оно как-то связано с этой каменной фигурой, присевшей у стены. Его спутники, не наделённые

столь острым чутьём и изрядно уставшие от перенесённых испытаний, были рады, наконец, покинуть сёдла в предвкушении долгожданного отдыха. Разве что Соломон, спустившийся с коня с Ноэлем на руках, тоже остановился, глядя на статую.

— Вам не кажется, что это довольно странное украшение для столь скромного замка? — спросил у него Хок, доставая из корзины Кису вместе с его тёплым гнездом.

Кот тут же загудел ещё громче, глядя на статую. Он словно забыл о своих ранах и теперь дрожал от возбуждения, готовый броситься в бой. Это не укрылось от Адама де Брассера, переводившего настороженный взгляд с кота на статую и обратно. А потом раздался треск, и статуя зашевелилась. Горгулья в латах подняла руку, вырывая сковывающие её со стеной камни, а потом поднялась на ноги и, чуть нагнувшись вперёд, направилась к путникам. Киса издал воинственный вопль и спрыгнув с рук Хока, замер, превратившись в взлохмаченный воющий шар с изогнутым дугой хвостом. Разбуженный этим воплем Ноэль увидел направляющегося к ним каменного великана и закричал от ужаса. Соломон тут же опустил его на землю и, велел спрятаться, сунул руку в котомку. Оливер и Адам вытащили мечи и встали в боевую стойку, хотя на их лицах явно читалась смущение, потому что было ясно, что против каменного изваяния их мечи бессильны.

И всё же Оливер, вспомнив о несчастной судьбе Франчески, с воинственным криком бросился на демона. Он не успел даже толком замахнуться, как тяжёлый каменный кулак отшвырнул его в сторону. Отлетев на несколько метров, он ударился о каменную стену и упал на брусчатку. Из глубокой раны на его голове обильно сочилась кровь. Адам испуганно попятился, но вперёд отважно выступил Соломон и, бросив в лицо горгулье остаток порошка, выкрикнул своё заклинание. Оно снова не подействовало, и он с трудом успел увернуться от каменного кулака.

Хок быстро соображал, что можно сделать. Он понимал, что геройствовать подобно Оливеру не имеет смысла. Перед ним была статуя, оживлённая вселившимся в неё тёмным духом, и сражаться с ней мечом и даже его освященным кинжалом с серебряной насечкой было бесполезно. Адам и Соломон отступили назад, но горгулью интересовали не они. Она уверенно направлялась к перепуганному Ноэлю, который застыл на месте, не в силах пошевелиться.

— Беги! — закричал Соломон, и, подхватив с земли камень, бросил в голову монстра.

Камень со стуком ударился об неё, но горгулья даже не обернулась. А Ноэль, наконец, сообразил, что нужно убегать, но вместо того, чтоб бежать к воротам, он кинулся к колодцу и забился за него между каменной кладкой парапета и крепостной стеной. За ним огромными прыжками понёсся Киса. Он шмыгнул туда же и с протяжным свирепым воем приготовился к обороне. Горгулья, не обращая внимания на взрослых, направилась прямо к колодцу и попыталась просунуть за него руку. Раздался испуганный крик Ноэля, и Соломон кинулся к колодцу с другой стороны. Заглянув за него, он убедился, что мальчик жив. Он как-то втиснулся в самое узкое место между парапетом и стеной, и сверху его и Кису прикрывает каменный выступ, а рука демона просто не дотягивается до них. Однако насмерть перепуганный мальчик продолжал кричать, а Киса выл и пытался отбиваться лапами от каменной руки, которая тянулась к ним.

Соломон вернулся к Хоку и с отчаянием смотрел на каменную спину нагнувшейся к колодцу статуи.

— Если это чудовище обломает выступ на парапете!.. — воскликнул он и вдруг замер. — Смотрите! Вот она, печать!

Хок посмотрел, куда он указывал, и увидел смутно видневшийся круглый отпечаток между лопатками горгульи. Скорее всего, это и было то клеймо, что удерживало злобный дух в каменной статуе.

— Поможет или нет, не знаю, но стоит попробовать! — пробормотал Хок и бросился к своему коню.

Сунув руку в котомку, привязанную к седлу, он достал с самого дна пластиковый футляр, маркированный цифрами и буквами. Открыв его, он достал горную мину и прикрепил к ней вакуумную присоску, входившую в комплект.

— Де Брассер, мне понадобится арбалет! — крикнул он и, разбежавшись, прыгнул на спину каменному чудовищу.

Горгулья не обратила на это внимания. Она была полностью сосредоточена на попытках вытащить из укрытия мальчика, к тому же не видела никакой опасности в том, что кто-то из жалких смертных приблизится к ней со спины. Хок, держась за шею статуи, прикрепил мину присоской прямо на круг, испещрённый странными знаками, и вручную привёл в активное состояние химический капсюль. Спрыгнув на землю, он отступил и взял из рук Адама заряженный арбалет. Горгулья стояла в той же позе, и ему не составило труда прицелиться и выстрелить как раз в красный колпачок капсюля, который направил конус запала точно в сердечник. Через мгновение раздался взрыв, полыхнувший так ярко, что во дворе замка на мгновение стало светло, как днём, а со стен посыпались камни. Этот взрыв был настолько мощным, что разрушил не только печать демона, но и саму статую, которая разлетелась по двору мелким крошевом. И стало тихо. Только над замком чёрной тучей носились потревоженные грохотом птицы, да несколько из них, сбитые осколками статуи, упали на брусчатку.

Из-за колодца, настороженно озираясь, выбрался Киса, и, увидев Хока, чуть прихрамывая, посеменил к нему. Соломон бросился к колодцу, чтоб осторожно вытащить из-за него плачущего Ноэля. Но всё было кончено. Хок чувствовал, что Зло покинуло Иборн, и безмятежное мурлыканье прижавшегося к его груди Кисы лишь подтверждало это.

Утро застало их на холме недалеко от замка, где они похоронили Оливера. Ноэль стоял, грустно глядя на могилу, а Соломон, нежно обнимал его за плечи.

— Запомни этот день, мой мальчик, — проговорил он. — Три человека отдали за тебя свои жизни, и ты должен отплатить им тем, что станешь творить добро и так же защищать тех, кто нуждается в помощи.

— Зачем ему это? — спросил де Брассер. — Ваш воспитанник — барон, он станет владыкой этих земель и сможет получить то, что захочет, силой меча и золота.

— Лишь бы ему не пришлось платить за это своей душой, — ответил Хок.

Он стоял рядом, держа на руках Кису, который мирно дремал, мурлыкая во сне. Обернувшись, он увидел группу людей, направлявшихся к ним. Судя по их простой и чистой одежде это были селяне. Из оружия у них были только охотничьи ножи в кожаных ножнах на поясах, да и то только у мужчин. Они явно торопились, и временами поглядывали туда, где над башней донжона колыхался на ветру поднятый Соломоном штандарт с гербом Августусов.

Подойдя ближе, они скромно поклонились и заявили, что являются слугами из замка, рады возвращению маленького господина и готовы служить ему также верно, как служили его предкам. Они с таким участием смотрели на мальчика, что на его лице впервые за всё

время путешествия появилась слабая улыбка. Подняв голову, он посмотрел на своего воспитателя и тот кивнул.

— Вам пора вступать в свои права, господин барон.

— Но ведь ты не уйдёшь? — забеспокоился мальчик.

— Я буду с тобой до тех пор, пока я тебе нужен.

— Значит всегда... — удовлетворённо кивнул Ноэль.

Спустя ещё какое-то время они вернулись в замок. Мужчины из числа слуг занялись конями гостей и маленького барона, а женщины, поднявшись по каменной лестнице на крепостной стене, добрались до донжона и быстро прибрали в нижнем зале, достав из сундуков белые льняные скатерти. Остатков припасённых в дорогу продуктов оказалось достаточно для раннего завтрака, после чего женщины увели Ноэля в спальню, а Хок и де Брассер вместе с Соломоном спустились в подвал под башней. Им пришлось немного подождать в небольшом зальчике перед тяжёлой дверью сокровищницы, но вскоре оттуда появился Соломон с двумя увесистыми кожаными мешочками.

— Каждому по тысяче золотых, — пояснил он, отдавая кошель. — Так будет справедливо, ибо вклад ваш в это дело одинаково велик. Я прошу вас остаться ненадолго в Исборне и отдохнуть. Пока здесь неуютно, но слуги вскоре приведут всё в порядок и привезут продукты и вино из ближайшего городка.

— Благодарю, друг мой, — улыбнулся Хок, взвешивая на ладони кошель. — Но нам с Кисой пора трогаться в путь. Мы рады были помочь вам, и теперь, когда наша миссия выполнена, отправимся дальше.

— Я поеду с вами, — кивнул де Брассер. — На обратном пути я с радостью навещу вас, Соломон, а пока мне никак не сидится на месте. Да и жутковатые воспоминания об этом приключении быстрее выветрятся в пути.

— Мы с Ноэлем всегда будем рады вам, друзья, — улыбнулся книжник, не смея удерживать их.

И вскоре два всадника покинули маленький замок в долине меж лесов, и поехали по дороге на восток. Какое-то время они ехали, беспечно беседуя между собой. Киса мирно спал в своей корзине. В лесу по краям дороги весело свистели птицы, по зелёным кронам деревьев гулял свежий ветер. Ужасные приключения минувшей ночи казались Хоку страшным сном, который минул вслед за отступившей темнотой.

Через пару часов разговор их сам собой иссяк. Мерный шаг коней навевал дрему, и Хок подумал, что нужно бы остановиться на пару часов в какой-нибудь деревне, чтоб поспать. Но деревня на пути всё как-то не встречалась. Дорога слабо проглядывала в густой траве, должно быть пользовались ею не часто. За всё время пути им не встретился ни всадник, ни путник, словно они забрались в такую глушь, где и людей встретишь нечасто. А потом и сама дорога вдруг пропала, оборвавшись у кромки густого леса. Посоветовавшись с Адамом, Хок решил не искать её, а ехать прямо, в надежде рано или поздно наткнуться на селение или проторённый путь.

Какое-то время они ехали по лесу, Адам мирно дремал в седле и слегка отстал. Хок не сразу заметил это, а, заметив, хотел обернуться, но в этот миг что-то больно ударило его в спину. Пошатнувшись, он попытался удержаться в седле, однако, резкая боль под лопаткой лишила его сил, и он упал на землю. Он чувствовал в своём теле металлический болт, выпущенный из арбалета, и не мог понять, как это случилось. Он не знал, кто стрелял в него и зачем. Силы оставили его, и последним усилием он удерживал себя в сознании, глядя на

медленно уходящего дальше коня, к седлу которого была привязана котомка с аптечкой, а на крупе покачивалась корзина с Кисой.

Он упал ничком и подсунул руку под живот, пытаясь дотянуться до рукоятки кинжала. Он слышал, как вторая лошадь подошла к нему, и с неё, крихтя, слез де Брассер.

— Ничего личного, командор де Мариньи, — вроде как с сожалением произнёс тот. — Я бы не стал этого делать даже за тот увесистый кошель, что передал вам колдун, но я подчиняюсь приказу короля. Подчиняюсь с печалью, ибо вы мне даже нравитесь. Я хотел бы помериться с вами силами в честном поединке, но слишком стар и умён, чтоб понимать, что мне с вами не совладать. Вы бьётесь с демонами с той же лёгкостью, что я со смертными, а я уже немолод, к тому же моё плечо всё ещё ноет, и рука немеет. А потому мне пришлось прибегнуть к столь нечестному способу. Но оправданием мне может служить то, что я верный слуга короля, которого вы чем-то обидели, и он пожелал иметь у себя чашу из вашего черепа. Я поклялся ему, что привезу вашу голову, даже если мне придётся доставать вас из-под земли, а я привык держать слово. Потому могу лишь сказать вам на прощание, что вы истинный рыцарь, и я испытываю к вам глубокое уважение. И прошу вас простить мне этот грех. Но на войне и на королевской службе нет места сомнениям. А потому прощайте, командор.

Хок слышал, как Адам достал из ножен меч. Он даже почувствовал слабое прикосновение клинка к шее, словно тот примеривался, как ловчее ударить, чтоб отрубить голову с одного удара. Но поза жертвы показалась де Брассеру неудобной для этого, и он, нагнувшись, взял Хока за плечо и попытался перевернуть его на спину. Это ему не удалось, но теперь Хок, чуть приоткрыв глаза, увидел заляпанные грязью сапоги, и его рука, освобождённая от тяжести тела, легла на рукоятку кинжала. Однако он всё ещё не мог собраться с силами, чтоб вытащить его из ножен. А де Брассер, стоя над ним, занёс меч для удара. И тут послышался дикий визг. Киса, выбравшись из корзины, спрыгнул на землю, и, увидев, что его папе снова нужна помощь, с воинственным кличем боевых котов кинулся на врага. В несколько прыжков он преодолел расстояние до Адама и по плащу вскарабкался до его плеча, после чего вцепился своими длинными загнутыми когтями ему в голову и лицо. Адам, оторопев от неожиданности, издал истошный вопль, и, бросив меч, принялся обеими руками отрывать от себя воющего кота. Ему это удалось, и он бросил зверя в ближайшее дерево, после чего нагнулся за мечом и замер, встретив взгляд Хока.

Тот, собравшись с последними силами, рывком вытащил кинжал из ножен и с короткого замаха ударил лезвием сзади под колени Адаму, перерезав сухожилия. Тот, охнув, упал на траву, и тут же длинное тяжёлое лезвие даги вошло ему в шею поверх нагрудника. Адам умер сразу, хотя кровь ещё какое-то время толчками лилась из ужасной раны на его горле.

Хок отодвинулся от него, чувствуя, как немеют его руки и ноги. У него не было сил подняться. Острая боль под левой лопаткой не давала вздохнуть. Он повернул голову туда, куда де Брассер бросил Кису, и увидел в траве неподвижное серое тельце. Розоватые пластыри на ранах просвечивали сквозь всклокоченную шерсть, а на ушастой голове темнела свежая рана. Хок попытался подползти к нему, но силы окончательно оставили его и он потерял сознание.

Он очнулся от того, что неожиданно сделал глубокий вдох полной грудью и где-то слева в лёгком почувствовал острую боль, которая постепенно утихала, пока он старался дышать

медленно и осторожно. Было тихо, только где-то надоедливо жужжала муха, стучаясь о стекло, и едва доносился приглушённый голос леса: шёпот деревьев и радостный пересвист птиц. Он лежал на чём-то мягком и удобном, его голова была немного приподнята и покоилась на упругой подушке. Сквозь сомкнутые веки он видел неяркий свет, а потом ещё ощутил запах, приятный запах овощной похлёбки, сдобренной ароматными специями. Ощущения во всём его теле были такими спокойными и уютными, что ему снова захотелось уснуть, но потом любопытство взяло верх, и он приоткрыл глаза.

Первое, что он увидел, был деревянный потолок, покоящийся на грубо обработанных шестах, немного извилистых, ещё хранящих форму молодых деревцов, которыми они когда-то были. Потолок был низким, и он мог разглядеть клочковатый мох, торчащий из щелей между досками. Стены тоже были деревянные, из потемневших от времени брёвнышек с наколоченными на них досками, швы между которыми были промазаны красноватой глиной, смешанной всё с тем же мхом. Он лежал на низкой кровати, застеленной чистым бельём, слишком нежным и тонким для столь убогого жилища. Чуть повернув голову, он увидел добротно сколоченный стол и два стула, а дальше — пристроенный к стене каменный очаг, в котором весело горело пламя, а на металлической конфорке стоял, попухивая паром, смутно знакомый глиняный горшок, блестящий от яркой глазури, из которого торчала пластиковая ручка половника. На столе размещался синий термоконтейнер, а рядом были аккуратно расставлены и разложены какие-то пузырьки, коробочки с одноразовыми насадками для инъекторов и целый ворох разноцветных блистеров с таблетками. Чуть дальше красовалась белая швейная машинка с кустарно приделанным к ней колесом ручного привода. Рядом красивой стопкой лежали сложенные друг на друга отрезки ситца самых разных расцветок.

И, наконец, он увидел то, что ему стоило заметить раньше — возле окна с вставленной в него пластиковой рамой стоял третий стул, а на нём — плоская подушка в чистой наволочке с цветочками. На подушке мерно дышало что-то покрытое ярким стёганым одеяльцем, видимо, сшитым недавно из того самого ситца. Приглядевшись, Хок рассмотрел тёмное ухо, торчащее из аккуратного чепчика, надетого на голову Кисы и завязанного мягкими тесёмками под подбородком. Киса был жив, он дышал во сне ровно, и в этом дыхании слышалось мягким органом тихое мурлыканье. Какое-то время Хок лежал, глядя на своего кота с нежностью и умилением, радуясь тому, что с ним всё в порядке, и даже не думал при этом, что сам едва избежал смерти, оказавшись раненым в глубине дикого леса.

От приятного лицезрения спящего Кисы его отвлек звук открывающейся двери. Низкая дверца, собранная из толстых досок, имеющая висящую сбоку ручку-кольцо, которая использовалась, видимо и, как запор, поскольку такое же кольцо было рядом на стене, приоткрылась с тихим скрипом и на пороге появилась приземистая фигура женщины в цветастой ситцевой юбке и белой блузке с вышивкой. Её густые непослушные кудряшки ярко-рыжего цвета были украшены несколькими васильками. В руках она держала запотевший глиняный кувшин. Увидев Хока, она вздохнула с облегчением и тут же сердито нахмурилась. Поставив кувшин на стол, она подошла к очагу, помешала половником в горшке, а потом обернулась и упёрлась руками в бока.

— Что это вам вздумалось, старпом, получать стрелу в спину, да ещё вне доступности медицинского персонала и оборудования? — сурово спросила она.

— И я бесконечно рад вас видеть, Бетти, — признался он.

— А я не рада была обнаружить вас так далеко от звездолёта в подобном состоянии! —

заворчала она и принялась прибирать на столе, попросту стряхивая все лекарства в синий контейнер. — Я девушка не сублильная, но затаскивать на спину коня крепкого рослого мужчину всё-таки не женское дело. Не говоря уж о том, что я беспокоилась о том, как скажется подобный переезд перекинутым через седло на вашей ране. К счастью, вы здоровы, как бык! Я хорошо вас откормила, а те, кто заботился о вас последнее время, не успели испортить ваш организм неправильным питанием. Вы быстро пошли на поправку. Чего не скажешь о нашем бедном котике, — она решительно подошла к окну и, склонившись над Кисой, ласково погладила его по голове. — Он чуть не умер! — в её голосе послышалось возмущение. — Как можно так варварски обращаться с нежным животным? Он же маленький и хрупкий! Мне пришлось помучиться с его ранами, а потом ввести его в медикаментозный сон, чтоб он спокойно отдыхал и поправлялся.

Хок, слушая её, испытывал жгучий стыд и тревожно посматривал на мирно спящего Кису.

— Но он будет жить? — несчастным тоном спросил он, и Бетти, наконец, сжалилась над ним.

— Будет! — буркнула она. — Но больше я не позволю вам таскать его по лесам и болотам! Он судовой кот и должен жить на судне, то есть на звездолёте. Или рядом. Я буду кормить его творогом и поить сливками, тогда он быстро поправится и снова станет упитанным и весёлым. Кстати, вам бы тоже не мешало вернуться, старпом. Я вытащила из вас стрелу, обработала рану и делала все необходимые вливания и инъекции, дополняя всё это травяными примочками, бальзамами и заклинаниями, которым меня учила моя бабушка. Впрочем, её заклинания помогали от насморка куда хуже, чем аптечные капли! Короче, я не доктор МакЛарен и не вижу пациентов насквозь, а аппаратуры для внутренней диагностики у меня нет. Я не знаю, как проходит заживление, и нет ли серьёзных внутренних кровотечений. Вы меня понимаете?

— Да, — кивнул Хок, прислушиваясь к себе, но ничего, кроме ноющей боли там, куда попала стрела, не почувствовал. — Мне кажется, что всё в порядке. Я нормально дышу, не кашляю кровью и не страдаю от жара и сильных болей. Мне кажется, процесс заживления идёт нормально.

— Ну, ладно, — проговорила Бетти, всем своим видом показывая, что не верит ни одному его слову. — Как вас угораздило оказаться в лесу с прострелянной спиной в компании грязного старика в латах, которому кто-то перерезал горло?

— Боюсь, что этот кто-то — я сам, — покаянно вздохнул Хок. — Это он стрелял в меня из арбалета, хотя ещё недавно мы бок о бок вместе бились с демонами. Мне пришлось убить его, чтоб он не убил меня.

— И вам это нужно? — изумилась она. — Вам нужно бродить по такому омерзительному миру, вместо того, чтоб спокойно сидеть на звездолёте и ждать приказа об отлёте на Землю?

— Это сложно, Бетти, — пробормотал он, попытавшись подняться, но ему это не удалось.

— Я колола вам то же, что и Кисе, — сообщила она. — Вы спали двое суток, и действие снотворного ещё не прошло. Голова работает, тело — не очень. Вам придётся задержаться, пока вы не сможете встать на ноги.

— Я задержусь, — озабоченно согласился он. — На какое-то время. Ненадолго, а потом всё-таки пойду в Магдебург. Это далеко?

— За светлый день дойдёте, если не заблудитесь, — пожалала плечами она. — А пока давайте обедать. Я сварила ирландское рагу.

— И где вы взяли баранью лопатку? — поинтересовался он, благоразумно удержавшись от шуток по поводу самого блюда.

Она с удивлением взглянула на него.

— В холодильнике. На звездолёте они работают, хоть и не все. А вы думаете, я охочусь на баранов?

— На них не охотятся, их забивают, — пробормотал он.

— Оставьте эти кровавые подробности для местных живодёров! — воскликнула она, пригрозив ему половником. — Мясо синтетическое, сбалансированное по вкусу и составу, овощи с огорода, которым занимается Бомбадил. Специи с моей кухни. Есть будете?

— Да! — поспешно заявил он, предвкушая райское наслаждение, забытое им за долгие дни скитаний.

Через полчаса он сидел на кровати, удобно опираясь спиной об упругую подушку из пенного полимера, и ощущал в душе сдержанный восторг, а в теле приятную сытость. Бетти придвинула к нему стул с Кисой, и он, наконец, мог погладить своего бедного друга. Тот по-прежнему мурлыкал во сне, и на его мордочке была улыбка, словно ему снилось, что он всё ещё наивный котёнок, уснувший под боком у большой и тёплой мамы-кошки. Чепчик на его голове, как оказалось, придерживал повязку и был сшит из ситца с голубыми незабудками. Это делало его похожим на пушистого младенца, и Хоку очень хотелось взять его на руки. Но ни его слабые руки, ни категорический запрет Бетти передвигать кота, не позволяли сделать это.

— Я давно тут живу. Сушу травы, занимаюсь природной магией, — рассказывала тем временем Бетти, намывая посуду в пластиковом тазу. — Здесь хорошее место, чистое. Пару дней здесь, пару — в лагере возле звездолёта. Доить Флору и ухаживать за курами я ребят научила. Дело полезное, в жизни пригодится, а мне тоже иногда отдохнуть надо. Вот недавно я пришла сюда, напилась чаю с сонными травами и попросила послать мне вещий сон. Угадайте, что мне приснилось?

— Что меня подстрелили, и я истекаю кровью, — предположил Хок.

— Нет! Мне приснилось, что я выхожу из избушки, иду в лес, иду, иду, кругом кролики скачут, оленята, как в сказке о Бэмби, из чащи выходят, белочки на ветках танцуют, птички поют. Я иду, иду, и вдруг вижу: под деревом сидит Киса и протягивает мне лапки. Говорит: «Киса потерялся. Бетти заберёт Кису домой». И проснулась. Встала я, вышла из избушки и пошла. Никаких зверей не встретила, а Кису нашла под тем самым деревом. Ну, и вас в довесок. Такой вот сон.

— Какое счастье, что вы прислушиваетесь к вещим снам, — проговорил Хок.

— И вам тоже стоит кое к чему прислушаться, старпом. Вас чуть не убили. Вас спасло только чудо. И при этом оно привело вас к звездолёту, до которого отсюда пару часов пешком по лесу. Так, может, хватит бродить?

Хок вздохнул.

— Я только схожу в Магдебург и вернусь. Обещаю.

— Что было бы, если б я, встав, решила: схожу я за земляникой, сварю детишкам варенья, а потом проверю, что под тем деревом? Всё нужно делать вовремя, старпом. Впрочем, вам самому решать. Хотите идти — идите, только запомните, если в качестве предупреждения не помогают пинки, однажды на голову может упасть кирпич.

— Из ваших уст это звучит как-то слишком зловеще, — проворчал Хок.

И всё же следующим светлым утром он снова надел свой дорожный костюм, повесил на пояс кинжал и меч в ножнах, накинул на плечи плащ и, поцеловав на прощание спящего Кису, вышел из избушки. Его конь свободно пасся неподалёку и сразу подошёл, едва он снял с низкого заборчика седло.

— Берегите себя, старпом, — проговорила Бетти, провожая его, и протянула котомку. — Я заменила вам аптечку на новую и положила запас нормальной еды и фляжку с морсом из брусники.

— Спасибо, Бетти, — улыбнулся он и подумал, провожала ли его когда-нибудь в прошлой жизни в дорогу какая-нибудь женщина? Может, Бетти была первой за все эти долгие годы и века? — Я скоро вернусь. Только доеду до Магдебурга, посмотрю, как там дела у Дакосты и сразу приеду к звездолётам.

— Вы сами в это не очень верите, — усмехнулась она и направилась к своей избушке.

А Хок, с улыбкой посмотрев ей вслед, вскочил в седло и направил коня в чащу леса.

Встреча с ангелом произвела на юного атамана малолетних разбойников неизгладимое впечатление. Эдам и сам удивлялся, как мог вот так просто говорить с крылатой женщиной, да ещё и спорить с ней. Вспоминая тот вечерний разговор, он не мог избавиться от ощущения, что это было только сном, но его друзья тоже видели красавицу с золотистыми волосами и белыми крыльями, и слышали её низкий грудной голос. Они часто вспоминали о ней, но не обсуждали, просто вспомнив, замолкали, снова ощущая заботливый и нежный взгляд её необыкновенных глаз. Немногие из них помнили, что кто-то ещё смотрел на них с таким участием.

А Эдам в тот вечер принял решение впредь творить добро и не множить зло. Это было непросто, ведь он и его чумазые приятели жили за счёт воровства и грабежа. Но вскоре он понял, что грабить нужно не бедных, а богатых, хоть это куда сложнее и опаснее. И ещё нужно обязательно помогать тем, кто нуждается в помощи. Это оказалось для него настоящим откровением и привело к необычным результатам. Раньше им приходилось сторониться деревень и городков, потому что на них тут же устраивали облаву, но однажды Эдам наткнулся в лесу на перепуганного мальчика-пастуха, который ушёл в лес искать потерявшегося ягнёнка и заблудился. Эдам всего-то вывел его к деревне, но, как оказалось, мальчика уже искали, и их появление восприняли с радостью. С тех пор он и его друзья стали желанными гостями в этой небольшой уютной деревушке с маленькой харчевней, где им всегда готовы были накрыть стол под открытым небом и предоставить ночлег на сеновале, а они в уплату помогали по хозяйству. Люди оказались не такими злыми, как казалось раньше. И всего-то нужно было делать добро, чтоб получить в ответ благодарность.

В тот день Эдам привёл своих ребят в деревню, чтоб устроить пир. Накануне ему удалось стянуть с проезжающей по лесу повозки бочонок с вином, и он продал его на постоялом дворе, где часто сбывал плутоватому хозяину свою добычу. Вино оказалось ценным, и тот не поскупился, отсыпав мальчишкам целую горсть серебряных монет. Сначала он, конечно, пытался надуть их, предлагая медные гроши, но Эдам ещё не забыл какво на вкус хорошее вино, и сразу напомнил проныре, что тот будет продавать его по серебряной марке за кувшин, а потом пригрозил найти другого покупателя. И хозяину пришлось раскошелиться, впрочем, не без прибыли для себя. А для Эдама и его друзей это было целое состояние. Вот они и отправились отмечать богатый улов в деревню, где им всегда были рады.

Они сидели за грубо сколоченным столом на широких скамьях и радостно шурились на яркое голубое небо. Эдам потягивал из кружки хмельной эль, настоящий на вишнёвых листьях, а его друзья торопливо поглощали выставленное перед ними нехитрое угощение, всё же куда более вкусное и сытное чем то, чем им приходилось довольствоваться обычно.

Рядом на скамью присел хозяин харчевни с такой же кружкой и, как обычно, начал разговор издалека, постепенно приближаясь к просьбе помочь починить частокол вокруг общинного пастбища. Эдам, давно раскусивший эту наивную уловку, слушал его, с удовольствием вдыхая медвяный воздух расположенного напротив луга, где за покосившимся частоколом паслись пёстрые овцы.

Ничто не предвещало беды, пока где-то в чаще леса не послышался шум, и оттуда взметнулись чем-то потревоженные птицы. Хозяин харчевни нахмурился и привстал, глядя

на тёмную стаю, кружившую над лесом. Было ясно, что ни зверь, ни одинокий путник или даже всадник, не могли поднять её воздух.

— Что это может быть? — насторожился Эдам, глядя на лес.

— Боюсь и подумать, мастер Эдам, — проговорил селянин, вставая со скамьи. — Недавно пришли дурные вести. По дороге мимо луара идёт большое войско из Сен-Марко. Их фуражиры объезжают сёла и забирают всё, что могут унести.

— И никто не сопротивляется? — удивился юноша.

— Воинам-землянам? Жизнь дороже добра, даже нажитого непосильным трудом. А эти головорезы никого не жалеют, так что люди предпочитают прятаться от них в лесах. В прошлую войну, говорят, было не так. Король Арман из Сен-Марко запрещал обижать бедных людей и платил за хлеб и фураж более щедро, чем на рынке, но он умер и всё стало, как всегда. Пойду-ка я, предупрежу соседей, чтоб они были готовы уйти в лес.

И он торопливо побежал по узенькой улочке, крича через заборчики работавшим во дворах крестьянам, что в лесу кто-то есть, и этот кто-то спугнул птиц. Эдам хмуро посмотрел ему вслед, а потом перевёл взгляд на своих друзей. Те тревожно прислушивались к разговору, а теперь торопливо рассовывали остатки еды по грязным карманам, готовые к бегству, и осуждать их было бы неправильно. Что ждёт горстку беспризорников, попадись они в руки фуражирам Сен-Марко?

Вскоре вслед за птицами забеспокоились собаки, и это стало верным сигналом к бегству. Хозяева спускали псов с привязей, и подхватив кто мог какой скарб двинулись к лесу в противоположной стороне от того места, где кружили птицы. Мальчишки за столом замерли, как испуганные зверьки, готовые кинуться врассыпную.

И в этот миг из леса вылетели всадники и помчались к деревне. Их было больше десятка и, судя по их кожаным курткам и длинным развевающимся волосам, это были наёмники, а не рыцари. Впрочем, и от рыцарей не приходилось ждать ничего хорошего, а от наёмников, тем более, и потому последние задержавшиеся крестьяне, побросав свои дела, кинулись прочь, чтоб скрыться от незваных гостей в низком густом кустарнике. Мальчишек из-за стола, как ветром сдуло. Они как зайцы неслись к лесу, сверкая пятками. И всё же было ясно, что убежать успеют не все, и потому Эдам, выхватив свой меч, выбежал на дорогу, надеясь хоть немного задержать налётчиков.

В тот миг он даже не подумал, что его ждёт, а просто хотел дать шанс своим приятелям и принявшим его так тепло людям спастись от смерти. Он замер посреди дороги, сжимая в руках эфес своего фамильного меча, и всем видом показывая, что прямо здесь и сейчас готов принять бой не на жизнь, а на смерть.

Увидев на своём пути юношу с мечом, предводитель всадников придержал коня и остановился, с усмешкой, глядя на него. Спустя мгновение его уже окружили остальные. Некоторые из них не скрывали своей иронии, глядя на мальчишку, выступившего против отряда кавалеристов. Обернувшись, Эдам увидел, что последние крестьяне уже скрываются в лесу. Его друзья тоже убежали. Он задержал наёмников, но остался с ними один на один. И он снова обернулся к главарю, сжимая в руке меч.

— Посмотрите на этого отважного воина, господи, — с издевкой произнёс главарь, молодой черноволосый мужчина. — Разве его смелость не заслуживает восхищения?

— Или хорошей порки, — в тон ему ответил один из наёмников, и все засмеялись.

— Я полагаю, наш юный друг хочет сразиться с нами. Со всеми сразу или по очереди? — крикнул второй.

— Я хотел лишь задержать вас, чтоб дать возможность сбежать живущим здесь добрым людям, — процедил Эдам, обернувшись к нему, — но если желаете, я дам вам удовлетворение.

В ответ ему снова раздался дружный хохот.

— Не только смелость, но и благородство, — усмехнулся главарь, внимательно разглядывая юношу. — Что такой храбрый и великодушный господин делает здесь в глуши? Место ли здесь для юного рыцаря?

— Место для меня там, где я нахожусь, — отрезал Эдам, всё так же сжимая эфес побелевшими от напряжения пальцами.

— Что ж, отважные воины нам нужны, так, может, присоединитесь к нам? Мы служим королю Сен-Марко Ричарду.

— Я алкорский барон и не буду служить землянам! — крикнул Эдам.

— Барон? И где ж твой замок, твоя светлость? — спросил один из наёмников.

— У меня нет замка, — ответил Эдам.

— Где твои родители? — спросил главарь с сочувствием.

— Их убили.

Он переглянулся со своим спутником. Тот с сомнением смотрел на юношу.

— Думаешь, он говорит правду?

— Что он барон? Наверняка. У алкорцев внешние отличия аристократов от черни ещё заметнее, чем у нас. Мальчишка явно не простолюдин, да и меч у него не простой, — ответил главарь и спешился. — Моё имя барон де Сегюр. Назовите ваше, барон.

— Эдам, барон Аларед.

— Что ж, Эдам, когда-то и я был юным бароном без земли и родни, и знаю, что такое бродить по дорогам с фамильным мечом, не имея гроша за душой. Мне повезло, я получил свой шанс, когда был взят под покровительство благородным человеком. Я думаю, что ты тоже заслуживаешь такого шанса. Не хочешь служить землянам, у нас есть алкорец. Тебе ведь нужен оруженосец, Герлан?

Он обернулся и тут же вперёд выехал молодой человек со светлыми волосами и ясным взором синих глаз. Увидев его, Эдам опустил меч.

— Вы, правда, возьмёте меня оруженосцем? — с волнением спросил он.

— Если ты до поры забудешь, что ты барон, как в своё время забыл об этом Марк, — ответил тот.

— Ты согласен? — спросил де Сегюр.

Эдам задумался, потом обернулся назад, взглянув на опустевшую деревню.

— Я не поеду с вами, — упрямо проговорил он. — Я не хочу знаться с людьми, которые нападают на бедных людей.

— Разве мы на кого-то напали? — спросил де Сегюр. — Мы не наёмники и не фуражиры. Мы — рыцари, и наше дело — не грабёж, а разведка. Мы и не собирались нападать на селян, разве что расспросить их о том, нет ли где поблизости военных отрядов. И поверь мне, если б это было иначе, ты бы уже в лучшем случае висел вон на том дубе, а о худшем я и думать не хочу.

— Я не могу пойти с вами, — печально взглянул на него Эдам. — Я не один. Со мной мои друзья, они все сироты, и если я оставлю их, они пропадут.

— Если ты поручишься, что они не будут воровать и буяннить, я пристрою их в обоз. Они будут помогать возницам и ремесленникам, следующим с армией, а со временем и сами

смогут стать мастерами.

— Правда? Вы обещаете? — воскликнул юноша.

— Слово рыцаря. Беги, ищи их. Мы задержимся здесь и подождём вас. Скажи селянам, что они могут вернуться, ничего не опасаясь. Нам нужна еда и фураж, но мы щедро заплатим им за всё, что они нам дадут. Если сомневаются, то скажи им, что я действую так, как учил меня когда-то король Арман-Миротворец. Если среди них есть те, кто помнят прошлую войну, они поймут, о чём я.

— Да, ваша светлость, — кивнул Эдам, убирая меч в ножны. — Я быстро!

Всадники за его спиной расступились, и он побежал к лесу.

— Я так и знал, что ты возьмёшь его с собой, — усмехнулся Ламбер, спрыгивая с коня.

— Он достоин лучшей доли, чем быть убитым в пьяной потасовке или повешенным за грабёж, — проворчал Марк, направляясь к деревне.

За ним двинулись его друзья. Вскоре из леса появились крестьяне, только мужчины. Они шли с опаской, а впереди шествовал старик, видимо, староста. Переговоры не заняли много времени и вскоре на стол возле дверей деревянной таверны начали выставлять глиняные миски с едой и кувшины с элем. Потом появился Эдам со своими пристыженными из-за бегства друзьями. Марк поманил его к себе.

— По случаю нашего знакомства и в преддверии того, что тебе придётся на время отказаться от твоего высокого статуса, мы приглашаем тебя за наш стол. Это первый и последний раз, пока ты сам не станешь рыцарем.

— Благодарю, ваша светлость, — кивнул Эдам и сел рядом с Герланом.

Напротив Марка усадили старосту, и пока рыцари ели, он ответил на все их вопросы. Марк был вполне удовлетворён его рассказом. Немного отдохнув, рыцари расплатились с крестьянами за еду и овёс для лошадей и сели в сёдла. Герлан посадил своего нового оруженосца себе за спину. Остальные мальчишки тоже разместились на крупах коней, и вскоре отряд снова помчался сквозь лес к дороге, по которой медленно двигалось войско короля Ричарда.

Эдам ехал верхом рядом с Герланом. Конь для него нашёлся в обозе, и хоть был похож на обычного битюга, шёл бойко, не уступая высоким благородным коням рыцарей. Юноша посматривал на своего нового покровителя и изредка бросал взгляды на других оруженосцев, следовавших в составе отряда. Все они были хорошо одеты и ладно сидели в седле.

— Не беспокойся, Эдам, — услышал он голос Герлана. — Скоро ты привыкнешь. Все эти молодые люди стали оруженосцами совсем недавно, перед самым выступлением армии в поход, но уже вполне освоились со своей службой и сдружились. Я уверен, что они помогут тебе привыкнуть, и научат всему, что ты должен освоить.

— В чём будет заключаться моя служба?..

— Сударь. Ты должен обращаться ко мне «сударь» или «мой лорд», если тебе милее алкорские обычаи, я к тебе — по имени. Твои обязанности разнообразны: ты должен следить за моим оружием и доспехами, ухаживать за конями, помогать мне облачаться в доспехи и быть моим личным слугой. Я буду обучать тебя, постепенно готовить к рыцарству, научу тебя владеть оружием, помогу освоить благородные манеры и этикет при дворе. Однако ты должен помнить, что главное, чему тебе сейчас следует научиться — это смирение. Твоя жизнь будет нелегка, тебе придётся спать на подстилке у полога шатра, следовать за мной, не требуя внимания, и выполнять все мои приказы. Кроме того, ты

должен хранить преданность мне, отряду и королю.

— Я понимаю, сударь, — кивнул Эдам. — Я не боюсь лишений. Я привык довольствоваться малым и спать на земле, голодать по несколько дней и хранить верность. Вы не пожалеете, что приняли меня под своё покровительство.

— Надеюсь, — произнёс Герлан. — Все мы прошли через это, и наш командир, и остальные рыцари. Большинство из нас либо сироты, либо младшие сыновья, и нам пришлось потрудиться, чтоб добыть свои золотые шпоры.

— А кто был тот благородный человек, который взял под своё покровительство барона де Сегюра? — полюбопытствовал юноша.

— Король Арман-Миротворец.

— Барон знал великого короля? — изумился Эдам.

— Он был его пажом, оруженосцем, а потом приближённым рыцарем. Он был его другом. Ты встретишь тут многих благородных рыцарей, которые были его друзьями. Многие из них теперь вместе с королём Ричардом ведут наше войско к победе.

— А куда мы идём?

Герлан покосился на него.

— Скоро узнаешь, а пока не задавай лишних вопросов, смотри, слушай и учись.

— Да, сударь, — покорно склонил голову юноша.

Эдам посмотрел вперёд, где на красивом чёрном коне ехал барон де Сегюр. Он держался в седле прямо и в тоже время расслаблено, и юноша не мог оторвать взгляда от его широкой спины, обтянутой чёрной кожей куртки, на которую падали блестящие тёмные локоны. Ему казалось, что если существует бог войны, то именно так он и должен выглядеть, ловким, сильным и изысканным, а вовсе не той горой мускулов, какой его представляют.

— Я Шарль, — раздался рядом молодой голос, и Эдам заметил, что его битюжок поотстал и оказался между двумя оруженосцами. — Я оруженосец барона.

— А я Сезар, мой господин — кавалер Ла Моль, — услышал он с другой стороны.

— Я Эдам, — представился он, настороженно посмотрев на них.

— Мы знаем, — кивнул Шарль. — Ты должен был появиться. Только у сэра Герлана не было оруженосца. Он присоединился к отряду недавно, сбежал от алкорцев из луара.

— Я тоже алкорец, — сообщил Эдам.

— Это сразу видно, — усмехнулся Сезар. — К тому же говорят, что ты барон.

— Барон, — неожиданно смутился Эдам, покосившись на него.

— Это нормально. Алкорцы, земляне, бароны, рыцари, простолюдины. Служба королю Сен-Марко равняет всех. Здесь ценят преданность и доблесть. И не любят тех, кто зазнаётся.

— Я и не собирался зазнаваться!

— Ну и отлично, — успокоил его Шарль. — На самом деле тебе повезло, друг мой. Ты попал в отряд моего господина, а значит, о тебе будут заботиться. Мы не просто слуги рыцарей, мы их ученики. Нас не балуют и готовят к суровой жизни, но при этом наши рыцари относятся к нам терпеливо и никогда не унижают. Они видят в нас тех, кто однажды наденет золотые шпоры и встанет рядом с ними в единый строй. Не все благородные рыцари так относятся к своим оруженосцам. Нам приходится чистить господские сапоги, но мы знаем, что этот сапог никогда не ударит нам по рёбрам. И мы держимся друг друга. Так легче в походе.

— Он это к тому, Эдам, — снова заговорил Сезар, — что на ближайшем привале, после того, как мы сделаем для наших господ всё, что нужно, тебе стоит познакомиться с

остальными оруженосцами.

— Я буду рад, — ответил Эдам. — И я надеюсь, что на первых порах вы будете подсказывать мне, что я должен делать, чтоб мой покровитель не разочаровался во мне.

— Герлан? — усмехнулся Шарль. — Он деликатен, как дама! Настоящий алкорец! Я не слышал, чтоб он хоть раз повысил на кого-то голос. Тебе повезло с господином.

— Тебе тоже! — воскликнул Эдам. — Мне кажется, что барон де Сегюр — благороднейший рыцарь и к тому же отважный воин.

— Это точно, — с гордостью кивнул Шарль. — Его светлость — выдающийся человек. Он — один из молодых баронов короля Армана, тех, кто теперь составляет ядро нашего войска. К тому же он по-отечески добр ко мне.

— Ко всем, — добавил Сезар. — К своим рыцарям и их оруженосцам. Мы все вполне можем рассчитывать на его покровительство и защиту, конечно, если не будем лениться и отлынивать от работы и учёбы.

— Я уж точно не стану! — воскликнул Эдам, отыскав впереди широкую спину командира.

Наконец долгий и изматывающий переход армии Сен-Марко через континент был завершён. Последнюю часть пути бесконечной походной колонне пришлось проделать, двигаясь через густой тёмный лес, подступающий к самому предгорью восточных скал. Места здесь были дикие и дремучие, и обоз несколько раз подвергался налётам разбойников, которые стремительно выбегали из леса, нападали на слуг и возниц, хватали с телег, что попадёт под руку, и так же стремительно скрывались в лесной чаще. Попытки преследовать их не увенчались успехом, поскольку они слишком хорошо знали местность, и либо скрывались от преследователей, либо снова нападали на них, убивая кавалеристов и забирая оружие и лошадей. В конце концов, было принято решение усилить охрану обоза, и теперь отряды держались рядом со своими телегами, готовые дать отпор грабителям.

Кроме того, через какое-то время пришлось отказаться от патрулирования вдоль дороги небольшими группами всадников. То, что за армией велось постоянное наблюдение из леса, уже не было ни для кого секретом, но несколько попыток захватить этих наблюдателей закончились для подчинённых капитана Риккардо плачевно. Их находили мёртвыми в нескольких милях от дороги, причём на шеях павших лошадей ясно виднелись следы клыков крупных лесных кошек. Из этого был сделан вывод, что армия находится под присмотром тёмных эльфов, и уничтожение разъездов — это лишь предупреждение о том, что не стоит углубляться в леса, которые они считают своими. На сей раз король Ричард сам проявил благоразумие и, сдержав свою ярость и смилив гордость, принял решение оставить этот явно недружественный жест таинственного народа без ответа.

Деревни вдоль пути следования армии были по обыкновению пусты, всё добро из них было предусмотрительно унесено жителями далеко в лес. Запасы провианта приходилось пополнять, закупая его в городах и у местных землевладельцев, причём многие из них считали себя подданными альдора, на сделку шли неохотно, запрашивали высокую цену за свой товар, а до окончания перемирия проявлять к ним жёсткость было неуместно.

И, наконец, этот тяжёлый и опасный участок пути остался позади. Армия понемногу стекла через первый низкий перевал в поросших лесом горах в уютную зелёную долину, по которой протекала чистая студёная река, несущая на равнину воды далёких гроз и заоблачных ледников.

Обследовав местность, разведчики установили, что она не населена никем, кроме пастухов, ютившихся в покосившихся лачугах на склонах гор. Лачуги были пусты, пастухи угнали свои стада в горы, и потому войско могло спокойно обосноваться в широкой ложбине в окружении плоских зелёных склонов, украшенных живописными купами деревьев и маленькими водопадами. Для уставших лошадей здесь было раздолье и их тут же выпустили на пастбища с густой сочной травой. Вокруг раскинули шатры и обустроили лагерь в ожидании новых приказов. Теперь уже ни у кого не было сомнений в том, куда направляется армия.

Эта новость мгновенно облетела весь лагерь и не вызвала у рыцарей и пехотинцев никакого энтузиазма. Напротив, многие были озадачены и даже встревожены, потому что с детства слышали о непроходимых восточных горах и магической защите спрятанного в их глубинах Алмазного Сердца. И к этим страшным сказкам добавлялись многократно пересказываемые легенды о нынешнем обитателе Грозной горы Повелителе Теней.

Легенды эти обрастали всё новыми ужасными подробностями, подавляя какое-либо желание идти дальше. Только самые молодые и самые честолюбивые испытывали нетерпение, чувствуя в грядущем испытании новый вызов и возможность заслужить славу.

Гвардейцы в этот раз поставили свои палатки недалеко от королевского шатра, но чуть в стороне, под сенью небольшой рощицы красивых хвойных деревьев, распространяющих вокруг себя смолистый аромат, вызывавший приятные воспоминания о доме.

Выставив усиленный караул у входа в королевский шатёр, Карнач вернулся в расположение своего отряда и застал своих друзей стоящими на пригорке и задумчиво созерцающими открывающуюся перед ними панораму скал, вздымающихся за зелёными низкими вершинами предгорья. Сам он, до этого момента занятый повседневными заботами командира, пожалуй, впервые взглянул туда и был поражён странным пейзажем. Множество острых пиков вонзались в небеса, выступая один за другим. Цвет их был серо-пепельным, с лёгким оттенком голубизны, возможно, отражаемой от неба. И если приютившую их долину можно было счесть маленьким кусочком Земли, то таких скал на Земле точно не было. Он вообще ни разу не видел такие на обитаемых планетах, только на тёмных, лишённых атмосферы и измученных перепадами температур от сверхнизких до сверхвысоких, столь губительных даже для самой прочной кристаллической породы.

— И вот туда мы пойдём? — мрачно поинтересовался Иван Валуев, оторвав от глаз окуляры небольшого походного бинокля. — С армией, обозами и осадными машинами? Серьёзно?

— Высота этих скал до двух тысяч метров... — начал Игнат, но Валуев его перебил:

— Трёх! Поправка на оптические искажения, обычные в горных условиях. По сути, эти скалы считаются высокими, туда можно идти только небольшими группами специально подготовленных бойцов со специальным снаряжением.

— Нам же не нужно карабкаться на эти скалы, — проворчал Карнач. — Пройдём по дороге, указанной на карте. Ожидать массивов сопротивления не приходится.

— Всё равно нереально, — покачал головой Иван. — Это горные дороги, перевалы с разреженным воздухом, опасность камнепадов и горные реки. Ты видел ту, что протекает здесь? Её уже проблематично перейти вброд, такая она холодная и быстрая. Представляешь, как эта речка выглядит в горах?

— Что предлагаешь? — обернулся к нему Игнат.

— Ничего. Я просто говорю, что мы угробим там половину армии.

— Зато Бена повидаем, — усмехнулся Рагнар, забирая у Валуева бинокль.

— Я вообще-то по Бену не соскучился, — заметил тот

— В чём-то Иван прав, — проговорил Фарид, мечтательно глядя на скалы. — Вот я полжизни провёл в горах, но пройти там без специального снаряжения и опытного проводника не решусь. И не решусь именно потому, что хорошо знаю горы. А все наши командиры, да и большая часть рыцарей и солдат горы только на картинках видели, а потому просто не представляют себе всех сложностей такого пути. И если они пойдут вот так в лоб, то очень скоро застрянут и начнут терять людей и лошадей.

— Ты хочешь, чтоб я с этим сходил к королю? — раздражённо спросил Карнач, обернувшись к нему.

— Я хочу, чтоб ты поговорил с Делвин-Элидиром, — рассудительно проговорил Фарид. — Он умный парень и найдёт способ предостеречь короля или хотя бы своего тестя, который, кстати, главнокомандующий.

Карнач мрачно смотрел на него, но в душе был согласен. Ему итак нелегко было смотреть на то, как тяжело даётся многим неподготовленным к дальним переходам пехотинцам этот бесконечный марш, жаль было павших лошадей, заболевших и оставших солдат, о которых никто и не думал заботиться. По его мнению, поход вообще был подготовлен из рук вон плохо, ни надлежащей медицинской помощи, ни нормального обеспечения провиантом и фуражом, ни соблюдения элементарной гигиены. Похоже, король и его военачальники уповали на то, что армия у них большая, и даже если какая-то часть в пути будет потеряна, большая всё равно дойдёт до конца. Только вот горы, даже обычные средние и высокие горы на Земле, слишком часто становились ловушкой для неподготовленных армий, и поглощали их так же безжалостно и безвозвратно, как пустыни, малярийные джунгли и волны океанов.

Проворчав что-то, он направился искать шатёр Делвин-Элидира и вскоре нашёл его недалеко от королевского. Как обычно вокруг был идеальный порядок, а снующие вокруг соседних палаток рыцари и пехотинцы выглядели хоть и уставшими, но вполне бодрыми и здоровыми. Карнач знал, что вложив немалые силы и средства в подготовку своего небольшого воинства, молодой барон старался беречь его и потому обеспечил на марше всем необходимым, от качественного питания до своевременного лечения, для чего вёз с собой лекаря-травника с двумя подручными. Даже кони у него были особые, сильные и крупные, и в походе за ними приглядывал суровый бородатый кузнец, который знал о лошадях всё, и даже немного больше.

Войдя в шатёр, Александр вздохнул с некоторым облегчением. Всё-таки даже при близком знакомстве Делвин-Элидир оставался для него высокопоставленным царедворцем, а потому соблюдал некоторую дистанцию, и обсуждать с ним дела, касавшиеся его положения при короле, считалось неуместным. Другое дело Марк, который за эти долгие дни и ночи стал для гвардейцев своим человеком, и теперь сидел на невысоком складном стуле возле походного стола, что-то вполголоса обсуждая с Делвин-Элидиром.

У входа в шатёр его никто не остановил и, когда они внезапно замолчали, увидев его на пороге, он понял, что допустил оплошность. Он заметил, как сурово сдвинул брови Делвин-Элидир, но Марк мгновенно поднялся и с улыбкой шагнул ему навстречу.

— Хорошо, что ты пришёл, Александр, — проговорил он. — Я хотел зайти к тебе позже, чтоб кое-что обсудить, но теперь мы можем обсудить это прямо сейчас, — и он обернулся к другу.

Тот выглядел немного недовольным, но спорить не стал и, запустив руку в красивый сундучок, стоявший возле стола, вытащил оттуда третий чеканный кубок и указал гостю на стоявшую рядом лавку.

— Я прошу прощения, что вторгся без доклада... — начал Карнач, присаживаясь, но Марк махнул рукой.

— Церемонии оставим до возвращения в Сен-Марко. Сейчас мы на другом конце света и, похоже, на краю бездны, а потому мне нужно знать твоё мнение знатока.

Он подхватил со стола кувшин и, налив Карначу вина, присел рядом на свой стульчик.

— Знатока в чём?

— Вы видели эти скалы, капитан? — хмуро спросил Делвин-Элидир. — Поверьте мне, я никогда не питал особых иллюзий об их проходимости, но их вид превзошёл все мои самые тревожные ожидания. Барон де Сансер тоже весьма озабочен. Он исследовал многие письменные источники о восточных скалах, но одно — читать записки путешественников, и

совсем другое — идти туда самому и вести армию.

— А ты говорил, что вы занимались скалолазанием, значит, в горах бывали, — подхватил Марк. — Твоё мнение: можно там пройти?

— Я вижу только вершины скал, — осторожно проговорил Карнач, — но нам и не нужно карабкаться на них. Нас интересует то, что внизу...

— Короче, нужна разведка, — Марк со значением посмотрел на своего друга.

— Нужно посмотреть, какие там дороги, если они есть, — продолжил Карнач, — нужно знать, на какой высоте будет проходить путь, есть ли на пути каньоны, горные реки, пропасти...

— А что, ты думаешь, их там может не быть? — с усмешкой поинтересовался Марк.

— Они там есть, — сдался Карнач. — Если честно, там нечего делать с осадными машинами и обозом. Мы с ребятами проходили горную подготовку в условиях средних и высоких гор. И мой опыт подсказывает мне, что там можно пройти небольшим отрядом верхом, груз везти на вьючных животных.

— То есть кавалеристы пройдут? — спросил Айолин.

— Ваши — нет, — решил быть до конца честным Карнач. — Я ж говорю, нужны специально подготовленные люди и животные, которые хорошо переносят высокогорные условия и умеют ходить по горам.

Бароны молча переглянулись, и если на лице Делвин-Элидира застыла мрачное выражение, то на губах де Сегюра появилось что-то похожее на ехидную усмешку.

— К королю с этим идти нельзя, малыш Айолин. Он повесит на дереве за такое предостережение, хотя, я полагаю, что то, что говорит Александр, — правда. Вспомни рассказы Беренгара о северных горах. Они для равнинного войска тоже трудно проходимы, а ведь они ниже и более пологие. Всадники Беренгара всегда крепче нас держались в сёдлах, а их кони с длинными ногами и короткой спиной прыгали, как зайцы, цепляясь маленькими копытами за любой выступ.

Айолин задумался, рассматривая свой опустевший кубок.

— Повернуть назад мы не можем, — вздохнул он, — хотя я бы это сделал прямо сейчас. Король хочет заполучить Алмазное Сердце и ради этого готов положить хоть всю армию. Значит, идти нам придётся. Единственное что мы можем сделать на этом этапе, это воспользоваться твоим советом и провести разведку. Кто-то должен пройти впереди войска и проверить весь путь до Грозовой горы, убедиться, что все ориентиры на месте, и сообщить обо всех препятствиях, которые нам там встретятся.

— Я могу пойти... — начал Карнач, но Марк покачал головой.

— Это дело разведки, а не гвардии короля.

— Причём обычной разведки, — кивнул Айолин. — Вперёд пошлют разъезд кавалеристов капитана Риккардо. Трудно будет убедить короля не соваться в горы сломя голову, а подождать, пока вернутся разведчики. Он увидел на горизонте скалы и думает, что Грозовая гора уже перед ним. Препятствия его не пугают...

— Может, потому, что он ничего о них не знает, — пожал плечами Марк.

— Я пойду к де Сансеру, — поднялся Айолин. — Подождите меня здесь. Я скоро вернусь и скажу, к чему мы пришли.

Он вышел из шатра, а Марк обернулся к Карначу и, взяв кубки, отодвинул их подальше.

— А теперь расскажи мне, дорогой друг, чем война в горах отличается от обычной.

Айолин вернулся больше, чем через час, и к тому времени настрой у де Сегюра стал ещё

менее оптимистичным. Он сидел, откинувшись на низкую спинку стула, и рассматривал чеканный узор на кубке, который вертел в руке. Александр кратко пересказал ему содержание теоретического курса горной десантной подготовки, опуская в рассказе то, что было связано с применением современной техники и специального снаряжения. И даже в этом контексте картина предстоящего перехода через горы выглядела довольно безрадостной.

— Ладно, — наконец, пробормотал Марк, взглянув на вошедшего Делвин-Элидира. — На Грозовой горе обитает этот чёртов колдун, и у него в услужении есть люди, которые как-то туда добрались. Неподалёку от горы стоит цитадель Девы Лардес, в которой есть гарнизон рыцарей луара, и они тоже как-то добираются туда с равнины. Где прошёл один, пройдут и другие. Только нужно всё хорошо разведать и продумать.

— Нам с трудом удалось уломать короля повременить с выступлением, — сообщил Делвин-Элидир, устало опускаясь на свою скамью. — Он готов был выступить следующим утром, и де Бове собирался его в этом поддержать. К счастью, всегда осторожный Вайолет вмешался, и убедил их в целесообразности длительного привала, сославшись на усталость войска и необходимость подтянуть отставшие обозы. Ричард согласился выслать вперёд конную разведку. Я предлагал отправить туда тебя, — он взглянул на Марка, — подумав, что капитан Карнач может составить вам компанию, но король и слушать об этом не захотел. По его мнению, достаточно будет нескольких всадников Риккардо. Они уже выехали.

— Зря их отправили, на ночь глядя, — пробормотал Карнач. — Ночью в горах дорогу не разглядеть.

— Подождём, — сумрачно взглянув на него, проговорил Марк.

Привал в предгорье неожиданно начал затягиваться. Следующий день прошёл спокойно, если не считать того, что на посты со стороны леса было совершено нападение, которое удалось отбить с помощью стоявших рядом лагерем наёмников. Самым странным было то, что поймав несколько разбойников, солдаты обнаружили, что это грязные, одетые в лохмотья и вооружённые до зубов женщины. Они с ненавистью смотрели на мужчин, при первой же возможности кидались на них, пытаясь вцепиться в противника зубами и выцарапать глаза, и называли себя лесными сёстрами. Поняв, что держать их в плену опасно и бесполезно, их повесили на деревьях вокруг лагеря для устрашения прочих. Больше на лагерь никто не нападал, а к концу светлого дня войско облетела радостная весть: из Магдебурга прибыл граф Блуа, предусмотрительно закупивший там продовольствие и нанявший для охраны своего обоза маленькую армию. Пребывавший в мрачном настроении король воспрянул духом и тут же обласкал графа, подарив ему свой золотой браслет и подняв в честь него чашу за ужином. Однако эта радость была омрачена тем, что никаких вестей от разведчиков, отправленных в горы, не было.

К тому же ночью караульные на краю лагеря возле дороги заметили на одной из скал яркий огонь. Туда тут же направили разведчиков. С огромным трудом они вскарабкались на плоскую вершину по горной тропе, некоторые особо крутые участки которой были снабжены выдолбленными в твёрдой породе ступенями. На вершине они увидели большой костёр, разожженный из целого штабеля хорошо просушенных и аккуратно уложенных брёвен. Тут же в стороне стояла хижина, в которой, видимо, постоянно жили люди, потому что здесь было три койки с тёплыми одеялами, запас еды и воды, а также очаг и посуда для приготовления пищи. По ветоши, точилам и пузырьку с минеральным маслом разведчики

определили, что здесь жили воины, которые тщательно следили за состоянием своего оружия. Лежавшие в стороне заготовки и перья говорили о том, что на досуге они занимались изготовлением длинных тяжёлых стрел.

Теперь этот домик был пуст. Запалив костёр, жившие там воины ушли, прихватив своё оружие и готовые стрелы. Эта находка сильно встревожила де Сансера, потому что стало ясно, что цитадель Девы Лардес предупреждена о подходе армии, и уже готовится к отражению нападения. Этот вывод, а также то, что отправленные в горы шесть разведчиков не вернулись и не дали о себе знать и на следующий светлый день, привели к тому, что даже граф де Бове встревожился и уговорил короля отправить следом ещё один разведывательный отряд. На сей раз в разведку отправили два десятка всадников, вооружённых не только мечами, но и арбалетами, но и они пропали в горах.

В лагере снова поползли слухи о таинственных опасностях, грозящих армии на горных дорогах. Ещё один светлый день прошёл в томительном ожидании, после чего король распорядился отправить на разведку отряд самых лучших и проверенных разведчиков-кавалеристов, который на сей раз возглавил сам капитан Риккардо. Они выехали утром светлого дня, и уже к его вечеру вернулся посланный капитаном всадник, сообщивший, что они нашли тела тех, кто ушли первыми. Они погибли в узкой ложбине между скалами от стрел, выпущенных сверху, должно быть, попали в засаду. Это было первое и последнее сообщение, полученное от тех, кто ушёл в горы.

Сам король расспрашивал вернувшегося кавалериста о дороге в горах, но ничего утешительного не услышал. Разведчик сказал, что каменистая дорога сразу же поднимается вверх по склону, а потом петляет среди скал. Местами она засыпана камнями до такой степени, что идти приходится по узкому краю или по осыпи осколков. Местами дорога и вовсе пропадает, и тогда остаётся только пробираться по камням через острые гребни скал, подняться на которые иногда бывает трудно, потому что мелкое крошево осыпается под копытами коней и они съезжают назад. К тому же из-за этого нужно отклоняться в сторону в поисках подъёма, а потом снова искать дорогу.

Выслушав его с мрачным видом, король созвал военный совет, чтоб обсудить полученные сведения. Было ясно, что пройти всей армией через горы будет сложно, к тому же там орудуют некие силы, которые уже уничтожили один отряд, а, возможно, та же участь постигла и два других. Он намеревался на сей раз отправить в горы сотню хорошо вооружённых рыцарей, способных устоять при нападении и, пусть понесёт некоторые потери, продолжить свой путь. Однако барон Делвин-Элидир снова повторил своё предложение направить туда отряд барона де Сегюра, усилив его гвардейцами, имеющими опыт действий в горах. На сей раз его поддержали барон де Сансер и граф де Бове.

— Я думаю, ваше величество, — заявил граф, — что в данном случае значение имеет не количество отправляемых туда воинов, а качество их подготовки. Барон де Сегюр — опытный разведчик, а капитан Карнач обладает необходимыми знаниями. Они смогут пройти по горам и представят нам столь необходимые сведения о дороге.

На сей раз король не стал спорить и, взглянув на барона де Сегюра, кивнул.

— Вы бывалый солдат, барон, — произнёс он. — Вы знаете, что нужно армии, чтоб пройти к цели, потому я прошу вас детально описать весь путь, которым нам предстоит пройти. Возьмите карту, доставленную нам из луара, но по ходу движения составляйте свою, поскольку ранее указанные сведения за прошедшие века могли устареть. В начале каждого светлого дня отправляйте назад человека, который будет доставлять ваше донесение и

составленную вами карту пройденного участка пути.

Похоже, и он начал, наконец, понимать всю серьёзность стоящей перед его войском задачи. Барон де Сегюр тоже это понимал и, получив от де Сансера копию карты и списка ориентиров, отправился готовиться к выступлению, назначенному на ближайшее светлое утро. Перед этим он зашёл к Делвин-Элидиру и некоторое время говорил с ним без свидетелей, а после — к гвардейцам, передав им приказ отправиться в горы вместе с ним.

На подготовку у гвардейцев было достаточно времени, потому что шёл второй тёмный день. Они проверили имеющееся у них снаряжение, уложили в вещевые мешки запас еды и фляги с водой на несколько дней, а также оружие, принесённые со звездолёта нелетальные боеприпасы и аптечки. Отдельно были приготовлены мешки с овсом для лошадей, поскольку неизвестно, есть ли в горах пастбища, где они могли бы кормиться.

— Доспехи надевать? — спросил Валуев, сумрачно взглянув на командира.

— Учитывая, что шестеро уже застрелены из луков, то да, — кивнул Карнач, с сомнением рассматривая горный арбалет, а потом всё же сунул его в мешок.

— Нам бы ещё горные подковы для лошадей, — пробормотал Фарид, увязывая моток прочной тонкой верёвки со складным абордажным крюком на конце.

— А мне бы спутник над головой и связь с ним, — проворчал Игнат.

— Ты ещё о дронах вспомни, — усмехнулся Булатов.

— Не сыпь соль на раны, — фыркнул Рагнар, а потом обернулся к Карначу. — Насчёт горных подков — мысль дельная.

— А ты помнишь, как они выглядят? — спросил тот. — Не те тапки, что в горах на копыта надевают, — у нас их нет, — а те, что раньше ковали? Нет? И я не помню. Между нашими знаниями и здешними возможностями такая пропасть, что заполнить её можно только с помощью широкого кругозора, но горные подковы в сферу моих интересов никогда не входили.

— На копытах итак есть выступы, — заметил Булатов. — Этого хватит. Если их увеличить, кони не смогут нормально передвигаться на большие расстояния. А нам идти и идти.

— Тут по прямой километров тридцать, — заметил Игнат и грустно улыбнулся. — Чому я не сокіл, чому не літаю?

— И я про то же, — усмехнулся Карнач. — Ладно, парни, нам не впервой. Для нас, если б не лучники в горах, это была бы увеселительная прогулка. Нам главное местных в целостности и сохранности туда и обратно довести. В любом случае ползать на отвесные скалы не придётся, потому как мы должны пройти там, где за нами сможет пройти какая-то часть войска. Мы должны найти дорогу, нанести её на карту и вернуться.

— Всего-то, — пробормотал Игнат и затянул тесьму на своём вещмешке. — Это же не отпуск в Гималаях в окружении голодных людоедов.

— Это он к тому, что лучников никто не отменял, — подал голос Фарид.

— Лучники — это не горные стрелки с лучемётами, — обернулся к нему Валуев. — Если встретятся, мы их отменим враз. Главное, по сторонам смотреть и проверять возможные укрытия на предмет засады. Нас же учили.

— Это вас учили, — усмехнулся Рагнар. — А нас учили чинить ядерные реакторы с помощью солнечных очков и жевательной резинки.

— Как это? — заинтересовался Стэн Стаховски.

— Потом расскажу, — рассмеялся тот.

На следующий день, едва небо над горами начало светлеть, возле их палатки появился барон де Сегюр. На сей раз он был в железном панцире, прикрывающем грудь и спину, надетом на прочную кольчугу, рукавами уходящую под украшенные тонким узором наручи. Он был серьёзен и даже суров, что Карнач объяснил для себя тем, что на сей раз Марк, привыкший всегда держать ситуацию под контролем, не знает, что его ждёт, и не уверен в том, что готов к грядущим испытаниям. Представив себе то, что он чувствует, Карнач снова невольно посмотрел на странные, вырисовывающиеся на фоне блёклого неба острые пики скал. Даже ему, не раз бывавшему в горах, они казались неприступными, а что должен был чувствовать человек, всю жизнь проживший на равнине и увидевший горы впервые?

Его рыцари тоже были в доспехах и вяло отлаивались от несколько навязчивой заботы оруженосцев, встревоженных тем, что их хозяева отправляются в опасный поход, да ещё и не берут их с собой. Наконец, все лошади были осёдланы, вещевые мешки приторочены к сёдлам, и рыцари устроились на спинах своих скакунов, отдохнувших за несколько дней на горных лугах.

До гор они добрались вскачь и, поднявшись на первый перевал между двумя скалами, на одной из которых не так давно полыхал сигнальный огонь, углубились в горы. Дорога представляла собой широкую тропу, присыпанную мелким гравием, произвольно петляющую между выступающими отрогами скал и большими валунами. Было видно, что никто её не строил и за ней не присматривал, просто иногда здесь проходили путники и проезжали всадники, следуя к намеченной цели и огибая встречающиеся на пути препятствия. По сторонам поднимались скалы, и Марк смотрел на них тревожно и подозрительно. По всему было видно, что в горах ему не нравится, и он невольно воспринимает их, как враждебный ему мир. Дорога была извилистой и неровной, а вокруг было слишком много камней, за которыми, по его мнению, можно было устроить засаду.

Он без возражений пропустил вперёд Карнача, державшегося спокойно и уверенно. Даже когда тропа вдруг оборвалась, засыпанная осыпью мелких камней, тот невозмутимо свернул в сторону и поехал вдоль неё до того места, где камни стали крупнее. Там он спешил и, взяв коня за повод, начал взбираться на пологий склон. За ним последовали остальные.

Марк отметил про себя, что земляне умеют ходить по горам, и тот путь, который они выбирают, вполне могут проделать другие всадники. Конечно, осыпающаяся под копытами коней дорога, внезапные подъёмы и спуски замедляли движение, но всё это было вполне преодолимо.

Несколько раз Карнач, внимательно смотревший по сторонам, останавливался и показывал своим людям на гребень скалы или нависшую над дорогой каменную глыбу, после чего двое или трое из них спешивались и ловко карабкались наверх, чтоб осмотреться и убедиться в отсутствии засады.

Скорее всего, первый отряд не учёл такой возможности и, оказавшись в нешироком коридоре, зажатом между двумя скалами, попал в засаду. Где-то к полудню отряд Марка дошёл до этого места. Возле входа в коридор они увидели шесть сложенных из камня могил, на которых лежали блестящие шлемы кавалеристов. Москаленко и Валуев вскарабкались на скалы по сторонам коридора, и Иван нашёл место, где была устроена засада. Там было расчищено место для лёжки, а камни с него были уложены в невысокий бруствер, прикрывавший противников от находящихся внизу всадников.

Карнач прошёл по коридору, осматриваясь по сторонам, и вернулся с двумя обломанными концами стрел. Ещё четыре Марк нашёл возле могил. Осмотрев их, они увидели, что оперение у стрел разное — две стрелы с пёстрыми перьями, одна с белыми и три с тёмно-коричневыми с чёрным концом.

— Сколько, говоришь, рыцарей Девы Лардес были в карауле у первого перевала? — спросил Карнач.

— Там было три койки, значит, обычно трое, — ответил Марк, бросив обломки на землю. — Выходит, увидев отряд, они разожгли костёр и после этого вовсе не отправились в цитадель, а открыли охоту на непрошенных гостей.

— И они здесь живут. Они знают все тропы и дороги, они умеют воевать в горах. И, я уверен, что они на протяжении многих лет готовились к вторжению, а значит, у них есть план действий. И эти трое действовали по плану. Этот коридор — первая западня на пути к Грозовой горе. Дальше будут другие.

Марк сумрачно кивнул и вернулся в седло. Они двинулись дальше, пробираясь вглубь скал. Двигаться приходилось медленно, внимательно глядя по сторонам и проверяя все места, где могла находиться засада. После полудня они устроили первый привал в ложбине, где протекал ручей.

— Путь непростой, но пройти его верховым можно, — заметил Марк, присев на камень и осматривая нависающие над ними острые пики скал. — Только нужно идти цепочкой и двигаться шагом.

— Мы ещё довольно низко, а дорога постоянно идёт вверх, — ответил Валуев. — Это самый лёгкий участок пути. Дальше будет сложнее.

— Мне кажется, что должна быть какая-то другая дорога, — проговорил Карнач, — не верю, что рыцари Девы Лардес ездят этой. Им нужны вещи, припасы, оружие. Говорят, что они поддерживают довольно тесную связь с луаром. И если б они часто ездили здесь, то наверняка оставили бы какие-то следы, хотя бы потерянные подковы и лошадиный навоз.

— Дорог в горах множество, но если искать их по наитию, вряд ли что найдёшь, — обернулся к нему Фарид. — Нужно знать куда идти, откуда начинать путь. Без проводника или карты всё равно ничего не отыскать. А у нас есть только та карта, которую нам дали в штабе.

— Этой карте уже несколько веков, — вздохнул Марк. — Даже указанные на ней ориентиры могли сместиться или исчезнуть. Возможно, нам придётся вернуться и брать проводника. Но сначала всё-таки попробуем справиться сами. По коням?

Карнач кивнул, и вскоре они продолжили путь. Следующим ориентиром была указана скала с большим камнем на вершине, похожая на львиную голову, но, хотя они ехали по дороге, и не было никаких признаков её разрыва или смещения, там, где должен был находиться ориентир, его не оказалось. С одной стороны стояла характерная скала с отколотой вершиной, с другой — крутой склон, замыкающий узкий каньон, но скалы с камнем не было. На всякий случай Карнач велел своим людям осмотреть гребни скал по краям каньона, который казался ему подходящим местом для засады.

И он не ошибся, потому что, обследовав дальний выход из каньона, Стэн нашёл большую осыпь камней. Поднявшись выше, он обнаружил на камнях следы копоти и рассыпанный порох. Посмотрев сверху на осыпь, он заметил, как между камнями что-то блеснуло. Позвав товарищей, он спустился и вместе с ними принялся откидывать лежащие сверху камни. Вскоре под ними блеснула начищенная кираса.

— Они взорвали эту скалу, — проговорил Карнач, осмотревшись и поняв, что стоит на братской могиле второго отряда. — Она обрушилась и погребла отряд под обломками.

— Алкорцы что, тащили с собой бочки с порохом? — изумлённо воскликнул Ламбер, глядя, как Ла Моль вместе со Стэном укладывают обратно камни, ранее прикрывавшие труп.

— Нет, — покачал головой Валуев. — Сходу не просто выбрать место, куда подложить порох, чтоб рухнула вся скала. Наверно, для того, чтоб обвал был таким мощным, пришлось продолбить в скале шурф и заложить порох в него. Думаю, что всё это было устроено заранее, как вторая западня.

— Или третья, или четвёртая, — пробормотал Игнат, — просто эта показалась им самой подходящей, чтоб накрыть сразу весь отряд. Они хорошо подготовились к обороне. Наши тоже всегда так делали.

— Ваши? — насторожился Марк.

— У нашего народа большой исторический опыт партизанской войны, — пояснил Карнач. — И то, что мы видим, — плохой знак. И особенно плохо то, что эта диверсия была спланирована даже не для того, чтоб остановить захватчиков, а с целью уничтожить ориентир.

— То есть, возможно, и следующего мы не найдём? — нахмурился Ламбер.

— Посмотрим, — проговорил Марк и решительно направился к своему коню.

Однако, следующий ориентир, в списке обозначенный в виде зайца, вскоре появился перед ними. Это была очень высокая тонкая скала с раздвоенной, как заячьи уши, вершиной. Тем не менее, это не слишком ободрило Марка, поскольку он считал, что если алкорцы начали уничтожать ориентиры, чтоб сбить неприятеля с пути, то должны были продолжить эту тактику. Даже если они взорвали скалу с камнем только для того, чтоб погубить отряд землян, они не могли не понимать, что уничтожив ориентиры, они отсекут дальнейший путь для неподготовленных к путешествию в горах пришельцев. И если «заячьи уши» уцелели, то, скорее всего потому, что должны были привести к следующей западне.

Карнач на это возразил, что одно дело — взорвать небольшую скалу, и совсем другое, высокий пик с массивной подошвой. Это может быть просто невозможно. Марк согласился, но помрачнел ещё больше.

Дорога потихоньку карабкалась всё выше, подъёмы становились круче. Порой тропа обрывалась широким каменистым склоном и рыцари замирали, тревожно глядя на это препятствие, однако гвардейцы спокойно разворачивали коней и начинали подниматься, двигаясь зигзагом, а потом осторожно спускаясь по противоположному склону вниз, туда, где тропа снова вилась среди скал и камней.

Первые светлые сутки подошли к концу, и отряд остановился на ночёвку у входа в небольшую пещеру. Марк, присев у стены, достал копию старой карты, чистый лист бумаги и перья с чернильницей и принялся писать донесение, попутно составляя на следующем листе новую карту. Она пока не так уж отличалась от старой, но отмеченные на ней осыпи и обрывы пути сильно искажали чёткую линию, начерченную на копии. Рядом сидел Карнач, и, наблюдая за действиями Марка, напоминал ему о деталях, которые тот невольно упускал.

После этого они легли спать, выставив караульных, которые менялись через час, чтоб все успели поспать достаточное количество времени.

Наконец, привал был окончен и отряд двинулся дальше. Марк хмурился, чувствуя лёгкое головокружение и недостаток воздуха. Ему казалось, что скалы вокруг него медленно плывут, как в дымке, а облачное небо над головой словно давит на плечи.

Карнач успокоил его, сказав, что для высокогорной местности это обычные ощущения, а облака действительно стали ближе, поскольку отряд поднялся слишком высоко над уровнем равнины.

— Возможно, дальше крутых подъемов будет меньше, — заметил он, с тревогой поглядывая на рыцарей и прикидывая, как перенесут эти нагрузки те, кто пойдут за ними следом.

Лошади тоже заметно устали, и потому последний отрезок пути до темноты оказался довольно коротким. В сумерках они вышли к широкой ложбине в горах, где протекала быстрая река, первая, встретившаяся им на пути. Она была широкой, но судя по бурунам на поверхности, довольно мелкой, и её можно было перейти вброд. Однако за рекой сразу начинался крутой подъём в горы, и Марк решил отложить переход до следующего светлого утра. Он хотел устроить привал на берегу, но Карнач удержал его от этого, объяснив, что даже небольшая гроза в верховьях реки вызовет её мощный и стремительный разлив.

В результате они устроились на площадке, под прикрытием нависающей над тропой плоской скалы. Пока рыцари устраивались на привал, гвардейцы тщательно обследовали всё вокруг и, не обнаружив ничего тревожного, вернулись в лагерь.

По мере сгущения темноты, воздух становился всё холоднее, с реки то и дело налетал ветер, который трепал пламя костра и задувал под тёплые плащи сидящих вокруг огня людей. Изредка откуда-то доносилось тоскливое завывание, но прислушавшись, можно было понять, что это не живое существо, а ветер воет среди острых уступов скал.

Эта ночёвка далась им нелегко. Рыцари Сен-Марко мёрзли, и обступившие их вокруг горы, давили, создавая ощущение одиночества и безысходности. Они молча сидели у костра или прятались от ветра под скалой. Говорить ни о чём не хотелось, и они иногда проваливались в сон, чтоб вскоре снова проснуться и вернуться к своим безрадостным мыслям. Гвардейцам было немного легче, но необходимость находиться так долго в бездействии на ограниченном клочке земли угнетала и их. Они потихоньку шептались между собой, стараясь не разбудить спящих.

Занявшаяся, наконец, над горами заря, проявившаяся бледной светлой полосой на востоке, была воспринята всеми с облегчением. Марк закончил своё донесение королю, сообщив в нём, что по ходу движения ими не были обнаружены достаточно просторные долины или каньоны, пригодные для привалов и ночёвки армии, и, предоставив ему самому думать, что с этим делать, запечатал письмо, в которое вложил карту пройденного участка.

— Кто поедет назад в лагерь, господа? — спросил он, окинув взглядом участников экспедиции. — Предупреждаю, ехать придётся в одиночестве, а значит, вы должны быть уверены, что самостоятельно найдёте дорогу назад.

Его люди смущённо пожимали плечами и отводили глаза. Все эти скалы, тропы и камни были для них как одно белое полотно, лишённое каких-либо зацепок для памяти и глаз.

— Лейтенант Аль-Сафар, — Карнач обернулся к Фариду, но Валуев перебил его:

— Нет, Саша. Фарид чувствует горы, и он будет вам нужен. Поеду я.

— А ты будешь нужен мне, — возразил Карнач.

— Я поеду, — предложил Стэн. — Я запомнил дорогу, помню карту и, в случае чего, у меня подготовка Пса Войны. Я выкручусь.

— Ладно, — кивнул Карнач.

Марк передал ему письмо, и Стаховски, сев на своего коня, двинулся в обратный путь.

— Надеюсь, наши недоброжелатели впереди, а не позади, — пробормотал Игнат, глядя

ему вслед.

После его отъезда, отряд спустился к горной реке. Впереди ехал Карнач, внимательно глядя перед собой и вокруг. За ним осторожно вводили коней в воду остальные. Животные, встревоженные ледяной водой, фыркали и пытались повернуть назад, и только уверенная настойчивость всадников заставляла их двигаться дальше.

Вода уже доходила до брюха лошади, когда Карнач увидел в стороне что-то странное. Понимая, что любая деталь может свидетельствовать об опасности, он свернул в ту сторону и увидел в воде что-то тёмное, колыхавшееся в быстрине. Нагнувшись, он ухватил этот предмет и вытянул из воды край набухшей влагой тёмной материи. Это был тёплый войлочный плащ. Потянув за него, он так и не смог вытащить его из воды. И в этот момент на другом берегу раздался резкий звук, всего лишь крик птицы, но следом со стороны верховьев реки послышался далёкий гром.

— Назад! — крикнул Карнач, разворачивая коня, и вскачь помчался в сторону берега. За ним развернулись остальные, и вскоре все были на берегу, но Карнач гнал коня к тропе, ведущей обратно в горы. — Дальше! — приказал он. — Уходим с берега!

Спустя несколько минут кони снова вскарабкались на площадку, где они провели ночь, и Карнач, спешившись и поглаживая вздрагивающего от напряжения коня, смотрел на реку. Через какое-то время раздался гудящий шум, а потом в узкую лощину ворвалась бурлящая пеной и водоворотами огромная масса воды. Она неслась мимо, таща за собой крупные камни, и её рёв был таким сильным, что заглушал всё вокруг.

— Что это было? — спросил Марк, наклонившись к самому уху Карнача.

— Видимо, то же, что и в прошлый раз, — стараясь перекричать гул воды, ответил тот. — В воде я увидел плащ. Должно быть, они спустили воду, когда отряд переходил через реку. Выше по течению есть озёра. Они просто взрывают край, и вода обрушивается вниз, смывая всё на своём пути.

— Значит, здесь погиб отряд Риккардо? — мрачно глядя на взбесившуюся реку, произнёс Марк.

— Возможно, они погибли под осypью, а сюда дошёл второй отряд. Мы можем этого никогда не узнать. Оба отряда были слишком велики, чтоб расстрелять их из луков, и обе западни практически гарантируют уничтожение всего отряда.

— Что будем делать? — прокричал подошедший к ним Ламбер.

— Ждать. Скоро вода снова спадёт. В любом случае, чтоб подготовить ещё один спуск воды, нужно время, так что мы успеем перейти реку вброд.

— Но они нас видели, — сквозь зубы процедил Марк. — Кто-то подал знак, что мы спускаемся к реке, и кто-то взорвал перемычку озера. Теперь они взялись за нас.

— Может, это и к лучшему, — пожал плечами Валуев, стоявший рядом. — Теперь и они в зоне досягаемости. Они уже выдали себя, и мы готовы к нападению. Первая их попытка уничтожить нас не удалась, а вторая и вовсе может закончиться для них плохо.

— Они объявили нам войну, Марк, — заявил Ламбер. — Перемирие не в счёт. Они убили почти полсотни наших всадников. Они должны за это ответить.

— Будем брать живыми, — отрезал де Сегюр, холодно щуря свои стального цвета глаза на бурлящий внизу поток.

Постепенно вода начала убывать и река медленно, но верно возвращалась в свои обычные берега. После этого отряд снова спустился вниз и со всеми предосторожностями переправился через реку. Никаких следов погибших предшественников они не увидели, хоть

осматривались по сторонам, стараясь рассмотреть берега как можно дальше. Даже тот тёмный плащ исчез, видимо, унесенный вместе со своим обладателем вниз мелким крошевом камней и попавшими в поток валунами.

На следующую гору отряд поднимался медленно, настороженно прислушиваясь и приглядываясь ко всему, что происходило вокруг. Гвардейцы вытащили из мешков складные арбалеты и держали их заряженными на бедре, готовые в любой момент пустить в ход. Но было тихо, только завывал в отрогах скал ветер, да изредка слышался над головой клёкот пары кружащихся в небе рыжих орлов.

Через какое-то время стало ясно, что их не преследуют. Должно быть, противники после неудачной попытки уничтожить отряд ушли дальше, чтоб встретиться в условленном месте и подготовить очередную диверсию. Это заставляло их ещё внимательнее вглядываться в появляющиеся впереди расщелины и осматривать нависающие сверху гребни скал. Однако было понятно, что втроём уничтожить стрелами отряд из восемнадцати вооружённых арбалетами кавалеристов не удастся даже из засады, а, стало быть, следовало ожидать, что противник применит прежнюю тактику, использовав природные особенности гор, например, устроив камнепад.

Очередной ориентир — «белая лиса» появился перед ними в виде белоснежной искристой полосы на горной отвесной стене уже ближе к полудню. Под этой горой проходила тропа, отделяющая стену от узкого осыпающегося склона, который чуть ниже обрывался над глубокой пропастью. Место само по себе было довольно опасным, но к тому же оно слишком хорошо подходило для засады. Карнач остановил коня, глядя вперёд, а потом осмотрел в бинокль склон до самой вершины, на которой темнели сложенные стеной валуны. Обернувшись, он посмотрел на Марка.

— Они, скорее всего, наверху, ждут, когда мы пойдём по тропе, и обрушат на нас камни.

— Что предлагаешь?

— Мы втроём зайдём сзади, но их нужно как-то отвлечь. Они должны смотреть вперёд и вниз, а не назад и в стороны.

— Привал! — громко скомандовал Марк, спрыгнув с коня.

Место для привала было не самое лучшее. Тропа вилась между двумя склонами, практически не оставляя места, чтоб разместиться на отдых, но это его не беспокоило. Осмотревшись, он начал карабкаться на противоположный отвесной стене склон. Его товарищи спешили и, отвязав от сёдел изрядно полегчавшие мешки с овсом, начали кормить лошадей, а некоторые уселись на камни вдоль тропы, достав из сумок завёрнутые в холстину припасы и фляги с водой. Карнач, Валуев и Москаленко спешно снимали свои латы, чтоб двигаться по горам беззвучно и налегке.

Марк уже приноровился ходить по камням, и его природная сила и ловкость позволили ему довольно легко вскарабкаться на гребень, где он застыл в гордой позе, обозревая горы вокруг. Он понимал, что является отличной мишенью для алкорцев, но они должны были справиться с искушением блеснуть своей меткостью, потому что убийство одного всполошит остальных, а им нужно было уничтожить всех разом. Значит, они будут наблюдать за ним, предвкушая тот миг, когда обрушат на него и его товарищей груды камней.

Посмотрев вниз, Марк заметил, что Карнача с его двумя ближайшими сподвижниками уже нет на тропе. Овёс их коням давали Рагнар и Фарид. Причём, посмотрев на гребень противоположной стены, Марк понял, что если там кто-то есть, он не может видеть того, что происходит внизу. По крайней мере, сейчас, когда они должны прятаться от его прямого

взгляда за сложенным из камней бруствером.

Однако если они не смотрят вниз и вперёд, значит, скорее всего, они будут смотреть по сторонам и назад, а стало быть, смогут увидеть направляющихся к ним гвардейцев. Марк задумался, а потом осмотрел узкий гребень скалы и двинулся по нему, с трудом сохраняя равновесие. Он шёл, как канатоходец на ярмарке, стараясь не смотреть в узкую бездонную расщелину между скалой и тропой. Поравнявшись с кучей камней на другой стороне пропасти, он вышел на небольшой почти ровный пяточок, ещё раз осмотрелся и вытащил из ножен меч. Несколько раз взмахнув им, он встал в боевую стойку, а потом начал делать выпады, словно на него нападал невидимый враг. Он двигался легко и изящно, и по опыту знал, что ни один рыцарь, увидевший его упражнения с мечом, не сможет оторвать заинтересованного взгляда. Неважно, будет этот рыцарь восхищаться или злобствовать из-за замеченных или придуманных огрехов, главное, что если его видят, они будут смотреть.

Ветер налетал на него со всех сторон, норовя столкнуть с крохотного пяточка, и тёмная бездна навязчиво темнела возле самых ног, он обливался потом не столько от усталости, сколько от напряжения, но продолжал этот странный танец с мечом на вершине гребня скалы, пока не услышал на той стороне крики и проклятия. Остановившись, он посмотрел на другую сторону ущелья и увидел, как над камнями мелькают головы и кулаки, а потом во весь рост поднялся Карнач и, показав ему большой палец правой руки, жестом дал понять, что он может спускаться обратно.

После этого Марк почувствовал невероятную усталость. Голова у него закружилась и, из последних сил сосредоточившись, он кое-как добрался по гребню до склона и на спине съехал вниз к тропе, после чего какое-то время лежал, глядя в небо пустыми от изнеможения глазами. Однако вскоре появились гвардейцы, тащившие за собой трёх алкорцев, и он приподнялся, чтоб посмотреть на них. Те были грязными, в изорванной одежде и исцарапанных о камни латах. Их волосы были встрёпаны и покрыты каменной пылью, но взгляды полны презрения и упрямства.

Один из них, высокий и крепкий, с включенной бородой в какой-то момент попытался вырваться из рук Валуева и тут же получил от него весьма чувствительный удар по шее, после чего осел на подогнувшихся ногах. Карнач вёл высокого стройного рыцаря, чем-то похожего на Герлана. У него тоже были синие глаза и золотистые волосы. А Игнат тащил упирающегося юношу, который, должно быть, совсем недавно был произведён в рыцари, и больше походил на стащившего чужие латы оруженосца. Усадив пленников на землю, гвардейцы встали над ними, предоставив ведение допроса командиру отряда.

Марк какое-то время рассматривал алкорцев, напоминая себе, что они уже убили сорок с лишним воинов Сен-Марко и собирались убить и его, и его товарищей. Алкорцы сумрачно посматривали вокруг, но страха не проявляли, разве что в глазах самого молодого поблескивала тревога. Посмотрев на их руки, Марк с удивлением увидел, что они связаны не верёвкой, а какими-то тонкими белыми лентами, должно быть достаточно прочными, потому что здоровяк постоянно и тщетно пытался их разорвать.

— Приветствую вас, господа, — произнёс Марк, сдержанно кивнув. — Я барон де Сегюр и служу королю Сен-Марко Ричарду. Кто вы такие и почему так настойчиво пытаетесь нас убить?

— Мы — рыцари Девы Лардес, хранители Алмазного Сердца, — заявил здоровяк, с вызовом взглянув на барона. — Моё имя Маруэл, мой молодой друг — Лаоран, а младший — Роланд. Мы защищаем дорогу к Грозовой горе от чужаков, коими и являются полчища

вашего короля, посягнувшего на нашу святыню.

— Я понял, — кивнул Марк и посмотрел на юношу. — Роланд, ты землянин?

— Только по крови, — буркнул тот, отворачиваясь.

— Да, узы крови недорого стоят в наше время, — заметил Марк. — Вы нарушили перемирие между нашими государствами и объявили нам войну. Представляю, в какой ярости будет великий альдор, когда узнает об этом. Теперь мы можем напасть на луар, но вина будет на нём.

— Альдор тут не при чём! — воскликнул Лаоран, заметно встревожившись. — У нас своя миссия...

— Вы присвоили эту миссию, не согласовав её ни с кем, не так ли? — усмехнулся барон. — Как может ваша односторонняя миссия влиять на обоюдное соглашение наших повелителей? Вы — алкорские воины, находящиеся на службе альдора, уже убили сорок шесть землян, которые вовсе не нападали на вас. Эта земля не принадлежит луару, вы не вправе защищать её от нас, а у нас есть такое же право проходить по ней, как и у вас. Вы объявили нам войну, и потому мы поступим с вами так, как поступают с пленными на войне.

— Пленных меняют на выкуп, — напомнил Маруэл.

— Не тех, кто, презрев законы рыцарства, убивает исподтишка, — презрительно бросил ему барон. — Вы в период перемирия, не объявляя о возобновлении военных действий, стреляли в наших людей из засады, обрушили на них скалу и потоки воды, а теперь ожидаете того отношения, что заслуживают только те, кто соблюдает законы чести.

— Вас слишком много, вы пришли в чужие земли без спроса, и мы вынуждены были действовать хитростью! — объяснил задетый таким обвинением Лаоран.

— Что ж, поступившись правилами ведения войны, вы должны понимать, что они больше на вас не распространяются. Вы не лучше бандитов и мародёров, а стало быть, не можете ждать от нас великодушного обращения. Что ж до чужих земель, то, как я вам уже сказал, мы не признаём их вашими. Никто не признаёт. Вы построили крепость на нейтральной земле и перегородили проход в горы, то есть ведёте себя, как разбойники на большой дороге. А как поступают с разбойниками?

— Вешают на дубах, — проговорил Герлан, подошедший ближе.

Алкорцы метнули на него суровые взгляды и замерли, опознав в нём близкого по крови человека. Лаоран даже хотел сказать ему что-то обидное, но взгляд его упал на понурившегося Роланда и он промолчал.

— Где ты видишь здесь деревья, мой дорогой друг? — улыбнулся Марк, взглянув на Герлана. — Можно было бы сбросить их в пропасть.

— Не слишком ли легко они отделаются за убийство наших товарищей из засады? — возмутился Ламбер. — Они убили Риккардо и его людей! И ты хочешь, что б они всего лишь разбились, упав на камни? Их нужно казнить так, чтоб они пожалели о каждой капле крови каждого из наших людей.

— Они мерзавцы, — проговорил Марк, намеренно оскорбляя их, — но они пленные. Они нужны нам, как источник информации. Сначала они ответят на наши вопросы, а потом умрут. И от того, насколько искренними будут их ответы, будет зависеть то, насколько лёгкой будет их смерть.

Его взгляд не предвещал пленникам ничего хорошего, но они молча смотрели на него, всем своим видом выражая полное отсутствие желания сотрудничать. Тем не менее, Марк решил задать свой вопрос:

— Как пройти отсюда к Грозовой горе?

— Вы не пройдёте, — улыбнулся Лаоран. — Мы ещё два дня назад взорвали «синего кабана» и обрушили в пропасть мост к «огненному соколу». Дороги больше нет.

— Она в любом случае не привела бы вас к Грозовой горе, — заговорил Маруэл. — Этот путь охраняется нами, скорее, по многолетней привычке. Он давно непригоден для прохода крупных отрядов. Должно быть, вы получили ориентиры, которые были зашифрованы на старом гобелене. А знаете, сколько лет этой выцветшей тряпке? Ещё пару лет, и грозы окончательно смоют проходы на перевалах, а оползни перекроют каньоны, по которым когда-то проходил этот путь.

— Ты хочешь сказать, что вы сами себе отрезали путь в цитадель? — уточнил Герлан, глядя на здоровяка.

Тот презрительно взглянул на него и не удостоил ответом.

— Из всего сказанного вами я понял, что есть другой путь, и вы о нём знаете, — заметил Марк. — Значит, меня всё равно интересует, как добраться до Грозовой горы. Этим путём или другим, не важно.

— Этого вы от нас не узнаете! — криво усмехнулся Маруэл.

— Правда? — Марк поднял голову и посмотрел на стоявшего над алкорцами Карнача. — Александр, отведите этих двоих, — он указал на Маруэла и Лаорана, — подалее отсюда. А с мальчиком мы поговорим по душам.

Карнач и Валувев рывком подняли своих пленников на ноги и толкнули в сторону выхода из ущелья.

— Не вздумай им ничего говорить! — кричал здоровяк, пытаясь вырваться из рук Валувева.

Роланд хмуро смотрел ему вслед. Марк поднялся и сел рядом с ним.

— Послушай меня, рыцарь, — проговорил он. — Ты слишком молод и понятия не имеешь, что такое война и смерть. Вы уже натворили дел, нарушив перемирие и объявив войну Сен-Марко. Даже если ты выживешь, в луаре тебя ждёт обвинение в государственной измене и казнь. Я не знаю, может, ты только подчинялся приказам, но твои руки в крови наших друзей, как и у твоих приятелей. Но они алкорцы, а ты — землянин. У тебя ещё есть шанс спасти свою жизнь. Если ты окажешь услугу королю Ричарду, он помилует тебя, и ты сможешь продолжить службу под его знамёнами. Пойми, он всё равно не уйдёт отсюда. Так или иначе, он доберётся до Грозовой горы. Ты или кто-то другой покажет нам эту дорогу, и твой безмолвный подвиг ничего не будет значить. Ты покажешь нам её?

— Нет, — тихо проговорил юноша, опустив голову.

Марк вздохнул.

— Мне жаль тебя, мальчик, но война — штука суровая. Если ты не скажешь по своей воле, нам придётся тебя пытаться. Ни мне, ни моим людям это не доставит особого удовольствия, хоть мы и знаем, что это ты убил капитана Риккардо и его людей. Знаешь, каким он был, тот капитан, которого ты прикончил? Он был благородным человеком, честным и преданным своему королевству. Он всегда соблюдал законы рыцарства и не заслуживал такой смерти.

Неожиданно Марк резко развернулся и, схватив Роланда за волосы, оттянул его голову назад, свободной рукой вытащив из ножен стилет.

— Ты уверен, что тебе нужны оба глаза? — прорычал он, поднеся тонкое лезвие к лицу юноши.

Тот закричал, пытаясь вырваться, но Марк навалился на него всем телом, и блестящее остриё всё ближе опускалось к испуганно распахнутым глазам юного рыцаря.

— Я скажу! — воскликнул тот. — Пожалуйста, не надо! Я покажу дорогу!

Он разрыдался, и Марк отпустил его и сунул кинжал обратно в ножны. Издалека слышалась ругань и проклятья Маруэла.

— Ведите их сюда, — крикнул Марк, вставая. — Снимите с них доспехи и привяжите за руки к сёдлам, пойдут рядом. Гвардейцы, отдайте два арбалета Ла Молю и Арно. Они поедут позади и, если что, будут стрелять этим бандитам по ногам. Все по коням. Мальчик, пойдёшь впереди рядом со мной, — он нагнулся и, взяв плачущего Роланда за плечо, поднял его на ноги. — И запомни, если попробуешь обмануть меня, для начала лишишься правого глаза.

Карнач и Валуев быстро перерезали ремни, которыми крепились латы их пленников. Их привязали на короткие верёвки к сёдлам. То же проделал и Москаленко с Роландом. Возвращаясь к своему коню, он подошёл к Карначу.

— Думаешь, он блефовал? — с тревогой спросил он полушёпотом, посмотрев на барона.

— Понятия не имею, — проворчал капитан. — Но если они их убьют, мы — соучастники. А нашему командованию плевать на законы военного времени.

— Хока за такое со службы турнули, — напомнил Игнат.

Вскоре кавалькада снова двинулась в путь. Впереди ехал Марк, а рядом с его конём плёлся подавленный Роланд, слыша позади гневное ворчание Маруэла. По узкой тропе над пропастью они продвигались осторожно и вскоре снова оказались на тропе, петляющей меж гор. Марк всё же посматривал на карту, и пока они двигались по указанному на ней маршруту. Но вот, наконец, Роланд остановился, и показал на узкую расщелину в стороне.

— Там есть ещё один проход, мой лорд, — проговорил он устало.

— Веди, — кивнул Марк и свернул туда.

Расщелина была узкой, по ней мог пройти только один конь, но скоро она расширилась, вышла в каньон, по которому пробегал звонкий ручеёк. Какое-то время они двигались вдоль его русла, а потом начали подниматься в гору по крутой тропе. По оставленным на камнях клочкам шерсти и помёту было видно, что это звериная тропа и люди по ней не ходят. Она обогнула скалу и вышла на широкое плато, с некоторым уклоном спускавшееся с горы к обрыву. Марк невольно вздохнул свободнее, почувствовав вокруг простор, столь редкий в горах, и пришпорил коня.

— Стойте! — услышал он позади крик и натянул поводья. К нему подъехал Фарид, и внимательно осмотрел плато. — Ваня, дай мне бинокль! — обернулся он и, получив его, принялся рассматривать каменную осыпь и нависающую над ним скалу.

Тем временем к ним подъехал Карнач, за которым на верёвке плёлся мрачный Лоаран.

— Хорошая попытка, — кивнул Фарид и, нагнувшись, похлопал Роланда по плечу.

— Опасный участок? — спросил Карнач, забирая у него бинокль.

— Причём очень опасный. Внизу осыпь из мелкого камня, наверху — подмытый дождями карниз и скопление валунов, которые, видимо, во время каждого дождя приносят сюда вода. В этот раз они удержались наверху, но если кто-то пройдёт по осыпи, она неминуемо сдвинется и увлечёт за собой всю эту массу камней. Видишь широкие трассы вдоль склона? Оползни здесь сходят регулярно, уже проторили себе дороги. Вон там и там пройдут наиболее мощные потоки, а там остатки языка от прошлого оползня. Так что дальше дороги нет.

Он посмотрел на Марка. Тот мрачно кивнул:

— Я понял. На всякий случай нужно проверить, нет ли возможности обойти этот участок.

— Что-то мне подсказывает, что нет, — пробормотал Фарид и спешился.

С ним ушли Карнач, Валуев и Москаленко. Марк спрыгнул с коня и присел на валун у края тропы. К нему тут же подошли Ламбер и Арно.

— Если они не найдут обход, что делать будем, ваша светлость? — спросил Ламбер.

— Вернёмся в лагерь и доложим, что здесь не пройти, — проговорил Марк со вздохом.

— Король тебя за это не наградит, — заметил Ламбер.

— Я не могу по воздуху перенести всё войско к Грозовой горе! — огрызнулся Марк. — Дороги нет. Карта бесполезна. Пусть скажет «спасибо» тому, кто подсунул ему это старьё! — и уже спокойнее добавил: — Нужно искать другой путь.

— Давай я сам допрошу мальчишку, — предложил Арно, взявшись за рукоятку кинжала. — У меня он заговорит!

— Ты бы сказал? — Марк в упор взглянул на него. — И он не скажет. Я чувствую слабость, и если б она была, я бы его разговорил. Но мальчишка не прост, хитрый, как лисёнок. Он тут целый спектакль разыграл, чтоб привести нас к очередной западне.

— Но это всего лишь мальчишка! — воскликнул Ламбер.

— Сколько ему лет, по-твоему? Не рано для золотых шпор?

— Ты сам-то когда их получил? — усмехнулся тот.

— Вот потому я и знаю, каким надо быть, чтоб так рано стать рыцарем. Оруженосец должен на голову превосходить среднего рыцаря, чтоб до срока получить свои шпоры, или что там вместо них у алкорцев. Я себя в этом возрасте помню, и этот такой же. Мы можем разрезать его на куски, но он не скажет то, что не захочет сказать.

— И что теперь?

— Уведём их в лагерь. Пусть де Бове сам допрашивает их через своих палачей. А мы, что могли, сделали.

Через какое-то время вернулись гвардейцы с Карначом.

— Нет пути, Марк, — проговорил капитан. — Мы проверили две тропы и попробовали пройти через хребет. С той стороны, — он махнул рукой на восток, — только обрыв и пропасть. Разлом на многие мили в обе стороны. Моста нет. Думаю, что тот, что был, как раз и вёл к очередному ориентиру, но они его взорвали.

— Возвращаемся, — принял решение Марк и поднялся.

Обратная дорога заняла у них почти два полных светлых дня, потому что с ними были пешие пленники. Как ни злился на них Марк, но тащить их бегом по камням считал неразумным. В конце концов, они должны были сами дойти до лагеря.

Уже к вечеру последнего светлого дня отряд подъехал к долине, в которой расположилось войско. Навстречу им вышел патруль и один из солдат потребовал сказать пароль. Марк устало потёр лоб, потому что пароля он не знал, они менялись каждый день и каждую ночь.

— Пропусти, — проворчал вышедший из кустов сержант и кивнул всадникам. — Свои.

Они проехали в лагерь и, доставив пленников к шатру короля, передали их охране. После этого Марк вошёл в шатёр, а остальные разъехались по своим стоянкам.

Король был не один, в стороне в походном кресле сидел граф де Бове и рассматривал какие-то карты, разложенные у него на коленях. Марк кратко доложил о результатах своего

рейда, готовясь к бурной реакции Ричарда на известие, что его карта оказалась бесполезна. Но как ни странно, король выслушал его спокойно, кивая в знак того, что понимает причины неудачи разведчиков.

— Хорошо, что вы захватили пленных и сохранили своих людей, — наконец, проговорил он. — Мы уже знаем, что этой картой, — он с ожесточением ткнул пальцем в бумагу на своём столе, — воспользоваться нельзя. Она устарела. Мы слишком поздно об этом узнали и не могли вас предупредить.

— Узнали? — Марк удивлённо взглянул на короля и перевёл взгляд на де Бове. — Откуда?

Граф поднял голову и посмотрел на него.

— У нас есть перебежчик, бывший рыцарь Девы Лардес, которого выгнали из Цитадели за какую-то провинность. Он очень обижен на них, хотя, я думаю, что выгнали его поделом. Он хочет денег и за хорошую плату готов провести нас к самой Грозовой горе.

— Я был бы осторожен с этим, — заметил Марк с тревогой. — Тот молодой рыцарь едва не завёл нас под оползень, когда согласился показать дорогу.

— Этот не такой, — усмехнулся Ричард. — Он и на рыцаря-то не сильно похож. Скорее, бродяга и вор. Но какое нам дело до его репутации? Главное, чтоб он выполнил свою часть сделки.

— Когда я буду допрашивать пленников барона де Сегюра, я спрошу их о нашем приятеле, — кивнул граф. — Посмотрим, что они скажут о нём.

— Да, и расспросите их о других подробностях, которые он выболтал, — согласился король. — Станет ясно, врёт он или говорит правду. В любом случае, я не собираюсь рисковать армией, — он повернулся к Марку, — а потому отдохайте до светлого утра и снова — на коней, поедете с перебежчиком. Он покажет вам дорогу, а вы нанесёте её на карту. Если что, просто убьёте его и вернётесь.

Марк поклонился и вышел из шатра. Голова у него гудела, и он понял, как устал за эти дни. Вернувшись в шатёр, он услышал богатырский храп Ламбера и мирное посапывание Арно. Он позволил Шарлю снять с себя доспехи и прилипший к коже камзол, а после обтереть тело мокрым полотенцем, и сам, кажется, уснул, ещё до того, как упал на свою подстилку.

— Не нравится мне всё это, — проговорил Валуев, когда следующим тёмным днём они сидели вокруг костра, разожжённого между палатками. — Я всё думаю о тех троих, что мы захватили и передали де Сегюру. Их наверняка сейчас пытаются, а потом убьют.

— А о Риккардо и его людях, которых они убили, ты не думаешь? — поинтересовался Игнат. — Об этом душа не болит?

— Всё дело в том, что мы вмешались в чужую войну, парни, — проговорил Карнач, глядя на огонь. — Мы оказались на одной из сторон, но она не наша. Мы всё равно смотрим на всё со стороны, и потому и гибель людей Риккардо, и этих троих в наших глазах несправедливы. И иначе не будет. Мы чужаки в этом мире. Его законы нас или сломают, или погубят. Третьего не дано.

— Оптимистично... — проворчал Фарид. — Хотя, ты прав. Но что нам делать? Уйти?

— Пока не поздно, — кивнул Булатов.

— Просто так всё оборвать, бросить здесь Джинхэя, Марка... — Игнат хмуро посмотрел на командира. — Мы пока никого не убили. Ну, непосредственно, я имею в виду. Может, и

дальше обойдётся. Наше дело — защищать короля, а в бой нас не кинут.

— А если он сам впереди войска ринется? — спросил Стэн.

— Мы уже сотню раз устав нарушили, — проговорил Рагнар. — Мы же выживаем здесь, действуем в экстремальных условиях, в состоянии крайней необходимости. Нам нужно было либо сидеть возле «Паладина», либо привыкать жить по законам этого мира. В чём проблема?

— В том, что мы не видим грани, красной черты, — ответил Карнач. — Мы подходим к ней маленькими шагами, уповая на то, что ещё не переступили, а потом так же осторожно переступим, и возврата назад не будет. Дело даже не в том, узнает об этом высшее начальство или не узнает, а в том, что мы делаем. Мы за это только перед собой отвечаем. Каждый сам перед собой. Представьте, если б отрядом командовал не Марк, который весьма снисходителен к нашим моральным принципам, а кто-то другой. Если б нам приказали пустить этих троих в расход, что б мы делать стали? То-то и оно. А потому перед нами снова встаёт вопрос: остаёмся мы в этой заварухе, в которой нам, по большому счёту, не место, или уходим на «Паладин»?

— Хорошо, мы вернёмся, — кивнул Игнат. — Что дальше? Будем сидеть возле мёртвого звездолёта, лапти плести? Мы же месяца не выдержим, нас снова сюда потянет. Но вот именно сюда нам уже не вернуться, потому что, как дезертиров, нас вздёрнут на одной сосне. Куда мы пойдём? В луар? Там мы окажемся в такой же ситуации, и при этом нам придётся столкнуться на поле боя с теми, кто сейчас считается нашими друзьями. С тем же Марком, с Арно или Герланом, с Маршаном или Клаудом, с Делвин-Элидиром и его баронами. А вернее — со всеми ними.

— То есть предлагаешь считать, что мы выбрали свою сторону? — уточнил Стэн.

— Я не знаю, — покачал головой Игнат. — Меня тоже это всё пугает, но я уходить не хочу. В конце концов, никто никого не держит. Если кто-то уйдёт — прикроем.

Карнач вопросительно взглянул на Валуева, но тот только пожал плечами и, подняв с земли палку, служившую кочергой, ударил ею по углям, высекая снопы рыжих искр. Карнач смотрел, как сотни крошечных ярких огоньков взлетают в ночной тьме над пламенем костра и гаснут, поднявшись в прохладный воздух. Он понимал, что отвечает за своих людей, за всех, и за тех, что пришли к нему с «Пилигрима». Он знал, что мир, в который они попали, слишком опасен и чужд им, но и удерживать их у спящих мёртвым сном звездолётов было сложно. Жажда действий, жажда приключений боролась в них с опасностью в какой-то момент оказаться втянутыми в ужасный конфликт, разгоревшийся между двумя королевствами. С каждым днём им всё ближе становились интересы Сен-Марко, и всё более оправданной его вражда с алкорцами, но разум, пропитанный мировоззрением новой эры человечества, помнящий о многочисленных бессмысленных и кровопролитных войнах родной планеты и других дружественных цивилизаций, подсказывал, что здесь нет правых и виноватых, что каждый человек имеет право на жизнь и свободу, но эти права будут безжалостно смяты грядущей войной. И в этой войне им придётся встать на одну из сторон и, возможно, отдать свою жизнь или отнять чужую, но ради чего? Ради действий и приключений? Ведь иного интереса в этом чужом мире у них нет.

Он посмотрел на своих товарищей. Они были также озабочены, и на их лицах отражалась тяжёлая задумчивость. Им сложно было принять решение, но если б он взял это на себя, они бы подчинились, все, и Игнат в том числе. Пусть ворча и выражая недовольство, но он бы последовал вслед за отрядом туда, где стоят на своих кружевных тяжёлых опорах

два спящих звездолёта. И никуда б он оттуда не ушел без позволения, как и другие. Просто нужно принять решение и отдать приказ, разрешив эту ситуацию раз и навсегда. Пока не поздно.

И Карнач уже готов был сделать это, когда в темноте из звуков живущего своей жизнью лагеря выделился звук шагов и звон шпор. И едва увидев подошедшего к костру Марка, он понял, что его едва оформившееся намерение вернуться снова растворилось в сомнениях. Барон де Сегюр окинул гвардейцев мрачным взглядом и кивнул на сдержанные приветствия. Рагнар слегка подвинулся, чтоб освободить для него место возле костра. Марк сел, так же задумчиво посмотрел на вылетающие из костра искры, а потом поднял взгляд на Карнача.

— Вы мне снова нужны, — произнёс он. — Утром нужно будет проверить другую дорогу.

— Есть другая карта? — спросил капитан.

— Есть предатель, который служил в цитадели Девы Лардес. Он укажет путь.

— Ты ему веришь?

Марк усмехнулся, но усмешка вышла злой и усталой.

— Разве можно верить предателю, Александр? Если он предатель, то сам по себе не заслуживает доверия. А если не предатель, то он — провокатор, и... сам понимаешь.

— Ты его видел?

— Да, и даже говорил с ним. Он странный. Король считает, что он просто вор и бродяга, но мне кажется, что здесь всё сложнее. Однако ему нужны деньги, и он готов указать нам путь. К тому же он ненавидит коменданта цитадели Ареса. Пленные подтвердили, что тот изгнал его из гарнизона за какой-то серьёзный проступок. Всё, что он говорит о цитадели, так или иначе, подтверждается. В любом случае, у меня нет выбора. Король приказал проверить этот путь, и мы туда поедем. Вопрос, поедете ли вы с нами?

— А у нас есть выбор? — уточнил Булатов.

Марк перевёл на него взгляд.

— Небольшой. Либо вы едете с нами, либо прямо сейчас и скрытно покидаете армию навсегда. Король приказал вам сопровождать нас, но я не склонен ограничивать вашу свободу выбора.

— Мы выполним приказ короля, — кивнул Карнач.

— Хорошо.

Марк собирался подняться, чтоб уйти. Он явно не был расположен к беседе, но его остановил вопрос Булатова.

— Что с пленными, которых мы вам передали?

— Вам мало своих бед и грехов, кавалер? — спросил у него Марк, раздражённо сверкнув глазами. — Что ж, если мало, то я скажу. Юный Роланд уже умер под пытками. Два других пока живы, но это ненадолго. Они держатся стойко, и всё, что удалось выпросить у них — либо незначительные детали, либо то, что они высказали в порыве ненависти и отчаяния. Предатель оказался куда полезнее. Он говорил при них, и было видно, какую боль доставляет им то, что он выбалтывает врагу секреты, которые они желали бы сохранить в тайне даже ценой своей жизни. Например, он сказал, что у входа в ущелье, где начинается дорога, есть скала с таким же постом на вершине, что и тот, откуда они сами подали знак цитадели. Он вызвался отвести туда наших разведчиков. Пост снимут быстро и незаметно, чтоб он не успел подать свой сигнал.

— Ты хочешь, чтоб мы пошли туда с тобой? — спросил Карнач.

Что-то в его тоне заставило Марка нахмуриться, но он лишь покачал головой.

— Де Бове отправил туда горных егерей, ветеранов, которые когда-то служили под началом Беренгара и с прошлой кампании не покидали войско. В любом случае, я бы обошёлся без вас, и, честно говоря, рад, что на сей раз обошлись без меня.

— Почему же? — Карнач внимательно взглянул на него. — Ты лазутчик, наёмный убийца. Чем это задание хуже других?

— Не люблю нападать из-за угла, — пожал плечами Марк, ничуть не обидевшись. — Я солдат и мне проще идти в бой, когда я вижу врага лицом к лицу. Но иногда приходится действовать иначе. Было бы ради чего.

— А в данном случае?

Марк какое-то время задумчиво смотрел на него, а потом покачал головой.

— У меня есть ответ на твой вопрос, но он может стоить мне жизни, поэтому я промолчу. Лучше скажите мне, что вы знаете о леди Дарье?

— Леди Дарья? — нахмурился Рагнар. — Кто это?

— Дарья Ивановна, — проворчал Валуев. — А чем вызван твой интерес?

— Эти двое заявляют, что она — воплощённая Дева Лардес и уже почтила своим присутствием цитадель. Они говорят, что она летает на белых крыльях, бьётся на мечах лучше любого мужчины и защищает слабых.

— Ну, два последних утверждения — правда, — подтвердил Булатов. — Что же до крыльев... — он нерешительно переглянулся с друзьями. — Я не видел.

Марк в упор посмотрел на Карнача.

— Она — Дева Лардес? Это правда? Делвин-Элидир утверждает, что она — ангел. Он встречался с ней, но при очень странных обстоятельствах. Ты что-нибудь знаешь?

— Это важно? — уточнил Карнач, которому явно не хотелось обсуждать этот вопрос.

— Ещё бы! — воскликнул Марк, встревоженный их внезапным нежеланием говорить на эту тему. — Дева Лардес у алкорцев то же, что и святая Лурдес у нас. Она почитаема обоими народами. Никто из нас не пойдёт против своей святой, даже если она вдруг встанет на сторону алкорцев. Это будет воспринято однозначно — мы ведём неправую войну. Поэтому мне важно знать, кто эта дама, имеет ли она какое-то отношение к Деве Лардес и будет ли она защищать цитадель.

Карнач думал, что сказать на это, но его опередил Игнат.

— Да, — уверенно проговорил он. — Я слышал, что она летает на белых крыльях и у неё есть огненный меч. Она всегда защищает слабых, и не проиграла ни одного поединка. И да, возможно, в вашем мире её зовут Дева Лардес или святая Лурдес, — заметив изумлённые взгляды своих друзей, он пожал плечами. — Ну, я знаю, что это тайна, о которой не принято говорить вслух даже среди своих, но в данном случае это важно. К тому же Марк — наш друг. Почему мы должны скрывать это от него? Да он и сам видел её в луаре, разве нет?

— Да, — мрачно кивнул Марк. — В ней есть что-то такое... Я думал, что это из-за того, что она не из нашего мира, но когда мы вернулись с энфером из Магдебурга, её там уже не было, а по дворцу ползли слухи о том, что кто-то видел, как она улетела на белых крыльях. Я подумал, что это выдумки Кабреры, подхваченные остальными. Кто говорил об этом? Экзальтированная дамочка из свиты альдорены, пара горничных, отлынивающих от работы, скучающие на посту стражники. Да мало ли что привидится в такую ночь! — он поднял глаза в тёмное небо и какое-то время тревожно вглядывался в ночную мглу, словно, и правда, пытался разглядеть там крылатую женщину с мечом.

— Её там нет, — заметил Игнат. — Ты бы её сразу увидел. Говорят, она немного светится в темноте.

Марк взглянул на него, и Игнат даже смутился, потому что заметил в его глазах то, чего не видел никогда, — страх.

— Она гостила в луаре, — тихо произнёс Марк, снова посмотрев на огонь. — Энфер всячески благоволил ей, и пусть она сбежала... Подождите, ведь никто не знает, как она выбралась из дворца и из города, только если, и правда, улетела. И улетела она на восток, туда, где стоит цитадель, где Грозовая гора. Значит, она будет не на нашей стороне. Это очень плохо, Александр, — Марк почти с отчаянием посмотрел на Карнач. — Это значит, что этот поход обречён. Но Ричард ничего не хочет слышать. Он уверен, что это выдумки пленных. Чем может грозить нам её немилость? Сколько наших погибнет в этих горах? Как она накажет нас за то, что мы пытаемся похитить Сердце Мира?

— Я не знаю, — покачал головой Карнач.

— Есть ли способ склонить её на нашу сторону? — не унимался Марк. — Какие-то ритуалы, молитвы, жертвы?

— Честно? Я знаю только один способ: отказаться от кровопролития, — проговорил Карнач. — Я знаю эту женщину давно, я был мальчишкой, когда она взяла меня под опеку и сделала из меня офицера, но я не удержал то, что она дала мне, и оказался в изгнании на долгие годы, пока на меня снова не упал её благосклонный взгляд. Её нельзя подкупить или задобрить дарами и обещаниями. Нужно просто поступать по совести. Она не станет уничтожать ваше войско, ей претит жестокость, но она, скорее всего, будет защищать тех, кто в меньшинстве и является жертвой агрессии, а это рыцари Девы Лардес и, как ни странно, Повелитель Теней.

— Ещё и он! — с отчаянием воскликнул Марк. — А что с ним? Он ведь колдун? Он может обрушить на нас скалы?

— Вот насчёт него ничего сказать не могу. Ещё недавно я готов был биться об заклад, что он не прольёт и капли чужой крови, но теперь... Боюсь, что я его совсем не знаю.

— Одна надежда... — прошептал Марк. — Что Ричард, наконец, обломает свои зубы об эти скалы, — он свирепо взглянул туда, где тёмные пики гор сливались с ночной темнотой. — К утру будьте готовы, — проговорил он, поднимаясь. — Выезжаем на рассвете.

Он снова скрылся в темноте. Валуев мрачно посмотрел ему вслед.

— Вот и ответ. Мы снова в деле, парни. Только меня это почему-то не радует.

Рано утром Карнач, облачившись в латы и накинув на плечи плотный походный плащ, подошёл к палатке де Сегюра и его рыцарей. Неподалёку на корточках сидел странный человек, который привлёк его внимание. Он явно был алкорцем, худощавый, с тонкими чертами осунувшегося лица и засаленными волосами, которые изначально наверно были золотистыми, но теперь висели грязными спутанными патлами. Он был немолод, и его одежда уже превратилась в лохмотья, однако, поверх неё была надета проржавевшая кираса, а рядом на земле лежал тяжёлый зазубренный в боях, но начищенный до белого блеска рыцарский меч с витой рукояткой. Он мрачно и как-то безнадёжно посмотрел на капитана гвардейцев и отвёл глаза.

Марк вышел из палатки и посмотрел туда, где оруженосцы снова седлали коней и привязывали к сёдлам мешки с припасами. От его недавней нерешительности не осталось и следа, и лишь мрачное выражение на лице выдавало тревогу. Увидев Карнача, он кивнул в знак приветствия и взглядом указал на алкорца.

— Наш проводник Эолад, — пояснил он. — У нас теперь нет причин не доверять ему. Ночью он, действительно, вывел егерей по заднему склону к посту на вершине скалы и сам прикончил того рыцаря, что стоял в карауле. Двух других удалось взять живыми, они спали в хижине. Хотя не думаю, что они будут более разговорчивы, чем прежние.

— Мы готовы, — сообщил Карнач, без особых эмоций взглянув на предателя. — Эолад, сколько времени займёт путь до Грозовой горы?

Алкорец нехотя поднялся и, взяв свой меч, сунул его в ножны. Он был худым, и латы висели на нём, как на деревянной палке. Подойдя к рыцарям, он посмотрел на пики скал и ответил:

— Там несколько дорог. Я поведу вас той, которой не ездят люди Ареса, так меньше риска, что нас обнаружат. Она длиннее, но вполне проходима для кавалерии, пехоты и лёгких подвод. Несколько раз нам придётся выходить на основную дорогу, там, где через пропасти проложены мосты. Других переходов нет, но потом мы снова будем уходить немного в сторону. Путь до цитадели Девы Лардес займёт около двух светлых дней, но к ней мы подходить не будем. Я издалека покажу вам дорогу, проходящую мимо цитадели, а потом проведу кружным путём. В противном случае караульные со стен заметят нас, и Арес вышлет отряд для перехвата. Биться с ними плохая идея даже для вас. Но когда вы пойдёте там с войском, можете идти, где захотите. От цитадели до Грозовой горы даже по обходным тропам не больше половины дня пути.

— Какой численности гарнизон цитадели? — спросил Карнач, натягивая перчатки.

— Когда я уходил, было две с половиной сотни человек. Не думаю, что что-то сильно изменилось с тех пор. Все рыцари и оруженосцы отлично обучены, в горах у них подготовлено множество ловушек для непрошенных гостей. Это ещё одна причина, по которой нам лучше не выдавать своего присутствия. Они могут засыпать взрывами часть дороги и уничтожить мосты через пропасти.

— Ты знаешь все ловушки? — уточнил Марк.

— Нет, только некоторые, в обустройстве которых участвовал сам. Все знает только Арес и его заместитель Таурис. К тому же, после моего ухода они могли что-то изменить.

— Последний вопрос, — проговорил Карнач, взглянув алкорцу в глаза: — почему тебя

выгнали?

Эолад задумчиво посмотрел на него и произнёс:

— Я убил и взял за это деньги. Уставом цитадели это не запрещено, но Арес счёл, что мой поступок недостоин рыцаря. Меня лишили рыцарского звания и изгнали. Может, он был прав, и я слишком свободно истолковал отсутствие в уставе прямого запрета заказного убийства. Однако я был не один. Мой молодой друг не участвовал в этом, и вся его вина состояла только в том, что он не стал доносить на меня. Он не мог это сделать, потому что когда-то был моим оруженосцем и хранил мне верность. Но Арес изгнал и его, хоть и не отнял рыцарские ножны. Однако, в этом мире изгнание из цитадели равносильно бесчестью. Мой друг потерял всё, поплатившись за свою преданность. И этого я им никогда не прощу.

— Но ты ведёшь нас туда за деньги, а не из чувства мести, — напомнил Марк.

— Одно другому не мешает, — возразил Эолад. — Если ваше войско сметёт эту твердыню с лица земли, я буду удовлетворён. А деньги мне нужны, чтоб вернуться домой. Мне надоело скитаться по дорогам. Без рыцарских ножен я не могу, как прежде, зарабатывать временной службой и участвовать в турнирах, а просить милостыню мне стыдно. Чтоб добыть себе на пропитание, мне приходится принимать заказы на такие дела, за которые не взялся бы честный человек. Я из благородной семьи. Когда ваш король мне заплатит, я вернусь домой, отстрою заново свой замок и женюсь. И никто не позволит себе упрекать меня в том, что какой-то выскочка из пришлых отобрал мои ножны.

К концу этой речи его тихий бесцветный голос слегка окреп, и в выцветших глазах вспыхнуло пламя, но это был лишь краткий миг оживления. После этого он снова сник и обернулся туда, где возле коновязи стоял конь, приведённый для него с пастбища.

— Выступаем, — скомандовал Марк, вытащив из-за пояса свои перчатки и кивнул стоявшему в стороне Ламберу.

Тот громко повторил приказ, вызывая из палаток задержавшихся там рыцарей.

Эолад сказал правду, он вёл отряд по широкой утоптанной тропе, петлявшей между горами, то поднимавшейся на перевалы, то спускавшейся в ущелья. Рыцари барона де Сегюра, которым уже пришлось проделать нелёгкий путь по горам во время первой вылазки, теперь чувствовали себя куда более уверенно, да и дорога была куда более удобной и проходимой. Иногда путь им преграждали небольшие осыпи, которые они преодолевали без особых усилий. Ни разу им не пришлось переходить вброд реки и даже ручьи, потому что через все водные преграды были перекинуты прочные деревянные мосты на опорах из толстых брёвен. И единственное, что казалось утомительным, это бесконечные извивы дороги, когда приходилось долго подниматься и спускаться по бесконечному серпантину, чтоб добраться до места, до которого порой было рукой подать, но лежало оно за глубоким провалом пропасти.

Первую ночёвку они устроили в горах. Эолад отвёл их в сторону от дороги, так чтоб их стоянка была прикрыта скалами, на случай если кто-то ночью пройдёт мимо. И едва небо над горами посветлело настолько, что можно было видеть каменистый путь под копытами коней, он снова вывел отряд из укрытия и повёл дальше.

Несмотря на то, что, на сей раз, они двигались быстрее, весь последующий светлый день с двумя небольшими привалами им пришлось провести в седле. Дорога снова начала казаться бесконечной, и порой даже Карнач поглядывал на замкнутого худого алкорца, размышляя, не заводит ли он их подальше в горы, готовя западню. Когда снова начало

темнеть, и Эолад свернул с дороги и по узкой, едва приметной тропе углубился в ущелье, Александр вытащил из седельной сумы складной арбалет и, разложив его, положил перед собой на луку седла.

Но Эолад миновал ущелье, и отряд выехал на небольшую зелёную площадку, где под укрытием скал со склона сбегал чистый ручеёк. Рыцари и гвардейцы спешили и отпустили уставших коней пастись на свежей зелёной траве, а Эолад обернулся к Марку и жестом поманил его за собой. Заметив это, Карнач подошёл ближе.

— Я проведу вас туда, откуда открывается вид на цитадель, — произнёс алкорец. — Идти лучше пешком, потому что тропа крутая и проходит через перевал. Тут недалеко.

Марк позвал с собой Ламбера и Ла Моля, а Карнач — Валуева и Москаленко. Так, следуя по горам за проводником, они вышли на край обрыва над ущельем, за которым открывался необычный вид, тревожащий и завораживающий одновременно. Скалы расступились и отодвинулись далеко за широкую долину, испещренную низкими острыми иглами маленьких скал, а над ними на одной из вершин, в тускнеющем вечернем небе вздымалась своими стройными, похожими на белые клыки башнями цитадель Девы Лардес.

Какое-то время они стояли, глядя на эти высокие стены, на которых постепенно загорались огни. Отсюда цитадель выглядела частью самих скал, красивой и неприступной твердыней, которая, казалось, сама собой выросла когда-то из горных недр.

— Как можно взять эту крепость? — поражённо воскликнул Ламбер, стоявший рядом с Марком. — Ведь её окружает пропасть, а стены так высоки, что уходят под облака!

— Это ущелье внизу непроходимо, — ответил Эолад, присевший рядом на камень, чтоб не мешать своим спутникам рассматривать цитадель. — Да если б и удалось по нему пройти, то подняться по стене до верха стен невозможно. Но дальше ущелье становится всё уже, и возле ворот оно не такое уж широкое. Через него перекинут мост. А если можно перекинуть мост, то можно перебросить и лаги. Главное сколотить щиты, под прикрытием которых ваши люди будут подбираться к воротам, потому что сверху на вас обрушат дождь стрел, кипящую смолу и кипяток, а также камни и подоженную паклю. Однако насколько я знаю Ареса, он не будет обороняться. Он выведет своих людей на дорогу, чтоб принять бой и грудью закрыть от вас Алмазное Сердце. На дороге вы сомнёте его отряд, как боевой конь — бешеного барсука. А потом возьмёте цитадель, потому что там останутся только слуги и караульные, которые не смогут обеспечить достойное сопротивление.

— Неужели Арес так глуп, что попытается остановить армию двумя сотнями рыцарей? — обернулся к нему Ла Моль.

— Он не глуп, и понимает, что это — самоубийство. Но его цель не сохранить цитадель и гарнизон, а защитить Алмазное Сердце. Или умереть, защищая его. Вы бы поступили иначе?

— Не знаю, — внезапно растерялся Ла Моль.

— Уходим, — проговорил Марк, бросив последний взгляд на цитадель. — Темнеет, и обратная дорога становится всё опасней. Будем ли мы осаждать эту крепость, пусть решает король. Его цель — захватить Алмазное Сердце, а не брать приступом цитадель. Мы сообщим ему, что видели, и на этом наша миссия пока будет завершена.

— Подождите, — поднялся со своего места Эолад и подошёл к нему. — Посмотрите туда. Видите над горами вдалеке чёрное облако, в котором сверкают искры? Когда я уходил, там был высокий чёрный пик, торчащий, как зуб дьявола. Но теперь там ещё страшнее. Это и есть Грозовая гора. Я отведу вас туда следующим светлым днём. А после мы вернёмся в ваш

лагерь, я получу свои деньги и уйду из этих проклятых гор навсегда.

Он развернулся и медленно пошёл по тропе обратно к стоянке, но его спутники стояли, глядя туда, где в вечерних сумерках клубился над горами чёрный клубок плотно сомкнутых грозовых туч, в которых непрерывно сверкали молнии. И даже если с такого расстояния можно было разглядеть их свет, то, что же творилось там, на самой горе? Этот зловещий клубящийся мрак на горизонте выглядел ещё более пугающим и неприступным, чем высокие крутые стены цитадели.

Наконец, Марк смог отвести взгляд от этой странной картины и, обменявшись тревожными взглядами с Карначом, повернул к стоянке. Обратно шли молча. Даже на гвардейцев эта фантазмагорическая картина произвела впечатление. Только когда они дошли до временного лагеря, где уже был разведён костёр и расстелены походные постели, Игнат высказал то, что мучило их всех:

— Как он это сделал?

— Технически это несложно, — пожал плечами Валуев. — Только техника здесь не работает.

— А вот я почему-то вспомнил, как на небо набегали тучи, когда Сан Саныч Азаров был не в духе, — пробормотал Карнач. — И от этого воспоминания мне как-то не по себе.

Его друзья переглянулись, но обсуждать увиденное им как-то расхотелось. Долгая ночь выдалась беспокойной не столько из-за того, что их кто-то потревожил, — напротив, было тихо, даже ветер стихал, опускаясь в маленькую ложину, давшую им приют, — сама близость Грозовой горы и чего-то страшного и непонятного, затаившегося там, не давала им спокойно спать. И ночью они несколько раз снова в темноте карабкались по узкой крутой скале на перевал, чтоб добраться до той площадки и опять стоять в тишине, глядя на освещённую огнями неприступную крепость и далёкое мерцание молний во тьме, сгустившейся над Грозовой горой.

Наконец утро снова вступило в свои права, и Эолад, поймав своего коня, оседлал его. Вслед за ним и остальные собрались, и отряд двинулся в путь. Проезжая вдоль гребня скалы по узкой звериной тропе, они ещё раз на какой-то момент увидели цитадель, и Эолад указал им, где проходит дорога, по которой может пройти войско. Она стелилась узкой серой полосой под склоном горы как раз у подножия крепости, отделённая от неё естественной широкой трещиной горного ущелья.

После этого они опять углубились в горы. На сей раз их путь был не таким лёгким, как раньше, он, скорее, напоминал их первую вылазку, когда приходилось пробираться по дну узких каньонов и балансировать на карнизах, проходящих по краю горного хребта. Через несколько часов они увидели впереди клубящуюся чёрную тучу, парящую над вершинами скал, становившихся всё более мрачными и тёмными. Эта туча, в которой постоянно вспыхивали зарницы ярких молний, нависала над головами, и люди тревожно смотрели на неё, невольно ожидая, что одна из огненных белых стрел вдруг вырвется из чёрной массы и вонзится в скалу над их головами, вызывая роковой камнепад. Но ничего такого не происходило, только крепчал ветер, налетающий с разных сторон и рвавший плотные плащи за их плечами, да вскоре с неба посыпалась холодная морось, постепенно переходящая в ледяной дождь.

Промокшие насквозь скалы истекали потоками воды, блестящие камни, покрывавшие тропу, хрустели под копытами, но этот звук заглушали раскаты грома, следовавшие один за

другим. Всадники уже промокли насквозь, плащи тяжело обвисли, пропитавшись дождевой влагой, ливень становился всё сильнее, и кони тревожно вздрагивали, переходя через потоки воды, то и дело пересекающие тропу. Через какое-то время им начало казаться, что они попали в самый эпицентр шторма, таким сильным был ветер, круживший вокруг них. Он пронизывал насквозь, заставляя их дрожать от холода в сырой одежде.

Вокруг стало темно, как ночью, над головами клубились тяжёлые тучи, и теперь молнии действительно били вниз, в обломанные вершины окрестных скал. Отряд с трудом пробирался по узкой тропе, огибая тяжёлые валуны, и ноги коней скользили на осыпях мелких камней. Грохот грома и шум нескончаемого дождя заглушал все звуки. Было ясно, что цель их путешествия совсем рядом, и всё же появление впереди, в расщелине между скалами странной каменной громады вызвало в их душах панический ужас. Это было странное сооружение на изрытой потоками дождя и избитой молниями горе, сложенное из огромных кривых валунов, бесформенное и столь непрочное на вид, что казалось ещё немного и вся эта нелепая груда камней обрушится на их головы. Лишь присмотревшись к строению в целом, можно было различить крепостные стены, выступающие из них острые контрфорсы и тяжёлые башни, поднимавшиеся так высоко, что их вершины терялись в мутном вареве грозových туч.

На какое-то время они остановились, поражённо глядя на чёрный замок, стены которого тоже сочились влагой, вытекавшей из щелей между кое-как сложенными каменными блоками. Эта громада подавляла и наводила ужас своей монолитностью странно сочетающейся с видимой неустойчивостью отдельных элементов, она была черна, и лишь вспышки молний отражались бликами от её неровных влажных стен. Ни огней, ни какого-либо иного признака того, что в этом строении есть что-то живое, они не увидели. И, наконец, Марк, обернувшись к товарищам, махнул рукой назад, показывая, что они могут возвращаться. Его спутники восприняли это с облегчением, даже кони как-то слишком торопливо развернулись и, едва не толкаясь, принялись карабкаться по тропе, которая уводила их назад в горы от этого жуткого места.

Обратный путь был похож на возвращение из ада, когда дождь и ветер постепенно слабели, тьма отступала, а раскаты грома слышались всё дальше позади. И вскоре о пребывании в темноте вечного шторма им напоминали только промокшая насквозь одежда и дрожащие бока испуганных и замёрзших лошадей.

Они снова остановились на привал в той же лощине, где ночевали. Нужно было отдохнуть, обтереть и накормить животных и высушить одежду. Однако на сей раз Марк не позволил разжечь костёр, опасаясь, что днём его дым будет замечен из цитадели. Сняв верхнюю одежду, они отжали то, что было сшито из ткани и встряхнули кожаные куртки, чтоб избавиться от скопившейся в них воды, после чего расселись на земле, глядя туда, где за горным гребнем всё так же клубилась чёрная грозовая туча.

— И как мы будем брать эту крепость? — спросил Герлан, сумрачно взглянув на Марка.

— Пусть решают де Сансер и де Бове, — проворчал Марк и откинулся на спину, глаза прикрыв рукой.

— Может, нужно было обследовать крепость? — спросил Фонтейн и повернулся к Эоладу. — Что она собой представляет?

— Я не знаю, — проворчал тот, разглядывая размокший кусок хлеба, который он извлёк из своей сумки. — Когда я уходил, никакой крепости там не было. Мы ходили иногда к горе, но там и без этого ужаса было страшно. Я не знаю, как можно было так быстро сложить из

каменной этот замок, да ещё окутать его этой бурей. Это злая магия и там не место живым. Я мало запросил у вашего короля за эту услугу. Если б я знал, что там творится, то потребовал бы в десять раз больше.

— Ладно, дело сделано, — проворчал Ламбер, с презрением взглянув на него. — Ты получишь столько, сколько запросил, и ни единой монетой больше. Лучше скажи нам, почему там было страшно даже тогда, когда там не было этого колдовского замка и вечной грозы?

— Там были тени, — ответил Эолад, отжимая хлеб, как мокрую тряпку, после чего сунул кусок в рот и, прожевав, добавил: — Они были там даже днём, высывались прямо из щелей этой чёрной горы и обвивались вокруг ног. И когда они это делали, перед глазами возникала всякая чертовщина, какие-то расплывчатые видения, слышались стоны и крики, иногда колени подгибались, и казалось, что они сломаны. И всех охватывал ужас.

— И что это было? — спросил Булатов. — Как вы всё это объясняли?

— Никак, — алкорец хмуро взглянул на него. — Мы просто ходили туда, чтоб убедиться, что на горе нет чужаков, а то, что она пугает пришельцев, было даже хорошо. Это значило, что она будет также пугать и тех, кто проберётся к ней, чтоб забрать Алмазное Сердце.

Валуев задумчиво посмотрел на Карначу.

— Что ты об этом думаешь? Какой-то галлюциногенный газ, который выходит из недр горы или ещё что-то, что вызывает видения?

— Возможно, — пожал плечами тот.

— А может нам привиделся этот замок? — спросил Фарид. — Может, это галлюцинация?

— Ага, массовая, — кивнул Игнат. — Не знаю, как вам, а мне это архитектурное сооружение в дымящихся тучах показалось вполне подходящим для нашего уважаемого старпома. Или только я замечал, что когда он не в духе, у него из волос торчат рога, а из ноздрей идёт дым?

— Да, я как-то забыл, что там обретается Бен, — проворчал Карнач. — И теперь мне ещё страшнее.

— Ладно, — вздохнул Марк, поднимаясь. — Нужно ехать дальше. Чем скорее мы доберёмся до лагеря, тем лучше. Обсудимся на ночной стоянке.

Он брезгливо осмотрел свою мокрую куртку и, надев её, затянул шнуровку на груди. Остальные последовали его примеру, и скоро отряд отправился в обратный путь.

Проехав по тропе, они снова оказались на дороге и повернули на запад. Теперь, когда задание было выполнено, а маршрут известен, они ожидали, что возвращение будет лёгким и скорым. Они скакали по горной дороге, не ожидая препятствий на своём пути, и всё ещё находились под впечатлением от своего пребывания возле замка Повелителя теней и, может, потому не заметили засаду.

Свист стрелы и вскрик Эолада вырвал Марка из тревожной задумчивости. Алкорец повис в седле, из его шеи торчал железный арбалетный болт. Рыцари и гвардейцы на ходу вытащили из ножен мечи и пришпорили коней, высматривая, откуда в них стреляли. И тут на дороге показались пять всадников с арбалетами наперевес, а позади раздалось конское ржание и топот копыт.

— Прорываемся! — крикнул Марк, поддав коню шпорами, и пустился во весь опор.

Со стороны противников было ошибкой покинуть укрытие, потому что теперь все их

действия были на виду, и опытные воины с лёгкостью уклонились от выпущенных в них стрел. Марк отбил мечом ту, что летела в него, и первым сшибся со скачущим ему навстречу рыцарем в блестящих доспехах. Он парировал удар тяжёлого клинка и, развернувшись в седле, левой рукой вонзил свой стилет в шею противника. Следом уже подоспел Ламбер и обрушил на второго рыцаря свой тяжёлый меч. Вскоре на дороге завязался бой, который задержал отряд де Сегюра, а сзади к нему уже мчалось не меньше двух десятков рыцарей Девы Лардес.

— Александр, уводи своих! — крикнул Марк, разворачивая коня навстречу погоне. — Вы должны сообщить о дороге в ставку короля!

— Уходим! — крикнул Карнач и промчался мимо, увлекая за собой своих товарищей.

Рыцари де Сегюра схватились с врагами на узкой дороге, в то время как гвардейцы всё больше удалялись от места боя, слыша позади звон оружия и крики противников. Карнач скакал вперёд, прижимаясь к шее лошади и стиснув зубы, понимая, что может больше уже никогда не увидеть Марка и его людей. Но приказ был получен. В конце концов, это же не их война! Но в этот момент вдруг Игнат осадил коня и крикнул:

— Я не могу так, Сашка! Они там гибнут, а мы бежим! — и, развернувшись, помчался назад.

— Игнат! — заорал Карнач, потянув на себя поводья. Его лошадь возбуждённо пританцовывала, крутясь на месте, а рядом остановился Валуев. — Дьявол его подери! — рычал Карнач, глядя вслед Москаленко. — Булатов, Белов, Аль-Сафар, выполнять приказ! Остальные — за мной!

Он пришпорил коня и поскакал за Игнатом, за ним устремились Валуев и Стаховски. Фарид тревожно смотрел им вслед, а потом перевёл взгляд на Булатова.

— Мы их бросим?

— Мы выполним полученный приказ, — отрезал тот и пришпорил коня. — Если мы погибнем и не сообщим о дороге к Грозовой горе, то все жертвы будут напрасны.

Фарид кивнул и, ещё раз оглянувшись, поскакал по дороге на запад. За ним поспешил Белов.

На дороге, пролегающей в нескольких метрах от пропасти, кипел бой. Двенадцать рыцарей Сен-Марко во главе с бароном де Сегюром сражались с не менее чем двумя десятками рыцарей Девы Лардес. Ржание лошадей, крики, стоны и звон железа слились в жуткую песню войны, заглушавшую собой всё. Марк был как в угаре. Он чувствовал текущую по его лицу и рукам кровь и не знал, чья она, его или врагов. Все его чувства обострились до предела, он стремительно наносил удары, видя перед собой только перекошенные лица алкорцев и смертоносный блеск тяжелых клинков. Он не знал, что с его друзьями, но был уверен, что пока они могут держать в руках оружие, они бьются так же яростно, как и он. В какой-то момент лошадь под ним заржала и покачнулась, заваливаясь на бок. Он нанёс колющий удар ближайшему противнику, попав ему в плечо и прорвав остриём кольчугу, после чего спрыгнул на землю и с размаху ударил лезвием по его ноге. Алкорец закричал и упал рядом на землю. Его лошадь испуганно пронеслась дальше, а Марк с размаху опустил лезвие меча на шею врага, отчего его голова отлетела в сторону. Брызнувшая кровь тёплой струёй ударила по рукам, и тут он услышал позади конский топот и крик. На него с занесённым для удара мечом нёсся ещё один алкорец. Марк понял, что не успеет даже поднять свой меч, чтоб принять на него удар, и в следующий момент свистнула стрела, и

алкорец с хрипом откинулся назад. Из его груди торчал короткий стальной болт.

Марк обернулся и увидел Игната, мчавшегося к месту схватки с арбалетом в руках. У него не было времени перезарядить его, но он ввязался в бой, ударив стальным плечом арбалета в лицо ближайшего противника, после чего выхватил меч. Осмотревшись, Марк увидел Герлана, бившегося пешим с двумя алкорцами на краю дороги. Они теснили его к краю пропасти, и Марк, стиснув эфес меча, бросился на помощь.

Внезапное возвращение гвардейцев склонило чашу весов в этом бою на сторону землян. Они вступили в бой с налёта, ловко уворачиваясь от вражеских клинков и стремительно нанося быстрые и точные удары. В какой-то момент алкорскому рыцарю удалось выбить из рук Стэна Стаховски меч, который отлетел в сторону, прозвенев по камням, но в следующий момент он сам получил смертельный удар в шею, нанесённый тонким лезвием метательного кинжала. Оглядевшись, Стэн увидел, как на Игната насаждает широкоплечий алкорец в чёрном плаще, и тот, едва сдерживая его напор, не видит, как сзади к нему стремительно приближается ещё один противник. Стэн привычным движением сунул руку в подсумок и нащупал пластиковый контейнер с круглыми острыми сюрикенами. Двумя быстрыми кистевыми бросками он метнул их в соперников Игната, а потом начал высматривать следующую цель.

Карнач, приближаясь к месту боя, успел окинуть взглядом всю диспозицию. В отличие от рыцарей, он не чувствовал азарта боя, напротив, он был спокоен и сосредоточен на достижении результата. Какого? Он сразу увидел, что, несмотря на численный перевес, алкорцы терпят поражение. Они бились, как рыцари на поле боя, в то время как соратники барона де Сегюра были бретёрами. Потому на дороге уже лежали несколько рыцарей Девы Лардес, безжалостно зарубленные мечами, и двое, убитых кинжалами: один — в глаз, второй — в шею. Следующее, что он увидел, был упавший на землю Ламбер, зажимавший рану на плече, над которым стоял алкорец с поднятым мечом, острие которого было опущено вниз и нависло над раненым. Карнач направил коня к ним, но понял, что не успевает и, развернув меч, бросил его точно в основание черепа алкорца, а потом, уже проносясь мимо, нагнулся, чтоб вырвать его из раны упавшего на Ламбера мёртвого противника, и поспешил туда, где с двумя алкорцами бился Делаж.

Валуев подоспел последним, но к нему тут же устремились сразу три всадника с мечами наголо. Иван зло усмехнулся и крутанул в воздухе клинок, издавший при этом лихой свист, после чего ввязался в схватку. Он успел отбить атаку одного рыцаря и парировать удар другого, а третий, не доехав, пошатнулся и свалился с лошади, получив в спину арбалетную стрелу. Краем глаза Иван успел заметить, как ему махнул рукой Фонтейн, стоявший на краю дороги, в руках у него был арбалет. Два противника для Ивана были не так страшны. Он успешно отбивался от них, выбирая момент для контратаки, когда к нему направился Арно и, не доезжая, метнул в одного из алкорских рыцарей кинжал, который вонзился ему в ухо. Алкорец ахнул, второй, услышав это, на мгновение замешкался, и этого было достаточно, чтоб Иван успел нанести ему мощный рубящий удар по шее.

Бой закончился как-то внезапно. Звон мечей смолк, и слышались только проклятия выживших и стоны раненных. Марк, покрытый кровью с ног до головы, осмотрелся и увидел, что дорога усыпана телами людей и лошадей.

— Всех добить! — приказал он и сам вонзил меч в грудь лежащего на обочине раненного алкорца.

— Зачем? — крикнул ему поражённый Игнат, вмиг забывший, что сам только что убил

несколько человек.

— Они не должны сообщить своим, кто мы и сколько нас, — спокойно ответил Марк, подходя к следующему раненому.

К нему присоединились Фонтейн и Делаж, а Арно ходил по дороге, разглядывая доспехи и оружие убитых. Неожиданно он издал тревожный возглас и нагнулся, чтоб отвалить в сторону мёртвого рыцаря с перерубленной шеей.

— Марк! — крикнул он. — Здесь Ламбер, он ранен!

Марк, забыв обо всём, кинулся к нему и упал на колени возле Ламбера, зажимавшего рукой рану на плече, из которой обильно текла кровь.

— Я умираю, Марк, — попытался улыбнуться тот, хотя его лицо уже было бледным, а черты исказились от боли.

— Нет, нет, подожди! — воскликнул Марк, но в этот момент кто-то сзади взял его за плечи и отодвинул в сторону.

— Пусти, — хмуро проговорил Карнач, опускаясь рядом. — Игнат, помоги мне! Валуев, займись рукой Герлана, у него рубленая рана. Стэн, помоги ему остановить кровь.

Рыцари стояли вокруг раненого Ламбера, наблюдая за странными манипуляциями гвардейцев, которым, наконец, удалось остановить сильное кровотечение, потом они наложили на рану сдавливающую повязку из странного розового материала, закрепили её биндом и сделали несколько инъекций. Обезболивающее скоро подействовало, и Ламбер, кусавший губы от боли, немного расслабился. До этого он смотрел только на Марка, но теперь обвёл взглядом остальных.

— А где Ла Моля? — неожиданно спросил он.

Марк вскочил и начал озираться. На ногах из его людей, кроме него, были только шестеро. В стороне возле скалы сидел Герлан, рядом с которым присели Стэн и Иван, заканчивая перевязывать его рану чуть выше локтя. Чуть дальше на камне устроился Фонтейн, деловито зашивая глубокий разрез на бедре с помощью швейной иглы и суровой нити. Ла Моля и Бенара не было, и Марк пошёл по дороге, снова оглядывая лежавшие на дороге трупы. Бенара он нашёл вскоре. Тот лежал на обочине, придавленный павшей лошадью и зарубленный мечом. И, наконец, Марк нашёл Ла Моля. Его старый друг дальше всех пробился сквозь строй нападавших рыцарей Девы Лардес и принял бой сразу с тремя противниками. Они остались тут же, поражённые его мечом, но эта победа далась ему слишком дорого. Он весь был изранен и покрыт своей и чужой кровью. Марк медленно опустился рядом с ним на колени и, взяв руками его голову, заглянул в остекленевшие глаза, а потом осторожно провёл ладонью по его лицу, закрыв их навсегда. Из его груди вырвался глухой стон, и он замер, склонившись над телом друга.

— Марк, — услышал он за спиной, и Карнач, нагнувшись, взял его за плечи, — нам нужно поторопиться. Они, действительно, не знали, кто мы и сколько нас, а значит, алкорцам в цитадели о нас пока неизвестно, но скоро этого отряда хватятся. Нам нужно уходить, пока есть возможность. Пока они не знают, какой дорогой мы пришли и куда ушли.

— Я не оставлю его здесь, — проговорил Марк, приподняв тело Ла Моля и обнимая его. — Я не хочу, чтоб его сбросили в пропасть.

— Мы никого здесь не оставим, — успокоил его Карнач. — Нельзя оставлять здесь ничего, что подскажет им о численности и принадлежности нашего отряда. Ребята ловят лошадей взамен убитых. Поднимайся, нам нужно ехать.

Марк встал и, осторожно взяв на руки тело Ла Моля, пошёл к коню, которого ему

подвёл Арно.

— Я возьму его к себе, — произнёс тот. — Дюпон возьмёт тело Бенара.

— Что с Ламбером? — Марк обернулся к Карначу.

— Он потерял много крови, но если дотянет до лагеря, выживет. Надо, чтоб кто-то вёз его перед собой в седле.

— Я возьму его, — кивнул Марк и помог Арно положить тело погибшего друга поперёк седла.

Спустя несколько минут поредевший отряд Сен-Марко помчался по дороге, всё дальше удаляясь от цитадели Девы Лардес.

Комендант цитадели лорд Арес стоял на площадке высокой башни, возвышавшейся над крепостными стенами, и осматривал окрестности. Вокруг него кипела работа. Рыцари, оруженосцы и слуги тащили на стены камни для катапульт, дрова для котлов, в которых будет подогреваться смола и вода, и тюки с паклей. Отдельно лежали наготове связки готовых факелов. Ящики со стрелами подносили к самому краю и устанавливали возле зубцов, под прикрытием которых можно было обстреливать дорогу, проходящую под стенами. Крепость готовилась к осаде, хотя сам Арес понимал, что оборона крепости не имеет смысла, потому что не обеспечит защиту Алмазного Сердца. Ему придётся вывести людей, весь гарнизон на дорогу, чтоб принять последний бой, защищая святыню этого мира от алчных рук короля Ричарда.

Рядом с ним стоял молодой капитан Элрик, только что вернувшийся со своим отрядом из разведки.

— Войско землян стоит лагерем в долине Трёх ключей, — сообщил капитан. — Численность не меньше десяти тысяч, судя по количеству лошадей на пастбищах, не меньше половины — это кавалерия. Остальные — пехотинцы. Есть осадные машины, но не думаю, что они смогут протащить их по горным дорогам. Они стоят уже несколько дней, видимо, проводят разведку. Мы проверили наши посты. Шесть постов остаются в полной готовности, но у них пока тихо. На посту у Старой дороги, откуда мы получили сигнал, никого нет. Если Маруэл, Лаоран и Роланд ушли, то, скорее всего, дальше в горы, чтоб помешать землянам найти путь к Грозовой горе. Пост на Белой скале разорён. Мы обнаружили там тело Броуна. Крэтана и Блинда нет, в хижине всё перевёрнуто. Думаю, что пост захватили ночью так, что они не успели подать сигнал.

— Как это может быть? — Арес хмуро взглянул на него. — Как земляне смогли найти пост на вершине скалы, да ещё подобраться к нему незаметно?

— Не знаю. Может, они захватили кого-то из наших и заставили говорить?

— Я в это не верю, — Арес снова отвернулся, и принялся рассматривать сияющие в голубоватой дымке пики скал.

— Роланд совсем молод... — начал Элрик, но комендант прервал его:

— В нём я уверен также как в Маруэле и Лаоране. Он шесть лет был моим оруженосцем, и я не зря прежде срока вручил ему рыцарские ножны. Это не он. Но в том, что нас кто-то предал, можно не сомневаться, — Арес обернулся и посмотрел на начальника караула Вилмара. — Остальные отряды вернулись?

— Пока нет, мой лорд, — покачал головой он. — Хотя отряд Этона должен был вернуться ещё утром.

— Может они наткнулись на разъезд землян? — предположил Элрик. — Они так и

пшыряют вокруг лагеря. Мы сами с трудом увернулись от них в лесу.

Арес ничего не ответил, чуть заметно покачав головой. Несколько дней назад караульный со смотровой башни увидел вдали на скале возле Старой дороги огонь костра. Обычно, когда в горы заходили случайные путники, огонь на скале то гас, то загорался снова, и по периодичности сигнала можно было понять, кто пересёк незримую границу скал, и насколько он опасен для святыни. Но на сей раз, он горел, не мигая, без перерывов. Бесперывно горящий костёр значил одно — в горы движется вражеское войско. После этого Арес отправил на разведку по разным дорогам пять отрядов. Два из них уже вернулись, не найдя никаких признаков вторжения, но Элрик принёс тревожные вести, после чего комендант отдал приказ готовить цитадель к осаде. Ещё один отряд капитана Этона, ушедшего днём раньше Элрика, тоже должен был уже вернуться, но пока не возвратился, и это беспокоило Ареса. Он хмуро вглядывался в горные вершины и видимые со стен перевалы, пытаясь разглядеть хоть какое-то движение, но горы хранили свой вечный безмятежный покой.

Появление взволнованного Тауруса вместе с капитаном Гендрихом, командиром последнего пятого отряда подтвердило самые мрачные предчувствия Ареса.

— Наша разведка не удалась, мой лорд, — сообщил Гендрих. — Мы прошли по тропам до Синего озера, но никого не встретили. Однако, возвращаясь, мы наткнулись на отряд Этона. Они все мертвы!

— Этон мёртв? — переспросил Арес, словно не мог поверить в это. — И его люди? Что, все двадцать три человека?

— Зарублены, убиты кинжалами и арбалетными стрелами. Очень странными стрелами, мой лорд.

Гендрих протянул ему короткую блестящую шестигранную стрелу с тяжёлым мелко зазубренным наконечником и тройным металлическим оперением, закрученным по спирали. Осмотрев её, Арес убедился, что она изготовлена из неизвестного ему металла или сплава и предназначена отнюдь не для обычных деревянных арбалетов.

— Что ещё? — спросил он.

— Среди убитых лошадей есть несколько чужих, с хорошей дорогой упряжью, сделанной на заказ, — капитан достал из кармана обрезок уздечки с надетыми на неё медными бляшками в виде львиных голов.

— Земляне, — определил Таурус, взяв в руки обрезок. — Сделано хорошим кузнецом для рыцаря.

— Как далеко от цитадели это случилось? — спросил Арес.

— Совсем рядом, за Кабаньей горой, там, где пропасть подступает к дороге почти вплотную.

— Они уже здесь? — воскликнул Таурус и тревожно взглянул на коменданта. — Они дошли до цитадели? Значит, они знают дорогу! Но откуда?

— Это самое интересное, — кивнул Гендрих. — Там был жестокий бой, камни политы кровью, но нет ни одного трупа врагов. Если у них и были погибшие, они забрали с собой всех! Кроме одного. Это Эолад. Его труп они бросили.

— Вот оно что... — мрачно проговорил Арес. — Этот подлец предал нас, он выдал им пост у Белой скалы и показал дорогу сюда. Только вот какую?

— Думаю, они случайно столкнулись с возвращавшимся отрядом Этона, — произнёс Таурус. — Возможно, Этон что-то заметил и решил уничтожить их отряд, но ему не удалось.

— Сколько же их прошло сюда, к самым стенам цитадели, если они перебили отряд из двадцати трёх рыцарей, которые спали с мечами в обнимку и днём не выпускали их из рук, готовясь к бою?

— Неважно, сколько было этих разведчиков, Арес! — воскликнул Таурус. — Важно, сколько они теперь приведут сюда за собой!

— Десять тысяч? — спросил Элрик, тревожно взглянув на коменданта.

— Нужно перекрыть им дорогу, — проговорил тот. — Отправляйте людей, пусть взрывают мосты и карнизы, по которым проходит дорога. Пусть готовят диверсии на пути.

— На каком пути? — мрачно уточнил Гендрих. — Мы не знаем, по какой дороге они пойдут. — Мы не можем перекрыть все, у нас нет для этого времени и сил.

— Тогда мосты. Все дороги сходятся перед мостами, и миновать их нельзя. Взрывайте мосты и расставьте на дорогах караулы, чтоб подали нам знак, когда мимо них пойдут. А мы уже будем действовать по обстановке. Таурус, отбери надёжных людей, хорошо знающих горы, из тех, кто умеет обращаться с порохом и запалом, и тех, что метко стреляют.

— Нам не перестрелять всё войско, Арес, — напомнил Таурус.

— Нам не нужно всё войско, друг мой. Будет достаточно пристрелить их короля!

Обратно отряд Марка де Сегюра продвигался по горам почти без остановок, даже ночью они ехали по знакомой уже дороге при свете факелов, которые держали в руках. Люди и кони были измучены, но Марк всё гнал их вперёд, словно на пятки им наступал сам дьявол. Может, он и опасался погони, но, скорее всего, он торопился добраться до лагеря, чтоб сохранить жизнь хотя бы одному из своих лучших друзей.

Наконец, на исходе светлого дня они добрались до лагеря и, проехав прямо к шатрам лазарета, спешили. Кони их стояли, устало опустив головы и слегка пошатываясь. Людям тоже трудно было удержаться на ногах, и выбежавшие навстречу лекари и слуги не сразу поняли, кто из этих покрытых засохшей кровью людей ранен, а кто просто измотан долгой дорогой.

Ламбера Марк передал Фабрициусу, лучшему из лекарей Сен-Марко, обещая озолотит его, если он выходит его друга. Фабрициус, не очень прислушиваясь к его обещаниям, деловито отдавал подручным распоряжения. Они внесли бледного, как смерть, бездыханного Ламбера в палатку и уложили его на широкую скамью. Фабрициус тут же склонился над его раной, а Марк стоял рядом в полной неподвижности, совершенно опустошённый потерями и безмерной усталостью.

Другие лекари уже осматривали кривой шов на ноге Фонтейна и снимали тугую повязку с руки Герлана. Наконец, Фабрициус вынес свой вердикт, сообщив, что любой другой на месте Ламбера уже отдал бы концы от такой кровопотери, но этот благородный рыцарь крепок, как бык, и теперь, когда опасность повторных кровотечений маловероятна, у него есть все шансы дожить до глубокой старости, если он снова не наткнётся на чей-нибудь клинок. Марк вздохнул с облегчением и уже хотел выйти, как вдруг услышал горестный возглас у себя за спиной и, обернувшись, увидел маленькую девушку в льняном переднике и грубом белом покрывале на голове, которая скорбно смотрела на Ламбера, а потом подошла к нему и положила руку ему на лоб.

— Ступайте, ваша светлость, о нём позаботятся, — произнёс Фабрициус, взглянув на Марка. — Как я помню, именно кавалер Ламбер привёз эту девочку к нам, и теперь она не отойдёт от него, пока он не придёт в себя. Она почти не говорит, возможно, не умеет, но у

неё лёгкая рука, она хорошо ходит за ранеными и ловко делает перевязки.

— Я найду позже, — проговорил Марк и вышел из палатки.

Ему пришлось навеститься к графу де Бове, чтоб доложить о результатах вылазки в горы. К счастью, Булатов и его спутники приехали раньше, и Юрий даже успел нарисовать для штаба чёткую и понятную карту маршрута, потому граф не задержал его надолго. Он с полным равнодушием воспринял весть о смерти перебежчика, отметив, что это сохранило для королевской казны внушительную сумму, ранее обещанную Эоладу за его услуги, и искренне посочувствовал барону в ответ на сообщение о гибели двух его людей.

— Мы похороним их с почестями, — решительно заявил он. — Это первые герои нашей новой войны, и они достойны прославления.

Небо над восточными скалами уже начало наливаться глубокой синевой, когда на холме в самом конце зелёной долины при свете факелов и под бой барабанов тела Ла Моля и Бенара были преданы земле. Пришедшие на похороны рыцари и гвардейцы расходились, а Марк всё стоял над кучей камней, сложенных на могильном холмике. Он вдруг подумал, что ему трудно уйти и оставить Ла Моля здесь одного, беззащитным в тишине чужой ночи на другом конце континента. Это было странно, но боль потери, словно, помutilа его разум.

— Пойдём, Марк, — услышал он рядом полный сочувствия голос, и рука Карнача легла ему на плечо. — По нашему обычаю за ушедших следует выпить чашу вина.

— Да, по нашему тоже, — кивнул Марк и обернулся.

В стороне он увидел двух мальчишек-оруженосцев, только что похоронивших своих рыцарей. Сезар безутешно плакал, стараясь сдержать рыдания, а юный Альбер, оруженосец Бенара рукавом размазывал слёзы по лицу.

— Что теперь с нами будет, ваша светлость? — безнадежно спросил Сезар, поймав взгляд командира.

Марк вздохнул и устало потёр лоб. Не его заботой было устройство судьбы этих мальчишек, но и бросить их здесь на произвол судьбы он не мог.

— У тебя ведь нет оруженосца? — без особой надежды спросил он, повернувшись к Карначу.

— Давай заберём их, — произнёс стоявший рядом с Карначом Валуев, с сочувствием смотревший на оруженосцев. — Будем считать, что это вроде как стажёры.

— Ну, да, — кивнул находившийся здесь же Игнат. — Я лично и от оруженосца не откажусь. Мне, как кавалеру, положено.

— Вот и бери одного себе на содержание, — проворчал Карнач, разглядывая Сезара.

— Да я не обеднею, — пожал плечами Игнат и пальцем поманил к себе Альбера. — Иди сюда, парень. Будешь мне служить?

— Конечно, — кинулся к нему юноша.

— Сын полка, — усмехнулся Игнат и хлопнул его по плечу.

— Идём, — проворчал Карнач и, махнув рукой, позвал за собой Сезара.

Он понятия не имел, что будет делать с оруженосцем, но решил, что разберётся с этим потом, а пока ему просто очень хотелось спать.

Все участники второй экспедиции в горы спали в своих палатках крепким сном, когда в шатре короля собрался военный совет. Барон де Сансер и граф де Бове тщательно изучили нарисованную Булатовым карту и записи донесений разведчиков о дороге в горах. После бурного обсуждения, они, наконец, достигли компромисса по многим вопросам и были

готовы изложить свои предложения королю.

— Вести туда всё войско не имеет смысла, — высказал их общее мнение барон де Сансер, пока король рассматривал карту. — Дорога достаточно узкая, мест для привала на ней нет, значит, для отдыха придётся просто останавливаться в пути. Площадка рядом с цитаделью Девы Лардес слишком узка, там нет места для маневра большой армии. Замок Повелителя Теней и вовсе зажат скалами, от которых их отделяет неглубокое, узкое и вполне проходимое, по мнению барона де Сегюра, ущелье.

— При этом следует также учесть, что горная дорога не позволит нам провести к цитадели и замку осадные машины, да и тяжело гружёные телеги обоза там не пройдут, — озабоченно кивнул граф де Бове. — Поэтому, я полагаю, что нужно идти в горы в составе небольшого корпуса, пятьсот человек кавалеристов, двести лучников и триста пехотинцев. Провиант на десять дней, тяжёлое вооружение и части складных механизмов, необходимых для осады, перегрузить на лёгкие телеги, запряжённые парой лошадей цугом.

— Так же нужно отдать приказ, чтоб плотники срубили в лесу высокие деревья и сделали из них брёвна, — продолжил де Сансер. — Со слов перебежчика нам известно, что какой бы дорогой мы ни шли, все они ведут через одни и те же мосты. Уходя от цитадели, отряд барона де Сегюра наткнулся на засаду рыцарей Девы Лардес, и хоть они одержали победу в бою, уничтожив всех противников, для алкорцев теперь не секрет, что дорога к их крепости нам известна. И теперь они постараются перекрыть нам путь и, прежде всего, уничтожат мосты. Чтоб пересечь пропасти, нам придётся строить их заново, а значит, понадобится запас брёвен, смолёных канатов и шестов.

— Вы уверены, что тысячи человек хватит для того, чтоб взять цитадель и замок на Грозовой горе? — спросил король.

— Большое количество войск мы всё равно не сможем задействовать в бою, — ответил де Сансер. — Площадка перед воротами цитадели узкая, там негде развернуться. Штурмовать стены, окружённые пропастью, мы всё равно не сможем. Единственная возможность взять крепость — это перекинуть через пропасть перед воротами брёвна, взорвать ворота и ворваться внутрь. При этом нас будут обстреливать со стен. Не проще ли будет пройти мимо, направившись прямо к Грозовой горе?

— Часть дороги проходит как раз под стенами крепости, — возразил де Бове. — Нас будут обстреливать со стен, пока мы будем идти по ней. Мне кажется, нужно всё же попытаться взять цитадель Девы Лардес и потом уже идти дальше. К тому же, избавившись от оплота алкорцев, мы сможем совершенно беспрепятственно подтягивать свежие силы, если они понадобятся нам для осады замка Повелителя теней. Не забывайте, перебежчик сказал, что у алкорцев в цитадели гарнизон всего двести пятьдесят человек.

— Это только рыцарей, — нахмурился де Сансер. — А там ещё слуги, оруженосцы и ремесленники, которые тоже выйдут на стены. Следует также учитывать и то, что они находятся в крайне выгодном для обороны положении. Цитадель неприступна. Если нам не удастся прорваться через ворота, взять её практически невозможно.

— У нас преимущество во времени. Мы можем пытаться не один раз, и рано или поздно нам удастся пробиться в крепость, — продолжал настаивать на своём граф. — Провести тысячу человек и обоз под обстрелом со стен будет очень сложно. Проще оставить часть войска за скалами и направить к цитадели группу рыцарей, которые под прикрытием укреплённых щитов пересекут пропасть по заранее подготовленным и установленным на колёса помостам, заложат возле ворот несколько бочонков пороха и взорвут их, после чего

мы начнём штурм. В противном случае, даже если нам и удастся провести войско под дождём стрел, мы будем постоянно находиться под угрозой удара с тыла.

— Мы захватим цитадель, — заявил король. — Алкорцы сами развязали нам руки, напав первыми и уничтожив почти полсотни наших людей. Напав на отряд барона де Сегюра, они уже открыто вступили с нами в войну. За оставшееся до светлого утра время вам надлежит ещё раз тщательно обдумать, как мы будем штурмовать цитадель. Что известно о замке Повелителя теней?

— Ничего, кроме того, что видели наши разведчики, — ответил де Сансер. — Он — личность тёмная, кто живёт с ним в его замке, неизвестно. Есть ли у него армия, мы не знаем. Пленные алкорцы тоже ничего об этом не говорят, но признаются, что их попытки выгнать оттуда этого колдуна не увенчались успехом.

— Крепость выглядит, как нагромождение необтёсанных камней, — озабоченно сообщил де Бове. — Из щелей между ними льётся вода, над замком постоянно стоят грозовые тучи, и бушует шторм. Однако никаких признаков дополнительных оборонительных сооружений, орудий и даже вала и рва там нет. Видимо, Повелитель теней надеется на свою магию.

— А сути этой магии мы не знаем, кроме слухов, дошедших до нас из луара Синего Грифона.

— Да, я слышал, — кивнул Ричард. — Огненный дождь, который никого не сжёт, и распахивавшиеся перед ним ворота всех семи оборонных колец.

— Ещё его неуязвимость для стрел, — напомнил де Бове.

— И всё? Это больше похоже на пустые трюки бродячего фокусника. У нас есть свои маги, — король усмехнулся. — Я думаю, что взять этот замок будет ещё проще, чем цитадель.

— Если она не обрушится на наши головы, — заметил де Сансер.

Король бросил на него недовольный взгляд.

— В любом случае, там мы тоже будем в выгодном положении, поскольку сможем сколь угодно долго осаждать крепость и подтягивать к ней дополнительные силы. Рано или поздно мы её возьмём. Я думаю, что этот колдун просто запугал алкорцев из цитадели своими трюками, а сам всё это время надеялся на то, что горы непроходимы, а если кто и пройдёт по ним, дальше его не пропустит цитадель Девы Лардес. Что ж, он ошибся. Мы уже рядом и вскоре ему придётся столкнуться с настоящим соперником. Следующий тёмный день нужно полностью посвятить подготовке к походу. Какие отряды вы намерены вести в этот поход, барон?

— Поскольку мы решили ограничить численность наших сил, то для этой цели следует отобрать лучших, потому я намереваюсь взять отряды баронов де Морена, Делвин-Элидира и виконта Дэвре. К тому же я собираюсь присоединить к этой армии своих лучников и арбалетчиков графа де Бове.

— У меня тоже отличные лучники, — слегка обиделся маркиз Вайолет.

— Ваши лучники понадобятся нам в войне против луара, — успокоил его граф де Бове. — Как и другие свежие силы, не потрёпанные долгим переходом через горы и двумя осадами.

— Я назначаю командующим этим походом графа де Бове, — заявил король и сурово взглянул на де Сансера. — Вы остаётесь главнокомандующим армией, барон, но я не могу поручить командование походом военачальнику, который выступает против нападения на

врага, я имею в виду захват цитадели.

— Я считаю ваше решение справедливым, ваше величество, — невозмутимо поклонился де Сансер. — Однако, как главнокомандующий, я рекомендовал бы командующему походом выслать вперёд крупный отряд кавалеристов, который производил бы разведку и сообщал нам, что путь свободен, и заранее предупреждал о препятствиях на пути, будь то разрушенный мост или засыпанная камнями дорога.

— Да, эта тактика разумна, — согласился граф. — В состав передового отряда я намереваюсь включить тех, кто уже раз прошёл туда и обратно по этой дороге, а именно барона де Сегюра с его рыцарями и отряд гвардейцев под командованием капитана Карнача.

— Берите, кого хотите, — махнул рукой король. — Мы должны довести это маленькое войско до цели нашего похода и захватить замок на Грозовой горе.

— Значит ли это, что ваше величество намеревается возглавить войско? — осторожно уточнил маркиз Вайолет. — Осмелюсь напомнить, что Повелитель теней — колдун, о котором нам почти ничего неизвестно, и это может быть опасно. Не лучше ли королю остаться в ставке, и проследовать на Грозовую гору, когда замок будет захвачен?

— Осмелюсь напомнить вам, маркиз, что по обычаям Сен-Марко войско ведёт король, — сурово ответил ему Ричард. — Командующий выполняет приказы короля, координируя действия армии. Я возглавлю войско, идущее к Грозовой горе. Это моя цель, к которой я намерен привести Сен-Марко. К тому же, в случае каких-то непредвиденных событий я хочу иметь возможность самостоятельно оценить ситуацию и принять решение, взяв на себя всю полноту ответственности. Пусть мы выступаем малыми силами, но это полноценная война, и я прошу всех относиться к этому походу именно так.

— В таком случае, ваше величество, я настаиваю на том, чтоб вы взяли усиленную охрану... — начал маркиз, но Ричард рассмеялся.

— Это война, мой дорогой Вайолет. А на войне убивают, и королей тоже. Я это знаю, однако не собираюсь окружать себя целой бандой охранников. У меня есть моя охрана и моя гвардия. Этого вполне достаточно.

Военный совет был закончен, и граф де Бове подождал у выхода из королевского шатра барона де Сансера. Оба они, не взирая на решение короля снять командование с одного и передать другому, намеревались вместе начать подготовку к утреннему выступлению. Дел было много, а времени слишком мало. И вскоре в лес, не дожидаясь наступления следующего тёмного дня, направились подводы с плотниками, которые выбирали там самые высокие и ровные деревья, чтоб нарубить из них брёвен для мостов, щитов и помостов. Слуги спешно выбирали из обоза самые лёгкие и крепкие телеги, формировали из них новый обоз и загружали на них провиант, запасы, порох и оружие. А командиры выступающих с королём отрядов собрались в палатке графа де Бове, чтоб изучить карту и обсудить детали похода.

Жизнь в лагере Сен-Марко шла своим чередом. За тёмной ночью наступил тёмный день, и снова возобновилась суэта, сопутствующая подготовке к выступлению в поход. Карнач наблюдал за всем этим со стороны. Он занимался своими делами, развёл караулы, прошёл по шатрам, где размещались его гвардейцы, отчитал Маршана, которого застал за пологом с молоденькой прачкой. Тот покраснел до корней волос, а прачка со смехом ускользнула и скрылась в темноте. Карнач проворчал что-то не до конца понятное ему самому и снова вышел на улицу. Его тянуло к костру. Просто хотелось сесть и смотреть на

огонь, ни о чём не думая, потому что мысли его посещали тревожные и неприятные. Но у костра собралось слишком много народу. Слуги, приставленные к гвардии, готовили еду в большом котле, а по сторонам на низких складных скамьях сидели гвардейцы и, по обыкновению, травили байки, большая часть которых выдумывалась по ходу рассказа.

Он остановился возле вкопанного в землю столба, на котором были укреплены фанари и, прислонившись к нему, смотрел, как колеблется в темноте яркое пламя большого костра. Через какое-то время он заметил, что рядом кто-то есть и, повернув голову, увидел Игната, стоявшего с другой стороны.

— Ну, Саша, — умоляюще произнёс Игнат, взглянув на командира. — Я так не могу! Ты всё время молчишь. Что мы такого сделали? Ну, да, мы нарушили устав, но ведь и ситуация была нештатная. Если б мы не вернулись, то от отряда Марка никого бы не осталось. Их бы всех перебили, и ты это знаешь!

Карначу не хотелось говорить об этом и он повернулся, чтоб уйти в палатку, но позади него стояли Валуев и Стаховски.

— Не переживай так, — проговорил Иван. — Я уверен, что если даже дело дойдёт до трибунала, там примут к сведению чрезвычайные обстоятельства, в которых мы оказались.

Карнач взглянул на него, а потом перевёл взгляд на Стэна, но тот покачал головой:

— Не смотри на меня. Я — Пёс войны, мне уже не раз приходилось убивать. И далеко не всегда у меня было такое оправдание, как спасение жизни своих.

— Своих? — переспросил Карнач. — Какая разница, что скажет трибунал! Мне на это, по большому счёту, наплевать. Если вообще будет какой-то трибунал. Беда в том, что сама надежда, что мы когда-нибудь вернёмся туда, где можем попасть под этот самый трибунал, кажется мне всё более иллюзорной. Этот мир, как трясина, засасывает нас в свои глубины. Мы уже переступили красную черту, мы нашли своих, выбрали сторону и вступили в войну. Скоро у нас появится тысяча оправданий для того, чтоб ринуться в бой. И я боюсь, что с нашей подготовкой мы будем более чем просто эффективны. Головорезы де Сегюра покажутся ангелами по сравнению с нами. И когда у нас всё же появится возможность вернуться, мы уже не сможем.

— Стэн же смог, — напомнил Валуев. — И Донцов, и Хэйфэн.

— Расспроси-ка их, чего им это стоило, — проворчал Карнач и вошёл в палатку.

Маршан сидел на полу и, пряча глаза от командира, при свете тусклой лампы начищал свою кирасу. Карнач вздохнул. Мелкий проступок вызвал у этого простого парня глубокое раскаяние, но когда он убьёт в бою своего первого врага, он будет очень гордиться собой. Для этого дремучего мира это было в порядке вещей.

Александр стоял посреди палатки, глядя на сосредоточенно пыхтящего от усердия Маршана, слыша, как похрапывают лежащие на своих подстилках гвардейцы, и лихорадочно соображал, что, собственно, он тут делает. Не просто в этой палатке, или в этой долине, где нашло себе временное пристанище средневековое войско, а вообще в этом мире, настолько далёком от Земли, от привычного круга, работы и насущных интересов. Что он делает здесь, среди этих людей, которые явились в чужие земли, чтоб кого-то завоевать и поработить? И ради чего он присоединился к ним?

Он всегда боялся этих вопросов, но они без конца вставали перед ним, где бы ни носила его судьба: в дальних колониях, на чужих планетах, в инопланетных легионах и на полях чужих сражений. Он никогда не мог забыть о том, кто он и откуда, и не мог избавиться от бесконечного повторения самого главного вопроса: зачем он живёт, и как то, что он делает в

каждый текущий момент связано с настоящей целью его жизни.

Он устало покачал головой, как всегда ответ был ясен и далеко не утешителен. Блуждать по чужим мирам, теряться среди чужих битв и судеб, это было его привычным занятием, и как ни стремился он вернуться домой к тому, что считал главным для себя, его всё равно однажды забрасывало в самый дальний конец галактики, и он оказывался впутанным в чужие жестокие и нелепые разборки.

— К тебе пришли, — раздался позади голос Игната, и он с радостью отбросил свои сомнения и вышел на улицу.

Марк де Сегюр стоял там же, возле столба, где недавно стоял Карнач, и так же хмуро смотрел на полыхающий в ночи костёр. Подойдя к нему, Александр заметил, что борон осунулся, его черты заострились, а глаза потускнели.

— Как Ламбер? — спросил Карнач, остановившись по другую сторону от столба.

— Ему лучше, — кивнул Марк, не отводя взгляд от огня. — Он рассказал, что это ты спас его в последний момент, убив алкорца, который собирался проткнуть его мечом. Я благодарен тебе, — он, наконец, повернул голову, чтоб взглянуть на собеседника. — И Игнату за то, что он спас мне жизнь. Ради нас вы нарушили свой устав.

— Устав — это писанные правила поведения, но из любого правила есть исключения, — проговорил Карнач. — В частности у нас есть ещё одно неписаное правило: мы своих не бросаем.

— Значит, вы всё-таки умеете убивать, — задумчиво проговорил Марк.

— Это не сложно, сложнее не убивать. Скажи мне, у тебя нет ощущения абсурдности всего происходящего? Ради чего всё это? Ради чего погибли Ла Моль и Бенар? С алкорцами всё ясно, они думают, что защищают свою святыню, но мы... Мы даже не уверены в том, что это Алмазное Сердце существует. Мы не знаем, где оно, можно ли его взять в руки. И ради чего мы собираемся идти туда?

— Здесь никто не задаёт таких вопросов, Александр. А если и задают, то отвечают, что это воля короля, что рыцарь должен быть доблестным и совершать подвиги, что всё это во славу Сен-Марко.

— А ты что думаешь?

Марк пожал плечами.

— Неважно, что я думаю. Я всё равно должен выполнять приказы и, если придётся, отдать жизнь за Алмазное Сердце. Ты впадаешь в ту же ересь, что и наш друг командор де Мариньи, ты судишь о нашем мире с позиции своего, а это не только неразумно, но и опасно. Он лишь чудом избежал смерти. Тебе может повезти куда меньше, ты меня понимаешь?

— Ты прав, обычно я не так разговорчив, — проворчал Карнач.

— Со мной ты можешь говорить, о чём хочешь, но даже у этого столба могут оказаться уши и длинный язык, чтоб разболтать кому-то о твоих сомнениях. Я догадываюсь, что тебе нелегко, хоть и не знаю насколько. И ещё раз даю тебе возможность уйти и увести своих людей. Но если ты останешься, то уже завтра утром тебе придётся снова вести их в горы.

— Мы выступаем? — Карнач постарался сосредоточиться на текущем моменте.

— Да, но впереди армии пойдёт отряд под командованием Делвин-Элидира. Сотня его лучших всадников с мечами и тяжёлыми луками. С ними приказано выступать тем, кто уже ходил к замку Повелителя теней. Мы должны пройти впереди войска и проверить дорогу, расставить посты на пути, чтоб обеспечить максимально безопасный проход основным

силам.

— Они собираются вести туда всё войско?

— Они не так глупы, — усмехнулся де Сегюр. — Тысяча человек с небольшим обозом.

Ничего лишнего.

— Тысяча и ничего лишнего? Что они собираются там делать такой оравой? Там нет ни одной долины, где можно было бы сконцентрировать такое количество войск и маневрировать.

— Как бы поступил ты? — Марк с любопытством посмотрел на него.

— Ты знаешь мои пристрастия. Я бы с небольшим, хорошо вооружённым отрядом прошёл туда, обогнув цитадель и не вступая в бой, и пробрался бы в замок незаметно.

— Возможно, мы ещё используем эту тактику, но пока придётся действовать так, как того желает король, а он уверен, что чем больше шума и крови, тем больше славы и почестей. Кто вспомнит тихую поступь лазутчика? А вот кровавая бойня останется в памяти потомков на века.

— Звучит ужасно... — пробормотал Карнач.

Марк рассмеялся.

— Ты слишком хорош для нашего жестокого мира, друг мой! Нам ещё далеко до ваших высоких идеалов.

— Не волнуйся, очень скоро мы скатимся к вашим нравам, и снова наступит гармония.

— Мне бы этого не хотелось, — уже серьёзно заявил Марк. — Оставайся таким, каков ты есть. Я постараюсь помочь тебе в этом. Но если ты намерен составить нам завтра компанию...

— Намерен, — мрачно подтвердил Карнач.

— Тогда к рассвету будьте готовы выступить. Нам нужно опередить войско и первыми обнаружить те ловушки, что уже устроили на нашем пути алкорцы.

— Мы будем готовы, — кивнул Карнач, и Марк, хлопнув его по плечу, ушёл. — Мышки кололись, плакали, но продолжали грызть кактус, — проворчал Александр и направился к костру, где в суровом молчании сидели его друзья.

Рано утром, когда в лагере почувствовалось оживление и за его пределами начали формировать колонну выступающих войск с обозом, отряд под командованием барона Делвин-Элидира уже поднимался в горы по неприметной широкой тропе. Она была укрыта со стороны леса скалой с широким основанием и обломанной вершиной. Если не знать, то трудно было догадаться, что отсюда начинается вполне проходимый путь в горы.

Повернув за скалой, отряд выехал на дорогу, достаточно широкую, чтоб по ней могли двигаться в ряд три всадника. Делвин-Элидир, де Сегюр и Карнач ехали впереди, внимательно оглядывая вырастающие перед ними и по краям дороги скалы, которые становились всё выше. Несколько раз от основной дороги ответвлялись другие, но они уверенно держались того маршрута, каким уже прошли однажды.

Карнач смотрел по сторонам с профессиональным интересом, отыскивая места, где можно было устроить засаду, и пару раз останавливал отряд, чтоб проверить узкие проходы, зажатые между скалами, но никаких признаков противника не обнаружил.

Делвин-Элидир ради этого похода отказался от своих роскошных, украшенных позолотой парадных лат. На нём была простая кольчуга с широким отворотом, закрывающим грудь и плечи, а на правом плече тускло поблескивал большой тяжёлый наплечник без украшений. Оpoznать в нём командира можно было разве что по рукам, на которых поблёскивали крупные перстни. Он был спокоен, как и его люди, крепкие, молчаливые и внимательные, облачённые в одинаковые лёгкие доспехи, вооружённые мечами и большими луками, прикрепленными к сёдлам по другую сторону от наполненных стрелами колчанов.

Казалось, горы не произвели на него особого впечатления, впрочем, в его владениях тоже были горы, пусть не такие высокие и неприступные, но копыта коней его отряда уверенно ступали по засыпанной камнями дороге и легко преодолевали подъёмы.

Марк выглядел более настороженным, должно быть, в его памяти ещё свежа была стычка на горной дороге, в которой его отряд потерял двух человек убитыми и трёх ранеными. Впрочем, и он не слишком нервничал, просто его взгляд скользил по окружавшим дорогу скалам, выискивая скопления камней, которые могли быть подготовленной для камнепада кучей или рукотворным бруствером, за которым прячутся лучники.

Первую половину дня они продвигались вперёд, не встречая никаких препятствий. Поскольку они были налегке и скакали рысью по знакомой дороге, то смогли преодолеть значительное расстояние и, наконец, выехали к первому небольшому ущелью. Это была всего лишь трещина между скалами, за которой дорога продолжалась, но, на сей раз, эта трещина показалась им непреодолимым препятствием. Перекинутый через неё мост был разрушен, а из каменных выступов на обеих сторонах всё ещё торчали обломанные остатки свай, служивших опорами.

Командиры молча спешили и подошли к краю обрыва, чтоб осмотреть ущелье. До другого его края было около семи метров.

— Надо перебраться туда и осмотреться, — произнёс Делвин-Элидир, озабочено глядя вниз, где во влажном сумраке глубокой трещины протекала небольшая горная речка.

Её почти не было видно, но доносившийся со дна шум воды говорил сам за себя.

— Скажите, чтоб держали тот берег под прицелом, — проговорил Карнач и вернулся

назад.

Его гвардейцы спешили. Игнат достал из седельной сумки складной арбалет и специальную стрелу со складной «кошкой» и карабином на конце. Прицепив к карабину тонкий прочный трос, он прицелился и выстрелил. «Кошка» прочно засела в узкой расщелине. Натянув трос, Игнат отыскал торчащий из земли осколок скалы и закрепил на нём конец. После этого Карнач, Валуев, Москаленко и Стаховски ловко перебрались на другую сторону, в то время как лучники Делвин-Элидира держали противоположный берег под прицелом. Но ничего не произошло, никто не пытался стрелять в землян или сбросить на них камень.

Перебравшись на другую сторону, гвардейцы принялись методично обследовать прилегающие горы. Вскоре Стаховски привлёк внимание своих товарищей тихим свистом и, когда они подошли к нему, указал на небольшую площадку, прикрываемую со стороны ущелья каменным выступом. Камни с неё были отодвинуты на края, а между ними отыскался кусок чистого холста, пахнувший домашним сыром. Внимательно осмотрев землю, они нашли на ней крошки хлеба и сыра. Взяв их в руки, Карнач убедился, что и то и другое было свежим, значит, совсем недавно здесь кто-то прятался. Пройдя чуть дальше, они спустились в небольшую ложину, где обнаружили свежий лошадиный навоз.

— Они уехали, — сделал вывод Валуев. — Совсем недавно. Они разрушили мост и ждали нас. Теперь они знают, что передовой отряд на дороге.

— Кто-то должен был остаться, — Карнач осмотрелся. — К этому мосту выходят несколько дорог, и дальше они снова расходятся. Им придётся дожидаться, пока мы перейдём через пропасть, чтоб знать, по какой дороге мы пойдём дальше. Расходимся и ищем. Будьте осторожны, держите оружие наготове.

Но самые тщательные поиски вблизи ущелья ничего не дали, они так и не обнаружили соглядатая, то ли потому, что он ушёл дальше, то ли выбрал место, где можно надёжно спрятаться.

После этого гвардейцы вернулись назад, на ту сторону ущелья, где их отряд уже устроил привал прямо на дороге. Карнач доложил о результатах разведки Делвин-Элидиру, и тот отправил назад, навстречу войску гонца с донесением.

Привал изрядно затянулся, потому что даже если б людям и удалось перебраться по тросу на другую сторону, то лошади на этот манёвр были решительно не согласны. Потому разведчикам пришлось ждать подхода головы основного войска, в которую были предусмотрительно встроены телеги с плотниками и заготовленными для ремонта мостов брёвнами и шестами.

Гвардейцы сидели в стороне на камнях, с интересом наблюдая за действиями опытных ремесленников, которые быстро и весьма умело взялись за работу, и вскоре через ущелье уже был перекинут небольшой, но достаточно прочный мост, по которому могла проехать телега, запряжённая парой лошадей цугом.

После этого передовой отряд снова отправился в путь и, миновав ущелье, углубился в горы, предоставив остальной части войска медленно и осторожно форсировать первую преграду. Теперь они предпочитали ехать медленней, ещё внимательнее вглядываясь в окружающий их ландшафт, потому что всем было ясно, что противник знает об их появлении, а значит, в любой момент следует ожидать нападения или диверсии.

Проехав по дороге чуть ниже гребня невысокой гряды, они оказались в небольшой

лощине, где с одной стороны дороги возвышался крутой склон, а с другой тянулось небольшое плато, упирающееся в отвесную стену начинающегося чуть дальше каньона. Карнач сразу подумал, что место здесь очень подходящее для засады и напряг слух, чтоб не пропустить посторонних звуков, и вглядываясь в неподвижную картину перед глазами. Может, потому он и заметил этот маленький ручеек сбегаящих вниз камней, которые с едва слышным шорохом осыпались на дорогу. Он поднял руку, натягивая поводья, и в то же время его спутники взяли за рукоятки мечей. Делвин-Элидир выкрикнул команду на незнакомом языке, и отряд позади встал, как вкопанный. И в следующий момент свистнули стрелы.

Сидевшие в засаде алкорцы целились в командиров, но ни одна из трёх выпущенных ими стрел не попала в цель. Та, что летела в Делвин-Элидира, отскочила от его наплечника и упала на дорогу. Марк с невероятным проворством выхватил из ножен длинный кинжал и умудрился отбить им ту, что была направлена в него. А Карнач просто отклонился в сторону и при этом на лету перехватил стрелу рукой, хоть в этом не было никакой нужды.

Тут же в сторону, откуда стреляли, устремилось целое облако стрел, выпущенных лучниками землян. Неизвестно было, достигли ли они цели, но в любом случае послужили предупреждением, что место засады раскрыто и подниматься из укрытия, чтоб снова выстрелить, опасно.

Карнач спрыгнул с коня и приказал Валуеву и Москаленко следовать за ним. Они быстро вскарабкались на склон и под прикрытием камней двинулись к месту засады. В какой-то момент они оказались немного выше по склону и увидели внизу трёх алкорцев. Один из них лежал ничком и из его спины торчали две стрелы, второй был ещё жив, но ранен в шею, и было ясно, что долго он не протянет. Третий копошился за камнем, его руки совершали какие-то резкие торопливые движения. Карнач нахмурился, пытаясь понять, что он делает, и вдруг догадался, что тот с помощью огнива пытается разжечь огонь.

— Он готовит взрыв, — сообщил он, и тут же схватил за плечо Игната, пытавшегося спуститься вниз на площадку. — Назад! — он развернулся и стал быстро пробираться подальше от этого места, на ходу крича: — Отходите! Они готовят взрыв!

Его голос потонул в грохоте, который перешёл в гул осыпающихся сверху на дорогу камней. К счастью, никто из их отряда не пострадал при взрыве и последовавшем вслед за этим камнепаде, однако, дорога была завалена осколками скалы и камнями. Тем не менее, когда каменная пыль осела, стало ясно, что осыпь впереди состоит из средних камней и достаточно полого, чтоб по ней могли проехать всадники. Фарид, окинув взглядом осыпь и с помощью бинокля внимательно изучив нависающую над ним скалу, подтвердил, что конный отряд может двигаться дальше, хотя для телег здесь дороги нет.

— Это не наши проблемы, — проговорил Делвин-Элидир и, обернувшись, подозвал к себе сержанта.

Снова отправив назад вестового с донесением, он медленно двинулся к осыпи, крепко держа поводья своего коня. Вскоре его отряд благополучно миновал опасный участок и снова выбрался на чистую дорогу. Через некоторое время она привела их на край широкого карниза, проходящего под отвесной стеной. С другой стороны карниз обрывался широкой пропастью, по дну которой, бурля, нёсся пенный поток быстрой реки.

Остановив отряд, Карнач какое-то время осматривал верх скалы над дорогой в бинокль, но не заметил ничего подозрительного. Более того, осмотревшись, он не увидел никакой возможности подняться на этот круглый гладкий гребень.

— Кажется, чисто, — не слишком уверенно проговорил он, и Делвин-Элидир

решительно двинулся вперёд.

Его конь уже сделал несколько шагов по карнизу, а следом двинулись остальные, когда сверху послышался какой-то звук. Посмотрев туда, Карнач увидел быстро катящийся по вершине скалы камень, который спустя мгновение сорвался вниз. Он упал слишком далеко впереди, чтоб попасть в командира отряда, но случилось то, чего никто не ожидал. Упавший перед носом коня камень испугал его и заставил встать на дыбы, после чего он с ржанием помчался вперёд и неожиданно исчез из виду.

— Айолин! — крикнул Марк и, пришпорив коня, ринулся следом.

И тут сверху посыпались камни. Каким-то чудом Марк успел проскочить место камнепада до того, как каменные глыбы засыпали карниз, преграждая путь.

— Валуев, Москаленко, Стаховски наверх! — распорядился Карнач, спрыгнув с коня, — Фарид, за мной!

— Подожди! — прошипел тот, успев схватить его за руку и указав наверх, откуда ещё падали мелкие камни.

Через какое-то время камнепад прекратился, и снова стало тихо. Карнач слегка успокоился и отвязав от седла моток троса, начал осторожно пробираться по засыпанному камнями карнизу туда, где над пропастью неподвижно стоял Марк.

— Где он? — спросил Александр, подойдя к нему.

— Внизу, там ещё один карниз, — тихо ответил Марк.

Он был бледен и только по скулам двигались желваки, выдавая его отчаяние и злость.

Карнач поднёс бинокль к глазам и увидел Делвин-Элидира, лежащего на узкой длинной площадке, протянувшейся ниже над самым бурным местом реки, где на торчащих из воды острых камнях вскипали белые буруны. Айолин лежал ничком, неподвижно, но потом пальцы его руки судорожно сжались, и он подтянул руку под грудь, пытаясь опереться на неё и приподняться, но тут же снова без сил опал на камни.

— Он жив, — сообщил Карнач и начал разматывать трос, конец которого карабином прикрепил к своему поясу.

— Это опасно, — заметил Фарид, посмотрев вниз.

— И что? — деловито проверяя наличие аптечки в подсумке, спросил Карнач. — Лучше привяжите конец троса к седлу лошади и страхуйте меня, когда я буду спускаться.

— Ты спустишься? — недоверчиво спросил Марк, хотя в его глазах была мольба.

— А ты б не стал, если б мог? — хмуро спросил Карнач и, подойдя к краю обрыва начал осторожно спускаться вниз, цепляясь за едва заметные выступы на каменной стене.

Спуск оказался нелёгким, потому что, в какой-то момент под ним оказалась ниша в скале, и ему пришлось огибать её, удерживаясь навису с помощью пальцев рук. Наконец через какое-то время он увидел совсем близко под ногами каменный карниз и спрыгнул на него. Осторожно пройдя по краю, он подошёл к Делвин-Элидиру и опустился рядом на колени. Места было мало и при любом неосторожном движении они рисковали вдвоём сорваться в ревущую внизу реку.

Карнач со всеми предосторожностями перевернул Айолина на спину и встретил его отчаянный, затуманенный болью взгляд.

— Рука... — проговорил тот, глядя на капитана.

Александр отодвинул кольчужный край рукава на правой руке раненого и ощупал его предплечье. Айолин скрипнул зубами.

— Перелом, к счастью закрытый, — произнёс Карнач, подтягивая вперёд подсумок с

аптечкой. — Что ещё?

— Не знаю. В голове шумит...

— Ну, это понятно, — пробормотал он, ощупывая его голову. — Череп вроде цел. Скорее всего, сотрясение мозга. Ноги, руки чувствуешь?

— Да... Чувствую.

— Позвоночник, кажется, не повреждён. Сейчас наложу шину, сделаю инъекцию обезболивающего и будем подниматься.

Делвин-Элидир следил за тем, как капитан достал странный прибор и приложил его к повреждённой руке, после чего почувствовал лёгкое жжение, а вслед за этим боль ушла, даже в голове немного прояснилось. Теперь Айолин уже с любопытством наблюдал, как Карнач разрезал кинжалом рукав его стёганного камзола, обнажил руку по локоть и вытащил из странного ящичка синего цвета какой-то пакет. Он достал из него розовую блестящую ткань и аккуратно обмотал ею повреждённую руку. Она мягкой прохладой легла на кожу, после чего слегка утолщилась и затвердела. Теперь Айолину казалось, что его рука закована в прохладный каменный кокон, но попытавшись поднять её, он убедился, что он лёгкий, почти невесомый.

— Голова кружится? — деловито спросил Карнач, вернув на место разрезанный рукав и кольчугу.

— Слегка.

— Это нормально, — удовлетворённо кивнул он и поднял голову. — Эй, наверху!

— Мы здесь! — услышал он голос Валуева, который был едва слышен за шумом реки.

— Сейчас будем подниматься, — произнёс Карнач, снова взглянув на Айолина. — Не нужно волноваться и делать лишних движений, ваша светлость. У нас всё под контролем.

Его голос звучал спокойно и убедительно. Айолин невольно кивнул, а Александр отцепил от пояса трос и, обвив им раненого, закрепил петлю карабином на спине.

— Когда будете подниматься, осторожно отталкивайтесь от скалы здоровой рукой, но не сильно, только для того, чтоб не тащиться по ней, — он снова поднял голову и крикнул: — Поднимайте медленно! Отводите лошадь от обрыва, но не спешите, здесь неудачный рельеф для таких подъёмов.

Вскоре трос натянулся и пошёл вверх. Карнач кивнул Айолину, и тот начал медленно подниматься. Вскоре Валуев крикнул, что его подняли, и сбросил трос вниз. Карнач прицепил его к поясу и крикнул, что готов к подъёму. Через несколько минут он был наверху и вместе с Игнатом приступил к более детальному осмотру пострадавшего. Кроме сотрясения мозга и сломанной руки, серьёзных повреждений у него не обнаружили. Сделав ещё несколько инъекций из стандартного набора, предусмотренного для таких случаев, Карнач, наконец, оставил его в покое, и рядом присел Марк.

— У тебя такой вид, словно это ты сверзья со скалы, — усмехнулся Айолин, взглянув на него.

— Да лучше б я... — проворчал Марк. — Я не готов потерять второго друга за несколько дней.

— Война — штука жестокая, — пробормотал Айолин. — Это была засада?

— Да, — кивнул Игнат, оставшийся рядом. — Мы поднялись на скалу. Их лёжка с дороги не видна, но и они нас не видели, ориентировались по голосам. Потому камнепад никого и не задел. Вашу лошадь жалко.

— Да, Бард был мне верным другом, — печально проговорил Айолин.

— Что с засадой? — Карнач вернул Игната к прежней теме.

— Ничего. Сбросили камни и удрали. Под скалой с той стороны навоз и мешок из-под овса. Теперь они точно знают, какой дорогой мы идём, и нужно ждать новых сюрпризов.

— Боюсь, что так, — согласился Марк. — А для тебя пока война кончилась, малыш Айолин, — добавил он, взглянув на друга. — Отправим тебя назад в лагерь, под присмотр Фабрициуса.

— Ну, да, как же! — ехидно усмехнулся тот. — Из-за перелома руки? К тому же она так надёжно упакована в эту розовую ткань. Я не ощущаю боли и вообще чувствую себя хорошо.

— Это действие лекарств, которые мы вам ввели, ваша светлость, — заметил Игнат. — Их действие через какое-то время пройдёт.

— Но у вас ведь есть ещё?

— Есть, — не стал спорить гвардеец.

— Лучше б вам несколько дней провести в покое, — проговорил Карнач. — Так заживление пройдёт лучше. К тому же я не уверен, что кость срастётся правильно. Я всего лишь зафиксировал её.

— Это не имеет значения, — сурово взглянул на него Айолин. — Я должен сам вести своих людей. И пусть я не могу держать меч в одной руке, у меня есть вторая. Я левша и хорошо бьюсь обеими.

— Никто не собирается силой отправлять тебя назад, — усмехнулся Марк. — Ты как охотничий пёс, заслышавший рожок, рычишь и рвёшься с поводка, словно боишься, что война закончится без тебя. Если эти снадобья помогут тебе держаться в седле, то пусть будет так.

— Эти снадобья для того и предназначены, чтоб обеспечить боеспособность даже в случае ранения, — пожал плечами Карнач. — Запас у нас есть, хоть он и не бесконечен.

— А на ваших звездолётах есть ещё? — тут же заинтересовался Делвин-Элидир.

— На всё войско и на всю войну не хватит, если вы об этом, — покачал головой Валуев.

Марк обернулся и посмотрел на завал.

— Отдыхай, друг мой. Нам придётся ждать подхода армии, потому что сами мы кое-как пробрались сюда, но остальные на конях по этому завалу не пройдут, — он сел на землю и посмотрел в небо. — Наверно в Сен-Марко уже ночь, так что всем нам нужен отдых. Я отправил гонца к королю, но раньше утра ждать его не приходится. Потому устраиваемся на ночлег.

Они так и расположились на плащах на узком карнизе, свободном от каменных валунов. На другой стороне завала кавалеристы, накормив коней фуражным зерном, припасённым в мешках, притороченных к сёдлам, и налив им в кожаные вёдра воды из бурдюков, сами расселись под скалой и достали из котомок припасы и фляжки с вином и элем. Через какое-то время через завал сумел перебраться Алед, остававшийся с отрядом. Он был встревожен тем, что случилось с его хозяином, но увидев, что его вытащили из пропасти и он жив, верный оруженосец тут же озаботился своими обязанностями. Он принёс с собой сумку с провиантом, запас которого был достаточен, чтоб накормить всех, кто оказался отрезан от отряда.

Сытный ужин, состоявший из вяленого мяса, сыра и хлеба, наконец, сумел создать у гвардейцев ощущение, что всё не так плохо, как выглядит, а несколько плотков вина даже улучшили их настроение.

— Значит, теперь на нас объявят охоту, — кивнул Игнат, не выпуская из руки фляжку. — Нам бы сейчас пару биолокаторов.

— Ты еще о спутнике вспомни, — проворчал Валуев, сидевший рядом с закрытыми глазами.

Он прислонился спиной к каменной глыбе и умиротворённо слушал шум воды в ущелье, ловя минуты покоя и безмятежности.

— Ага, — кивнул Стэн, — а ещё нам бы не помешала пара дронов с полным набором шпионского оборудования, скоростная капсула и рота космического десанта для прикрытия тылов.

— Это ты загнул, — усмехнулся Игнат. — Я насчёт десанта и капсулы. Но от хорошей пушки и антигравитационного ранца я бы точно не отказался.

— Изнежились вы в лоне родной цивилизации, братцы-кролики, — усмехнулся Карнач. — Местные и без всех этих премудростей воюют.

— Это счастье, что у них дронов, капсул и пушек нет, — серьёзно заметил Фарид, который, как всегда предпочитал чистую воду самому лучшему вину. — Иначе б они давно друг друга в лапшу покрошили.

— Тоже верно, — флегматично согласился Игнат, и сделал ещё один глоток из фляжки.

Карнач поднялся и пошёл туда, где рядом с лежащим на подстилке из плаща Делвин-Элидиром сидел Алед. Убедившись, что его подопечный чувствует себя нормально, он осмотрелся в поисках Марка и увидел, что тот стоит над обрывом там, куда подняли из пропасти Айолина. Александр подошёл к нему и встал рядом. Взглянув вниз, он вдруг почувствовал, как по плечам прошла нервная дрожь. Карниз, куда он спускался, был слишком узким и темнел далеко внизу, так далеко, что второй раз он бы, пожалуй, не решился спуститься туда без специального оборудования. Он как раз раздумывал о том, что стремление спасти попавшего в беду человека совсем недавно напрочь заглушило в нём чувство опасности, когда услышал тихий голос де Сегюра.

— Я благодарен тебе, Александр, — произнёс Марк. — За несколько дней ты спас от верной смерти двух моих друзей. Ламбер бы не дотянул до лагеря, если б не твоё умение залечивать раны, а Айолин так и умер бы там внизу в полном одиночестве. Я перед тобой в долгу.

— Не думаю, — покачал головой Карнач, — потому что я просто выполняю свою работу. В этом она и состоит: спасти чьи-то жизни, а не отнимать их.

— Странно, — прошептал Марк, глядя вниз, — что же у вас за мир такой, если вы растите отважных воинов для того, чтоб спасать, а не убивать... Неужели такое возможно?

— Да. И мне кажется, что это правильно.

— Арману бы это понравилось, — улыбнулся Марк. — Мне тоже нравится. Может, и нам стоит учить своих солдат не только убивать, но и спасать? Хотя вряд ли это возможно с нашим королём. Он будет лить кровь, пока не захлебнётся в ней. Насколько обоснованным будет убить его, чтоб остановить, с вашей точки зрения?

— Не задавай мне таких вопросов, — покачал головой Карнач. — С нашей точки зрения даже сама ситуация в вашем мире кажется странной и нелогичной. Сегодня, вытащив нашего маленького барона из пропасти, я снова на какой-то миг почувствовал себя счастливым. Я, наконец, был на своём месте и поступил правильно. И это дало мне надежду, что я ещё могу вернуться назад, потому что не забыл, как нужно поступать на самом деле.

— Ты прав, — согласился Марк. — Вы здесь по ошибке, а значит, однажды вернётесь в

свой мир. А нам придётся здесь самим разбираться со своими проблемами. Но, может, вы затем и явились сюда, чтоб показать, что можно жить как-то иначе, пусть только тем, кто готов это воспринять. В любом случае, что бы ты сам об этом не думал, но я знаю, что я перед тобой в долгу.

— Идём спать, Марк, — проговорил Карнач. — Светлые ночи коротки, и скоро нам придётся продолжить путь. И он будет не самым гладким и безопасным.

Им не пришлось ждать утра. Получив известие о том, что дорога впереди завалена камнями, граф де Бове отправил вперёд слуг и ремесленников, которые прибыли вскоре и, пройдя между спящими вповалку кавалеристами и сонными конями, подошли к завалу и начали деловито, как муравьи, растаскивать его, сбрасывая глыбы вниз, в ущелье. Это была тяжёлая работа, но они трудились упорно и через несколько часов освободили дорогу настолько, что по ней могли вереницей проехать всадники.

Делвин-Элидир со свойственной ему властью приказал Игнату дать ему снова чудодейственных снадобий и, получив новый набор инъекций, с помощью оруженосца сел в седло коня, раньше носившего на себе одного из сержантов. После этого отряд снова двинулся по дороге, оставив позади работников, продолжавших освобождать дорогу от каменных завалов.

Ещё полдня они шагом двигались вперёд, внимательно высматривая вокруг возможные засады и внезапно рушащиеся скалы. Но, к их удивлению, ничто больше не задерживало их в пути. Они даже миновали каменный мост, протянувшийся над бездной, не заметив вокруг и под ним никаких следов минирования.

Небо над горами постепенно темнело и, наконец, когда оно налилось глубокой сапфировой синевой, они добрались до той ложины, где в прошлый раз вместе с Эоладом устроили привал. Здесь было достаточно места для того, чтоб разместить коней и людей, и даже развести костры и, наконец, сварить горячую похлёбку, а чуть дальше протекал ручей, и можно было вдоволь напиться чистой прохладной воды и заодно наполнить бурдюки, опустевшие за время пути.

Пока лучники устраивались на ночлег, гвардейцы и рыцари собрались, чтоб обсудить ситуацию.

— Вам не кажется, что всё это странно? — спросил Делаж, взглянув на де Сегюра. — Они знают, по какой дороге мы идём, здесь было множество мест, пригодных для засад и ловушек, я сам насчитал несколько таких, но ничего не произошло. Они нас потеряли? Или мы сумели сбить их с пути?

— Это вряд ли, — проворчал Марк, хмуро взглянув на Айолина. — Они могли хотя бы взорвать мост, чтоб задержать нас. После моста они снова не знают, какой дорогой мы идём.

— Если на развилке не было наблюдателя, — вставил Валуев.

— Даже если так, на мосту они могли уничтожить большую часть отряда. Почему они не сделали этого?

— Потому что мы — всего лишь разведка, передовой отряд, — пожал плечами Делвин-Элидир. — Если уничтожить нас, то вскоре в горы отправится ещё один такой отряд, а после — ещё один. Уничтожать нас нет смысла. У них не так много сил, чтоб разбрасываться на мелкие цели. Им нужно сохранить людей для обороны цитадели, а если и наносить упреждающий удар, то так, чтоб он был по-настоящему чувствителен.

— Нас пропускают, — кивнул Карнач. — Мы им неинтересны.

— Они взорвут мост, когда по нему пойдёт войско, — добавил Марк. — Они устроят засаду для короля!

— Мы должны его предупредить, — проговорил Делвин-Элидир. — Гвардейцы и отряд Марка — с нами. Остальные остаются здесь!

Они снова сели на коней и при свете факелов в постепенно сгущающейся темноте поскакали назад. Эта дорога заняла у них пару часов, и, наконец, перед ними открылся мост, который, к счастью, был ещё цел, и войско к нему не подошло. Это значило, что на ночную стоянку Ричард остановился где-то дальше.

— Мы останемся здесь! — крикнул на скаку Карнач, натягивая поводья. — Попробуем удержать переправу до подхода армии!

— Делаж с нами! — распорядился Марк, чуть придержав лошадь. — Остальные остаются с гвардейцами. Я вернусь, как только доложу обо всём королю.

Оба барона и Делаж помчались дальше, а Карнач спешил и достал бинокль. Он дал своим людям приказ обследовать прилегающие скалы, а сам вместе с Рагнаром Беловым принялся осматривать мост. Рагнар вскоре указал ему те места, где сам бы установил взрывчатку, если б хотел, чтоб длинная конструкция сразу и целиком рухнула в пропасть. Вскоре они нашли в куче камней спрятанный бочонок, от которого тянулась чёрная дорожка рассыпанного пороха. Порадовавшись тому, что местные ещё не придумали не только дистанционных и программируемых запалов, но и бикфордова шнура, Карнач расшвырял дорожку и двинулся дальше.

Свист летящей в него стрелы по счастливой случайности усилило эхо меж скалами. Он откатился в сторону и схватился за меч. По мосту в сумраке к нему бежали несколько человек, в нагрудниках которых отражались рыжие сполохи тревожного огня факела в руках Рагнара. Встав в стойку, Карнач приготовился встретить нападавших. Рагнар бросил факел в пропасть и встал рядом с ним с обнажённым мечом. Против них оказалось четыре рыцаря, однако, для Карнача, привыкшего биться в любых условиях, обстановка была выигрышной. На мосту было темно, а он мог ориентироваться на слух, и чувствовал, где проходит край моста. Потому уже первый подбежавший к нему алкорец встретил мощный парирующий удар. После этого капитан ловко развернулся, отбросил его ударом ноги в грудь и нанёс точный удар в шею. Второго Рагнар вытолкнул с моста. После этого они остались двое против двоих, и в результате краткого поединка оба алкорских рыцаря были повержены. На мосту снова стало тихо, но теперь со стороны скал за ущельем слышались крики и лязг оружия. Карнач устремился туда, но подоспел лишь, чтоб увидеть последствия короткой и кровавой стычки.

— Фарид ранен, Лурье и Дюпон убиты, — мрачно доложил Стаховски и полез в подсумок за аптечкой, чтоб заняться раной на плече Фариды.

Карнач осмотрелся. На сей раз алкорцев было больше. Он насчитал одиннадцать человек, и теперь они лежали на крохотном клочке земли между скалами, а где-то неподалёку ржали встревоженные звуками битвы лошади. Карнач проверил оставшихся в его распоряжении людей. Кроме Фариды ранения получили Клеман и Игнат, который в пылу боя даже не заметил длинный порез на шее, а, увидев его, только отмахнулся с досадой. Тем не менее, Валуев заставил его сесть и залил рану золотистым спреем из баллончика, который сразу застыл прочной плёнкой, продезинфицировав рану и запечатав рассечённые сосуды.

Расставив постовых на подступах к мосту, Карнач снова вернулся на хрупкое каменное сооружение, чтоб разминировать его. При свете факелов это было небезопасно, но он не

решился оставить бочки с порохом под ногами у армии, которая уже утром должна была пройти здесь. Им с Рагнармом удалось найти три бочонка, которые они, недолго думая, сбросили вниз, в ущелье.

Вернувшись к началу моста, он устало присел на камни возле скалы и покачал головой. Он думал, как воспримет Марк потерю ещё двух друзей, и о том, что лишь по счастливой случайности он сам до сих пор не потерял ни одного из своих людей. Об этом он до последнего времени даже не задумывался. Его беспокоило, что его ребята, ввязавшись в эту чужую и бессмысленную войну, приняли её условия и начали убивать тех, кого вдруг сочли врагами, но то, что эти враги могут так же точно убить их, ему даже не приходило в голову. Ранения Фариды и Игната, а также гибель Лурье и Дюпона его отрезвили. И он снова начал понимать, что все они попали в смертельную ловушку, из которой нет выхода. Он был совершенно бессилён уберечь своих людей в надвигающейся мясорубке, когда вся их уникальная подготовка, всё везение, всё мужество будут смяты грозной машиной надвигающейся войны. Он уже ничего не сможет сделать, чтоб спасти их от этой участи. Карнач вдруг понял, что боится не своей смерти, а гибели своих ребят, любого из них, и этот страх приводил его в отчаяние.

Так он и сидел в тишине, прислушиваясь к тому, как переговариваются где-то неподалёку его товарищи, свободные от караула. Они устраивались на ночлег и буднично обсуждали итоги стычки, а где-то рядом с ними лежали тела погибших алкорцев и двух землян, мужчин, честно выполнивших свой долг и отдавших жизнь за свои идеалы. Но что значили эти идеалы по сравнению с их загубленными жизнями? Что такое Алмазное Сердце, существует ли оно или это всего лишь местный аналог Священного Грааля? За что погибли Клеман и Лурье, выжившие в застенках луара и многочисленных стычках? За короля, которому наплевать на их судьбу, потому что у него таких рыцарей ещё несколько тысяч? За процветание Сен-Марко, и без Алмазного Сердца доминирующего в этом мире? За Алмазное Сердце, от которого им самим ни тепло, ни холодно? Карнач понимал, что никогда и ни при каких обстоятельствах он не сможет принять мировоззрение этого мира. Ему важны были его ребята, Марк, может, Делвин-Элидир, как человек, проявлявший к ним дружеские чувства. Но остальные... Этот король, которого ненавидят собственные подданные... Это чужой мир, и чем дальше, тем больше он понимал, что хочет вернуться домой и забрать отсюда своих ребят.

Что-то мягко коснулось его плеча. Он был удивлён. Что здесь могло коснуться его? К тому же прикосновение было таким ласковым и в то же время осязаемым. «Как касание ангела», — вдруг подумалось ему. Он поднял голову и замер. Было довольно темно, но не узнать её было невозможно, несмотря на кольчугу и мягкие отблески на красивом, отделанном золотой гравировкой нагруднике. Её лицо было отчетливо видно в полумраке, словно оно излучало внутренний свет, и казалось, что от её кожи даже исходит мягкое золотисто-белое сияние.

— Командор? — Карнач привычно вскочил и вытянулся по стойке «смирно», но чем больше он вглядывался в знакомые черты, тем больше ему казалось, что это сон. — Дарья Ивановна...

— Да, Саша, это я, — деловито кивнула Северова и окинула его быстрым взглядом.

Ему показалось, что ей понравилось то, что она увидела. Что ж, доспехи всегда ему шли.

— Вы?.. — он невольно поднёс руку к своему лицу, намекая на это странное свечение, но она только усмехнулась.

— Неудачный выбор тонального крема. Не обращай внимания. Лучше объясни, что за бардак здесь происходит?

— Бардак?

— Ты понял, о чём я. Мне известно, что король Сен-Марко ведёт своё войско к Грозовой горе, и я догадываюсь, что его интересует Алмазное Сердце...

— Оно существует? — тут же перебил он.

— Я его не видела. И никто не видел. Возможно, кроме Олдриджа, но он не распространяется на эту тему. Так что происходит, и что вы здесь делаете?

— Мы давно поступили на службу к королю Ричарду... — внезапно смутился он. — И просто выполняем свою работу.

— На чужой войне? Карнач, у тебя проблемы с головой? Почему здесь твои люди?

— Я по порядку всё расскажу, ладно, Дарья Ивановна? А потом вы будете решать, правы ли мы, находясь здесь.

Он сам знал, что неправы, но когда начал рассказывать о Делвин-Элидире, о Марке, о старпоме де Мариньи и той вылазке к замку барона фон Деррека, ему показалось, что они действовали вполне логично и обоснованно. До тех пор, пока не сдали трёх захваченных в горах алкорцев. И потом тот бой на горной дороге, в котором они вместе с де Сегюром перебили два десятка рыцарей противника. И здесь...

— Я понимаю, что мы нарушаем устав, — устало проговорил он. — Но мы действуем во спасение других жизней...

— Ну, конечно... — с явным осуждением в голосе кивнула она. — Как насчёт запрета на убийство? Впрочем, ты итак всё понимаешь, но ничего с этим не делаешь.

— Я за всё отвечу, — покаянно кивнул он.

— Можешь в этом не сомневаться, если доживёшь. А теперь — к делу. Что ваш король собирается делать, если дойдёт до цитадели?

— Насколько я знаю, он собирается взять её штурмом.

— Цитадель? Штурмом? Это как?

Карнач смущённо посмотрел на неё, она вздёрнула тонкую бровь, выжидательно глядя на него.

— Простите, Дарья Ивановна, у меня уже, похоже, паранойя. Боюсь выдать военные секреты противнику. Вы ведь связаны с цитаделью?

— Да, у меня там друзья, — спокойно кивнула она. — Но я, как прежде, заинтересована в предотвращении кровопролития. Так что?

— Они собираются взорвать ворота и ворваться в крепость, — сдался он. — У них есть какие-то осадные машины, которые позволят им преодолеть пропасть и зафиксироваться возле ворот.

— Занятно, они не в курсе, что им придётся пройти по коридору смерти?

— Что это? — насторожился он.

— Там несколько ворот. Между ними опускаются решётки, которые будут рассекать авангард на группы. Каждая из групп окажется в темноте в отдельном отсеке. В потолке устроены люки, через которые будет сыпаться раскалённый песок, попадать под доспехи и сжигать нападающих заживо. А в боковых стенах расположены бойницы, и через них их будут расстреливать стрелами. Как видишь, я тоже выдаю тебе военные секреты, с одной единственной целью. Я запрещаю тебе принимать участие в штурме и тем более вести туда наших людей. Нарушишь и выживешь, я тебя лично отдам под трибунал и добьюсь самого

жестокого наказания, которое только возможно в нашем гуманном обществе. Ты меня понял?

— Так точно, — проговорил он, подавленно опустив голову. — Я сам не хочу этого кровопролития, но не знаю, что делать. Всё решает король, а он никого не слушает. Может, послушает вас?

— Хочешь, чтоб я пошла к нему и запретила нападать на цитадель?

— Я не знаю, — покачал головой он. — Но вас тут почему-то считают воплощением святой Лурдес. Местные боятся, что вы возьмёте цитадель под своё покровительство, и тогда, напав на неё, они нарушат вашу волю. А вы почитаемы в Сен-Марко, не менее чем в луаре. Я хотел сказать: святая Лурдес почитаема.

— Они так же суеверны, как алкорцы? — заинтересованно уточнила она.

— Я не в курсе, насчёт алкорцев, но земляне поклоняются своим богам и святым и боятся впасть к ним в немилость.

— Я поняла, — кивнула Северова. — Подумаю, что с этим можно сделать. А потом вы пойдёте на Грозную гору?

— Да, туда мы точно пойдём, но что будет там, я не знаю. Никто не знает. Мы проверили дорогу до замка, но не обследовали его. Потому, как его попытаются захватить, будут решать на месте. Там есть гарнизон?

— Да, — задумчиво кивнула она.

— И Бен там?

— Конечно...

— И он применит магию?

— Можешь в этом даже не сомневаться.

— И что это будет за магия?

— Понятия не имею, но думаю, что вам будет очень страшно.

Карнач, не отрываясь, смотрел на её серьёзное лицо. Наконец, она вздохнула.

— Ладно, Саша, мне пора. Твоя задача — сохранить людей и как можно скорее вернуть их в расположение звездолётов. Ты меня понял?

— Я понял, но всё не так просто...

— Считай, что это приказ. Ты, конечно, можешь пропустить его мимо ушей, но в случае людских потерь ответственность полностью ложится на тебя. И передай Делвин-Элидиру, что если он хочет заплатить свой долг передо мной, пусть сделает всё, чтоб избежать обоих штурмов. Пусть считает, что это и есть цена его жизни.

— Он может ею полатиться, — заметил Карнач.

— Он слишком умён и влиятелен, и не станет действовать настолько топорно, чтоб подставиться под топор. Скажи, что я в него верю.

— Он будет в восторге, — усмехнулся Александр.

— В тебя тоже.

— Я понял, — улыбка угасла на его лице. — Я итак стараюсь, Дарья Ивановна...

— Старайся лучше. До встречи.

И следом случилось то, после чего он уже твёрдо уверовал, что это всё ему лишь приснилось. За спиной командора Северовой вдруг возникли огромные белоснежные крылья, излучающие яркий белый свет. Она взмахнула ими, стремительно взмыла в ночное небо и мгновение спустя исчезла за вершинами ближайших скал, устремившись на восток. Он невольно мотнул головой. Вокруг было всё так же тихо и темно. Он обогнул обломок

скалы и вышел на площадку, скудно освещаемую двумя вставленными в расщелины факелами. Его подчинённые и рыцари де Сегюра давно спали. Он сам сел у скалы и, прислонившись к ней, закрыл глаза. Перед его мысленным взглядом всё ещё светилось лицо командора Северовой в обрамлении сияющих золотых локонов и эти красивые белые крылья с нежными, полупрозрачными, как белый нефрит, перьями. Уже засыпая, он подумал, что, чем бы это ни было, но Дарья Ивановна всегда снится к хорошему.

Де Сегюр, Делвин-Элидир и Делаж увидели огни лагеря задолго до того, как приблизились к нему. Он был раскинут прямо на дороге и издали казался огненной змеей, ползущей среди гор. Пока они спускались по извилистому серпантину, разные части этой змеи то и дело исчезали из виду, скрываясь за обломками скал. Наконец три всадника спустились в ложбину, по которой проходила дорога, где расположилась армия Сен-Марко. У них был с собой факел, и их сразу заметили постовые, но вместо окрика с вопросом о пароле, в землю под ногами коней вонзились железные стрелы, пущенные из арбалетов, и только потом прозвучал грозный голос, вопрошающий: «Кто идёт?»

Делвин-Элидир, сразу поняв, что произошло что-то непредвиденное и опасное, и пароли наверняка сменены, предпочёл представиться и назвать своих спутников.

— Подъезжайте ближе, держа руки на виду! — раздался откуда-то сверху другой голос, не менее злой и суровый.

Рыцари безропотно подчинились, въехав в круг огня на дороге, окружённый ночной тьмой, в которой прятались вооружённые караульные.

— Свои, — устало прозвучало оттуда, из-за границ скудного рыжего света, и на дорогу вышел сержант в кирасе и шлеме с острым гребнем.

— Что случилось, Ришар? — спросил Делвин-Элидир, внимательно глядя на других караульных, появляющихся из темноты. Двое из них имели потрёпанный вид, помятые кирасы и повязки, указывающие на их, к счастью, нетяжелые ранения. — Вы попали в засаду?

— Как есть, ваша светлость, — кивнул сержант, кланяясь баронам. — Было совсем плохо, да кое-как отбились.

— Что произошло? — настойчиво повторил вопрос друга де Сегюр.

— Да сперва всё гладко шло, — продолжил сержант с жалобной гримасой. — Мы шли в середине колонны, и вдруг грохот наверху, и посыпались камни. Кругом крики, стоны, ржание лошадей. А потом сверху нас начали обстреливать из луков. К счастью командиры быстро навели порядок, и наши лучники дотянулись до своих колчанов. Атаку отбили, часть нападавших, говорят, подстрелили, а остальные скрылись в горах, будто их и не было. А наших стрелами и камнями положило немало. Пока разобрали завалы, да захоронили погибших, много времени прошло. Потом дальше пошли, и вскоре снова то же... Но на сей раз мы уж готовы были. Шли, растянувшись, чтоб под камнепад сразу не так много народу попало, да и лучники были готовы. Но вот только до темноты и успели с последствиями этой второй атаки разобраться.

— Много погибших и раненных? — нахмурился Делвин-Элидир.

— Да говорят, не меньше половины войска.

— Где король? — резко спросил Марк.

— В середине колонны единственный шатёр. Не промахнётесь!

Рыцари пришпорили коней и промчались дальше. Проезжая по дороге, они видели

вдоль неё на обочинах сидящих и лежащих рыцарей и пехотинцев. Раненных среди них было немного, да и те могли остаться в строю. Должно быть, тяжело раненные были дальше или уже отправлены обратно в лагерь на равнине.

Королевский шатёр стоял сбоку от дороги под прикрытием скал, и охранялся усиленным караулом гвардейцев. На сей раз это был не тот огромный богатый шатёр, что раньше ставили для короля, а обычная палатка, предназначенная для проживания десяти человек. Для большей здесь просто не было места. Спешившись, бароны беспрепятственно вошли внутрь, в то время как Делаж остался снаружи.

В палатке было тесно. Посреди неё стоял широкий стол, на котором были разложены карты, недавно начерченные на листах белёного пергамента. Армия шла по неизведанным землям, и карты, нарисованные разведчиками и уточнённые с их слов придворными картографами, постепенно исправлялись в пути. Вокруг стола расположились король Ричард, принц Жоан, граф де Бове, барон де Сансер, маг Филбертус и ещё несколько старших командиров войска. В глубине палатки, как обычно безмолвно и неподвижно стоял Джинхэй, похожий на странную статую иноземного божества.

— Вот и вы, господа! — воскликнул Ричард, увидев вошедших, и его полный сарказма голос не предвещал им ничего хорошего. Впрочем, заметив висевшую на перевязи руку Делвин-Элидира, он тревожно нахмурился и резко спросил: — Где ваши отряды?

— Отряды в порядке, ваше величество, — ответил Делвин-Элидир, подходя к столу. Он вёл себя спокойно и уверенно, демонстративно игнорируя тон короля и всем своим видом показывая, что ему не за что извиняться. — Мой отряд остался на ночной стоянке на расстоянии полдня пути к цитадели. Рыцари барона де Сегюра и гвардейцы заняли позицию у пока ещё целого моста в нескольких милях отсюда. Их задача удержать его до подхода войска и обеспечить безопасную переправу.

— Вы ранены? — слегка сбавив тон, спросил король.

— Только я, и то по глупой случайности. Мы попали под камнепад, мой конь понёс и сорвался в пропасть. К счастью, я остался жив, отделавшись лишь переломом.

— Что за камнепад?

— Последний, о котором мы вам сообщили, мой король. К сожалению, устроившие его алкорцы успели скрыться. Мы надеялись, что встретим их по пути, но дальнейший путь проделали без помех. Даже мост на нашем пути оказался цел, и на нём не было засады. После того, как мы дошли до места ночёвки без происшествий, нам стало ясно, что нас намеренно пропускают, чтоб сосредоточиться на войске. Потому мы и вернулись, чтоб предупредить вас, но, кажется, опоздали.

— Да, они действуют эффективно, — нехотя признал граф де Бове. — Они заранее подготовили взрывы в скалах над дорогой в нескольких местах и одновременно подпалили фитили. Голова колонны и несколько отрядов в середине попали под обвалы. А после, воспользовавшись паникой, они принялись просто обстреливать нас со скал. Но они недооценили наших лучников и осмелели настолько, что вставали в полный рост. Нам удалось успешно отбить атаку. Следующая атака повторилась через несколько миль, где у них уже были заготовлены мины.

— Как велики потери? — спросил де Сегюр.

— Около сотни человек погибшими, ещё около двухсот ранеными, — ответил де Сансер. — Из них сорок шесть мы были вынуждены отправить на подводах в долину. Остальные могут идти дальше и держать в руках оружие. В какой-то степени нам повезло,

что это был конец дня, люди и лошади устали, колонна растянулась. Хуже то, что они метили в командиров, — барон с сочувствием посмотрел на зятя. — Мне жаль, но одним из первых был убит барон де Морен.

— Тристан? — воскликнул Делвин-Элидир и со смятением обернулся к побледневшему де Сегюру.

— Они осознанно выбирали цели, — кивнул король. — Счастье, что со мной рядом был Джинхэй. Только заслышав свист стрел, он заставил меня спешится и буквально закрыл собой. Его доспех был пробит в нескольких местах, но стрелы застряли в нём, как в просмолённой древесине. При следующей атаке он отбил несколько стрел мечом, а потом меня прикрыли щитами ехавшие рядом охранники. После из щитов вытащили пятнадцать стрел.

— Да, и его совет впредь королю ехать в обычных латах в середине колонны, весьма разумен, — кивнул граф де Бове. — А впереди поедет похожий на него рыцарь в королевских доспехах.

— Это мудро... — тихо проговорил де Сегюр, бросив острый взгляд на Джинхэя. — Ваше величество, я полагаю, что наша миссия провалилась. Передовой отряд не смог обеспечить безопасный проход войска по горам. Мне кажется, нужно сменить тактику, обеспечив охрану дороги в непосредственной близости от головы колонны и проверяя прилежащие горы.

— Мы это решим, — устало кивнул Ричард и потёр лоб. — Мы все устали, господа. День выдался нелёгкий. И у нас впереди ещё одни тёмные сутки, когда мы сможем всё обдумать и решить, что делать дальше. Пока же удовольствуемся тем, что горные егеря прочёсывают горы вокруг лагеря. Я жду членов совета утром с предложениями.

— Ваше величество, позвольте мне вернуться к моим людям, — проговорил де Сегюр. — Я полагаю, что мост, который они удерживают, является важным стратегическим объектом, и им понадобятся все силы, чтоб защитить его.

— Поезжайте, барон, — кивнул король. — И простите мне мой тон в начале разговора. Не ваша вина в том, что наш враг оказался так хитёр. Идите. А вы, Делвин-Элидир отправляйтесь-ка к лекарю, пусть посмотрит вашу руку. Нам нужен ваш меч, а значит, мы заинтересованы в том, чтоб кости срослись правильно. После этого возвращайтесь в расположение основной части своего отряда и ложитесь спать. Каким образом нам распорядиться вашим отрядом, оказавшимся в авангарде, мы решим завтра.

— Слушаюсь, ваше величество. Позвольте только нам сначала проститься с бароном де Мореном, если его тело не отправили в лагерь.

— Всех погибших мы решили похоронить здесь, в горах, но если вы считаете необходимым отправить его тело родным, то позаботьтесь обо всём сами.

— Мы так и поступим, — ответил Делвин-Элидир и, отвесив королю ещё один поклон, вышел из шатра.

Пройдя немного по дороге, он остановился, чтоб дождаться Марка.

— Ты слышал? — воскликнул он, обращаясь к другу. — Тристан — подданный Сен-Марко и с детских лет служил при дворе. Не пажом в покоях, сидя на шёлковых подушках и распевая баллады! С тех пор, как мог держать в руках меч, он защищал королевство в сражениях, и всё его тело покрыто боевыми шрамами. А намного ли он старше нас с тобой? И король даже не желает потратиться на бальзамирование и доставку тела его несчастной жене и детям!

— Тише, Айолин! — прошипел Марк, положив ладони ему на плечи и стиснув пальцы так, что Делвин-Элидир поморщился от боли. — Здесь кругом уши! Как будто ты чего-то другого ожидал от Ричарда. Боги! Да меня трясёт от ярости, и более всего оттого, что уже этим днём мы могли избавиться от этой змеи, заползшей в корону Сен-Марко! Алкорцы открыли на него охоту, а этот чёртов варвар всё испортил.

— Я не удивляюсь, — с трудом смирив гнев, проговорил Айолин. — Он предан королю, как пёс, отважен, как орёл, и хитёр, как лис. Пока он рядом, мы не сможем добраться до Ричарда.

— Значит, сперва нужно избавиться от этого пса, — процедил Марк. — У него нет охраны, а на войне убивают.

— Да, шальная стрела, нечаянно упавший на голову камень...

— Умирают от многих вещей: от железа, от яда, от огня. Я подумаю над этим. А пока давай найдём Тристана, простимся с ним и позаботимся о том, чтоб он обрёл покой в стенах родного дома, рядом со своими добрыми предками, там, где его сможет оплакать жена, и где под его защитой будут расти следующие де Морены.

Айолин кивнул и направился к ближайшему солдату, чтоб расспросить, куда положили тела погибших и где разместился лазарет.

До моста Марк добрался среди ночи, где его встретили печальной вестью о гибели ещё двух друзей. Он снёс очередной удар стойко. Что-то в его сознании уже сместилось, словно он вернулся в прежние времена, когда король Арман вёл свою победоносную войну, но всё же каждый день приносил безвозвратные потери. Гибли знакомые, верные слуги, сослуживцы, друзья, и это воспринималось как трагичные, но сопутствующие всякой войне обстоятельства. Постояв над телами друзей и мысленно простившись с ними, он закрыл их лица плащами и ушёл туда, где лёг на землю под скалой, закрыл глаза и забылся тяжёлым крепким сном без сновидений.

Проснулся он оттого, что вокруг ходили его рыцари и гвардейцы, позвякивало оружие и ржали кони. За ночь ничего не случилось. Наверно ни один из тех алкорцев, что были направлены сюда с целью диверсии, не избежал печальной участи быть убитым. Некому было добраться до цитадели и сообщить о провале задания. Никто не пришёл сюда, чтоб исправить их ошибку, выбить из укрытия землян и уничтожить, наконец, мост.

Какое-то время он смотрел на костёр, горящий в нише под скалой, где его не могли разглядеть с дороги и соседних скал. Гвардейцы даже в мелочах были внимательны, не подвергая себя и своих товарищей излишней опасности. Подумав об этом, Марк поднялся и направился к костру. Арно подал ему кожаный бурдюк, в котором плескалась ледяная горная вода, и он с удовольствием вылил её себе на голову. Холод, пробежавший по телу, освежил его, и он присел на землю возле костра, где уже сидели гвардейцы и его рыцари, уцелевшие в недавнем бою и не стоявшие в карауле.

В нескольких словах он рассказал о том, как войско на марше дважды попадало в засаду алкорцев и понесло существенные потери.

— Грамотно действуют, — заметил Валуев. — Бьют наверняка, не размениваясь на мелочи.

Игнат задумчиво посмотрел в сторону моста.

— Даже если частью их перестреляли, то кто-то должен был уйти. Если у них нет следующей позиции для аналогичной засады, то скоро они появятся здесь.

— Если б не было, они б появились, — заметил Фарид, который нежно поглаживал свою перевязанную руку. — Думаю, что у них ещё есть дела на той стороне, а потом они явятся сюда и снова попробуют взорвать мост.

— Если у них порох останется... — пробормотал Рагнар.

— Будем считать, что он у них есть, — ответил Марк и посмотрел на Карнача. — Нам нужно выставить посты на той стороне.

— Уже, — кивнул тот. — Там Булатов и Стаховски. Каждый час передают сигнал, что всё в порядке. Если что, поднимут тревогу.

— Этого мало! — нахмурился Марк. — Если их убьют...

— Их не убьют, — поморщился Карнач. — Стаховски своё дело знает, да и Юрий не дурак. Они поднялись на скалу повыше и видят дорогу далеко от моста. Дежурят по очереди. Потом их сменят Иван и Игнат. Не волнуйся, у нас, как всегда, всё схвачено.

— Что с тобой? — спросил Марк, с тревогой взглянув на него. — У тебя такой вид, словно ты недавно заглянул в собственную могилу. Прости, это просторечное выражение, которое ходит в тех местах, где я рос. Это означает...

— Я понял, что это означает, — вздохнул Карнач. — Я не заглядывал в свою могилу, просто мне приснился странный сон.

— Что за сон? — тут же переспросил Марк, и Карнач взглянул на него с удивлением. — Это может быть важно. На войне такое случается, снятся сны, которые предвещают беду или дают подсказки, помогая выжить. Мне однажды приснился отец и сказал, что я должен взять меч. Я тут же проснулся и едва схватился за оружие, как в палатку, где я ночевал, ворвались алкорцы. Если б я не был готов к этому, то мы б с тобой сейчас не разговаривали. Так что тебе приснилось?

Карнач смутился, но смущённые взгляды он бросал на своих друзей, а не на рыцарей.

— Мне приснилась леди Дарья, — наконец, признался он. — Я видел её очень отчётливо.

— Она говорила с тобой? — ещё больше встревожился Марк. — Что она говорила?

— Она сказала, что цитадель находится под её защитой, и что штурм нежелателен. Она не хочет кровопролития, и предупредила, что там за внешними воротами есть коридор смерти, который разделен опускающимися решётками на несколько отсеков, в потолке — люки, из которых будет сыпаться раскалённый песок, а в стенах — бойницы, возле которых будут стоять лучники.

— Это как в замке Карнарвон в Уэльсе? — уточнил Рагнар.

— Коридор смерти? — Игнат взглянул на Карнача. — А Дарья Ивановна не могла... ну, присочинить в воспитательных целях?

— Могла, — пожал плечами Карнач. — Но не забывайте, что сказал Эолад. Лорд Арес, комендант цитадели — выходец из земной диаспоры, прилетевший сюда в сознательном возрасте. Может, он тоже слышал об этом замке в Уэльсе и решил устроить что-то подобное здесь. А вообще, додуматься до такого мог кто угодно. Захочешь выжить и сохранить имущество, не то выдумаешь. Кстати, я об этом замке не знал, а значит, это не совсем сон.

— Что ещё она сказала? — спросил Марк.

— Она запретила мне и моим людям участвовать в штурме, и велела вернуться на звездолёт. Сказала, что это приказ.

— Здорово, — проворчал Игнат. — Давай считать, что это всё-таки сон.

Карнач метнул в его сторону свирепый взгляд.

— Ещё она просила передать Делвин-Элидиру, что если он хочет оплатить свой долг перед нею, то должен постараться предотвратить оба штурма. Не знаю, о каком долге идёт речь, но она сказала, что это — цена его жизни.

— Оба штурма? — переспросил Марк. — Значит, и замок на Грозовой горе она не разрешит взять?

— Она сказала, что там против нас будет применена магия, и нам будет очень страшно.

— Что она имела в виду? — нахмурился Марк, в то время как его рыцари тревожно переглядывались.

— Она не сказала. После этого у неё выросли крылья и она улетела.

— Серьёзно? — не поверил Игнат.

— Да, чёрт возьми! Если у твоего кумира они отрастают, то почему не могут вдруг вырасти у его жены? — внезапно разозлился Карнач.

— Если это так, то они друг друга нашли, — усмехнулся Валуев, а Марк нервно спросил:

— У какой жены?

Карнач замер и, глубоко вздохнув, постарался успокоиться.

— Не бери в голову. Важно не то, чья она жена, а то, что она сказала мне, что наши действия в этом походе могут натолкнуться на весьма неприятные сюрпризы. Я говорю то, что слышал. А верить этому или нет — твоё дело. Больше мне добавить нечего.

— В данной ситуации лучше поверить и быть готовым к неожиданностям.

— Неожиданности на то и неожиданности, что к ним нельзя подготовиться, — заметил Валуев. — Хотя этот коридор смерти меня впечатлил. Нужно рассказать об этом королю.

— Я не буду, — тут же заявил Карнач. — Иначе меня посадят на цепь, как сумасшедшего.

— Король не верит в вещие сны, если они не предвещают ему победу и величие, — заметил Марк. — Если б ещё этот сон приснился ему или его магу Филбертусу, а так...

— Можно подать это как то, что мы услышали от Эолада на стоянке, — предложил Игнат.

— А если спросят, почему не рассказали раньше? — уточнил Валуев.

— Скажем: забыли. Столько всего произошло позже: дошли до этого кошмарного замка, попали в эпицентр грозы, потом эта стычка с алкорцами, гибель товарищей. Тут имя своё забудешь, не то, что трёп какого-то бродяги! А если этого коридора там не окажется, всегда можно будет сказать, что это он приврал ради красного словца.

— Я расскажу Делвин-Элидиру, а он, если сочтёт нужным, — своему тестю, — решил Марк. — А теперь мы сделаем так: гвардейцы останутся здесь, а я со своими людьми перейду на ту сторону моста. Будем держать его с двух сторон, и если что, придём друг другу на помощь.

Он поднялся и, не дожидаясь согласия остальных, пошёл седлать своего коня.

— Хоть бы поел сначала, — проворчал Арно и, захватив одну из сумок с едой, отправился следом, а за ним поднялись его друзья.

Вскоре оставшиеся в строю рыцари барона де Сегюра во главе со своим командиром заняли подступы к мосту со стороны войска Сен-Марко, а ещё через какое-то время к ним подошли лучники барона де Сансера, посланные в качестве подкрепления. Теперь можно было не сомневаться, что мост охраняется надёжно и войско сможет пройти по нему и

продолжить свой путь вглубь гор.

Уже под утро разместившиеся на скале Валуев и Москаленко подали сигнал, что к мосту со стороны равнины кто-то приближается. Пять алкорских рыцарей мчались во весь опор, явно надеясь пробиться на другую сторону ущелья, а по пятам их преследовал кавалерийский разъезд. Алкорцы не ожидали засады и вылетели как раз на расположившихся за камнями лучников Сен-Марко. Вряд ли они успели понять, что происходит, потому что их тела были почти одновременно пронзены длинными тяжёлыми стрелами, пробивающими доспехи.

Как выяснилось позже, егеря, обследовавшие прилегающие к дороге горы, наткнулись на алкорцев, готовивших новую диверсию против войска противника. Не ожидая нападения со стороны скал, алкорские рыцари были большей частью перебиты, но пятерым из них удалось добраться до лошадей, и их попытка вернуться в цитадель привела их к мосту, где они встретили свою смерть.

Утром, когда над горами уже раскинулось светлое, напоённое свежестью голубое небо, войско короля Ричарда проследовало по мосту без каких-либо препятствий. До цитадели ему оставался всего лишь один светлый день пути.

Долгая тёмная ночь окутала своим чёрным покрывалом цитадель Девы Лардес, уняв суету в крепости и дав её защитникам немного времени на отдых. Они разошлись по казармам и уснули неглубоким тревожным сном, оставив оружие на расстоянии вытянутой руки. Но по стенам замка всё так же ходили караульные и стояли на смотровых площадках постовые с зорким зрением, чтоб вовремя поднять тревогу, если противник приблизится к цитадели. Факелы, укреплённые на стенах, и небольшие костры в железных чашах на башнях полыхали, распространяя вокруг тревожный оранжевый свет, словно подавали сигнал окрестным скалам, так долго хранившим покой крепости.

В оружейном зале донжона в этот час тоже беспокойно плясал огонь, разожжённый в большом камине, сложенном из грубо отёсанных каменных блоков. Обычно этот зал использовался для совместных трапез рыцарей и хранил под сводами память о заздравных речах и героических балладах, исполнявшихся сильными, иногда хрипловатыми мужскими голосами. Но сейчас здесь было тихо и пусто. Холод ночи медленно втекал в узкие бойницы на верхней галерее и стелился по полу, подбираясь к камину, возле которого в деревянном кресле с прямой спинкой и подлокотниками в виде львиных лап сидел комендант крепости Арес.

Он задумчиво смотрел в огонь и его пальцы сжимали ту самую арбалетную стрелу, что Гендрих нашёл на месте гибели отряда капитана Этона. Это была необычная стрела. Её хвостовое оперение и шестигранное сечение древка свидетельствовали о том, что она предназначена для специально сконструированного арбалета, металлическая тетива которого выбрасывает болт с невероятной скоростью, спирально закрученные плоскости оперения придают ему вращение, благодаря чему он может пробить любые латы, а зазубренный наконечник не позволит так просто извлечь его из раны. Его несколько озадачило отверстие на заднем конце стрелы, но если привязать к нему тонкую прочную верёвку, то болт, вонзившись в деревянную или даже каменную поверхность, крепко застрянет в нём. Полезная вещь в горах, когда постоянно нужно иметь под рукой что-то, что позволит закрепить верёвку на дальнем расстоянии. Но использовать эти стрелы для убийства людей? Даже ему, привыкшему к варварской жизни этого мира, это казалось

жестоким. Такие стрелы, если они появились на вооружении алкорцев, опасны не меньше, чем огнестрельное оружие, изобретение которого было лишь делом времени. И уже сейчас такие арбалеты могут создать существенный перевес сил в пользу Сен-Марко. Утешало одно — такого оружия не может быть много. Сплав, из которого была изготовлена стрела, был явно не местного происхождения, да и не было пока в этом мире технологий, способных создать столь совершенное оружие. Значит, оно завезено из космоса и каким-то образом оказалось в руках воинов короля Ричарда.

Арес покачал головой. Он попал в этот мир ребёнком, всё детство провёл на космическом корабле. Он разбирался в технике и технологиях, и уж в любом случае мог бы собрать здесь что-то вроде пушки или ружья. Но он знал, что всё здесь должно идти своим чередом, и внезапное обретение более мощного оружия одной из сторон в войне может иметь катастрофические последствия для всего мира. Неужели тот, кто привёз сюда эти арбалеты и передал их армии Сен-Марко, не понимает этого? Вопрос был риторическим и ответ на него не имел никакого значения. Ему следовало сосредоточиться на более насущных проблемах, например, на обороне цитадели и бое, который очень скоро придётся принять рыцарям Девы Лардес.

Тихий скрип двери отвлек его от тревожных мыслей. По шагам и характерному звону портупей он понял, кто явился среди ночи и нарушил его покой.

— Есть новости, Таурус? — тихо спросил он, не оборачиваясь.

— Пока ничего, Арес, — устало проговорил его заместитель и остановился рядом, облокотившись на каменную кладку сбоку от камина. — Ни от Элрика, ни от Оуруса нет вестей. Слухачи на башнях не слышали грохот от взрыва моста, хотя очень тихо.

— Сейчас ночь. Возможно, землян задержали люди Арнольда. Тогда они просто не успели дойти до моста и встали на ночёвку, не доходя до него. Мы услышим взрыв утром.

— Да, Высокий мост погребёт с собой большую часть войска Сен-Марко, и не представляю, как они форсируют пропасть без него. Правда, и мы будем отрезаны от остального мира.

— У нас будет достаточно времени, чтоб найти выход из этой ситуации. Если б нам удалось полностью перекрыть дорогу землянам, то это было бы победой. Это единственный мост, который невозможно отстроить быстро в походных условиях. Поэтому я и не хотел трогать его до поры, надеясь, что их задержат и заставят вернуться раньше. Но сейчас думаю, что нужно было отдать приказ просто взорвать его заранее.

— Может, отправить кого-то с приказом прямо сейчас?

Арес задумался, но потом покачал головой.

— Слишком опасно ехать по горам ночью, да и взорвать вместе с мостом короля Ричарда с его приближёнными — большое искушение. Тогда мы существенно облегчим участь луара, ведь вести войско на приступ должен король.

— У него есть сын, впрочем... скорее всего, он будет рядом с отцом и тоже погибнет. Мы можем предотвратить войну! — внезапно повеселел он.

— Скажем так, отодвинуть её, возможно на несколько лет, — поправил Арес довольно мрачно. — Когда прямых потомков этой династии не останется, начнётся склока за трон между дальними родственниками. Это отвлечёт их на какое-то время и ослабит Сен-Марко. Но наша задача — это защитить Алмазное Сердце. Если Элрик не сумеет взорвать мост, нам придётся отражать вторжение на подступах к цитадели.

— Наблюдатели на местах, — пожал плечами Таурус, — но они пока сообщили только

о прошедшем через мост передовом отряде землян. Они остановились на ночёвку в Оленьем ущелье. Ты приказал не трогать их.

— Сколько человек?

— Около сотни всадников с луками.

— Нет, пока не будем их трогать. Мы положим слишком много людей, если нападём на них, а наши силы итак ограничены и помощи ждать неоткуда. Пусть спокойно ночуют. Если Высокий мост будет взорван, они никуда от нас не денутся. Мы покончим с ними позже. Да они сами сдадутся, поняв, что остались без пищи в скалах, откуда уже не могут выбраться.

— Я думаю, Арес, не стоило ли нам вызвать подкрепление из луара, — задумчиво проговорил Таурус. — Может, если б они ударили по войску землян с тыла...

— Пока действует перемирие, они не станут этого делать, — не дослушав его, ответил Арес. — Армия короля Ричарда достаточно сильна, чтоб сразиться с ними, а луару нужно время на подготовку к войне. К тому же сражаться лучше на подготовленном поле боя, а не здесь в горах и лесах, где нет ни места для манёвра, ни простора для алкорской конницы. Альдор не глуп, он знает, зачем явился сюда Ричард, но если он до сих пор не вмешался, значит, пока не собирается это делать. Мы здесь один на один с землянами, и на нашей стороне только скалы. Хотя и это немало. Как идёт подготовка к осаде?

— Всё готово, — кивнул Таурус. — Хотя не представляю, как земляне будут штурмовать замок. Сам знаешь, взять его невозможно. Никому это не удавалось.

— Последняя попытка была слишком давно, друг мой, — произнёс комендант и снова невольно взглянул на металлическую стрелу в своей руке. — Тогда ещё не изобрели порох. С тех пор многое изменилось, миновало более десятка военных кампаний, совершенствовались осадные машины. Мы даже не знаем, что враги могут применить против цитадели в этот раз.

— Даже порохом они не взорвут скалу, на которой стоит цитадель, — возразил Таурус. — Да и как они доберутся до ворот, если мост будет поднят?

— Я не знаю, но считаю неразумным недооценивать противника, — Арес многозначительно взглянул на своего заместителя. — Поэтому нужно готовиться к полномасштабному штурму, а затем к осаде.

— Провианта у нас достаточно. Камни для катапульта, смола и вода подняты на стены, стрел хватит, чтоб перестрелять всё войско Ричарда. Вилмар отобрал из числа слуг и оруженосцев лучших лучников.

— Сколько их набралось?

— Полсотни.

— Этого достаточно. Ты и Вилмар останетесь в крепости и будете оборонять её, а я с рыцарями встречу землян внизу, на дороге. Приняв бой, мы сумеем, по крайней мере, смять авангард, где обычно находятся верховные военачальники. Обезглавленное войско уже не так опасно.

— Позволь мне пойти с вами, — умоляюще произнёс Таурус, но Арес покачал головой.

— Оборона крепости не менее сложное дело, чем открытый бой. Если они идут сюда, значит, у них есть козыри в рукаве. Цитадели нужен комендант. Если я погибну, ты заменишь меня и будешь удерживать крепость, стараясь уничтожить как можно больше врагов. Ну, а остатки, надеюсь, добьёт Повелитель теней.

— Как скажешь.

— И если всё-таки будет сигнал, что они прошли Высокий мост, прикажи взорвать остальные. Это не остановит их, но хотя бы задержит.

— Может, послать часть лучников к мостам, чтоб они мешали восстановлению?

— Да, это хорошая мысль. Едва начнёт светать, отправь лучников.

— Сколько человек?

— Не больше пяти на мост. Пусть без нужды не рискуют и своевременно возвращаются по подвесным переправам.

— Я распоряжусь, — с готовностью кивнул Таурус и поспешно вышел.

Арес же задумчиво посмотрел на арбалетный болт и поднялся. Ему казалось, что уснуть будет нелегко из-за тревоги, которая накрыла весь замок, но завтра потребуется свежая голова. Потому он отправился в свою небольшую тёмную спальню и, стащив сапоги, не раздеваясь, лёг на узкую деревянную кровать, положив рядом на скамью свой меч.

Предпринятые им меры задержали войско короля Ричарда на целый светлый день, вынудив снова ночевать в горах. Благополучно пройдя по длинному каменному мосту, небольшая армия вскоре оказалась перед пропастью, деревянный мост над которой был разрушен. Когда к краю подъехали подводы с плотниками и запасом брёвен, с противоположной стороны полетели стрелы, несколько рабочих были убиты. Лучники землян ответили на это градом стрел, но едва ремесленники попытались вернуться к работе, как в них снова полетели стрелы.

Ричард был в ярости, но неожиданно у графа де Бове появилась идея, выслушав которую, король хмуро кивнул и приказал устроить стоянку под прикрытием гор. Граф отправил назад гонца, который помчался во весь опор. Время шло, на двух берегах пропасти ничего не происходило. Прошёл светлый день, а следом — светлая ночь и светлая половина дня сменилась тёмной ночью. А утром на край ущелья вышел рыцарь со странным металлическим арбалетом и выпустил вверх необычную блестящую стрелу, за которой протянулась белая струна троса. К обрыву на телеге подвезли обитый железом ящик, закрепили его на тросе, и он, покачиваясь, поплыл на другую сторону. Алкорцы пытались обстреливать его, но стрелы отскакивали от окованных металлом стенок. И когда ящик уже был на другой стороне, он отцепился, упал на землю, его стенки развалились, и из узилища вырвались три разъярённых волкодава и бросились вперёд. К ужасу алкорцев, они с лёгкостью заползали на скалы и набрасывались на людей, вонзая в них длинные острые клыки. Только одного из трёх псов удалось убить лучникам цитадели, но сами они все были растерзаны страшными псами барона фон Деррека, привыкшими охотиться на людей, как в лесах, так и в горах.

Вскоре плотники без помех построили новый прочный мост, и армия двинулась дальше. Теперь впереди и по сторонам дороги вдоль колонны проходили пешие воины, державшие на цепях волкодавов. Если пёс начинал лаять, глядя в сторону, его просто спускали с цепи, и он мчался за своей добычей. Но только раз такой добычей оказался человек, и то это был какой-то оборванный бродяга, а в других случаях жертвой становились кабаны и олени, туши которых тут же грузили на повозки. Король заметно повеселел и подшучивал над своими псарями, которые так быстро вымуштровали этих адских псов.

Следующий мост тоже был разрушен, но, на сей раз, железный ящик отправили через ущелье перед тем, как приступить к его восстановлению. Несколько стрел, прилетевших, как приветствие с того края пропасти, оказались последними. Псы знали своё дело, и оказались ужасным, смертельным оружием. С их помощью войско короля Ричарда продвигалось к своей цели, и к концу следующего светлого дня, наконец, оказалось неподалёку от цитадели.

Король отдал приказ встать на ночёвку на дороге и спустить с цепей собак, чтоб те отпугивали чужаков и нападали на лазутчиков. Пока большая часть войска отдыхала после утомительного перехода по горам, плотники снова взялись за дело. Они соединили толстыми шестами несколько самых прочных телег, и принялись устанавливать на них каркас из прочных брёвен, на который крепили стенки и двускатную крышу из толстых досок, а сверху наколачивали заранее заготовленные листы железа.

Несмотря на очевидную опасность, король, отмахнувшись от предостережений своих приближённых, пожелал выехать вперёд и осмотреть цитадель. С ним отправились граф де Бове и барон де Сансер. Проехав по дороге под прикрытием скал и под охраной лучников и адских псов, которых теперь так и называли, он подобрался к самому повороту дороги, за которым простиралась широкая площадка, протянувшаяся до самой пропасти, служившей естественным рвом цитадели. Осмотрев вблизи уходящую в небо громаду крепости, Ричард был весьма впечатлён. При одном взгляде становилось ясно, что штурмовать её стены совершенно невозможно, так высоко они вздымались. К тому же внизу это была просто скала со свойственным ей рельефом, и лишь выше постепенно стены выравнивались и уже где-то высоко переходили в мощную каменную кладку. И конечно пробить эти стены было невозможно. Единственным уязвимым местом казались ворота.

Ричард подозрительно шурился, глядя на едва заметные в темноте очертания единственного входа в цитадель. Ему уже сказали о том, что за этими тяжёлыми, окованными железом воротами находится опасный коридор смерти, и его штаб потратил немало времени, чтоб найти возможность пройти по нему, не пострадав от раскалённого песчаного дождя и стрел, пущенных из скрытых бойниц. Однако барон де Сансер, наконец, нашёл выход, начертив на листе бумаги чертёж странного и в то же время надёжного сооружения на колёсах, которое бы позволило перебраться через пропасть к воротам, а потом продвинуться сквозь коридор смерти и захватить внутренний двор цитадели. Теперь королю нужно было убедиться в том, что длина его новой осадной машины позволит сделать это. И он сам, закутавшись в чёрный плащ, намеревался дойти до края пропасти и посмотреть, насколько она широка.

Однако этому воспрепятствовал Джинхэй. Он бесцеремонно потребовал у де Сансера его плащ, который в темноте полностью сливался с окружающими камнями, и, накинув его, ползком подобрался к самому краю ущелья. Он был осторожен и его никто не заметил. Вернувшись, он рассказал, что увидел, и король порадовался тому, что они даже несколько преувеличили при расчётах ширину пропасти, и добраться до ворот для них уже точно не составит труда.

Вскоре маленькая экспедиция вернулась в лагерь и её участники удалились в походный королевский шатёр, чтоб разработать план штурма с учётом только что полученной информации.

Мне решительно не нравилось то, что происходит в горах. Ещё недавно тихое и совершенно безопасное место внезапно становилось ареной борьбы, и можно было сколько угодно твердить, что это чужая война, которая меня не касается, но она не могла меня не тревожить. Сама мысль, что где-то поблизости гибнут люди, была невыносима для меня, хотя я знала, что это жестокий мир и повлиять на него я не могу.

Бен Олдридж, который прекрасно понимал, что целью этой военной экспедиции является его мрачный замок, пребывал в тревожной задумчивости, отчего, как мне казалось, границы вечной грозы, бушевавшей над чёрными башнями, ещё больше раздвинулись. Ветер завывал, как сумасшедший, пронизывая насквозь верхние коридоры и лестницы, а дождь низвергался на горы такими бурными потоками, что образовавшиеся из-за него реки грозили смыть всё вокруг. Пока же они бурлили и тащили по ущельям огромные валуны, оставлявшие за собой глубокие борозды, углублявшие русла новых рек. Молнии беспощадно били в башни и окрестные скалы так, что несчастные жители замка не решались и нос высунуть не то что на улицу, но даже на площадки на крепостных стенах. У меня было такое ощущение, что замок уже оказался на осадном положении.

Я несколько раз пыталась поговорить с Беном о том, что он собирается в связи со всем этим предпринять, чтоб защитить замок от вторжения, но он бормотал что-то невразумительное и бросал на меня недовольные взгляды, из чего я делала вывод, что он понятия не имеет, что делать. Эл, как мне казалось, и вовсе впал в панику. Узнав о том, что к нам движется средневековое войско, вооруженное мечами и луками, он совершенно растерялся и, вообразив, что его настигла карма за собственные прегрешения и прегрешения всех его предков с каменного века, смирился со своей страшной судьбой. Тем не менее, он постоянно спрашивал, насколько близко подошло вражеское войско, и периодически пытался уговорить Бена бежать отсюда и сдаться на милость командования космофлота. Бен устало отлаивался и предлагал ему уйти одному, на что Эл резонно напоминал, что один он не дойдёт. После этого Бен резко прерывал разговор и удалялся, и только его чёрный плащ реял за спиной траурным знаменем.

Разношёрстный гарнизон крепости был до чёртиков напуган усилившимся штормом, но никак не приближением врага. Напротив, они даже надеялись, что дождь смоев большую часть войска короля Ричарда в долину, а остальных они готовились уничтожить собственноручно. Зикур развил активную деятельность, готовя замок к обороне. Он отыскал где-то запасы ржавых мечей и не менее ржавые наконечники для стрел и пустил один из столов в трапезной на дровяки для них. Миси со старухой-кухаркой ощипывали кур и запасённых в кладовых фазанов, готовя для них оперение. Мужчины бесстрашно вытаскивали из кладки ничем не скреплённые камни и тащили к узким окнам, чтоб потом бросать на головы нападающим. Как ни странно, но ветер свистел в образовавшихся брешах совсем недолго, а потом камни сдвигались, как костяшки домино, и стены замка сами заращивали свои раны, демонстрируя завидную жизнестойкость. Можно было предположить, что замок и сам сможет оказать сопротивление захватчикам, закрывая проходы дверей и ворот, нечаянно роняя вниз выступающие карнизы контрфорсов и совершая прочие поступки, которые обычно не свойственны благопристойным средневековым замкам.

Я тоже не могла сидеть спокойно. Моя деятельная натура требовала вмешательства в ситуацию, потому я то и дело вылетала на разведку, издалека или из укрытия в скалах наблюдая за тем, как армия короля Сен-Марко продвигается всё дальше вглубь гор. Мне выпало стать безмолвным свидетелем диверсии, которую устроили против землян алкорцы, обрушив на них гребни скал над дорогой. Зрелище было ужасным, и я с трудом удержалась от того, чтоб спуститься вниз и предложить помощь. Я удержалась, потому что не знала, как это будет воспринято потерпевшими, которые и сами вели себя довольно агрессивно и весьма метко отстреливались из своих больших луков. К тому же, что ни говори, а они были захватчиками на чужой земле, а помогать захватчикам, на мой взгляд, крайне неразумно.

В конце концов, это действительно была чужая война, и я решила, скрепя сердце, наблюдать за ней со стороны, пока случайно не увидела среди воинов Сен-Марко знакомые лица. Именно это и побудило меня всё-таки вмешаться в ситуацию, хотя лишь в той степени, в какой я могла попытаться пресечь участие в военных действиях моих офицеров. Увы, я опоздала. Как выяснилось из рассказа командора Карнача, случилось именно то, о чём говорил мне Джулиан. Этот мир затягивает, и он затянул наших ребят настолько, что они ввязались в войну и уже успели нарушить все мыслимые правила, и даже убить несколько местных. Мне было неинтересно выслушивать его лепет, которым он пытался оправдать свои действия. Я приказала им вернуться к звездолётам, но прекрасно понимала, что здесь и сейчас мои приказы для них лишь слова. Я могла рассчитывать только на заработанный за прошедшие годы авторитет командира, но не более того. Формально они в этот момент находились не на службе, а значит, мне не подчинялись. И конечно они не подчинились, а утром спокойно двинулись вместе с войском к цитадели Девы Лардес и даже поучаствовали в транспортировке через ущелье ящика с громадными свирепыми псами, выпустив из горного арбалета «Ирбис» стрелу с тросом. Вопрос об этической стороне этого поступка был сложным, поскольку тем самым они избавили от опасности строителей нового моста, но при этом убили алкорских лучников. Я не стала загружать свою голову этой дилеммой и приняла тот факт, что приказ они проигнорировали, а стало быть, гордо шагают избранным путём, куда б он их ни вёл: под трибунал или в могилу. Мне оставалось лишь смириться с их выбором и подумать, что со всем этим делать дальше. Я всё также была не заинтересована в крупномасштабных сражениях, в которых теперь могли к тому же погибнуть мои ребята.

Немного подумав, я решила зайти с другой стороны. Коль скоро я не могу повлиять на Карнача и его подчинённых, нет никаких шансов уговорить отказаться от войны местного агрессивного царька, то нужно попытаться устранить из расклада его противников, а именно защитников цитадели Девы Лардес. И едва забрезжил очередной рассвет, я полетела туда.

К этому визиту я тщательно подготовилась, поскольку на сей раз не собиралась скрывать свою сущность. Честно говоря, я всё равно не могла отделаться от комплекса самозванства, и мне пришлось некоторое время настраиваться на то, что я буду действовать в своей новой ипостаси, хотя я даже не знала, какое имя при этом следует использовать. Воплощаясь в пространстве между измерениями в бергару, я знала, что я Лорна, в этой жизни я была Дарьей Северовой и иногда называлась Лорой Бентли, а вот как я должна зваться в роли ангела, я понятия не имела. Нет, я смутно помнила, что не так давно я уже была ангелом в высших мирах и тогда я звалась Джосером, как и называл меня, кстати, Эладаил. Но Джосер был мальчиком, подростком из Древнего Египта, а стало быть, в виде ангела выглядел как смуглый молодой человек, высокий и гибкий, как кошка, к тому же с

чёрными локонами до плеч, блестящими и волнистыми, как воды Великого Нила. Ныне же я была высокой белокожей женщиной с золотистыми волосами и больше походила на Деву Лардес, чем на юного жреца Гора.

Впрочем, эти размышления, которыми я развлекалась, доставая из шкафа свою тульскую кольчугу и фигурные наручи, имели чисто академический характер, потому что на сей раз мне просто придётся назваться Девой Лардес и вести себя соответственно. Кстати, я о ней ничего не знала, кроме того, что она летала, у неё был огненный меч, которым она сражалась с вселенским злом, и, кажется, ещё она плавала по озёрам на лебедь. То ли сама она была весьма миниатюрна, то ли лебедь у неё был размером со среднего птеродактиля.

Кольчуга была лёгкой и тонкой, к тому же блестела, как рыба чешуя, и её невозможно было пробить не только стрелами, но и пулями. Это потому, что для покрытия колец, из которых она была собрана, использовался специальный сплав, созданный космическими кораблестроителями для покрытия корпусов звездолётов. Художники-кузнецы, ковавшие мою дизайнерскую кольчугу, руководствовались, скорее, его декоративными свойствами, но в данном случае и прочность оказалась очень даже полезна.

Надев кольчугу и наручи, я посмотрела на себя в зеркало и убедилась, что металл играет радужными бликами при попадании на него малейшего луча света. Это выглядело очень эффектно. Дополнив костюм металлическим поясом, я прицепила к нему эфес Налоранта. Эфес выглядел старым, тёмным, зеленоватым и слегка оплывшим. Сюрприз таился внутри и являлся миру при лёгком нажатии на выключатель в виде двухвостого льва со сложенными на спине крыльями. Именно тогда из эфеса появляется ослепительно белый луч, который режет любую твёрдую субстанцию, как масло, а в полумраке светится ярким голубоватым светом, что позволяет использовать его для освещения. Почему бы и нет, если это удобно? Ещё удобнее было то, что лучевой клинок выдвигается на любую длину, хотя больше десяти метров я его выдвигать не пробовала. Да и пользоваться таким длинным оружием неудобно.

Ещё немного подумав, я решительно вытащила из причёски шпильки и, подойдя к зеркалу, начала соорудить на голове нечто умеренно пышное и затейливое, состоящее из множества закрученных прядей, которые укладывала вдоль лица, прокладывая назад и на затылке снова скрепляла шпильками. Конструкция получалась красивой и женственной, что-то среднее между античным стилем и Ренессансом. Оценив себя в зеркале, я решила, что выгляжу вполне по-ангельски и, удовлетворённо кивнув своему отражению, отправилась в цитадель Девы Лардес.

Небо над горами прохладно голубело ранним рассветом, а возле цитадели уже ощущалось движение. Я намеренно пролетела чуть дальше и проследовала вдоль дороги, глядя вниз, где уже строилась в боевой порядок армия Сен-Марко. Не знаю, заметил ли меня кто-нибудь из сосредоточенно снующих внизу людей, в любом случае, я промелькнула так быстро, что не успела насладиться произведённым эффектом, но зато разглядела внизу странное сооружение, длинное, покрытое кованым железом. Оно медленно двигалось в сторону крепости, причём само по себе. Только потом я сообразила, что где-то под этой железной крышей находятся люди, которые толкают её вперёд.

Долетев до конца лагеря землян, я резко ушла влево и по кругу вернулась обратно к крепости. На площадке, по которой к пропасти-рву подходила дорога, было пусто. Со стороны цитадели невозможно было увидеть, что к ней приближается вражеское войско, пока оно было скрыто за горами. Но на крепостных стенах уже царил оживление, рыцари, закованные в латы, лучники и слуги в надетых поверх обычной одежды кирасах и кольчугах,

стояли вдоль зубчатого парапета и тревожно вглядывались туда, где за поворотом должен был скрываться враг. Они были так увлечены этим, что не сразу заметили меня, а, заметив, испуганно отпрянули, но потом все, как один, опустили, склонив головы, рыцари — на одно колено, а остальные — на оба.

Я гордо и, надеюсь, достаточно грациозно опустилась на каменную площадку и, сложив за спиной крылья, прошествовала по направлению к рыцарям, среди которых увидела заместителя Ареса Тауруса. Ходить с крыльями неудобно, они тянут назад и к тому же нижние перья царапают по земле, но надо было соблюсти официоз.

Остановившись в нескольких шагах от замерших в поклоне рыцарей, я окинула взглядом их склонённые головы и произнесла:

— Приветствую вас, друзья мои. Я вижу, вы уже готовы к отражению нападения.

— Теперь, когда нас почтила визитом наша святая покровительница, мы победим врагов, — смиренно произнёс Таурас, словно заранее уступая честь своей победы мне.

— Где комендант Арес? — спросила я, уже заметив, что его здесь нет.

— Он во дворе замка, готовится к атаке на вражеское войско, — ответил его заместитель.

Только тут я услышала откуда-то снизу ржание лошадей и сдержанный гул голосов. Невероятным усилием удержавшись от глубокомысленного замечания насчёт слабоумия и отваги, я подошла к краю крепостной стены со стороны двора и, расправив крылья, взлетела на парапет, а потом ринулась вниз.

Странно, но во время прошлого визита я не заметила, как высок этот небольшой замок. Я по спирали планировала вниз на расправленных крыльях, глядя на теснящихся внизу всадников в блестящих латах, с уже надетыми на головы шлемами. Поняв, что я едва успела появиться, чтоб уберечь этих людей от отважного, но, мягко говоря, опрометчивого поступка, я в очередной раз выругала себя за дамскую неискоренимую привычку долго и придирчиво выбирать наряды и тратить время на создание образа, витающего в моём избалованном модными показами воображении.

Двор замка находился почти на уровне крепостных ворот, крепких и хорошо защищённых, но, увы, не дополненных коридором смерти, о котором я рассказывала Саше Карначу. Этот коридор я видела когда-то в детстве во время школьной экскурсии по Уэльсу, и он произвёл на меня жуткое впечатление — длинный, мрачный, с тёмными люками на потолке и щелями бойниц в стенах. Современному ребёнку сама мысль о том, что внутрь рыцарских лат может засыпаться раскалённый песок, сжигая их обладателя живьём, казалась столь ужасной, что я ещё долго внутренне содрогалась от пережитого потрясения. Решив, что такая перспектива должна пугать не только девочку космической эры, но и средневекового мужчину, я отправила соответствующее послание местным рыцарям. Увы, это их не остановило. Я снова вспомнила окованное железом сооружение на колёсах. Похоже, они уже придумали выход из столь опасной ситуации и всё равно полны решимости напасть.

Кони и рыцари предсказуемо кинулись врассыпную, когда им на голову свалился ангел. Я уверенно опустилась на освободившуюся посреди двора площадку и принялась озираться по сторонам, выискивая среди десятков вооружённых рыцарей коменданта Ареса. Рыцари, тем временем, спешивались и опускались на одно колено, снимая шлемы и склоняя головы в поклоне. А потом они слегка расступились, и вперёд вышел Арес.

Не знаю, как бы он выглядел сейчас, оставшись на борту звездолёта своего папы-пирата,

но точно не так впечатляюще. Закованный в сияющие серебром латы с раскинутыми лебединными крыльями на груди, в наручах и наплечниках, украшенных орнаментом из перьев, с изящными высоко воздетыми крыльями на вершине блестящего шлема, который он держал в руках, он сам выглядел как бог войны. Его крутые смоляные кудри, широкий бычий лоб и короткая серповидная борода дополняли впечатление. Он тоже опустил на одно колено и поклонился, в то время как я, гордо выпрямившись и слегка приподняв крылья, невольно ожидала, что кто-то всё-таки бросит в меня не очень свежий фрукт.

— Я рад, госпожа моя, что вы явились поддержать нас, — произнёс Арес, поднимаясь, но, не решаясь надеть шлем.

— Именно для этого я и явилась, — подтвердила я, — а ещё более для того, чтоб предостеречь вас от ошибочных действий. Что вы собираетесь делать?

— Мы собираемся сразиться с нашими врагами за пределами крепости, — спокойно ответил он.

— Их там не менее семисот человек, а вас...

— Двести, но для большого войска там всё равно нет места для маневра. Узкое ущелье поможет нам если не победить врага, то хотя бы ослабить его.

— То есть вы понимаете, что обречены погибнуть в этом бою?

Он невольно передёрнул плечами под своим белым панцирем.

— Наша задача защитить Алмазное Сердце, а не сохранить жизнь.

— Хорошо, я могу поговорить с вами наедине, комендант? — спросила я, решив, что спорить с ним в присутствии его подчинённых некорректно.

Он обернулся на своих рыцарей и как-то слишком упрямо взглянул на меня.

— Нам пора выступать, — отрезал он.

— Уделите мне немного времени, лорд Арес, — очень вежливо попросила я, всем своим видом показывая, что отказывать даме невежливо. — Не каждый день к вам залетает ваша святая покровительница.

— Вы сказали, что вы не Дева Лардес, — с лёгкой усмешкой напомнил он.

— Я всем так говорю, — сообщила я. — Десять минут, Арес, и можете вести своих парней на бойню.

Он нахмурился. Мой тон его обидел, но при этом он понял, что с ним разговаривают на том языке, которому он привык доверять с детства. К тому же в моих словах был резон.

— Десять минут, — кивнул он и, передав шлем стоявшему рядом рыцарю, жестом показал мне на крыльцо, ведущее в замок.

Мы остановились в нижнем зале, отделанном деревянными панелями с изысканной резьбой. Осмотревшись, я заметила:

— Мне не хотелось бы, чтоб такой красивый зал подвергся нашествию варваров и разграблению.

— Мне тоже, — мрачно кивнул он, окинув стены задумчивым взглядом. — Я не знаю, откуда у вас крылья, леди Дарья, и верю, что вы носите их заслуженно, а значит, действуете из лучших побуждений, но вам не удастся отговорить меня от того, чтоб преградить врагу дорогу к Алмазному Сердцу. Именно ради этого дня была построена эта цитадель, и именно к этому мы все готовились долгие годы.

— К тому, чтоб умереть, будучи растоптанными ордой врагов, идущих к Грозовой горе, или чтоб защитить Алмазное Сердце? — уточнила я, убирая крылья.

Мне показалось, что у него возникло острое желание заглянуть мне за спину, чтоб

проверить, куда они делись.

— Какая разница? — вместо этого спросил он.

— Я спрашиваю вас о том, что для вас важнее: достигнуть цели или просто использовать наиболее доступный и очевидный вариант её достижения? Послушайте, Арес, мы с вами взрослые современные люди, хоть и очутившиеся в довольно необычных обстоятельствах. Давайте рассуждать здраво. Бой на дороге — не единственный способ защитить Алмазное Сердце. Для этого необязательно гробить хорошо обученных и преданных людей. Их уже итак погибло слишком много с обеих сторон.

— Вы что-то знаете? — насторожился он.

— Да, ваши люди со скалы у границы перебили в горах на старой дороге почти полсотни землян. И погибли сами.

— Они погибли? — Арес как-то тоскливо посмотрел в сторону. — Там был мой оруженосец Роланд. Я лишь недавно произвёл его в рыцари. Он всегда мечтал погибнуть с честью, защищая Алмазное Сердце.

— Что ж, как это ни печально, но он получил именно то, о чём мечтал. Он погиб, защищая его, но не защитил. И вы не защитите. Просто погибнете. А потом земляне возьмут цитадель, которую уже некому будет защищать, и пойдут дальше.

— Как они возьмут цитадель? — насторожился он.

— Они построили осадное сооружение, длинное и хорошо защищённое сверху и с боков. Оно спокойно дойдёт под вашими стрелами и камнями до пропасти, и, удерживая баланс за счёт задней части, продвинется до ворот. Насколько я знаю, они собираются их заминировать и взорвать. Потом машину уберут, и, когда ворота будут взорваны, эта штука вернётся с десантом отборных головорезов, которые беспрепятственно проникнут в замок и устроят здесь резню.

По его скулам прошлись желваки, а потом он посмотрел назад, туда, где за высокими дверями во дворе его ждали рыцари.

— Что вы предлагаете, леди Дарья?

— Я предлагаю для начала удержать цитадель. Если им удастся уничтожить ворота, то вам и здесь работы хватит, а в стенах вы будете действовать более эффективно. Насколько я понимаю, этот король Ричард — тип довольно упёртый и не двинется дальше, пока не захватит цитадель. Смотрим, что у нас получается. Они с большой вероятностью смогут взорвать ворота и проникнуть в замок, но это будет ограниченный по численности десант, который поместится на осадной телеге. Эта небольшая группа окажется в замке один на один с его защитниками. Без телеги им не смогут обеспечить подкрепление. Фактически они окажутся в ловушке. И кто лучше с ними справится? Те, кто готовится к обороне на стенах, как я поняла, в основном ополченцы, или ваши двести отборных рыцарей? Да вы в два счёта уничтожите эту небольшую группу и не дадите им вернуть обратно машину. Открытые ворота будут манить их, как свеча мотыльков, но даже с этой дырой в стене вы сможете достаточно долго и эффективно оборонять крепость, постепенно уничтожая противника. Я предлагаю вам разумный вариант действий, исходя из здешних варварских обычаев.

— А если они откажутся от осады и пойдут дальше?

— Дорога проходит под стенами цитадели, на расстоянии меньше полёта стрелы, но они этот участок пройдут и пойдут дальше. И вот тогда вы сможете занять последний рубеж и стоять на нём хоть до скончания времён.

— Что за последний рубеж? — нахмурился он.

— Замок на Грозовой горе.

— Там Повелитель теней.

— Он колдун, а не военачальник. Если его магия не сработает, то вы можете оборонять замок, сколько пожелаете. Правда, Алмазного Сердца я там не видела, но замок есть.

— Как мы туда попадём?

— Выведете из цитадели людей по подземному ходу, о котором мне говорили, и горными тропами проведёте их к замку.

— Нас туда впустят?

Я невольно усмехнулась.

— Да куда они денутся? Гарнизон усиленно готовится к обороне, но это лишь горстка разбойников, среди которых лишь несколько обнищавших рыцарей. Они будут рады любой помощи, особенно помощи профессионалов.

— А колдун?

— Он не будет вмешиваться.

— Вы уверены?

— Да. В любом случае, я возьму его на себя.

Он задумчиво смотрел на меня, быстро перебирая в уме варианты. Он был смышлённый парень, этот пиратский отпрыск. И довольно практичный, по крайней мере, я на это надеялась. Я почти слышала, как с лихим треском крутятся в его голове шестерёнки. И я в нём не ошиблась.

— Если вы обещаете провести нас в замок на Грозовой горе и дать возможность его обороны, я соглашусь с вашим планом, — наконец кивнул он.

— Я вам обещаю, но мой план немного другой. Я сказала, что предложенный вариант соответствует местным реалиям, но при этом, должна заметить, что он противоречит моим собственным убеждениям. Я не хочу кровопролития, ни с вашей стороны, ни со стороны землян. Я постараюсь заставить их отказаться от штурма и осады цитадели и продолжить путь дальше к Грозовой горе.

— Как вы это сделаете?

Я невольно улыбнулась:

— Красотой и обаянием. Если не сработает, тогда будете действовать по плану Б.

Он прищурился, потом усмехнулся.

— Я не знаю, как вы делаете эти крылья, но они выглядят вполне убедительно.

— Знаете, почему, Арес? — шепнула я, скромно улыбнувшись. — Потому что они настоящие.

Король Ричард был разочарован. Он надеялся, что комендант цитадели Арес выведет своих рыцарей за ворота, чтоб дать бой врагу за пределами крепостных стен. Это было ожидаемо, и Ричард заранее перестроил свою маленькую армию таким образом, чтоб в авангарде оказались рыцари виконта Дэвре, опытные, мощные, закованные в тяжёлую броню и готовые к тому, чтоб встретиться в бою с такими же опытными и хорошо вооружёнными воинами. Сам виконт был ранен при недавнем нападении алкорцев и отправлен вместе с остальными тяжелоранеными в долину на попечение врачей, а его отряд возглавил его младший брат Леонард. Этот рыжий невозмутимый богатырь, по мнению короля, куда больше подходил на роль военачальника, чем его худощавый смуглый старший брат, и

теперь Леонард Дэвре возвышался среди своих рыцарей, сидя на огромном буром коне, готовый вступить в бой с любым противником. Ожидалось, что тяжёловооружённые рыцари остановят и сомнут первые ряды вражеской конницы.

За отрядом Дэвре располагались лёгкие и маневренные кавалеристы барона Делвин-Элидира, способные провести стремительную атаку вглубь сбитого строя противника, и, наконец, замыкала колонну пехота, которой надлежало зачистить поле боя от оставшихся в живых рыцарей Девы Лардес. Лучники разместились так, чтоб вести обстрел крепостных стен и тем самым мешать защитникам крепости поддерживать свою кавалерию, обстреливая со стен нападающих. Ричард, предложивший этот план, с недовольством заметил скептическое выражение на лице барона де Сансера, уверенного, что в поле такая тактика была бы весьма эффективна, но в условиях тесного ущелья и небольшой обстреливаемой со стен площадки вряд ли даст преимущество. Но де Сансер оставил своё мнение при себе, а граф де Бове, пусть без особого энтузиазма, но всё-таки одобрил план короля.

Однако всё оказалось зря. Рыцари Леонарда Дэвре напрасно ждали противника у самого поворота дороги, готовые ринуться в бой. Комендант Арес на этот бой не явился, и окованные железными пластинами ворота цитадели остались закрытыми наглухо. Ричарду пришлось смириться с тем, что на сей раз у него не будет шанса прославить своё имя в открытом бою с отборными алкорскими рыцарями, и он скомандовал начало штурма.

Рыцари, стоявшие боевым порядком, расступились, и по дороге с негромким натуженным скрипом медленно двинулось осадное сооружение — длинная окованная железом телега, которую катили, упершись в поперечные поручни, самые сильные воины. Впереди на телеге сидели несколько сапёров с запасом пороха и мотком промасленной верёвки.

Телега медленно выехала из-за поворота и двинулась в сторону ворот по дороге. Вскоре, как и ожидалось, в неё полетели со стены стрелы, но они беспомощно отскакивали от железной крыши, осыпаясь на землю. Потом прилетел камень из катапульты, но он промахнулся и упал в стороне. Следующий попал, но также отскочил от ската крыши и прокатился по каменистой насыпи.

Несмотря на усиливающийся обстрел с крепостных стен, осадная машина уверенно ползла к пропасти. Вот её передние колёса докатились до края дороги и зависли над обрывом. Передняя часть сооружения продвигалась вперёд к воротам, в то время как задняя, уравновешивая её, уверенно катилась по твёрдой земле. Сверху полетела горящая пакля и полилась смола, но она лишь растеклась по двускатной крыше, не попадая внутрь.

Оказавшись возле ворот, сапёры быстро сгрузили на парапет бочонки с порохом, подсоединив к одному из них верёвку и, запалив её конец, дали сигнал возвращаться.

Телега двинулась в обратный путь. Отъезжала она медленней, поскольку теперь людям у поручней приходилось тащить её назад, упираясь ногами в землю, но времени было достаточно, а порох с запалом оказался вне досягаемости для защитников крепости, поскольку был прикрыт от них каменными выступающими карнизами. Они напрасно лили вниз воду, пытаясь затушить горящую верёвку, её потоки обрушивались в пропасть водопадом, не попадая на злополучный карниз под воротами.

Телега уже откатилась на безопасное расстояние, а из-за поворота выступило вражеское войско, когда цитадель Девы Лардес содрогнулась от мощного взрыва. Стены устояли, по ним даже не пошли трещины, но взрыв выбил назад ворота и обрушил механизмы решётки и подъёмного моста. Путь в цитадель был открыт, хоть перед образовавшейся тёмной норой в

скале и разверзлась пропасть. Радостный рёв прокатился по рядам землян.

Сапёры выбрались из осадной машины, и им на смену внутрь начали забираться легковооружённые рыцари из отрядов барона Делвин-Элидира и барона де Морена. Поскольку командиры не могли вести их в бой, командование десантом было поручено барону де Сегюру. Тот, стоя рядом, сосредоточенно наблюдал за погрузкой на телегу своих людей.

Отсюда площадка перед крепостью и брешь в стене цитадели были как на ладони. Король Ричард вместе со своими приближёнными выехал из укрытия и остановился на безопасном расстоянии, куда не долетали стрелы алкорцев. Ради первого сражения своей новой войны он надел парадные латы и возвышался впереди войска под королевским штандартом в ожидании момента, когда и сам сможет вступить в бой.

Делвин-Элидир занял место неподалёку от него. Сломанная рука лишила его возможности командовать десантом, но он вполне доверял своему старому другу, и без колебаний отдал под его командование своих лучших воинов.

На какое-то время на площадке воцарилась напряжённая тишина. Было ясно, что в крепости десанту придётся вступить в тяжёлый бой и биться против отборных сил противника до прибытия подкрепления при следующем подходе телеги. К тому же алкорцы знали крепость, как свои пять пальцев, и конечно готовы были использовать внутренние сооружения с максимальной пользой для себя. Марк понимал, что передовому отряду, возможно, придётся сражаться насмерть, и шанс выжить в этом бою у него был невелик. Потому он заранее простился с Айолином, взяв с него слово, что тот доведёт до конца их совместные планы относительно устранения Ричарда и воцарения Жоана.

Теперь Марк смотрел, как его рыцари, покрытые лёгкими кольчугами и бронёй, один за другим скрываются внутри телеги. Взглянув напоследок на Айолина и увидев, как тот едва заметно кивнул ему, Марк и сам заскочил внутрь и, пройдя по длинному тёмному коридору телеги мимо присевших у стенок воинов, опустился на колени возле раздвижного щита, закрывавшего переднюю часть сооружения от стрел. К поперечным поручням, обустроенным в задней части, вернулись те, кто должен был катить телегу вперёд. Среди них были и рыцари, и ремесленники, и слуги, но все они были крупными, сильными, с широкими плечами и мощными руками. Король скомандовал «Вперёд!» и они, постанывая от натуги, навалились на поручни, колёса перегруженной телеги скрипнули и покатались по каменному крошеву.

Сквозь щель между щитами Марк смотрел туда, где темнела брешь в стене цитадели. Следовало ожидать, что двор замка уже заполнен вооружёнными рыцарями, а вдоль передней линии выстроились лучники с наложенными на тетивы стрелами, чтоб начать обстрел десанта. С минуты на минуту на крышу, покрытую железом, снова должен был обрушиться дождь из стрел и камней. Но ничего не происходило.

Тёмная дыра, где раньше находились ворота, была всё ближе, а защитники крепости, казалось, безучастно наблюдали за происходящим. Марк прислушивался, напряжённо сжимая пальцами эфес меча, но не слышал ничего, кроме хриплого дыхания силачей, кативших телегу, и скрипа колёс. А потом раздался изумлённый возглас позади, и что-то заставило телегу остановиться. Только спустя мгновение Марк понял, что кто-то скомандовал: «Стой!», а потом в тишине раздался странный гул. Марк не мог посмотреть назад, чтоб понять, что случилось, но было ясно, что эту остановку вызвало что-то впереди, и он осторожно раздвинул щиты, чтоб в щель посмотреть, что там происходит.

До пропасти было не более десяти шагов, и отсюда тёмный коридор за воротами отлично просматривался. С удивлением он увидел, что он вовсе не такой длинный, как следовало опасаться, и в его конце открывалась часть двора, а вдалеке даже какая-то каменная лестница. Как ни странно, но во дворе никого не было, только по тёмному короткому коридору кто-то шёл им навстречу. Всего один человек, но именно его появление произвело столь странное впечатление на войско.

Марк и сам с изумлением смотрел на идущего по коридору человека, которого, несмотря на окружавшую его темноту, он видел совершенно отчетливо и при этом мог убедиться, что на первый взгляд ничего опасного в нём не было. Это была женщина, облачённая в красивые доспехи. Всего лишь женщина, не отличавшаяся ни мощным телосложением, ни высоким ростом, напротив, достаточно изящная и грациозная. Но было в ней что-то, что и его повергло в трепет. И лишь потом он понял, что видит эту женщину лишь потому, что её лицо и руки матово светятся в темноте, золотистые волосы излучают мягкое желтоватое сияние, а когда она приблизилась к краю пропасти, и на неё, наконец, упал свет, кольчуга на ней заискрилась всеми цветами радуги.

Она стояла, с любопытством рассматривая осадную машину землян, а он даже не заметил, как запахнул один из щитов, и словно замороженный смотрел на неё. Это была святая Лурдес или Дева Лардес, как называли её алкорцы. Он был совершенно уверен в этом, глядя на её красивое светлое лицо, суровые спокойные глаза и золотые волосы. Он заметил, что кто-то дышит ему в ухо, навалившись на плечо и, повернув голову, увидел Арно. Тот был потрясён не меньше, чем он.

— Это она, — прошептал Арно и вдруг закричал, обернувшись: — Святая Лурдес!

Сзади послышались шум и крики, его люди вскакивали с мест и, забыв об опасности, грозящей со стен, выбирались наружу. Остановить их не было никакой возможности, и Марк сам спрыгнул на землю и остановился, глядя на святую деву-воительницу, а потом, вдруг испытав прилив невероятного благоговения, опустился на одно колено и поклонился.

И в следующий момент тишину прорезал гневный крик короля Ричарда.

— Это же ряженный! — прокричал он громовым голосом.

И это было его ошибкой.

Я почему-то была уверена, что в меня никто не станет стрелять. Я велела Аресу убрать из двора коней и рыцарей и занять позиции на галереях вокруг него, с тем, чтоб быть готовыми вступить в бой с десантом, а сама направилась навстречу войску короля Ричарда.

Я видела, как медленно продвигается к замку тяжело нагруженная длинная телега с двускатной почерневшей от вылитой на неё смолы крышей, и могла оценить как простоту конструкции, так и эффективность этого несложного сооружения. Оно было сделано мастерски. У них даже хватило ума прикрыть передний вход щитами на случай, если их встретят во дворе замка градом стрел.

Должно быть, кто-то заметил меня, потому что неожиданно раздалась команда «Стойте!» и телега остановилась. Я увидела, как отодвинулся передний щит и на меня с изумлением смотрят спрятавшиеся там рыцари. Они, действительно, были потрясены, а я вдруг почувствовала вдохновение и, гордо расправив плечи и проигрывая в голове «Полёт валькирий», шествовала им навстречу, преисполненная величия и неземной красоты. Восторженные взгляды десятков мужчин только придавали мне уверенности.

Я остановилась на краю, засыпанном каменными осколками, и окинула взглядом

площадку, на другом конце которой расположились передние ряды готовых к бою воинов Сен-Марко. Зрелище было весьма впечатляющим. Высокие, закованные в искусно сделанные доспехи рыцари восседали на мощных конях с расчёсанными шёлковыми гривами, и лица этих рыцарей, были хоть и суровы, но при этом вполне привлекательны, с правильными чертами и аккуратно подстриженными бородами, у кого таковые имелись. Выглядели они именно так, как должны выглядеть рыцари, если судить по рыцарским романам, которые я читала на заре туманной юности. И если смыть каменную пудру пыли, покрывавшей их лица и доспехи, то они вполне могли бы послужить моделями для очередных последователей художников-прерафаэлитов, иллюстрирующих историю крестовых походов. Честно говоря, я была приятно удивлена, потому что ожидала увидеть перед собой что-то вроде банды разбойников, поскольку судила о местных землянах исключительно по рассказам алкорцев, высказывающих в основном довольно нелицеприятное мнение о своих противниках. Почему-то даже то, что в этой армии служат наши стрелки и барон Делвин-Элидир, не повлияло на моё мнение о ней. Кстати, очаровательного барона я увидела в первом ряду, неподалёку от высокого бородатого рыцаря, на шлеме которого поблескивала золотая корона.

Я взглянула на этого рыцаря, сообразив, что это и есть король Ричард, которого к тому же называют Красивым. Что ж, спорить с таким мнением было трудно, хотя мне его суровая красота показалась несколько агрессивной и жёсткой. Я как раз разглядывала правителя Сен-Марко, когда его рыцари вдруг повели себя как-то странно. Я, конечно, понимала, что я дама редкой красоты и обаяния, но они, видимо, разглядели во мне нечто ещё, потому что все, как один, склонились к шеям своих коней, приложив руку к левой стороне груди. А затем и те, кто прятался в телеге, повыскакивали наружу и опускались на одно колено, чтоб поклониться.

И даже тот, что сидел впереди, высокий рыцарь весьма недурной наружности, спрыгнул на землю и, сняв серебристый шлем, принял ту же позу. Я с радостью подумала, что правильно запретила Аресу продолжать военные действия до момента, пока не станет совершенно очевидно, что мой план провалился, и ему пора приступать к своему варианту. Если б сверху прилетела хоть одна стрела, это потрясающие единодушные отважных мужчин перед лицом прекрасной дамы оказалось бы разрушенным. Но нет, Арес со своими людьми просто стоял наверху, наслаждаясь зрелищем моего триумфа. А меня просто распирало от гордости. И в этот момент король всё испортил.

Злобно глядя на меня, он открыл рот и заорал во всё горло:

— Это же ряженный!

И я оскорбилась. Как это так! Меня, такую красивую, женственную и неотразимую принять за переодетого мужчину? Да что этот мелкий царёк себе позволяет? Я увидела, как вскинул голову тот рыцарь, что выскочил из передней части телеги, и с раздражением обернулся назад. И я поняла, что ещё не всё потеряно. Они — со мной и только король против меня. А с королём я как-нибудь разберусь.

Я протянула руку за затылок и одним движением вытащила из причёски несколько шпилек, после чего распустила крылья и получила огромное удовольствие от прокатившегося по рядам воинов восторженно-испуганного вздоха. Взлетев, я устремилась вперёд, миновав окованную металлом телегу, опустилась на землю прямо перед королём. Я вовсе не боялась, что кто-то нападёт на меня сзади. Я знала, что они смотрят на меня с благоговейным трепетом, как, впрочем, и король, глаза которого округлились от священного

ужаса. Но я всё же решила его добить.

Отстегнув от пояса Налорант, я сдвинула выключатель ровно настолько, чтоб лучевой клинок выдвинулся на длину обычного меча и отсалютовав ему, взяла эфес в обе руки и встала в боевую стойку.

— Король Ричард, — произнесла я тем тоном, каким обычно командуют сержанты на плацу, — ты посмел напасть на цитадель, находящуюся под моим покровительством, и тем самым нанёс мне оскорбление. Я требую удовлетворения и вызываю тебя на смертный бой. Тот, кто победит в нём, будет владеть этой крепостью!

Ага, сейчас! Он смотрел на мой меч цвета молнии, на мои крылья, которые воинственно топорщились и трепетали на ветру пушистыми пёрышками, на мою вдруг круто завившуюся в изысканные кудри ангельскую гриву, и никакие силы не могли заставить его слезть с коня и принять бой. Возможно, он не дрался с женщинами, но, скорее всего, ему не хотелось биться с богиней, которую он видел перед собой.

Над ущельем повисла гробовая тишина. Все ждали, и король подавленно молчал, не решаясь принять брошенный ему вызов. Честно говоря, на его месте я б тоже не стала этого делать. Самый опытный мечник этого мира не устоял бы перед бергарским фехтованием, а лучевой клинок при первом же ударе просто срезал бы его меч, как ивовый прут. И король уступил. Он просто растерялся и не знал, что делать. Он был подавлен и унижен перед всеми, а я вдруг почувствовала какую-то странную злость на него и, опустив меч, выпрямилась.

— Ты проиграл этот бой, король Сен-Марко. Уводи своё войско от этих стен! — скомандовала я и, взмахнув крыльями, резко поднялась в воздух, но напоследок всё же не удержалась и, рванувшись к королю так, что он отшатнулся, рубанула лучевым клинком по древку, на котором висел жёлтый штандарт с красным крестом и синими птичками.

Штандарт упал под копыта коней, а я резко взмыла вверх и, поднявшись до крепостных стен, приземлилась на парапет между каменными зубцами. Рядом со мной тут же возник Арес. Он с любопытством смотрел вниз.

Там царило безмолвие, а потом к застывшему в прострации королю подъехал старый рыцарь с седой головой и что-то шепнул. Тот кивнул, старик обернулся и махнул рукой. Тут же внизу затрубили трубы, и войско Сен-Марко начало отступать. На стенах цитадели раздались радостные крики. Рыцари Девы Лардес, их оруженосцы и слуги праздновали победу, доставшуюся им бескровно.

Земляне уходили молча, бросив на площадке перед пропастью свою странную окованную железом телегу. Они скрывались за поворотом, видимо, для того, чтоб перестроиться и продолжить путь к Грозовой горе. И только тот высокий рыцарь весьма недурной наружности какое-то время стоял перед воротами, глядя вверх. Ветер развевал его чёрные локоны, и мне казалось, что я вижу его устремлённые на меня светлые глаза, в которых наверняка было что-то похожее на влюблённость. «Размечталась», — усмехнулась я про себя, а он, развернувшись и не торопясь двинулся вслед за остальными.

Я вздохнула с облегчением. Итак, один бой мне удалось предотвратить. Мой спектакль увенчался успехом, хотя был ли это всего лишь спектакль? Что б там ни думал Арес, но я — ангел и крылья у меня настоящие. Но в любом случае, кроме крыльев и Налоранта мне нечего было предъявить воинственному королю с запада. У меня в арсенале не было ни пучка молний, ни боевых колесниц, ни топора, от удара которого разверзается земная твердь. Я понятия не имела, какими чудесными орудиями владела Дева Лардес, но, видимо,

король это знал, и предпочёл отступить.

Я обернулась. Арес уже командовал своими людьми. Насладившись минутой торжества, он снова был готов к активным действиям. Он послал слуг заделывать брешь в стене, лучников — на северную стену, выходящую на дорогу к Грозовой горе, а сам собирал рыцарей, которых я обещала провести в замок Повелителя теней. Раздав указания, он снова вернулся ко мне и деловито сообщил, что скоро они будут готовы к выступлению.

Задумчиво взглянув на него, я убрала крылья, прыгнула с парапета и поинтересовалась, как насчёт обеда.

— Война — войной... — с пониманием усмехнулся он и позвал оруженосца, чтоб тот передал на кухню соответствующие распоряжения.

Войско Сен-Марко отступило на прежние позиции. Марк шёл по дороге, глядя на толпившихся вокруг воинов, и едва скрывал усмешку. Это поражение как-то странно окрылило его соратников. С просветлёнными и немного смущёнными лицами они тихо переговаривались между собой или молчали в задумчивости, пытаясь осознать странный опыт, пережитый только что. Они потерпели поражение, но так ли постыдно уступить прекраснейшей из богинь? Конечно, нет! Ведь она богиня не только для алкорцев, но и для землян, и если она прогнала их от цитадели, то сделала это по-матерински мягко, не пролив крови. И они чувствовали себя едва не благословлёнными ею. Её светлый лик, золотые кудри и белоснежные лебединые крылья до сих пор будоражили их воображение, и можно было не сомневаться, что вскоре многие из них закажут новые латы с лебедиными крыльями или хотя бы купят в храме украшения с характерным узором. И многие теперь до скончания дней будут вспоминать о ней, и посвящать ей победы в турнирах и баллады.

Но кое-где он встречал и тревожные взгляды вполголоса перешёптывавшихся между собой рыцарей. Они думали о другом, о срубленном штандарте короля, упавшем в дорожную пыль под копыта коней. Марк словно слышал их шепот: «Это дурная примета, плохой знак. Не к добру она отметила короля». Их тревожил этот поступок белокрылой богини, потому что сулил королю незавидную судьбу. И сейчас ещё Марк слышал в душе горестный вздох, пронёсшийся над войском, увидевшим падение штандарта. И никто тогда не заметил, как удовлетворённо прищурился барон Делвин-Элидир, узрев в этом добрый знак для своих планов. И сам Марк не смог удержаться от мимолётной усмешки, почувствовав в выходе девы-воительницы одобрение своих устремлений. Она словно вмиг стала ему ближе, как помощница, соучастница его тайных замыслов. И теперь он знал, кому следует молиться о помощи в этом тайном и опасном деле.

Ему хотелось побыть одному и переосмыслить всё, что случилось только что у подножия горной крепости алкорцев, но уединиться в лагере землян было негде. Люди спешили с коней и тут же садились на землю, не было ни укромных уголков, ни палаток. И тогда он, заметив в стороне расщелину между камнями, которая переходила дальше в звериную тропу, быстро вскарабкался наверх и вскоре оказался один на вершине невысокой обломанной скалы, откуда видна была так и не взятая ими цитадель, часть заполненной людьми и лошадьми дороги и выше, куда ни бросишь взгляд, — огромные острые пики скал, заслоняющие горизонт. Какое-то время он стоял там, подставив разгорячённое лицо ветру, глядя на эти горы, и впервые почувствовал их силу, покой и надёжность, а ещё тишину, застывшую в их пропастях и расщелинах. И что-то в этой вечной и непоколебимой тишине было сродни взмаху белых крыльев и белому огню волшебного клинка, что-то глубокое,

непостижимое и, в то же время, лежащее на самом дне его мятущейся души.

Как оказалось, его уход был замечен, и нашёлся тот, кто пожелал присоединиться к его зыбкому одиночеству, оторвавшись от людской суеты и спрятавшись от чужих любопытных ушей.

— «И дало ей солнце золото лучей своих для её волос за её красоту, — услышал он голос Айолина, — и дал ей снег серебро сияния своего для лица её за её мудрость, и дало ей небо белые крылья за отвагу её, и дала молния свет свой для меча её за силу её, и дала земля ей твёрдость свою за доброту её». Песнь первая «Сказания о святой деве Лурдес».

Марк с улыбкой обернулся и увидел, как Айолин выбирается из расщелины на вершину, цепляясь за камни здоровой рукой.

— А ведь она рыжая! — рассмеялся Марк, взглянув на друга.

— Мне показалось, что её волосы золотого цвета, — возразил тот с улыбкой.

— Это потому что у твоей юной жены золотистые волосы.

— А тебе всегда нравились рыжие.

— Это верно, — Марк снова окинул взглядом горы и глубоко вздохнул. — И она пощадила меня, друг мой! Я не думал вернуться из этой вылазки живым. Если б алкорцы вышли против нас лоб в лоб, у меня ещё был бы шанс уцелеть, но оставшись с ними один на один в их крепости? Никаких шансов! Я видел её глаза, Айолин, совсем близко. Её лицо... Она была прекрасна, и я сам бы подставил грудь под её сверкающий клинок, но в том-то и дело, что ей не нужны наши жертвы. Я понял это. А Ричард чуть всё не испортил.

— Он унижен, — усмехнулся Айолин. — Ты не представляешь, в какой он ярости! Он бежит по своему тёмному тесному шатру и поливает грязью сына, который не знает, куда деваться от его обвинений.

— Чем не угодил ему Жоан? — нахмурился Марк.

— Это он остановил вашу осадную телегу! Он первый своими молодыми глазами разглядел во тьме прохода женщину, которая похожа на статую в храме святой Лурдес. Не удивительно, ведь он постоянно ходит туда к вдовствующей королеве и каждый раз проходит мимо статуи, а леди Дарья похожа на неё, как заметил и её капитан.

— Да, леди Дарья... — Марк задумался. — Я ведь несколько раз видел её при дворе альдора. Но кто б мог подумать, что она и есть Дева-воительница. И как ловко она поставила на место Ричарда! Он, действительно, выглядел глупо! Ему б вслед за другими поклониться и выразить почтение. Исход один — если она защищает крепость, брать её нельзя, но хоть бы сохранил репутацию! А он сидел, как истукан, бледнея и краснея, и добился того, что она срубила его штандарт.

— «И взмахнув своим мечом, подобным молнии, святая Лурдес срубила древко флага Кадеирна, и упал флаг в грязь под копыта коней, и сказала святая дева: «Если ты не покинешь сейчас Передер, голова твоя слетит с плеч, как твоё знамя с древка». И ушёл Кадеирн из Передера в свой Брейден, унося проклятие на плечах своих. И года не прошло, как пал он в бою от рук врагов, восставших на него». Песнь двадцать седьмая «Сказания о святой деве Лурдес».

Марк выслушал его внимательно, а затем удовлетворённо кивнул.

— Если, как и шепчутся по углам, знамя, срубленное её мечом, метит его владельца проклятием, то наша с тобой задача существенно облегчается.

— Я б не стал надеяться на это, — заметил Айолин. — Потому что леди Дарья — не святая Лурдес, хоть и одной с ней природы. И нам самим придётся решать эту проблему, но

такое предзнаменование нам на руку. Что теперь?

— Теперь мы пойдём на Грозовую гору, — ответил Марк, — но прежде нам придётся пройти по дороге под стенами цитадели, с которой нас осыплют дождём стрел. И я надеюсь, хоть одна из них попадёт в Ричарда.

— Это вряд ли. Он, в отличие от нас с тобой, будет надёжно укрыт за щитами. Так что я бы подумал о том, чтоб прежде устранить его щит.

— Ты опять об этом варваре, — проворчал Марк. — Я присмотрелся к нему. Легче ухватить дикого волка за хвост, чем подобраться к господину Джинхэю. У него словно глаза на затылке. Но я придумаю что-нибудь и буду готов воспользоваться любой его оплошностью. А пока же нам следует подумать, как миновать участок дороги, который простреливается со стен, чтоб не погибнуть самим и не погубить коней.

— Над этим как раз сейчас ломают голову в штабе. Ричард не хочет задерживаться здесь до ночи и требует начать выступление не позднее этого вечера, чтоб за время, оставшееся до темноты, дойти до Грозовой горы.

— Вряд ли это разумно, — усомнился Марк. — Во-первых, ночью мы могли бы скрытно пройти под носом у алкорцев. Замотать тряпками ножны и копыта коней, и они не увидят и не услышат нас. И в любом случае, им пришлось бы стрелять наугад в темноту, значит, вероятность попасть в цель не так велика. И, кроме того, подходить к замку к ночи, чтоб устроиться на привал под дождём, в центре грозы... Там, конечно, темно и днём, и ночью, но после марша перед боем людям всё равно нужен будет отдых.

— Надеюсь, они всё это учтут, — вздохнул Айолин. — Ричард сейчас в таком настроении, что возражать ему просто опасно. Он потерпел куда большее поражение, чем его армия. Он был унижен на глазах у всех, и скоро весть об этом разнесётся по всему миру. Это приводит его в ярость. Он готов переложить ответственность за поражение на кого угодно. Пока под руку ему попался Жоан, но принц хотя бы не рискует быть наказанным за это. Если мы потерпим поражение и на Грозовой горе, тогда всё будет куда хуже.

— И всё же, я желаю ему поражения, — произнёс Марк и посмотрел туда, где за пиками скал клубились чёрные тучи, окутывающие Грозовую гору.

Трапеза в цитадели прошла, что называется в спокойной деловой обстановке. Хоть рыцари, собравшиеся за тесно поставленными столами, и рады были тому, что враг отступил от их стен, они сознавали, что победа одержана не ими, и праздновать здесь нечего. После того, как принесённые с кухни миски и кувшины опустели, они поднялись и отправились собирать оружие для обороны замка на Грозовой горе. Всё, что они могли взять с собой из цитадели, это луки и стрелы.

Мы с комендантом Аресом поднялись на северную стену, где за зубцами уже стояли слуги и оруженосцы погибших рыцарей с длинными тяжёлыми луками и арбалетами. Они держали под прицелом серую ленту дороги, которая тянулась внизу за узким ущельем-рвом. Расстояние до неё было меньше двухсот метров, то есть этот участок дороги хорошо простреливался со стен. Однако пока дорога была пуста.

Поговорив с начальником караула Вилмаром и дав ему последние указания, Арес вернулся ко мне.

— Мы готовы идти, моя леди, — произнёс он, задумчиво посмотрев туда, где за каменными глыбами укрывалось войско землян. — Вы сказали, что их около семисот человек?

— Да, тяжеловооружённые рыцари, легкая кавалерия, пехота и лучники, — ответила я.

— Они вряд ли пойдут здесь среди бела дня, а значит, задержатся до ночи, когда идти под стенами под покровом темноты будет не так опасно. Дальше их остановит преградившая дорогу рухнувшая скала. Это даёт нам время. Мы успеем добраться до замка на Грозовой горе и подготовиться к обороне. От закованных в броню рыцарей на конях и кавалерии толку там будет мало. Им придётся спешиться для того, чтоб напасть на замок.

— Ущелье вокруг замка затоплено потоками воды, — заметила я. — Это осложнит штурм, но не предотвратит его.

— Рва и вала там нет, — задумчиво произнёс он, а потом резко вскинул голову. — Не будем гадать! Чем скорее мы попадём туда, тем лучше сможем продумать нашу тактику.

Во дворе замка снова собрались рыцари, но теперь пешие, их сопровождали нагруженные оружием и припасами оруженосцы, многие из которых уже давно вышли из юношеского возраста и сами выглядели опытными закалёнными воинами. Арес прошёл к небольшой двери слева от крыльца, ведущего в замок, и, открыв её, начал спускаться вниз по узкой лестнице. На площадке между крутыми пролётами он на минуту задержался, чтоб снять со стены факел. Его оруженосец снял второй и остался стоять, когда мы двинулись дальше. Обернувшись, я увидела, как шествующие за нами рыцари и оруженосцы подносят свои факелы к его огню и зажигают их.

Путь по подземному ходу был трудным и неприятным. Мы шли по каменным сырým коридорам, местами выходящим в естественные пещеры, где с потолка лилась вода. Мы шли под этим дождём, вода бурлила под ногами, порой доходя до колена. Потом начался подъём, который снова сменялся резким спуском. Арес уверенно шёл вперёд, освещая дорогу, и хоть в стороны то и дело отходили ещё какие-то ходы и лазы, он уверенно держал нужное направление.

Наконец, начался долгий подъём вверх, очень крутой и слегка извилистый, где прямо сверху с шумом стекала по полу вода, едва не сбивая с ног. Но небольшая армия из рыцарей и оруженосцев в полном молчании продолжала путь.

Я даже не заметила тот момент, когда мы вышли из катакомб, потому что вокруг было всё также темно, сверху лились потоки ливня, а ноги утопали в стремительно текущей по камням воде. Я поняла это, лишь когда меня ослепила яркая вспышка молнии, и, подняв голову, я не увидела над собой тяжёлый свод каменного потолка. Вместо этого над нами нависали тяжелые своды клубящихся грозových туч. Это значило, что мы уже не так далеко от замка.

Я промокла до нитки. Это было непривычно и неприятно, но я не могла ко всему прочему тащить за собой крылья, а без них моя магия, видимо, не действовала и не защищала меня от дождя. Мне было холодно, и при этом я была зла. Причиной этой злости была металлическая арбалетная стрела, заткнутая за мой пояс, которую я чувствовала при каждом шаге, потому что она упиралась концами мне то в бедро, то в бок. Это был болт от горного арбалета, предназначенного для спасательных работ в горах. Для спасательных, то есть это было спасательное оборудование, а никак не оружие. Но, как говорят, из любого самого мирного предмета можно сделать орудие убийства. И этот болт, изящный, покрытый серебристым никелевым сплавом, который должен был просто фиксироваться в горной породе, превратился в смертельное оружие. Арес отдал его мне, сказав, что он обнаружен в ране одного из его погибших рыцарей. У других были схожие раны, но стрелы были предусмотрительно из них извлечены. Эту не заметили только потому, что она попала в бок

погибшему, и он упал на край дороги так, что смертельная рана оказалась внизу. К тому же Арес описал мне и другие раны, нанесённые очень тонким лезвием. Выслушав его, я поняла, что кто-то использовал в бою сюрикены. Я понятия не имела, входят ли они в арсенал стрелков «Паладина», но точно знала, что Стэн Стаховски владеет этим оружием виртуозно. А это значило, что проблемы возникли не только у Карнача, но и у меня.

Конечно, я помнила его признание, что они вступили в бой и убили несколько человек, но то, что они применяли при этом горный арбалет и сюрикены, привело меня в ярость. Хотя, какая разница, меч, лук со стрелами или спасательное оборудование и сюрикены? Чёрт, зачем я только позволила принести эти метательные звёздочки на звездолёт! Они-то уж точно созданы не для спасательных работ! Но мне так нравилось смотреть, как ловко бросают их в мишень мои стрелки! Я даже не думала, что однажды их мишень окажется живой.

Замок возник перед нами неожиданно. Я никогда не подходила к нему по земле, и потому была удивлена, когда передо мной вдруг выросла из дождя и сумрака эта мрачная громада, вернее, это было странное нагромождение чёрных сырых камней, в котором угадывались очертания замка. Между нами и нижним склоном Грозовой горы влажно блестело и переливалось потоками воды узкое каменистое плато.

— Я поднимусь на стены и договорюсь, чтоб вас пустили, — прокричала я, обратившись к Аресу, который с мрачным недовольством оглядывал замок.

Ему удалось расслышать меня за грохотом грома и шумом дождя. Он махнул рукой назад и его люди остановились, стоически перенося холод и обрушивавшийся на их головы ливень, несмотря на то, что вода заливалась под доспехи и стекала по телам ледяными струями.

Я поспешно распустила крылья, и тут же почувствовала, как меня окутало приятное тепло струящейся от меня же энергии. Мои волосы мигом высохли, и одежда, кажется, тоже. Не задерживаясь, я поднялась в воздух и по широкой спирали взлетела вверх, на крепостные стены.

Зикура я нашла на одном из бастionedов, он как раз ругался со своими измученными приятелями, требуя добавить на кучу камней, предназначенных для сбрасывания на головы врагов, ещё пару рядов. Подойдя к нему, я объяснила, что привела на подмогу рыцарей Девы Лардес и их оруженосцев. Мне почему-то показалось, что в какой-то момент он испугался, но затем понимающе кивнул и сообщил, что рад любой помощи, но решить, впустить их или нет, может только Повелитель.

— Пошли искать повелителя, — пожала плечами я и, развернувшись, направилась к входу в башню.

Я понятия не имела, где его искать, просто шла вперёд и вскоре оказалась перед дверями в тронный зал. Зикур опередил меня, чтоб распахнуть, и я спокойно проследовала к трону на возвышении, где в позе киношного злодея в задумчивости восседал Бен.

Он опустил голову на бледную руку, локоть которой упирался в резной каменный подлокотник, и его лицо было замкнутым и немного злым. А я-то думала, что он вообще не собирается предпринимать что-то против агрессора, но, оказывается, он искал выход и его идеи были одна кровожаднее другой. Увидев меня, он нахмурился, поднял голову и взгляд его наполнился таким недовольством, словно я выбила из его руки бокал с коллекционным арманьяком.

Я спокойно объяснила ему ситуацию и вежливо попросила впустить моих друзей в

замок.

— Разумно ли это? — тут же возник из-за спинки трона Эл Багси. — Эти рыцари давнo проявляют к нам недружелюбие, вдруг им захочется захватить замок?

— Не велика ценность, — проворчал Бен и, взглянув на стоявшего чуть позади меня Зикура, небрежно взмахнул рукой: — Впустите их.

— Я? — снова почему-то испугался Зикур, но потом кивнул. — Конечно, кто же ещё? — и, развернувшись, вышел из зала.

Я осталась и с любопытством посмотрела на Бена.

— Вы уже решили, как будете оборонять замок? — поинтересовалась я.

— Мне показалось, что вы только что об этом позаботились, командор, — проворчал он.

— Я привела вам три с половиной сотни бойцов, — заметила я, — но не уверена, что этого хватит. К тому же этот вариант предполагает бойню.

— Три с половиной сотни? — ужаснулся Эл. — Чем мы их будем кормить?

— Это не моя забота, — с удовольствием заявила я. — Просто я надеялась, что у вас в рукаве есть какой-то козырь, который позволит нам избежать кровопролития. Замок не приспособлен для обороны, он представляет собой крайне нестабильную структуру и неизвестно, как поведёт себя в сложившейся ситуации. Я, честно говоря, не заинтересована в том, чтоб погибали люди, не важно, ваши или их. Кстати, среди них будут и наши стрелки. Вам привет от них!

Я поднялась по ступеням и протянула ему арбалетную стрелу. Он с недоумением смотрел на неё, а потом взял в руки.

— Это кровь? — спросил он, указав на коричневую субстанцию, застывшую в бороздках боковой нарезки.

— Точно. Кровь алкорцев, друзей тех, кто пришёл, чтоб защищать ваш замок.

— Они пришли защищать Алмазное Сердце, а не меня, — возразил Бен, хмуро глядя на стрелу. — Это их долг и их право, я не стану им мешать.

— Удобная позиция, — одобрила я. — но это вы воздвигли здесь это сооружение, которое привлекло короля Сен-Марко. Пока все думали, что Алмазное Сердце хранится в недрах горы, никто на него не посягал, а теперь многие думают, что оно укрыто в вашем замке.

— Интересная гипотеза, — Бен с холодным прищуром посмотрел на меня. — Но я могу вас успокоить. У меня в рукаве целая колода козырей и я воспользуюсь тем, каким сочту нужным.

— Разумно, — кивнула я. — В таком случае, я отправляюсь в душ.

— Подождите, — остановил меня Эл. — А почему тут рыцари Девы Лардес? У них же есть свой замок! Почему они его не защищают?

— Потому что на него не нападают, — улыбнулась я. — Мне пришлось объяснить королю Ричарду недопустимость такого поведения, и он внял.

— А вы не могли бы... — с надеждой в голосе начал Эл, но я покачала головой.

— Нет. Не в этот раз. Это — не мой замок.

И, развернувшись, я гордо вышла, твёрдо решив, что не стану вмешиваться в то, что здесь происходит. Одна психическая атака мне удалась, но её повторение уже превратится в фарс. Не могу ж я спасать всех подряд. Пусть и сами что-нибудь предпримут!

Прежде чем подняться к себе, я отправилась посмотреть, как там мои рыцари. Я успела

как раз вовремя, чтоб увидеть, как внизу распахнулась дверь, и с улицы ввалился укрытый промасленной рогожей Зикур. С него потоками стекала вода, и он был бледен, как смерть. За ним следовал мрачный, как тучи над замком, Арес, холодно взиравший на своего проводника. Я сразу поняла, что они знакомы, и не слишком рады видеть друг друга.

— Зикур введёт вас в курс дела, — сделав вид, что не заметила их пассивной конфронтации, произнесла я. — Он руководит обороной, так что я надеюсь, вы будете сотрудничать. Если возникнут проблемы, он знает, где меня найти.

Арес снова покосился на Зикура и, посмотрев на меня, кивнул в знак согласия. После этого я направилась к себе, с вождением думая о горячей ванне и стакане грога, представляя себе их во всех красочных подробностях, чтоб мой заказ был не только услышан, но и исполнен.

Тем временем лучники Вилмара скучали на северной крепостной стене. Они не ждали прохода армии Сен-Марко раньше наступления темноты, но Таурус потребовал, чтоб они постоянно находились на местах во избежание непредвиденного. И непредвиденное случилось. Неожиданно откуда-то из-за скал, где стояли лагерем земляне, начали выплывать клубы белого дыма, который вскоре затянул плотным туманом всю дорогу. Лучники забеспокоились и, натянув луки, тревожно вглядывались в белую полосу, закрывшую не только дорогу, но и часть ущелья внизу, и отвесную стену скальной гряды наверху.

Они прислушивались, но не могли ничего расслышать, кроме привычного воя ветра в скалах. Появившиеся вскоре на стене Вилмар и Таурус какое-то время созерцали это странное явление и, в конце концов, пришли к выводу, что это магический туман. Он закрыл от них дорогу, и неясно было, движется ли по ней кто-нибудь. Лишь внезапно послышавшееся из тумана ржание лошади, указало на то, что переход начался. По приказу Вилмара лучники начали обстрел, но стрелять в густую полосу тумана было странно. Они не знали, куда целиться, на дорогу, в стену выше или в обрыв ущелья внизу. Больше никаких звуков они расслышать не могли, и не могли понять, достигают ли их стрелы своих целей. Эта неопределённость, а главное — сознание того, что вот именно сейчас мимо цитадели проходит вражеское войско, которое невозможно сдержать и остановить, довели Тауруса до того, что он накинулся на Вилмара с упрёками в том, что тот, обучая лучников, не позаботился пристрелять цели на дороге, из-за чего они теперь не могут сориентироваться, куда нужно целиться. Вилмар, признавая справедливость упрёков, тем не менее, возражал, что Таурус, как командир, должен был указать ему на это упущение своевременно.

Перепалка была прервана возгласом одного из лучников, который уверял, что его стрела попала в цель, и он слышал стон. Они кинулись к нему, требуя показать, куда он стрелял. Он выстрелил снова, но стрела беззвучно ушла в белое месиво тумана.

Войско землян тем временем проходило опасный участок под стенами цитадели. И хоть короля в этом походе сопровождал придворный маг Филбертус, сведущий в погодной магии, его вмешательство не понадобилось. Барон де Сансер уже давно заметил, что узкое ущелье, по которому пролежала дорога к цитадели, и которая стала местом временного лагеря для землян, постоянно продувается ветром, который, вырываясь из узкого коридора каменных стен, ещё какое-то время уверенно дует вдоль дороги. Это и подало ему спасительную, хоть и небезопасную идею, как укрыть армию от неприятеля среди светлого дня. За скалами на выходе из ущелья из остатков древесины, взятой с собой для ремонта мостов, были сложены большие костры, которые разожгли и по мере горения слегка поливали водой, отчего

исходящий от них дым становился густым белым и тяжёлым, стелясь по дороге плотными клубами. Он вскоре окутал весь опасный участок, и рыцарям осталось только обмотать тряпками копыта коней, ножны и все звенящие части оружия. Все были предупреждены, что в случае попадания стрелы нужно терпеть боль молча, не издавая ни звука. Двигаться друг за другом на расстоянии, которое обеспечивает визуальный контакт в колонне, чтоб не сбиться с пути и не съехать в пропасть.

Вскоре переход начался. Люди задыхались от едкого дыма и их глаза слезились. Мокрые шарфы, закрывавшие низ лица, не слишком помогали, но никому и в голову не приходило роптать, все понимали, что это лишь малая плата за то, чтоб избежать прямого и точного попадания стрелы.

Как и предполагал Айолин, короля прикрыли со стороны цитадели щитами, но он миновал эту часть дороги без происшествий. Чуть позже в сторону войска полетели стрелы, но лишь некоторые из них попадали туда, где двигались всадники, большая же часть сразу улетала в пропасть или ударялась в каменную стену над головами рыцарей и падала на дорогу. К тому же даже если лучникам цитадели удавалось выпустить стрелу по дороге, она не попадала в цель, пролетая мимо или вонзаясь в широкий щит, который нёс на правой руке каждый всадник. Попадания были единичны, и рыцари стоически терпели боль, не издавая ни звука. По счастью, стрелы находили свою случайную цель уже на излёте, и серьёзных ранений было немного. И всего лишь два оруженосца, проехавшие близко к краю ущелья, были сражены наповал, но их удержали в сёдлах ехавшие рядом товарищи, и движение колонны не замедлилось ни на секунду.

Затем вслед за рыцарями прошли пехотинцы, а следом лучники. И вскоре им удалось миновать пределы досягаемости стрел защитников цитадели. Войско короля Ричарда почти без потерь двинулось дальше, а дующий сзади ветер ещё какое-то время доносил до него лёгкие облачка белого дыма, которые кружились по дороге, закручиваясь в танцующие и быстро исчезающие прозрачные смерчи.

Земляне могли вздохнуть с облегчением, но вскоре перед ними возникло новое и на сей раз уже непреодолимое препятствие. Дорога упиралась в завал валунов, преградивших путь. И эти валуны были настолько огромны, что убрать их не представлялось никакой возможности.

Вокруг короля стихийно собрался военный совет. Обсуждались версии, что это: обычное смещение ориентиров или рухнувшая скала. В любом случае было ясно, что двигаться вперёд уже невозможно и нужно искать обходные пути. Для этой цели были вызваны командиры небольших недавно сформированных отрядов, уже привлекавшихся к разведке в горах: барон де Сегюр, капитан королевской гвардии Карнач и сержанты горных егерей с севера, некогда служившие под непосредственным началом маршала Беренгара. Эти отряды были разосланы в разные стороны на поиски проходимой для войска дороги.

— Будьте осторожны, — проговорил Карнач, прощаясь с Марком в том месте, где поднималась вверх звериная тропа, по которой предстояло идти его группе. — Здесь много опасных участков. Может, отправить с вами Фарида? Он знает, где лучше свернуть.

— Он пригодится вам самим, — возразил Марк. — Я был бы благодарен тебе, если бы ты дал мне на время свой арбалет. Если нам понадобится закрепить верёвку, он будет очень кстати.

Карнач с сомнением посмотрел на блестящее ложе сложенного арбалета, видневшееся из его седельной сумки, но потом кивнул.

— Я дам тебе его, и одну стрелу. Только одну, Марк, а ты мне пообещаешь, что не станешь стрелять из него в людей.

— Вы же стреляли, — напомнил тот, но посмотрев в глаза капитана, согласился. — Твой арбалет — твои условия. Клянусь, что не стану стрелять в людей. У меня для этого есть лук и стрелы.

Карнач быстро объяснил ему, как пользоваться арбалетом, тем более, что его устройство было совсем несложным. После этого друзья простились и разъехались в стороны, а армия Сен-Марко тем временем начала обустриваться на очередной привал.

Гвардейцы так и не смогли продвинуться в своих поисках далеко от дороги. Пройдя по звериной тропе, они дошли до небольшой впадины, где в каменную чашу струился серебристый водопад. Стало ясно, что тропа вела к водопою, и от него отходило ещё несколько троп, но проверив все, они убедились, что ни одна из них не ведёт к Грозовой горе. Две тропы уводили в другую сторону и обрывались на небольших пастбищах, где спокойно паслись небольшие стада маленьких золотистых оленей с острыми копытцами. Ещё одна тропа круто поднималась вверх, и, возможно, те самые острые копытца могли с лёгкостью поднять наверх своих рогатых обладателей, но боевые кони, отягощённые закованными в железные доспехи всадниками, точно не смогли бы повторить такой трюк. Остальные тропы уходили обратно на запад и терялись в отрогах скал.

Уже к темноте Карнач принял решение возвращаться назад, и лишь к ночи им удалось вернуться в лагерь. Пройдя караулы, они передали коней оруженосцам и подошли к костру, возле которого, протягивая руки к огню, стоял мрачный Марк.

— Тоже ничего? — спросил он вместо приветствия. — Мы прошли по горам несколько миль, пока сообразили, что всё время отклоняемся на запад. Несколько раз пытались найти путь, ведущий к Грозовой горе, но не отыскали ни одной тропы, по которой могли бы пройти кони, не то что телеги. Кончилось тем, что мы просто оказались на краю пропасти, по дну которой протекает бурная река. Как в насмешку, мы увидели вдалеке Грозовую гору с её тучами и молниями, но ни спуститься в долину, ни форсировать эту бурную реку невозможно, особенно с армией.

Карнач в двух словах поведал ему о своём неудачном путешествии. Марк выслушал его молча, время от времени кивая в знак того, что это всё было вполне предсказуемо и иного ждать не стоило.

— Мы зря прошли мимо цитадели, — наконец, пояснил он. — Нужно было идти тем окольным путём, которым провёл нас в прошлый раз алкорский перебежчик.

— Там обоз не пройдёт, — заметил стоявший рядом Игнат.

— Мы вряд ли найдём дорогу, где пройдут кони, не говоря уж о телегах, — пожал плечами Марк. — Троп в горах много, они все изрезаны путями. По некоторым прошёл бы пеший, но найти торную дорогу, где пройдут гружёные телеги, вряд ли удастся.

Вскоре появился один из сержантов-егерей и сообщил, что не смог перейти реку, которая разлилась из-за дождей в горах, и должен был повернуть назад. Марк молча кивнул и отпустил его на отдых. Следом появился ещё один, доложивший, что добрался почти до границы грозы, но для этого ему пришлось оставить своих всадников и пешим подняться по крутому склону. Кони там не пройдут, да и спуск в долину за вершиной, докуда он добрался, он считал невозможным. И уже глубокой ночью, вернулся последний отряд егерей. Молодой сержант в промокшей насквозь шерстяной накидке подошёл к костру. С его длинных, свисающих на грудь усов до сих пор стекала вода, но он был возбуждён и его глаза радостно

блестели.

— Я нашёл дорогу, господин барон, — произнёс он с грубоватым северным акцентом. — Я дошёл до самой долины и видел замок на Грозовой горе.

— Вы прошли туда отрядом? — с надеждой встрепенулся Марк.

— Мы прошли верхом, и, я уверен, там пройдёт конница, в том числе рыцари господина виконта Дэвре. Там пройдут пехотинцы и лучники. Но обоз не пройдёт.

— Это неважно, Буркхард! — воскликнул Марк. — Никто, кроме вас, не нашёл дорогу к замку. И вряд ли мы найдём лучше той, что отыскиали вы. Обоз можно оставить здесь, выпрячь из телег коней и необходимые припасы навьючить им на спины. Это уже дорога! Ступай к графу де Бове и сам доложи ему о своём успехе. Скажи, что я прошу его наградить тебя и твоих егерей.

— Вы очень добры, господин барон, — низко поклонился ему сержант и отправился искать командующего походом.

— Ну, вот, — проговорил ставший свидетелем этого разговора Карнач, — значит, путь к замку на Грозовой горе для нас открыт.

Марк подозрительно покосился на него, потому что так и не смог понять, радуется это капитана гвардейцев, или он считает эту новость полной катастрофой.

Ждать светлого утра король не стал. Ссылаясь на то, что припасы войска на исходе, а также вняв заверениям сержанта Буркхарда, что тот отведёт их к замку и ночью, он приказал тёмным утром готовиться к выступлению. Довод о припасах был оправдан, поскольку армия затратила на переход больше времени, чем ожидалось, а подвоз продуктов затруднялся из-за того, что теперь позади оказалась вполне боеспособная цитадель Девы Лардес. И всё же вперёд короля гнало вовсе не это. Он жаждал скорее захватить чёрный замок и завладеть древней реликвией, дающей власть над миром.

В темноте, при свете костров тягловые кони были выпряжены из телег и на их спины погружены остатки провианта, тщательно укупоренные в просмоленные бочки запасы пороха и те осадные приспособления, которые можно было разобрать и в таком виде везти дальше. Всадники и пехотинцы взяли в руки зажжённые факелы, и войско начало последний этап своего похода. Впереди, гордый своей миссией и посверкивая только что дарованным ему серебряным поясом, перехватившем обычную серую накидку, восседал на низком крепконогом коне сержант Буркхард. Он хорошо выполнил свою работу, медленно и осмотрительно ведя войско по запутанному маршруту в горах. Огненная вереница факелов растянулась более чем на милю, проползая меж скал и камней, струилась по узким каньонам и вброд переходила широкие мелкие реки. Путь был долгим, и, наконец, впереди засверкали молнии, и чернота ночи впереди слилась с чернотой клубящихся грозовых туч.

Как бы ни рвался вперёд Ричард, но острые порывы ветра и крапающий дождик слегка остудили его пыл. Он принял решение устроить ещё один привал в сравнительно комфортных условиях и остановил движение армии на подступах к своей цели. Справедливо решив, что замок теперь никуда не денется, а его людям и их коням нужен отдых, он приказал поставить шатёр под скалой, закрывающей от ветра и дождя, и отправился спать, чтоб с первыми проблесками зари вести своё войско к вожделенной цели.

Но заря так и не встала над лагерем Сен-Марко. Небо лишь слегка просветлело серыми сумерками, в то время как впереди темнела непроглядная ночь грозы, хищно сверкающая молниями и бросая в лицо пришельцам ледяные иглы дождя. Тем не менее, в урочный час

войско снялось с места и под звуки труб двинулось туда, в эту крошечную мглу. И многим в этот час казалось, что они уходят под бой барабанов и с развевающимися знамёнами в самую бездну ада, из которого нет выхода. Страх, сковавший души людей, нарастал по мере того, как вокруг становилось всё темнее, дождь превратился в ливень и затушил факелы, а налетающий со всех сторон ветер пронизывал до костей, забираясь не только под плотные плащи, но и под железные доспехи.

Молнии сверкали и били в скалы, обрушивая на узкую вереницу всадников и пеших воинов мелкие осколки камней, однако, ни одна из них не ударила в колонну. Ливень низвергался с бушующих небес, заливая глаза и пронизывая холодом. Ветер крепчал. Каменные осыпи на тропе задерживали движение, и уставшие перепуганные кони неохотно шли вперёд, подчиняясь инерции всей вереницы.

Этот путь занял несколько часов, и в какой-то момент голова колонны, пройдя по узкому каньону, поднялась на небольшой перевал, и король Ричард, остановив своего коня, поднял руку. Перед ним за бурлящим множеством ручьёв неглубоким ущельем высилась громада замка. Она с трудом угадывалась в темноте лоснящимися бликами на изломах каменных блоков, из которых была сложена. Её крутые и неровные стены уходили высоко вверх и тонули во мраке туч. Яркие вспышки молний на краткие мгновения озаряли всё это жуткое и несуразное сооружение, но Ричард уже высматривал в его стенах трещины и ниши, в которых можно было бы пробить бреши при штурме.

По его приказу войско остановилось. На том самом месте, откуда он впервые увидел замок, был натянут плотный тент. Ветер рвал его в неуёмном желании сорвать с крепких шестов, под ногами струилась вода, но собравшийся под этим ненадёжным укрытием военный совет уже приступил к совещанию. Вскоре вниз, в долину были посланы группы пеших разведчиков, которым было приказано тщательно осмотреть замок и прилегающую местность, без чего сложно было составить план штурма.

Разведчики вернулись вскоре и доложили, что совсем недалеко от места, где остановились земляне, есть широкий мост и ворота, а по периметру они рассмотрели несколько дверей в стене, к которым ведут крутые ступени. Ричард сам отправился вниз, чтоб осмотреть мост и ворота, но в тот самый момент, когда он уже различил впереди монолитную конструкцию, связывавшую крепостную стену с большими воротами и край ущелья, в мост ударила белая ветвистая молния, и он разлетелся в стороны тысячами мелких каменных осколков. Чертыхнувшись от досады и отмахнувшись от озабоченных его безопасностью приближённых, он всё же пробрался туда и с сожалением увидел, что теперь ворота и выступающие из стены остатки моста виднеются где-то высоко над обрывом, и добраться до них по отвесной стене невозможно.

Двери в стенах выглядели куда более обнадёживающими. К ним поднимались вырубленные в каменной породе ступеньки, да и сами двери, сколоченные из толстых дубовых досок, тем не менее, не выглядели непреодолимой преградой. Даже ручного тарана было достаточно, чтоб сорвать такую дверь с петель. Вполне ободрённый этим открытием король хотел подойти ближе, но путь ему преградил бурный поток, тащивший по дну ущелья тяжёлые валуны, а следом в камни под ногами ударили две тяжёлые длинные стрелы, выпущенные из невидимых бойниц в чёрных стенах. На сей раз Ричард внял мольбам верных слуг и вернулся в лагерь, после чего сразу же вновь созвал военный совет.

— Штурмовать замок при такой погоде... — с сомнением проговорил граф де Бове, зябко кутаясь в мокрый плащ.

— Здесь не бывает другой погоды, — напомнил ему барон Делвин-Элидир. — Нам придётся штурмовать его либо в таких условиях, либо отступить. При этом, если мы решимся на штурм, то лучше не затягивать с этим. Из-за грозы у нас нет возможности разжечь костры, люди и лошади мёрзнут и вскоре будут уже неспособны идти в бой.

— Лошадей вообще придётся оставить здесь. Им не пройти по залитому водой дну ущелья, — задумчиво проговорил барон де Сансер, рассматривая наспех начерченную карту замка и его окрестностей. — На кавалерию мы рассчитывать не можем, придётся идти пешими.

— С сожалением вынужден с вами согласиться, — мрачно кивнул король. — Кони поломают ноги среди этих валунов, да и места для манёвра конницы там нет. Второй вопрос, как нам форсировать протекающие там реки. С одной стороны, они не глубокие, но с другой, течение у них слишком бурное.

— Есть несколько мест, где вода разливается по долине и течёт широким мелким потоком, — Делвин-Элидир склонился над картой. — Вот здесь и здесь. Мы можем форсировать реки в этих местах, а потом подойти к стенам. Другое дело, что тогда мы окажемся под обстрелом из замка.

— В темноте, под прикрытием щитов, мы вполне сможем подойти ближе, — немного приободрился граф де Бове. — Подойдя ближе, мы окажемся в слепой зоне, и стрелы уже будут нам не опасны.

— Зато будут опасны камни, сброшенные со стен, — проворчал Леонард Дэвре. — Впрочем, если мы воспользуемся усиленными щитами...

— При массированном наступлении мы можем рассчитывать на то, что прорвёмся, — задумчиво произнёс барон де Сансер. — Конечно, какая-то часть войска падёт под обстрелом, но вряд ли противник обладает достаточным количеством лучников, чтоб перебить всех. Однако я полагаю, что натиск должен быть мощным с одновременным вступлением в бой всех наличных резервов, потому что у нас будет не так много возможностей снова пойти на приступ. Я предлагаю выбрать одно направление и ударить по нему стремительной атакой. Форсировать реку, под прикрытием стен подойти ближе, подняться и выбить дверь.

— Мы не знаем, что ждёт нас внутри, — покачал головой Делвин-Элидир. — Да и к тому же, сможем ли мы выбить дверь сразу, учитывая, что площадка перед ней небольшая, неизвестно удастся ли воспользоваться хотя бы ручным тараном, а сверху на нас обрушатся камни.

— Двери наверняка забаррикадируют, — пожал плечами Дэвре. — Потому лучше всего их взорвать. Это создаст брешь в стене и уничтожит часть противников, охраняющих этот вход. Я предлагаю выбрать вот эту дверь, — он ткнул пальцем в карту. — Лестница здесь шире и короче и сверху её прикрывает выступающий карниз, потому сапёры, если им удастся подняться до лестницы, смогут заминировать дверь, не опасаясь, что их убьёт камнем, упавшим сверху.

— А если именно эта дверь обороняется лучше других, исходя из её большей уязвимости? — задумчиво спросил граф де Бове.

— Скорее всего, так оно и есть, — заявил король. — Но мы должны выбирать наиболее подходящий для нас путь в замок. Если не получится здесь, попробуем с другой стороны. Если потеряем слишком много людей, отступим за пределы грозы и отправим гонцов за подкреплением. Мы должны взять этот замок! И как можно скорее!

— Мы его возьмём, — проговорил де Сансер. — Судя по всему, он строился без учёта того, что его будут штурмовать или осаждать. Я не вижу ничего, что говорило бы о том, что замок предназначался для военных целей. Если б у нас были стенобитные орудия, мы бы разнесли его в два счёта. Стены ненадёжны, это видно сразу. Нет ни рва, ни вала, двери в стенах даже не замаскированы. Должно быть, когда его строили, то никто и не думал, что однажды до него доберётся чья-то армия.

— Его не строили, — раздался сзади спокойный голос и из-за спин военачальников выступил придворный маг Филбертус, облачённый в пурпурный плащ с капюшоном. — Говорят, что это сооружение возникло за одну ночь. Вы рассуждаете так, будто перед вами обычная крепость, но это крепость колдуна, и нам следует опасаться не только стрел и камней.

— Вы правы, — спокойно согласился главнокомандующий. — Но я делаю только то, что в моих силах. А колдовство — это уже по вашей части.

— А что ты об этом думаешь, — спросил король, положив руку на плечо своему родичу.

— Здесь очень много магии, — с тревогой ответил тот, — но магии стихийной, почти неконтролируемой, наполненной гневом и болью. Я никогда раньше не сталкивался ни с чем подобным.

— Но ты справишься с этим?

— Я ещё не знаю, с чем нам придётся иметь дело. Но, уверяю вас, стены, стрелы и камни — это самое малое, что противостоит нам. Я опасюсь, что против нас будет пущена боевая магия. Если я справлюсь с ней, то, возможно, мне даже удастся усмирить стихию и замедлить воду на дне ущелья. Как это делается, я знаю, хотя никогда не делал ничего подобного. Если б с нами была Леди Белой Башни...

— Она отправила с нами тебя, — слегка раздражённо перебил его Ричард, — и она заверяла меня, что ты готов к этому.

— Я сделаю всё, что от меня потребуется, — тут же склонил голову молодой маг. — И даже больше. Я не пожалею жизни, чтоб выполнить свой долг.

— Так-то лучше! — проворчал король. — Все мы рискуем жизнью и приносим жертвы. Война — есть война. И ты, как боевой маг, обязан предоставить нам защиту от магии противника, а ещё лучше, отразить его удар и ответить ему тем же. А теперь мы займёмся разработкой плана сражения. Чем скорее мы нападём, тем лучше. Бой поможет нам всем согреться!

Я не собиралась идти на стены и смотреть, что там будет происходить. Со мной такое случается. Я вдруг решаю предоставить событиям идти своим чередом и ни во что не вмешиваюсь. В конце концов, я была уверена, что Бен уже достаточно поднаторел в магии, чтоб мягко и решительно завернуть пришельцев от стен своего странного замка.

Я выпила грога и приняла горячую ванну. Потом посидела у камина. Никто не спешил принести мне обед. Оно и понятно, все готовились к нападению армии Сен-Марко. Однако есть хотелось, и я решила сходить на кухню. Поскольку я всё ещё была в тёплом уютном халате, мне следовало одеться, чтоб не шокировать защитников замка своим домашним текстилем. Но открыв дверцу шифоньера, я неожиданно увидела там утеплённый форменный костюм и непромокаемую куртку с капюшоном. Внизу стояли сапоги с внутренним подогревом. То есть мне этак ненавязчиво намекали, что остаться в стороне от битвы не получится, и к тому же проявили заботу, а то не дай бог я подхвачу насморк в пылу

сражения.

Я с ворчанием оделась и всё-таки пошла на кухню. Меня там никто не ждал. Трапезная была заполнена местными оборванцами вперемешку с рыцарями и оруженосцами. Они сидели плечом к плечу и деловито поглощали еду, которую, сбиваясь с ног, подносила им Миси. Увидев меня, она на ходу сунула мне в руки плоску с куском свежее испечённого хлеба и белым овечьим сыром. Я непривередлива, особенно в условиях войны, потому, отыскав незанятый край скамьи у какого-то стола, присела и съела это нехитрое угощение. После этого я решила подняться на стены, а мне навстречу уже спускалась очередная компания промокших до нитки, но решительных воинов, спешащих на обед.

На площадке бастиона я нашла Ареса и Зикура, которые стояли рядом и что-то обсуждали, указывая куда-то вниз и вперёд. От напряжения, которое ещё недавно царило между ними, не осталось и следа. Они были захвачены общим делом, и оно их явно сблизило.

Заметив меня, Арес сообщил, стараясь перекричать вой ветра и шум дождя:

— Они уже под стенами и готовятся к атаке на замок!

— Что они собираются сделать? — спросила я.

— Они перейдут ущелье и попытаются пробиться через дверь, — пояснил Зикур. — Лорд Арес уже отправил вниз своих рыцарей. Если противнику удастся ворваться в замок, они встретят его на нижних этажах.

— Насколько это вероятно?

— Очень даже вероятно, — проворчал Арес, и я разобрала его слова, скорее, по движению губ, а Зикур мрачно кивнул.

— У нас есть лучники, но там мало бойниц. Здесь они смогут форсировать реку и подняться по лестнице. Мы, конечно, будем сбрасывать вниз камни, но из-за туч, которые клубятся вокруг, нам придётся действовать фактически вслепую. Однако когда они ворвутся в замок, мы сможем встретить их во всеоружии. Они не знают расположения помещений...

— Его никто не знает, — пробормотала я.

— Если они ворвутся, то со временем всё равно пробьются дальше, — добавил Зикур, не расслышав моих слов. — Бой будет идти по всему замку.

— У нас для обороны нет ничего, кроме камней и стрел, — пожаловался Арес. — Мы не можем даже вскипятить воду или смолу, потому что дождь гасит любой огонь на стенах. Конечно, гроза сейчас мешает противнику, но она мешает и нам. Мы должны придумать что-то, чтоб у них не было возможности реализовать своё численное преимущество.

— Их почти в два раза больше, — пояснил Зикур. — Конечно, они не ожидают встретить здесь хорошо вооружённых и подготовленных рыцарей Девы Лардес, но их удивления хватит ненадолго. Наверняка король Ричард привёл сюда с собой лучших.

— Да, это точно, — согласилась я.

Арес ничего не ответил. Слова были исчерпаны, и он сурово смотрел на меня, но где-то в глубине его глаз таилась безнадежность. Возможно, им удастся отбить атаку этой части войска и даже ценой больших жертв уничтожить значительную часть воинов противника, но у короля Ричарда в резерве тысячи других, и теперь ему известен путь к Грозовой горе. Зикур задумчиво молчал, видимо, разделяя его тревогу, а потом посмотрел на коменданта цитадели.

— Я пойду вниз, мой лорд, чтоб наблюдать за происходящим из окна, которое расположено ниже туч. Я подам вам сигнал, когда они пойдут на приступ. Впрочем, вы и

сами услышите это.

— Я пойду с вами, — заявила я.

Я не видела смысла оставаться на стене. Вокруг не было ничего, кроме туч и молний. Мы с Зикуром спустились вниз, и тут обнаружилась галерея, которой я раньше никогда не видела. Она проходила вдоль стены, в ней было одно зарешеченное стрельчатое окно и множество бойниц, возле которых стояли рыцари и оруженосцы с большими луками. Замок создал для них очень удобную оборонительную позицию. К тому же, я была уверена, что из-за дождя и темноты никто снаружи не сможет различить узкие щели бойниц в чёрных неровных стенах.

Внизу было ущелье, залитое водой, пробегающей по каменистому ложу, и совсем недалеко — каменные глыбы и подножья скал. Там, в полумраке тусклыми проблесками виднелись стальные нагрудники доспехов. Рыцари Сен-Марко готовились к нападению на замок.

Зикур хмуро смотрел на них, видимо, в очередной раз оценивая шансы своего гарнизона.

— А что у вас с комендантом Аресом? — спросила я, прикидывая, сколько рыцарей готовится к штурму.

Сейчас можно было различить несколько десятков, но за их спинами наверняка уже стояли остальные.

— Он выгнал меня из цитадели, — ответил Зикур. — За дело.

Дальше распространяться об этом он не стал. Я вдруг поймала себя на том, что всё это сон или фильм. В любом случае наяву такое происходить не могло. Сейчас вся эта масса закованных в железо людей устремится на нас, а лучники возле бойниц будут методично отстреливать их одного за другим. И всё же эта человеческая лава быстро доберётся до стен, на них посыплются сверху камни, но и это их не остановит. Они поднимутся по ступеням лестницы, выбьют дверь и вольются плотным орущим потоком внутрь, где их встретят такие же умелые и хорошо вооружённые рыцари. Они будут убивать друг друга с яростью, хотя никогда не видели друг друга раньше и ничего не имеют друг против друга. Кровь польётся там, где до этого текла только ледяная вода, и множество стоящих сейчас на той стороне ущелья мужчин падут в этой бессмысленной бойне.

И вот зазвучали трубы, и в рядах рыцарей на той стороне наметилось какое-то движение, а потом вдруг что-то случилось. Они замерли, и стало тихо. Даже рёв боевых труб неожиданно смолк. Только дождь стучал по стенам, бурлила вода, и громыхал бархатным басом раскатистый гром. А потом внизу под нами, в ущелье за клубился странный белёсый туман. Он медленно плыл, собираясь в продолговатые вертикальные сгустки, которые постепенно приобретали очертания человеческих тел. И только теперь я поняла, что это призраки, целое войско призраков, бледно светящихся в темноте, встало между Грозовой горой и неприятельским войском.

Рыцари Сен-Марко застыли на своей позиции, думаю, что они были потрясены и напуганы, увидев перед собой толпу мертвецов, которые приобретали всё большую плотность, превращаясь в холодные, бледные тела, по которым струилась вода. И вот первые ряды призраков медленно двинулись вперёд, навстречу вражескому войску.

Судя по всему, это был один из козырей Бена: поднять против врага толпу мертвецов. Учитывая общую атмосферу этого странного места и присущую местным жителям суеверность, ход был удачным. Думаю, что рыцарям короля Ричарда стоило огромных

усилий воли, чтоб не отступить. Но они не отступили. Они просто расступились, и вперёд вышел высокий человек в тёмном плаще с наброшенным на голову капюшоном. Он бесстрашно спустился вниз в ущелье и остановился на пути у армии призраков. Один против них всех. Он поднял в стороны и вверх руки, и ветер донёс до нас его голос. Сильный и глубокий тенор выводил загадочную песнь на незнакомом языке, и я с трудом улавливала смысл его слов. Он пел о том, что открывает перед ними двери, открывает небо, где их ждут белые облака и зелёные долины, синие реки и крепкие замки, где души воинов и бродяг найдут свой последний приют в тишине и покое, на груди земли и в глубинах неба.

Песня была красивой, и пел он её так, что я видела прекрасные пейзажи райских долин, куда он указывал путь этим несчастным, призванным из небытия. И они остановились, они замерли и заколебались, снова теряя материальность и медленно превращаясь в тонкие струйки тумана, которые тихонько уплывали вверх, не смотря на пролетающий по ущелью ветер. Ещё немного и узкое пространство перед замком опустело. Радостный рёв десятков глоток с той стороны ущелья долетел до нас. Воины Сен-Марко, воодушевлённые успехом своего мага, готовы были ринуться в бой. Но маг не шевелился, он стоял, всё также поднимая руки, и бледный свет струился из-под его капюшона.

Снова стало тихо. Кто-то вдруг выпустил стрелу в сторону мага. Я услышала только, как свистнула тетива, но он просто переместил одну руку вперёд и остался стоять на месте. То ли он остановил эту стрелу, то ли она пролетела мимо, но вреда ему она не причинила.

А потом я вдруг заметила, что тишина мне не почудилась. Становилось действительно тише, шум дождя из грохота потоков медленно переходил в тихий шелестящий шёпот струй. Молнии всё реже сверкали вокруг, и раскаты грома отдалялись всё дальше и звучали всё более задумчиво. Я не знаю, говорил ли что-то этот маг, но он явно усмирлял грозу, шумевшую над замком. Подавшись вперёд, я посмотрела сквозь решётку окна и увидела, как, всё так же клубясь, тучи поднимаются вверх. Реки воды, текущие по земле, истончались до тоненьких ручейков. И вскоре стало ясно, что нескончаемая ещё недавно гроза утихает, уступая место молчаливым прохладным сумеркам.

Бен Олдридж был обескуражен. Выйдя на стену, он закрыл глаза, вглядываясь в картины, которые доносили до него тени. Он видел вражеское войско и чувствовал возбуждение этих агрессивно настроенных людей. Он вовсе не хотел бойни, и принял вполне естественное решение просто отпугнуть их, вызвав из тьмы духи погибших в этих горах людей. Он был уверен в том, что это сработает, и никак не подозревал, что найдётся кто-то, кто сможет изгнать его призрачную армию из этого мира. Впрочем, этот колдун не изгнал их. Он действовал милосердно и правильно потому, что спев призракам древний погребальный гимн, он просто указал им тот путь, который они так долго не могли найти сами, безнадежно застряв в скалах возле своих изъеденных временем и непогодой костей. Он распахнул перед ними двери в лучший мир, как делали это века и века до него родовые жрецы. И духи послушались, с едва уловимыми возгласами восторга и облегчения они уходили по указанной им дороге, чтоб слиться со светом и воссоединиться со своими давно ушедшими близкими.

Внутренне Бен даже восхитился этим парнем, но при этом понимал, что его замок снова остался беззащитным перед войском врагов. Он начал обдумывать другой вариант спасения, но неожиданно почувствовал где-то внутри странное умиротворение. Тишина и покой медленно заполняли его душу, и в голове постепенно устанавливалось странное давно

забытое ощущение гармонии и неподвижности. Он невольно поддался этому приятному чувству, которое осталось для него в далёком прошлом, но потом услышал то, что его насторожило. Гроза над его замком постепенно и неуклонно стихала, дождь уже не сёк холодными безжалостными плетями, гром понемногу отдалялся, теряясь в чёрной вате поднимающихся туч. Это было почти невероятно, но это происходило, и Бен уже не мог этому помешать.

Он никогда не умел управлять этой грозой, хоть и подозревал, что она имеет отношение к его состоянию, но сейчас вместе с медленно вползающим в душу успокоением, так же постепенно этот покой разливался и вокруг, заставляя шторм стихать. Это снова вызвало его гнев, он нарочно постарался разозлиться, чтоб снова взволновать стихию и заставить её стать одним из оборонительных рубежей его замка, но всё было напрасно. Он закрыл глаза и с помощью теней заглянул под капюшон стоявшего внизу мага. Он увидел белое лицо, влажные белокурые волосы и смежившиеся веки. Бледные губы едва шевелились, словно он нашёптывал какое-то заклинание. Но нет, это было не заклинание. Бен с ужасом понял, что парень решил на опасное дело, он сам подсоединился к этому странному миру, открыл своё сердце для его магии и позволил ей слиться с ним. Это могло убить его, но он был ещё жив. И он был награждён тем, что теперь стихия слушалась его, и он мог управлять ею, управлять так, как никогда не мог Бен. Чары этого волшебника были не столько сильными, сколько тонкими и искусными. Он не противостоял враждебной магии, он вступал с нею в контакт и постепенно забирал в свои руки бразды правления, вызывая именно такой эффект, какой был ему нужен.

И снова эта изысканность в свершении магического действия вызвала восхищение в душе Бена, пока он не вспомнил, ради чего всё это делается. Только ради того, чтоб облегчить вражескому войску наступление на его замок. Всё это прекрасное служение и тонкая вибрация чувств, вся эта полная изящества игра эмоций и энергий, всё это только ради того, чтоб устроить здесь бойню и помочь дремучему царьку с далёкого Запада захватить священный артефакт. И Бен рассвирепел. Ему уже не нужно было накручивать себя, он действительно пришёл в ярость, и если б у него до сих пор была связь со стихией, то гроза взорвалась бы с новой силой, колошматя по земле молниями и извергая из туч водопады. Но он уже не владел этой силой. И потому у него остался только один выход — свершить ритуал, который он тщательно подготовил заранее, и которого отчаянно надеялся избежать.

Развернувшись, он ушёл со стены под мрачными взглядами коменданта цитадели и его воинов. Он спустился вниз по длинной прямой лестнице, которую с готовностью выложил ему под ноги замок. У него не было сомнений и колебаний, он знал, что сейчас сделает, даже если потом всю жизнь будет сожалеть об этом. Всю свою проклятую бесконечную жизнь!

Тяжёлая окованная узорчатыми пластинами дверь отлетела в сторону от одного прикосновения его руки, и он ворвался в низкий сводчатый подвал, где, нещадно чадая, горели на стенах багровые факелы. Красный свет, предвещающий кровавую резню, заливал широкое пространство зала, в центре которого стоял покрытый чёрной тканью стол. Нужные травы, минералы и инструменты были заранее разложены на алтаре. В ковanej низкой чаше поблескивали кусочки антрацита, политые маслом. Едва он подошёл, уголь вспыхнул, и он начал подхватывать разложенные вокруг пучки трав и бросать их в огонь, а потом, взяв железный нож с эбонитовой ручкой, сжал лезвие в левой руке и резко вырвал его, почувствовав боль в ладони. Сжимая кулак, он выдавливал кровь в чашу, и она шипела, падая

в голубоватые язычки пламени, от которых струился странно пахнувший дым.

Глядя в огонь, он сосредоточился на крови, на пламени, на запахе дыма, и быстро заговорил, обращаясь в темноту, окружившую алтарь:

К тебе взываю в темноту
Ведьмин дух Фарно Зоту,
Возвращайся из глубин,
Мёртвых сумрачных долин,
И войди в мой тихий дом,
Замешай огонь со льдом,
Травы с кровью завари,
Синим пламенем гори,
Подними со дна души
Ярость, разум сокруши,
Жалость выжги без остатка.
Пусть сразятся в смертной схватке
Ворон с вороном в полёте,
Жаба с жабою в болоте,
С волком волк в лесу густом,
С духом дух в доме пустом.
Яд в дыхании твоём
Пусть заполнит всё кругом.
Я тебе без состраданья
Отдаю на растерзанье
Души пришлых и чужих,
Пусть заполнит ярость их,
Пусть разверзнет в душах Ад,
Пусть пойдёт на брата брат,
Пусть пойдёт на друга друг,
Пусть замкнёт порочный круг
Злобной бешеной вражды...
Внезапно гневный возглас за спиной остановил его.
— Что ты, чёрт тебя возьми, творишь?

Бен вздрогнул и обернулся, и тут же сильный удар в челюсть свалил его с ног. Упав на каменный пол, он развернулся, чтоб увидеть всплеск шёлкового белого плаща, а потом и того, на ком он был надет. Джим Ноттингем решительно шагнул к алтарю и резким движением смёл с него всё, что там стояло. Кованая чаша со звоном покатилась по каменным плитам, рассыпая тлеющие угли и золу. Красный свет в зале рассеялся и стал обычным рыжеватым, испуганные тени суетливо сновали вокруг своего Повелителя, а сам он устало откинулся спиной на пол и безнадежно посмотрел в низкий закопченный свод потолка. Ярость ушла, рассеялась вместе с огнём, полыхавшим в магической чаше. Осталась усталость и безысходность. Он вздохнул и приподнялся, глядя на застывшего над ним Джима, голубые глаза которого зло блестели, а чёрные брови гневно сдвинулись к переносице. Бен неожиданно усмехнулся, подумав, как хорош в этих доспехах и праведном гневе бродяга Джим.

— Я говорил тебе, Бен, не переходи черту! — рявкнул Ноттингем, нависая над ним. — Я

слежу за тобой, и, скорее, прикончу, чем позволю тебе совершить роковую глупость.

— Ты всегда был надёжным другом, Джимми, — пробормотал Бен, с трудом поднимаясь. — Но, кажется, я уже давно перешёл эту черту.

— Вовсе нет, — тут же возразил Джим, — пока нет. Как бы странно и страшно не выглядели твои поступки, пока они вполне оправданы.

— Ты знаешь? — насторожился Бен.

— Я всё знаю, но умею хранить тайны.

— Может, ты знаешь и то, как защитить мой замок от орд с дикого запада?

— Понятия не имею, — Джим небрежно пожал плечами и указал на пустой алтарь. — Но это — не метод!

— Пойдём, друг мой, — вздохнул Бен. — Скоро здесь закипит бой, и пара мечей к имеющимся будут не лишними.

— Ты серьёзно? — в голосе Ноттингема послышалась издёвка. — Ты собираешься принять участие в этой войне? Какое она имеет отношение к тебе? Забирай Эла и уходи.

— Я построил этот замок, и люди, собравшиеся здесь, собираются его защищать, а я сбегу? — Бен покачал головой. — Может, меня, наконец, убьют?

— Это вряд ли, — Джим задумался. — А почему бы тебе не увести отсюда всех. Ты же можешь создать портал и вывести весь гарнизон за стены. Пусть люди короля возьмут замок, не пролив ни единой капли крови! Они всё равно ничего здесь не найдут и уйдут ни с чем.

— Может, ты ещё сможешь мне убедить рыцарей Девы Лардес уйти отсюда и сдать крепость? Это же дикие люди, Джим! У них своя мифология, свои правила, свой кодекс чести. И они начисто лишены умения мыслить логически.

— Ты тоже начинаешь его лишаться, — пожал плечами Джим. — Ладно, пойдём. Может, нам удастся сдержать натиск варваров, хотя ни к чему хорошему это не приведёт.

— А то я не знаю, — в тон ему усмехнулся Бен.

Гроза утихла как раз в тот момент, когда колдун в плаще пошатнулся, свет, лившийся из-под его капюшона, угас, и он упал на влажные камни. Надо отдать должное рыцарям Сен-Марко, они не устремились в атаку, чтоб пробежаться по его неподвижному телу. Напротив, несколько воинов из переднего ряда быстро спустились вниз и, аккуратно взяв колдуна на руки, унесли его наверх. Ряды рыцарей на мгновение расступились, чтоб пропустить их, а затем сошлись снова. Армия Сен-Марко сомкнула ряды, готовясь к атаке.

Необыкновенный маг не успел завершить своё дело, видимо, израсходовав всю свою энергию на то, чтоб прекратить буйство стихии. Разогнать тьму и убрать с небес тучи у него не получилось. Они лишь поднялись выше, обнажив каменные зубцы кривых башен и неровные абрисы крепостных стен. Небеса не клубились больше, как выпущенные в воду чернила, а мягкой плотной массой нависли над замком и ущельем.

Бой приближался. Лучники стояли у стен, натянув свои луки и целясь в выбранные ими заранее мишени. Рыцари внизу оправляли плащи и извлекали из узорчатых ножен длинные мечи.

— Теперь сверху видно, куда бросать камни, — заметил Зикур, который, видимо, старался в любой ситуации видеть что-то хорошее.

Я не ответила. Мне в какой-то момент захотелось улететь отсюда, чтоб не видеть того, что будет здесь происходить через несколько минут. О чём думает Бен? Может, у него остались ещё козыри в рукаве, тем более что его противник, кажется, основательно выбыл из

игры? Почему он медлит и ничего не делает?

Я развернулась и пошла наверх, на крепостную стену над той самой злополучной дверью, которую присмотрел для своего штурма король Сен-Марко. Когда я поднялась туда, то в первый момент мне даже показалось, что я попала куда-то в другое место. Впрочем, стена, бастион, кучи камней и воины были всё те же, просто не было бурлящей чёрной стены на некотором расстоянии от башни. Вокруг стало просторнее и даже немного светлее. К тем, кто подтаскивал к зубцам валуны, присоединились и лучники, которые теперь прекрасно видели внизу потенциальные мишени. Арес стоял на краю площадки и смотрел вниз. Заметив меня, он кивнул и сообщил:

— Я пойду к своим рыцарям, к тем, кто первыми встретят врага в замке, — и, бросив полный презрения взгляд куда-то в сторону, ушёл.

Я посмотрела туда, куда он направил свой взор напоследок, и увидела там Бена, а рядом с ним высокого рыцаря в белом шёлковом плаще, довольно неуместном в данной ситуации. Рыцарь обернулся, и я узнала Джеймса Ноттингема, второго помощника с «Паладина». Кстати, он не обрадовался, увидев меня, скорее, даже наоборот, на какое-то мгновение нахмурился, но потом вежливо, но сдержанно поклонился, и снова вернулся к молчаливому созерцанию происходящего внизу. Тем не менее, я решительно направилась к этой парочке и прямо спросила у Бена, что он собирается делать дальше?

— Что я могу сделать? — проворчал он, хмуро взглянув на меня.

— Мне казалось, вы говорили, что у вас в рукаве целая колода козырей. Пока я видела только один. Он оказался бит, но теперь ваш противник сошёл с дистанции. Что дальше? Где следующий козырь?

Бен покосился на Ноттингема, а тот как-то странно усмехнулся.

— Не каждая карта может быть разыграна в этой партии, — наконец ответил он.

— То есть вы иссякли? — уточнила я и посмотрела на кромку скал по краю ущелья.

Войско Сен-Марко перестраивалось, вперёд выходили полностью закованные в броню рыцари с крепкими закрытыми шлемами на головах. В их руках поблескивали большие тяжёлые щиты овальной формы, окованные крест-накрест металлическими золочёными полосами. На флангах появились барабанщики, одетые в некогда яркие, а теперь блёклые, насквозь промокшие туники. Вперёд вышли знаменосцы с флагами. Рассмотреть, что на них вышито, не представлялось возможным, потому что ткань знамён также была пропитана водой и висела тёмными невзрачными складками.

Палочки тихо и быстро застучали по туго натянутой коже барабанов, производя тревожный гул, отчего на душе у меня стало как-то тоскливо. А потом на камне слева возник высокий мужчина с золочёной трубой и поднял её вверх.

— Сейчас начнётся, — спокойно проговорил рядом со мной старый бродяга в ржавой кирасе. — И мы все падём в этой битве, даже если сам Синий Грифон явится нам на помощь, чтоб вгрызаться в глотки врагов и рвать их когтями...

— Синий Грифон? — переспросила я, и в голове у меня возникла сумасшедшая идея. Я быстро взобралась на стену между зубцами и, подняв руки к небесам, воззвала: — Эладаил, Страж Небес! Явись сюда и предотврати это бессмысленное кровопролитие. Ты защищаешь слабых и правых и обрушиваешь свой праведный гнев на злых и бесчестных, но сейчас здесь нет тех, кто заслуживает кары, здесь люди, обманутые и стравленные друг с другом ради интересов такого же обманутого, как и они. Кровь их прольётся втуне, не принеся никому ни пользы, ни славы! Прошу тебя, прекрасный Страж Небес, защити этих воинов от самих себя!

Я молю тебя, Эладаил!

Моё появление и крик в небеса на минуту отвлекли трубача от его работы. Вряд ли кто-то внизу расслышал мои слова, да и те, кто стояли рядом на стене, вряд ли что-то поняли. Да и как я сама могла надеяться, что вечно занятый Эладаил услышит меня. Может, именно сейчас он мчится на своих огромных крыльях навстречу очередному левиафану или срубает своим волшебным мечом голову какого-нибудь дракона! И какое ему дело до этих несчастных, заблудившихся в горах на крохотном островке суши в газовом океане, бурлящем на планете, затерявшейся на самой окраине нашей скромной галактики? Какое ему дело до моей мольбы, даже если я помогла ему вернуть его оружие и освободиться из плена! Его миссия выше и важнее, чем вмешиваться в этот локальный конфликт между людьми, которые сами избрали свой путь.

Додумать свои горестные мысли я не успела. Я смотрела вверх, и на моё лицо падали крохотные прохладные капельки лёгкой мороси. Внизу затрубила труба к началу атаки, а в следующий момент в чёрных тучах появился просвет. Я во все глаза смотрела туда, где видела чудо, которое так часто являлось мне в забытой жизни ангела, когда чёрные небеса вдруг пронзал острый светлый луч и, как мощный прожектор, светил на грешную землю, а следом за ним, из всё расширяющегося сияющего горним светом разрыва слетали один за другим на сверкающих нездешней белизной крыльях ангелы с огненными мечами.

Ангел был один, он весь был средоточье бело-золотого ослепительного света, его распостёртые в полёте две пары крыльев рассекали воздух и с них срывались искры небесного огня. В руке его угадывался огромный меч, холодным светом озаряющий мрак под тучами. Ангел по изящной дуге спустился вниз и встал на дне ущелья, преградив путь войску Сен-Марко. Подняв свой меч, он с силой вонзил его в землю, и горы вокруг застонали и зашатались. Со стен крепости посыпались камни, и с грохотом разверзлась под его мечом земля, широкая чёрная трещина пробежала вправо и влево, отсекая замок от скал.

— Король Ричард! — зазвучал где-то у меня внутри голос, который невозможно описать, но который я могла бы слушать бесконечно. — Я, Страж Небес Эладаил, беру под своё покровительство этот замок и его гарнизон в этой войне! И предостерегаю тебя, что если нога любого из твоих воинов переступит через эту черту, ты заплатишь за это жизнью!

Наступила тишина. Страж Небес Эладаил медленно растворялся в собственном сиянии, которое постепенно меркло. Тучи над Грозовой горой снова сомкнулись, и воцарился привычный мрак. Вражеское войско на другой стороне ущелья застыло в нерешительности. Все взоры были обращены на короля, который только что оказался в положении заложника. И он снова отступил. Я видела, как он обернулся и что-то сказал стоявшему за его спиной седому рыцарю, а потом, взглянул на замок. И я уверена, что этот прощальный взгляд был полон сожаления и ненависти. После этого он развернулся и скрылся за спинами своих рыцарей. Трубач протрубил отступление, и армия Сен-Марко отошла от края ущелья.

А я, стоя на стене, посмотрела в небеса, где снова нависали чёрные тучи, и испытала жгучее разочарование. Нет, конечно, я была бесконечно благодарна Эладаилу за то, что он нашёл время, чтоб откликнуться на мой отчаянный призыв, и единственно беспронимательным жестом остановил эту бессмысленную войну. Но он явился в образе сияющего существа и не задержался ни на мгновение, а мне так хотелось снова увидеть его лик. Что ж, он слишком занят. И на том спасибо, Страж Небес Эладаил!

Я спрыгнула с парапета и едва не наткнулась на Бена, который возбуждённо смотрел на меня.

— Что это было? — едва не вцепившись в меня, спросил он.

— То, что вы видели, явился ангел с огненным мечом и остановил войну.

— Но как вы его призвали?

— Вы это слышали, — пожала плечами я. — Иногда полезно иметь связи в высших сферах, — и невольно вздрогнула от налетевшего порыва ледяного ветра, пронизывающего насквозь. — Кажется, дождь начинается. Пойду-ка я к себе.

И я гордо удалилась, наслаждаясь произведённым эффектом и чувством выполненного долга.

Марк де Сегюр тем временем стоял на камне возле тропы и задумчиво наблюдал за шествующими мимо рыцарями. Армия отступала, а он думал о том, не вернуться ли ему назад. Эта чёрная трещина, которую можно переступить одним шагом, манила его, и даже если после этого его четвергуют на площади Сен-Марко, он бы, пожалуй, рискнул навлечь на короля гнев огненного исполина.

— Только попробуй, — услышал он снизу и, посмотрев туда, увидел Айолина, остановившегося возле обломка скалы, на котором он стоял. — Я сам застрелю тебя, если ты хотя бы приблизишься к этой черте!

Гроза начиналась вновь. Тучи вспухли дождём и пришли в движение, в их быстром хороводе уже сверкали первые искры, грозившие вскоре обрушиться на скалы разящими молниями. Волшебство Филбертуса закончилось, и всё потихоньку возвращалось на круги своя. Только первая военная кампания короля Ричарда была безнадёжно проиграна, и его армия отступала, так и не вступив в бой.

Марк рассмеялся и спрыгнул с камня.

— Я просто подумал, что, может, это странное знамение на деле лишь очередная уловка Повелителя теней?

— Не важно, что подумал ты. Важно, что думает король.

— Он не хочет умирать, — ответил Марк. — И не хочет рисковать жизнью даже ради Алмазного Сердца.

— Тем более что оно нужно только ему и никому больше, — согласился Айолин.

— Как ты думаешь, что это было?

— Не знаю, однако я видел, что это знамение возникло вслед за призывом леди Дарьи, обращенным к небесам. Я думаю, что Повелитель теней к этому непричастен. Это божество вызвала она, а значит, оно было настоящим. И покончим с этим. И я умоляю, Марк, перестань так радостно скалиться! Мы проиграли войну!

— Малой кровью, малыш Айолин! Малой кровью! Что теперь? Мы отступаем?

— Мы идём обратно в лагерь у подножья гор, а потом — на луар. Там никаких чудес не предвидится.

— Боюсь, что так.

Марк поежился под плотным плащом, который, как и вся его одежда, был тяжёл, холоден и пропитан дождём. Вдалеке ржали лошади, спешившие согреться на ходу и поскорее уйти из-под этих страшных чёрных туч и подальше от этого немилосердно секущего дождя.

Я снова не пошла к себе, а спустилась вниз, туда, где уже собирались воины Девы Лардес, готовые покинуть мрачный колдовской замок и вернуться в родные стены. Они всё

ещё были под впечатлением от явления Эладаила, и хоть те, кто ждал противника внизу, не видели этого явления, они слышали в своих головах его голос, обращённый к королю Сен-Марко. Самое интересное, что все они были уверены, что эти слова были произнесены на том языке, который каждый из них считал своим родным, даже если уже давно не говорил на нём.

Я никому ничего не собиралась объяснять. Да и что тут можно было сказать? Всё, чему они были свидетелями, произошло на самом деле и, как ни парадоксально это звучит, это было именно тем, чем выглядело.

Арес, поправляя на перевязи тяжёлый меч, обернулся ко мне и поклонился. Его цветистая речь, полная благодарности, была достойна издания отдельным томом, и я выслушала её благосклонно и с интересом. Потом я спросила его, не собирается ли он обстреливать со стен цитадели отступающую армию врага. Он был искренне удивлён.

— Зачем? — спросил он. — Чтоб спровоцировать их на новое нападение? Они уходят, и пусть их путь будет гладок. Чем скорее они уберутся отсюда, тем лучше.

— Именно это я и ожидала услышать, — одобрительно кивнула я.

Потом он отыскал Зикур в толпе провожавших их бродяг.

— Ты можешь вернуться вместе с нами в цитадель и занять своё место, сэр Зикур, — произнёс комендант, сдержанно поклонившись.

Зикур был растроган и его поклон был низким и полным почтения.

— Я благодарю вас, мой лорд! Ваше прощение проливает бальзам на раны моего измученного сердца, а приглашение вернуться воскрешает надежду. Но позвольте мне пока остаться, — он бросил выразительный взгляд на меня. — Я вернусь, но только тогда, когда буду больше не нужен здесь.

— У каждого рыцаря есть право выбора, как и кому служить, — согласился Арес. — Я не тороплю тебя, но знай, мы всегда будем рады снова принять тебя в свои ряды, — и, развернувшись, он направился к двери.

Эта дверь была не та, которую собирался штурмовать король Ричард, она была с другой стороны, и оттуда было совсем недалеко до тропы, ведущей к глубокой пещере, откуда начинался потайной ход в цитадель. Потому они спокойно покинули Грозную гору и вскоре вернулись в свой замок.

Бетти оказалась права, усомнившись в том, что после посещения Магдебурга Хок вернётся в расположение звездолёта. Навестив Дакосту в Магдебурге, он передумал ехать к «Пилигриму», решив сначала проверить, как дела у его подчинённых в луаре Синего Грифона. Он испытывал некоторую неловкость оттого, что невольно обманул Бетти, но возвращаться к баркентине ему не хотелось. Елизар Дакоста, который регулярно ездил туда, подробно рассказал ему, как живёт маленький лагерь возле уснувшего звездолёта, и из этого рассказа Хок понял, что оставшиеся на посту члены экипажа ведут спокойную, размеренную и даже скучную жизнь, похожую на ту, что и сам он вёл когда-то в годы курсантской юности, когда проводил каникулы в экологическом лагере в Новой Зеландии. Ему тогда хватило одного месяца этого неторопливого созерцательного существования, чтоб озвереть от скуки, и, отказавшись от второй смены, он махнул на Амазонку, где формировалась группа для этнографической экспедиции, отправлявшейся в девственные джунгли на поиски ещё необнаруженных древних поселений. И сейчас припомнив все эти рутинные дела, связанные с натуральным хозяйством экологов, песни и байки у костра и долгие прогулки по хорошо оборудованным туристическим тропам, он понял, что не хочет всего этого. Потому, в очередной раз отодвинув на потом возвращение на «Пилигрим», он отправился в луар, обосновав это для себя тем, что там куда более опасно, особенно в преддверии войны, и его ребятам может понадобиться помощь. В какой-то момент вспомнив о том, что в войске, противостоящем луару, тоже будут его ребята, он немного смутился, но потом решил, что этот конфликт интересов тоже требует его обязательного вмешательства, и, выйдя из-под гостеприимного крова травника Генриха Трауберга, где обретался Дакоста, решительно направился к северным воротам города.

Путь до Луара был неблизкий, и всё же он не торопился, пребывая в уверенности, что до темноты успеет добраться до цели своего путешествия. Он не стал дожидаться попутчиков, уповая на то, что дорога ему известна, тем более что от Магдебурга до луара пролегал широкий тракт, утрамбованный тысячами ног, копыт и колёс. К тому же у него не было нужды опасаться за свою жизнь. Дорога эта считалась безопасной, поскольку одинокие путники по ней ездили крайне редко, а скрывавшиеся в лесах разбойники не нападали на конных рыцарей, предпочитая поджидать отставшего от каравана или наоборот спешащего на какую-нибудь ярмарку купца.

Так налегке Хок весь день скакал неспешной рысью по дороге, лишь около полудня задержавшись в небольшом городке, чтоб перекусить в таверне и дать краткий отдых коню. Затем он двинулся дальше и к светлой ночи успел добраться до большой деревни, где на рыночной площади стояли торговые ряды, а по улицам сновали местные жители и крестьяне, приехавшие из окрестных селений, чтоб продать плоды своего труда. Оба постоянных двора были заняты ещё с вечера, но он нашёл ночлег в доме молодой вдовы, призывно улыбнувшейся ему у высоких ворот. Заезжий рыцарь был принят в её доме с почётом, накормлен и обласкан. Короткая ночь пролетела быстро и, как ни хотелось ему задержаться у хорошенькой радушной хозяйки ещё на пару дней, до луара было рукой подать, и он с сожалением простился с ней, обещая заехать на обратном пути, но без особой уверенности, что сдержит это обещание.

Его конь снова выстукивал копытами дробь по пыльной дороге, а он всё вспоминал

синие глаза, золотистые волосы и мягкие губы своей новой подруги. Едва не грезя наяву, он сам не заметил, как вдруг оказался на краю дороги перед скошенным лугом, раскинувшимся от края до края равнины. Где-то в стороне темнел небольшой лесок, а с другой стороны в голубоватой дымке вздымались холмы. Местность была ему совершенно незнакома, а дорога, ведущая в луар, прервалась, и чтоб найти её продолжение, нужно было отыскать важный ориентир. Сунув руку в подсумок, он вытащил потёртый на сгибах лист, на котором была начерчена карта. Он не хотел брать её, но очаровательная Рената, с кроткой влюблённостью посматривавшая на него всё время, пока он гостил в доме её отца, уговорила его взять её как раз на такой случай. Он взял карту, лишь чтоб не огорчать девушку, но теперь вспомнил о ней с благодарностью.

Посмотрев на карту, он нашёл на ней ту деревню, в которой ночевал, извилистую линию дороги и следующий ориентир — довольно зловеще выглядевший столб, увенчанный рогатым черепом. Приподнявшись в стремянах, он огляделся, но нигде не увидел ничего подобного. Вздохнув, он повернул коня и поехал по лугу, внимательно глядя по сторонам.

Несколько часов ушло у него на поиски ориентира, он объехал весь луг, поднимался на холмы, доехал до небольшой серебристой речушки, берега которой поросли камышом, и, наконец, направился в сторону леса. Он знал, что ориентир не мог переместиться слишком далеко, однако, въехав в лес, понял, что на обследование этой густой чащи у него уйдёт немало времени.

Уже начало смеркаться, и он с беспокойством посматривал на тускнеющее небо между кронами деревьев. Столб должен был стоять возле самой дороги, потому он воспрянул духом, когда увидел впереди просвет. Однако, подъехав туда, он увидел, что это всего лишь широкая тропа, а вовсе не тракт. По её краям кустарник и трава были словно слегка скошены, скорее всего, потому, что здесь часто гоняли стада, и животные по пути обглаживали ветки и жевали траву. Это говорило о том, что ведёт она в какое-то селение, где живут пастухи, а значит, там можно попроситься на ночлег.

Смирившись с тем, что добраться до луара к темноте ему не удастся, Хок повернул коня и поехал по тропе, в надежде вскоре добраться до деревни, где его приютят на долгую тёмную ночь. На сей раз путь его был недолгим, и вскоре он выехал на широкий луг, дальше виднелись какие-то строения. Он осматривался по сторонам и удивлялся тому, что не видел ни людей, ни животных, хотя трава на пастбище была густой и сочной. Проехав дальше, вскоре он оказался перед высокой стеной из вкопанных в землю заострённых брёвен, от которой его отделяла широкая канава, заполненная зеленоватой болотной жижей, выполняющая, видимо, роль рва. И что-то ему подсказывало, что это простое оборонное сооружение на самом деле куда опаснее, чем можно было подумать, потому что под подёрнутой ряской водой наверняка скрывался вязкий слой ила, перейти по которому вброд вряд ли было возможно.

Он озабоченно рассматривал стену, раздумывая, как ему попасть внутрь, когда из-за частокола выглянула золотистая головка симпатичного подростка, который настороженно осмотрел его, но довольно учтиво спросил:

— Что ищет здесь благородный господин?

В ответ Хок слегка поклонился и объяснил, что заблудился в поисках столба с рогатым черепом, мимо которого должен был проехать в луар.

— Бычья голова уж неделю как торчит посреди глухой пади, — сообщил юноша. — Вам, сэръ рыцарь, нужно искать следующую вешку — каменную деву. Это такой столб из

камня, на котором кто-то в стародавние времена нацарапал девичий лик. Только в темноте вам его ни за что не найти, да и опасно ехать одному через лес, не зная пути. Места у нас опасные, времена — беспокойные.

Хоку нравилось, как ладно и плавно течёт речь из уст этого деревенского паренька. Тот задумался, а потом произнёс:

— Погодите-ка, сэръ рыцарь, я до старосты сбегая. Может, он позволит вам переночевать у нас. Не оставлять же человека с невинной скотинкой на ночь в чистом поле.

Голова исчезла из виду, а Хок продолжил рассматривать частокол. Он уже знал, что лишь придорожные деревни стояли открытыми всему миру, а вот такие лесные часто прятались за высокими заборами, иногда дополненными смотровыми башенками и рядами острых кольев. В лесах нередко встречались шайки разбойников и мародёров, которые терроризировали местное население до той поры, пока магистрат ближайшего города или староста крупного села не отправлял селянам на выручку отряд вооружённых наёмников. Поскольку оплата таких рейдов шла из казны альдора и производилась только после их удачного завершения, шайки исправно уничтожались, но крестьяне продолжали жить за своими частоколами в ожидании новой напасти.

От размышлений его отвлек громкий скрип, а потом несколько брёвен прямо перед ним слегка дрогнули и целый участок стены шириной около трёх метров начал опускаться. Конь его испуганно попятился, а брёвна, которые выполняли функцию одновременно ворот и подъёмного моста, опустились заострёнными концами на край канавы. Тут же на мост вышел высокий крепкий человек в суконном кафтане синего цвета и бордовых штанах. Его короткие сыромятные сапожки и широкий кожаный пояс были украшены коваными бляшками со вставками из розовой яшмы. Он был ещё не стар, хотя его жизнь уже перевалила на вторую половину, о чём говорили морщинки вокруг глаз и седина, пробившаяся в густой гриве длинных волос и бороде. Он с доброжелательным любопытством посмотрел на незваного гостя. Хок спешил и, учтиво склонив голову, назвал своё имя и объяснил, что едет из Магдебурга в луар Синего Грифона, где служат его друзья, но сбился с дороги.

— До той дороги, благородный рыцарь, часа два ехать лесом, — живо пояснил мужчина, а за его спиной уже стояла целая толпа селян, с интересом смотревших на Хока.

— Только вам без проводника туда нипочём не доехать! — крикнул кто-то из них.

— И не стоит плутать, искушать судьбу, — веско кивнул тот, что стоял впереди. — Я староста этой деревни, имя моё Леан, и я предлагаю вам заночевать в нашей деревне, а утром я отправлю с вами молодых крепких парней, которые доведут вас до самой каменной девы.

— Я благодарен вам за это предложение, — кивнул Хок. — И готов заплатить за постой.

— Мы не берём платы с гостей, — заметил Леан добродушно. — Раньше мы оказали бы вам гостеприимство и благодарны были бы только за то, что вы поведали бы нам о том, что интересного встречалось вам в ваших странствиях. Но теперь дела у нас идут плохо, и мы примем от вас ту плату, какую вы сочтёте нужным нам дать. А теперь идёмте, сэръ рыцарь. Не дело, на ночь глядя, держать ворота открытыми.

Он сделал приглашающий жест, и Хок последовал за ним, ведя под уздцы коня, а селяне следовали за ними, разглядывая его доспехи и шёпотом обсуждая свои наблюдения. Деревня была большой, не менее тридцати двухэтажных круглых домов, крытых тёсом, стояли тремя

концентрическими кругами за высоким частоколом. Отовсюду слышалось блеяние овец и коз, которое иногда перекрывал трубное мычание коровы. Дома не были отделены друг от друга заборами, между ними спокойно бегали дети в домотканой одежде и крупные сторожевые псы, игравшие с ними, как юные щенки.

Глядя по сторонам, Хок пришёл к выводу, что деревня эта не бедная, дома были большие и крепкие, скот, судя по всему, был в каждом доме, да и добротная одежда взрослых, пошитая из окрашенного в разные цвета сукна, говорила об их достатке.

— Постоялого двора у нас нет, сэръ рыцарь, — продолжал Леан, гордо шествуя впереди, — потому как деревня наша стоит в стороне от дорог, и гостей у нас бывает немного. Однако мы добрым людям всегда рады, потому что покровительница наша Дева Лардес считает гостеприимство одной из важнейших добродетелей. Ночевать вы будете в моём доме. Он большой и тёплый, вы нас нисколько не стесните. Сейчас как раз супруга моя Белта вынимает из печи хлеб, так что скоро сядем за стол. О лошадке не беспокойтесь. Мальчики отведут её в конюшню, оботрут, напоят и накормят.

Хок тем временем с удивлением смотрел на пасшихся прямо возле домов козлят и ягнят. Они бродили по земле, уныло подбирая редкие травинки. Из хлевов на нижних этажах домов слышались звуки, по которым можно было понять, что там содержится много животных, а редкие кучи сена во дворах были размётаны, словно это были остатки корма, сохранившиеся после холодной и долгой зимы. И всё это притом, что за высоким частоколом ветер гулял по густым зарослям высокой изумрудной травы, прогоняя по лугу шелковистые мягкие волны.

Проходя через внутреннее кольцо-улицу деревни, Хок остановился, глядя на обугленные развалины большого круглого здания с обвалившейся крышей.

— Это было наше святилище, посвящённое благодатной Деве Лардес, — не останавливаясь, пояснил Леан. — Оно сгорело недавно, и мы ещё не успели его отстроить. Но обязательно построим снова, — с неожиданным упрямством в голосе заявил он. — Краше прежнего.

Он направлялся к самому большому и красивому дому в деревне, с резными наличниками на окнах второго этажа и широкой лестницей с перилами. Вслед за Леаном Хок поднялся на второй этаж и вошёл в низкую дверь, а провожавшие их селяне неспешно разошлись.

Второй этаж дома старосты представлял собой большой круглый зал с решетчатым потолком, державшимся на выкрашенных красной краской стропилах. Вдоль стен стояли широкие скамьи, видимо служившие постелью для большого семейства. В центре располагался каменный очаг, возле которого хлопотала красивая женщина в нарядном платье из клетчатой льняной ткани. Ей помогали три дочери, две уже вполне взрослые девушки и одна девочка лет семи. Сыновья сидели за столом, и вырезали что-то из дерева большими ножами. Старший — молодой человек с уже наметившимися усами над верхней губой, что-то объяснял младшим. А в уголке в кресле сидела пожилая женщина с младенцем на руках.

Увидев гостя, мальчики поднялись и вежливо поклонились, после чего снова занялись своим делом, тем не менее, бросая на заезжего рыцаря любопытные взгляды. Хозяйка радостно улыбнулась и велела девочкам накрывать на стол, а старушка, укачивая малыша, смотрела на Хока с задумчивой мечтательной улыбкой.

Несмотря на то, что дом выглядел богатым, на обед подали только хлеб, сыр и вяленое

мясо. При этом хозяин выглядел слегка смущённым и всё поглядывал на гостя, словно ему неудобно было за столь бедное угощение.

Пока они ели, дверь приоткрылась, и в зал тихонько вошли две женщины, молча поклонились, прошли и сели на скамью. Вслед за ними пришёл седобородый старик, а следом — целое семейство с детьми, на которых отец, наряженный в тёмно-зелёную тунику, приглушённо шикал, виновато поглядывая на старосту. Постепенно в зале собиралось всё больше народа. Люди рассаживались на скамьи вдоль стен, а когда все места оказались заняты — прямо на пол.

Тем временем трапеза была закончена, и девушки начали убирать со стола. Леан ласково взглянул на Хока и произнёс:

— Мы все здесь простые люди, сэръ рыцарь. Многие из нас дальше ближайшего городка никогда не выезжали, а есть и те, кто и вовсе не покидал деревню. Однако нам интересно, что происходит в мире. А потому окажите нам честь и расскажите о ваших странствиях, что интересного вы видели, каких людей встречали.

Хок окинул взглядом своих слушателей, размышляя, что бы им рассказать. Понятно, что мир за пределами облачных небес вряд ли покажется им понятным и интересным, да и печальный урок, полученный им в результате невинной беседы с фаворитом виконта Монтре, он не забыл. Потому он решил рассказать о том, что видел здесь, в этом маленьком мирке, а видел он немало, бывал в луаре и в Сен-Марко, да не просто в городах, а во дворцах правителей. И этим простым людям наверно будет интересно услышать о том, как выглядит и живёт их альдор и его благородное семейство, а также узнать о короле Ричарде и его наследнике-сыне. Вот об этом и стал рассказывать им Хок, стараясь как можно ярче описывать богатство и красоту дворцов, благородную внешность и роскошные наряды властителей и придворных. Рассказал он и об охоте, и о рыцарском турнире, на которых побывал.

Жители деревни слушали его, затаив дыхание. Наверно впервые они видели человека, который встречался и с альдором, и с королём. А Хок умел рассказывать, и вскоре полностью завладел их вниманием. Время летело незаметно. За окнами давно стемнело, а он всё говорил, и слушатели не отрывали от него глаз, жадно ловя каждое слово. Он сам увлёкся этим рассказом и, словно подытоживая свои приключения, смог взглянуть на них как бы со стороны. При этом он понял, что время, проведённое в бесконечных странствиях, было для него счастливым, несмотря на все сложности и опасности, которые встречались ему в пути. Так безоглядно счастлив он бывал только тогда, когда вот так бродил по миру без ясной цели, ввязываясь в интриги и потасовки, и именно это, а вовсе не забота о подчинённых, снова гнало его в дорогу.

— Что ж, добрые люди, пора и на покой, — проговорил поздно вечером Леан, разом выведя своих односельчан из состояния детской радости от услышанных ими историй. — Наш гость был очень добр, и рассказал нам много интересного и полезного, и теперь вам надолго хватит тем для пересудов. Но не стоит забывать, что перед приездом к нам он полдня провёл в седле и ему пора отдохнуть после долгой дороги.

Люди расходились молча, испытывая некоторое разочарование от того, что вечер закончился так быстро, и с благодарностью кланялись на прощание хозяину и его гостю. Девушки снова принялись накрывать на стол к позднему ужину, а Хок с хозяином вышли на улицу, чтоб подышать свежим воздухом после душного зала. И выбрав момент, Хок всё же спросил, не случилось ли в деревне какой-нибудь беды, на что Леан лишь неопределённо

пожал плечами, явно не желая отвечать на этот вопрос. Хок решил, что дальше расспрашивать будет бестактно и оставил эту тему.

На ночлег ему постелили на широкой длинной лавке у стены, на таких же лавках устроились и хозяин со своими многочисленными домочадцами.

Следующее утро было тёмным, и его разбудили приглушённые голоса Белты и девушек, вставших пораньше, чтоб заняться хозяйственными делами. До завтрака он вышел прогуляться по деревне, которая ещё только просыпалась после тёмной ночи, мало отличавшейся от наступившего тёмного дня. Деревня освещалась только зажжёнными у домов факелами. Проходя по улицам, Хок обратил внимание на то, что едва ли не каждый третий дом стоит с закрытыми ставнями, в щёлки между которыми пробивается свет. В домах жили, в хлевах бляели животные, но ставни были закрыты наглухо, а это, значило, что совсем недавно кто-то умер и его семья соблюдает траур.

Проходя мимо таких домов, Хок хмурился, и после завтрака, состоявшего снова из хлеба и сыра, решил повторно расспросить Леана об этом.

— Уважаемый староста, — проговорил он, — я снова прошу вас сказать мне, что случилось с вашей деревней, какая беда её постигла. Почему вы живёте, словно в осаде, хотя за стенами я не заметил никаких признаков вражеского войска? Едва явившись к вам, я увидел, что ещё недавно ваша деревня процветала, видимо, потому что вы занимаетесь разведением овец и коз. Здесь нет бедных домов, все жители хорошо одеты и даже дети гуляют в обуви, что не часто встретишь в лесных деревнях. Ваши селяне гостеприимны и добры, но в их поведении чувствуется настороженность. Скажите мне, почему вы держите ваш скот в домах, вместо того, чтоб выпустить его на пастбища? Почему в столь плодородное время у вас на столах лишь сыр и вяленое мясо, словно на улице стоит зима? Почему сгорело ваше святилище, и отчего это вызвало у вас такое ожесточение, словно его сжёг кто-то недобрый?

При последних словах Хок заметил, как вздрогнул староста, и понял, что попал в точку.

— Я спрашиваю вас не из праздного любопытства, почтенный Леан, — добавил он. — Я — странствующий рыцарь, и мной движет стремление бороться со злом и защищать слабых. Если вам нужна помощь, то скажите об этом, быть может, я смогу помочь.

— Да чем же тут поможешь? — вздохнул староста. — Если б это была шайка разбойников, то мы б давно уж сами выкурили их из леса. Если б это были враги, пришедшие, чтоб захватить нашу деревню, мы бы обороняли её до последнего человека. Но с тем, что обрушилось на нас, мы не знаем, как справиться, потому что зло, с которым мы столкнулись, не имеет ничего общего с человеком. Последнее время в наших местах завёлся демон с двумя лицами, который не даёт нам спокойно жить.

— Что значит с двумя лицами? — насторожился Хок.

— А то и значит, что у него два лица: одно, как и у людей, спереди, а второе на затылке. Оба закрыты деревянными масками, да такими жуткими, что от одного их вида дети плачут. Носит он железные доспехи, и вместо правой руки у него железный крюк.

— Ну, крюк можно привязать, — проговорил Хок, — а на затылок приделать вторую маску. С чего вы взяли, что это демон?

— Да потому что злоба из него так и прёт, — проворчал Леан. — С тех пор, как появился здесь, он не даёт нам покоя, сеет смерть и разрушения. Захватывает людей, больше девиц, для своих гнусных надобностей и требует за них выкуп. Только не всегда возвращает их живыми, а если и возвращает, так кто ж такую теперь замуж возьмёт. Едва появившись,

он потребовал у нас денег и еду, но мы отказали. С чего нам его кормить? Тогда он сказал, что накажет нас за жадность и отберёт у нас самое ценное, а еду возьмёт сам. Следующей ночью сгорело наше святилище с образом Девы Лардес, прекраснее которого я не видал. Стояла эта статуя, вырезанная из бука, в центре нашего селения не один век, а сгорела в одну ночь. И в ту же ночь он убил пастуха на пастбище и зарезал барана, взяв себе кусок мяса. В следующую ночь снова зарезал, и снова из-за одного куска. Куда нам было деваться, стали мы ему в условленное место приносить еду. Тогда он первую девицу и умыкнул. Мы не успели собрать столько, сколько он запросил, и утром её нашли за деревней, повешенную на дереве. Её братья пошли искать это чудище, чтоб ему отомстить, да вернулся только один, сказал, что в лесу неподалёку от его логова устроены всякие ловушки. Одного брата убило невесть откуда вылетевшим бревном, утыканным острыми кольями, второй провалился в яму, на дне которой тоже были колья. А он попал одной ногой в неглубокую яму, и ему в ногу с двух сторон вонзились гвозди, еле выбрался. Нога вся изувечена, да и сам он недолго прожил, вскоре умер от горячки. После этого мы стали ему платить, но всё равно бывало, он нам только мёртвые тела подкидывал. А недавно сказал, что деревню подожжёт, если мы ему не заплатим сто золотых марок. Я ему и говорю, откуда ж у нас золото? А он говорит: скот продайте. Вот так. Мы теперь за ворота и гурьбой выйти боимся. Он в кустах засядет, да из лука стреляет, как по воробьям. Скот от него попрятали, а что толку, сена-то почти не осталось.

Староста устало опустил голову.

— Жили мы, сэр рыцарь, горя не знали, и вот беда пришла. И скажите мне, кто ж вот так, ради забавы людей и животину убивать будет, как не злобный и мстительный демон? И заступничества нам теперь просить не у кого, потому что нет у нас больше образа светлой Девы Лардес.

Хок задумчиво смотрел на него, и в то, что тут замешан демон, ему как-то не верилось. Зачем демон устраивать ловушки в виде ям и летающих брёвен? Зачем ему требовать еду и похищать женщин? Зачем ему золото? Просто столкнулись эти простые люди с обычным злодеем, довольно умным и безжалостным, который понимает, какой ужас внушает такая вот беспричинная жестокость. И ещё шевельнулось в душе у Хока неприятная догадка, когда он услышал о ловушках в лесу, поскольку устройство этих ловушек было ему хорошо знакомо из военной истории родной планеты.

— Вы сказали, что это он сжёт ваше святилище, — заговорил Хок. — Но оно стоит в центре селения, окружённого частоколом и рвом, так как же он пробрался туда?

— Вот я и говорю, что это демон! — воскликнул Леан.

Иного объяснения этому он не знал, и оно казалось ему вполне логичным. И хотя Хока оно решительно не устраивало, другого у него пока не было. Днём он снова вышел пройтись по селению, теперь уже зная, что ставни печальных домов закрыты по вине негодяя, засевшего в своём логове где-то неподалёку. Какое-то время он бродил вокруг обгоревших развалин святилища, пытаясь понять, как злодей добрался сюда. Можно было решить, что он пустил подожжённую стрелу, но расстояние от центра селения до ограды было куда больше длины полёта стрелы. Значит, он должен был пробраться сюда, чтоб тайком устроить поджог.

Тёмный день был прохладным, ветер трепал пламя факелов, освещавших дворы. А возле развалин было совсем темно, и чёрные обгорелые брёвна и доски казались сгустком тьмы, образовавшемся в самом центре деревни. Видно было, что селянам не хочется подходить к

ним. Из ближайших дворов на Хока посматривали хозяева, занимавшиеся на улице своими делами, но ни один из них не приближался, видимо, считая это место осквернённым. Только несколько детишек следовали за ним на почтительном расстоянии, с любопытством наблюдая за действиями заезжего гостя.

Хок с сожалением вынужден был признать, что в этот момент, когда настало самое тёмное время долгих суток, ему не удастся осмотреть развалины, где, может быть, таится подсказка, как «двуличный» сумел сжечь святилище. А в том, что это его рук дело, Хок не сомневался.

Он как раз стоял, задумчиво глядя на кучу обуглившихся досок и опорных столбов, когда услышал рядом деликатное покашливание и, обернувшись, увидел невысокого маленького старичка с большим резным посохом, навершие которого венчал поперечный крест. Старичок был совсем седой и одет в белую одежду, подпоясанную тёмным широким поясом. В руке он держал фонарь с решётчатыми дверцами, в котором плясал яркий рыжий огонёк. Поняв, что его заметили, старичок несмело улыбнулся и произнёс:

— Это была очень красивая Дева Лардес. Даже мой прадед не помнил, когда эта статуя появилась у нас, но говорят, что она однажды сама собой возникла посреди деревни, чтоб спасти наших предков от лесного пожара. Тогда деревня была меньше, и лес подступал к самым домам. От молнии в грозу лес загорелся, и огонь понёсся по деревьям, подгоняемый ветром. Люди испугались и воззвали к Деве Лардес. И она явилась в виде статуи с распростёртыми крыльями и огненным мечом. И пожар сразу закончился, выжженное место стало плодородным полем, а скот с того дня стал давать хороший приплод. Люди почитали Деву и устроили вокруг статуи святилище. Теперь оно сгорело.

Он печально взглянул на развалины.

— Я был старостой до Леана, — продолжил он, — но потом, когда мне стало трудно управляться с делами, я попросил людей выбрать другого мне на смену, а сам стал следить за святилищем. И вот не уследил.

— Не думаю, что тут есть ваша вина, почтенный.

— Олар, сэр рыцарь. Меня зовут Олар.

— Почтенный Олар, — поклонился Хок. — Ваше святилище уничтожено злым и коварным человеком, я только не знаю, как он это сделал.

— С помощью колдовства, сэр рыцарь. С помощью очень злого колдовства. Видите ли, святилище загорелось ночью, изнутри. Была тихая безветренная погода, и вдруг внутри вспыхнули стены. Пламя вырывалась сквозь щели между досками в нескольких местах. Собаки залаяли и начали рваться с цепей. Они привлекли внимание к пожару, но было поздно. Несколько мужчин вбежали в святилище, надеясь хотя бы спасти статую, но она тоже пылала. И даже земля горела вокруг. Все чаши, в которых горел огонь, были разбросаны. Жар был такой, что им пришлось поскорее убраться отсюда.

— А что представляло собой святилище? — спросил Хок.

— Оно было круглым, как и подобает жилищу, но поскольку оно было жилищем богини, оно было больше и выше всех домов в деревне. В центре стояла статуя, вокруг — семь столбов, на которых покоилась высокая крыша, центр её уходил в небеса, а вокруг до самых стен тянулся широкий навес, закрывавший нас от дождя. Святилище вмещало всех жителей деревни, и нам не приходилось тесниться во время молитв.

— Ночью там горел огонь? — продолжал допытываться Хок.

— Конечно, сэр рыцарь! Дева Лардес никогда не спит. Потому вдоль стен были

установлены треножники, на которых стояли кованые чаши. Я сам следил, чтоб в них всегда было достаточно масла, и огонь не гас.

— А двери на ночь закрывали?

— Нет. На дверях не было ни задвижек, ни замков. Святилище всё время было открыто для людей, и ночью туда приходили те, кто хотел остаться с нашей покровительницей наедине. В тёмное время души часто томятся: кто-то печалится о прошлом, кого-то пугает будущее, кого-то гнетёт настоящее. Дева Лардес помогает всем, кто приходит к ней с открытым сердцем.

Хок задумчиво слушал его, кивая, но думал о том, что кто угодно мог проникнуть ночью в святилище, разлить масло из чаш на землю, статую и стены и поджечь его. Вот только как «двуличный» попал туда и как выбрался незамеченным. И если он был здесь ночью, то не устроил ли ещё какой-нибудь пакости селянам?

— Той ночью не произошло ли ещё что-нибудь необычное, почтенный Олар? — спросил Хок. — Что-нибудь такое, что говорило бы о том, что здесь побывал чужой человек? Старец покачал головой.

— Собаки залаяли, и мы сбежались сюда. Ворота к тому времени были уже закрыты. Сразу после того, как закрыли ворота, собак спустили с цепей. Это сейчас они носятся по всей деревне днём и ночью. Так решил Леан. А раньше днём их держали на цепях, чтоб не путались под ногами, а ночью спускали с цепей на случай, если кто-то проберётся в деревню тайком. Они б разорвали чужака, если б он не сумел спрятаться от них...

— Собаки лаяли, — неожиданно прозвучал у Хока за спиной несмелый голосок.

Обернувшись, он увидел, что дети подошли к ним ближе и с интересом прислушиваются к разговору. С ними были две собаки: крупный лохматый пёс с висячими ушами и седой мордой и маленький щенок, чем-то похожий на него, но одно ухо у него задорно стояло. Говорил белокурый мальчик, к которому несмело жался щенок.

— Ты сказал, что собаки лаяли, — Хок присел перед мальчиком на корточки и большой пёс глухо заворчал, а Олар сердито шикнул на него. — Но ты говорил не о том, что собаки сообщали о пожаре. Собаки лаяли ещё где-то?

— Там! — мальчик уверенно махнул рукой в сторону, явно польщённый, что рыцарь заинтересовался его словами. — Собаки залаяли здесь и все побежали сюда. И мой отец, и старший брат тоже. Они открыли дверь, и Брено выскочил за ними, — мальчик указал на своего щенка. — Брено был маленький, и ему разрешали ночевать в доме. Но он выскочил, я хотел его поймать и тоже побежал. Но Брено побежал не сюда, а в другую сторону. Там были другие собаки. Они лаяли на ограду.

— Можешь показать, где это?

Мальчик кивнул и пошёл по улице. Хок двинулся за ним, а следом очень шустро для своего возраста заковылял, опираясь на посох, Олар, за ним поспешили остальные дети. Мальчик привёл их к ограде деревни. Возле неё росла густая трава, а до ближайшего подворья было не меньше десятка метров. Хок окинул глазами стену и, разбежавшись, подскочил и уцепился рукой за нижний край узкой щели, которая, видимо, служила бойницей. Подтянувшись, он сумел поставить в щель ногу и, поднявшись во весь рост, выглянул за ограду. Заострённые брёвна были на уровне его груди, и при желании он вполне мог бы перелезть через них и спрыгнуть вниз поту сторону частокола. Осмотрев острые концы брёвен, он заметил на одном из них что-то тёмное. Это был обрывок ткани. Сунув его в карман, Хок спрыгнул вниз и тут же снова достал свою находку, чтоб осмотреть её при

свете фонаря, который держал Олар. Это был лоскут шерстяной ткани, вырванный из чьей-то одежды.

— Он мог удрать здесь, — заметил он и взглянул на старика.

Тот смотрел на него с восхищением, а потом перевёл взгляд на ограду.

— Я никогда не видел, чтоб кто-то мог забраться наверх без лестницы! — воскликнул он.

— Смог я, мог и кто-то другой, — пробормотал Хок, хотя ему польстило восхищение старика. — Думаю, что он мог сбежать через ограду здесь. Может быть, за ним уже гнались собаки, и разбег у него был хороший...

— Нет, — покачал головой Олар. — Разве может кто-то... — он вдруг смутился, — кроме сэра рыцаря, проделать такое.

— При определённой подготовке это не сложно, а она у него явно есть. Но, как я понял, сразу за оградой начинается ров. Разбежаться там невозможно, да и перейти его и потом взобраться по брёвнам не так просто. Если только у него было снаряжение.

— Это же было вечером! — воскликнул другой мальчик, постарше. — Обычно ворота у нас стояли открытыми весь день. За ними присматривает сторож, но вечером, когда коровы возвращаются с пастбища, он уходит в сторожку, после этого закрывает ворота до утра, а потом в деревне гасят огни и спускают собак с цепей. Тогда был вечер тёмного дня. Было очень темно, коровы шли с пастбища долго, они всегда приходят сами, без пастуха. В это время кто-то мог войти в деревню вместе с ними.

— Сторож и в сторожке смотрит за воротами! — возразил старик.

— Он смотрит на коров, — возразил мальчик. — Он их считает, чтоб закрыть ворота, когда пройдут все. Коровы мычат, колокольчики звенят, он считает коров, которых едва можно разглядеть в свете факела на стене сторожки. И если кто-то завернётся в тёмный плащ и проскользнёт в деревню за коровами, сторож его не увидит.

— Зачем демону пробираться в деревню, чтоб спалить святилище? Он может прилететь по воздуху или пройти сквозь ограду! — неожиданно рассердился Олар, которому, видимо, версия о демоне казалась более убедительной.

— Зачем ему убегать от собак и перелезть через ограду, если он, действительно, демон? — пробормотал Хок и, простившись с Оларом и мальчиками, которые затеяли спор, пошёл обратно.

Весь день Хок размышлял о своём маленьком расследовании и всё больше убеждался в том, что кто-то, скрывающийся под деревянной маской, проник в деревню в самое тёмное время, пробравшись мимо зазевавшегося сторожа. Этот злоумышленник пошёл в святилище, а найти его было несложно, потому что все алкорские деревни, живущие за частоколами, похожи одна на другую, и все укрывают свои священные реликвии в ритуальных сооружениях, которые стоят в центре поселения. Он поджёг строение и вышел. В это время спустили собак с цепей и некоторые, почуяв его, кинулись с лаем в погоню, но люди, привлечённые пожаром, не заметили этого. Он перебрался через частокол и сбежал.

Всё выглядело логично и при этом зловеще. И всё же теперь Хок был уверен в том, что имеет дело не с демоном или колдуном, а с обычным хитрым разбойником. Однако, вспомнив высоту частокола и обрывок одежды на острие бревна, он вынужден был признать, что не такой уж он обычный, а на самом деле хорошо тренированный, быстрый, ловкий и сильный. И к тому же довольно умный, если придумал столь замысловатую комбинацию, чтоб запугать бесхитростных и суеверных селян.

Вечером в дом старосты снова потянулись люди, чтоб посмотреть на необыкновенного рыцаря, который видел альдора и короля и не гнушается общения с простыми людьми. А Хок теперь смотрел на них совсем иначе, понимая, что эти посиделки для них — редкая возможность забыть на время о чёрной беде, свалившейся на их головы.

Следующее утро было светлым и ему пора было трогаться в путь. Только он всё ещё пребывал в тяжёлой задумчивости, а староста Леан как-то странно посматривал на него, явно не решаясь сказать что-то важное. И всё же он решился. Забравшись под лавку в самом конце зала, он вытащил оттуда небольшой горшочек, обёрнутый тряпицей. Подойдя к Хоку, он поставил его перед ним и откинул тряпку, и Хок увидел, что горшок наполнен серебряными вещами: серьгами, ожерельями, монетами, даже бляшками, споротыми, наверно, с бережно хранимых в семьях свадебных поясов, передававшихся от отца к сыну. Там же поблескивало несколько золотых фигурок Девы Лардес и пара старинных монет.

— Вот, сэръ рыцарь, — заметно волнуясь, проговорил Леан. — Мы собирали это для того, чтоб откупиться от этого злодея. Люди последнее приносили, да только разве эту прорву насытишь! Завтра он потребует новой дани. Мы отдадим это вам в качестве платы. Деревня наша готова нанять вас, сэръ рыцарь, для того, чтоб вы пошли и убили двуличного демона и освободили нас от этой кабалы.

Договорив он сел рядом и с мольбой смотрел на Хока, а тот и не думал отказываться от этого предложения. Правда, серебро он в уплату брать не собирался, но, понимая, что таков обычай, сразу говорить об этом не стал. Только заключив с деревней сделку, он сможет успокоить селян, ведь они будут верить, что он пошёл сражаться с демоном, а не убежал подальше из этих мест.

Потому он с серьёзным видом осмотрел несколько вещей из горшка и снова закрыл его тряпкой.

— Я согласен сразиться с демоном и защитить вашу деревню, — твёрдо произнёс он. — Платы этой будет достаточно. Только у меня правило: сперва работа, потом — оплата. Так что горшочек пусть пока у вас побудет. А теперь скажите мне, уважаемый Леан, где логово этого злодея?

— За лесом в старых развалинах, сэръ рыцарь, — заметно воспрянув духом и даже слегка повеселев, объяснил староста. — Не так далеко отсюда на холме стоит замок, где в давние времена жил некий рыцарь. Только умер он бездетным, наследников не осталось, а поскольку места здесь глухие, никому его замок не приглянулся. Так и стоял он, постепенно разрушаясь, и даже название его давно забыто. Там и устроил себе логово «двуличный». Только будьте осторожны, сэръ рыцарь, потому что уже в лесу на подступах к замку много ловушек, а уж сколько их в замке, и вовсе неизвестно. К тому же негодяй очень метко стреляет из лука и орудует ножом, как заправский мясник.

— Ничего, я тоже разбираюсь в ловушках, да и с ножом обращаюсь, надеюсь, не хуже. Что ж до стрел... Так от них и увернуться можно.

— Ну... да, — не очень уверенно согласился Леан, а потом засуетился. — Идти там недалеко, но всё ж Белта вам еды в дорогу соберёт. Вы уж простите, сэръ рыцарь, но вам одному идти придётся. Охотников провожать вас мы не найдём. Сами понимаете, у всех дети малые да внуки...

— Ничего, я сам его найду, — улыбнулся Хок, поправляя на поясе ножны с кинжалом.

Провожать его вышли едва ли не все жители деревни. Они смотрели на него с восторгом и благодарностью, вот только особой надежды на их лицах он не заметил, скорее жалость.

Такой красивый благородный рыцарь, а погибнет зазя в лапах коварного и злобного чудовища.

Хок вышел из деревни по опущенному мосту, опираясь на длинный крепкий посох, который он попросил у селян. Идти, и правда, было не так чтоб очень далеко, и он решил, что конь ему не пригодится, потому оставил его в конюшне. Шёл он, не торопясь, с удовольствием вдыхая утренний прохладный воздух и прислушиваясь к шуму ветра в густых зелёных кронах и весёлому пересвисту птиц. В густой траве с цветка на цветок перелетали пчёлы и шмели, занятые сбором пыльцы. А он с улыбкой смотрел на них, и размышлял о том, замечал ли этот «двуличный», как красивы эти места? Хотя это вряд ли, потому что в таком чёрном сердце не найдётся места для восприятия красоты и покоя.

Пройдя по зелёному лугу, он какое-то время шёл по тропинке, бегущей по краю леса до небольшой речушки, через которую был перекинут мостик из толстых брёвен, поросший мхом, но ещё крепкий. За мостиком дорожка сворачивала налево, а он повернул направо и углубился в лес, держа направление на северо-восток. Деревья вокруг него становились всё выше, стояли всё теснее, и тёмные кроны сплетались над его головой, почти закрывая небо. Спустя какое-то время он миновал каменный столб с выбитыми на нём непонятными знаками, как говорил Леан, — пограничный знак бывших владений неведомого бездетного рыцаря. Проходившая мимо него дорога давно заросла деревьями, и лишь внимательно присмотревшись, можно было разглядеть в траве выложенные в ряд камни, некогда лежавшие на обочинах.

Хок разглядел эти камни лишь потому, что теперь внимательно смотрел под ноги и вокруг себя, выискивая признаки ловушек. Он осторожно раздвигал посохом заросли травы перед собой и посматривал на стволы и ветви деревьев в поисках натянутых верёвок. Одну из них он вскоре заметил, и осторожно приблизившись, убедился, что она одним концом привязана к камню, уложенному на развилку веток, а второй, перекинутый через крепкий сук наверху, разложен на земле широкой петлёй. Он понятия не имел что скрыто под слоем травы в центре петли, но понимал, что ступив туда, тут же окажется бы подвешенным за ноги на дереве. Он никогда не страдал болезненным любопытством, потому предпочёл обогнуть ловушку, не пытаясь полностью разобраться в её устройстве.

Спустя какое-то время его посох наткнулся в траве на какую-то преграду, и Хок резко подался назад, а следом свистнула стрела, которая вонзилась в дерево в двух шагах перед ним. Здесь он всё-таки решился осмотреть самострел и убедился, что это неловко сделанное, но эффективное подобие арбалета.

Так медленно он продвигался по лесу, удивляясь, как много здесь натыкано ловушек. К счастью, многие из них были устроены давно, и прикрывавшая их трава успела засохнуть. Так он нашёл круглую яму, закрытую ветками, поверх которой был уложен мох, а сверху — трава. Этот сероватый круг он осторожно обошёл, но когда увидел такой же кружок поменьше, решил рискнуть и ткнул в него концом посоха. Остриё тут же провалилось вниз, а по его бокам сомкнулись дощечки, утыканные гвоздями. Какое-то время Хок провёл, сидя на корточках рядом с этим примитивным и безотказным устройством. Он уже видел такие в историческом музее одной маленькой азиатской страны на Земле. И почему-то ему казалось, что тот, кто соорудил это здесь, тоже видел те потемневшие от времени прототипы.

Поднявшись, он снова двинулся дальше. В глубине души ему хотелось найти то самое бревно, но умом он понимал, что лучше бы ему не наткаться на такое хитроумное и опасное устройство. Лес тем временем редел и вскоре он вышел на опушку, над которой за

заросшим высокой травой лугом, на холме стояли живописные руины небольшого замка. Эта картина светлым свежим утром выглядела даже романтично, как иллюстрация к старинному роману о рыцарях и прекрасных дамах. Однако в этих развалинах не назначали свидание влюблённые, и сам замок вовсе не был памятником бессмертной любви. В нём поселилось зло, которое по глубокому убеждению Хока должно быть уничтожено. Потому он поправил на поясе ножны с мечом и так же осторожно двинулся дальше, внимательно поглядывая на развалины, и не забывая при этом смотреть себе под ноги и проверять путь впереди посохом.

То ли к логову этого разбойника давно уже никто не решался приблизиться, то ли он был довольно ленив, а, может, и то, и другое, но устроенные на склоне холма волчьи ямы с кольями на дне были хорошо видны на фоне свежей густой травы. И Хок, обогнув их, вскоре приблизился к самым стенам замка. Судя по тому, что в него до сих пор не пытались стрелять, его приближение не было замечено. Задумчиво посмотрев в сторону полуразрушенных ворот, он подумал, что там, на входе, точно устроил бы ловушку для незваных гостей, и потому свернул в другую сторону.

Какое-то время он шёл по краю давно высохшего и заросшего травой рва. Крепостная стена во многих местах обвалилась, была выщерблена и темнела глубокими язвами трещин. Несколько раз он проходил мимо куч камня, в которые превратилась разрушившаяся башня или кусок стены, но он не поддавался искушению войти здесь, ожидая западню у столь очевидного входа в замок. Однако вскоре он подошёл к высокой башне, примыкавшей к крепостной стене. Донжон был единственным строением, уцелевшим за прошедшие годы. Его оплывшие, местами обвалившиеся стены всё ещё вздымались в небеса. Наверху он заметил небольшую дыру в каменной кладке. Осмотревшись, он перебрался через ров и, спрятав посох в траве, начал быстро карабкаться по стене. Это было совсем несложно, потому что выбоин и трещин, за которые можно было зацепиться и куда поставить ногу, было множество. И скоро он подобрался к самой дыре и заглянул в неё.

Внутри башня выглядела куда более разрушенной, чем снаружи. Её крыша местами обвалилась, как и перекрытия внутренних этажей, потому сверху и сквозь дыры в стенах лился дневной свет, а внизу на полу громоздились кучи битого камня, сгнивших опор и досок. Единственное, что ещё оставалось в целости, — это остов башни и широкие стропила, сделанные, видимо, из толстых брёвен. Они всё ещё тянулись деревянной паутиной под дырявой крышей. В башне никого не было, и это его ободрило. Хок подумал, что если хозяин этого логова ушёл куда-то, то он успеет осмотреться и подготовиться к встрече.

Подтянувшись на руках, Хок влез в дыру и спрыгнул на небольшой карниз, а с него — на кучу камней, и двинулся к широкому дверному проёму, ведущему во двор. Понадеявшись на отсутствие в замке хозяина, он всё же не позволил себе расслабиться и потому вовремя заметил движение возле одного из окон и быстро прыгнул за ближайшую кучу камней. Следом послышался знакомый свист и неподалёку от него в кучу вонзился арбалетный болт.

— Значит, ты дома, — пробормотал Хок, осторожно выглядывая из укрытия.

Прислушавшись, он услышал где-то далеко стрёкот зубчатого колёсика в устройстве, снова натягивающем тетиву. Особой скорострельностью арбалет не отличался, чтоб перезарядить его требовалось время. К тому же, вкладывая болт и натягивая тетиву, стрелок должен был отвлечься от наблюдения. Потому Хок поспешно скользнул за другую кучу и, пробравшись к стене, быстро пополз в сторону выхода.

Он старался двигаться беззвучно, насколько это было возможно, и противник, должно быть, потерял его из виду. Какое-то время он лежал за камнями, глядя на открытый проём,

до которого ещё нужно было добежать. «Двуличный» тоже никак себя не проявлял, видимо, осматривая зал из укрытия, в поисках непрошенного гостя.

Хок тем временем отстегнул пряжку плаща и стащил его с плеч, после чего, свернув, резко бросил в сторону. Как он и ожидал, находившийся в напряжении разбойник среагировал мгновенно, выстрелив в тряпичный свёрток, а Хок вскочил и бросился к дверям, надеясь, что успеет до того, как арбалет снова будет заряжен.

Он выскочил на порог зала и, увидев, что находится на втором этаже, а лестница уже давно разрушилась, спрыгнул на землю. Он уже заметил в стороне небольшую нишу и тут же нырнул туда, после чего прислушался. Какое-то время было тихо, а потом он услышал, как где-то наверху осыпаются камни. Должно быть, «двуличный» спустился вниз и, не найдя его в зале, вышел на порог. Не увидев никого во дворе, он снова вернулся в башню.

Хок прекрасно понимал, что разбойник знает здесь все ходы и переходы. И наверняка здесь в замке у него достаточно ловушек для незваных гостей. К тому же у него был арбалет, и он уже начал охоту. Осмотревшись в своём убежище, Хок понял, что сам зашёл в западню. Выйти из ниши можно было только во двор, других укрытий в зоне досягаемости он не видел. А если «двуличный» спустится во двор со своим арбалетом, то увидев его, без труда застрелит. Впрочем, и в этой нише было достаточно места, чтоб попытаться в последний момент увернуться от стрелы, и тогда арбалет будет совершенно бесполезен, его можно будет использовать разве что в качестве дубины. Но вряд ли это будет эффективно против такого бойца, как Хок. Главное, успеть добраться до врага до того, как он перезарядит свою смертоносную игрушку.

Взвесив все за и против, Хок решил, что это неплохой вариант и, выглянув из ниши, крикнул:

— Эй, не стреляй! Я только хочу поговорить с тобой!

Ответом ему было молчание. Только в каменных щелях завывал ветер, да где-то весело щебетали птицы. Подождав какое-то время, он продолжил:

— Послушай, зачем нам с тобой сражаться? Мы оба воины, оба владеем оружием, но вместо того, чтоб биться друг с другом, мы можем объединиться. Мне нужен напарник в одном деле! Скоро по дороге из луара в Магдебург поедет богатый купец. У него будет дорогой груз и небольшая охрана! Одному мне там не справиться, но вдвоём мы сможем всех перебить. Там украшений и утвари на двадцать тысяч марок! Ты получишь половину! Что скажешь?

Он снова прислушался. Разбойник не отвечал. Быть может, он искал удобную позицию для выстрела или уже держал под прицелом нишу, где он прятался. Хок снова осмотрел двор. По сути это было узкое, зажатое полуразрушенными стенами и замусоренное битым камнем пространство. Неизвестно, где обитал этот негодяй, разве что под полом донжона сохранился подвал. Там наверно можно было укрыться от непогоды. Да в толще крепостных стен, судя по всему, ещё оставались проходы и узкие клетушки, где раньше держали утварь и оружие. Впрочем, если судить по толщине стен, вряд ли там достаточно места, чтоб обустроить жилище. Хок осмелился высунуться чуть дальше, чтоб окинуть взглядом нижнюю часть стены донжона в поисках двери в подвал, но тут же отпрянул, услышав свист стрелы, которая влетела в нишу и ударилась о дальнюю стенку.

— Ладно, я понял, что деньги тебе не нужны, и ты не любишь чужаков. И, видимо, не страдаешь от избытка доблести, чтоб встретить противника лицом к лицу! — крикнул Хок. — Стрелять из засады тебе привычнее. Я это понимаю. Но давай всё же обсудим более

мирный и взаимовыгодный выход из этой ситуации. От того, что ты меня убьёшь, пользы тебе не будет никакой, разве что кроме удовольствия. Но если ты всё же решишься вступить со мной в переговоры, я смогу предложить тебе то, что тебя заинтересует!

Ответом ему снова было молчание. Хок задумчиво изучал из своего укрытия двор. Он уже давно заметил несколько расщелин в стенах, через которые, должно быть, можно было попасть внутрь крепостной стены. Он не был уверен, что ему удастся добраться до одной из них, пока разбойник будет перезаряжать свой арбалет. Да и удастся ли втиснуться внутрь? Не окажется ли он в другой ловушке, из которой не будет выхода?

И в этот момент тишину пронзил истошный крик. Хок замер и прислушался. Кричала женщина, может быть, одна из тех, кого этот негодяй похитил из окрестных деревень. Ведь наверняка, он терроризировал не только односельчан Леана. Следующий крик заставил его выскочить из укрытия и пробежать по двору, петляя по нему как заяц, и, наконец, броситься в ложбину между двумя кучами камней. Укрытие было сомнительным, поскольку там его было видно с крепостной стены, но теперь и он увидел то, что происходит на ней. А там была сооружена виселица, с горизонтальной балки которой свисала верёвка. На её конце была завязана петля, которая обвивала тонкую шею встрепанной перепуганной девушки в грязной и изодранной в клочья рубашке. Хок сразу оценил ситуацию. Верёвка была натянута, а под ногами у девушки, чуть пошатываясь, стояла узкая деревянная чурка. Бедняжка с трудом удерживалась на ней, стоя на цыпочках. И Хок понял, что медлить нельзя.

Проклиная всё на свете, в том числе разбойника и своё воспитание, не позволявшее ему оставить девушку на произвол судьбы, он вскочил и бросился на помощь. Он услышал, как свистнула стрела, но она вонзилась в камни уже у него за спиной. Теперь у него было ещё несколько секунд до того, как «двуличный» перезарядит арбалет. Он уже заметил чуть в стороне узкий дверной проём с закруглённой аркой, который был заколочен парой толстых досок. Оценив расположение досок, он сразу распознал ловушку и даже предположил, что она собой представляет. Добежав до стены по кратчайшему расстоянию, он свернул в сторону проёма и промчался мимо него, наступив на землю перед порогом. Его нога предсказуемо ушла вниз, раздался скрип и приколоченные доски выбил тяжёлый деревянный блок, передняя часть которого была утыкана заострёнными кольями. Сверху он крепился к дверной притолоке на толстом деревянном бруске. Хок поспешно вернулся назад и, упав на землю, протиснулся под блоком внутрь помещения.

Здесь было темно, но он увидел, что оказался в длинной галерее, идущей внутри крепостной стены. С одной стороны она терялась в темноте, а с другой откуда-то сверху брезжил слабый свет. Поняв, что там расположена лестница на крепостную стену, он бросился туда.

Промчавшись по коридору, он, действительно, увидел разбитую каменную лестницу со ступенями разной высоты, что было обычным делом в таких замках. Он быстро взбежал вверх, по пути рассматривая ступени, и увидев несколько камней, которые не были связаны серым раствором с другими, мгновенно перескочил на пару ступеней выше. Неизвестно, была ли там ловушка, но он не собирался искушать судьбу. Уже у самого выхода он заметил тонкую верёвку, натянутую на уровне колена и снова перескочил через растяжку и пару ступеней над ней.

Подумав, что «двуличный» наверно от нечего делать занимался тем, что изобретал и устраивал в своём логове ловушки, он, наконец, выбрался наверх и, едва оказавшись на

крепостной стене, отскочил и кувырнулся в сторону, чтоб разбойник не смог попасть в него из арбалета. Но тот по какой-то причине не стрелял. Хок быстро поднялся на ноги и побежал к девушке, которая с ужасом и мольбой смотрела на него. И тут свистнула стрела. Хок снова отпрянул, но тут же понял, что злодей стрелял не в него. Арбалетный болт вонзился в грудь девушки, и она повисла на верёвке. Хок замер, глядя на неё, а потом обернулся в поисках противника.

Тот и не думал прятаться. Он стоял на крепостной стене в десятке метров от него. Между ними была пропасть, потому что часть стены обвалилась. Разбойник, не двигаясь, смотрел на Хока, опустив арбалет с длинным ложем.

Это был высокий мужчина в чёрных, исцарапанных латах. На его лице была жутковатая маска, вырезанная из дерева. Это деревянное лицо мало походило на человеческое, у него не было носа, а из оскаленного рта с опущенными уголками торчали вверх и вниз огромные загнутые клыки. Высокие надбровные дуги имели заострённую форму, на лбу змеились странные узоры, опоясывающие три толстых выступающих рога с заострёнными концами. В прорезях для глаз была темнота, но Хок знал, что негодяй его видит. Тот какое-то время стоял неподвижно, словно хотел, чтоб противник по-хорошему рассмотрел его, а потом развернулся и побежал по стене в сторону донжона. Мгновение — и он скрылся в тёмном дверном проёме, ведущим в башню. При этом Хок убедился, что на затылке у него прикреплена такая же маска, а между ними во все стороны торчат грязные спутанные патлы длинных волос.

Хок издал свирепое рычание и бросился следом. Он с лёгкостью перескочил через провал между участками стены и вскоре был уже возле входа в башню. Он увидел впереди закручивающуюся по часовой стрелке винтовую лестницу и снова отскочил назад, услышав наверху дробный грохот. Спустя мгновение по ступеням скатился обломок круглой колонны и, укатившись дальше по крепостной стене, сорвался с неё во двор. Хок начал быстро подниматься по лестнице. Внутри у него всё кипело от ярости, но он чувствовал в глубине души напряжённое спокойствие. Его чувства обострились, и он готов был среагировать на любую неожиданность. Вскоре ему пришлось это сделать, потому что сверху послышался уже знакомый дробный грохот. Вместо того чтоб отступить, он рванулся вперёд, увидев над лестницей узкое световое окно. Подпрыгнув, он ухватился рукой за его нижний край и подтянулся, поджав ноги. Мимо прокатился ещё один кусок злополучной колонны.

Он снова начал подниматься, и когда впереди уже был виден проём двери, ведущей в башню, на него осыпался целый град камней, словно обрушилась часть стены над его головой. Он тут же отступил к стене и прижался к ней спиной. К счастью, большая часть камней не попала в него, а те, что попали, не причинили вреда. И спустя мгновение он снова бросился вперёд и, вбежав в башню, замер.

Он стоял на балке стропил потолка, достаточно широкой, чтоб передвигаться по ней, но явно не подходящей для хорошей драки. Далеко внизу он увидел нижний зал с кучами камней и щебня, и хищно торчащими из них обломанными кусками брёвен. Он осмотрелся в поисках противника и увидел его на стропилах в другом конце зала. Тот ждал его, держа в левой руке меч. Теперь Хок взглянул на его правую руку и убедился, что острый крюк прикреплен не на кисть руки, а на культю. Разбойник, действительно, был калекой.

— Ты зря убил девушку, — процедил Хок, вытаскивая из ножен меч.

— Я сделал это для тебя, — раздался в тишине приглушённый маской голос. — Ты же пришёл убить меня, верно? Я знаю тебя, и все эти разговоры про подельников в ограблении

купца — чистая ложь. Я слишком хорошо тебя знаю. Я мог несколько раз убить тебя, но я хочу, чтоб ты знал, за что и от чьей руки ты умираешь.

— Расскажи мне, — пожал плечами Хок.

— Лучше я покажу, — ответил тот и ловко подцепил своим крюком завязку масок, разом сорвав их и бросив вниз, где они упали на битый камень.

Хок вглядывался в почерневшее от грязи, худое лицо, обезображенное выжженным на лбу клеймом. Не сразу, но всё-таки он узнал его, и с удивлением почувствовал, как к его ненависти добавилась жалость и смятение. Это был Алонсо Кабрера, так внезапно исчезнувший из луара. Он не вспоминал о нём довольно давно, и даже не задавался вопросом, куда он делся после того, как его изгнали алкорцы. Вот, значит, чем он занялся, решил мстить за своё увечье всему миру.

— Видишь? — Кабрера продемонстрировал ему крюк, а потом указал им на своё лицо. — Это твоя работа! Это ты взялся защищать эту мерзавку Моро, которая меня оговорила. Я не крал её серьги и Деллану рассказал правду, но он поверил ей! И меня приговорили, как последнего вора, к клеймению и отсечению правой руки! Но ничего! Я умею драться левой! По этим стропилам я хожу, как по земле. И я тебя убью здесь и сейчас! А потом доберусь до Моро, даже если мне придётся выцарапывать её из дворца альдора!

— Не придётся. Её там нет, — ответил Хок, хмуро глядя на него. — Её обвинили в шпионаже в пользу Сен-Марко и приговорили к смерти.

— Тем лучше. Значит, я покончу с тобой и смогу вздохнуть спокойно.

— Послушай меня, Алонсо, — заговорил Хок, делая шаг к нему. Он невольно взглянул вниз и замер. — Ты, конечно, можешь меня убить, но лучше пойдём со мной. Ты же знаешь, что при современном уровне медицины твои травмы не фатальны. Тебе вернут руку и уберут этот шрам на лбу.

— Конечно, рука вырастет, как отрубленная лапка у лягушки! Я помню, как нам объясняли это в школе. И клеймо тоже залечат. А что потом, а? Потом меня буду судить как преступника, и поставят перед выбором: переделка психики или Пиркфордская колония. Так? Или ты собираешься молчать о моих подвигах? Ты ведь знаешь, сколько людей я убил? Ты дашь против меня показания в Звёздном трибунале? Расскажешь, как я застрелил ради шутки эту девицу, а потом ещё и повесил её? Только этого достаточно для приговора. Нет, Хок, я предпочитаю остаться здесь и наводить ужас на быдло, живущее в деревнях. Они должны бояться меня, служить мне и давать мне всё, что я захочу: женщин еду и деньги. А когда они обнищают, я пойду искать новые хлебные места. Я скоплю достаточно, чтоб устроиться в этом мире так, чтоб никого не интересовали мои увечья, чтоб все боялись меня и покорялись мне! Я буду властелином этого дремучего мирка! Потому что я умнее их всех! Я больше знаю, я хитёр и безжалостен! Я знаю психологию толпы. И в отличие от всех этих дикарей, я бессмертен!

— Ты больной! — вздохнул Хок. — У тебя мания величия, обостренная кучей комплексов и патологической жестокостью. Ты — маньяк-убийца. Если ты не пойдёшь со мной, мне придётся тебя убить. Решай!

Но Кабрера только засмеялся.

— Как ты самонадеян! Ты думаешь, что ты такой ловкий и непобедимый? Давай проверим. Я уверяю тебя, очень скоро ты изменишь своё мнение!

Он побежал Хоку навстречу, подняв меч. Хок снова взглянул вниз и встал в стойку, полностью сосредоточившись на поединке. Кабрера налетел на него смерчем, стремительно

нанося удары мечом, при этом он, действительно, легко передвигался по стропилам, в то время как Хоку, парируя их и контратакуя, приходилось постоянно смотреть под ноги, чтоб не оступиться и не упасть вниз. К тому же очень скоро стало ясно, что Кабрера не терял времени даром и научился пользоваться своим крюком с максимальной пользой. В какой-то момент, когда клинки мечей скрестились, он зацепил место их соединения крюком и начал давить на меч противника. Хоку никак не удавалось высвободить свой клинок, а Кабрера всеми силами стремился стащить его со стропил и скинуть вниз. На его изуродованном лице появился радостный оскал, и белые ровные зубы вдруг показались Хоку неуместными на этой грязной измождённой физиономии. Он снова усомнился в том, что его противник вменяем, но раздумывать было некогда. Свободной рукой он вытащил из ножен дагу и ударил ею в грудь Алонсо. Тот возмущённо зарычал, но успел уклониться. Однако теперь сцеплённые мечи мешали уже ему, он освободил их и поспешно отступил, оценивая ситуацию.

Хок снова встал в позицию, теперь вооружённый мечом и кинжалом. Кабрера свирепо смотрел на него, а потом снова ринулся в атаку. Какое-то время они обменивались ударами, балансируя на стропилах, а затем Хоку удалось отвести клинок противника мечом в сторону и ударить его кинжалом. Тот снова увернулся, и всё же острое лезвие скользнуло по его руке, оставив на ней глубокую кровавую борозду. Кабрера взревел от ярости и удвоил свои усилия, пытаясь достать Хока если не мечом, так крюком. В какой-то момент ему удалось зацепить его за шею, но и его противник отделался всего лишь царапиной.

После этого Кабрера отступил на середину зала, где стропила сходились и образовывали крест. Хоку пришлось следовать за ним, хоть он и чувствовал себя не слишком уверенно в этих ограниченных условиях боя. Он первым напал на Кабреру, но тот ловко ускользнул и перепрыгнул на другую балку. Хок не решился следовать за ним и вышел на середину перекрестья. Кабрера тут же вернулся к нему и поединок продолжился.

Не было никаких сомнений, что Хок лучше владеет мечом, но необходимость постоянно следить за тем, чтоб удержаться на балках стропил, сильно мешала ему. Он был лишён свободы манёвра, который был необходим для боя в привычной для него технике. Кабрера же двигался по стропилам легко, почти не глядя под ноги и стремительно перескакивая на соседнюю балку, если это было необходимо.

Однако Хоку всё же удалось настичь его. В какой-то момент он сжал клинок Алонсо между гардой и лезвием кинжала и мечом. Алонсо с яростью вонзил крюк ему в руку выше локтя, и кованое остриё, прорвав кольчугу, засело в мышцах. Но боль только придала Хоку сил. Он с яростью вырвал меч из руки противника и бросил его вниз. Алонсо вырвал крюк из его руки и отступил. Хок рванулся к нему, намереваясь не дать воспользоваться освободившейся рукой для гравитационного удара, но тот стиснул кулак и резко выбросил его вперёд. В какой-то момент Хоку показалось, что он получил в грудь удар остриём оглобли. Его отбросило назад и спустя мгновение он уже летел вниз на камни, понимая, что шанса выжить у него нет.

Ужас пронзил его сознание, и в следующий момент ему стало трудно дышать. Горло сдавил ворот наглухо застёгнутого камзола, словно кто-то взял его за шиворот и потянул назад. А потом он понял, что его действительно тянут вверх за шкуру, как котёнка, и уже медленнее опускают вниз на камни, которые больше не предвещали ему смерти. Последнюю пару метров он снова пролетел стремительно и рухнул на кучу щебня, невольно застонав. Но дышать стало легче, на шею больше ничто не давило. Он перевернулся на спину и посмотрел

вверх, туда, где темнели чёрные балки стропил, и с ужасом подумал, что бы с ним стало, если б его не удержали от этого падения. И только после этого он, наконец, сообразил, что его всё-таки удержали.

Он осмотрелся. Рядом никого не было, и только наверху медленно закручивалось смерчем небольшое чёрное облачко, которое тонким веретеном поднималось всё выше.

Кабрера стоял на стропилах, с жадным любопытством глядя вниз, и предчувствуя удовольствие от того, что сможет сделать с трупом ненавистного врага. Но там ничего не было. Внизу вместо замусоренного зала старой башни клубилась чёрная мгла, в которой изредка вспыхивали кровавые сполохи. Алонсо нахмурился и мотнул головой, решив, что у него просто темнеет в глазах, а потом увидел струящийся из этой тьмы чёрный дымок. Тот поднимался всё выше и вскоре уже достиг стропил, завис над ними в десятке метров от него и сооткался в высокую тёмную фигуру, в которой постепенно проступил серебристый блеск лат. Следом проявились черты бледного лица и ярко сверкнули зелёные глаза.

— Это ты что ли собираешься стать властелином этого мира, червь? — презрительно кривя рот, спросил незнакомец. — Жалкое подобие гиены... Сражаться со смертными с помощью сверхъестественной силы — не велика доблесть. Скорее, это обман. А ты попробуй сразиться со мной!

Кабрера испуганно отступил. Ему казалось, что он видит страшный сон и единственное, чего ему хотелось, это сбежать. Он повернулся к дверному проёму, но не двинулся с места, увидев, как со звонким щёлканьем смыкаются друг с другом каменные блоки, закрывая ему путь к отступлению. Он снова взглянул на тёмного незнакомца и затравленно оскалился, а потом с яростью выбросил вперёд левую руку.

— Что это было? — не шелохнувшись, спросил незнакомец. — Это всё, на что ты способен? Тогда не имеет смысла тратить на тебя время. Я не стану тебя убивать. Я заберу тебя туда, где тебе самое место. Узнаёшь?

В тот же миг всё вокруг потемнело, стало очень жарко. Они стояли друг против друга на узком каменном мосту, подвешенном во тьме, в которой уже явственно вспыхивали тревожные алые зарницы, и каждая из них обдавала Алонсо нестерпимым жаром. Внизу под мостом текла широкая раскалённая река кипящей лавы.

— Это ад, — тихим вкрадчивым голосом объяснил незнакомец, — то самое пекло, куда отправляются чёрные души очень плохих людей. Ты ведь плохой, Алонсо Кабрера, не так ли? Ты знал, что попадёшь в ад после смерти, но ты надеялся обмануть смерть, ведь ты считал себя бессмертным. Но бессмертие ещё нужно заслужить, нужно, чтоб жизнь признала тебя полезным. А разве ты полезен для жизни, если походя сеешь вокруг себя смерть? Ты сам привлёк её к себе, она кружила вокруг тебя, собирая кровавую дань, но видишь ли, нельзя кормить этого зверя, не рискуя однажды оказаться в его когтях. Я пришёл за тобой. Пекло ждёт тебя!

Алонсо с ужасом слушал его и, когда тот закончил свою страшную речь, задрожал и отчаянно замотал головой.

— Это неправда, я не могу остаться здесь! — бормотал он. — Нельзя попасть в ад, если ты жив! А я жив! Хок не убил меня. На моём теле нет смертельных ран. С чего бы мне умирать?

— Нет ран? — переспросил незнакомец и холодно усмехнулся. — Не проблема!

Он поднял над головой руки и в них появился длинный меч, такой чёрный, что, казалось, он излучает темноту. И в тот же миг за его плечами возникли огромные чёрные

крылья. Наконец, Алонсо понял, кто перед ним. Издав истошный вопль, он повернулся и бросился прочь, но оступился на узком мосту и сорвался вниз, туда, где клочкотала огненная лава.

Джулиан МакЛарен стоял на стропилах старой башни и задумчиво смотрел вниз, туда, где лежал на камнях Алонсо Кабрера. Ему не нужно было спускаться, чтоб понять, что тот мёртв. Мрачно усмехнувшись, он произнёс:

— Ты знаешь, куда попадёшь.

Хок услышал сверху крик и невольно содрогнулся, столько ужаса и отчаяния прозвучало в нём, а потом увидел летящего вниз Кабреру. Тот рухнул на камни и крик оборвался. Потом он увидел, как со стропил соскользнула крылатая тёмная тень и по спирали заскользила вниз. К тому времени, как Джулиан ступил на землю, Хок уже узнал его и приподнялся.

— Это ты скинул его вниз? — резко спросил он.

— Нет, я даже не прикасался к нему, — пожал плечами МакЛарен.

— Как будто тебе нужно к кому-то прикасаться, чтоб отправить на тот свет.

— Эй! — нахмурился Джулиан. — Ты же знаешь, что некоторыми навыками я не злоупотребляю. К тому же хочу напомнить, что это ты, как последний дурак, дрался с ним, балансируя на этих балках, и, я уверен, не за тем, чтоб поймать его и отшлёпать.

— Тоже верно, — проворчал Хок и, приподнявшись, сел и осмотрел рану на руке. — Ты мне поможешь?

— Почему бы и нет.

Джулиан откинул назад тёмный плащ и снял с пояса обычную стандартную аптечку.

— А ты не можешь сделать это проще? Например, применив свой дар исцеления, — спросил Хок, поморщившись.

— Могу, но не стану. Я хочу, чтоб ты чувствовал боль, и она напоминала тебе о том, что ты уже третий раз получил кирпичом по голове, после того, как не подействовали пинки. В первый раз тебя спас де Сегюр, во второй — Киса и Бетти, а в третий пришлось вмешаться мне. Но ты продолжаешь с ослиным упрямством гнуть свою линию и снова прёшься в сторону, противоположную той, куда тебя усиленно направляют. Четвёртый раз может оказаться последним.

— О чём ты говоришь?

— О том, что тебя постоянно наводят на мысль, что пора заканчивать с бродяжничеством, пришло время вернуться к баркентине.

— Ты же сам уговаривал меня идти в этот мир! — возмущённо воскликнул Хок.

— Что-то изменилось... Теперь всё иначе, — хмуро ответил Джулиан, доставая из аптечки стерильный пакет с инструментами.

— Что изменилось?

— Не знаю, но в какой-то момент я понял, что игра начинает сворачиваться, все действующие лица выходят на свои конечные уровни. А оттуда два пути: либо домой, либо в могилу.

— Звучит мрачно.

— Мне самому это не нравится, но Кабрера уже получил, что заслужил. Ты предложил ему последний шанс спасти его никчёмную жизнь, он с презрением его отверг и окончил игру по законам жанра. В финале хорошего боевика злодеи всегда погибают. Я всё это к тому, что теперь этот мир начинает отсеивать чужаков, и нам нужно как можно скорее собрать своих возле баркентин. Возможно, скоро у нас будет возможность улететь. Я не

знаю как, но чувствую, что всем пора возвращаться.

— Тогда я тем более должен идти в луар! — воскликнул Хок.

— Возвращайся в расположение звездолёта! — прорычал Джулиан. — У меня достаточно дел и без того, чтоб следить за тобой и вытаскивать из неприятностей! Ты получил уже три предупреждения и каждый раз они выглядели всё опаснее. Остальные тоже получают сигналы, их тоже, как и тебя, будут убеждать вернуться, приводя всё более жёсткие аргументы в доказательство того, что это не их мир и пора возвращаться домой.

— А если это тоже будут не пинки, а кирпичи на голову? — мрачно уточнил Хок.

— Они должны сами принять решение, — пробормотал Джулиан, вскрывая пакет. — И если они его примут, им удастся вернуться. Если нет, то им уже ничто не поможет.

— Ну, ты, по крайней мере, за ними присмотришь?

— А что, по-твоему, я имел в виду, говоря, что у меня достаточно дел и без того, чтоб пасти тебя? — помолчав какое-то время, Джулиан покачал головой. — Случилось то, чего я опасался: этот мир затянул их слишком глубоко. И понадобится сильная встряска, чтоб они поняли, что пора заканчивать со всем этим. Это не просто игра, не развлекательный квест по выходным. Этот опасный мир каждый день ужесточает свои условия и ставит перед каждым всё новые вопросы, слишком серьёзные, чтоб можно было от них отмахнуться. И только правильный ответ поможет выйти из игры и вернуться домой. Считай, что свою партию ты отыграл. Ты выполнил своё предназначение и закончил все свои поединки если не победой, то ничьей. Не нужно и дальше испытывать судьбу.

— Да понял я... — проворчал Хок. — Надеюсь, ты поможешь мне снять нагрудник и кольчугу. У меня рука занемела. Боюсь, что этот мерзавец смазывал свой крюк какой-нибудь дрянью, как колья и гвозди в ловушках.

— Вряд ли всё так плохо, просто он его не стерилизовал, — усмехнулся Джулиан. — И потому я сделаю тебе полный набор инъекций, рекомендованный в подобных случаях.

— Признайся, ты жалеешь, что у тебя есть инъектор, — съехидничал Хок, — потому что в ином случае ты исколол бы мне иглами все руки.

— И не только руки, — рассмеялся Джулиан.

К вечеру этого дня Хок вернулся в деревню и к всеобщей радости торжественно вручил Леану две деревянные маски, связанные тесёмкой. Староста уговорил его задержаться в деревне и передохнуть после битвы с чудовищем, тем более что светлого времени оставалось одна ночь да полдня, а путь ему предстоял неблизкий. Конечно Леану и его односельчанам было интересно узнать, как их рыцарь победил «двуличного». После ужина жители деревни снова собрались в доме старосты, и Хок подробно рассказал им всё, как было, умолчав, правда, о том, как сверзья со стропил, его подхватил ангел Тьмы и деликатно опустил на землю, а потом поднялся к злодею и уговорил его сигануть следом за поверженной жертвой. Вместо этого он честно сказал, что в какой-то момент разбойник сорвался вниз и разбился о камни, обильно покрывавшие пол башни.

В тот же вечер селяне, наконец, выпустили свой скот на луга, и Хок, стоя рядом со старостой, смотрел, как радостно прыгают, очутившись на воле, козы, овцы и даже коровы.

Жизнь в деревне постепенно налаживалась, и Хок наблюдал за этим с радостью. К тому же он чувствовал облегчение от того, что его странствия заканчиваются и очень скоро он снова вернётся к спокойной и размеренной жизни. Его самого немного удивляло то, что после разговора с Джулианом у него начисто пропало желание ехать куда-нибудь, кроме баркентины.

Ближайшим светлым утром он попрощался со своими новыми друзьями. От вознаграждения за свою услугу в виде горшка с серебром он отказался, заявив, что это плата деревне за постой. Леан, увидев такое великодушие, даже растрогался и тайком вытер блеснувшую в уголке глаза слезу.

Хока снова провожали всем миром, дарили ему на прощание вышитые рубахи, пояса с филигранными пряжками и добротные кожаные подсумки с красивым тиснёным узором, женщины принесли ему свежий хлеб, сыр и вяленое мясо, и отказаться от этих даров было невозможно. Потому за воротами он сел на коня, к седлу которого были приторочены мешки с подарками. Он махнул рукой селянам и пообещал заехать как-нибудь в гости, но уже точно знал, что не сможет сдержать это обещание, а затем отправился шагом вслед за двумя крепкими парнями, которые должны были провести его через лес к началу дороги, ведущей обратно в Магдебург.

Он плыл по волнам тихого мелодичного звука, протекавшего сквозь его душу, как вода горного ручья протекает сквозь покорно извивающиеся заросли водорослей. Он не чувствовал своего тела, ему казалось, что он невесом и прозрачен, и неподвижно висит в прохладной пустоте между землёй и небом, и нежная, приятно щекочущая энергия протекает сквозь него сверху вниз и снизу вверх по широкому каналу там, где когда-то был позвоночник. В тихом восторге от этого блаженного состояния, он понимал, что погрузился в нирвану по самую макушку, но думать об этом не хотелось, и он продолжал медленно плыть по волнам волшебного голоса, выводящего затейливую и в то же время простую мелодию, повторяя раз за разом одну и ту же мантру очищения. Он готов был оставаться в этом состоянии сколько угодно, чувствуя его благотворное действие, но совершенно не задумываясь о его целях и последствиях.

— Парни, есть дело! — услышал он рядом возбуждённый звонкий голос.

Волшебный звук дрогнул, сбился и до ушей донеслось недовольное:

— Чёрт! Фарок! Нельзя же так прерывать трансцендентальную медитацию.

— Ладно, я чёрт, я прервал самым грубым образом ваш транс, и можете меня побить за это. Но то, с чем я пришёл, действительно, важно. Юшенг! Эй, ты живой?

Кто-то толкнул его в плечо, окончательно вырывая из глубокого погружения в изменённое состояние, и он снова ощутил себя сидящим на траве в позе лотоса, и затёкшие ноги, и влажные от росы кисти рук и лицо. Он открыл глаза, уже слыша вокруг и внизу, под холмом сердитые голоса остальных мужчин и женщин, вот уже неделю собиравшихся здесь, чтоб присоединиться к медитации под мантры, которые проникновенно пел Антон, выводя их ровно сто шесть раз. Юшенгу было интересно, как он их считает, находясь в состоянии транса, но он никак не мог заставить себя отвлечься и открыть глаза, чтоб посмотреть.

На сей раз, он открыл их и успел увидеть, как Антон сунул в карман длинные чётки, собранное из блестящих яшмовых бусин, похожих на ягоды вишни, наверняка сделанные из ожерелья какой-нибудь влюблённой в него девицы. Они б ему не только бусы за его песни и карие глаза подарили.

Тёмные эльфы обоих полов разочарованно поглядывали на Антона и поднимались с ещё влажной от утренней росы травы. Станный ритуал, привнесённый в их жизнь двумя чужестранцами, очень им нравился, потому что позволял прикоснуться к собственным душам и на целый день наполнял покоем и тихим счастьем, сохранить которое в этом уютном изолированном мирке маленького ормийского поселения было не так уж сложно.

Ворча что-то в адрес Фарока, испортившего то, что они называли тихим молением, они благосклонно кивали Антону и по едва заметной тропе друг за другом уходили обратно в город, чтоб заняться своими делами.

— Не понимаю, как можно сидеть тут в сырости, на ветру, да ещё в такой неудобной позе и часами выть одни и те же странные слова, которые, я уверен, тебе самому не совсем понятны! — возмутился Фарок и, конечно, не испытывал при этом ни малейшего раскаяния.

— Если ты, действительно, собираешься служить в земном космофлоте, то советую тебе уже сейчас начинать с уважением относиться к тем, кто занимается духовными практиками, — проворчал Антон, у которого был слегка ошалевший вид после того, как его так безжалостно вышибли из транса.

— Ладно, проехали, — вздохнул Юшенг, с наслаждением распрямляя и вытягивая ноги. — Что случилось?

— Убит Тамур Салфар! — заявил Фарок и сел рядом с друзьями на траву, в то время как они резко обернулись к нему и даже подались навстречу, явно встревоженные услышанным.

— Так же, как Салан Хареб и Хумаб Заран? — уточнил Юшенг.

— Точно, — подтвердил Фарок. — Я видел труп. Он похож на головёшку из очага, а одежда почти не тронута огнём. Уже трое! Мы так и будем делать вид, что ничего не происходит?

— Старик запретил кому-либо лезть в эти дела, — нервно напомнил Антон.

— погоди, — остановил его Юшенг и прилёг на траву, растягивая затекшие суставы. — Фарок наверняка карабкался на гору не только для того, чтоб сообщить нам о третьем убийстве. Он узнал ещё что-то, верно, брат? Авсур поручил это дело Сёрмону, и они часто не замечают, что ты рядом во время их тайных бесед. Ты что-то услышал?

— Да, об этом я и пытаюсь сказать! — нетерпеливо проговорил Фарок. — Увидев труп Тамура, старик расвирепел.

— Как это выглядело? — усмехнулся Юшенг.

— Ну, желваки по скулам, брови сдвинуты, голос, как вода в горном ручье, ледяной и звонкий, — Фарок пожал плечами. — Я его хорошо знаю, для него — это крайние проявления ярости. Он велел позвать Сёрмона и спросил, собирается ли тот выполнить свои обязанности и оградить колонию от этих неприятностей. Сёрмон прямо угрём извивался, убеждая старика, что делает всё, что нужно. Ясно было, что что-то не договаривает, и Авсур это понял. И сказал всего два слова: «Давай по существу!» На вашем языке, представляешь?

— Да, это о многом говорит, — с серьёзным видом кивнул Юшенг.

— Ничего смешного! — неожиданно обиделся Фарок. — Сёрмон сразу слегка сник, а потом прямо сказал, что расследование идёт, но не так, чтоб очень. Все три жертвы, как он выяснил, были из клана воинов Алого пламени. Это очень древнее сообщество на Орме, оно тайное, поклоняется огненным богам и периодически устраивает всем подряд огненный террор, потому их уничтожают. Последние века о них уже мало кто слышал, но Тамур как раз из них. Сёрмон выяснил, что он нантербовал себе сторонников, и они проводили моления где-то в горах вокруг большого костра.

— Террор замыслили? — уточнил Антон.

— Не думаю. Тамур просто выделиться хотел, надеялся, что сумеет при определённом количестве сторонников протащить свой культ, как основной. Ты же знаешь, что у нас тут разные конфессии собрались, кто поклоняется горным духам, кто всаднику озёрных глубин, кто великому и изначальному. Но религия — это мощная объединяющая сила. Старика на разные веры наплевать, он сам не поймешь, во что верит, а вот Сёрмон за этим делом присматривает, чтоб тут не сформировалось какое-то единое ядро, способное стать оппозицией Авсуру. Но рано или поздно может сложиться ситуация, когда всё-таки придётся выбрать одну религию для всех. И тот, кто будет стоять во главе этой религии, займёт место на вершине иерархической лестницы рядом со стариком и Сёрмоном.

— И тобой.

— Не припутывай меня сюда, ладно? — поморщился Фарок. — Я верю в современные технологии, что в данной реальности ещё более странно, чем мужик на большой рыбе, управляющий озёрами в горах, или тётка с огненной причёской и соломенными вениками в каждой из пятнадцати рук. Потому я всё равно останусь где-то на обочине этого светлого

пути. Но мы отвлеклись! Так вот, оказалось, что Сёрмон давно за этой огненной шайкой наблюдает, но только после гибели Тамура он увязал эти убийства с огнепоклонниками, потому что все трое были из этой компании. Понимаешь?

— Подожди, они поклонялись огню и от огня погибли? — уточнил Антон.

— Да, но дело не в этом. Связь есть, но она лежит совсем в другой плоскости. Старик призвал к себе Фамат, жену Хареба и расспросил её о делах мужа. Она была очень напугана, но скрывать от него правду не посмела. Она сказала, что бывала на молениях, и хотя сама поклоняется бубенчикам на рогах солнечной лани, сходила как-то с мужем на их огненные моления. Ей там было страшно, и он больше её не заставлял. А потом вдруг и сам перестал ходить на моления. Он сказал ей, что там происходит что-то странное. По ночам ему стали сниться кошмары, он боялся выходить из дома в тёмное время и покидать пределы города, но когда наступила его очередь дежурить в охранном периметре, он должен был уйти на пост. Там его и нашли в виде остывшей головни.

Юшенг смотрел на Фарока, задумчиво щуря свои и без того узкие глаза.

— Что-то странное происходило на молениях, а потом трое из этих огнепоклонников сгорели... А что там происходило? Авсур допросил остальных?

— Вся их компания, как выяснилось, состояла из шести человек, включая жену Тамура. Авсур вызвал всех уцелевших. Они тоже были напуганы и даже не тем, что их тайное сообщество раскрыто, хотя и за это им грозит наказание. Двое заявили, что были там просто из любопытства, и когда на молении им явилась странная сущность, сбежали и больше не возвращались. Задобад Салфар знала больше. Она была вынуждена остаться с мужем. Так вот, она сказала, что во время моления костёр, вокруг которого они пели гимны, ярко вспыхнул, и из пламени вышла тёмная фигура в чёрном балахоне и мёртвым голосом... — это её слова! — мёртвым голосом велела повиноваться и выполнять все приказы властелина под страхом огненной смерти. И тут же продемонстрировала, что это такое, на Хумабе Заране. А они уже потом сами принесли его обгоревший труп в селение, чтоб скрыть свои делишки. После этого рядовые члены братства отказались приходить на моления, тем более что вскоре так же погиб Хареб. Только Тамур и она пошли туда снова, и снова явилось это нечто и было очень разочаровано, что их только двое, но опять потребовало подчинения. Тамур спросил, кто оно, и получил ответ, что оно — это посредник, голос властелина, который за огненной пеленой. Тамур продолжал выспрашивать его, задавал вопросы из своего учения, но потом заявил, что оно и его властелин не имеет никакого отношения к его вере и отказался повиноваться. Это нечто разбушевалось, устроило настоящий погром в их импровизированном святилище, а Тамур с женой под шумок смылись. Однако огненное возмездие настигло его и здесь. Сегодня его нашли у нижнего водопада, по пути с мельницы. Мешок с мукой лежал рядом нетронутый.

Юшенг задумчиво потёр подбородок и перевёл взгляд на сильно встревоженного Антона.

— Значит, тут замешана магия...

— Для того чтоб это понять не нужно быть инспектором, — проворчал Фарок. — Старик у нас не дурак. Он приказал Сёрмону изолировать оставшихся в живых огнепоклонников, и днём и ночью не сводить с них глаз, чтоб не упустить момент нападения, если таковое последует. Мне показалось, что его всё это очень встревожило.

— Это понятно, — пожал плечами Антон. — Он отвечает здесь за всех. Но что мы можем сделать?

Он вопросительно взглянул на Юшенга.

— По меньшей мере, профессионально расследовать это дело! — воскликнул Фарок. — Я учился в полицейской академии, а Юшенг — инспектор.

— Расследовать? — переспросил Антон. — Это тёмная магия! У вас в академии был такой предмет?

— У нас был, — проговорил Юшенг. — Я согласен с Фароком. Сёрмон — хитрая бестия, но он не профессионал. Вопрос в том, должны ли мы действовать на свой страх и риск или предложить свою помощь Авсуру?

— Он запретит нам вмешиваться, — тут же возразил Фарок. — Он уже сказал это и не изменит своего решения. Он поручил это Сёрмону. У того в руках все нити: шпионы, магия и знания древних культов. Но он не сыщик. Мы предоставим ему действовать своими методами, а сами будем действовать своими.

— Например? — мрачно уточнил Антон.

— Мы обследуем место, где произошло явление этого призрака, осмотрим тело Тамура, — пояснил Юшенг.

— Его уже сожгли по приказу Авсура, — сообщил Фарок. — Но я знаю, где они молились. Помнишь развалины сторожевой башни в горах, там, где мы почти настигли белого оленя?

— Которого ты намеренно спугнул в последний момент и не дал Сёрмону выстрелить? — усмехнулся Юшенг. — Ещё бы! Я отлично запомнил это место, на случай, если он тебя там и закопает.

— Обошлось, — наконец, улыбнулся Фарок и обернулся к Антону. — Тебе не обязательно с нами идти. Это может быть опасно, а я обещал вашему командиру позаботиться о тебе.

— Вот там и позаботишься, — пробормотал Антон, и глубоко вздохнул, набираясь решимости. — Я пойду с вами.

— Ладно, — кивнул Юшенг. — Нас с Антоном вряд ли хватятся, мы сегодня свободны и часто уходим в горы. А ты отпросись у старика, чтоб он не беспокоился. Встречаемся после обеда в ущелье за Синим камнем. Возьмите своих кошек. Нам нужно будет обернуться до вечера, а путь неблизкий.

Путь по горам занял чуть больше часа, но это лишь потому, что их верховые пантеры быстро неслись по крутым тропам и часто срезали путь, ловко карабкаясь по уступам почти отвесных скал. Раньше Антону и в голову не могло прийти, что можно удержаться на спине какого-нибудь снежного барса, прыгающего по скалам, но удобные сёдла необычной конструкции, хорошая спортивная подготовка и некоторая практика уже научили его крепко держаться на спине его Мурки, когда она бежала по горам, самостоятельно выбирая путь, либо следуя за массивным Ю Ланем Юшенга или ловким и немного агрессивным Орзуном Фарока. В этот раз впереди бежал Ю Лань, и под его мощными лапами скрипели камни, отлетая назад, а следующий за ним Орзун недовольно ворчал, когда какой-нибудь булыжник прилетал в его разбойничью морду. Мурка, как всякая разумная женщина, следовала за вожакom на некотором расстоянии, доверяя ему выбирать наиболее удобный путь и не подставляя своё полосатое личико под град каменных осколков.

Уже на исходе первого часа пути кошки замедлились, и стали тяжело дышать открытыми ртами. Быстрым шагом они могли проходить многие километры без усталости, но

бежать слишком долго им было тяжело, и потому Юшенг начал успокаивающе почёсывать загривок Ю Ланя, поощряя его желание выбирать более пологие тропы, даже если ради этого приходилось пройти лишние сто метров.

Наконец они спустились в небольшое ущелье, над которым на вершине горы когда-то вздымалась сторожевая башня. Её стены были частично обрушены, а частично оплыли, утратив прежние стройные очертания, и уже сложно было понять, что она представляла собой в прошлом. Однако Юшенг и Фарок ещё помнили, как она выглядела пару месяцев назад, но теперь над ними в туманной синеве возвышалось что-то совсем другое.

— Ты уверен, что это то место? — спросил Фарок, с сомнением глядя наверх. — Там же была башня, а тут какие-то столбы. Как можно обрушить башню так, чтоб остались столбы?

— Я полагаю, с помощью магии, — ответил Юшенг и спрыгнул на землю, отпуская поводья.

Ю Лань тут же мотнул огромной головой и с удовольствием потянулся, вытянув передние лапы с большими острыми когтями. После этого он деловито направился в сторону низкого кустарника, за ним ушли и Орзун с Муркой. Ручные пантеры не то что не нуждались в привязи, они её не выносили, и потому наездники всегда отпускали их побродить и поваляться на траве, не сомневаясь, что их верховые хищники примчатся по первому зову.

Отпустив кошек, молодые люди начали подниматься по едва приметной тропе наверх туда, где стояло странное сооружение. Поднявшись выше, они убедились, что то, что снизу казалось столбами — это остатки каменных стен, сложенных из валунов, но остатки странные, словно кто-то специально вырезал их таким образом, что получились ровные вертикальные полосы, на которые опирались широкие круглые площадки, связанные между собой винтовой лестницей, словно висевшей в воздухе. При этом площадки были раздвинуты таким образом, что не нависали друг над другом, и над каждой из них было открытое небо.

Добравшись до подножья башни, они остановились, с недоумением глядя на получившееся сооружение. Оно больше не выглядело, как развалины, напротив, казалось, что именно так оно и было построено с тем, чтоб по этим извивающимся крепким лестницам подниматься всё выше.

— Лестница, кстати, была почти разрушена, — заметил Фарок, глядя вверх, туда, где на нижней площадке громоздились каменные блоки, сложенные в нечто вроде лабиринта, а у самого края росло изогнутое чахлое деревце, корни которого свисали за её пределы.

— Там на стенах какие-то знаки, — заметил Антон, вглядевшись во внешние перегородки лабиринта. — Идём?

Страх боролся в нём с любопытством и всё же проиграл неравный бой. Он быстро взбежал по ступеням, за ним следовали его друзья. Остановившись перед стеной, они какое-то время смотрели на странные символы, нацарапанные на камнях.

— Кто-нибудь знает, что это за язык? — спросил Юшенг.

— Что-то похожее я встречал на Алкоре, — нерешительно произнёс Фарок. — В старых замках иногда прямо в стены вмонтированы древние плиты с охранительными заклетьями. Хотя я не могу с уверенностью утверждать, что это именно то, что я видел, — он вопросительно взглянул на Антона, но тот только покачал головой и пошёл к лестнице, чтоб подняться выше.

На второй площадке они увидели три пирамидки, сложенные из камней и разросшийся по краю кустарник, а на третьей — круг из каменных столбов, в центре которого массивными продолговатыми плитами было огорожено широкое кострище. В нём всё ещё

подёрнутые пеплом лежали обугленные стволы кривых болезненных деревьев, срубленных где-то на вершинах гор. На столбах были нацарапаны такие же знаки, и пока Юшенг, перебравшись через блоки, искал что-то в углях и пепле, Фарок и Антон изучали эти надписи.

— Ничего, — сообщил Юшенг, закончив изучение кострища. — Кроме этого.

Он показал странный изогнутый предмет, покрытый сажей. Взяв его в руки, Фарок кивнул.

— Это скоба, которой на Орме скрепляются ременные ленты для ритуальных вязанок. Хворост стягивают ремнями, поливают ароматическими маслами, соответствующими божеству, и кидают в его стихию — воду, огонь, яму в земле или в воздух со скалы в пропасть. Это, скорее всего, было подношение огню от Тамура и его приятелей.

— Значит, ошибки нет, это здесь, — Юшенг задумчиво осмотрелся. — Но ты сказал, что видел такие знаки на Алкоре. Точно не на Орме?

— Я не уверен. На Орме я мало что видел до того, как меня увезли оттуда, но на Алкоре мне пришлось много путешествовать. Точно скажу одно, таких знаков в нашем маленьком горном храме не было.

— Это, действительно, больше похоже на алкорскую письменность, — заметил Антон. — Некоторые знаки соответствуют буквам современного алфавита.

— Да, похоже... — Юшенг нерешительно осмотрелся. — Странно, как тут всё изменилось. Раньше невозможно было подняться даже на второй этаж, а третий, если он когда-то и был, не сохранился, а теперь... Словно кто-то разобрал башню и сложил это. И главное, зачем?

— В ритуальных целях, я думаю, — ответил Антон. — Кто-то подготовил тут святилище...

— Скорее уж, темнилище, — невесело пошутил Фарок и обернулся, вглядываясь в заросли на склоне горы. — Мне показалось, или это рычание кошки?

— Может, это Ю Лань? — пожал плечами Юшенг.

— Подождите, я уверен, что это не наша кошка. Я даже знаю, какая так раскатисто рычит, — он подошёл к краю площадки и тут же отпрянул назад. — Мы влипли, ребята! Это старик с Сёрмоном!

И действительно из зарослей вышли две большие пантеры, в сёдлах которых покачивались Авсур и Сёрмон. Они спешили и, отпустив своих зверей, направились к башне.

— Без паники, — проговорил Юшенг. — Спускаемся на этаж ниже и прячемся в кустарнике на краю площадки. Когда они поднимутся сюда, мы спустимся и, может, успеем незамеченными добраться до подлеса.

Они быстро сбежали вниз и, путаясь в густых колючих ветвях, забрались в самую гущу кустарника, росшего между двумя пирамидами. Они успели как раз вовремя, потому что внизу уже слышались голоса. Причём один из них, принадлежащий Сёрмону, звучал обиженно.

— Конечно, ты не доверяешь мне, Рен! Иначе бы не скрывал от меня, как тебе удалось вывести силу Проклятого вовне и использовать её так эффективно. Мы же с тобой старые друзья, братья по несчастью. Я точно так же ношу в себе это зло и так же имею право получать от этого хоть какую-то выгоду. Но ты не говоришь мне, как добился этого!

В небе с клёкотом пронеслась большая тёмная птица и, спустившись вниз, привычно

уселась на плечо Авсура. Тот, взглянув на неё, пощёлкал языком и птица, красивый чёрный филин с огненно рыжими подпалинами закрыла бездонные зелёные глаза и ласково потёрлась клювом о его висок.

— Он тоже носит в себе Проклятого, но не закатывает детские истерики по поводу того, что его не научили швыряться огнём, — заметил Авсур. — Тебе что, мало своей магии?

— Это не то, — раздражённо воскликнул Сёрмон, поправляя на перевязи меч Канторов, недавно похищенный у альдора Синего Грифона. — Твоя магия куда сильнее. Я со своими заклинаниями и снадобьями чувствую себя беззащитным в этом мире, а ты можешь сокрушать армии...

— Не прибедняйся, Норан, — перебил его Авсур. — И не ной. Я вовсе не хочу, чтоб ты крушил армии. Занимайся своим делом. Кстати, когда ты избавишь меня от этого надоедливого насекомого, барона Турлана? Мало того, что он пасёт свой скот на наших лугах и смеет охотиться в наших лесах, так теперь ещё собирается устраивать на нас облавы. Я слышал, что он хочет объявить награду за голову тёмного эльфа.

— Уже объявил, — усмехнулся Сёрмон, улыбнувшись с довольным видом. — Кое-кто даже клюнул на это, но несколько голов на пиках возле ворот его замка слегка поубавили пыл этих ловцов. Мы сорвали им уже две охоты, стреляя в загонщиков и нападая на отбившихся от отряда охотников. Это тоже возымело действие, соседи больше не откликаются на его приглашения поохотиться у нас. Ну, и его стада сильно поубавились...

— Это всё ерунда, — перебил Авсур. — Мы лишь обороняемся и совершаем робкие вылазки. Эта тактика была уместна, когда мимо наших владений шло войско короля Ричарда, но не здесь, где нам противостоит один зазнавшийся мракобес! Мы можем утвердиться на своих землях, только нанося врагам мощные и решительные удары в самое сердце. Или в голову, то есть в самого Турлана. Почему он всё ещё жив?

Сёрмон вздохнул.

— Я не могу до него добраться, Рен.

— Ты шутишь? — Авсур удивлённо вздёрнул бровь.

— Ничего подобного. Он сидит за стенами своего укрепленного замка, набрал небольшую, но хорошо обученную армию. Никуда не выезжает без охраны и всегда закован в броню, так что даже носа его не видно. Понимаешь? Мы не можем его застрелить или убить кинжалом. Мы пытались прощупать контакты в замке, на кухне или среди личных слуг. Как ни странно, но они преданны ему. Короче, мне нужно ещё немного времени, чтоб подобраться ближе.

— А твоя знаменитая магия?

— Моя магия? — снова обиделся Сёрмон. — Почему бы тебе самому как-нибудь не выехать ему навстречу и не взмахнуть рукой, чтоб уничтожить это, как ты говоришь, надоедливое насекомое вместе с охраной? Может, у тебя получится?

— Что ты имеешь в виду? — нахмурился Авсур.

— Он защищён охранительными чарами, — сообщил Сёрмон. — Понимаешь? Что-то вроде рикошета. Я насылаю на него проклятие, и оно тут же возвращается ко мне, только я при этом становлюсь его целью. То же с заклятием смерти. Хорошо ещё, что узнав о его похвальбе, что он прикупил действенную магическую защиту, я не стал заниматься этим сам, а поручил одному колдуну, у которого был передо мной должок, — Сёрмон поморщился. — Бедняга умирал мучительно и выглядел при этом просто жутко.

— Короче, — Авсур придвинулся ближе к своему старому другу и, глядя ему в глаза,

произнёс: — Мне абсолютно наплевать, как ты это сделаешь, но убери его с моей дороги. Ты меня понял?

— Понял, — Сёрмон положил ладонь ему на грудь и мягко отодвинул от себя. — Но если б ты поделился своим секретом, мне было б легче.

— А мне — нет, — отрезал Авсур и, обернувшись, посмотрел на возвышавшееся над ними странное сооружение. — Тебе это ничего не напоминает?

— Имеешь в виду капище на Бронзилопе? — уточнил Сёрмон, взглянув на башню. — Что-то есть, но не думаю, что у нас завелись мыслящие пауки. Я б знал. Скорее это Ротамон.

— Опять Ротамон? — проворчал Авсур, направляясь к лестнице. — Почему ты никак не можешь разобраться с этим колдуном, который рыщет вокруг, всё ближе подбираясь к нам?

— Раньше он нас не трогал. Помнишь, как говорил Крис Джордан: живи и дай жить другим. Но сейчас он, похоже, собирается проверить на прочность нас. Много совпадает. Для острастки он обычно как раз сжигает кого ни попадя. Спонтанное самовозгорание, классический случай. Такое, конечно, случается в жизни, но не так чтоб настолько часто. А тут три случая за короткий промежуток времени...

— Я не сомневаюсь, что это не несчастные случаи, Норан, — проворчал Авсур, остановившись перед стеной со странными надписями.

— Я это к тому, Рен, что он, судя по всему, владеет магией огня. А наши недоумки устраивали здесь моления этому самому огню и стали для него лёгкой добычей. Правда, он надеялся произвести на них впечатление и подчинить. Ну, знаешь ведь, тут все дикие, суеверные, и вдруг из огня посреди гимна что-то вываливается и требует: «Поклоняйся мне!» — Сёрмон произнёс последнюю фразу каким-то шипящим рычанием и тут же невольно закашлялся. Авсур мрачно взглянул на него. — Короче, Рен, он не учёл, что Тамур был бортинженером на звёздном крейсере, и всё это огнепоклонство было для него традицией предков, но не более того. Он его не убедил, а остальных просто напугал.

— Он убивает наших людей, — напомнил Авсур. — Нас итак мало.

— Он делает это, чтоб запугать нас, уверяю, — Сёрмон наконец взглянул на стену и его и без того огромные зелёные глаза изумлённо расширились. — А вот это уже интересно!

— Ты знаешь, что это?

— Да, теперь я много чего знаю! — Сёрмон торжественно постучал пальцем по стене. — Это начальные строки гимна Тому, кто за гранью. Это сложно объяснить. В общем, на Алкоре есть некий тайный культ. Этим занимаются такие скучающие мерзавцы, как мой отец, давно пресытившиеся обычными зверствами и извращениями. Они поклоняются некой сущности, живущей в некоем измерении, которое всегда рядом с нашим, но всегда закрыто для нас. То есть кто-то всегда за ближайшей стенкой, очень плохой и могущественный, который может передавать в наш мир силу, помогать в делах, но для этого он требует служения, которое состоит в том, чтоб совершать как можно больше злодейств.

— Что за бред? — уточнил Авсур недоверчиво.

— Я утрирую, но они именно так всё это и понимают. Это просто отголоски старого запрещённого культа, перекроенного на свой лад вечно укуренными и пьяными аристократами с прогнившей кровью. Но это, — он снова постучал пальцем по стене, — не отголоски. Это тот самый культ. Где-то в космосе существует колония адептов Того, кто за гранью. Им известны его имена, но я не посвящён и ничего не знаю. Они поклоняются ему, и всё время пытаются протянуть свои щупальца в иные миры, подчинить их своему тёмному божеству, понимаешь? Я знаю, что у них сложная иерархия, каждая ступень которой

обладает своим набором сокровенных знаний. Судя по этому гимну, мы имеем дело со средней ступенью.

— И что?

— Ничего слишком плохого, потому что это магия средней руки. От неё можно защититься даже амулетами, конечно, если это правильные амулеты. Хуже то, что эту тварь очень сложно уничтожить, а потому она навязчива. Она будет крутиться вокруг и строить козни, пока не получит по-настоящему достойный отпор. Но даже если её удастся отвадить, не факт, что через некоторое время она не вернётся обратно с новыми идеями и юношеским энтузиазмом. И если гибель Тамура и его огнепоклонников — дело рук Ротамона, и он взялся за нас, как до этого пытался портить кровь в луаре, Магдебурге и, по некоторым сведениям, в Сен-Марко, у нас появилась новая головная боль.

— Ты сказал: сложно уничтожить?

— Я так сказал. Он обладает защитой от человеческого потомства. Мы с тобой можем быть чем угодно, но поскольку мы родились от обычных людей, мы его убить не сможем. И, конечно, стрела, меч и яд против него бессильны. А огонь — это его стихия.

— То есть он будет убивать наших людей, требуя подчинения, а мы ничего не можем ему сделать? — мрачно уточнил Авсур.

— Я не сказал, что мы ничего не можем ему сделать. Я сказал, что мы не можем его убить. В луаре и Магдебурге с ним справились. В Сен-Марко, даже если он туда сунулся, сейчас его уже нет. Мы что, глупее землян и алкорцев?

— Давай, поройся в своих свитках, Норан, посоветуйся с нашими стариками, с колдунами в Магдебурге и луаре, и придумай, как нам избавиться от этой напасти. А пока...

— А пока нужно действовать по обстоятельствам, — пожал плечами Сёрмон. — Посмотрим, что наверху?

Они поднялись на второй этаж и остановились перед одной из трёх пирамид, сложенных из камней. Авсура эти странные сооружения не слишком заинтересовали, и он поднялся выше.

— Тут круг из колонн и в центре что-то вроде очага, — крикнул он оставшемуся на месте Сёрмону.

— Круг — это символ солнца, — не отрываясь от изучения пирамиды, ответил Сёрмон. — Символ огня. Там — святилище воинов Алого пламени. Его оставили для отвода глаз или для привлечения новых жертв. Символ Того, кто за гранью, — треугольник. Настоящее святилище здесь.

Услышав его, Авсур спустился вниз, и застал друга за тем, что тот ходил по площадке между пирамидами, вороша ногами камни и пыль.

— Видишь белые полосы? — проговорил Сёрмон. — Это круг, встроенный в треугольник, а в нём — знаки, похожие на те, что на стенах. Это — круг вызова. Треугольные кучи камней по трём сторонам — это источник энергии, что-то вроде принимающей и передающей антенны. Если б их не было, я бы подумал, что тут кто-то вызывает колдуна, но эти штуки говорят о том, что этот кто-то сам встаёт в круг и принимает энергию, которая концентрируется на пиках пирамид и сходится в центре круга.

— Что за энергия?

— Магическая, — Сёрмон выглядел озабоченным. — Это значит, что где-то есть очень сильный источник магической энергии, которая направляется сюда, и она служит источником силы для той твари, что явилась Тамуру и остальным. Понимаешь?

— Что? — Авсур задумчиво смотрел на проявляющийся под ногами Сёрмона круг.

— Эта сила не может исходить от колдуна. Он может управлять ею и делиться, но она приходит к нему из другого источника. И, возможно, этот источник поистине неисчерпаем.

— Это плохо?

— Очень. Если мы не найдём правильного выхода из создавшегося положения, нам грозит война на уничтожение.

— Но луар, Сен-Марко и Магдебург всё ещё стоят на месте. Или они там всё-таки умнее?

— У них есть армии колдунов, посвященных в древние знания, которые передаются из поколения в поколение. А у нас — только я, самоучка, заполучивший остатки библиотеки некоего захудалого колдовского ордена и с трудом разбирающий полустёршиеся надписи на выцветших страницах. Я многого не понимаю и экспериментирую на свой страх и риск. Если б не Проклятый, это давно бы закончилось для меня бесславной смертью. Я мало занимаюсь защитой от чужой магии, предпочитая узко и точно нацеленные проклятия, направленные на обычных смертных. Чисто утилитарный подход.

— Не оправдывайся, — отрезал Авсур. — Лучше скажи, что ты собираешься со всем этим делать?

— Пока не знаю. Нужно потянуть время, попытаться получить больше информации об этом колдуне, пообщаться с экспертами...

Неожиданно он взвизгнул и отскочил в сторону, после чего замахал руками, указывая Авсуре на землю под его ногами и отчаянно призывая поступить так же. Тот опустил взгляд и увидел, как проступающие сквозь каменную пыль и гальку прерывистые линии магического круга начали мерцать и дымиться, и не спеша отошёл в сторону, с интересом глядя в центр площадки между пирамидами. Круг с магическими знаками тем временем вспыхнул ещё ярче и в центре образовался широкий язык красного пламени, которое приобретало привычный рыжий оттенок, постепенно расширяясь и превращаясь в обычный костёр, а потом в его сердцевине проступили тёмные очертания фигуры в балахоне с накинутым на голову капюшоном. Через пару минут фигура уплотнилась до вполне материального состояния и степенно вышла из огня, который начал меркнуть у неё за спиной.

Подняв худые белые руки с длинными чёрными ногтями, похожими на когти, она сняла с головы капюшон и осмотрелась. Видимо, когда-то она была женщиной, но теперь выглядела как иссохшая бледная мумия с включенными седыми волосами. Обведя площадку злобным взглядом, она остановила его на Авсуре, который с недобрим прищуром смотрел на неё.

— Ты... — прошипела она, оскалив острые жёлтые клыки и указывая на него пальцем, словно хотела когтем проткнуть ему глаз. — Ты — повелитель тёмных эльфов, не так ли? Ты пришёл, чтоб узнать свою судьбу и попытаться спасти свою жизнь. Я скажу тебе, что ты умрёшь в муках, и все твои подданные стоят в огне, и даже костей не останется на пепелище вашего города. И ваши кони и ослы, кошки и собаки, и птицы в небесах над крышами ваших домов обратятся в прах. И имя твоего народа будет похоронено в забвении, если ты не подчинишься властелину этого мира, повелевающему стихией огня! Если ты не принесёшь ему клятву верности и не станешь служить, исполняя его приказы! Я послана возвестить тебе о смерти или спасении, но выбор предстоит сделать тебе! Уже трое умерли от чар властелина, и так же умрут остальные, ибо, чтоб убить, ему не нужно прикасаться

своими руками к вашим бранным телам! Услышь меня, Авсур, повелитель тёмных эльфов!

— Я слышу и слушаю, — невозмутимо кивнул тот, рассматривая ведьму. — И что ваш властелин даст нам за службу?

— Он возвеличит вас, и вы станете вокруг его трона, воздвигнутого посреди этого мира! — воскликнула она, вскинув руки.

— Это слишком абстрактно, дорогая, — мурлыкнул Сёрмон, оскалив свои поблескивающие изумрудами клыки. — Поконкретнее можно?

Она немного озадаченно взглянула на него. Неизвестно, что её смутило: его драгоценная улыбка, то, что он не испугался, или меркантильный подход к проблеме, а, может, всё вместе. Она перевела взгляд на Авсура. Тот выжидающе смотрел на неё.

— Вы должны склониться перед властелином! — снова провыла она. — Прежде проявите покорность, а после будете вознаграждены! Властелин милостив к верным слугам! Но он не знает жалости к врагам! — её голос снова окреп, видимо, она вернулась к теме, которая была ей ближе и понятнее. — Он предаст ваши поля и леса пламени, и ваши жёны и дети падут в него, как срезанные колосья...

— Мы это уже поняли, — нетерпеливо перебил её Сёрмон. — Давай вернёмся к торгу...

— К торгу? — она радостно рассмеялась. — Сейчас я покажу вам то, что вам грозит, если вы не преклоните колени и не склоните головы перед властелином! И ценой за то, чтоб это не случилось с вами, будет ваша покорность!

Она вскинула руки и вокруг площадки поднялась плотная огненная стена, словно за её пределами бушевал огромный пожар, и только здесь, на крохотном островке ещё было тихо, однако, нестерпимый жар хлынул сразу со всех сторон. Филин на плече Авсура нервно заклекотал и захлопал крыльями. Кусты по краям площадки задымились, и по веткам побежало пламя. В тот же миг раздались испуганные крики и из своего укрытия выскочили Фарок, Юшенг и Антон, сбивая с кафтанов пламя и стряхивая с волос и плеч горячие искры. Они кинулись вперёд, прямо на ведьму, но она радостно ослабилась и взмахнула рукой. В огненной стене замелькали странные красноватые пятна, в которых угадывались лица демонов и чудовищ. Со скоростью языков пламени они высывались и клацали огненными клыками, пытаясь дотянуться до мечущихся по площадке друзей. Наконец Юшенгу удалось выскочить за пределы круга, и он рухнул спиной на одну из пирамид. Антона сумел схватить за рукав Сёрмон и с грозными проклятиями отбросил себе за спину. Фарок ничего не видел от жара и ужаса и, совершенно растерянный, внезапно рухнул на колени, закрывая голову руками. Быть может, он стал бы жертвой одного из демонов, если б Авсур не вошёл в круг и не встал между ним и ведьмой. Свирепо взглянув на неё, он выбросил вперёд руку, и из его пальцев вырвалась мощная, ревущая струя пламени, которая ударила в тёмную посланницу. Какое-то время было слышно только гудение огня, а потом он опал. Угасла огненная струя Авсура, исчезла и огненная стена с демоническими лицами. Стало тихо. Только на чёрных камнях площадки дымился обугленный труп ведьмы.

— Ибо сказано: угрожающий огнем, сторит в нём прежде врага своего, — философски изрёк Сёрмон. — Зачем ты это сделал? — обернулся он к Авсуру. — Я же сказал: потянуть время! Нужно было вступить в переговоры, поторговаться, а ты... Хотя это было красиво! Теперь Ротамон знает, что ты тоже владеешь огненной магией.

— Что вы здесь делаете? — спросил Авсур, мрачно взглянув на сжавшегося у его ног Фарака.

— Уже всё? — спросил тот, нерешительно отрывая ладони от головы и озираясь по

сторонам. — Что это было?

— То, что тебя не касается! — рявкнул Авсур. — Что вы делали здесь?

— Господин легавый не может отказаться от удовольствия сунуть свой влажный щенячий нос в чужие дела, — ядовито пояснил Сёрмон. — Они решили провести собственное расследование. Они же специалисты, верно? Не то, что мы дремучие.

— Юшенг! — Авсур резко обернулся к инспектору. — Когда я разрешил тебе остаться у нас, я сказал, что ты обязан будешь подчиняться нашим законом. Моё слово здесь — закон! Я запретил вам лезть в это дело?

— Да, повелитель, — кивнул Юшенг, встав на ноги и склонив голову. — Мне жаль.

— Антон, я надеялся, что ты благотворно повлияешь на этих двоих, но вместо этого ты ввязываешься в их авантюры...

— Я виноват, повелитель, — проникновенно взглянув ему в глаза, произнёс Антон, и его голос нежной и грустной флейтой прозвучал в тишине. — Я был неосмотрителен и допустил непростительную оплошность. Я полон раскаяния и готов понести любое наказание. Я прошу вас простить нашу глупость и позволить нам остаться с вами. Мы полны почтительности и сыновней благодарности к вам, тем более что теперь мы все трое обязаны вам жизнью и, чтоб мы ни делали, всегда останемся перед вами в неоплатном долгу. И всё же, клянусь, что прямо с этой минуты мы готовы начать выплачивать этот долг с тем, чтоб делать это до последнего вздоха.

Пока он говорил, грозная гримаса на лице Авсура постепенно разгладилась и на губах появилась едва заметная усмешка.

— Ладно, я прощаю вас, хотя не избавляю от наказания, которое выберу позже. Я ещё раз повторяю, что запрещаю вам и близко подходить к этим развалинам и лезть в это дело. Вы меня поняли?

Все трое тут же заверили его в этом, а он подошёл к трупу и присел на корточки рядом. Осмотрев его и убедившись, что здесь нет больше ничего, кроме сгоревшей плоти, он поднял взгляд на Сёрмона.

— Не думаю, что переговоры с этой чертовкой увенчались бы успехом. У неё не было разумных предложений для сотрудничества. Её послали запугивать и убивать. Не велика беда, что я устранил посредника. Возможно, теперь явится хозяин или, как она сказала, властелин. Вот с ним ты и будешь разговаривать.

— Ты предоставляешь мне полную свободу действий? — хищно улыбнулся Сёрмон.

— Делай, что хочешь. Лги, приноси ложные клятвы, давай обещания, которые не можешь выполнить. Всё, как обычно. Замани эту тварь в ловушку и найди способ её прихлопнуть. И без нужды не впутывай в это дело меня. У меня и без того полно работы.

— Я понял, — Сёрмон перевёл взгляд на всё ещё стоявшего на коленях Фарока и тихонько поддал ему ногой: — Поднимайся, щенок! Что расселся? Представление окончено.

Фарок встал, сердито глядя на него, и вдруг резко подался к его лицу и звонко щёлкнул зубами возле самого носа алкорца. Тот невольно отпрянул.

— Фарок! — рявкнул Авсур. — Неблагодарный змеёныш! Ступай вниз ловить кошек. И дружков своих прихвати.

— Как скажете, повелитель, — не сводя взгляда с побледневшего от злости Сёрмона, ответил тот, и направился к лестнице.

— Ты совсем разбаловал его! — проворчал Сёрмон, когда они остались на площадке вдвоём с Авсуром. — Если ты не приструнишь его...

— Если ты ещё раз его пнёшь, — перебил Авсур, — я отвернусь, когда он пожелает отыграться за это. Я требую от него почтительности к старшим, но не могу требовать, чтоб он спускал оскорбления. Он мужчина и горец, и будет вести себя соответственно.

— Какого дьявола я потащился за тобой в эту дыру! — оскорблённо воскликнул Сёрмон. — Нужно было вернуться на Алкор и вступить во владение родовым именем после смерти отца. Я был бы на месте там, а не здесь, среди этого стада ормийских баранов...

— Твоё место там, где я, — усмехнулся Авсур. — Не скули, Норан. Это не твой стиль.

Когда они спустились вниз, все пять кошек уже топтались под холмом, потягиваясь и царапая землю огромными когтями. Молодые люди стояли рядом и о чём-то спорили, а завидев старших товарищей, тут же смолкли.

— Они что-то задумали, — заметил Сёрмон. — Наверняка все твои приказы для них не более чем пустой звук. Они всё равно будут путаться у меня под ногами и искать приключений на свои головы.

— Ты б на их месте поступил иначе? — беспечно спросил Авсур, на ходу сорвав травинку, а потом резко обернулся. — Чуть не забыл.

Он снова выбросил руку вперёд, но на сей раз пламени не было. Нижние колонны замысловатой башни-святилища подломились, словно от гравитационного удара, и всё сооружение осыпалось вниз каменными блоками.

— Ты с ума сошёл, ормийский дикарь? — заорал Сёрмон, когда грохот падающих камней смолк — Все эти глыбы могли рухнуть нам на головы!

— Не рухнули же, — пожал плечами Авсур и, сунув травинку в рот, пошел дальше. — Вернее, не на головы. Ты идёшь?

— Какое варварство... — проворчал Сёрмон, глядя, как оседает пыль над грудой камней.

Вернувшись в город, Сёрмон доставил себе удовольствие ещё какое-то время таскаться по пятам за Авсуром, ожидая, когда тот вынесет столь желанный для него приговор навязчивой троице юнцов, вечно проявляющих неуместное любопытство к его секретной деятельности. Наконец Авсуру надоело раздражённое шипение за спиной, и он вынес свой вердикт, отправив Фарока и его друзей-землян чистить кошачьи вольеры и помогать дрессировщикам котят. А это значило, что ближайшие несколько дней они будут вынуждены работать вилами и мётлами, благоухать несмываемым кошачьим амбре и к тому же регулярно смазывать едко пахнувшей целебной мазью многочисленные и довольно болезненные царапины от ещё не очень длинных, но уже очень острых когтей пятнистых детёнышей, столь же свирепых, что и их родители, но ещё не имеющих ни малейшего представления о том, как нужно вести себя с людьми. Будучи полностью удовлетворённым этим решением, а более того жалобными стонами наглых мальчишек, Сёрмон гордо вскинул голову и удалился в свои покои.

Его комнаты располагались в центральном тереме как раз над покоями Авсура и были связаны с ними несколькими потайными ходами. В отличие от почти аскетичной обстановки в жилище правителя тёмных эльфов, апартаменты его советника были роскошными. Сёрмон с уважением относился к скромным запросам своего старого друга, которому для удобства было достаточно крыши над головой и растопленного очага, но сам предпочитал роскошь, которой по собственному мнению был достоин по праву своего рождения.

Поднявшись к себе, он прошёл по просторным комнатам, украшенным резными панелями и яркими коврами, и оказался перед низкой круглой дверью, ведущей в особую камеру, где хранилась его библиотека и набор магических принадлежностей. Замка на двери не было, она охранялась заклятием и открывалась только в случае, если рядом звучало секретное заклинание, обязательно произнесённое его голосом. Впрочем, такая предосторожность была совершенно излишней, что его даже немного огорчало. Ормийцам, скрывающимся под масками тёмных эльфов, не было никакого дела до его колдовства. Это были здоровые, рациональные и дисциплинированные люди, до сих пор не до конца поверившие в то, что магия существует. Постоянные доказательства её наличия в этом мире, сыпавшиеся со всех сторон, они словно не замечали, и мечтали лишь о том, чтоб их лазерные пушки, припрятанные в подземном арсенале, снова заработали.

Войдя в тёмную комнату без окон, он пробормотал несколько слов и на стенах вспыхнули факелы, а на столе зажглись свечи в большом трёхрогом канделябре. Сёрмон с огорчением взглянул на стеллажи, где в полном беспорядке громоздились футляры с древними рукописями и стопки потемневших от времени книг. Эта библиотека, вывезенная им из обители почти угасшего колдовского ордена, затерявшейся в западных горах Алкора, была изучена им до последней строчки. Увы, там ни слова не было о том сообществе колдунов, с которым он так внезапно столкнулся здесь, вдали от родной планеты, а значит всё, чем он располагал, это была его память, где он должен был отыскать жалкие крупицы знаний, когда-то вбитые ему в голову отцом.

Да, его отец был одним из тех, кто поклонялся Тому, кто за гранью, хотя никакого отношения к магии не имел. Просто в придворных кругах было модно объединяться в какие-то тайные закрытые кружки, соперничающие друг с другом в жестокости и богохульстве. Членство в них расценивалась как избранность, а привкус опасности возможного разоблачения придавал остроту ощущений тем, кто пресытился жизнью. Граф Лоурт участвовал в ритуалах вызова и молений и пытался приобщить к ним своего отпрыска, однако юный Норан с самого начала продемонстрировал полное отвращение к кровавым ритуалам и презрение к «Тому, кто у вас, папаша, за стенкой» и категорически отказался от инициации в сообществе. Припугнув отца тем, что раскроет тайному совету его членство в запрещённой организации, он избавился от этой нудной обязанности и больше этим не интересовался. А в шестнадцать лет и вовсе сбежал из имения в столицу, чтоб найти своё место при дворе Великого Тирана и окунуться в придворную жизнь, с её интригами, жёсткой конкуренцией и торжеством пороков, по сравнению с которыми жизнь его отца могла показаться тихой и благочестивой.

Теперь он сидел в тишине, закрыв глаза, и медленно перебирал в памяти воспоминания, связанные с этим сообществом. Это было так давно и так странно, что казалось забытым сном, и перед ним вставали куда более яркие воспоминания, связанные с отцом, как тот кого-то убивал на глазах у своего маленького сына, или сам умирал с кинжалом в горле у ног своего наследника, уже взрослого. Это воспоминание было неприятным и раздражало какой-то незаконченностью, может, потому, что ему не удалось проверить это дело чисто, так, чтоб на него не пало подозрение, и потому его слова о принятии наследства были лишь бравадой. Его не смогли поймать, но осудили заочно, отобрав в казну всё имущество семьи, полагавшееся ему по праву наследования. Они, кажется, даже лишили его титула. Смешно! Словно от их пустого заявления он перестал быть графом Лоуртом и его вены очистились от дурной прогнившей крови Канторов.

Ну, конечно! Канторы! Древние короли западного Алкора были покровителями этого колдовского сообщества. Они даже знали, как оно называется адептами, и в высшую ступень всегда входил второй сын короля. Потом Канторы были разбиты на полях сражений и свергнуты соперниками, их потомки рассеяны по всему Алкору, а магический орден, на который они опирались, и вовсе изгнан с планеты в дальний космос.

Не открывая глаз, он холодно улыбнулся, почувствовав, что нашёл зацепку, и продолжил разматывать нить памяти. Странно, но он, оказывается, помнил не так уж мало. Ему припомнилось, как ещё мальчишкой он забрался в кабинет отца и нашёл в тайнике старинную книгу с заклинаниями. Он со сладкой дрожью рассматривал страшные картинки, нарисованные на страницах чем-то коричневым, возможно, человеческой кровью, и читал полные злобы на весь мир заклятия, которые, по легенде, нашёптывал своим слугам Тот, кто за гранью. Он знал этот язык, потому и здесь сразу смог прочесть надписи на плитах. Древний язык западных королей, ещё более древний, чем энхилдер, его заставляли учить с детских лет, как и множество других предметов, ни к чему не годных, но выделяющих аристократию среди иных, низких сословий. Потом отец рассказал ему о Том, кто за гранью, о тайном колдовском сообществе, жаждущем свергнуть Великого Тирана и воцариться на Алкоре, а также о последователях его на самой планете. Уже тогда Норан понял, что для отца и его приятелей это не более чем опасная игра, позволяющая им удовлетворять свои изменные инстинкты, поскольку давала повод для убийств и прочих зверств, представляемых ими как жертвоприношения. Тот, кто за гранью, никогда им не отвечал. И наверняка его внезапный отклик на их молитвы вызвал бы у них панический ужас, но сейчас их ритуалы, с определённой степенью точности скопированные с древних, описанных в той книге, могли оказаться полезными. И он погрузился глубже, чтоб вспомнить, наконец, те немногие тёмные моления, на которых присутствовал по приказу отца.

Восстановив в памяти низкий подвал какого-то замка, медные треножки с горящими свечами, три импровизированные пирамиды, сколоченные из досок и обклеенные камнями, и вписанный в центр круг со странными надписями, он постепенно вытягивал из темноты забвения всё новые детали происходившего тогда. Ему вспомнились разговоры незнакомых людей в тёмных плащах с капюшонами, испуганное блеяние жертвенного чёрного ягнёнка и плач девчонки в белой рубашке, которую потом удавили, странное колебание света на низком сводчатом потолке, козлиный голос главаря этой религиозной шайки извращенцев и, наконец, объяснения отца о том, что лучшее время для ритуала вызова — это ночь чёрной луны перед днём предков.

— Ночь чёрной луны... — проговорил он, открыв глаза. — Перед днём предков. Это значит ночь новолуния осенью, перед самым коротким днём года. Самое тёмное время в году. Что ж, малыш Норан, имеет смысл попробовать. И хоть я не смогу воссоздать этот чёртов круг, думаю, что тот, кто ищет встречи, сам явится на неё.

Оставшееся время до темноты он провёл со своими книгами, ещё раз перечитав все заклинания вызова, ища в них общие черты, которые могли быть и у нужного ему ритуала, а также уделил особое внимание защитным чарам. Он ничуть не сомневался, что Проклятый защитит его от любой опасности, но, как говорил Крис Джордан, бережёного Бог бережёт, хотя в данном случае уместнее было бы говорить о дьяволе.

Всё это время он приглядывал за Фароком и его дружками, чтоб убедиться, что те не отлынивают от исправительных работ, назначенных Авсуром. Но нет, эти трое трудились так, словно это было их жизненным призванием: убирали в вольерах, чистили и кормили

старых, ушедших на покой заслуженных пантер, возились с котятами, которым догадались обернуть царапучие лапы мешковиной и затыкать клыкастые пасти сосками с козьим молоком, после чего те стали вполне милыми, хоть и свирепо рычащими между причмокиванием пантеродетишками.

— Если им так нравится это занятие, может, посоветовать Авсуру оставить их здесь? — усмехнулся Сёрмон перед тем, как в очередной раз вернуться к своим свиткам и пыльным фолиантам.

Светлый день сменился тёмным, за ним над городом проплыла первая тёмная ночь и утром, в самый тёмный час он вывел из вольера свою пантеру. Предварительно он ещё раз убедился в том, что докучливые юнцы вышли на работу и уже направляются в вольеры с мётлами и вёдрами. Утвердившись в мысли, что им не до слезки за ним, Сёрмон оседлал своего кота и сев, выехал из города, держа путь к развалинам башни.

На сей раз он не торопился, внимательно вглядываясь во тьму, и хоть его кот видел в темноте не хуже его самого, он предпочитал следить за тем, чтоб не свалится вместе со своим клыкастым скакуном в какую-нибудь пропасть или трещину.

Развалины предстали перед ним кучей грубо отёсанных каменных блоков, сваленных на вершине холма. Где-то в глубине души он надеялся на чудо, и полагал, что, может быть, вернувшись, вновь застанет здесь странное и изящное каменное сооружение с высокими колонными, исписанными древними рунами, и площадки с лабиринтом, пирамидами и кострищем. Но, увы, он застал лишь развалины, оставленные после себя его неискушенным другом, ничего не понимающим в эстетике ритуальной архитектуры.

Сверху раздался знакомый клёкот, и он протянул руку, на которую опустился довольный собой чёрный филин. Из его клюва свисал небольшой зверёк с длинным хвостом. Закинув голову, филин быстро проглотил его, удовлетворённо хрюкнул и развернул голову, сверкнув во тьме яркими зелёными зрачками.

— Опять жрёшь всякую дрянь, — проворчал Сёрмон и почесал птицу там, где у неё должна быть шея. — Тебя что, дома не кормят? Нужно рыскать по лесам и ловить всяких диких тварей. Ты не думаешь, что они больные и грязные? Впрочем, ты ни о чём не думаешь. И мозгов у тебя в голове, скорее всего, нет.

Он поднял руку и филин, осторожно переступая лапами, перебрался ему на плечо и почесал клювом его висок.

— Конечно, — продолжал брюзжать Сёрмон. — Сначала сожрал какого-то бурундука, а теперь трёшься об меня, не продезинфицировав клюв. Так ты выражаешь свою привязанность?

Филин согласно ухнул. Сёрмон настороженно посмотрел на него.

— Только не делай вид, что это осмысленный ответ на мой вопрос. Мне не хватало только разумного говорящего филина. И без того вокруг чёрт знает что происходит. Оставайся таким же тупым и бессловесным, как раньше.

Филин отвернулся и с интересом посмотрел в кусты, переступая лапами, видимо, слышал там в траве какой-то шорох. А Сёрмон, больше не обращая на него внимания, начал подниматься к развалинам. Он шёл по тропе, осматриваясь вокруг и прислушиваясь к глухой ночной тишине. Остановившись возле крайних плит, он осмотрелся, но снова не увидел ничего интересного. Присев на одну из них, он заметил на ней какие-то знаки и нагнулся ниже, щёлкнув пальцами, между которыми затеплился маленький язычок огня. Этого скудного источника света оказалось достаточно, чтоб он смог разобрать несколько

слов гимна, начертанного на плите. Беззвучно проговорив их про себя, он чуть отодвинулся, чтоб посмотреть, нет ли здесь ещё знаков, и тут заметил в нескольких шагах от себя что-то тёмное и подвижное. Вглядевшись, он различил расплывчатую фигуру в чёрном балахоне, но под накинутым на голову капюшоном ничего не было. Он вглядывался туда, но не мог разглядеть никакого признака того, что в плаще кто-то есть. Тем временем фигура приблизилась к нему на расстояние вытянутой руки.

— Стой, — негромко произнёс Сёрмон, взмахнув рукой, и с его пальцев сорвался хоровод ярких искр, при свете которых он смог разглядеть, что то, что стояло перед ним, действительно закутано в чёрный плащ и не имеет лица. — Стой, где стоишь. Можешь говорить.

— Ты смеешь приказывать мне? — раздался в голове Сёрмона странный голос, который он не смог бы описать, потому что не слышал его тембра. При этом он ощутил, как этот голос волной прошёлся вокруг, коснувшись кожи леденящим колючим ветром. — Ты, жалкий смертный...

— Я бессмертен, старик, — оскалил клыки Сёрмон. — Вглядишься в меня, и ты поймёшь это. К тому же почему бы мне не приказывать здесь? Я Граф Лоуорт, во мне течёт кровь Канторов, древних королей Запада.

— И правда, — прошелестело возле его уха. — Я чувствую в тебе зло, которое даже для меня непостижимо. Ты носишь в себе часть Того, кто за гранью? Ты послан мне в помощь?

— С чего бы это мне помогать тебе? — пожал плечами Сёрмон, и филин тревожно приподнял крылья. — Я просто живу здесь с тёмными эльфами, поскольку среди всех местных дремучих народов только они кажутся мне хоть в какой-то мере достойными внимания.

— Ты тот, кто всегда ходит рядом с повелителем тёмных эльфов Авсуром, владеющим магией Огня?

— Да, и Огня тоже, — скучающим тоном подтвердил Сёрмон. — Он очень силён в этом и защищён от нападений своей сущностью, и я вынужден мириться с тем, что тут заправляет он. Но, знаешь ли, он родился от обычных смертных в хлеву и не так далеко ушёл от своих предков. Он мне надоел, но я не знаю, как отеснить его и подняться выше. Послушай, — в его голосе прозвучало что-то вроде оживления, — ты ведь из тех жрецов, что служат Тому, кто за гранью, верно? Когда-то наши предки были союзниками. Может, составим коалицию? Ты поможешь мне, я — тебе. Сможешь помочь мне убрать его с дороги?

— Не сейчас, — леденящий шёпот пронизал тело Сёрмона, словно сквозь него продели иголку с ледяной нитью. — Я знаю, что он сделал с моим посланцем, он силён... Моя же сила пока не так велика, но она растёт с каждым днём. Я обретаю всё больше могущества и совсем скоро смогу подчинить этот мир. Но мне тоже нужен союзник, тот, кто по праву крови может взойти на трон луара. Мне нужен потомок Канторов. Забудь об этом лесном племени, устремив свои мечты выше, ты можешь стать Великим Тираном этого мира. Ты поможешь мне свергнуть местного альдора и истребить его семью и, оставшись единственным законным наследником, занять трон. После этого ты с моей помощью разгромишь Сен-Марко и расширишь свой луар до мёртвых земель на юге и севере, западе и востоке. Ты станешь властелином этого мира людей, а я стану властелином духов, и возрождённый клан Канторов снова обопрётся правой рукой на меч королей, а левой — на мой орден и Того, кто за гранью.

— Звучит очень красиво и вдохновляющее, — согласился Сёрмон, глядя на него. — Но

давай разберёмся, насколько эти мечты осуществимы. Ты не можешь помочь мне справиться с Авсуром и при этом обещаешь корону мира. Это как? Вот мы здесь друг против друга, и это всё, что у нас есть. Только ты да я. Где наша армия, которая сомнёт войска сначала альдора, а потом короля? Где колдуны, которые будут обеспечивать нам поддержку против военных магов местных властителей? Наконец, где наши сторонники при дворах владык, которые в нужный момент поднимут чернь и свалят с тронов твоих врагов? Пока это лишь слова... А тёмные эльфы рядом, они доверяют мне, поскольку я друг Авсура, а ему они верят безгранично. И если б мне удалось уничтожить это препятствие, то...

— Хорошо, — прошипел колдун. — Я скажу тебе правду, у меня есть достаточно сторонников, чтоб действовать, но действовать скрытно. Мне нужно лишь твоё согласие занять трон луара и клятва крови, что получив его, ты будешь верен мне.

— И что взамен клятвы?

— Тебе не достаточно трона?

— Обещания трона, если быть точным. Меня никогда не тянуло к власти. Это такая обуза! Будь иначе, я б не сбежал с Алкора. То есть, давая клятву, скреплённую кровью, я делаю тебе большое одолжение, за которым последует ещё большее — мне придётся её исполнить. И что взамен?

— Я убью Авсура, но не раньше, чем ты займёшь трон.

— То есть ты отплатишь мне только за большое одолжение, а как насчёт малого? Может, я дам тебе клятву крови, а ты потом вильнёшь в сторону, и я останусь на троне, как дурак в короне. Признайся, ты не можешь простить альдору то, что он посадил тебя в клетку и утыкал стрелами. Щёкотно наверно было. Ты хочешь отомстить ему с размахом, уничтожив его и весь его род. А потом тебе придётся кого-то посадить на трон, и тут подворачиваюсь я, бессмертный, посвящённый на Алкоре Тому, кто за гранью...

— Ты посвящен? — обрадовано прошипел колдун.

— Отцом в шестнадцать лет, но не отвлекайся. Во мне часть твоего божества, и я владею магией. К тому же моя кровь замешана на крови королей запада, с которыми у вас давние связи. Я — идеальный вариант союзника для тебя. Но так ли ты хорош для меня, если не можешь сделать такую малость, как избавиться от надоевшего друга?

— Я же сказал, он слишком силён, — расстроено просвистело в ушах, как сквозняк в щелях старого дома. — Мне нужно время, чтоб собраться с силами...

— И не надо вводить меня в заблуждение относительно своих возможностей, — перебил Сёрмон. — Мне известно, что ты потерпел неудачу не только в луаре, но так же в Сен-Марко и Магдебурге. У тебя нет сил, чтоб взять под контроль даже маленький купеческий городок, а ты собираешься свергать альдора. У меня нет на это времени!

Сёрмон решительно поднялся и повернулся, чтоб уйти, но свистящий шёпот снова пронзил его голову от уха до уха.

— Постой, граф Лоурт! Я докажу тебе свою силу. Скажи, что я должен сделать, чтоб убедить тебя и оплатить твою клятву крови?

Сёрмон остановился и посмотрел в небо. Ничего интересного там не было, ни луны, ни звёзд, только крошечная тьма, и потому он перевёл взгляд на филина, который приоткрыв клюв, смотрел на него и перья на его шее слегка подрагивали.

— Есть ещё одно дело, которое не даёт мне покоя, — обернулся он. — Здесь неподалёку живёт один наглец, который никак не может угомониться и без конца раздражает меня. У него замок, армия и какой-то маг в прислужниках...

— Имя!

— Барон Турлан. Я дам тебе клятву, но только после того, как узнаю, что его больше нет. Совсем.

— Тебе не придётся ждать долго, граф Лоурт, Великий Тиран! — прошелестело вокруг, и чёрная фигура вдруг завертелась, превращаясь в прозрачный мерцающий смерч, который моментально рассеялся.

Сёрмон снова усмехнулся и посмотрел на своего филина.

— Никогда не занимайся магией, мой мальчик, иначе начнёшь мыслить схемами в режиме ритуала. Этот дурачок вдруг проникся идеей воссоздать здесь давно утраченный мир западного королевства с Канторами и колдунами, идущими рука об руку. Какая глупость... Кто здесь?

Он резко обернулся, и в это время что-то белое выскользнуло из-под плиты, на которой он только что сидел, и промчалось вниз по холму.

— Поймай его! — воскликнул Сёрмон, скидывая филина со своего плеча, и тот, раскинув крылья, устремился в погоню.

Зверёк был очень быстр и успел шмыгнуть в густой кустарник внизу. Филин дважды сделал круг над зарослями и, обнаружив в них небольшую проплешину, кинулся вниз. Сёрмон быстро спустился с холма, прислушиваясь к возне и крикам птицы в кустах. Он слышал чей-то писк и тьяканье, а потом оттуда раздался испуганный вопль. Это был явно человек, и Сёрмон, издав свирепое рычание, бросился в кусты, раздвигая ветки. Он решил сначала, что это снова Фарок и его друзья, но потом сообразил, что ни на кого из них филин набрасываться не стал бы. Это был кто-то чужой, кто-то, прячущийся в темноте и подслушавший его разговор с колдуном.

Добравшись до небольшой пустоты внутри куста, он нащупал там голову с длинными волосами и, вцепившись в них, выволок воющего от ужаса шпиона, а потом выхватил из ножен золотой кинжал с единственным намерением перерезать глотку наглецу.

— Не смей! — раздался рядом звенящий от напряжения голос, и Сёрмон замер, почувствовав у своей шеи холодок стали.

Он замер, держа одной рукой за волосы запрокинутую голову прятавшегося в кустах человека, а в другой — кинжал. Над его головой с угрожающим клёкотом носился филин.

— Что ты собираешься делать, мой мальчик? — хрипло рассмеялся Сёрмон. — Убить меня? И что ты скажешь Авсуру?

— Я расскажу о том, что слышал! — прорычал Фарок, стоявший рядом с обнажённым мечом. — Отпусти мальчишку!

— Мальчишку? — Сёрмон озадачено посмотрел вниз и действительно увидел у своих ног перепуганного худого ребёнка, причём совершенно голого и грязного. Он разжал пальцы, сжимавшие его спутанные патлы, и покосился на Фарока. — Я его отпустил. А что ты собирался рассказать Авсуру?

— Что ты хочешь его убить! — с возмущением воскликнул юноша.

— Ах, это... — Сёрмон усмехнулся и пальцем осторожно отвёл клинок от своей шеи. — Он знает. Он и сам давно хочет меня убить. Мы даже пытались прикончить друг друга, и не раз. Бесплезно. Что-нибудь ещё?

— Этого мало? — смутился Фарок и опустил меч. — Ты собираешься свергнуть альдора и занять его место.

— И стать властелином мира! — Сёрмон расхохотался. — Ты серьёзно веришь в это?

Уверяю тебя, мне лень даже лишний раз со стула встать, не то что управлять целым миром. Мы говорили с Авсуром об этом колдуне и договорились, что я буду соглашаться на все его условия, выставляя свои, которые сложно выполнить, лишь бы потянуть время.

— Ах, да... — пробормотал Фарок и сунул меч в ножны. — Ты кто такой? — спросил он мальчика, который подполз к нему и прижался к его ногам, испуганно глядя на Сёрмона.

— Я Юки, сирота, — пробормотал тот, размазывая по грязному лицу слёзы. — Моя мама умерла, а отец очень далеко. Я здесь один.

— На твоём месте, я бы не связывался с ним, — заметил Сёрмон. — Может, он заразный.

— Тебе-то что заразы бояться, дядюшка? — вкрадчиво уточнил Фарок. — Ведь истинно говорят: зараза к заразе не липнет.

— Тогда и тебе нечего бояться, — парировал Сёрмон и осмотрелся. — Где твои дружки?

— Ребята остались в городе, чтоб прикрыть мою отлучку. Теперь уже зря, конечно. Скажешь о моей вылазке хозяину?

— Конечно, — радостно осклабился алкорец. — И о том, что ты явился сюда и вынюхивал. Он заставит вас чистить свинарники.

— Всё, что нас не убивает, делает нас сильнее. Эй, Юки, пойдёшь со мной?

Он посмотрел вниз, и на лице мальчика появилась радостная улыбка, он закивал.

— Мало у нас грязи... — проворчал Сёрмон, с отвращением глядя на него.

— Ничего, я его отмою, — пробормотал Фарок, снимая плащ и закутывая ребёнка. — А скажи, дядюшка, что значит весь ваш разговор с этим колдуном? Почему он не напал на тебя и прямо умолял стать новым альдором?

— Не альдором, а Великим Тираном этого мира, как на Алкоре, — поправил Сёрмон. — Видишь ли, когда-то его колдовской орденом процветал, колдуны негласно правили всей планетой, а светские правители покрывали все их деяния. Должно быть, те времена запечатлелись в их памяти, как золотой век, который они мечтают вернуть. А тут он вдруг наткнулся на возможность воссоздать его в миниатюре, да ещё встретил подходящего кандидата на роль нового Тирана и загорелся этой бредовой идеей.

— Ты думаешь, она бредовая? — уточнил Фарок.

— Конечно. Он не обладает достаточными ресурсами, чтоб её осуществить. Все его попытки захватить власть в луаре, Сен-Марко и Магдебурге наткнулись на успешное противодействие местных. Поговаривают, что на севере у него есть последователи, но вряд ли их много и они готовы умирать за него.

— Если всё так, то на что ж он надеется?

Сёрмон обернулся и задумчиво посмотрел на развалины.

— Я тоже хотел бы это знать. Он говорил, что его силы растут, а в этой башне мы нашли то, что служило для приёма и передачи магической энергии. Понимаешь? Может, он отыскал какой-нибудь источник силы или, хуже того, нашёл возможность связаться с Тем, кто за гранью, и получает энергию от него.

— Ты думаешь, что его тёмный бог существует?

— А ты думаешь, что та магия, которую он передал ведьме, едва не сжёгшей тебя прошлым днём, его собственная? Вряд ли... У него обязательно должен быть источник силы, которую он передаёт своим прислужникам.

— А что является источником твоей силы? — спросил Фарок.

— Ты же знаешь, — немного помолчав, произнёс Сёрмон совсем другим голосом, тихим и усталым. Если б было бы немного светлее, Фарок увидел бы, как постарело в единый миг его лицо. — Демон, которого нам приходится носить в своих телах. Я тоже научился использовать его силу, как и Авсур, но у меня не получается делать это так же эффективно. Возможно, не хватает темперамента или концентрации.

— И колдун не может тебя убить? — Фарок поднял мальчика на руки.

— Нет, хотя порой я об этом жалею.

— А я нет, — усмехнулся Фарок. — До тебя у меня никогда не было дядюшки.

Сёрмон хмуро взглянул на него.

— Если ты надеешься, что, подлизываясь, убедишь меня не докладывать о твоих проделках Авсуру, то будешь сильно разочарован.

— Нет, мне просто хотелось слегка подбодрить тебя. Идём?

— Ладно, — недовольно проворчал алкорец. — Так и быть... Я ему ничего не скажу, на этот раз. Но если ещё будешь путаться у меня под ногами, я расскажу обо всём, и об этом в том числе.

— Я люблю тебя, дядюшка, — сладко пропел Фарок, направляясь вниз, где развалились на траве две верховые пантеры.

— Не споткнись, племянничек, — фыркнул Сёрмон и пошёл следом.

Следующим светлым утром Сёрмон застал Авсура в уютной беседке над крышей центрального терема. Пока он рассказывал о ночном разговоре у развалин башни, тот смотрел, как в небольшом загоне возле просторных вольеров кошек, худенький черноволосый мальчик возится с двумя котятами. Маленькие пантеры, вместо того, чтоб рычать и кусаться, весело играли с ним, не выпуская когтей и то и дело падали на спинки, подставляя ему пятнистые животики.

— Откуда этот мальчишка? — спросил Авсур, указав на него.

— Нашли в лесу, — расплывчато ответил алкорец, и этот ответ удовлетворил Авсура.

— Станный, и лицо необычное, похож на Юшенга. Может, какая-нибудь лесная нечисть?

— Я за ним присматриваю, — нетерпеливо проговорил Сёрмон. — Что скажешь о моей встрече с Ротамоном?

Авсур вздохнул и посмотрел на него.

— Он действительно так глуп или прикидывается?

— Я не стал бы его недооценивать, — заметил Сёрмон. — Уверен, что он совсем не глуп, но большую часть своей жизни провёл в своём ордене, далёком от реального мира, совершенствуя искусство магии, и лишь недавно начал выходить в мир людей. Он не слишком сведущ в сложных перипетиях этого мира и людских отношений, но быстро учится. Не исключено, что именно прямолинейность его действий привела его к поражению в луаре, но в Магдебурге он уже действовал куда тоньше, через своих агентов. А в Сен-Марко и вовсе умудрился скрываться в тени так, что в самом городе о нём ничего не знают и только во дворце ходят некие расплывчатые слухи. Он совершенствуется и умнеет, но чувствует некоторую неуверенность, потому ищет сильного и сведущего союзника. Те немногие, кого он склонил на свою сторону, — мелкая сошка. Ему кажется, что я более подходящий вариант.

— Ему не кажется, — Авсур снова посмотрел вниз. — Если б ты захотел...

— Я не хочу, — Сёрмон опёрся рядом на балюстраду. — Я знаю, что такое любовь и привязанность, и выбрал свой путь не из-за Проклятого, а из-за тебя. Ты мой единственный и самый близкий друг. Я полетел с тобой в этот мирок, потому что тоже хочу, чтоб он стал моим домом. Я хочу покоя, Рен. И реки крови, текущие под моими окнами, не соответствуют моему представлению о нашем будущем. Этого колдуна нужно остановить, пока он не набрал силу.

— Я согласен с тобой, и больше не склонен считать, что это только твоя работа. В данном случае это касается всего нашего племени и более того — всего нашего мира. Но кроме тебя мало кто понимает, что происходит. Потому именно тебе придётся определять дальнейшие действия. Прошу об одном, ни под каким видом не давай ему клятву крови. Это погубит всех нас.

— Я и не собираюсь. Я надеюсь, что его чары против Турлана обернутся на него самого, но ты же понимаешь, что это маловероятно. Он куда сильнее обычных колдунов. И, вполне возможно, через какое-то время он пробьётся сквозь магическую защиту и сожжёт этого высокомерного идиота. Он решит нашу проблему, но потом придёт за оплатой. К тому времени я должен быть готов к противостоянию.

— Ты сможешь защититься от него?

— Как и ты, но я не смогу защитить остальных. Хорошо, что он не знает, что я уязвим из-за своей привязанности к племени.

— Защитные заклинания?

— Я перебрал все. Ни одно не сработает против него. Это старая, запретная магия. Нужно искать способ либо убить его, либо изгнать навсегда. Я постараюсь его найти.

— Если не сможешь, мне придётся сражаться с ним, — проговорил Авсур. — Я только боюсь, как бы моя сила не вышла из-под контроля. Проклятый не спит.

— Тогда лучше не давать ему повода протянуть лапы в этот мир. Ротамон — это катастрофа, но Проклятый — это конец всему. Я постараюсь найти выход, Рен. И, надеюсь, у меня хватит на это времени.

Светлым утром, предшествующим наступлению тёмного дня, Эрику повезло, он поймал в горном ручье лосося. Это была большая толстая рыбина, которая плыла вверх по течению, словно стремилась на нерест. Необычным было то, что это был первый и единственный лосось, замеченный им в ручье. И конечно он тут же поймал его и с помощью тонкого длинного ножа для суши разделал на тонкие полоски. Часть из них он засолил в небольшой стеклянной банке и отнёс в самый дальний конец своей пещеры, где было очень холодно, и он использовал её, как холодильник, а остальное нарезал аккуратными кусочками и уложил в пластиковый контейнер. Тем временем на улице начало темнеть, и он с удовлетворением подумал, что скоро можно будет отправиться в путь, чтоб побаловать Василия свежей лососяной.

Теперь у него была миска, красивая керамическая с кошачьими мордочками и бантиками из богатых запасов Кисы. Её, как и другую миску с забавным котом, сидевшим на белой собаке, и надписью «Прынец на белом коне», а также нож для суши доставил с «Пилигрима» доктор МакЛарен. Узнав о Васе, он тут же одобрил намерение Эрика завязать с мудрым котом более близкие отношения и привёз со звездолёта всё необходимое, включая плюшевую лежанку и когтеточку с разноцветным мячиком на пружинке. Эрик не был уверен, что Кот учёный заинтересуется подобными штучками для котят, но всё же отнёс всё это Василию, и тот, к его удивлению, с удовлетворённым урчанием тут же свернулся на лежанке, поставленной между корнями дуба, а потом ещё полдня играл с когтеточкой, устроив настоящую охоту на мячик. К следующему визиту нового друга Василий успел перетащить лежанку в своё дупло, а мячик истрепать до состояния мочалки.

И вот теперь, тщательно вымыв и вытерев одноразовым полотенцем миску, уложив её в рюкзак вместе с запасом лосося, Эрик отправился в путь по тёмному лесу. Он прекрасно видел всё вокруг, и темнота наполняла его душу спокойствием и уверенностью. Он ощущал биение жизни в каждом дереве, в каждом цветке и травинке, видел в зарослях маленьких зверьков, а в густых ветвях — уснувших до утра птиц. Иногда ему, как и раньше, хотелось превратиться в волка, чтоб пробежаться по лесной тропе, или в летучую мышь, чтоб в странном танце взмыть над густыми кронами деревьев, ощутив кожистыми крыльями прохладу ночного ветра, но он привычно отмечал это хотение и, сказав себе: «Перехочется», продолжал шагать на своих двоих.

То ли он уже свыкся со своим новым состоянием, то ли медитативные практики, которым он посвящал много времени, возымели своё действие, но он уже не так волновался из-за того, что с ним происходило. Он верил, что доктор делает всё, чтоб помочь ему, но пока его усилия были тщетны, и Эрик где-то в глубине души уже смирился с тем, что ничего сделать нельзя, и скоро он превратится в жуткое кровожадное чудовище. И чтоб никого не кусать, ему придётся навсегда остаться здесь, в этой пещере над лесной долиной, вечным отшельником и сказочным монстром, прячущимся не только от людей, но и от дневного света.

А свет раздражал его всё больше, и всё чаще досаждали сны, где он перегрызал кому-то горло и воровал маленьких детей из колыбелей, чтоб потом съесть. Довольно жуткие сны, тем более отвратительные, что во сне это всё казалось ему естественным и даже приятным. А, проснувшись, он снова становился собой, терзаясь от происходящих с ним перемен и

мечтая о выздоровлении. Через какое-то время он успокаивался, медитация снова умиротворяла его, наполняя душу светом надежды и просветления, и какое-то время он мог заниматься своими делами, не мучая себя страхом перед самим собой.

Так, шагая под пологом густых ветвей и легко перескакивая через поваленные стволы старых деревьев, пробираясь сквозь заросли папоротника и переходя вброд небольшие ручьи, он думал о том, что вот сейчас его жизнь не так уж плоха, и даже очень хороша, потому что он осознаёт себя человеком и идёт по ночному лесу не для того, чтоб кого-нибудь убить и съесть, а чтобы накормить и приласкать котика, а значит, для него ещё не всё потеряно. Потому что любовь к котикам, это качество чисто человеческое и вряд ли оно было бы понятно вампиру. Хотя, кто его знает? Вася вполне способен уболтать самого Дракулу, и тот начнёт охотиться на мышей, чтоб сделать ему приятное.

Эта мысль окончательно улучшила его настроение, и он даже начал насвистывать, слыша, как откликаются в лесной чаще маленькие птички, сквозь сон слышавшие эту нехитрую мелодию. Вскоре вокруг посветлело, словно розово-белые стволы берёзок излучали мягкий свет, и он вышел на поляну перед волшебным дубом. Здесь было светло от нежно-изумрудного сияния, льющегося от могучей кроны. В этом сиянии матово поблескивала тяжёлая золотая цепь, навеявая воспоминания о праздничной иллюминации в новогоднюю ночь, когда золотые шары поблескивают в зелёной роскоши еловых веток. Эрик посмотрел туда, в надежде увидеть Василия, и едва не споткнулся об него, невозмутимо сидевшего посреди тропинки.

— Не думай, что я ждал тебя, — тут же заявил кот, подняв голову и сверкнув своими золотистыми глазами. — Я просто спустился размять лапы. Цепь, знаешь ли, не самое удобное место для кошачьих лап. Она твёрдая и скользкая. Диван куда лучше. Но я предпочитаю кресло перед пультом.

— Перед каким пультом? — прищурился Эрик, который всё ещё надеялся пробудить воспоминания Василия о его прошлой жизни.

— Не отвлекайся, — кот поднялся и, потянувшись, затанцевал на тропинке, словно невзначай вытираясь о его ноги то одним, то другим боком и даже привставая от нетерпения на цыпочки. — Что ты мне принёс?

— Рыбу, лосося, — ответил Эрик и направился к широкому ровному пню, где обычно проходила кошачья трапеза.

— Лосося в сметане? — оживился кот и тут же мечтательно добавил: — Такие голубые красивые баночки с рыбками на этикетке, серебристыми рыбками, которые плавали, когда возьмёшься за колечко на крышке.

— Нет, Вася, обычного лосося. Он ещё сегодня плавал в ручье. Но я его поймал, почистил и нарезал одинаковыми ровными кусочками, как ты любишь.

— Прелестно! — мурлыкнул кот и впереди него поскакал к пеньку, на котором стояла миска с прынцем, наполненная чистой водой.

Пока Эрик выставлял мисочку с мордочками и выкладывал туда лососинные кусочки, Вася крутился вокруг и тёрся о его руки, что-то бархатно рыча на неизвестном языке. Потом он принялся жадно есть, и лишь под конец трапезы присел и закрыл глаза, смакуя каждый кусок.

— Там ещё осталось? — уточнил он, вылизав миску.

— Ещё на один раз. Или хочешь съесть всё сразу?

— Сложный выбор, — задумался кот. — Но, пожалуй, пока я сыт, так что оставим

удовольствие на потом.

Он уселся посреди пенька и принялся вылизываться, в то время как Эрик сидел рядом, почёсывая его за ушами.

— Кошки — счастливые существа, — пробормотал он, посмотрев на Василия. — Такое чувство, что вас вообще ничего не волнует...

Василий удивлённо посмотрел на него.

— Нечто подобное сказал в своё время Генри Бейтс, но он наверняка не пробовал полдня вылизывать меховую муфту. Хочешь попробовать?

— Нет, спасибо.

— Зря, потому что, попробовав, ты не стал бы так уверенно рассуждать о кошачьем счастье. У всех, знаешь ли, свои проблемы. И прежде чем судить о жизни кошки, нужно пройти тысячу ли её лапками. Кажется, так говорят у вас в Китае?

— Почти, — согласился Эрик. — Извини, я просто немного завидую твоему философскому взгляду на происходящее. Если б я мог так спокойно относиться к проблемам.

— А что у тебя за проблемы? — уточнил Василий и снова вернулся к умыванию. — Хочешь об этом поговорить? Я к твоим услугам. Коты — отличные психотерапевты, всегда выслушают, не будут читать нотации, и даже, может быть, посочувствуют. Итак?

— Я вампир, — неожиданно признался Эрик и настороженно посмотрел на кота, опасаясь, что тот, как начитанное существо, знает, что это такое, и испугается.

Но кот неожиданно хихикнул. Это было удивительно, потому что раньше Эрику не приходилось видеть хихикающих котов.

— В детстве ты наверно писал на стенах: «Ван Хелсинг — козёл»! — выдал Василий и тут же смутился, что выразилось в активном вылизывании лапы. — Извини. Неуместная шутка. Иногда я бываю бестактен. Это плохо и я над этим работаю. На самом деле я знаю, что ты вампир.

— Правда? — опешил Эрик.

— Ну, конечно! Это же сразу видно! Ты приходишь только в тёмное время суток. У тебя красные горящие зрачки, и при этом ты явно не сиамской породы. От тебя не пахнет обычной едой. Мы всегда нюхаем рот у своих людей, чтоб убедиться, что они полноценно питаются. А от тебя едой не пахнет. И иногда у тебя торчат клыки. Совсем как у меня, когда я весело улыбаюсь!

И он продемонстрировал свою улыбку, которая выглядела, как жизнерадостный оскал, навевавший воспоминания скорее о саблезубом тигре, чем о Чеширском коте.

— Уверяю тебя, это дело житейское! — продолжал кот, подойдя ближе и положив лапу ему на колено. — Мы, коты, тоже немного вампиры по части ночной жизни, горящих зрачков и обаятельных улыбок. Правда, мы не сосём кровь, хотя моя мама часто жаловалась, что я немало у неё кровушки попил, когда был котёнком. Но это между нами. Я уверен, что быть человеческим вампиром не слишком удобно, но это не труднее, чем, будучи внешне обычным котом, обладать глубоким интеллектом и энциклопедическими знаниями. Ты не представляешь, как это раздражает, когда тебя называют кисиком и пытаются схватить и погладить совершенно посторонние люди. Никакого уважения! А потом приходится часами отмываться от чужого запаха на шерсти! Но я привык!

— Я тоже привык, — согласился Эрик. — Быть человеческим вампиром. Но теперь я становлюсь совсем другим, злым и кровожадным. Ну, как тебе объяснить... Ты читал

«Дракулу»?

— Да, — с суровым видом кивнул Василий. — В детстве. И потом долго мечтал отрастить крылья, чтоб отловить всех летучих мышей в округе.

— Тогда ты понимаешь, о чём я. Я стану таким же противным и жестоким, как тот граф.

— Нет, ты добрый, ты любишь кошек. Это доказывает, что ты очень хороший.

— Я трансформируюсь, и, очень может быть, что скоро тебе придётся прятаться от меня, а я попытаюсь тебя поймать и съесть...

Василий нахмурился. Странно было видеть, как напряглась его мордочка и на лбу собрались меховые складочки.

— Этому должна быть причина, — заявил он, немного подумав, — а если есть причина, то её можно устранить. Ты знаешь, почему это с тобой происходит?

— Да, меня заставили выпить кровь Короля драконов. Это такая белая субстанция, похожая на пену или на туман. Мы пытались выяснить, что это и какое от этого есть противоядие, но не смогли. Если б нам удалось раскрыть эту тайну и узнать о природе этого вещества и его действия...

Эрик в отчаянии покачал головой и смолк.

— Тоже мне, бином Ньютона, — промурчал Василий, и снова лизнул лапку, после чего посмотрел на неё, словно определяя, достаточно ли бел его тапочек, опустил её и, подняв глаза к небу, процитировал: — «Кровью Короля драконов называется тинктура, изготовленная в час семи чёрных лун. Для этого нужно взять три части крови тёмных сестёр, смешать её с одной частью крови рогатого дракона трёх веков возрастом и одной частью крови белого варана. После этого в данную смесь следует добавить две ложки языков саламандры и щепотку высушенных костей медузы. Поставить всё это на огонь, разожжённый из трёх поленьев унылого гранита, посыпанных киноварью, и мешать всё это палочкой из песка в течение двенадцати лет, не допуская выкипания. После этого перелить полученную субстанцию в миксер и взбить в течение трёх минут на средней скорости. Добавить дольку лимона и употребить до рассвета. Раствор может быть сохранён на более длительный срок путём добавления в него диоксида серы или каустической соды. Добавление для вкуса этилового спирта не меняет свойств напитка, что и позволяет называть его тинктурой». Всё.

— Что это значит? — озадачено спросил Эрик.

— Понятия не имею. Я цитирую. Возможно, в данном рецепте присутствует шифр, что было в обычае у алхимиков. Так, чёрным драконом назывался раздробленный свинец, красным львом — золото или сера, а белой лилией — соляная кислота. Поскольку саламандры — существа неуловимые и языки у них вырвать невозможно, как и получить кости медуз за неимением таковых, я полагаю, что тут имеется в виду совсем не то, что написано, но что именно, мне неизвестно. Единственное, что можно утверждать с некоторой долей уверенности, что палочка из песка — это стеклянная палочка, а миксер — это просто миксер. Я мог бы произвести терминологический анализ этого рецепта с учётом всех известных мне алхимических текстов, но это займёт некоторое время и вряд ли поможет в твоём случае. К тому же я полагаю, суть данного вопроса тебе не интересна, а потому перейдём к разделу «Лечение». Там одно предложение: «Единственным противоядием от крови Короля драконов является кровь ангела».

— И всё?

— Всё, что было в этом источнике. Другие мне неизвестны.

— Но для вампиров кровь ангела — яд!

— Всё — яд, всё — лекарство; то и другое определяет доза. Эти слова приписывают Парацельсу, хотя на самом деле он сказал: «Всё есть яд, и ничто не лишено ядовитости; одна лишь доза делает яд незаметным». Как изменился смысл, верно?

— Василий, не отвлекайся, — с волнением проговорил Эрик. — Значит, нужно определить дозу? А как?

— Странно, что ты не спрашиваешь, где взять кровь ангела.

— А ты знаешь?

— Естественно.

— Где?

— У ангела.

— Гениально, а где взять ангела?

— Тебе с углублением в историю вопроса или...

— Или! — выпалил Эрик.

— Спроси у дьявола. Он знает.

— Это загадка?

— Это ответ. У тебя есть всё, что нужно, — кот деловито забрался ему на колени и улёгся, вытянув лапы. — А теперь можешь меня погладить. Это очень помогает думать. Будут вопросы, разбуди.

Он закрыл свои жёлтые глаза, и из его пушистого тельца послышалось уютное громкое мурлыканье.

Вернувшись к себе в пещеру, Эрик постоянно думал о том, что сказал Василий. Он не мог найти себе места, ожидая, когда появится доктор МакЛарен, и вскоре уже совершенно убедил себя в том, что получил ответ на самый важный вопрос в жизни: как остаться собой. Его уже не смущало, что в качестве лекарства ему советовали принять яд. В конце концов, даже если он отравится, может, это и к лучшему. Какая разница: свето-шумовая граната или кровь ангела? Исход один, но, по крайней мере, он не будет представлять опасности для окружающих и хотя бы умрёт человеком.

Он почти не спал эти дни, и всё же не чувствовал усталости. Раз за разом он обдумывал все варианты и всё больше склонялся к тому, что хочет испробовать этот способ лечения. Единственное, что его угнетало, это то, что не удастся раздобыть эту самую кровь ангела, или, может, она окажется такой же загадочной субстанцией, как и кровь Короля драконов.

И вот однажды заслышав снаружи хлопанье огромных крыльев, он бегом устремился наружу, и дневной свет больно ударил его по глазам. В этом сиянии он увидел крылатую фигуру, и в какой-то момент ему показалось, что это сам ангел явился на его зов. Но потом он немного привык к свету и успел увидеть, что сложившиеся и исчезнувшие за спиной крылья чёрного цвета, а их обладатель облачён в серебристые латы со странными письменами.

— Наконец-то, док! — воскликнул он, кинувшись к Джулиану. — Я знаю, что меня спасёт или погубит окончательно, но я в любом случае хочу попробовать! Мне нужна кровь ангела!

Тот слегка озабоченно посмотрел на него и прошёл мимо в пещеру, чтоб поставить на землю в прохладном полумраке контейнер с запасом сыворотки и концентрата.

— Добрый день, Эрик, — проговорил он. — Рад видеть тебя в добром здравии. Значит, ты решил, что тебе поможет кровь ангела? Может, объяснишь, откуда явилось сие откровение?

Эрик поспешно и оттого сбивчиво поведал ему о разговоре с Василием. Доктор слушал его внимательно и ещё внимательнее смотрел в глаза, словно прислушиваясь к чему-то внутри себя. Хотя, возможно, он просто рассматривал ярко запечатлевшиеся в памяти Эрика воспоминания об этой беседе. И хоть Эрик не смог вспомнить дословно цитату, которую изрёк Василий, у МакЛарена не возникло вопросов относительно рецепта и источника, из которого он был почерпнут высокоумным котом. Док просто понял, что Эрику даже в голову не пришло поинтересоваться этим.

— Что ж, — задумчиво произнёс он, наконец, — это не лишено смысла, хотя и небезопасно. Кровь ангела насыщена божьей благодатью, как кровь человека эритроцитами. А благодать — самое сильное средство против любого зла. Однако она может быть опасна не только для нечисти, но и для физиологического вампира.

— Мне всё равно, — заявил Эрик. — Я всё обдумал. Я лучше умру от отравления, чем превращусь в чудовище.

— Ну, ты вряд ли умрёшь от небольшой дозы. Я помню случай, когда некий вампир напал на ангела и успел высосать немного крови. Потом ему стало очень плохо, но он, к сожалению, не умер.

— Он излечился? — с надеждой спросил Эрик.

— Нет, — ответил МакЛарен. — Его, вернее её, потом убил Хок. Но, видишь ли полагаю, что та странная дама, полуоборотень, полувампириша уже родилась такой, а вовсе не была жертвой отравления кровью Короля драконов. Ты, в сущности, обычный человек, с врождённым генетическим отклонением, потому кровь ангела не должна быть для тебя смертельно опасной. Теоретически.

— Теоретически? — тревожно переспросил Эрик. — То есть всё это только теория, а практически? То есть, я понимаю, что ещё нужно раздобыть кровь ангела, а это может быть не так просто. Вернее, я вообще не представляю, как это сделать. По правде говоря, я никогда не верил в ангелов. Ну, не больше, чем в дьявола... Извините, док. Я глупости говорю.

— Нет, не глупости. И ангелы существуют. Я, кстати, по утверждению некоторых не дьявол, а как раз ангел, только тёмный.

— Так может?..

— Нет, моя кровь не подойдёт. Никакой благодати в ней нет, скорее, даже наоборот.

— Значит, всё зря? Вы не можете раздобыть кровь ангела? Ведь для этого не обязательно его убивать! Хотя его ещё нужно найти, а вам наверно сложно подняться туда, где они живут...

Эрик бормотал всё это, тревожно глядя куда-то мимо Джулиана, и тому пришлось щёлкнуть пальцами у него под носом, чтоб прекратить словесный поток.

— Раздобыть кровь ангела — самое лёгкое в этом деле. Я знаю одного, и он сейчас здесь, в этом мире. Он даст несколько капель, а больше и не понадобится. Я просто хочу, чтоб ты понимал, что эта процедура хоть и может дать некий положительный эффект, скорее всего, окажется очень болезненной.

— Это ерунда, — устало проговорил Эрик. — Я готов немного помучиться, если после этого всё закончится. Я потерплю. Давайте попробуем, док, Если не получится, будем искать

другой способ.

— Ладно, — вздохнул МакЛарен. — Я скоро вернусь.

И, развернувшись, он вышел из пещеры и, взмахнув крыльями, исчез, а Эрик опустился на землю у стены и тоскливо посмотрел на низкий сырой свод у себя над головой. Он уже начал привыкать к этому жилищу и одиночеству, изредка скрашиваемому общением с Василием. Но как же ему хотелось вернуться на «Пилигрим», который стал его вторым домом, снова увидеть ребят и жить обычной человеческой жизнью! И, конечно, Васю он заберёт с собой. А если не получится, то нужно уговорить дока отнести кота на «Паладин», чтоб хотя бы он вернулся домой.

Доктор МакЛарен возвратился довольно скоро. В руках у него был небольшой металлический контейнер, а в нём — обычный одноразовый инъектор и крохотная стеклянная капсула с красной жидкостью, по виду ничем не отличающейся от обычной крови.

— Я думал, что кровь ангела выглядит как-то не так, — признался Эрик, закатывая рукав, пока доктор вставлял капсулу в инъектор.

— Голубая и светится в темноте? — уточнил доктор. — Такая кровь у близнецов с Тиконы. У ангелов кровь такая же, как у тех существ, в которых они воплощаются. Выйдем на воздух. Я понятия не имею, какая будет реакция, и лучше, если вокруг не будет жёстких стен и потолка.

Они вышли на заросшую мягкой травой площадку перед входом в пещеру, и Эрик послушно лёг на матрас, расстеленный на земле. МакЛарен склонился над ним и пояснил:

— Сначала я введу небольшую дозу, один миллилитр. Это капля, не больше. Посмотрим на реакцию, потом, если что, добавим.

Эрик кивнул и посмотрел в серое небо, а МакЛарен приложил инъектор к его руке и нажал на поршень. Эрик почувствовал лёгкое жжение на коже, но потом оно стало быстро распространяться по руке, разгораясь всё сильнее. Ему показалось, что он сунул руку в огонь, в глазах потемнело, а обжигающее изнутри пламя быстро распространилось до плеча, захватило грудь и разлилось по всему телу. Эрик застонал и выгнулся, сражаясь с болью, но доктор МакЛарен положил руку ему на лоб и повелительно произнёс:

— Расслабься. Дай лекарству сделать своё дело. Не мешай.

Эрик потерял сознание и бессильно опал на матрас. Следующие полные сутки он метался в горячке. На его губах то и дело выступала белая мерцающая пена, а одежда вскоре пропиталась белёсой субстанцией, выделяющейся из всех пор на коже. Чтоб смыть её, Джулиан отнёс его вниз к ручью, но не решился опустить его в воду, опасаясь, что выходящие из тела токсины отравят ручей. Он опустил его на траву рядом и поливал ледяной водой, и вскоре заметил, что трава вокруг начала чернеть и скручиваться, как от огня. После этого он предпочёл перенести его на камни выше по склону. Теперь отравленная вода уходила вглубь горы, не причиняя вреда ничему живому.

Затем горячка сменилась глубоким забытьём, тело Эрика остыло и стало холодным, как лёд, но Джулиан чувствовал, что в его глубине уверенно пульсирует жизнь. Он перенёс его в пещеру и, уложив на матрас, укрыл одеялами. Он боролся с искушением приступить к реанимации, понимая, что это не обычный случай комы, и в данном случае организму нужно дать возможность самостоятельно справиться с болезнью. В конце концов, его пациент был не просто человеком, и его способность долгое время находиться в состоянии анабиоза предусмотрена природой. И всё же он тревожился и старался не отходить от него надолго и

часами сидел рядом, откинувшись на холодную стену пещеры и прислушиваясь к медленному и тихому биению сердца Эрика. И со временем, к его облегчению, это беспмятство перешло в глубокий спокойный сон.

Прошло ещё несколько дней, и однажды Эрик глубоко вздохнул и открыл глаза. Заглянув в них, Джулиан увидел на дне зрачков красноватый отблеск, но это было нормально.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он, положив руку на холодный лоб, и Эрик на минуту закрыл глаза, а когда снова открыл их, сообщил:

— Гораздо лучше. И голоден, как зверь...

— Хочешь зайчика или кого-нибудь покрупнее?

— Хорошая шутка, док, — оценил Эрик. — Вы, кажется, принесли мне запас еды. Я бы принял сразу тройную дозу. И на первый раз, пожалуй, хватит.

Джулиан сходил за концентратом, и вскоре Эрик уже сидел рядом, зябко кутаясь в одеяла, и рассказывал о том, что перенёс, находясь в коме. Это были сбивчивые воспоминания о ночных полётах, огненных реках и ледяных скалах. Джулиан слушал его внимательно, пытаясь понять, были ли это путешествия оторванной от тела души в иные миры, или просто так причудливо реагировал мозг на трансформации тела, вызывая наиболее подходящие видения. Так и не придя к чему-то конкретному, он всё же решил, что его пациент пошёл на поправку и более не нуждается в сиделке.

Пообещав вскоре заглянуть, он решил вернуться к другим своим делам, тем более что теперь у него появилась проблема, занимавшая его куда больше, чем выздоровевший пациент. Эрик вышел проводить его на улицу. Был тёплый летний день, и с голубого неба струились потоки нежного жемчужного света. Тёплый ветер налетал со стороны лесной долины, а в небе кружили большие птицы. И Эрик поймал себя на том, что ему больше не хочется присоединиться к ним. И уже потом он заметил, что стоит с удовольствием подставив лицо мягкому свету, льющемуся сквозь слой облаков, не испытывая при этом никаких неприятных ощущений.

— Мне кажется, помогло, — поделился он своей догадкой, с улыбкой взглянув на доктора. — Я слегка оглох, потому что не слышу того многообразия звуков, какое было доступно мне недавно. Но зато дышу теперь полной грудью и в голове легко и светло. Спасибо, док.

— Пожалуйста, — кивнул Джулиан, внимательно глядя на него, и не замечая никаких отклонений от его обычного состояния. — И всё же давай немного понаблюдаем. Если не будет рецидивов в ближайшее время, я думаю, можно будет говорить о полном успехе лечения.

— Давайте понаблюдаем, — беспечно пожал плечами Эрик и снова окинул взглядом зелёную долину внизу. — Но мне кажется, я в полном порядке. И теперь я могу вернуться к людям, не опасаясь, что загрызу кого-нибудь в состоянии помрачения рассудка. Васю я возьму с собой.

— Отлично, — одобрил его намерение Джулиан. — В таком случае я принесу рюкзак-переноску и запас кошачьих консервов. Эти неженки не любят ходить своими мягкими лапками по грязным дорогам и лесным тропам, на которых встречаются лужи и колючки.

Спустя два дня, ранним светлым утром Эрик осторожно накинул на плечи лямки рюкзака, в котором у прозрачного окошечка удобно устроился на мягком коврикe Василий. Они отправились в дальнюю дорогу к звездолётам. А позади них медленно меркло сияние

изумрудной кроны волшебного дуба, который постепенно возвращался в своё состояние большого, старого и совершенно обычного дерева. Белочки с него разбегались на соседние деревья, цепь постепенно таяла в воздухе, как меркнущая голограмма, и только окрестные берёзовые рощи всё так же звенели птичьим хором под ясными голубыми небесами.

Я сидела на парапете башни замка на Грозовой горе, опершись спиной об обломанный зубец и задумчиво смотрела на медленно плывущие на некотором расстоянии от меня желтоватые тучи. Всё вокруг заливал странный золотистый свет, и изредка проглядывало светло-голубое небо. С тех пор, как загадочный маг короля Ричарда утихомирил шторм, погода на Грозовой горе стала налаживаться. Та буря, что царила здесь раньше, так и не вернулась. Тучи постепенно посветлели и стали рыхлыми, как чёсаная овечья шерсть. Дождь едва накрапывал и временами переставал мочить старые тёмные камни крепости. Гром грохотал теперь где-то далеко, слабыми одиночными раскатами, а молнии сменились редкими вспышками, напоминающими лихорадочно мигающие лампочки, завёрнутые в слой старой ваты.

В восточных горах, наконец, воцарился покой. Войско, пришедшее с запада, удалилось туда, откуда пришло, гарнизон цитадели Девы Лардес встраивал в крепостную стену новые ворота, а в замке на Грозовой горе снова стало тихо и даже немного скучно. Ничего не происходило. Я почти не видела Бена, который всё чаще запирался в своей комнате, набитой магической литературой, да и Эл Багси как-то неохотно шёл на контакт, видимо, опасаясь сболтнуть лишнее.

Я не знала, чем заняться. Джулиан не появлялся, явно занятый своими делами. Самой мне никуда лететь не хотелось. Я чувствовала, что что-то произошло, что-то в этом мире изменилось, пошло не так, как раньше, но что, я понять не могла, потому что сама осталась прежней. Я не могла избавиться от мысли, что мне нужно что-то сделать, что-то важное и судьбоносное, что-то, что приблизит нас к заветной цели, но что, я не знала, и шевелиться мне не хотелось. Мне больше нравилось вот так сидеть на парапете башни и смотреть, как медленно меняют свою форму грязно-жёлтые тучи, иногда приоткрывая кусочек ясного голубого неба. Это бесконечное и неуловимое движение завораживало, и я пребывала почти в медитативном состоянии. И думала об Эладаиле. Я почему-то была уверена, что именно его явление изменило ситуацию или, по меньшей мере, погоду, и снова жалела, что он не задержался на минутку, чтоб сказать мне пару слов своим волшебным голосом и явить мне свой несравненный лик.

Мне было немного стыдно за своё бездействие, но я понятия не имела, за что схватиться и что предпринять, чтоб сдвинуть своё расследование с мёртвой точки. Так я и сидела, вытянув ноги и глядя на тучи, когда на площадку вышел Зикур. Он сильно изменился после встречи с Аресом, его плечи расправились, он очистил свою кольчугу от ржавчины и даже помыл голову и начал расчёсывать волосы, которые из засаленных патл превратились во вполне ухоженные светло-каштановые локоны. Похоже, он уже чувствовал себя рыцарем Девы Лардес, но пока выполнял свою миссию за пределами цитадели. И этой миссией была я. Он, кажется, назначил себя моим личным ординарцем и телохранителем, следовал за мной по пятам и старался предугадать любое моё желание, чтоб тут же его выполнить. Меня это забавляло, но совсем недолго, а потом начало слегка раздражать, но обижать его не хотелось, и я терпела его присутствие, от которого могла скрыться только в своей комнате, куда он не решался войти из деликатности.

Подойдя, он какое-то время стоял рядом, глядя на тучи, но, не увидев там ничего интересного, повернулся ко мне.

— Моя леди, — произнёс он очень почтительно. — Мне нужно на некоторое время покинуть замок, если вы не будете возражать.

Я с удивлением взглянула на него, потому что не могла вспомнить, когда это раньше он просил у меня увольнительную. Он был совершенно серьёзен, и я, наконец, заметила, что на его плечи накинута плотный войлочный плащ, который сбоку топорщится от ножен меча.

— А куда вы собираетесь? — спросила я из любопытства.

— Мы с моими товарищами рыцарями Керлом и Фремелом хотим съездить на ярмарку в город Турлан. Они хотят купить новые доспехи и оружие, да и мне перед возвращением в цитадель нужно обновить кое-что из вооружения.

— Они надеются вступить в гарнизон цитадели? — поинтересовалась я.

— Если вы не против, — тут же уточнил он.

— Ах, да, это же моя цитадель, — пробормотала я рассеяно. — Нет, я не против. А что, в этом городе продают хорошее оружие?

— Хорошее оружие теперь, в преддверии войны, купить очень сложно, моя леди. Луар и его наёмники и вассалы скупают всё более-менее стоящее ещё до того, как кузнецы принимаются за работу. У оружейников заказы на месяц вперёд. Но в Турлане много кузниц, и поскольку начавшаяся там ярмарка посвящена Турлу, покровителю города, они обязаны выставить на продажу достаточно оружия, чтоб его хватило до конца торговых дней.

— А кто такой Турл?

Зикур слегка смутился.

— Моя леди забыла? Так зовут её брата бога-кузнеца, покровительствующего оружейникам и воинам, идущим в бой с мечами.

— Приятно слышать, что у меня есть брат, — глубокомысленно изрекла я. — А что ещё там будет?

— Там проходит большая ярмарка, туда съезжаются купцы отовсюду, чтоб продавать всякую всячину, от дорогих тканей и украшений до овощей и верёвок. Наверняка город уже наводнили бродячие артисты и менестрели, гадалки и борцы. А завтра до темноты состоится выход самого барона Турлана, которому принадлежит город. Обычно это бывает очень красивая процессия, идут советники магистрата в бархатных мантиях, богатые торговцы и старосты цехов со своими разодетыми в шелка жёнами и дочерьми, рыцари, живущие в соседних замках, жрецы местных храмов. В резном золочёном паланкине проедет баронесса в своём лучшем наряде из золотой парчи, следом пройдут слуги из замка, шуты будут показывать свои трюки, проведут свору огромных лохматых волкодавов, и, наконец, в окружении своих рыцарей проедет закованный в броню барон на огромном белом коне невиданной красоты. Его шлем будет украшать отделанная жемчугом золотая корона.

— Я вижу, вы видели всё это раньше, и это зрелище произвело на вас глубокое впечатление.

— Так и есть, моя леди. Я...

Неожиданно он замолчал, с испугом глядя куда-то за мою спину, а потом вдруг откинул плащ и схватился за рукоять меча. На его лице отразилась решимость сражаться до конца. Интересно с кем? Я обернулась и увидела направляющегося к нам Джулиана. Его чёрные крылья аккуратно сложились за спиной и исчезли, но это ничуть не успокоило Зикура, который выступил вперёд, видимо, собираясь защищать меня.

— Вы не могли бы на время оставить нас? — спросила я, пресекая его попытку вытащить меч.

— Но это...

— Да, это он, но мне бы хотелось поговорить с ним наедине. Вы позволите?

Я мило улыбнулась и Зикур, ещё раз тревожно взглянув на Джулиана, отошёл. Тот проводил его заинтересованным взглядом, а потом наклонился и поцеловал меня в щёку.

— Кто этот мальчик, ангел?

— Мой рыцарь, — ответила я. — У тебя же есть жрецы, как я помню, а у меня есть рыцари, целый гарнизон. Это — один из них.

— Ясно, — кивнул он, тут же утратив к Зикуру всякий интерес. — Я ненадолго...

— Конечно, — печально улыбнулась я.

— Прости, — он изобразил смущение, талантливо так изобразил. — Но у меня полно дел. Я с ног сбиваюсь, пытаюсь разрешить несколько загадок сразу, и вот в одной из них, кажется, забрезжил свет в конце туннеля.

— Надеюсь, это не прожектор идущего поезда.

— Я тоже на это очень надеюсь, — кивнул он. — Но чтоб понять это, мне нужна твоя помощь. Самая малость.

— Что же тебе нужно, любимый?

— Кровь ангела.

— Пинту? Две?

— Несколько капель и, уверяю, что она не попадёт в чужие руки.

Я задумалась.

— Ты собираешься охотиться на вампиров?

— Ну, почему сразу охотиться? — демонстративно обиделся он. — Скорее, я хочу использовать твою кровь в качестве целебного эликсира. Честно говоря, это вопрос жизни и смерти!

— Тогда без проблем! — пожала плечами я и начала закатывать рукав.

Он достал из кармана металлический футляр с одноразовым прибором для забора крови, в который уже была вставлена капсула, и поднёс его к едва заметной вене на сгибе моего локтя. Капсула наполовину заполнилась слегка пенящейся кровью.

— Этого хватит, — улыбнулся он. — Спасибо! — и с радостным выражением чмокнул меня в лоб. — Ты настоящий ангел!

— Я знаю, — усмехнулась я, возвращая рукав на место. — Не скажешь, зачем тебе всё это надо?

— Может, позже, если получится. Не хочу напрягать тебя своими проблемами. А как у тебя дела?

— Спасибо, что спросил. Скучаю.

— Ну, устрой себе выходной, слетай в какой-нибудь городок, пройдишь по лавкам. Может, купишь какие-нибудь сувениры для детей и родителей. Скоро домой.

— Правда? — я внимательно взглянула на него. — Ты что-то знаешь?

— Скорее, чувствую. Сам не знаю что, но у меня чемоданное настроение. Давай я слетаю по своим делам, потом прилечу к тебе и мы поболтаем. А пока, почему бы тебе не побаловать себя шопингом? Девочкам это нравится. Ах, да... — он сунул руку в подсумок, висевший у него на поясе, и достал оттуда увесистый кошелёк. — Карты Галакт-банка здесь, увы, не принимают. Будь умницей, — он снова поцеловал меня, на сей раз в губы, и исчез.

Я задумчиво смотрела на кошелёк, а потом заметила стоявшего неподалёку Зикура, который был явно шокирован моим поведением. Он просто не мог себе представить, что

Дева Лардес позволит себя целовать Ангелу Тьмы, да ещё отдаст ему свою кровь за кошелёк с деньгами. У меня не было ни малейшего желания объясняться с ним. Я спрыгнула с парапета и поправила чеканный пояс, на котором висел эфес Налоранта.

— По зрелому размышлению, друг мой, я решила составить вам компанию в вашем путешествии в тот город, — сообщила я. — Надеюсь, у вас найдётся для меня приличная лошадь, потому что, честно говоря, у меня сегодня неподходящее настроение для полётов.

Мы выехали из замка светлым вечером и ехали по горам всю ночь. Спать мне не хотелось, я наслаждалась тем, что сидела в седле красивой вороной лошадки, которая весело и прытко бежала по горной дороге, а я мягко приподнимаясь в седле в такт её шагам, могла любоваться окружающими дорогу остроконечными скалами, напоминающими пейзажи далёких планет. Я впервые путешествовала по горам не на крыльях, а верхом, и это было совсем другое ощущение. Мне нравилось смотреть на горные пики снизу вверх, так особенно ярко ощущалась их высота и величие. Копыта весело стучали по дороге, и позвякивали шпоры на сапогах моих спутников — трёх рыцарей, которые были преисполнены гордости оттого, что сопровождают меня в пути, словно не я сама навязалась к ним.

Видимо, Зикур не стал рассказывать своим приятелям о странном происшествии с Ангелом Тьмы, и оба алкорца смотрели на меня влюблёнными взглядами и, кажется, в глубине души стремились принести мне клятву верности и всю жизнь служить в цитадели, восхваляя красоту и доблесть своей святой покровительницы, то есть мою.

К утру горы остались позади, и Зикур пояснил, что мы поедем дорогой, ведущей в обход той долины, где стоит лагерем войско Сен-Марко, но успеем в город до торжественного выезда барона Турлана, направляющегося в храм бога-кузнеца Турла. Даже эта дорога в обход заняла у нас всего пару часов, и вскоре мы увидели живописную долину, окружённую со всех сторон густыми лесами. По ней протекало несколько серебристых извилистых речушек, а в самом центре возвышался высокий холм, на самой вершине которого стоял небольшой, хорошо укреплённый замок с мощными сторожевыми башнями, крыши которых были покрыты медью. Это было необычно, но явно говорило о том, что хозяин замка богат и влиятелен. Вокруг замка тремя кольцами, отделёнными друг от друга крепостными стенами, спускался по склону к подножью город. Его красные черепичные крыши и высокие шпили храмов выглядели нарядно. У подножья холма был выкопан широкий ров, в который впадала одна из рек, и потому казалось, что весь город стоит на острове, всплывшем из глубин озера. За ровом виднелась двойная крепостная стена с бойницами и зубцами на парапете, в центре которой располагались большие ворота. К ним вёл каменный мост из трёх пролётов, последняя часть которого была подъёмной. Сейчас она была опущена, и по мосту в город медленно втекал поток телег и всадников. Пеших путников было совсем немного. Должно быть, на ярмарку съезжались люди состоятельные, которым было что продать, и достаточно денег, чтоб что-то купить.

Мы выехали на дорогу и присоединились к этому ручейку направлявшихся в Турлан торговцев, рыцарей и крестьян. Проезжая по долине, я смотрела по сторонам, любясь пейзажами, и только подъехав к самым воротам, заметила то, что подпортило мне впечатление от этой романтической картинки. Крепостная стена наверху была утыкана пиками, с черневшими на них отрубленными головами, а чуть дальше виднелись виселицы, на которых покачивались тела разной степени разложения.

Заметив выражение моего лица, рыцарь Керл, приятный золотоволосый мужчина с

глубоким шрамом на лбу пояснил:

— Это преступники, моя леда, воры, убийцы, браконьеры. Борон Турлан следит за порядком в своих владениях. Но он щедр к тем подданным, которые соблюдают законы и платят налоги.

— Когда-то здесь стоял один лишь замок Турлан, но потом под его стенами стали селиться люди, искавшие защиты барона от набегов разбойников и землян, — проявил свою осведомлённость Фремел. — Так возникло внутреннее кольцо. За ним появилось второе, а следом и третье. Люди часто приходят сюда в поисках защиты и стабильности. Найти своё место в торговом городе — это удача, особенно если им управляет не магистрат, а разумный и рачительный хозяин, такой, как барон Турлан.

— А почему этот барон здесь? — спросила я. — Разве бароны сейчас не устремились на войну в поисках добычи и платы за службу?

— Он итак богат, — усмехнулся Зикур. — Барон Турлан имеет процент со всех торговых операций, которые совершаются в его городе. Ему важнее защитить то, что он имеет, чем искать прибыли на войне. Ну, и полагаю, что он просто выжидает, чтоб посмотреть, кто победит в войне и заключить мир с победителем на взаимовыгодных условиях. Он может себе это позволить.

В город мы въехали беспрепятственно. Стражники, стоявшие у ворот, с почтением посмотрели на меня, и мерцающая тульская кольчуга произвела на них глубокое впечатление. Прикинув, как я выгляжу со стороны, я решила, что вполне могла сойти за какую-нибудь алкорскую баронессу или графиню, приехавшую в город на ярмарку. Моя славянская внешность и золотистые волосы, вкупе с красивыми дизайнерскими доспехами, вполне соответствовала этому образу, как и три сопровождающих рыцаря весьма воинственного вида. Правда, стражники не забыли взять с нас въездную пошлину в размере серебряной монеты с каждого, которые Зикур небрежно высыпал на ладонь стражника, проезжая мимо него.

Городок был уютный и симпатичный, и живо напомнил мне такие же уютные и симпатичные городки в средней Франции, сохранившие свой колоритный средневековый вид и потому трепетно любимые туристами. Здесь тоже ходили горожане в средневековых костюмах, а вдоль улиц и на площадях стояли навесы и просто столы с товаром. Иногда торговцы располагались прямо на земле, расставив вокруг корзины с овощами и фруктами, бочки с солёной рыбой или множество покрытых глазурью расписных кувшинов. Я решила, что потом обязательно выберу такой кувшинчик, чтоб подарить его маме. В нём чудесно будут смотреться герберы из её подмосковного садика. Обещание Джулиана, что мы скоро вернёмся домой, приятно грело душу.

Мы медленно ехали вокруг внутренней стены города по третьему кольцу, где располагались основные торговые ряды. Завидев нас, прохожие почтительно расступались и некоторые даже кланялись мне, видимо тоже впечатлённые моим видом. Керла и Фремела прямо раширало от гордости, но Зикур четко помнил о своей миссии и потому свирепо смотрел по сторонам, держа руку на эфесе меча. Я же беспечно глазела по сторонам, размышляя, что ещё можно здесь купить в подарок домашним. Потом я решила, что куплю кожаный подсумок для Алика, вечно таскающегося по заповедникам и зоопаркам со своим ветеринарным чемоданчиком. Билли может понравиться филигранная пряжка для ремня, он у нас мальчик стильный. А Жале я привезу кружево ручной работы для нарядного платья.

От этих приятных размышлений меня отвлекло внезапное оживление на площади.

Народ начал собираться вдоль дороги, поглядывая в одну сторону. Потом оттуда послышался протяжный звук труб, и Зикур поспешно свернул с дороги.

— Сюда движется процессия, моя леди, — виновато пояснил он. — Если вы не собираетесь открыться барону Турлану, то лучше освободить ему путь.

Я не собиралась являть миру свой сомнительный статус святой воительницы, потому поспешно последовала его примеру. Впрочем, далеко отъезжать нам не пришлось. Как и несколько других всадников в богатой одежде, мы остановились рядом с дорогой и, хоть вокруг бурлила толпа, стремившаяся занять первые ряды, никто не решался приблизиться к рыцарским коням, видимо, опасаясь получить затрепину от рыцаря или удар копытом его коня. Как я слышала, рыцарские кони во время боя вели себя весьма агрессивно, и теперь нервно косили глазами и всхрапывали, размышляя, находятся ли они на поле брани, и нужно ли давить напирание на них орды, спасая своего хозяина.

Процессия, которой так восхищался Зикур, действительно выглядела живописно. Я часто видела карнавальные шествия в туристических городках Европы, но здесь всё было всерьёз. В глазах пестрили красивые, пошитые из дорогих тканей одежды, которые наверно извлекались по подобным случаям лишь несколько раз в году. Сверкали золотом и самоцветами драгоценные украшения и начищенное оружие, сделанные столь тщательно и изысканно, что я с удовольствием рассмотрела бы их поближе. После богатых горожан, членов магистрата и жрецов в разноцветных расшитых шёлком мантиях мимо нас проществовали лохматые огромные псы, которых псари барона с трудом удерживали на массивных цепях, а они свирепо лаяли на всех подряд и даже пытались устроить потасовки между собой. Потом подобно бродячему цирку проследовали придворные шуты и гимнасты, на ходу исполняя какие-то замысловатые трюки и кривляясь изо всех сил. Следом прошли разодетые в пух и прах придворные певцы и музыканты с флейтами и лютнями, исполнявшие изысканную и меланхоличную мелодию, на которую были положены стихи о прекрасной баронессе Турлан, нежной, как роза, и прекрасной, как рассвет в горах. Потом показались покачивающиеся на плечах четырёх одинаковых силачей носилки, с укреплённым на них креслом, закрытым сверху изящным парчовым балдахином. В кресле сидела та самая дама в платье из зелёной парчи. Она была, действительно, красива, с белым лицом, нежным румянцем, синими глазами и чёрными бровями. Её золотые волосы были заплетены в косы и перевиты нитями жемчуга. Проезжая мимо, она скользнула было по мне равнодушным взглядом, но потом вдруг повернула голову и взглянула в упор. Что-то вроде ревности мелькнуло в её глазах, но затем она сдержанно улыбнулась и вроде как даже кивнула. Я отметила этот благородный жест и тоже кивнула в ответ.

Следом за баронессой шагал строй одетых в одинаковые рейтузы и туники лучников. А за ними двигалась свита барона — маленькое, но блистательное войско из конных рыцарей в узорчатых парадных доспехах и шлемах, украшенных разноцветными конскими хвостами. Самом центре между ними шествовал высокий белоснежный конь размером с першерона, одетый в броню и покрытый сверху расшитой попоной зелёного цвета, украшенной гербом с рыцарским шлемом наверху и скрещёнными молотом и мечом внизу. В седле этого красавца восседал высокий рыцарь, полностью закованный в золочёные доспехи, и на его шлеме, в точности похожем на тот, что был изображён на гербе, поблескивала золотом и жемчугами корона. На его плечах красивыми складками лежал плащ, тоже зелёный и тоже украшенный гербом. Он представлял собой зрелище столь величественное и красивое, что я впервые на этой планете пожалела, что не могу запечатлеть этот момент для потомков. Увы, камеры у

меня при себе не было.

Трубы трубили, народ вокруг выкрикивал приветствия и благословения своему барону, а он ехал, поворачивая голову в шлеме и подняв руку в железной перчатке. Наверно процессия давно и неспешно спускалась с холма, делая круг по каждому кольцу, и за время пути сильно растянулась, отчего между рядами лучников и рыцарей появилось свободное пространство. Именно в этом пространстве вдруг и возникло что-то странное, отчего кони рыцарей шарахнулись назад, а в толпе раздались испуганные крики. Только барон на своём коне остался спокоен, он чуть натянул поводья и опустил руку, глядя на странную чёрную фигуру, возникшую перед ним. Выглядела она весьма зловеще, и вполне могла бы сойти за вестника смерти, потому что напоминала чёрного плакальщика в длинном плаще с низко опущенным на лицо капюшоном. И самым жутким было то, что она не шла, а как бы парила над дорогой на небольшой высоте, и под капюшоном ничего не было, кроме абсолютной темноты. Я сразу узнала того самого колдуна, что видела в мрачном измерении возле замка барона Грау. Это был Ротамон, и я сразу невольно потянулась за эфесом Налоранта.

Тем временем колдун выпростал из-под плаща белую худую руку с чёрными ногтями и протянул её к барону. А потом раздались страшные крики, полные боли и ужаса, и из доспехов окружавших барона рыцарей повалил чёрный удушливый дым. Их кони отчаянно заржали и, поднявшись на дыбы, помчались прямо в толпу, давя перепуганных людей. И только барон, сидел в седле, не двинувшись, и был невредим. А потом в колдуна полетели десятки стрел. Это уже прошедшие было вперёд лучники, быстро развернувшись, обстреливали его, накладывая на свои огромные луки тяжёлые стрелы, и их точности и быстроте можно было позавидовать. Спустя полминуты чёрный плащ на дороге напоминал безумного дикобраза, а потом просто опал на брусчатку, увлекая за собой все пронзившие его стрелы. Со всех сторон спешили стражники, некоторые ловили обезумевших коней, другие окружили барона и достали мечи.

К барону подбежали несколько пожилых мужчин в чёрном бархате, видимо, чиновники магистрата, он, чуть склонившись, что-то сказал им, и они двинулись в толпу, успокаивая людей и отдавая распоряжения об оказании помощи пострадавшим. Сам же барон Турлан махнул рукой герольдам, и они тут же снова затрубили в свои трубы. Строй процессии на удивление быстро восстановился и продолжил путь, как ни в чём ни бывало. Это ещё больше успокоило зрителей, и вскоре они снова радостно кричали, приветствуя своего барона, а я провожала зелёный плащ взглядом, испытывая к хозяину города огромное уважение.

Процессия закончилась так, как хотел барон Турлан, проследовав до храма Турла. Зрители разошлись по своим делам, а я с моими тремя спутниками отправилась в длинное путешествие по лавкам. Поздно вечером, нагруженные мешками с покупками наши кони были отведены в конюшню небольшой харчевни, хозяин которой не решился отказать нам в постое, несмотря на то, что все гостевые комнаты в его доме были заняты. Мне он предложил комнату своей дочери, а моим спутникам — три свежих тюфяка на чердаке, чем они остались очень довольны.

Поздно вечером мы спустились в нижний зал, заполненный народом. Между обычными длинными столами там были установлены деревянные козлы, с уложенными на них широкими досками, что позволило разместить в зале в два раза больше посетителей, чем обычно, но при этом превратило его в очень шумное и душное место, передвигаться по которому было сложно. Тем не менее, слуги ловко протискивались между спинами гостей,

разнося огромные кружки с элем, кувшины с вином, кубки и миски с закусками. Увидев нас, хозяин тут же освободил от грязной посуды край импровизированного стола в углу, куда мы кое-как смогли втиснуться вчетвером лишь после того, как мои спутники отцепили от поясов мечи, положив их возле себя на лавки.

Несмотря на некоторые неудобства, обед доставил мне удовольствие. По крайней мере, еда была свежей и вкусной, а вино — довольно приличным даже с учётом моих явно завышенных требований. Некоторое время мы молча поглощали тушёное с овощами мясо, свежий овечий сыр и недавно испечённый ароматный хлеб. За ними на столе появился пирог с яблоками и сливами, покрытыми шапкой взбитых сливок. Я заметила, что у моих спутников, уже сыто икающих, этот десерт вызвал особое воодушевление, видимо, нечасто им удавалось так полакомиться. Наконец, отложив деревянные ложки, они разлили по кубкам оставшееся вино и сыто заулыбались. Понятно, что уходить им не хотелось. Теперь весь этот шум и суета казались им признаками уюта и благоденствия.

— Хорошая ярмарка, — поделился своим мнением Фремел. — Не знаю, где б мне ещё удалось найти новую кольчугу и фигурные наручи. А здесь даже был выбор.

— Это точно, — согласился Керл. — В Турлане совсем не ощущается война. Может, это потому, что он так далеко от луара и Сен-Марко?

— Скорее потому, что барон Турлан не желает в ней участвовать, — усмехнулся Зикур. — Он из тех, кто предпочитает снимать сливки с чужого молока.

— Кому вообще нужна эта война? — проворчал Фремел. — Ладно, ещё мы, нам нужно защищать луар и свой народ, но какого дьявола здесь нужно землянам?

— Ты же знаешь, что они не могут спокойно сидеть на своих землях, даже если те большей частью пусты. Им непременно нужно захватывать чужие. Для них это вопрос престижа.

— Может быть... Тогда этот барон прав, что не лезет во всё это.

— Я так не думаю, — мотнул головой Керл. — Разве алкорский барон не должен защищать луар от захватчиков?

— Тихо ты! — толкнул его в бок Зикур. — Если кто-нибудь услышит, что ты сомневаешься в правильности действий барона, то рискуешь отправиться на ночлег в тюрьму.

— Если тебя просто не поколотят, — хохотнул Фремел. — Послушай, здесь за всеми столами произносят здравицы барону Турлану. Он суров, но справедлив, и его любят в городе. Думаю, что если кто-то попытается осадить его, все жители от мала до велика встанут на его защиту, не щадя своей жизни. Что им альдор? Что он сделал для них? А барон рядом. Он обеспечивает безопасность и благополучие. Он — их герой.

— Это можно понять, — кивнул Зикур. — Даже на меня произвело впечатление, как спокойно он воспринял нападение этого колдуна. Сразу видно, что он отважный воин, а потому я не собираюсь упрекать его в трусости после того, что видел сегодня. Честно говоря, это было страшно. Говорят, что несколько оказавшихся рядом с ним рыцарей сгорели заживо, а он и глазом не моргнул.

— Ещё бы, — Керл понизил голос. — Я слышал, что он нанял какого-то сильного мага, который обеспечивает ему защиту от проклятий и сглаза.

— Он что, знал, что это чучело объявится здесь? — уточнил Фремел. — Поговаривают, что на равнине бродит какой-то колдун, который сжигает людей одним взглядом, но не думал, что он появится на востоке.

— Полагаю, и барон не думал. Защита нужна ему для другого. Он решил объявить войну тёмным эльфам. Все знают, что они уже накопили много богатств в своих пещерах. Если ему удастся захватить их, то он станет ещё богаче, а если он перебьёт их, то сможет забрать себе все земли к востоку до самых гор.

— Надеюсь, ему это удастся, — проворчал Зикур. — У меня каждый раз мороз по коже, когда я слышу об этом странном народе. Они совсем не похожи на нас, и лишь некоторые земляне чем-то напоминают их. Они чужие, у них другая вера, другой язык, и при этом они очень ловко орудуют и здесь, и на западе. Говорят, что все они маги и колдуны, и со временем подчинят себе весь мир.

— Вряд ли, — покачал головой Фремел. — Я знаю, что у них есть договор с луаром, и альдор принимает их у себя.

— Разве колдунам обязательно держать слово? — пожал плечами Керл. — Они чужаки. Может, наши клятвы для них — пустой звук. Они просто играют в поддавки, чтоб потом нанести удар. Так что пожелаем барону Турлану победы в его войне.

Они подняли кубки и вопросительно посмотрели на меня, но я отрицательно покачала головой.

— Я не пью за войну.

— Мудро, — одобрил Зикур и выпил. — И всё же Турлан заслуживает уважения. Посмотрите, как всё устроено в этом городе. Везде порядок и благочиние. Никаких карманников и смутьянов. А как быстро развернулись в боевой порядок лучники и вмиг настигали этого колдуна стрелами! Ни одна не пролетела мимо. И это в общей панике и суете. Это настоящая алкорская выучка.

— Только что толку? — усмехнулся Керл. — Колдун-то сбежал, оставив им только свой плащ, а значит, скоро объявится снова и будет более осторожен. Надеюсь, придворный маг барона будет готов к этому.

— Я слышал, что этот колдун уже появлялся в луаре, — сообщил Фремел. — Его даже поймали, засунули в клетку и так же утыкали стрелами, а потом подвесили на стену. А он после этого появляется то здесь, то там, цел и невредим. Разве можно убить колдуна стрелами?

— Как вы сказали? — переспросила я, невольно выпрямившись.

— Я говорю, что такого сильного колдуна нельзя убить стрелами, моя леди, — повторил он, тревожно глядя на меня. — Что-то не так?

— Всё не так, друг мой, — пробормотала я. — Ведь и верно, колдуна нельзя убить стрелами. И лазерным лучом, полагаю, тоже.

— Ну, да, наверно, — растерялся он.

Я резко встала из-за стола.

— Зикур, я прямо сейчас возвращаюсь в замок. Не забудьте мою лошадь и покупки.

— Что-то случилось? — вскочил он. — Может, я...

— Вы не можете меня сопровождать, если, конечно, не умеете летать. Не беспокойтесь. Со мной ничего не случится.

Я начала протискиваться к выходу, постоянно извиняясь по привычке, хотя здесь все воспринимали моё поведение совершенно спокойно. Выйдя на улицу, я даже не стала уходить далеко от дверей, потому что шатавшиеся вокруг нетрезвые личности вряд ли поверили своим глазам, когда увидели, как у меня отросли крылья, и я резко взмыла в небеса и скрылась из виду, направляясь на восток.

Я спешила в замок на Грозовой горе, потому что теперь знала, что на самом деле произошло с Азаровым, и ругала себя за то, что раньше не увидела совершенно очевидного. Бен не мог убить Азарова! А значит, Азаров жив!

По пути моё возбуждение немного схлынуло. Ночной ветер остудил мою голову, и я решила всё проверить, перебирая известные мне факты, все разговоры с Беном, его внезапные откровения и уклончивые ответы, неловкие оговорки Эла и, наконец, то, что мне было известно об обстоятельствах этого загадочного убийства. И сколько я ни думала об этом, я всё больше убеждалась в том, что убийства не было. Его не могло быть. И теперь мне нужно было выяснить, что произошло на самом деле, и с какой целью Бен устроил эту грандиозную мистификацию.

Вернувшись в замок, я сразу же отправилась искать Олдриджа, и каменный коридор, распрямившись, как стрела, привёл меня к дверям тронного зала. Зал в ночную пору был пуст, и я, пройдя по нему, поднялась по ступеням и подошла к двери за спинкой чёрного трона. Решительно взявшись за ручку двери, я распахнула её и вошла.

Бен был здесь. Он сидел в жёстком кресле возле стола, зябко кутаясь в свой плащ, и читал при скудном свете свечи какую-то книгу. В комнате было холодно, огонь в камине почти погас, а в окно сильно дуло. Но он, похоже, не мог оторваться от своего занятия, чтоб встать и подкинуть дров в камин.

— Я занят! — гневно пророкотал он, увидев меня на пороге.

— Вам придётся прерваться, командор, чтоб уделить мне несколько минут, — заявила я, подходя к столу.

Он рассердился.

— Здесь вам не земной космофлот, чтоб вы могли командовать мною! В своём доме я хозяин! — вспыхнул он.

— Пытаетесь меня выгнать?

— Прошу удалиться.

— Это вряд ли, пока не услышу ответов на свои вопросы.

— Я уже сказал вам всё, что считал нужным, и большего вы от меня не дождётесь! — рывкнул он и тут же, сбавив тон, добавил: — Если вы об этом.

— О том самом, — подтвердила я. — Сперва выслушайте меня, а потом уже решите, стоит ли говорить со мной на эту тему.

— Слушаю, — хмуро кивнул он и, заложив гусиным пером книгу, отложил её в сторону. — Надеюсь, это недолго, потому присесть не приглашаю.

— Да какое мне дело до ваших приглашений! — воскликнула я и, осмотревшись, увидела у окна стул, на котором лежала стопка книг. Переложив их на стол, я придвинула стул ближе и села. — Помните, вы как-то сказали мне, что я была близка к правильному вопросу? — проговорила я, наклонившись к нему. — Я нашла его. Вернее, я задала его ещё тогда, но вы сказали мне не то, что является правильным ответом на этот вопрос. Потому я спрошу снова... Бен, почему вы убили Азарова не с помощью магии, а из бластера?

Он мрачно смотрел на меня и молчал.

— Не хотите говорить? — кивнула я. — Хотя это уже неважно. Вы не обманули меня. Вы, действительно, хотели, чтоб все видели, как вы убили Азарова. И все поверили в то, что увидели. Старпом стреляет в лоб командира и тот падает замертво. Я тоже в это поверила, потому что ситуация на первый взгляд предельно понятна, но ведь всё не так просто, верно? Особенно если учесть, что командир не был обычным человеком. Бог знает, сколько

защитных чар было наложено на него с раннего детства до того момента, и какие фантастические возможности к регенерации заложены в его теле. И стоило мне вспомнить об этом, как я поняла, что Азарова невозможно убить из обычного бластера. Ведь если быть честными до конца, это нельзя проделать ни со мной, ни с вами, ни с половиной моего и четвертью вашего экипажа. И потому то, что на первый взгляд выглядело, как убийство, таковым не являлось. Потому что Азарова можно убить только с помощью магии. А, значит, вы его не убивали.

Он откинулся на спинку стула и разжал болезненно стиснутые пальцы. Кажется, он почувствовал облегчение после долгой и мучительной борьбы. Взгляд его стал спокойным и упрямым.

— Где он, Бен? — негромко спросила я.

— Не думаете ли вы, — устало проговорил он, — что я проделал всё это с одной единственной целью, чтоб он всегда оставался там, куда я его поместил. Весь смысл в этом. А значит, я вам этого не скажу.

— Я найду его сама.

Он снова стиснул пальцы и отвёл глаза. Вокруг сгустилась темнота и боковым зрением я увидела, как вокруг нас мечутся тени. В спину потянуло холодом, затылок сжала ледяная рука ужаса.

Он снова взглянул на меня своими прозрачно-голубыми, холодными как лёд глазами.

— Вы пожалеете об этом.

— Пытаетесь меня запугать? — уточнила я.

— Нет. Взгляните на эту ситуацию непредвзято, и вы поймёте, что я совершенно безобиден. Я не угрожаю, я предупреждаю вас о последствиях, о которых мы оба будем долго сожалеть.

— Я найду его, — повторила я и встала. — Хотите вы этого или нет.

Я повернулась к двери, но его возглас заставил меня остановиться.

— Послушайте! — воскликнул он. — Вы же знаете, что Азаров ко всему прочему телепат. Ему совершенно необходимо было залезть каждому под черепную коробку, чтоб контролировать всё вплоть до мыслей. Никакие защиты и блокировки против этого не действовали! И когда я входил в тот день на мостик, он уже знал, что я задумали почему. Но он не помешал мне, хотя для этого ему не нужно было даже пальцем шевельнуть? Не думаете же вы, что я сумел как-то обмануть его сверхчутьё? Просто он, видимо, согласился со мной, и принял то же решение, что и я! Он понял, что другого выхода нет!

— Выхода из чего? — обернулась я. — Скажите. Может, я тоже соглашусь с вашим решением.

Он стоял у стола, стиснув руки, и с какой-то странной болью глядя мне в глаза, словно просил помощи или пощады. Но это было лишь мгновение. После этого его лицо снова разгладилось, а взгляд стал холодным и немного высокомерным.

— Не сейчас. Возможно, это будет излишне в данной ситуации. В конце концов, вы его не найдёте, а если и найдёте, то вряд ли сумеете до него добраться.

После этого он сел и снова взялся за свою книгу. Внешне он был совершенно спокоен, но, глядя, как вокруг него снуют тени, я поняла, что он просто делает вид. Одно было ясно, он снова замкнулся в своём молчании и говорить со мной не намерен. Я повернулась и вышла из комнаты.

Я вернулась к себе и села у камина, снова перебирая в памяти все известные мне факты. Итак, теперь я была уверена, что Азаров жив. Бен и не думал это отрицать. Конечно, у него была причина спрятать где-то своего командира, возможно, в бессознательном состоянии, но меня эта причина не слишком интересовала. Я понимала, что, прежде всего, нужно найти Азарова, а остальное разъяснится само собой. Меня, конечно, несколько смущали слова Бена о том, что Азаров был согласен с его решением, но, в конце концов, какая разница? Мне нужен был Азаров! Он знал, как поднять с этой планеты баркентины и пытался это сделать. И если я найду его, то моя основная цель будет достигнута: я верну оба экипажа домой на Землю, а больше мне ничего и не надо.

Теперь мне нужно было найти его. Но где искать? Впрочем, это я поняла довольно быстро. Всё указывало на то, что Азаров спрятан где-то поблизости, на Грозовой горе, может быть, в самом замке. Именно поэтому Бен торчит тут безвылазно, именно этим объясняется магическая активность на горе. Скорее всего, где-то в подвале или в какой-нибудь башне есть потайная комната, на которую, возможно, наложены заклятья, скрывающие её от посторонних глаз. И мне предстояло найти её.

Решив так, я пошла бродить по замку, держа в уме эту цель, и надеясь, что он сам приведёт меня к тайнику. Но ничего подобного не произошло. Похоже, замок и сам не знал, где это находится. Он закручивал свои коридоры в сложные лабиринты, подставлял мне под ноги лестницы, которые то карабкались вверх, то уходили глубоко вниз. После пары дней блуждания я поняла, что таким образом ничего не найду.

Тогда я решила зайти с другой стороны. Я подумала, что, скорее всего, коль скоро само присутствие здесь Азарова создаёт в этом месте атмосферу безумного волшебства, то возле тайника должны происходить и вовсе удивительные вещи. Тогда я решила снова прибегнуть к помощи местного населения. Как раз к тому времени в замок возвратился Зикур с двумя своими товарищами. Я расспросила их, не было ли где-нибудь в замке места, где происходили очень уж странные вещи. Но им казалось, что всё, что здесь происходит, более чем странно. К тому же они отметили, что даже те помещения, которые есть здесь постоянно, то и дело перемещаются по этажам из конца в конец замка, а потому определить точное местоположение их в текущий момент невозможно. Что уж говорить о каком-то таинственном интересующем меня помещении? И снова я была вынуждена согласиться с тем, что их замечания имеют смысл.

Тем не менее, я на всякий случай расспросила остальных, в том числе Миси и кухарку, но никто ничего конкретного не сказал. Каждый вспоминал какие-то случаи, произведшие именно на него неизгладимое впечатление, но рассмотрев все их вместе, я была вынуждена признать, что все они вполне укладываются в общую вывернутую логику этого места. Каждый раз, когда разговор заходил о призраках, я подробно расспрашивала, как они выглядели, надеясь, что астральный образ Азарова может бродить возле его узилища, но никто не видел высокого черноволосого человека с пронзительным взглядом, одетого в космофлотовскую форму, джинсы или смокинг.

Исчерпав и эту возможность, я решила припереть к стенке Эла, и всё-таки выследила его однажды в тёмном закоулке и, загнав в угол, задала свои вопросы. Он перепугался, но опять же не стал отрицать, что Азаров жив. Напротив, он тут же начал бормотать что-то о том, что они с Беном никого не убивали и наказывать их не за что. Я чуть нажала на него и спросила, где Бен спрятал Азарова. Но тут Эл испугался ещё больше и замотал головой, уверяя меня, что ничего не знает. Выглядело это убедительно, но я помнила, что он

убедительно врал мне с самого начала. Увы, продолжить допрос у меня не получилось, потому что за его спиной со скрипом разошлись камни, образовался ещё один узкий коридор, куда он шмыгнул с проворством крысы и умчался прочь. Наверно замок сжалился над ним и предоставил столь желанную возможность сбежать от меня. Снова найти его я не смогла. Он успешно прятался от меня, и я поняла, что и этот путь привёл меня в тупик.

Тогда я решила попробовать вступить в контакт с Азаровым, и, запершись в своей комнате, уселась на кровать и закрыла глаза. Я призывала его и прислушивалась, не получу ли ответ, но так ничего и не услышала за лёгким шелестом чужих голосов, который преследовал меня здесь повсеместно.

И, наконец, я поняла, что мне нужен «звонок другу», вернее, его помощь, поскольку я точно знала, что чутьё и проникающая способность Джулиана превышает мои скромные возможности. Я воззвала к нему. И он, как и бывало часто в последние дни, не ответил и не явился. Наверно, он был где-то за пределами этого мира или страшно занят. Чрезвычайно раздосадованная, я снова отправилась бродить по замку, размышляя, что ещё могу предпринять, чтоб разрешить эту загадку. И замок услужливо подсовывал мне свои тёмные запутанные коридоры, гулкие залы, захламлённые комнаты и крутые лестницы, которые ни на шаг не приближали меня к цели.

Глава 11

Тем временем в узкой живописной долине в предгорье восточных скал, где расположился лагерь армии Сен-Марко, царило напряжённое ожидание. Бесславное поражение в первой военной кампании, да ещё при таких странных обстоятельствах, многих привело в замешательство. Поговаривали о том, что подобная неудача в самом начале военных действий и в будущем сулит неприятности, а мрачный вид короля, тяжело переживавшего этот удар судьбы, и вовсе лишал рыцарей и солдат боевого настроения. Их упадническое настроение ещё более усугублялось тем, что пока неясно было, что будет дальше, поскольку никто ничего не знал, запасы фуража и провианта таяли, а никаких приказов, свидетельствовавших о том, что вскоре армия двинется в поход, пока не было.

Не смотря на царившую в лагере тревогу и даже некоторое уныние, Марк де Сегюр не видел причин горевать. Не то, чтоб его радовало поражение Сен-Марко, но он испытывал что-то вроде злорадства, наблюдая за Ричардом, пребывавшим в состоянии едва сдерживаемой ярости, готовой обрушиться на любого, кто не вовремя подвернётся ему под руку. Было ясно, что случившееся он воспринял как личное оскорбление, тем более обидное, что рассчитаться с обидчиками у него не было никакой возможности, ибо власть его не распространялась на богов. Публичное унижение, дважды нанесённое ему Девой Лардес, сначала прогнавшей его от своей цитадели и срубившей штандарт, а после и вовсе призвавшей на помощь неведомое крылатое и ослепительно сияющее существо с большим мечом, он переживал тяжело и, страдая, казалось, утратил волю к действию. Поговаривали даже, что, возможно, вскоре он пожелает вернуться домой, не останавливаясь на землях луара, но в это Марк не верил. Он знал упрямый и гордый нрав короля и понимал, что тот всё равно постарается в ближайшее время взять реванш у судьбы, и пережитое поражение заставит его быть ещё более решительным и жестоким в следующей военной кампании. Да и не было никаких причин для отмены планов нападения на луар Синего Грифона. Неудачный первый военный поход хоть и не увенчался успехом, но никак не являлся разгромом. Потери были невелики, большая часть войска не участвовала в походе к Грозовой горе и по-прежнему была готова хоть завтра вступить в бой. Потому Марк ждал, что вот-вот трубы протрубят выступление, и начнётся следующий этап войны, на сей раз против извечного и давно знакомого врага — алкорцев. А тающие с каждым днём запасы провианта приближали этот день с роковой неотвратимостью.

Однако очередной светлый день прошёл без тревог и новостей, что было даже хорошо, потому что давало возможность отдохнуть и залечить раны тем, кто участвовал в горном походе. Из лазарета, наконец, вернулись Герлан и Фонтейн, и хоть под одеждой они до сих пор носили тугие повязки, настроение у них было боевое. Рано утром Марк отпустил своих рыцарей с оруженосцами на реку купать коней, зная, как любят это занятие и всадники, и их верные скакуны, а сам отправился к барону Делвин-Элидиру, чтоб разведать, что говорят о ближайших планах короля в свите принца. Однако, придя к его палатке, он узнал, что тот был вызван в королевский шатёр на заседание малого военного совета, что можно было расценить как событие, предвещающее скорое выступление. Велев слугам передать Делвин-Элидиру, что он к нему заходил, Марк вернулся к себе, и на сей раз остался в своём шатре, догадываясь, что после совета Айолин зайдёт к нему, чтоб поделиться новостями.

Так и вышло. Через пару часов полог его шатра отлетел в сторону и на пороге появился

Делвин-Элидир с решительным выражением на лице и тревожным блеском в глазах. Он молча подошёл к Марку и сев рядом на шаткую скамью, нагнулся и шёпотом сообщил:

— Следующим светлым утром мы выступаем, Марк. Решение принято давно, но даже де Сансер до сего дня хранил молчание, опасаясь шпионов альдора. Они с де Бове, Вайолетом и ещё несколькими командирами малого совета разработали план, который, наконец, устроил короля. Всё делается в полной тайне и только сейчас в детали грядущей кампании посвящены члены малого совета, то есть самый ограниченный круг наиболее приближенных к королю командиров.

— К чему такая секретность? — спросил Марк настороженно.

— Ричард хочет осадить луар и, если взять его на приступ не удастся, а, скорее всего, так и будет, он собирается держать город в осаде, пока альдор не сдастся. Но ты же знаешь Беренгара, он постарается встретить наши войска за стенами, чтоб принудить к решительному сражению в поле, где у него наверняка уже всё продумано и подготовлено.

— Да, и, зная его таланты и отвагу алкорцев, можно предположить, что это сражение будет кровопролитным и может закончиться совсем не в нашу пользу.

— И де Сансер это прекрасно понимает. У нас нет шансов взять луар штурмом, но если удастся отрезать его от поставок продовольствия и подхода подкреплений, рано или поздно голод в городе заставит алкорцев сдаться.

— На это уйдёт не меньше года, — задумчиво проговорил Марк. — В городе достаточно запасов для того, чтоб пережить длительную осаду даже с учётом гражданского населения и беженцев из соседних деревень. А перед войной они наверняка забили все склады под завязку.

— Запасы велики, но вряд ли неисчерпаемы. Рано или поздно наступит голод, потом придут болезни и начнутся бунты...

— Вот это вряд ли, особенно теперь, когда мы лишены возможности подсылать к ним провокаторов. Перед угрозой порабощения алкорцы сплотились вокруг альдора, за свою свободу они будут сражаться до конца.

— Ричард тоже будет стоять до конца. На скорую победу никто и не рассчитывает, но это единственный возможный вариант действий, который с учётом противостоящих сил может привести к конечной победе. Потому мы и сидим тут в полной прострации, чтоб обмануть шпионов, которые наверняка рыскают вокруг и уже пробрались в лагерь. Наш бросок к луару должен быть внезапным, скрытным и стремительным. Рано утром ближайшего светлого дня ударные силы армии снимутся и налегке выступят в поход.

— Погоди, я, кажется, понял... — прошептал Марк. — К луару пойдут конные рыцари, чтоб запереть алкорцев в городе. Быстрая и бесшумная переброска сил позволит нам застать противника врасплох. Они не успеют выступить организованно и встретить нас в чистом поле.

— Совершенно верно, — кивнул Айолин. — К тому же они не будут знать, что мы явились без поддержки пехоты и лучников. Те подойдут позже, за ними подтянутся обозы. Четырёх тысяч конных рыцарей хватит для того, чтоб загнать противника за стены и вынудить к глухой обороне, а потом, когда подойдут остальные, можно будет подумать о штурме. Это уже идея Ричарда, хотя многие члены совета уверены, что гораздо разумнее будет взять противника на измор.

Марк поморщился.

— И то, и то шатко, Айолин. У них Беренгар, и он далеко не дурак. Он уже всё продумал

и ко всему готов. По крайней мере, к обороне точно. Что штурм крепостных стен луара, что долгое сидение под стенами — ничто не гарантирует успех.

— А ты желаешь Ричарду успеха? — на лице Делвин-Элидира мелькнула холодная и злая усмешка. — Пусть позорится и ломает себе зубы. Чем он слабее, тем лучше для нас.

— Ты говоришь так, словно он сам полезет на стены, — пожал плечами Марк и вдруг замер и обернулся в сторону полога, закрывавшего вход в шатёр.

Он нахмурился и поднёс к губам палец, после чего поднялся и беззвучно прошёл туда. Резко откинув полог, он схватил за плечо стоявшего за ним человека и втащил его внутрь. Но тот и не думал сопротивляться. Он только испуганно замер и втянул голову в плечи. Это был Эдам. Марк, свирепо глядя на него, сильнее сжал пальцами его плечо и прошипел:

— Ты что, подслушиваешь?

— Нет! — с возмущением воскликнул юноша. — Как вы могли подумать, мой лорд? Я не шпион! Я предан своему господину и вам! Я потому и пришёл! У входа никого не было, я хотел войти, но услышал, что вы с кем-то разговариваете и заколебался. Тут вы меня и схватили.

— Что тебе нужно? — спросил Марк, мрачно глядя на него.

— Я просто подумал, может быть, у вас будут для меня какие-то поручения? Мой лорд Герлан ещё не оправился от ранения и почти всё время лежит или сидит. Я спрашивал, что мне делать, а он сказал, чтоб я наслаждался тем, что пока ничего делать не нужно. Я подумал, что пока у него нет поручений для меня, я могу быть полезен вам.

— У меня есть свой оруженосец, — проворчал Марк, отпуская его. — Я поговорю с Герланом, и он найдёт тебе занятие, чтоб ты не болтался без дела. Ступай к нему.

— Да, мой лорд, — Эдам виновато кивнул и просительно посмотрел на него. — Могу я просить вас дать мне урок фехтования. Мне очень нужно...

— Тебя должен учить твой рыцарь, — заметил Марк.

— Лорд Герлан, конечно, отважный воин, — произнёс юноша, — но сейчас у него в наличии только одна здоровая рука. К тому же, если честно, ваша светлость, я полагаю, что он сильно уступает вам в этом деле. И все уступают. Мой отец всегда говорил, что учиться нужно у лучших, а я не знаю рыцаря более доблестного и благородного чем вы! Прошу вас, мой лорд, позвольте мне заниматься вместе с Шарлем, хотя бы пока не поправится мой господин!

Марк слегка смущённо обернулся к Айолину и увидел его довольную ухмылку.

— Ну, разве вы сами когда-то не просили короля Армана обучить вас? — выдвинул последний аргумент Эдам.

Айолин расхохотался:

— Что, друг мой, крыть нечем?

— Ладно, — сдался Марк. — Иди и приведи сюда моего коня. Я закончу разговор с его светлостью, и мы поедем к реке. Там я покажу тебе пару приёмов. И захвати лук и стрелы. Я хочу посмотреть, насколько ты меток.

— Благодарю вас, мой лорд! — радостно воскликнул Эдам и выскочил из палатки.

— Он, кажется, влюблён в тебя, — заметил Айолин, глядя ему вслед.

— Каждому в этом возрасте нужен кто-то, кем можно восхищаться и на кого хочется быть похожим, — пожал плечами Марк. — Я только немного удивлён тем, что он выбрал для этого меня, а не своего хозяина.

— Я б тоже выбрал тебя, — сообщил Айолин, поднимаясь. — Я предупредил тебя по-

дружески, — вернулся он к прежней теме. — Но ты же понимаешь, что это между нами?

— Конечно. Спасибо, что предупредил. У нас будет время подготовиться к выступлению, — кивнул Марк и взял со скамьи перевязь с мечом. — А сейчас я поеду к реке, искупаюсь, пока не стемнело, и посмотрю, на что способен этот юный барон. Хотя, подозреваю, что в этом комке глины таится бриллиант.

— Да, что-то проблескивает, — согласился Айолин. — Если это так, тем более не пускай его огранку на самотёк. Королю Жоану потребуются отважные воины.

— Отважные воины в цене при любом короле, — отозвался Марк и вышел из шатра.

Капитан Карнач в этот час пребывал в тревожном расположении духа, несмотря на то, что жизнь его подчинённых после возвращения из горного похода текла спокойно и даже несколько лениво. Сменившись с постов, гвардейцы отдыхали в своей палатке. Кто-то спал, кто-то полировал оружие и пряжки ремня и португепи, четверо устроились подальше от входа и играли в кости на мелкие монеты. Карнач сидел за столом возле опорного столба и уже полчаса пытался читать потрёпанную книжицу, напечатанную слепым шрифтом на дешёвой бумаге. Он уже несколько раз принимался скользить взглядом по строчкам, но мысли постоянно уплывали куда-то в сторону от незамысловатого сюжета, и ему приходилось возвращаться к началу. Для него это была хоть какая-то возможность отвлечься от тревожных мыслей. Ему было известно о проходившем в королевском шатре военном совете, и это значило, что близилось выступление армии в поход. Это сильно беспокоило его, потому что само по себе участие его людей в военных действиях на чужой планете было недопустимо и противоречило всем уставам, правилам и уложениям, не говоря уж о том, что они могли просто погибнуть, сражаясь непонятно за что. Он покосился на Игната, сидевшего чуть поодаль. Тот недавно вернулся с поста возле королевского шатра и сообщил капитану о том, что туда сходятся приближённые к королю военные бароны, входящие в малый совет. Сам Игнат вовсе не выглядел озабоченным. Напротив, он явно изнывал от нетерпения. Несколько дней безделья истомили его, он жаждал действия, и, видимо, как многие молодые рыцари, мечтал о подвигах и славе. Теперь он сидел, изучая зазубрины на своём мече и размышляя о том, стоит ли отнести его к кузнецу для правки, и успеет ли тот восстановить клинок до наступления на луар.

Карнач устало потёр лоб и закрыл книгу. Нужно было пойти, проверить посты, а потом зайти к интенданту и просмотреть ведомости снабжения, которое последнее время начали урезать. Он встал, и Игнат тут же, подняв голову, вопросительно взглянул на него.

— Сиди, — махнул рукой Карнач и уже повернулся к выходу, как вдруг полог откинулся и на пороге шатра возник Джинхэй.

Окинув палатку суровым взглядом, он приказал:

— Вон отсюда все! Мне нужно говорить с капитаном!

Гвардейцы, тревожно переглядываясь, оставались на месте, а Карнач, нахмурившись, направился к гостю.

— Вы не слишком много берёте на себя... — начал он, но замолчал, встретив взгляд Джинхэя. — Ладно, господа, — примирительно произнёс он, окинув взглядом своих подчинённых, — подождите на улице, пока господин Джинхэй осчастливит меня личной беседой.

Гвардейцы нехотя вставали с коек и, прихватив оружие, выходили из палатки, одаривая недобрыми взглядами зарвавшегося варвара. Последним вышел Игнат и, обменявшись

понимающим взглядом с Карначом, кивнул. Он опустил за собой полог и остался рядом, внимательно глядя по сторонам.

— Что случилось? — спросил капитан, указав гостю на складную скамеечку возле стола, и тот, пройдя туда, присел.

— Только что закончился военный совет, — проговорил Джинхэй. — Следующим утром будет объявлено, что вся конница без обозов выступает в поход, стремительным марш-броском подходит к луару и блокирует все подступы к городу. До подхода остальных сил эта часть армии будет удерживать блокаду города, после чего последует попытка штурма. Если она будет неудачной, то начнётся осада, которая будет длиться до сдачи луара.

— И что? — недоуменно спросил Карнач.

— Ты знаешь, что такое осада? Это значит, город будет блокирован полностью. Никакого подвоза продовольствия и возможности эвакуации мирного населения. Она продлится долгие месяцы. Когда запасы провианта будут исчерпаны, начнётся голод, затем болезни. Начнут умирать дети, старики и женщины, за ними — мужчины. Не думаю, что алкорцы сдадутся на милость Ричарда, им известно, что он не знает жалости к врагам. Ты понимаешь, сколько людей будет обречено на мучительную смерть? Я уж не говорю о том, что и в нашем лагере через какое-то время начнутся перебои с продовольствием и фуражом, фуражиры станут грабить окрестные деревни и замки, начнутся бесчинства, кругом будут шататься банды мародёров. При длительном нахождении в условиях военного лагеря такого скопления народа, как наша армия, через какое-то время может возникнуть какая-нибудь эпидемия. Здесь нет чумы и холеры, но кишечных расстройств хватает.

— Да, перспектива мрачная, — согласился Карнач. — И что можно сделать?

— Мы не можем предотвратить войну, но можно попытаться предотвратить осаду. Для этого нужно предупредить алкорцев о планах Ричарда. Я уверен, что тогда контаррен Беренгар успеет вывести ударные части своей армии за стены и подготовиться к отражению атаки. Тогда Ричард будет вынужден принять бой на открытой местности, и исход этого сражения сможет решить исход войны. И даже, если не решит, у короля уже не будет сил на длительную осаду.

— Ты намекаешь на то, что нас всех перебьют?

— Да, сражение будет кровавым, но погибнут военные, мужчины, а мирное население, хоть и подвергнется опасности, всё же сохранит шанс на выживание. Луар не сдастся в результате одного боя, с этим согласны все.

— Я понял, — кивнул Карнач. — Ты хочешь, чтоб кто-то из нас поехал в луар?

— Нет, вы не имеете права вмешиваться в военные конфликты на чужих планетах.

— Да мы уже ввязались! — с неожиданной злостью воскликнул капитан. — По самое некуда! Ты понимаешь, что моих парней могут перебить в этом сражении? Я не к тому, что твой план плох. Просто, если мы можем что-то сделать...

— Уводи отсюда людей, — перебил его Джинхэй. — Я не имею права поручать вам то, что противозаконно, потому поеду в луар сам.

— Ты собираешься?..

— Да, — кивнул тот. — Это мой долг. Как ты знаешь, у меня более широкие полномочия, чем у вас, и я обязан прилагать все усилия для спасения мирного населения от любых угроз на любой планете. Поэтому я поеду сам. О Сен-Марко я уже выяснил достаточно. Причин задерживаться здесь у меня нет. Если этого кровопийцу Ричарда

грохнут, я буду только рад. Я зашёл, чтоб предупредить тебя о том, что уйду. Я прикрывал вас, сколько мог, теперь обходитесь без меня. В конце концов, вы уже обзавелись связями в высших эшелонах власти и в тайной полиции. Но всё же ещё раз настоятельно рекомендую тебе убраться отсюда до выступления. Иначе положишь всех своих ребят.

— Как ты собираешься уйти, Джин? Если тебя схватят...

— Они не могут мне сделать ничего, к чему бы я не был готов.

Он поднялся, и Карнач встав, обнял его.

— Береги себя, Джин.

— Ты тоже береги себя и ребят, — кивнул Джинхэй. — Передай им, что я надеюсь на скорую встречу в безопасном месте и желаю вам всем мира и благоденствия.

Поклонившись, он вышел так же стремительно, как и ворвался в шатёр. Проводив его встревоженным взглядом, Игнат тут же нырнул обратно и подошёл к помрачевшему Карначу.

— Что-то случилось? — спросил он.

— Он ушёл, Игнаша, — тихо ответил тот. — А нас ждёт бойня, если мы не уберёмся отсюда по добру по здорову.

— Погоди, я считаю, мы должны... — начал было тот, но Карнач резко перебил его:

— Мы уходим! Это приказ!

И развернувшись, он вышел. Взяв с собой трёх гвардейцев, он направился к королевскому шатру, чтоб сменить Валуева, Булатова и Стаховски, стоявших на посту, но подойдя, увидел на их месте трёх рыцарей из отряда Вайолета.

— Где мои люди? — спросил он, отыскав дежурного офицера штаба.

— Капитан, — удовлетворённо кивнул тот, — я хотел отправить к вам вестового, но сейчас все мои люди заняты. Король приказал обыскать окрестности лагеря и прилегающие горы в поисках затаившихся шпионов луара. Сами знаете, что капитана Риккардо и его подчинённых больше нет, и нам нужны были для этого другие лёгкие кавалеристы, достаточно опытные и хорошо владеющие оружием. Барон де Сегюр потерял часть своего отряда, потому ему в помощь направили ваших гвардейцев. Не беспокойтесь, на время отсутствия их заменят на постах.

— Я понял, — кивнул Карнач. — Когда можно ожидать их возвращения?

— Не знаю, капитан. Но даже если нам придётся выступить до этого, они присоединятся к нам в пути. Вам не о чем беспокоиться.

— Я не беспокоюсь, кавалер, — Александр попытался улыбнуться. — Я просто думаю, стоит ли мне вносить изменения в расписание караулов?

— Не стоит. Если кто-то из ваших людей не может заступить на пост, вы обращаетесь ко мне или к капитану Коимбра, и мы даём вам людей на замену.

— Благодарю вас, кавалер, — кивнул Карнач и, развернувшись, медленно направился к своему шатру.

Ему казалось, что земля уходит у него из-под ног. Совет Джинхэя был разумным и своевременным, но, к сожалению, пока невыполнимым. Карнач знал, что не сможет уйти без этих троих, да и его оставшиеся друзья категорически откажутся бросить своих и будут правы. А другой возможности сбежать из расположения армии, кроме как этой ночью, им, может, и не представится.

Подступившие сумерки застали Марка у реки. Приехав туда и посмотрев на своих

рыцарей, лежавших на траве в сладком изнеможении после купания, он спешился, снял с себя одежду, расседлал коня и снова сев на него, въехал в чистые прохладные воды неглубокой заводи, соединённой узкой протокой с бурной речкой, бежавшей по склону горы. Вода в ней была не такая холодная, как в реке, но издавала пьянящий аромат талого снега. Конь, войдя в воду, радостно фыркнул и, замотав головой, ускорил шаг, спеша зайти поглубже. Через какое-то время он уже плыл, и Марк, соскользнув с его спины, поплыл рядом, наслаждаясь тем, как прохладные потоки течения обвивают его тело, лаская кожу.

Наплававшись, он вернулся на мелководье и велел Шарлю принести щётку, чтоб помыть коня. Шарль пытался предложить в этом деле свои услуги, но Марк отослал его на берег. Он понимал, что ещё нескоро сможет насладиться таким счастьем, как просто стоять по пояс в холодной воде, проводя щёткой по упругим чуть вздрагивающим бокам своего скакуна и чувствуя, как тот, повернув голову, благодарно целует его обнажённое плечо. Им обоим предстояли нелёгкие испытания, и эту краткую безмятежную передышку он хотел разделить со своим безмолвным боевым другом, которому вскоре придётся вместе с ним идти по опасным дорогам войны.

Потом он вывел коня на берег и пустил его пастись на луг, где уже бродили, щипая траву, другие лошади. Ему хотелось вслед за друзьями раскинуться на мягкой траве и, пожёвывая травинку, смотреть, как медленно наливаются сочной синевой темнеющие небеса, но он заметил сидящего поодаль Эдама, который терпеливо ожидал его внимания.

Вздыхнув, Марк взял из рук Шарля полотенце, старательно растёр им всё тело, после чего оделся и, подняв с травы ножны, вытащил из них меч. Он поманил к себе юного барона. Эдам вскочил и радостно устремился к нему.

Купание в холодной воде и жёсткий массаж взбудрили командира, и юноше пришлось нелегко, и всё же он получил то, о чём мечтал: одобрение и обещание продолжить занятия, когда будет время. После этого Марк велел оруженосцам поставить мишень и заняться стрельбой из лука. Его не смущала подступившая темнота. Он велел подвесить на мишень чуть позвякивающий на ветру колокольчик с конской сбруи и стрелять на звук.

— Ты слишком много от них ждёшь, — рассмеялся Арно, приподнимаясь на локте, чтоб посмотреть на новую забаву. — Они и при свете-то не попадут в корову с трёх шагов.

— А вот и нет! — неожиданно обиделся его оруженосец. — Я охотился с отцом и умею стрелять!

— Ах, да, — кивнул Арно. — Я и забыл, что твой папаша был браконьером.

— Это такая же работа, как и любая другая, — ещё больше надулся парень. — Только более опасная.

— Покажи, что ты умеешь, — проговорил Марк, подав ему лук.

Тот с готовностью кивнул и, встав на указанное командиром место, прицелился в сторону мишени.

— Погоди, — остановил его Арно и повернулся в сторону лагеря. — Кто-то едет?

— Оружие к бою, — привычно скомандовал Марк, взглядываясь в сумерки.

Но это были свои. К ним подъехали четыре всадника, трое из которых были его знакомыми гвардейцами, а четвёртый — офицер штаба. Он сообщил барону де Сегюру о приказе короля обследовать подступы к лагерю и, спешившись, указал на карте район, который им надлежало объехать.

— Отлично, — проворчал Арно, поднимаясь. — Нужно было дожидаться ночи, чтоб отдать такой приказ. Как мы будем выслеживать шпионов, если кругом тьма, а топот коней

слышен на милю вокруг?

— Как сможете, — пожал плечами офицер. — К вам присоединятся эти три гвардейца. К утру мы должны быть уверены, что рядом с лагерем нет подозрительных людей.

— Мы выполним приказ короля, — бросив на товарища укоризненный взгляд, заверил посланца Марк. — К светлому утру наш участок будет чист.

— Не сомневаюсь в этом, — кивнул офицер и, вернувшись в седло, умчался прочь.

— Герлан и Фонтейн, — распорядился Марк, — возвращайтесь с оруженосцами в лагерь. Вам с незалеченными ранами незачем трястись в сёдлах всю ночь. Остальные остаются со мной. Участок для объезда большой, а осмотреть его нужно тщательно, потому разделемся. Арно, поедешь с гвардейцами, остальные — со мной.

— Можно мне с вами, ваша светлость? — воскликнул Эдам. — Остаётся семь человек, и с вами поедут только двое, — он умоляюще посмотрел на командира, а потом обернулся к Герлану.

— Возьми его с собой, Марк, — кивнул тот. — Ты же знаешь, что Эдам — парень бывалый, долго жил в лесах, у него глаз и слух, как у лиса. Уж он-то точно чужака не проглядит.

— Ладно, — согласился Марк и, пресекая просьбы остальных оруженосцев взять их с собой, приказал: — Молчать! И выполнять приказ.

Юноши, обиженно переговариваясь, пошли ловить и седлать коней, а Марк подозвал рыцарей к себе, чтоб ещё раз обсудить план действий и дать возвращавшимся в лагерь указание начать подготовку к выступлению в поход.

Идея обыскивать прилегающие к долине леса и горы ночью была бредовой, и Марк понимал это. Потому он просто решил проехать по указанному ему участку, в надежде что-то увидеть или услышать, но при этом прекрасно понимая, что любое дерево или куст могут стать укрытием для затаившегося неподалёку от лагеря алкорского шпиона. Обыскать все заросли кустарника и заглянуть за каждое дерево было невозможно. Темнота постепенно сгущалась и скоро кони уже шли по лесной тропе почти наугад, а всадникам оставалось только прислушиваться к ночным звукам, положив руки на рукояти мечей.

Эдам ехал рядом с командиром, усиленно напрягая слух и вглядываясь в темноту. Ему часто приходилось бродить с друзьями по ночному лесу, и он хорошо ориентировался даже в незнакомом месте, как-то определяя стороны света и угадывая близость человеческого жилья. Так же научился он и улавливать едва слышимые звуки, выдававшие приблизившегося к ним крупного хищника или человека, будь то хруст сломанной ветки, шелест листвы чуть более громкий, чем от ветра, или шорох в траве, производимый потревоженными мелкими зверьками.

— Говорят, тут недалеко проходит граница владений тёмных эльфов, — хрипловатым шёпотом сообщил Клеман, стиснув эфес меча. — Они наверняка крутятся возле лагеря и ищут, кого бы сцапать.

— Я слышу страх в твоём голосе, мой друг? — с нескрываемой иронией спросил Делаж. — Боюсь, что тёмные эльфы — самая маленькая опасность для нас. Они не нападают без крайней нужды. Другое дело — эти чокнутые лесные сёстры. Они уже раз пытались напасть на нас, но после того, как часть их переловили и повесили на деревьях, держатся поодаль, но, видимо, не так далеко, и уж точно замышляют месть...

— В этих местах нет эльфов, — тихо возразил Эдам. — А сёстры, скорее всего, ушли

дальше в лес. Они не рискуют дважды.

— Откуда ты знаешь, мальчик? — нахмурился Клеман. Его вежливое обращение было вынужденным, так как он знал о титуле юного оруженосца, иначе был бы с ним более резок. — Эти ведьмы...

— Замолчите и слушайте, — перебил его Марк.

Его спутники послушно смолкли, при этом спокойный тон командира успокоил даже встревоженного Клемана. Они проехали ещё около мили и лес начал редеть, уступая место жидкому подлеску. Ярко полыхающие синим огнём небеса теперь освещали землю и тонкие силуэты деревьев. В этом призрачном сиянии можно было разглядеть пологие холмы на горизонте и плоскую низину, по которой пролегла извилистая просёлочная дорога. Марк вздохнул с облегчением. Его тоже тревожила темнота под пологом леса, и теперь, когда вокруг можно было разглядеть хотя бы контуры предметов, он почувствовал себя более уверенно.

Всё вокруг было неподвижно, ночь наполняла застывшую тишину шелестом деревьев на ветру, редкими криками ночных птиц и топотом копыт их коней.

— Эта дорога ведёт в луар? — спросил Делаж, указав на серую ленту, вьющуюся внизу.

— Она ведёт на запад, — произнёс Эдам, — скорее всего, в сторону луара.

— Мы уже отъехали довольно далеко от лагеря, Марк, — заметил приободрившийся Клеман. — Если шпионы и засели где-то, то не здесь. Может, вернёмся и снова проедем по лесу?

— Ты пытаешься доказать, что не боишься? — снова съехидничал Делаж.

— Мы должны заглянуть в овраг за дорогой и проверить вон ту рощицу, — ответил Клеману Марк. — Потом поедem на север и осмотрим те холмы. Пока не совсем стемнело, нужно обследовать пустоши.

— Вряд ли там есть кто-то, кроме сусликов, но если ты так считаешь...

— Считаю. Поезжайте с Делажем прямо к роще и осмотрите кустарник, а мы с Эдамом спустимся к дороге и проверим овраг.

— Как скажешь, — пожал плечами Клеман и, поддав коню шпорами, поскакал вперёд.

За ним устремился Делаж, а Марк свернул в сторону и направился к дороге. Спустившись по пологому склону, он остановился среди тонкоствольных деревьев и прислушался. Это место было удобным для засады и наблюдения, а потому следовало осмотреть его более тщательно.

— Здесь никого нет, — проговорил догнавший его Эдам. — Я бы заметил.

— А это что? — спросил Марк, приподнявшись в стремях и глядя туда, где в высокой траве заметил движение.

— Кролики. Если хотите, я подстрелю одного на ужин. У нас с собой почти нет еды.

— Они никуда не денутся, — ответил Марк и покосился на оруженосца. — Ты действительно можешь подстрелить кролика в траве ночью?

— Иногда это единственный способ поужинать, — невесело усмехнулся юноша. — Я хорошо стреляю из лука, но давно не держал в руках арбалет. Я хотел попросить вас показать мне...

— Вот с этим Герлан точно справится, — перебил его Марк и снова поднялся в стремях. — Слышишь?

— Топот копыт. Кто-то скачет сюда по дороге с востока, — тревожно ответил Эдам.

— Дай мне лук и стрелы, — Марк взял у него колчан и закрепил его возле седла, а лук

положил перед собой.

— Может, это кто-то из наших... — неуверенно проговорил юноша.

— Тише, — прошептал Марк, напряжённо прислушиваясь.

Топот копыт становился всё громче, и вскоре вдалеке на дороге показалась тёмная тень, которая неслась на восток. Наездник явно спешил, и это было странно. Марк, прищурившись, вглядывался в него, пытаясь понять, кто это может быть. И, наконец, он разглядел металлический блеск португепи и глянцевого отблеск на латах. Но отблеск этот был странным, слишком тусклым для металла. К тому же за спиной у всадника реял огромный тёмный плащ, на котором едва можно было разглядеть светлые контуры то ли герба, то ли причудливого орнамента. И только, когда он уже поравнялся с засевающими в перелеске разведчиками, Марк узнал его, и стиснул пальцами лежащий на коленях лук.

Это была удача, которой он ждал так долго, и которой должен, обязан был воспользоваться. Верный телохранитель Ричарда, суровый Джинхэй сам шёл к нему в руки, оказавшись на его пути тёмной ночью, да ещё в одиночку. И этого шанса Марк упустить не мог. Он даже забыл о том, что не один здесь и, пришпорив коня, направил его к дороге, надеясь догнать неуязвимого ранее варвара и сразиться с ним. Он вылетел на дорогу, когда Джинхэй уже промчался дальше, и сразу понял, что догнать его будет нелегко. Крупный, тёмный, как грозовая туча, конь варвара был на удивление быстрым и его тяжёлые копыта стремительно выбивали дробь по утрамбованной глине дороги.

Марк помчался следом и лихо свистнул, дав сигнал Делажу и Клеману о том, что ему нужна помощь. Он надеялся, что они выедут на дорогу впереди и успеют если не перехватить, то хотя бы задержать Джинхэя, однако, полагаться на это он не мог. Возможно, они отъехали далеко от дороги и, даже услышав сигнал, могли опоздать, а потому он достал из колчана стрелу и, наложив её на лук, натянул тетиву. На скаку приподнявшись на стременах, он выстрелил в тёмную фигуру впереди и готов был поклясться, что попал, но широкий плащ, развевавшийся за спиной Джинхэя, в который угодила стрела, сбил её на лету. Следующая стрела тоже не достигла цели, и Марк понял, зачем варвар таскает на себе это тяжёлое полотнище. В случае погони, оно защищало его спину от стрел не хуже брони. Прицелившись в следующий раз, он взял чуть выше, чтоб попасть в голову, но метавшиеся, как крылья, полы плаща, приподнимались достаточно высоко, чтоб прикрыть от попадания стрелы затылок всадника.

А Джинхэй тем временем заметил погоню. Марк видел, как он обернулся на скаку, и уже ожидал, что варвар задержится и примет бой, но тот лишь сильнее прикинул к шее лошади, и она понеслась ещё быстрее. Это слегка смутило и насторожило его. Он слышал, что Джинхэй сильный и хладнокровный воин и прекрасно владеет многими видами оружия. Он был приближен к королю и при этом славился своей беспримерной отвагой. И он должен был встретить опасность лицом к лицу, а не удирать от неё, как заяц. Но вместо того, чтоб остановиться и принять бой, Джинхэй свернул с дороги и помчался по полю вдоль оврага.

Марк уже слышал позади топот копыт нескольких лошадей, и теперь знал, что к погоне присоединились его спутники. Они видели его и следовали за ним, потому он свернул за Джинхэем и тоже помчался над оврагом, а потом увидел впереди лесную чащу и понял, что ещё немного, и Джинхэй нырнёт в смолистый сумрак под деревьями, и там найти его будет куда сложнее.

Марк снова вскинул лук, но плащ из бархата, как заговорённый, снова уберёг своего хозяина от беды. С досады Марк ударил кулаком с зажатым в нём луком по седлу, его рука

соскользнула в сторону, и он почувствовал прикосновение холодного металла. Опустив голову, он увидел, как блеснул внизу серебристый приклад небольшого складного арбалета, одолженного у гвардейцев. Откуда он взялся здесь, он не понимал, но это был последний шанс подстрелить неуловимого противника. Надежда вспыхнула в его сердце, но тут же он вспомнил обещание не стрелять в людей, которое дал Карначу. Он боролся с собой лишь несколько секунд, а потом увидел, как Джинхэй въезжает под тёмный шатёр леса. Ещё немного, и он скроется во мраке, и тогда найти его будет очень сложно.

И тогда Марк решился. Отбросив в сторону лук, он вытащил арбалет из седельной сумки, убедился, что зазубренная стрела уже уложена на направляющую, оттянул на себя рычаг, который одновременно развёл до упора изогнутые плечи арбалета и натянул тетиву, после чего прицелился и выстрелил.

Он услышал глухой удар и тихий стон, но Джинхэй уже скрылся в лесу, и Марк устремился за ним, теперь полагаясь только на слух. Какое-то время он слышал впереди топот копыт по усыпанной хвоей земле, но он раздавался всё дальше и глуше. Его конь вдруг заупрямился, испугавшись чего-то, и привстав на дыбы, закрутился на месте. Тут же к нему подоспели Эдам и Клеман с Делажем.

— Ищите его! — крикнул Марк и, натянув поводья, заставил коня успокоиться.

— Кто это был? — спросил Клеман.

— Это господин Джинхэй! — в отчаянии воскликнул Эдам. — Я узнал его! Я кричал вам, мой лорд, но вы не слышали.

— Что ж он убегал от нас? — спросил Марк, поняв, что попал в сложную ситуацию.

— Может, он принял нас за разбойников? — предположил Делаж.

— А я принял его за шпиона, который скачет в луар, — заявил Марк. — Я его ранил. Он где-то недалеко и вряд ли сможет ехать дальше. Его нужно найти, слышите?

— Слышим, — заверил его Клеман и поскакал дальше в лес.

Через какое-то время они отыскали на полянке спокойно пасущегося тёмного, как туча, коня. Марк спешил и, поймав его, вместе с Делажем осмотрел уздечку с нанизанными на неё фигурными бляшками и отделанное красными шёлковыми кистями седло.

— Да, это был он, — мрачно констатировал Делаж, оглядываясь по сторонам. — Это плохо, Марк. Если ты убил этого пса, а он ехал куда-то по делу короля, у нас будут неприятности.

— Причём тут вы? — проворчал Марк. — Стрелял я. К тому же он не назвался.

— А ты?

— Я не знал, что это наш человек! Я что, должен раскланиваться перед каждым прохожим?

— Не кричи, — подошёл к ним Клеман. — Нужно найти его. Если он жив, то мы узнаем, куда он направлялся, если нет, то мы его не видели. Сам знаешь, здешние места не располагают к одиноким прогулкам.

Он посмотрел на Эдама, и тот с готовностью кивнул:

— Я никому не скажу.

— Ладно, ищем его, — проговорил Марк. — Его конь здесь, раненный он не мог далеко уйти. Ищите по кустам, в папоротнике, высокой траве. Он мог спрятаться, решив, что мы разбойники или алкорцы.

— Может, позвать его? — предложил Делаж. — Если он поймёт, что мы свои и подстрелили его по ошибке, он откликнется.

— Попробуй, — пожал плечами Марк и направился к ближайшим зарослям кустарника.

Они искали долго и осмотрели всё в этом небольшом хвойном бору. Делаж и Эдам то и дело выкрикивали имя Джинхэя и сообщали, что они служат королю Ричарду и готовы оказать ему помощь. Марк молча осматривал самые густые заросли, раздвигая их клинком меча. Он не собирался отпускать Джинхэя живым, и если бы нашёл его, то наверняка добил бы. Но он не нашёл, и на зов телохранитель короля не отозвался. Вскоре совсем стемнело, и им пришлось сделать из смолистых веток факелы, чтоб продолжить поиски.

— Наверно он свалился в какую-нибудь яму и потерял сознание, — проворчал Клеман. — Он просто не слышит нас.

— Тем лучше, — отозвался Делаж. — Вряд ли он тогда выберется отсюда живым. Нужно возвращаться. Идём, Клеман. Нам ещё нужно осмотреть овраг...

Он свистнул и прислушался. Вскоре издалека раздался ответный сигнал.

— К дьяволу овраг! — прорычал Марк, когда они сошлись на опушке леса. — Я уже итак всё здесь оползал, едва не на карачках. Куда делся этот чёртов варвар?

— Думаю, он упал в яму, — повторил свою догадку Клеман. — Едем, Марк. Мы его не видели, и если его найдут, никто не подумает на нас.

— Всё не так просто, — признался Марк. — Из-за этого плаща я не смог подстрелить его из лука и стрелял из железного арбалета, который дали нам гвардейцы. Это необычная стрела.

— Проклятие, Марк! — вспыхнул Клеман. — Где была твоя голова? — он снова осмотрелся. — Будем надеяться, что его не найдут.

— Я даже не знаю, как этот арбалет оказался у меня в сумке, — проворчал Марк.

— Это я, ваша светлость, положил его туда, — виновато признался Эдам. — Когда вы сказали, что мы будем стрелять из лука, я подумал, что, может, вы покажите мне, как пользоваться арбалетом. А этот такой красивый...

— Это я решил воспользоваться им, и ты здесь не при чём, так что не переживай, — успокоил его Марк. — Уходим, и пусть Дева Лардес сжалится над нами и этим несчастным.

Вернувшись на поляну, они сели на своих лошадей.

— А с этим что? — спросил Делаж, посмотрев на пасшегося неподалёку коня-великана.

— Мы же решили, что не видели ни его, ни его хозяина, — напомнил Марк и, развернувшись, поскакал сквозь чащу обратно к дороге.

Проезжая вдоль оврага, они подъехали к самому краю, чтоб факелы освещали его дно. Там стояла вода, снизу тянуло холодом, доносился густой илистый запах. Вряд ли кому-то могло прийти в голову прятаться в этом болоте, и потому, проехав мимо, они поскакали дальше. Обследовав рошу по другую сторону дороги, они, наконец, развернули коней на север, чтоб осмотреть тонувшие в темноте пустоши.

Джинхэй специально выбрал эту дорогу, чтоб не столкнуться на проезжем тракте с разъездами землян, которые были направлены на ловлю шпионов. То, что он наткнётся на кого-то из них здесь, на глухом просёлке в стороне от основной дороги, было маловероятно, потому он никак не ожидал, что нарвётся на засаду. Тем не менее, услышав позади свист, а чуть позже и ответ издалека, он понял, что за ним кто-то гонится. Оглянувшись на скаку, он увидел позади двух всадников, а следом прилетела стрела, которая, к счастью не смогла пробить его развевающийся, как стяг, защитный плащ. Он понятия не имел, кто это, но ему было всё равно, разбойники это или разъезд землян, он должен был уйти от погони.

Возможность вступить в бой он даже не рассматривал, тем более что к тем двоим вскоре присоединились другие всадники, и он не знал, сколько их, но такой перевес сил потребовал бы решительных действий, а убивать и даже ранить кого-то без нужды он не хотел. Да и вряд ли ему удалось бы выступить против преследователей с мечом в руках, учитывая, что кто-то на полном скаку весьма метко обстреливал его из лука.

Понимая, что погоня на дороге может затянуться, он решил укрыться в лесу и свернул в сторону, едва не заехав в сумерках в овраг, но вовремя заметил его, и помчался к тёмной стене деревьев, откуда доносился густой запах хвои. Он уже въезжал в эту спасительную темноту, когда что-то сильно ударило его в спину, и он почувствовал острую боль под правой лопаткой. Эта боль почти ослепила его и он, проехав немного по лесу, чуть приостановил коня и, спрыгнув на землю, ударил его рукой по крупу, а сам шагнул в сторону и упал ничком в заросли папоротника.

На какое-то время он потерял сознание, а очнувшись, услышал рядом ржание коня, который крутился на тропе возле того места, где он укрылся, видимо, чувствуя рядом присутствие чужака, а его наездник, не понимая причин поведения своего скакуна, пытался его успокоить. Потом к этому всаднику присоединились ещё трое. Он слышал их разговор и узнал всех, кроме мальчишки. Это были разведчики землян, и хуже того, мальчик узнал его, а значит, ему ни в коем случае нельзя было попадаться им в руки. Если б это случилось, они отвезли бы его обратно в лагерь, его миссия была бы сорвана, а сам он оказался бы на грани провала. Понимая, что теперь они будут обыскивать лес, Джинхэй решил убраться подальше отсюда в надежде, что, когда они уедут, он сможет продолжить путь.

Боль всё также изводила его, и от этого в голове мутилось. Он знал, что в его спине застряла стрела, и он никак не сможет самостоятельно извлечь её из раны. Может, это и к лучшему, подумал он, потому что пока стрела в ране, кровотечение не так сильно. Главное заглушить эту невыносимую боль и набраться сил, чтоб действовать. Когда всадники уехали дальше в лес, он осторожно повернулся на бок и одной рукой открыл подсумок на поясе. Нащупав квадратный контейнер полевой аптечки, он вытащил его и, поднеся к глазам, открыл. Дно контейнера слабо светилось в темноте и над гнёздами с капсулами были видны знакомые иероглифы. Он достал капсулу с обезболивающим и, сняв колпачок, воткнул иглу сквозь ткань рукава в предплечье. Через минуту в голове прояснилось, и боль отступила. После этого он сделал инъекцию тонизирующего средства. Полежав ещё немного, он смог подняться и пошёл обратно к опушке леса, после чего осторожно спустился по пологому склону в овраг и, не доходя до пахнущей гнилью стоячей воды, пробрался туда, где на краю виднелась ниша под торчащими из берега корнями низкого кустарника. Там он лёг на бок и закрыл глаза, прислушиваясь к тому, что происходит вокруг.

Ждать пришлось долго. Он даже подумал, что, возможно, разведчики выехали из леса с другой стороны, но продолжал лежать. Боли он не чувствовал, но в спине назойливо что-то мешало, и в голове кружился мутный туман. Наконец, неподалёку раздалось негромкое ржание, а следом — неторопливый стук копыт по глинистому берегу оврага. Он слышал приглушённые голоса, доносившиеся сверху, и видел в воде внизу отблески огня от факелов. Звуки постепенно отдалялись. Полежав ещё немного, он решил, что пора выбираться из укрытия. Он итак потерял слишком много времени.

Поднявшись на берег оврага, он осмотрелся и увидел далеко за дорогой движущиеся огни. Разведчики направлялись к дальней роще. Он не видел, был ли с ними его конь, и негромко свистнул, подзывая его к себе. Через пару минут, конь выбежал из леса, радостно

потряхивая длинной шелковистой гривой. Джинхэй аккуратно, стараясь не напрягать спину, поднялся в седло и, опустившись на шею коня, потянул за узду. Он не решился сразу возвращаться на дорогу, и поскакал вдоль кромки леса, на некотором отдалении от неё. И только отъехав подальше, решил, что опасность миновала, и вскоре копыта его коня снова стучали по твёрдой, как камень, глине. У него ещё была надежда добраться до луара до того момента, когда рана окончательно скуёт его движения и сделает тело тяжёлым и беспомощным. Он понимал, что должен успеть сделать это, даже если это будет последним, что он делает в своей жизни.

Марк вернулся в лагерь под утро. Его людям пришлось провести в лесах и на пустошах больше суток, спать на земле и есть наскоро зажаренных на костре кроликов, но он мог честно доложить о том, что обыскал весь вверенный ему участок и не нашёл ни одного шпиона. Впрочем, спрашивать его об этом никто не собирался. В лагере царил суёт. Срочно формировались колонны рыцарей, кони которых, помимо оружия, были нагружены запасом провианта на несколько дней. Оруженосцы сбивались с ног, компактно укладывая в седельные сумки всё, что могло понадобиться хозяевам, стараясь не перегрузить их, потому что нести эти сумки предстояло верховым коням, выдерживая при этом быстрый темп движения.

Подъехав к своему шатру, Марк увидел, что его отряд уже готов к выступлению. Арно вернулся раньше и, получив приказ о построении, успел всё подготовить. Оруженосцы оседлали коней и упаковали груз. Слуги готовили на костре похлёбку, чтоб накормить тех, кому предстояла долгая дорога, после чего должны были разобрать шатры, погрузить имущество отряда на телеги и двинуться вслед за передовой частью войска.

Спешившись, Марк передал коня Шарлю, велел расседлать его, дать немного корма и воды, обтереть и оседлать снова. Сам он пошёл искать де Грамона, чтоб доложить о возвращении с задания. Тот, облачённый в нарядные доспехи, в этот час торопливо просматривал документы, которые затем передавал клеркам, чтоб они уложили их в походные кожаные ларцы. Увидев его, Рене устало потёр лоб и вздохнул:

— Ты вернулся слишком поздно, друг мой! Я метался по лагерю всю ночь, сбился с ног и ничего не выяснил. Король в ярости, а мне совершенно нечего ему сказать. Уверен, ты бы выполнил эту работу лучше, чем я, но этому старому... Вайолету взбрело в голову отправить тебя патрулировать дороги, словно он не мог поручить это своим болванам.

— Что-то случилось? — насторожился Марк, едва успев увернуться от клерка, выбегающего из шатра с тремя опечатанными коробами, поставленными один на другой.

— Пропал Джинхэй, — сокрушённо сообщил де Грамон. — Просто уехал из лагеря, никому ничего не сказав.

— Как уехал? — Марк изобразил изумление. — Может, король отправил его по делам?

— Король его никуда не отправлял! В том-то и дело! Он хватился своего телохранителя тёмным утром. Ты же знаешь, что этот дикарь таскался за ним, как приклеенный, с того момента, как он выехал из дворца в Сен-Марко. И вдруг его нет, никто не знает, где он, его не могут найти. Король вызвал меня и топал ногами. Я сделал всё, чтоб найти это чудовище, и выяснил, что его видели на выезде из лагеря. Он во весь опор мчался на запад. Естественно, никто не осмелился задержать его и задавать вопросы. Он просто уехал, никому ничего не сказав, даже королю.

— Может, он алкорский шпион? — предположил Марк.

Рене замер с какой-то бумагой в руках, и, одарив его мрачным взглядом, вкрадчиво поинтересовался:

— Ты хочешь, чтоб меня повесили, мой старый верный друг?

— Конечно, нет... Но у меня нет другого объяснения.

— Я не прошу у тебя объяснений, особенно тех, которые могут стоить мне не только расположения короля, но и жизни. Проглядеть шпиона возле самого трона? Для меня это конец!

— Успокойся, Рене, — улыбнулся Марк. — Может, всё проще. Он же дикарь! Кто знает, что у него в голове? Может, во сне ему явилось какое-то божество его племени и сказало, что его мать заболела? Или он увидел в рисунке туч знамение, призывающее его совершить какой-нибудь кровавый обряд в определённом месте. Что там ещё может быть у этих степных бродяг?

— Он не бродяга! — резко возразил Рене. — Он умён и образован не хуже нас с тобой. Но, возможно, ты прав, и что-то связанное с его прошлым заставило его уехать. Надеюсь, он вернётся и сам объяснится с королём. А если нет...

— Ну, хочешь, я займусь этим делом? — предложил Марк, с жалостью глядя на Рене, пребывавшего в отчаянии.

— Некогда. Мы выступаем, — отрезал тот, мгновенно взяв себя в руки, и вернулся к просмотру бумаг. — Возможно, война всё спишет. К тому же у меня есть шанс погибнуть с честью в бою, а не с позором на виселице.

— Ну, про виселицу ты зря, — заметил Марк. — Ричард сам приблизил этого узкоглазого бандита, и ты не можешь отвечать за его поступки, коль тебе не дали его проверить на благонадёжность. Что ж до боя... Ты что выступаешь вместе с нами?

— Конечно, я же рыцарь!

— Ты серьёзно? Прости, — Марк невольно улыбнулся. — По-моему, ты больше боишься боя, чем того, что тебе придётся отвечать за исчезновение Джинхэя. Не думаю, что тебя пошлют в гущу сражения. Твоя сила не в руках, а в голове. Король не раз имел возможность в этом убедиться.

— Но он приказал мне идти с передовым отрядом!

— Потому что твоя работа — ловить шпионов. А что им делать в обозе? Сейчас нужно сделать всё, чтоб шпионы, если они ещё есть в войске, не успели предупредить алкорцев о нашем плане. Потому перестань трястись и займись своим делом. У тебя есть распоряжения для меня?

— Посты усилены, вперёд уже выдвинулись отряды лёгкой кавалерии. Не думаю, что кто-то проскочит мимо них. И всё же я прошу тебя быть у меня под рукой на случай, если возникнет необходимость что-то срочно предпринять. В этом ты — лучший.

— Спасибо, Рене, но мой ночной поход не увенчался успехом. Я не поймал ни одного шпиона.

— Думаю, что мы отловили всех, — проговорил Рене, с интересом просматривая какое-то письмо. — Мне пришлось в голову выпустить в ближайшие леса волкодавов фон Деррека. Они загрызли двух бродяг, которые могли шпионить за нами. Третий забрался на дерево и, когда его пытались оттуда снять, упал и сломал шею. Поскольку в кошельках у них были золотые и серебряные монеты, а вид вполне упитанный, полагаю, что они только прикидывались нищими. Король вполне удовлетворён. В конце концов, трёх шпионов вполне достаточно, чтоб следить за нашим войском. Не полк же сюда посылать!

— Вот видишь, ты вполне эффективен в своём деле, — рассмеялся Марк. — Пойду собираться, и на построении встану рядом с тобой.

Он вышел из палатки и прислушался, не раздастся ли вдалеке звук сигнальной трубы, но услышал только гудение лагеря, похожего на растревоженный улей, крики, звон оружия и ржание коней. Прежде чем пойти к Карначу, он зашёл в свою палатку и взял складной арбалет. При прикосновении к холодному металлу, он снова испытал беспокойство, но уже не из-за того, что подстрелил Джинхэя, а потому что нарушил обещание, данное другу.

Гвардейцы тоже готовились к выступлению, и он нашёл капитана возле коновязи. Тот сам привязывал к седлу свою поклажу. Заметив его, он кивнул в ответ на приветствие, и Марк заметил, что Александр мрачен и явно не расположен к разговорам.

— Я всё забывал отдать тебе арбалет, — произнёс он.

— Стрелу использовал? — спросил Карнач, забрав оружие, и тут же сунул его в мешок. — Надеюсь, пригодилась?

— Можно и так сказать, — уклончиво ответил Марк.

Но капитан не стал выяснять подробности. Затянув шнурок на горловине мешка, он проверил подругу, а потом обернулся к Марку и вопросительно взглянул на него.

— Что-то случилось?

— Я только хотел... — Марк запнулся. Ему казалось, что признайся он сейчас в том, что нарушил обещание, ему сразу станет легче, но в последний момент он качнул головой и улыбнулся: — Я хотел пожелать вам удачи в этой кампании. Мне придётся ехать с де Грамоном, так что поговорить в пути времени не будет. Но если что-то нужно, вы знаете, где меня найти.

— Тебе тоже удачи, — кивнул Карнач и повернулся к окликнувшему его гвардейцу.

Марк ушёл, и в глубине души он был благодарен Рене за то, что тот велел ему быть рядом. Он чувствовал, что сейчас ему трудно было бы общаться с Карначом. Ему раньше не раз приходилось нарушать данное кому-то слово, и он уже давно считал себя отъявленным лжецом, но, на сей раз, чувствовал жгучую вину оттого, что обманул друга, и это не давало ему покоя. Впрочем, у него не было времени на терзания. Где-то далеко уже трубили трубы, зовущие к построению, а значит, скоро ему предстояло занять своё место в конном строю совсем недалеко от головы колонны. Поспешив к своему шатру, он вскочил в седло коня, подведённого Шарлем, и поехал туда, где над головами всадников, развевался голубой штандарт барона де Грамона.

Кириллу Оршанину не сиделось в городе. Ему надоели бесконечные каменные стены и булыжные мостовые, надоело ходить, опустив капюшон куртки на глаза, и сворачивать, завидев впереди патруль. Шум рынка и пронзительные голоса торговцев и покупателей начали раздражать, и от маленьких тёмных комнатёнок случались приступы клаустрофобии. Впрочем, он знал, что просто дал слабину и при необходимости может прожить в луаре, сколько нужно, без стонов и жалоб. И всё же ему всё здесь начало надоедать. К тому же он вдруг оказался предоставлен самому себе. Его друзья Тонни и Ланфэн предпочитали проводить время вдвоём, то и дело, уединяясь и болтая о чём-то на своём птичьем языке, совершенно Кириллу непонятном. Он был рад за них. Несмотря на тяжелые условия, в которых они оказались, они выглядели счастливыми, и не замечали никаких неудобств в своей жизни. И он старался не вмешиваться в эту внезапно возникшую идиллию.

Рано утром он уходил из дома и бродил по улицам, прислушиваясь к разговорам горожан. Пока в городе было спокойно, но на улицах появлялось всё больше военных. И, хотя патрули были усилены, большое количество приехавших в город наёмников и постоянно прибывающие обозы с грузом фуража, провианта и оружия, создавали толчею, в которой легко было скрыться от зорких глаз стражников. Кириллу нравилась сосредоточенная готовность алкорцев защищать свой город. Было понятно, что нападение Сен-Марко — дело времени, и вместо того, чтоб предаваться отчаянию, горожане деловито готовились к грядущим испытаниям.

Иногда он заходил на рынок, чтоб навестить знакомую крестьянку Лэму, привозившую овощи на продажу. Он помогал ей носить корзины и убирать вокруг прилавка. Она была рада его помощи и простодушно рассказывала ему о своих делах и проблемах, а иногда и просила подменить её, когда ей нужно было отлучиться куда-нибудь по делам. Тогда он развлекался тем, что громко расхваливал товар, и с убедительностью опытного коммивояжёра убеждал подходивших кухарок и домохозяев взять к овощам побольше свежей зелени и пряного лука. У него это получалось так ловко, что передавая своей новой подруге выручку, он часто слышал её счастливый смех и обещание взять его на работу приказчиком.

Как-то раз она пожаловалась ему, что её муж сорвал спину, когда грузил на телегу сено, и теперь лежит в доме и стонет, вместо того, чтоб работать на сенокосе, а нанять теперь в деревне некого, потому что все молодые мужчины ушли в ополчение, и рук не хватает. Тогда Кирилл неожиданно для себя предложил ей свою помощь. Он вдруг подумал, что это хорошая возможность отдохнуть от каменных лабиринтов луара и его шумной суеты, а вернуться обратно при необходимости он всегда успеет.

В тот же день вечером он сел рядом с Лэмой на телегу, нагруженную пустыми корзинами из-под овощей, и отправился в деревню, предвкушая долгожданный отпуск на природе, с запахом сена, птичьими трелями и парным молоком. И как только телега выехала за крепостные стены, его окружили зелёные луга и в уставшие от сырой духоты города лёгкие душистой волной ворвался свежий воздух, звенящий стрёкотом кузнечиков. Лёжа в телеге, он любовался пологими склонами невысоких холмов и густыми лесами в отдалении. Он видел стада лоснящихся рыжих коров и похожих на шарики грязной ваты обросших овец. И среди этой красоты совсем не тревожно выглядели отряды работяг, копавших на лугу ямы и втыкавших в их дно заострённые пики. Он давно не был за крепостными стенами и теперь

увидел, как изменился ландшафт, появились насыпные брустверы, бревенчатые стены-укрытия с бойницами и целая система широких канав, рассекавших долину на подступах к городу, видимо предназначенных для того, чтоб осложнить наступление конницы.

Впрочем, в деревне пока царил мир, по улицам бегали дети, играя с большими лохматыми собаками, вперевалку бродили грязные, но откормленные гуси, а во дворах сыто хрюкали свиньи. У крылечек круглых двухэтажных домов стояли наготове тачки и телеги, нагруженные домашним скарбом. Видимо, селяне всё-таки готовились в случае опасности укрыться от врага за стенами луара.

Несколько дней прошли для Кирилла, как каникулы у бабушки. Он собрал из местных мальчишек ватагу помощников, днём они косили и ворошили сено, под вечер грузили его на возы и отвозили в деревню, где их уже ждали накрытые столы и пахнущие свежим сеном тюфяки на крыше навеса над сеновалом. И когда вокруг него в тёмное время собирались ребятишки со всей деревни, Кирилл рассказывал своим новым друзьям разные истории, которых знал множество, а они слушали его с восторженным вниманием и, кажется, влюблялись в странного незнакомца всё больше.

Этот безмятежный отдых оборвался внезапно, когда на луг, где Кирилл махал необычной, но очень удобной длинной косой, а идущие за ним мальчишки подгребали скошенное сено деревянными крюками, прискакала на старом низкорослом коне рыжеватая девчонка. Она ловко сидела на спине коня без всякого седла и полы её длинной юбки из синего льна были заткнуты за пояс, обнажая загорелые до красноты колени.

— Кирилл, Кирилл! — закричала она издалека, — Лэма зовёт тебя! Там конь принёс солдата со стрелой в спине!

Едва услышав её, Кирилл бросил косу, и вскарабкался на спину коня, который натужно всхрапнул, а после безропотно развернулся и побежал в обратный путь, неся на себе уже двух седоков. Раненного селяне отнесли в дом старосты, но тот совершенно не знал, что делать дальше, и больше всего боялся, что благородный господин умрёт, и в этом обвинят деревню. Потому он рад был тому, что кто-то может решить эту проблему за него, и велел Лэме послать за её гостем, который мог знать, что делать.

Ещё подъезжая к его двору, Кирилл увидел у коновязи большого бурого коня, который стоял, устало опустив красивую голову. Даже не разглядывая богатую упряжь, можно было понять, что владеть таким красавцем мог только состоятельный человек, а уж никак не простой солдат. Кирилл, едва спешившись, взбежал по лестнице на второй этаж большого дома старосты и, пройдя мимо испуганно причитавшего хозяина, подошёл к лавке, на которой ничком лежал раненный.

Он узнал его сразу и с тревогой посмотрел на поблескивающий металлом арбалетный болт, торчавший из его спины. Встав рядом с ним на колени, он приложил пальцы к его шее и почувствовал слабое биение под кожей, но она была прохладной и чуть влажной. На лбу раненного выступил холодный пот, он был бледен.

— Инспектор Ван, — проговорил Кирилл, склонившись над ним, — вы слышите меня?

Джинхэй медленно открыл глаза и его мутный взгляд остановился на Кирилле, но вскоре стал осмысленным и губы его шевельнулись.

— Оршанин, срочно сообщите в луар, что войско Сен-Марко движется сюда форсированным маршем, — хрипло прошептал он. — Идёт кавалерия без пехоты и обозов. Её подхода следует ожидать после наступления темноты. К следующему светлому утру они планируют занять позиции вокруг города, чтоб блокировать все подходы к нему. Их нужно

встретить в поле, иначе осада неизбежна.

— Я понял, инспектор, — кивнул Кирилл.

— Быстро, капитан... — выдохнул Джинхэй. — Время не терпит, — он опустил тяжёлые веки и замер, словно эта короткая речь отняла у него последние силы.

Хотя, возможно, так оно и было. Кирилл снова тревожно и слегка рассеянно посмотрел на стрелу в его спине и поднялся с колен.

— Нужно отправить двух вестовых в луар, — проговорил он, обратившись к старосте. — Одного — во дворец альдора с сообщением о том, что сюда идёт войско Сен-Марко, — и, не обратив внимания на испуганный возглас старосты, продолжил: — второй должен доставить письмо в богадельню милосердных сестёр во втором кольце, его нужно будет передать сестре Мерседес, она сможет позаботиться о раненном.

— Нужно ещё оповестить соседей, чтоб они уходили, — озабоченно пробормотал староста. — И самим тоже убираться отсюда. Мы успеем увести скот? — он тревожно посмотрел на Кирилла.

— У вас есть время до темноты, — ответил тот. — И отправьте вестовых в соседние деревни. Пусть тоже уходят. Я сейчас напишу письма... — он растерянно осмотрелся, соображая, на чём здесь можно писать, но староста уже подбежал к большому сундуку и, распахнув его, достал оттуда несколько бережно свёрнутых листов и склянку, которую потряс возле уха, чтоб убедиться, что там ещё есть чернила.

Сев к столу, Кирилл быстро очинил гушиное перо и написал донесение во дворец, которое не стал подписывать, и письмо Мерседес, извещавшее о раненном, характере ранения и его состоянии. Так же в этом письме он просил привезти в деревню Тонни и Ланфэн, поскольку они знакомы с пострадавшим. Отправив гонцов в луар, он вернулся к Джинхэю и присел рядом, думая, как облегчить его страдания. Он знал, что представляет собой стрела, засевшая в его теле, и понимал, что вынуть её будет сложно. Наконец, он решился проверить содержимое подсумка Джинхэя, висевшего на его поясе и нашёл то, что искал, — небольшую полевую аптечку, в которой ещё остались капсулы с препаратами комплексного действия.

Мерседес не заставила себя долго ждать и вскоре уже решительно вошла в большую светлую комнату. За ней появилась Ланфэн, по обыкновению переодетая мальчиком, и, увидев на лавке Джинхэя, бросилась к нему с горестным возгласом, похожим на крик раненой чайки. Но Мерседес спокойно оттеснила её и, осмотрев стрелу, заявила, что ей понадобится горячая вода, древесная зола и чистые тряпки. Следом за ней вошёл Тонни, нёсший увесистый сундучок с хирургическими инструментами и запасом лекарств. Оценив похолодевший взгляд Мерседес на плачущую девушку, Мерседес перевела взгляд на него и проговорила:

— Будете мне ассистировать, капитан. Мне нужно больше света и что-нибудь, чтоб разрезать этот плащ и кожаные доспехи.

— С доспехами будет сложно, — заметил Тонни, — и, нагнувшись, провёл пальцами по гладкой и твердой, как металл, коже наплечника.

— Снимем, — успокоил его Кирилл и, поднявшись, направился к выходу. — Я к плотнику, наверняка у него есть какая-нибудь ножовка, подходящая для вскрытия консервов.

Самым сложным оказалось разрезать кожаный панцирь на спине, но после того, как со всеми предосторожностями им удалось это сделать, Мерседес извлекла из спины

инспектора зазубренную стрелу и зашила рану. К счастью, сильного кровотечения не было, и вскоре она уже наложила поверх слоя целебного бальзама тугую повязку, и позволила уже успокоившейся Ланфэн принять на себя заботу о Джинхэе. Девушка присела рядом с ним, ласково проводя пальчиками по его длинным чёрным волосам, рассыпавшимся по холщовой наволочке подушки.

Кирилл и Тонни вышли на улицу, и присели на ступени крыльца, глядя на выезжающие из деревни телеги и тачки, нагруженные вещами, поверх которых сидели дети и старики. Отцы и матери семейств шли рядом, а подростки подгоняли семенящих впереди коров и коз. Все они направлялись в луар под защиту войска альдора и крепостных стен.

— Скоро вся округа встанет на уши, — пробормотал Кирилл, рассеянно глядя им вслед.

— Чем больше народу будет знать о нашествии, тем лучше, — ответил Тонни и посмотрел на стрелу, которую держал в руках. — Что с ним случилось, он сказал? Кто в него стрелял?

— Он успел сказать только о том, что сюда идёт войско Сен-Марко, а потом потерял сознание.

— И не скоро придёт в себя... — Хэйфэн нахмурился. — Это наша стрела, Кирилл, а значит, стрелять в него мог только кто-то из наших.

— Они что, совсем с ума сошли? — проворчал Кирилл.

— Я ничему не удивлюсь.

— Нет, я не верю. Кто там у нас? Карнач со своими ребятами, Булатов и Стаховски. Карнач знает, что он инспектор, и я не верю, что Юра или Стэн будут стрелять в своего.

— Тогда как это объяснить? — Тонни снова показал ему стрелу.

— Не знаю.

— Война многих с ума сводит. Люди ожесточаются и склонны воспринимать чужие ценности, как свои. Ты-то это прекрасно понимаешь. Судя по всему, король Ричард своим марш-броском надеется застать алкорцев врасплох, а Ван Джинхэй вознамерился ему помешать, то есть формально совершил акт измены, расстроил военные планы, сорвал секретную войсковую операцию. Кто может поручиться, что кто-то из наших не принял судьбу Сен-Марко слишком близко к сердцу?

— Настолько, чтоб стрелять в инспектора из горного арбалета?

— А ты не бывал в такой ситуации?

— Ты о том, как я пытался убить старпома? Да, было дело, — Кирилл задумался. — Вот что, брат Тонни. Поеду-ка я в Магдебург и сообщу Дакосте о том, что здесь происходит. Пусть связывается с командиром. Дарья Ивановна знает, что делать в такой ситуации. А вам нужно укрыть где-то инспектора. Если он попадёт в руки короля, ему несдобровать.

— Оставаться здесь для него слишком опасно, — согласился Хэйфэн. — Для алкорцев он тоже чужак, и его запросто могут запереть в камере. Тогда вытащить его оттуда будет очень сложно. Поступим так: мы возьмём повозку и коня Мерседес, и увезём его отсюда к звездолётам. Там нам будет проще залечить его рану. Всё-таки там есть врач, все необходимые лекарства, кое-какое оборудование работает. Да к тому же среди своих безопаснее, чем здесь. Но ты нас не жди, скачи вперёд. Чувствую я, что нужно ребят вытаскивать отсюда, пока они окончательно не вляпались.

— А это не окончательно? — Кирилл забрал у него из рук стрелу и расстроено покачал головой. — Я так и знал, что кто-то из них заиграется в ковбоев и индейцев! Я говорил Донцову, что нужно уходить отсюда до начала военных действий, что это — не наша война,

но он и слушать меня не хочет.

— Слишком много воевал, — пожал плечами Тонни. — Для него это дело привычное. К тому же, он считает, что, поскольку алкорцы — жертва агрессии со стороны Сен-Марко, он на правильной стороне.

— В том-то и дело, что для нас тут нет правильной стороны!

— Меня ты в этом можешь не убеждать, — проворчал Хэйфэн. — Сам знаю. И я уже навоевался за свою жизнь. А Донцов, как жил с мечом, так и живёт. У него обострённое чувство справедливости, которое выливается в желание влезть в чужую драку, если кого-то бьют. Так что ни я, ни ты его ни в чём убедить не сможем, как, кстати, и Адальбера. Тот тоже хоть сейчас в бой. А Коррадо и Кроу с ними из солидарности пойдут, а более всего из боязни, как бы их не сочли трусами. Так что твоя идея привлечь к этой ситуации внимание командования кажется мне правильной. Правда, я не уверен, что Дарья Ивановна успеет что-то предпринять.

— Будем надеяться, что успеет, — упрямо проговорил Кирилл и поднялся. — Я пойду на пастбище за своим конём и заодно попрошу у кого-нибудь одежду для Джинхэя.

Он ушёл, а Тонни, посидев ещё какое-то время, вернулся в дом, чтоб поговорить с Мерседес о том, как перевезти раненного к звездолётам, не допустив ухудшения его состояния.

Через какое-то время в деревню въехали несколько всадников в доспехах и тогах, расшитых серебром. Спешившись у дома старосты, они заявили, что хотят видеть того, кто принёс весть о наступлении землян. Навстречу им вышла Мерседес и со скорбным выражением на прекрасном строгом лице сообщила, что незнакомец недавно умер от полученной раны. Кто-то из прибывших рыцарей альдора знал её лично, другие слышали о её благородной деятельности, и потому они сразу поверили благочестивой даме, заботящейся о страждущих. Более того, они тут же прониклись участием, и, выразив сожаление, отсыпали растерянному и перепуганному старосте горсть серебра, обязав его позаботиться о том, чтоб погибший герой, оказавший луару бесценную услугу, был с почётом возложен на погребальный костёр. Староста заверил их, что тело солдата будет предано огню со всеми необходимыми ритуалами, после чего они снова сели на коней и уехали обратно в город.

Ещё через какое-то время из деревни выехал на резвом коне всадник и, отделившись от вереницы телег, следовавших в луар, помчался на юг. А чуть позже той же дорогой проследовала лёгкая повозка, которой управлял невысокий возница в куртке с накинутым на голову капюшоном, за спиной которого сидела девушка, больше похожая на хрупкого подростка, бережно удерживавшая на своих коленях голову бледного мужчины, находившегося в беспамятстве.

Уже к ночи все окрестные деревни опустели, поток сельских жителей, искавших спасение в луаре, иссяк, и из городских ворот показались первые шеренги алкорского войска, спешащего занять заранее подготовленные позиции под стенами города.

Александр Донцов совершенно неожиданно для себя оказался в самом центре кипучей деятельности по подготовке луара к грядущей войне. Всем было ясно, что она неизбежна, и каждый день приближал роковой момент вторжения армии Сен-Марко на земли Синего Грифона. Небольшую отсрочку алкорцам дал поход короля Ричарда в восточные горы, но и сам этот поход был ударом для них. Намерение Ричарда захватить Алмазное Сердце, которое

раньше выражалось лишь в словесных угрозах, теперь обернулось активными действиями, в которые альдор никак не мог вмешаться, несмотря на ропот своего народа и настоятельные требования сыновей. Он понимал, что его войско пока не готово к войне, и скоропалительное выступление без надлежащей подготовки и сражения на чужой, не до конца изученной территории было для луара смерти подобно. Потому он стерпел это оскорбление, надеясь сквитаться с обидчиком позже, подготовив свою армию к решительному и мощному ответу захватчикам.

Известие о том, что земляне покинули горы в спешке, так и не достигнув успеха, пролило бальзам на его изболевшееся сердце. Ему было известно, что королевское войско всё ещё стоит лагерем в предгорье, и, значит, время для подготовки собственной армии к войне у него ещё оставалось.

Луар был наводнён военными, которые стекались под знамёна альдора. Благодаря успешной деятельности вербовщиков и дипломатов в этот раз удалось собрать большое войско, которое по численности почти сравнялось с войском противника. Кроме того, многие торговые города, недавно объединившиеся в Лигу, с которой альдор заблаговременно установил добрососедские отношения, в этот раз сообщили о своём намерении стать союзниками луара, направляя в ряды его защитников свои отряды и поставляя военное снаряжение и продовольствие. Остальные города придерживались нейтралитета, выжидая, на чью сторону склонится чаша весов, оказывая при этом услуги обеим сторонам конфликта, чем успешно пользовался энфер, стараясь извлечь из ситуации максимум пользы. Он ездил по городам, приобретая оружие, коней, палатки и провиант. Для пополнения казны ему пришлось привлечь горожан и знать города, примером для которых послужили его мать и сёстры, передавшие на нужды армии значительную часть своих драгоценностей. Ликар понимал, что разумное планирование вкупе со щедростью, дадут ему возможность обеспечить снабжение армии на должном уровне и привлечь на свою сторону больше купцов, а значит, и их гильдии и города.

Пока он был в разъездах, его отец продолжал управлять своими землями, следя за тем, чтоб вассалы хранили верность, своевременно выплачивали налоги и направляли в войско положенное число рекрутов. Люди Деллана рыскали вокруг города, выискивая шпионов и провокаторов из Сен-Марко, а военная сторона подготовки была полностью возложена на контаррена маркиза Беренгара.

Донцов и Кроу совершенно неожиданно для себя оказались в свите контаррена, причём Беренгар, которому понравились молодые, brave и хорошо образованные воины, сам просил Ликара уступить их ему, и тот с радостью согласился. Включение в свиту главнокомандующего польстило самолюбию Донцова, но вызвало недовольство Кроу, ворчавшего что-то о том, что энфер уступил их, как охотничьих собак, не спросив их мнения об этом. Впрочем, Донцов утешил его, посоветовав воспринимать это, как перемещение по служебной необходимости вследствие чрезвычайной ситуации, которой, безусловно, может быть признана подготовка к военным действиям.

Именно потому они оба в тот день оказались во дворце, хотя Ликар отбыл со своей многочисленной свитой, усиленной сотней легковооружённых рыцарей охраны, на север, откуда дошли слухи об изобретении удивительного оружия, названного его создателем огненной трубкой. Узнав его описание от встревоженного Саймона де Толли, Донцов понял, что случилось неизбежное: в этом мире изобретено огнестрельное оружие. И хоть пока это была всего лишь запаянная с одного конца металлическая трубка, куда вручную насыпался

порох, а после заталкивалась круглая пуля, пусть пока это нехитрое устройство укладывалось на деревянную колоду, и потому ожидать от него особой меткости не приходилось, было ясно, что его совершенствование — дело времени, и вскоре характер войны здесь может измениться кардинально, а с ним, возможно, изменится и само лицо этого мира.

Как бы там ни было, но это случилось, и теперь Ликар отбыл в далёкий городок на севере, чтоб осмотреть и оценить изобретение безвестного мастера, грозящее открыт для этого маленького мирка ящик Пандоры, а Донцов и Кроу остались в луаре при контаррене, продолжавшем готовиться к войне.

Благодаря талантам де Толли, ему удалось разработать новую стратегию, предполагавшую строительство фортификационных сооружений за пределами города. Луга там уже были изрыты траншеями, извлечённая из них земля использовалась для строительства укреплённых брёвнами брустверов и землянок. Низины были изборождены канавами, с воткнутыми в них остроконечными копьями, после чего затоплены водой, скрывавшей смертельные ловушки для коней и людей. Подход к городу теперь был чрезвычайно затруднён, поскольку всё пространство до ближайших лесов, которые были отодвинуты путём вырубки, простреливалось лучниками, укрытыми за деревянными щитами. Система окопов позволяла защитникам города добраться до любого укрепления, не подвергаясь опасности получить вражескую стрелу. Рукотворные овраги и ловушки делали невозможными стремительные конные атаки. Таким образом, луар получил ещё одно оборонное кольцо, не менее надёжное, чем сами крепостные стены.

Для решающего сражения контаррен оставил нетронутым одно широкое поле, тем самым лишив короля Ричарда возможности выбора. При этом он и там подготовил позиции, предусмотрев как свободу манёвра для своей конницы, так и защитные укрепления для лучников, а также хорошо замаскированные укрытия, где намеревался разместить пехоту, которая должна была внезапно вступить в бой и поддержать сокрушительный кавалерийский удар. И пока де Толли руководил работами вокруг города, он, наконец, смог сосредоточиться на разработке плана решающего сражения.

Он стоял возле объёмной карты, повторявшей облик местности вокруг города и за последние недели разительно изменившейся и увеличившейся, и в очередной раз обдумывал свои действия, пытаясь предположить, что сможет противопоставить ему его старый друг барон де Сансер, которого он считал весьма талантливым полководцем, способным на неожиданные шаги и успешную импровизацию в случае внезапного изменения ситуации. При этом он постоянно советовался со своими соратниками, прибывшими с ним в луар, и местными военачальниками, участвовавшими в предыдущей войне.

Кроу, находясь за спиной Беренгара, отчаянно скучал, в то время как стоявший рядом Донцов следил за дискуссией с повышенным интересом. Именно тогда в зал военного совета вошёл капитан дворцовой охраны Линдар и доложил о гонце, привёзшем из деревушки на востоке тревожные известия. Он передал командующему письмо, написанное странным летящим почерком на языке, похожем на язык Сен-Марко. Несмотря на необычную орфографию, смысл послания был понятен. Из него следовало, что ближайшей ночью следует ожидать подхода кавалерии короля Ричарда, которая движется налегке стремительным маршем и собирается занять позиции вокруг города и блокировать его до подхода остальных сил. Передав письмо одному из своих офицеров, встревоженный Беренгар велел вызвать в зал гонца, и увидел перед собой деревенского паренька, почти мальчика, который сбивчиво рассказал о приехавшем к ним в деревню тяжело раненном

незнакомце.

Отправив нескольких рыцарей в деревню с приказом допросить этого незнакомца, и, если это будет возможно, привезти его в луар, Беренгар обернулся к карте. Работы по обустройству укреплений вокруг города уже подходили к концу, и они уже сейчас могли стать надёжным подспорьем в грядущей войне, но армия луара пока была не готова к общему выступлению.

— Сколько полков мы можем выставить для обороны города сейчас? — спросил он, рассматривая карту.

— На данный момент окончательно сформирована и вооружена армия альдора, — ответил ему адъютант, заглянув в сафьяновую папку, которую держал в руках. — Старосты цехов и коменданты оборонных колец тоже доложили о готовности ополчения. Но наёмные отряды находятся в стадии формирования. На то, чтоб построить их и определить командование в соответствии с установленной иерархией, уйдёт не меньше суток.

— Значит, мы можем вывести сейчас около тысячи конных рыцарей, две тысячи человек пехоты и три тысячи ополченцев? Всего шесть тысяч против десяти тысяч кавалеристов Ричарда.

— Да, но на данный момент до наших войск не доведены планы размещения на позициях, — напомнил один из алкорских баронов. — План сражения не разработан. Мы надеялись, что успеем до того, как земляне оправятся от поражения в восточных горах и сумеют подойти сюда с учётом скорости продвижения войска с обозами.

— Узнаю де Сансера, — невесело улыбнулся седой рыцарь средних лет с глубоким шрамом на лбу. — Ему всегда нравились стремительные действия.

— Да, и нередко он подставлялся врагу, не успев подготовить поддержку с тыла, — проворчал Беренгар. — Но я не могу не признать изящность его решения. Мы не готовы к выступлению. Он надеялся застать нас врасплох и, если б не тот неведомый вестник, ему бы это удалось. Сейчас нам нужно, прежде всего, предотвратить окружение города и удержать противника на подступах к нему. Мы должны навязать им сражение на дальних рубежах, а лучше вот здесь, где сможем сосредоточить в укрытиях лучников и разместить в засаде отряды копейщиков. А для этого нам нужно предотвратить наступление на луар этой ночью.

— Вряд ли они решаться напасть в темноте, — заметил другой рыцарь. — К тому же с марша кони и люди устанут. Им понадобится передышка для того, чтоб занять позиции и перестроиться.

— Де Сансер бы так и сделал, — возразил седой. — Но вряд ли король Ричард так же прислушивается к его мнению, как прислушивался король Арман. Ричард нетерпелив и может напасть сходу. Конечно, у нас хорошие шансы сдержать их благодаря укреплениям, устроенным вокруг города, но темнота будет мешать и нам. Связь между отрядами не налажена, в темноте несложно перепутать своих с чужими, не говоря уж о том, что мы теряем такой фактор, как лучники.

— Мы едва успеем вывести наши отряды на позиции, — кивнул адъютант. — Хорошо ещё, что в темноте враг не сможет разглядеть, что пока нас мало.

— Да, нам нужно время, хотя бы до утра, — согласился Беренгар. — Что вы думаете о том, чтоб выступить вперёд и встретить противника на дальних подступах, не дав ему продвинуться к городу и занять позиции? Если их рыцари будут утомлены дальним переходом, то мы можем разбить их авангард, а потом отступить и вывести их на ловушки. Жаль, что мы не сможем дополнить этот манёвр обстрелом вот с этих позиций. Это было бы

идеально.

— Королю известна численность нашего войска, мой лорд? — спросил Донцов, заинтересованно разглядывая карту.

— Думаю, он не заблуждается на сей счёт, — пробормотал контаррен. — Его вербовщики так же шныряют по окрестным землям, да и вряд ли Деллану удалось уничтожить всю агентуру Сен-Марко в луаре.

— Значит, он знает, что наше войско немногим меньше, чем его?

— Что с того, Светозар? Мы можем вывести сейчас только шесть тысяч.

— Но он этого не увидит. Значит, его можно обмануть.

Беренгар заинтересованно обернулся к нему:

— Говорите, капитан.

— В нашей военной истории был такой случай, когда нужно было создать видимость войска большего, чем есть на самом деле. Это было как раз ночью. Полководец приказал зажечь костры, множество костров. И хоть у каждого из них было по два-три человека, издали было видно, что всё поле усеяно походными кострами. Сколько человек обычно собирается у костра?

— К тому же костры дадут нам достаточно света на случай, если земляне решатся на атаку! — воскликнул седой рыцарь. — Смотрите, мой лорд, наши рыцари встретят землян здесь, а потом отступят, заманивая их вот сюда. Здесь они окажутся под прицелом лучников. Движущиеся с флангов всадники наткнутся на канавы, их кони будут падать, ломая ноги, и это позволит вступить в бой ополченцам, которые будут ждать их вот здесь и здесь. Если кто-то и пробьётся дальше, то мы сможем принять бой вот на этой площадке и сражаться при свете костров.

— Отлично, барон Дюбарри! — одобрительно кивнул Беренгар. — В целом ваш план вполне приемлем, и всё же над ним нужно поработать, — он обернулся к Донцову. — Капитан Светозар, отправляйтесь в казармы и соберите командиров кавалерии, пусть они готовят свои отряды к срочному выступлению и ждут приказа. Кроу, ваша задача проследить, чтоб во дворце как можно скорее собрались старосты ремесленных цехов и коменданты оборонных колец. Предварительно они должны оповестить своих людей о сборе на площадях и готовности к выступлению, в полной амуниции с оружием и припасами на три дня. Ступайте. Моример, соберите старших командиров и возвращайтесь вместе с ними. Мы продолжим совет позже, когда я извещу альдора о полученных известиях и наших действиях. К темноте наши люди должны занять позиции согласно разработанному плану и знать свои задачи. Бартон, немедленно выезжайте на север. Вы должны предупредить энфера о происходящем, чтоб на обратном пути он не попал в западню, которую наверняка устроит ему Ричард.

С этими словами он развернулся и со стремительностью, редкой в его преклонном возрасте, вышел из зала, а за ним разошлись его рыцари, чтоб начать подготовку к немедленному выступлению на подготовленные заранее позиции.

Марк недолго ехал рядом с де Грамоном. Вскоре после того, как передовой отряд покинул долину, где стояла лагерем армия землян, к нему примчался адъютант барона де Сансера и сообщил, что его желает немедленно видеть главнокомандующий. После этого он поскакал дальше вдоль колонны, видимо, для того, чтоб оповестить о том же других командиров.

Подъехав к голове колонны, где в окружении старших военачальников ехал король, Марк отыскал среди них де Сансера.

— Барон де Сегюр, берите своих людей, и выдвигайтесь вперёд, — распорядился тот, приветственно кивнув ему. — Ваша задача — разведка по пути следования нашего войска. Егеря и лёгкие кавалеристы Делвин-Элидира обеспечат прикрытие колонны с флангов, а вы должны убедиться в том, что путь свободен. Постарайтесь выяснить у местных, что сейчас происходит в луаре и вокруг него.

— Я понял, ваша светлость, — поклонился Марк. — Однако мне нужны ещё люди. У меня осталось всего пять человек, из них двое ранены и я не могу взять их с собой. Если позволите взять гвардейцев...

— Нет, барон, — покачал головой де Сансер и посмотрел вперёд, туда, где во главе своего войска ехал Ричард. — Вы, наверно слышали, что пропал господин Джинхэй. Это встревожило его величество, и он предпочитает держать при себе наиболее надёжную охрану, а именно капитана Карнача с его лучшими гвардейцами. Его трудно в этом упрекнуть. Это исчезновение встревожило многих. Впрочем, это дело де Грамона. Вы можете взять с собой моих людей, сколько нужно, — он обернулся к своему капитану. — Бруно, подыщи для барона молодых смышлёных парней, которые хорошо держатся в седле и быстро соображают.

— И не звенят железом на полном скаку, — добавил Марк. — Четырёх человек хватит.

— Собирайте своих, ваша светлость, — поклонился тот. — Я направлю к вам четырёх всадников.

Спустя некоторое время отряд из восьми человек, одетых в кожаную одежду, обогнал колонну и помчался вперёд по дороге, ведущей на запад.

Первое время они двигались по совершенно пустой дороге, а потом начали встречать путников и крестьян на подводах, запряжённых быками и невысокими лохматыми лошадами. Каждый раз они останавливались и Марк, представившись офицером армии альдора, следующим из цитадели Девы Лардес, расспрашивал их о том, что им известно о происходящем в этой местности. Он безупречно говорил на местном диалекте энхилдера, и хотя по его внешнему облику можно было понять, что он землянин, алкорцы охотно отвечали на его вопросы. Все знали, что в войске луара служат земляне.

Вскоре им стали попадаться возки купцов, переезжающих из городка в городок, и группы всадников, в том числе местных землевладельцев. И снова он без труда добивался их доверия и выпрашивал всё, что ему было нужно. Проезжая мимо городков, они не задерживались, только внимательно рассматривали крепостные стены и высокие частоколы, чтоб убедиться, что здесь никто не ждёт захватчиков, ворота открыты на светлое время суток, и через них в обе стороны течёт неторопливый поток горожан и приезжих.

Несколько раз они останавливались на краткие привалы, чтоб перекусить, накормить и

напоить коней и дать им небольшой отдых. Однако к концу первых светлых суток Арно напомнил ему, что нужно остановиться на более длительный отдых. Кони уже выбились из сил, да и людям нужно поспать хоть немного.

— Мы уже достаточно опередили войско, Марк, — проговорил он на скаку. — Они не догонят нас до темноты, а нам к тому времени неплохо было бы добраться до луара и осмотреться в окрестностях.

— Ещё немного, Арно, — откликнулся Марк. — Какой город мы проехали? Ларал? Ничего не вспоминается тебе при этом звуке?

— Ах, красавица Этилла, дочь трактирщика, который едва не выбросил тебя в окно, после того, как ты соблазнил его малютку? — рассмеялся Арно. — А ведь точно, где-то тут должен быть её постоянный двор! Я согласен проехать ещё пару миль, если мне снова удастся отведать её копчёного гуся с вишнёвым соусом!

Через какое-то время отряд подлетел к небольшому постоялому двору, обнесённому частоколом. Навстречу им вышел пожилой слуга, и Марк, спешившись, бросил ему повод и вбежал в низкие двери приземистого двухэтажного дома, который отличался от обычных сельских строений тем, что в основании был не круглым, а, как городские дома, примыкавшие к оборонным кольцам, — прямоугольным.

Он оказался в просторном зале, где стояли грубо сколоченные столы и широкие лавки, а в углу полыхал жарко растопленный камин, в котором на целой системе вертелов жарилась лесная дичь. За столами сидели крестьяне и компания охотников из ближайшего городка, но их было немного, и потому молодая румяная хозяйка с огненно-рыжими кудрями, выбивавшимися из-под накрахмаленного чепца, скучала за прилавком, не забывая присматривать за своими слугами, обслуживающими посетителей. Однако увидев нового гостя, она вспыхнула, как маков цвет, и, выскочив из своего закутка, бросилась ему на шею.

— Марк! — с восторгом закричала она, а он со смехом обнял её и, приподняв, закружил по залу. — Неужели это ты? Я слышала, что тебя арестовали!

— Правда? — он изобразил удивление и поставил её на пол. — Ничего об этом не знаю. Я слышал, что кого-то из наших прихватили и выслали, но я ещё до того уехал в цитадель Девы Лардес и потому избежал подобной участи.

— Так вот почему тебя не было в луаре! А я-то боялась, что больше не увижу тебя, особенно после того, как была вынуждена продать отцовский трактир и купить этот постоянный двор!

— Боги милостивы, и они снова свели нас, мой цветок, — улыбнулся он, целуя девушку. — Но, увы, ненадолго. Я должен ехать в луар, чтоб сообщить альдору подробности осады цитадели.

— Ты был там? — воскликнула она.

— Не я один. Мои друзья тоже. И теперь им нужен сытный ужин и постель на несколько часов.

— Но вы победили? — не унималась она. — Я слышала, Ричард остался ни с чем!

— Земляне не пробивались дальше ворот, а потом вынуждены были отступить и прошли мимо под дождём стрел со стен цитадели, — кивнул Марк. — Но что мы о делах? Я рад снова видеть тебя, хоть и валяюсь с ног от усталости!

— Конечно! — спохватилась она и посмотрела на двери, в которые уже входили спутники Марка.

Увидев Арно и Клемана, она радостно бросилась к ним, спрашивая о других

знакомых рыцарях-землянах. Они отвечали уклончиво, да она и не ждала подробных ответов, уже думая, как лучше принять дорогих гостей. Слуги быстро накрыли один из столов, поставив на него миски с жареными перепёлками, копчёным гусём, жёлтым ноздреватым сыром и серым, ароматно пахнущим хлебом. Вино к столу подали лучшее, и гости сели за стол, негромко переговариваясь.

Марк сел отдельно вместе с Этилкой, и в нескольких словах рассказал ей о том, как проходила осада цитадели. Он подтвердил неясные слухи о том, что крепость была спасена Девой Лардес, и с неожиданным для себя удовольствием описал, как она выглядела, удивившись, как глубоко отпечатался её образ в его памяти.

— А как твоё новое дело? — спросил он, окинув взглядом зал. — Не скучаешь по луару?

— Здесь проще держать заведение, Марк, — пояснила она. — Там мне было тяжело справляться одной, а здесь я быстро развернулась, поскольку могу предложить постояльцам и гостям то, что они могут найти только в большом городе. Да и прислуга обходится дешевле. А что до того, чтоб скучать, так тут мне не до того. К тому же я часто езжу в луар, чтоб навестить мать и сестёр, отвожу им часть денег, чтоб мама отложила девочкам на приданое. Это я — беспутная, а они должны найти себе хороших мужей.

— Ты не беспутная, — улыбнулся Марк, сжав пальцами её руку. — Ты рыжая, и у тебя всё не так, как у других. В тебе слишком много огня и совсем нет смирения. Может, это и неплохо. Но я уверен, что и ты найдёшь своё счастье. А давно ты была в луаре? — спросил он, взяв с блюда кусок мяса и обмакнув его в вишнёвый соус.

— Недавно, лишь пару дней, как вернулась, — ответила она. — Там так тревожно, все говорят об осаде. Ты думаешь, война будет?

— Боюсь, что так. Мне нечем тебя утешить. И лучше б тебе уехать подальше отсюда. Через какое-то время тут пойдёт войско землян, и я не знаю, что от них ждать.

— Может быть, — вздохнула она. — Но куда мне идти? Кроме этого постоянного двора у меня ничего нет.

— Расскажи мне, что происходит в луаре?

— Там много военных, — пожала плечами она. — Энфер Ликар уехал на север.

— Это точно? — перебил он, нахмурившись.

— Да, я сама видела, как он выезжал из города со своей маленькой армией.

— И давно это было?

— Нет, за день до того, как я уехала из луара.

— Значит, он ещё не вернулся. А контаррен там?

— Да, и контаррен, и альдор, и все младшие принцы. Говорят, что они набрали армию не меньше, чем у Ричарда. К тому же перекопали все луга вокруг.

— Что значит перекопали?

— Там теперь везде длинные канавы, какие-то ямы, подвозят острые пики и большие брёвна, что-то строят. Я не присматривалась. Там тревожно, Марк, — она взглянула на него синими, вмиг потемневшими от беспокойства глазами. — Уже семь лет не было войны, и если всё начнётся снова, сколько крови и бед будет вокруг!

— Да, но что мы можем с этим поделать? — тихо спросил он.

— Поезжай туда и защищай луар, — произнесла она, сжав его руку. — А останешься жив, возвращайся к малышке Этилле хоть на пару дней. Я всегда буду тебя ждать!

Он улыбнулся, а она налила в его кубок вина. Поужинав, он подсел к своим людям и, достав из сумки бумагу и чернила, написал донесение, описав в нём то, что узнал от своей

подружки. Затем он приказал одному из всадников де Сансера после краткого отдыха доставить письмо королю, а сам поднялся на второй этаж, где в маленькой уютной спальне его ждала рыжая красавица.

Прощаясь с ней через несколько часов, он вскользь упомянул, что видел на дороге повозку, покрытую узорчатым ковром, которая свернула в Ларал, и к своему облегчению заметил, как вспыхнули нетерпением её глаза. В таких повозках купцы развозили красивые ткани и недорогие украшения, которые так нравились небогатым провинциальным дамам. Ему оставалось только надеяться, что она успеет уехать за покупками до подхода армии Ричарда и окажется под защитой крепких стен торгового города. Вряд ли Ричард задержится для того, чтоб штурмовать его, он слишком спешит. И это было всё, что Марк мог сделать, чтоб уберечь её от беды.

Гонец с письмом отправился в обратный путь, а отряд помчался дальше. Уже небо над лесом начало наливаться густой синевой, когда всадники подъехали к селению неподалёку от луара, которое неожиданно встретило их тишиной. Марк сразу почуял неладное, не услышав людских голосов, лая собак и мычания коров. Во дворах было пусто и он, приказав спутникам осмотреться вокруг, спрыгнул с коня и через распахнутые ворота направился к ближайшему дому. Он поднялся на второй этаж и увидел в просторной комнате полный беспорядок, часть вещей валялась на полу, очаг остыл. Было ясно, что хозяева собирались в спешке, но успели взять всё самое ценное. Спустившись вниз, он заглянул в хлев на нижнем этаже и убедился, что он пуст.

— Никого, — проговорил Арно, встретив его на дороге. — Мы всё осмотрели. Ни одной живой души. Они сбежали и угнали весь скот.

— Это плохо, — заявил Марк осматриваясь. — Значит, они знают, что мы идём. Кто мог их предупредить?

— Какой-нибудь шпион, который увидел наше построение и умчался вперёд.

— Нет, он не мог так опередить нас. Сейчас полдень, а очаг успел остыть. Значит, утром его не топили, они ушли раньше. Нужно отправить ещё одного гонца к королю.

— Может, сначала проверим соседние деревни? Они тут близко.

— Не будем терять времени, Арно. Пусть скачет, чем быстрее он предупредит наших о том, что алкорцы уже ждут нас, тем лучше. После обследуем другие деревни и поедem к луару. К тому времени, как стемнеет, будем там. Если они готовы к встрече, то в темноте у нас будет больше шансов подобраться ближе.

Отправив ещё одного гонца навстречу войску, всадники вернулись в сёдла и через поле поскакали к другой деревне, но и там обнаружили ту же картину: тишина и признаки поспешных сборов и бегства.

— Дальше можно не ездить, — заметил Клеман, когда они закончили осмотр домов. — Все деревни поблизости пусты. На лугах нет ни одной коровы, ни одной овцы. Когда мы пересекали луг, я заметил выкошенную полосу, а рядом — брошенные косы и крюки для ворошения сена. Они бежали, бросив всё, кроме самого ценного.

— Темнеет, — проговорил Марк, посмотрев в налитое густой синевой небо. — Едем к луару. Обмотайте узду и стремяна тряпками, чтоб ничего не звенело, и будьте начеку.

Дальше ехать по дороге Марк не решился. Он хорошо знал места вокруг луара, и потому решил пробираться лесом, чтоб не наткнуться на разъезд алкорцев. По пути они миновали ещё несколько пустых деревень, но на сей раз задерживаться там не стали. Тишина и отсутствие огней в сумерках, хотя ночь ещё не наступила, говорили сами за себя. Эти

селения тоже были спешно покинуты жителями.

К луару они подъехали уже в темноте, и хоть на открытой местности все предметы подсвечивало неяркое серебристое сияние небес, в лесу было достаточно темно, чтоб скрыть группу всадников, почти беззвучно приближающуюся к городу. До него оставалось около мили, когда Марк остановил коня и спрыгнул на землю. Они находились в неглубокой лощине, поросшей густым кустарником.

— Дальше идти всем вместе опасно, — проговорил он, передав повод коня одному из всадников де Сансера. — Арно, ты пойдёшь со мной. Попытаемся подойти к краю равнины и посмотреть, что делается вокруг города. Клеман, остаёшься за старшего. Если что-то случится, уходите, не ввязываясь в драку. Встретимся в той деревне, которую осматривали первой.

Арно тоже спешил и двинулся в темноту вслед за ним.

— Ты, действительно, думаешь, что они рыскают здесь? — шёпотом спросил он, догнав командира.

— Если они знают о нашем приближении, то это было бы логично, — ответил Марк, продираясь сквозь заросли папоротника. — Смотри под ноги, здесь ручей.

— Дьявол, — проворчал Арно, посмотрев вниз, под его ногами захлюпала вода. — Почему эти папоротники всегда растут у ручьёв? Кто мог известить алкорцев о наших планах, если даже мы ничего не знали о выступлении до приказа?

— Я знал, мне сказал Делвин-Элидир, но я — никому. Так что знать могли только члены малого совета или те, кому они проболтались. В любом случае, насколько мне известно, после военного совета никто, кроме разведчиков и вестовых, не покидал лагерь.

— Кроме ещё одного человека, — Арно напряжённо засопел. — Мы не нашли его, Марк.

— Хочешь сказать, телохранитель короля шпионил для луара? Ты представляешь себе, сколько всего он знал, если всегда был при Ричарде? Если так, то наши карты открыты перед алкорцами.

— Ещё когда Дева Лардес снизошла до того, чтоб дать нам пинка у цитадели, я понял, что не будет нам удачи в этой войне. Унести бы ноги...

— Тише Арно... — зашипел Марк и замер.

— Это наверно барсук, — прошептал тот, посмотрев туда, где что-то шевелилось в траве.

— Я не о том. Слышишь вон там ржание лошадей?

Арно прислушался, а потом покорно кивнул.

— Ты был прав, лучше было идти вдвоём, пешком и скрытно. Их много. Они даже не прячутся.

— Они на дороге, прямо на пути нашего войска.

— Вернёмся?

— Посмотрим, что на равнине, а потом пойдём обратно, тут уже близко.

Он ускорил шаг, пригибаясь, чтоб проскользнуть под низко повисшими ветвями деревьев. Лес оборвался неожиданно. Не было привычного подлеска и кустов. Деревья вдруг как-то разом закончились, и Марк остановился, не решаясь выйти из тени на широкую полосу, заваленную срубленными деревьями и наваленными в кучу ветками кустов, ещё недавно росших на краю леса. Бледный свет ранней ночи заливал покаты́й склон холма, утыканный свежими пеньками. Внизу простиралась долина, посреди которой в отдалении

стоял луар. Его стены были освещены яркими огнями, горящими в каменных сигнальных чашах, но их свет терялся среди множества огоньков, горевших на равнине под стенами города. Темнота была испещрена яркими точками далёких костров, сливавшихся в широкую мерцающую реку, огибающую стены города.

— Ангел Тьмы и все его демоны! — потрясённо прошептал Арно. — Они уже вывели войско за стены и ждут нас!

— Возвращаемся, — отрезал Марк и, развернувшись, пошёл обратно.

— Может, стоило спуститься вниз? — бормотал, следуя за ним, Арно. — Хотя, зачем? В темноте мы всё равно не разглядим, что там творится, а напороться на их посты сможем запросто. Да и какой дурак пойдёт сейчас на город? Нужно дождаться светлого дня, оценить обстановку. К тому же перемирие... Марк, перемирие уже закончилось?

— Остался один день, — отозвался Марк.

Его голос звенел от напряжения. Он понимал, что упустил что-то важное, и теперь ему и де Грамону точно не поздоровится. Они не слишком усердствовали, выискивая в войске шпионов, и вот кого-то проглядели. И из-за этого вражеского лазутчика план короля пошёл прахом. Нет, он вовсе не переживал из-за того, что Ричард получит очередной щелчок по носу. Куда хуже было то, что теперь это будет поставлено в вину им с Рене. Одна надежда, что война всё спишет, а нет, то меньшее, что им грозит, — это немилость короля и конец карьеры.

Внезапно он замер и только потом понял, что заставило его отвлечься от тревожных мыслей. Впереди раздавались возбуждённые крики и звон мечей.

— Наши? — Арно наткнулся на него в темноте.

— Больше никому, хотя, это не там где мы оставили их. Немного левее.

— Свернём?

— Попробуем пройти правее и посмотрим, что там. Если что-то не так, не стесняйся упасть и ползти на брюхе, лишь бы хоть один из нас добрался до штаба.

— Я не гордый, — проворчал Арно и хлопнул его по плечу. — Вперёд, ваша светлость.

Они свернули чуть в сторону и вскоре оказались на краю ложбины, где оставили свой маленький отряд, но там было тихо. Какое-то время они прислушивались, а потом до них донёсся тихий звук, словно заржала лошадь, но кто-то попытался закрыть ей рот. Марк решил спуститься и, пробравшись сквозь кусты, замер, почувствовав у своей груди острия мечей.

— Свои, — услышал он приглушённый голос Клемана и, наконец, разглядел в темноте своих спутников, которые придерживали встревоженных лошадей.

— Где ещё двое? — спросил он, увидев только Клемана и Делажа.

— Я говорил этому глупцу, — прошипел Клеман, — но ему, видишь ли, показалось, что наверху кто-то есть.

— Так и вышло, — проворчал Делаж. — Он поднялся из лощины и наткнулся на алкорцев. Мы слышали окрик, его спрашивали о пароле, а он сдуру кинулся бежать. Потом зазвенели мечи, и второй кинулся ему на выручку.

— Это его брат, — сумрачно пояснил Клеман. — Сказал, что они всегда были вместе.

— Очень жаль, — проговорил Марк, — потому что сегодня их мать лишилась двух сыновей. Думаете, их захватили?

— Вряд ли, мы слышали крики, звуки схватки и стоны, — ответил Делаж. — Они продержались довольно долго и бились отважно. Думаю, погибли оба.

— Я бы назвал их героями, если б они не погибли так глупо и не выдали наше присутствие здесь. Я уверен, что теперь алкорцы ищут нас по всему лесу, — добавил Клеман.

— Уходим, — распорядился Марк.

И, взяв за повод своего коня, начал пробираться наверх, что б выбраться из лощины. Несколько раз они видели вдалеке мерцающие сквозь деревья факелы и слышали голоса и ржание коней, им удалось выйти из леса, не выдав себя. Через какое-то время голоса алкорцев остались далеко позади, а впереди раскинулась тихая, залитая белёсым светом равнина. Вскочив в сёдла, они помчались в обратный путь, навстречу своему войску.

Марк зря тревожился, что его и Рене де Грамона могут обвинить в том, что они проглядели шпиона в ближайшем окружении короля. Ричард даже не задумался об этом. Выслушав его доклад, он пришёл в ярость, но не оттого, что кто-то его предал, а оскорблённый тем, что альдор посмел раскрыть его великолепный замысел и заранее вывел своё войско за стены. Поскольку все члены малого совета окружали его во главе колонны, он тут же жестом велел им подъехать ближе и, переведя коня с лёгкой рыси на торопливый шаг, воскликнул:

— Как вам это нравится, господа? Я же говорил, что оставлять Беренгара в живых опасно! Он просчитал наши шаги наперёд и принял меры, чтоб сорвать наши планы!

— Как я понял, ваше величество, кроме готовности встретить нас на равнине, они к тому же выдвинули часть кавалерии вперёд, нам навстречу и ждут нас на дороге, — спокойно произнёс де Сансер, не проявлявший никакой растерянности или огорчения, по крайней мере, внешне. — Я думаю, что нам нужно перестроить колонну так, чтоб мы были готовы к их нападению.

— К нападению, барон? — вспыхнул король. — Мы к их нападению? Это мы должны напасть на них, повергнуть в бегство и на их плечах ворваться в город! Если вы не готовы к этому, то я подыщу другого командующего!

— Ваше величество, я исхожу из того, что сказал барон де Сегюр. Нам навстречу движутся алкорцы, их много, но мы не знаем, сколько и где они сейчас. Мы на них нападём или они на нас, не так важно. В любом случае мы столкнёмся с ними на этой дороге нос к носу, и мы должны быть готовы к этому. Что ж до преследования, то я бы не стал торопиться с этим. Скорее всего, это будет ловушкой. Нас привлекут туда, где мы окажемся в зоне обстрела лучников или напоремся на волчьи ямы и врытые в землю копыя. Сейчас слишком темно, и мы не видим ничего в нескольких шагах перед собой, а через пару часов станет ещё темнее. Потому я полагаю, что на данном этапе нам нужно отбить нападение, сохранить своих людей и занять оборонительные позиции...

— Мы будем нападать! — рявкнул король. — Мы утратили фактор неожиданности, но только в части! Они знают, что мы идём, но, зная вас, Беренгар вряд ли ждёт активных действий. Мы будем нападать, а вы можете прямо сейчас отправляться к своему отряду, сдав командование графу де Бове! Я полагаю, вы слишком стары, чтоб вести армию к победе!

— Как будет угодно моему королю, — невозмутимо поклонился де Сансер и, развернувшись, поехал назад вдоль движущейся колонны.

— Люди и лошади слишком измотаны, ваше величество, — произнёс Делвин-Элидир, проводив своего тестя взглядом. — Вряд ли мы сможем перегруппироваться и напасть настолько успешно, что сомнём алкорцев, свежие силы которых занимают заранее подготовленные позиции.

— Вы пытаетесь поддержать вашего родственника или боитесь? — резко обернулся к нему король.

— Никто не смеет обвинять меня в трусости! — звенящим от возмущения голосом возразил молодой барон, и его холодные зелёные глаза сверкнули яростью, но он тут же взял себя в руки. — Но так же никто никогда не мог упрекнуть меня в стремлении к неоправданному риску. Я готов биться с врагами до смерти, но не стану кидаться грудью на их клинки. Из донесения барона де Сегюра нам известно, что вокруг луара создана сеть ловушек и укрытий для лучников и пехоты, находящейся в засаде. Они занимают позиции, которые знают, как свои пять пальцев. Они вывели свои войска на равнину и расположились там у костров в ожидании нашего прибытия. Зачем им принимать серьёзный бой на дороге в темноте? Проще заманить нас на освещённое кострами место, где мы будем у них, как на ладони. У них есть лучники и пехота, а у нас ничего, кроме уставших от долгого перехода рыцарей на не менее уставших конях.

— Рискую навлечь на себя ваш гнев, мой король, — подал голос граф де Бове, — но барон Делвин-Элидир прав. В данных условиях нападать без предварительной разведки, которая даст нам представление об укреплениях противника на равнине, без пехоты и лучников, и, самое главное, без плана сражения — смертельно опасно. Вы, ваше величество, отважный и дисциплинированный воин, рыцарь, не знающий страха и сомнений, но все ли ваши подданные и, тем более, наёмники обладают столь выдающимися чертами характера? Или, оказавшись в темноте под градом стрел, они запаникуют и бросятся врассыпную, натываясь на острые колья, вкопанные в землю, и алебарды пехотинцев?

— Смею напомнить, ваше величество, что мы наткнулись на передовой отряд алкорцев, — вступил в разговор Марк. — И они нас заметили, потому им точно известно, что мы уже почти рядом, и мы знаем о том, что они идут нам навстречу. Это сводит эффект неожиданности практически к нулю. Я видел на равнине множество костров, значит, основная часть войска остаётся под стенами. Но если они знают численность нашего войска, то не могут не понимать, что небольшой отряд конных рыцарей не задержит нас. Зато он может напасть и, раззадорив нас ближним боем, отступить. Для Беренгара это довольно грубая ловушка, но в прошлой военной кампании она дважды срабатывала.

— Да, у Белого ручья и под стенами замка Анвер, — припомнил маркиз Вайолет. — Славные были победы... Но теперь Беренгар на другой стороне, и вполне может применить этот манёвр против нас. К тому же, ваше величество, не стоит забывать и о том, что до окончания перемирия ещё целый день, оно скреплено королевской печатью и, нарушив его, мы рискуем попасть под обвинения в нарушении клятвы, что может отразиться на нашей репутации.

— Что за чушь вы несёте, маркиз? — проворчал король, который под градом аргументов уже начал сомневаться в правильности своих планов. — Алкорцы первыми нарушили перемирие, напав на нас в горах.

— Напомню, что это известно только нам, ваше величество, — заметил де Грамон. — Военные действия против нас начали три рыцаря, которые на данный момент мертвы и уже ничего не скажут. Доказать, что они действовали от имени и в интересах луара, невозможно, особенно если учесть, что один из них по происхождению был землянином. У нас нет доказательств нарушения перемирия альдором, в то время как мы уже предприняли некоторые шаги, которые могут быть восприняты именно так. Мы напали на цитадель алкорцев в горах, но здесь ещё можно возразить, что она преграждала нам путь по

нейтральным землям. Другое дело, что мы вторглись с войском на земли луара...

— Ладно-ладно, — остановил его Ричард. — Пусть будет по-вашему. Возможно, вы и правы. Нам нужно время на подготовку к сражению. Мы здесь без пехоты и, главное, без обозов, в то время как их войско, судя по всему, прикрывает ворота луара, откуда они могут получать подкрепление и необходимые припасы. Момент для осады упущен и нам нужен план. Командуйте, де Бове. Направьте к барону Аллару гонца, пусть поторопится с пехотой и обозами, и бросит осадные машины. Теперь они ни к чему, только задерживают его в пути. Делвин-Элидир, займите оборону с флангов.

— Правильно ли я понял, ваше величество, что на данном этапе мы желаем избежать боевых действий? — уточнил граф де Бове.

— Только в том случае, если нападать придётся нам. Если нападут они, то мы сомнём их передовой отряд с чистой совестью, — мрачно ответил король.

Граф кивнул и отъехал в сторону, чтоб отдать распоряжения своим офицерам. Король придержал коня, наблюдая, как его двойным кольцом окружают гвардейцы, а мимо проезжают тяжеловооружённые рыцари виконта Дэвре во главе со своим командиром. Встав впереди колонны, они как бы составили собой железный наконечник, который двинулся по дороге в сторону луара. Через какое-то время впереди замелькали факелы алкорцев и показался их передовой отряд, возглавляемый светловолосым рыцарем, поверх белых лат которого была надета шитая серебром тога. Остановившись посреди дороги, он спокойно смотрел, как навстречу ему движется колонна закованных в железо воинов. Казалось, он ничуть не смущён тем, что они не ринулись на его людей тяжёлой лавиной, с поднятыми мечами, а продолжают продвигаться степенным шагом.

Приблизившись к нему, Леонард Дэвре, спокойно снял с головы шлем и представился.

— Я барон Нэгар Отадер, капитан армии альдора Синего Грифона, — поклонился в ответ алкорец. — Я уполномочен моим повелителем узнать, на каком основании ваша армия вторглась на наши земли во время перемирия, и просить вас отступить за границы до истечения срока, указанного нашими правителями, как момент его окончания.

— К великому своему огорчению вынужден заявить вам, ваша светлость, что мы не намерены отступать, как, впрочем, и не намерены нарушать условия перемирия, — ответил Леонард. — Однако совсем скоро оно истечёт, и мы снова окажемся в состоянии войны. Нам известно, что луар предпринял некоторые действия для подготовки к сражению, в связи с чем сочли возможным принять свои меры. К моменту возобновления войны мы собираемся занять свои позиции, как вы заняли свои, с тем, чтоб не терять времени на длительные переходы и манёвры.

— То есть вы собираетесь напасть на моих людей с тем, чтоб очистить себе путь к луару? — усмехнулся барон Отадер.

— Нет, мы просто пройдем мимо вас или сквозь ваш строй. И если вы нападёте на нас, то условия перемирия будут нарушены вами, и мы с полным правом будем защищаться. До этой минуты мы не пролили ни одной капли крови ваших солдат или иных подданных альдора.

— Если не считать трёх наших разведчиков, убитых вашими.

— Насколько мне известно, эти трое напали на нашего солдата, он защищался, потом ему на помощь бросился ещё один и тоже был убит. Формально вы уже нарушили перемирие.

— Формально, — улыбнулся барон. — После того, как вы формально нарушили его,

вторгнувшись на наши земли с войском.

— Значит ли это, ваша светлость, что мы сочтём перемирие нарушенным и более не подлежащим соблюдению, вследствие чего прямо сейчас вступим в бой? — учтиво осведомился Дэвре.

— Я не уполномочен принимать подобные решения, — заметил Отадер, разглядывая стоящих за спиной Леонарда всадников. — Следует признать, что ваша уловка удалась. Мы не можем удержать ваших рыцарей своими силами, и я не вправе раньше времени вступать в войну по своему усмотрению. Однако прошу вас передать его величеству королю Ричарду, что в случае если он нападёт на луар до окончания срока перемирия, он добьётся лишь того, что раньше времени получит достойный отпор, а также покроет свою голову позором клятвопреступника.

— Мой король — человек чести, ваша светлость, — заверил его Леонард. — Он дожждётся окончания перемирия и вступит в переговоры с великим альдором по всем правилам войны. А пока позвольте нам проехать и занять наши позиции.

— Только не попадите по ошибке на наши, мы сочтём это нападением.

— Мы будем признательны, если вы обозначите свои позиции, чтоб мы не допустили такой трагической ошибки.

— Не подъезжайте ближе, чем на полмили к кострам, — ответил барон Отадер и, развернув коня, помчался назад.

Его всадники расступились, пропуская командира, а потом и сами развернули коней, чтоб вернуться в расположение своей армии. Дэвре задумчиво смотрел ему вслед, а потом обернулся, заметив подъехавшего к нему де Бове.

— Вы отлично справились, Леонард, — проговорил граф.

— Я буду доволен собой, когда начну побеждать в бою, а не в словесных баталиях, ваша светлость, — заметил тот. — Мы можем двигаться дальше?

— Вы проследуете до равнины и спуститесь вниз, но затем остановитесь. Нам нужно время на подготовку к сражению, и мы не хотим провоцировать алкорцев на нападение.

— Судя по всему, они и сами не собираются нападать, хотя трусами их не назовёшь, — он задумчиво посмотрел вслед всадникам луара. — Выставить лёгкую кавалерию против нашего войска...

— Не думаю, что они намеревались сражаться, скорее, бежать, чтоб вывести нас на засаду.

— Но он не пытался спровоцировать нас на нападение. Полагаю, что альдор тоже не хочет прослыть клятвопреступником, хотя, у него была бы отговорка. Мы, действительно, пересекли их границы до окончания перемирия и нарушили его.

— Формально, — улыбнулся граф де Бове. — Дальше всё будет по правилам. Потому продолжайте движение. Удачи, Леонард.

И тот, кивнув, надел шлем и поскакал по дороге, а за ним устремились его рыцари.

Кирилл Оршанин гнал коня весь оставшийся светлый день, и ночь, и снова день, останавливаясь лишь для того, чтоб дать своему скакуну небольшой отдых, напоить его и насыпать припасённого в седельной сумке овса. Всё-таки ему удалось до темноты добраться до Магдебурга, и уже в подступающих сумерках он увидел впереди высокий частокол, окружавший торговый город. Он был немного удивлён, увидев, что город так невелик и выглядит таким простоватым. Даже на каменные стены горожане поскупились, а ведь Магдебург считался очень влиятельным центром местной торговли и возглавлял недавно созданную лигу торговых городов. К тому же к его посредничеству прибегали в спорных вопросах, как в сфере экономики, так и в прочих деловых вопросах. Впрочем, может, именно потому он и являлся защищённым не столько оградой, сколько своим статусом нейтрального и очень влиятельного игрока на политической арене этого маленького мира.

Однако раздумывать над этим он не стал, потому что был измотан долгой дорогой, да и его взмыленный конь тяжело дышал и уже едва переставлял ноги. Ему жаль было несчастное животное, и если б не столь чрезвычайные обстоятельства, он бы не стал так мучить его. Подъезжая к распахнутым воротам, он размышлял, впустят ли его на ночь глядя, учитывая его небогатую одежду. Но имя Елизара Дакосты и серебряная монета въездной пошлины, положенная на ладонь стражника, решили все проблемы. Ему даже подсказали, как проехать к дому травника Трауберга, у которого живёт упомянутый благородный рыцарь. Спешившись за воротами, Кирилл повёл усталого коня по улицам, заполненным шумными толпами торговцев и покупателей. За деревянным частоколом скрывался сравнительно чистый и уютный торговый городок с аккуратными домами, нарядными площадями и высокой ратушей.

Он нашёл дом, на который ему указали прохожие, постучал в дверь, и вскоре на пороге появилась хорошенькая белокурая девица, с радостью встретившая дорогого гостя, какими были все гости, навещающие господина Елизара. Оставив коня на попечении вышедшего к нему хозяина, Кирилл вместе с девушкой прошёл в дальние комнаты, которые занимал Дакоста, узнав от неё по дороге, что он не единственный гость их постояльца. Не задумываясь над тем, кто ещё мог навестить его, Кирилл вошёл в гостиную и увидел расположившихся возле камина Дакосту и Хока, захавшего в Магдебург по дороге к «Пилигриму».

Белокурая Рената убежала на кухню, чтоб приготовить для гостей угощение, а Кирилл лишь устало кивнул на приветствия своих сослуживцев и упал на ближайший стул.

— Очень хорошо, что вы здесь, командор, — произнёс он, взглянув на Хока, — потому что мне нужен кто-то из командования. Хотя лучше б это была Дарья Ивановна. Вы можете связаться с ней, рыцарь? — спросил он, обернувшись к Дакосте.

— Нет, капитан, — проговорил тот, озадаченно глядя на бледного Кирилла, у которого под глазами залегли тёмные тени. — Вы ужасно выглядите. Что-то случилось?

— Нет, — пробормотал тот, проведя рукой по отросшему ёжику тёмных волос. — Пока. Но может случиться, если не принять меры. Срочно. К луару направляется армия Сен-Марко, и скоро начнётся война.

— Это, конечно, прискорбно, — кивнул Дакоста, — но это не наше дело. Вы же знаете, что мы не можем вмешиваться в дела местных, если это не касается безопасности наших

людей.

— А я о чём вам говорю? — начал раздражаться Оршанин. — Как бы мне ни нравились здешние алкорцы, но я не намерен грудью закрывать их от местных землян, даже если я от них не в восторге. Но в войске противоборствующих сторон служат наши люди, безопасность которых является нашим приоритетом. Если их срочно не отозвать оттуда, они ввяжутся в войну, наломают дров и могут погибнуть.

— Отозвать? — Дакоста немного растерянно взглянул на Хока.

— Да, чёрт возьми, отозвать! — воскликнул Кирилл. — И чем скорее, тем лучше! Я пытался уговорить Донцова увести из луара наших, но он пропустил мои слова мимо ушей. Я не могу ему приказывать, он выше меня по званию. Даже Хэйфэн не смог его убедить. Кстати, он возвращается вместе с Ланфэн и Джинхэем. Инспектор ранен, причём нашей стрелой, — Кирилл нагнулся, вытащил из-за отворота сапога арбалетный болт и подал его Хоку. — Это значит, в него стреляли из нашего арбалета. Не хочу утверждать, что это сделал кто-то из наших, но такие арбалеты были в армии Сен-Марко только у Карнача и его команды. И я полагаю, они тоже не собираются покидать сплочённые ряды армии, движущейся к бою. Единственный человек, которого послушают и те, и другие — это Дарья Ивановна. А вы, старпом, пока ещё можете командовать нашими парнями, если конечно, Донцов опять не упрётся рогом. У вас точно нет связи с Северовой?

— Я встречался с ней возле звездолётов, но это было довольно давно, — задумался Дакоста. — Она знает, что я на связи, и может найти меня здесь или возле «Пилигрима», но мы как-то не договорились о том, как я свяжусь с ней, — он вопросительно взглянул на Хока.

— Последний раз я видел её, когда она улетала на «Паладин», — пожал плечами тот. — Слышал, что она на Грозовой горе, но как её оттуда вызвать... Я сам поеду в луар и...

— Нет, вы должны иметь приказ командира, — возразил Кирилл и задумался, глядя в пламя растопленного камина. — Пойдите, а док может знать, где она?

— Он знает, — улыбнулся Хок и поднялся. — Я вызову его.

По привычке он посмотрел на потолок, но потом раздражённо фыркнул и осмотрелся, словно искал место, откуда может появиться Джулиан.

— Он всегда появляется за спиной у зовущего, — усмехнулся Дакоста, поняв причину его сомнений.

Хок встал спиной к камину и крикнул:

— Кратегус!

Ничего не произошло. Он недоуменно взглянул на Дакосту, а Оршанин устало покачал головой. В этот момент дверь открылась и в комнату вошла Рената с большим подносом, на котором стояли миски с закусками, кубки и кувшин с вином. Хок бросился к ней, чтоб взять поднос, и только успел это сделать, как девушка испуганно вскрикнула, глядя куда-то ему за спину, а потом поспешно выскочила из комнаты.

— Всё равно сделает по-своему! — проворчал Хок, опустив поднос на стол, после чего обернулся.

Появившись возле камина, Джулиан сел в кресло и улыбнулся:

— Если вы меня звали, то почему там всего три кубка? — он щёлкнул пальцами, и рядом с подносом на столе появилась золотая чаша на витой ножке, украшенная самоцветами.

— Хорош прикалываться, док, — простонал Оршанин. — У нас проблемы, потому и

звали.

Джулиан задумчиво перевёл взгляд на него, потом поднялся и, подойдя, положил ладонь ему на голову. Кирилл глубоко вздохнул, и его спина сама собой выпрямилась, а плечи развернулись.

— Можешь не рассказывать, я всё понял, — кивнул Джулиан и снова исчез.

— Что это было? — спросил Дакоста, посмотрев на Хока.

— Не знаю, — ответил за него Кирилл и, встав, потянулся, — но мне стало гораздо лучше. Что там есть пожрать?

— Ваши манеры, капитан... — пробормотал Елизар.

— Ой, рыцарь, можно подумать, ваши бывают лучше до завтрака! — пробормотал Оршанин и, подойдя к столу, схватил кусок хлеба в одну руку и копчёное рёбрышко неведомого животного — в другую. — Я больше суток не ел толком, — пояснил он с набитым ртом.

В этот момент в комнату ворвался Генрих Трауберг с какой-то склянкой наперевес и, осмотревшись, замер в растерянности.

— Моя дочь сказала, что к вам явился демон, — немного смущённо пояснил он, пытаясь засунуть свой пузырьёк в карман.

— Ну, да, явился, — кивнул Хок, — потом ушёл, но скоро явится вновь и, возможно, не один. Да вы не тревожьтесь, Генрих. Это тот самый демон, что навестил вас тогда в темнице. Вполне благонадёжная сущность, которую мы призывали для решения внутренних проблем нашего ордена. Можете остаться и послушать. Ничего противозаконного!

— Нет, спасибо, — покачал головой Трауберг, задумчиво глядя на золотую чашу, стоявшую на столе. — Я скажу Ренате, чтоб она вас не беспокоила.

Он вышел из комнаты и аккуратно прикрыл за собой дверь.

Я уже несколько дней бродила по замку, как призрак, пугая аборигенов и наводя тоску на Эла, который почему-то постоянно попадался мне на пути и спешно ретировался. Наверно он очень боялся наткнуться на меня, и это занимало все его мысли. А замок или реагировал на картины нечаянной встречи в его воспалённом воображении, или таким образом демонстрировал своё изощрённое чувство юмора. Впрочем, я почему-то была уверена, что он не знает, где Азаров, и вообще, никто здесь об этом не знает, кроме, разумеется, Бена Олдриджа. Но повелитель теней замкнулся в угрюмом молчании, враждебно глядя на меня при встрече, и всё же продолжал тревожно следить за моими перемещениями, о чём свидетельствовало то, что я часто замечала где-то вдалеке его мрачный силуэт.

Я бродила не потому, что надеялась случайно наткнуться на запертую дверь с единицей на табличке, какой обычно обозначается на звездолётах капитанская каюта. Не ожидала я и найти бронированную с прозрачным окошком дверь холодильника или каменную плиту со странными охранными письменами. Это было бы слишком просто. Я была занята тем, что обдумывала проблему, а, как известно, на ходу думается лучше всего, но на сей раз это не помогало. Впрочем, со временем я пришла к выводу, что, скорее всего, Азаров находится не в самом замке, а где-то внизу под ним. Я даже пыталась спускаться по лестницам в подвалы, но ничего, кроме пыли, сырости и крыс размером с болонку, там не нашла.

В очередной раз вернувшись из своих странствий по тёмным каменным лабиринтам, я вошла в свою каюту и, посмотрев на чашку с остывшим травяным чаем, села на диванчик

возле камина. И теперь я уже ни о чём не думала. Мой мозг устал настолько, что категорически отказывался работать, перейдя в режим ожидания, и я сидела, глядя на пляшущие на поленьях язычки пламени и прислушиваясь к странной тишине, возникшей здесь недавно, после того, как прекратилась бесконечная гроза, и с тех пор царившей повсеместно.

Краем глаза я заметила в стороне движение и всплеск чёрного плаща и сначала решила, что это явился Олдридж, но потом увидела блеск серебряного нагрудника и с трудом удержалась от законного упрёка, что-то вроде: «Где тебя черти носят, любимый, когда ты мне так нужен?» Я удержалась и повернула голову, взглянув на Джулиана, с озабоченным видом стоявшего рядом и, видимо, читавшего мои мысли. Я подумала, что это ужасно, когда муж — телепат, и точно знает, что ты в действительности о нём думаешь.

— Это не так плохо, потому что у него есть возможность понять причины твоего недовольства и извиниться, — проговорил он и, откинув плащ, присел рядом. — Извини, в своё оправдание могу сказать только, что был занят. Возникли проблемы со здоровьем у Эрика Ченга, и я искал лекарство. Для этого и нужна была твоя кровь. Теперь он в порядке и уже направляется к звездолётам. Я понял, о чём ты думаешь, и вынужден согласиться, что, скорее всего, Азаров, действительно, жив. Мне остаётся только удивляться собственной глупости. Уж я-то должен был просечь всю нелепость этой истории с убийством. И снова прошу прощения. Я помогу его найти, обещаю, но сейчас у нас есть более важное дело.

Я задумчиво смотрела на него. С момента его появления я не проронила ни слова. А зачем мне вообще открывать рот, если ему итак всё известно и на всё готов ответ?

— Ты пойдёшь со мной? — после минутного молчания спросил он.

— Куда, можно узнать? — слегка раздражённо спросила я.

— Конечно, — покладисто кивнул он. — В Магдебург, к Дакосте. У него Хок и Оршанин. Ты должна их выслушать и срочно принять меры.

— Какие?

— Сначала выслушай, а потом решишь.

Он протянул мне руку. Я вздохнула и вложила свои пальцы в его ладонь. Я не успела понять, что произошло, но камин вдруг переместился в другую часть комнаты, кровать пропала, а на её месте появился широкий стол, на котором стояла глиняная, покрытая глазурью посуда и золотой кубок. Потом я заметила, что то, на чём я сижу, стало жёстче, в спину мне поддувает, потому что сзади возникло широкое окно, и вообще это не моя комната. К тому же здесь находились Дакоста, Хок и Кирилл Оршанин, который только что заметил меня и с виноватым видом замедлил энергичное движение челюстей.

— Здравия желаю, командор, — прощамкал он набитым ртом и ещё больше смутился.

— Привет, — кивнул Хок, как-то не проявив особой радости от встречи.

Видимо, он обижался, что я оставила его одного разбираться с проблемами на звездолёте, словно у меня был выбор.

— Добрый день, командор, — произнёс Дакоста и покосился на стол. — Может, поужинаем, пока там ещё что-то осталось?

В первый момент я хотела деловито приступить к выяснению причин столь экстренного вызова. Ну, если что-то случилось, то надо тут же принимать меры и всё такое! Но я посмотрела ещё раз на стол и, увидев вполне аппетитную еду и в достаточном даже для нашей компании количестве, вспомнила, что завтракала довольно давно, и неизвестно, когда удастся поужинать. Издав добродушное ворчание, в котором внимательный слушатель мог

уловить фразу: «Почему бы и нет?», я устремилась к столу, а Кирилл, галантно пододвинул для меня стул и крикнул:

— Док, нужен ещё один стакан!

И тут же получил стакан, обычный гранёный из толстого стекла, но ничуть не обиделся и удовлетворённо разместил его перед собой, поставив ко мне ближе золотой кубок.

За обедом мне, наконец, рассказали о том, что война между луаром и Сен-Марко вот-вот возобновится после семилетнего перемирия, и при этом с ходу грозит вылиться в активную фазу. Потом я сидела, задумчиво жуя кусочки хлебного мякиша, которые отламывала от большого ломтя, лежавшего на блюде, и смотрела на поблескивающий рядом на столе металлический арбалетный болт, как две капли воды похожий на тот, что недавно передал мне Арес в цитадели Девы Лардес. На нём тоже виднелись следы запёкшейся человеческой крови. Кирилл заканчивал свой доклад, как всегда по-военному чёткий, подробный и краткий.

— Что будем делать? — спросил Хок, поставив на стол свой глиняный кубок. — Яне уверен, что в инспектора стрелял кто-то из наших, но тут у многих сносит крышу. Если они втянутся в эту бойню, мы их потеряем. Даже если они останутся живы, в поисково-спасательном флоте им уже не служить.

— Служба — это конечно важно, — проговорил Джулиан, — но для них и выжить будет чудом. После того, как инспектор предупредил алкорцев о манёвре короля Ричарда, следует ожидать, что альдор встретит вражеское войско в поле под стенами луара. А значит, будет большая битва. Такие битвы на Земле в средние века часто длились несколько суток и приводили к огромным потерям как убитыми, так и ранеными, а учитывая довольно низкий уровень развития медицины в этом мире, летальные потери будут расти и после окончания битвы за счёт умирающих от ран и заражения крови.

— Одной битвой война не закончится, — заметил Хок, бросив на меня мрачный взгляд. — Это будет только начало. Ребят нужно вытаскивать.

— Боюсь, что они будут упираться, — вздохнул Кирилл. — Донцов оказался в самой гуще событий и проникся гордостью. Считает, что он на своём месте.

— У него есть право на выбор, — вынуждена была признать я, — но он должен понимать и оценивать его последствия. Если там его место, как он считает, то ему следует знать, что это место он выбирает для себя на всю оставшуюся жизнь. И остальные тоже должны это понимать. Рауль, — я посмотрела на Хока, — поезжай туда и передай приказ всем офицерам «Пилигрима» немедленно прибыть в место расположения звездолёта. Предупреди, что в случае невыполнения приказа, они будут уволены из экипажа и из состава космофлота без права на восстановление.

— Только офицерам «Пилигрима»? — насторожился он. — А остальные?

— Карначу я уже велела вернуться, но он мои указания проигнорировал. Формально он и его люди мне не подчиняются. Приказ должен исходить от старшего офицера «Паладина», тогда можно будет говорить о последствиях его невыполнения. Это бы добавило им понимания текущей ситуации, но...

— А кто у них там остался? — нахмурился Кирилл. — Азаров погиб, Олдридж себя дискредитировал и вряд ли вправе командовать, Изабо и раньше для них авторитетом не являлась. Остаётся Ноттингем, он второй помощник и к тому же командор второго класса. Но где его искать?

— Если надо, я его найду, — заявил Джулиан. — Пока у меня есть время.

— Ты о чём? — нахмурился Хок.

Но тот неопределённо махнул рукой.

— Насколько мне известно, Ноттингем не рвётся вернуться на службу, — заметил Хок, настороженно поглядев на Джулиана, и снова обернулся ко мне. — Его всё устраивает, и он искренне радуется новому развлечению. Запасся попкорном и смотрит кино про средние века вживую. И формально он тебе тоже не подчиняется.

— Нужно его убедить, — пожала плечами я.

— Каким образом?

— Добрым словом, а не получится, — грубым шантажом.

— Хорошая идея... — Хок задумался и вдруг радостно улыбнулся: — Я вспомнил! Он говорил, что вернётся на свой пост, если перед ним вдруг встанет ангел с огненным мечом! Или что-то в этом роде.

Я посмотрела на Джулиана. Он усмехнулся.

— Сделаем.

— Ладно, — кивнула я. — Жди его неподалёку от луара, координаты позже согласуем. Рыцарь, — я обернулась к Дакосте, он тут же выпрямился, устремив на меня пылающий энтузиазмом взор, — поезжайте со старпомом, но ваша задача — встретить повозку Хэйфэна и проследить, чтоб он довёз инспекторов до звездолётов живыми. Ваша помощь врача может им пригодиться.

— Я понял, — ответил он и тут же поправился: — Вернее, есть, командор.

— А мне что делать? — Кирилл вопрошающе смотрел на меня.

— Самое сложное, капитан. Остаться здесь, отдышаться и дать отдых вашему несчастному коню, после чего сесть верхом и ехать к звездолётам. Хватит шляться. Начинаем собирать экипаж.

— Значит ли это, что мы скоро вернёмся домой? — осторожно уточнил он.

— Возможно, я, по крайней мере, на это надеюсь. Вопросы?

— Нет, всё ясно, — проговорил Хок. — Мы с Елизаром выедем к вечеру.

— Поедете светлым утром, — возразил Джулиан. — Ночью на дорогах беспокойно, к тому же можете сбиться с пути, если какой-то из ориентиров переместится.

— Но мы упустим время! — воскликнул Хок.

— Если король Ричард решит напасть на врага сразу, то вы уже его упустили и битва идёт полным ходом. Если нет, то он вряд ли начнёт до окончания перемирия, а значит, у вас будет время до начала следующих светлых суток. Незачем рисковать. К тому же не забывай, что тебе нельзя появляться в стане Сен-Марко. У короля Ричарда на тебя большой зуб.

— А, ну да, — помрачнев, кивнул Хок и посмотрел на меня. — Я поеду в лагерь алкорцев. Там никто не мечтает сделать из моего черепа чашу для пиров. Ноттингем отправится к Карначу и передаст твой приказ Булатову и Стаховски. Не думаю, что Юра будет сильно артачиться, получив его опосредованно. Да и Стэн достаточно дисциплинирован, чтоб прислушаться к старшему офицеру флота.

— Ладно, — удовлетворённо проговорила я, — наши цели ясны, задачи определены, за работу, товарищи! Что будем делать с Ноттингемом, дорогой? — поинтересовалась я, взглянув на супруга.

— Мы поставим его перед ангелом с огненным мечом, — на лице Джулиана появилась улыбка сытого кота, он явно предвкушал удовольствие от очередного шоу. — В иной ситуации самым сложным было бы найти подходящего ангела, но с этим у нас, к счастью,

проблем нет. Остаётся обставить сцену так, чтоб это выглядело впечатляюще, и загнать нашего сокола в силки.

— Скорее, козла в загон, — поправил Хок с саркастичной усмешкой.

— Некорректно так говорить об офицере космофлота, — усмехнулся Джулиан, — даже если он этого заслуживает. У меня есть на примете подходящее место. Я уверен, тебе там понравится.

— Что мне там понравится? — с подозрением уточнила я. — Насколько я помню, сияние небес тебе недоступно. Что ты можешь предложить? Инфернальную красоту какого-нибудь готического мирка? Приветливые своды разрушенных соборов, очаровательные горгульи на обвалившихся карнизах, изысканные надгробия с сексапильными каменными демоницами в натуральную величину и изящные лестницы в небеса, которые так интригующе обрываются над гостеприимной бездной?

— Ты уловила мою мысль, — одобрил он. — Именно в таком месте твоё появление будет особенно эффектным. Сыграем на контрасте. Но я имел в виду кое-что другое. Как я понял, Ноттингем легко преодолевает границы между мирами и считает себя неуловимым и неуязвимым, но он понятия не имеет, что есть такие места, где нет границ соседних измерений, поскольку это цельные и замкнутые матрицы пространства-времени, образовавшиеся из образов, проникших в глубины тьмы из чьих-то воспалённых безумием и болью голов, и запечатлённые там навеки. Оттуда бежать ему будет некуда.

— О, нет! — воскликнула я. — Ты предлагаешь мне снова отправиться во Тьму? Мне там в прошлый раз не понравилось! Вспомни, мы едва унесли оттуда ноги!

— Хорошо, я согласен рассмотреть любые другие варианты! Как ещё мы можем заманить его в ловушку и заставить нас выслушать, причём привести его в такое состояние, что на любое наше предложение он согласится с радостью? Пойми, он, действительно, ходит по измерениям, как по коридорам звездолёта. И он исчезнет ещё до того, как ты успеешь открыть рот, просто потому что не хочет тебе возражать при этом не желает подчиняться. А в месте, о котором я говорю, он, будучи человеком, лишится возможности пользоваться своим даром, поскольку всё там пронизано тёмной энергией. Тьма живёт по своим законам, ему непонятным и неподвластным. Я понимаю, что тебе там не нравится. Ты из другого, диаметрально противоположного мира, но тебе там бояться нечего. Это всего лишь ментальный образ, голограмма, декорация. В этих капсулах нет жизни, и там не задерживаются даже самые неразборчивые в местах обитания сущности!

Я сумрачно взирала на него, вспоминая прошлое наше совместное путешествие по глубинам Тьмы. Я сама рвалась побывать там, но после зареклась соваться туда вновь. Но других предложений у меня не было. Мне нужен был Ноттингем, причём полный служебного рвения и желания выполнить приказ командования самым наилучшим образом.

— Если хочешь, посмотрим несколько капсул, — вкрадчивым голосом предложил Джулиан. — Если тебе не понравится одна, выберем другую. Я научу тебя перемещаться между ними. Это как тренировка перед телепортацией в более плотном мире.

Это было искушение. Я всегда завидовала его умению не наткнуться на полном ходу на стены, внезапно исчезнув за мгновение до столкновения с ними. И я согласилась.

Как всем известно и подтверждено наукой, если за столом во время коллективного приёма пищи находится хоть один русский, то эта трапеза неизбежно превращается в застолье. Нас с Кириллом было двое, и по части тостов с нами не мог соперничать никто из

собравшихся за столом. Потому встали мы из-за него спустя несколько часов, вдоволь наговорившись и опустошив не один кувшин вина, которое исправно приносил хозяин дома с восторженным любопытством поглядывавший на меня и с некоторым смущением — на Джулиана. Но, наконец, мы закончили делиться информацией и своими соображениями о ней, выпито и съедено было достаточно, и Дакоста увёл Хока и Кирилла в лабиринт деревянных залов этого большого добротного дома, чтоб уложить их спать, а мы с Джулианом остались в маленькой гостиной.

— Может, поспишь сначала? — спросил он, посмотрев на меня.

Я задумалась. Это он опрокидывал раз за разом свой глиняный кубок и с наслаждением вгрызался в блестящие от жира копчёные рёбрышки, я же старалась блюсти фигуру и умеренность в питье, и всё же он был, как обычно, свеж и трезв, а у меня было такое чувство, что я не пройду не только сквозь границу измерений, но даже сквозь распахнутую настежь дверь.

— Ангелам надо спать? — задумчиво поинтересовалась я, пытаюсь подсчитать, во сколько литров вина могло вылиться скромное «по глоточку» при таком количестве тостов.

— Нет, но они любят это занятие, потому что летают во сне.

— Летать? С набитым желудком? Шутишь? Если я усну, то во сне буду лежать камнем на дне пруда и стонать. И спать мне вовсе не хочется. Напротив, я склонна отправиться на прогулку, чтоб отработать ужин.

— Это будет прогулка по иным мирам. Впрочем, лёгкое опьянение этому лишь способствует. Как известно, земные шаманы часто ели галлюциногены и курили наркотическую травку для облегчения астральных путешествий. Это — почти то же самое, только вслед за астральным телом нужно будет перенести в тот мир и физическое.

— Если оно туда влезет, — проворчала я.

Он оценивающе посмотрел на меня.

— Полагаю, проблем не будет. В конце концов, объём и масса перемещаемого тела в данном случае не имеют значения.

— Ты умеешь успокоить девушку, — пробормотала я, неожиданно обидевшись.

— Вставай. В первый мирок я перенесу тебя сам, а там — посмотрим.

Я нехотя встала, и, не заметив никаких признаков землетрясения, уверенно отцепила пальцы от столешницы. В голове уже прояснилось, да и тяжесть в желудке я сильно преувеличила. А вот пройтись мне, действительно, хотелось, но он не дал мне такой возможности, встав напротив и взяв за руки. Я невольно подняла голову и посмотрела ему в глаза. Его зрачки вспыхнули красным светом, радужка ярко зазеленела, и ресницы затрепетали оранжевым пламенем. Следующим этапом у него должны были появиться крылья, и вокруг действительно стало темно и немного душно, только потом я поняла, что не из-за его чёрных крыльев, которых по-прежнему не было.

Повернув голову, я оторопела и возмущённо пискнула:

— Ты специально затащил меня сюда, чтоб мне захотелось поскорее отсюда телепортироваться, даже если придётся делать это самостоятельно?

Мы стояли под тёмной аркой какого-то полуразрушенного строения. Впереди тускло поблёскивала в лунном свете выбитая и истёртая брусчатка двора, а дальше чернели кривые колонны какого-то храма или дворца, покосившиеся до такой степени, что, казалось, вот-вот рухнут, и при этом опутанные серыми лианами, с которых свисала паутина. На потолке над нами тоже висели эти иссохшие пыльные канаты, покрытые полотнищами тонких грязных

мочалок. Клочок неба, видневшийся отсюда, был таким же грязным, тёмно-серым и унылым. К тому же неприятно пахло чем-то затхлым и мёртвым.

— Я не хочу здесь оставаться! — воскликнула я обиженно. — Мне здесь не нравится!

— Я так и думал, — спокойно сообщил он. — Теперь будем перемещаться в другую капсулу. На сей раз попробуй сама.

— Каким образом? — нахмурилась я, настороженно обернувшись, потому что мне показалось, что за моей спиной кто-то затаился.

Но там было темно и пусто.

— Просто всмотришься в картину капсулы, которую я тебе покажу, и представь, что ты уже там. Это позволит тебе перенести туда астарьное тело, — проговорил он. — А поскольку все эти миры нестабильны, то вслед за астральным телом они тут же пропускают и физическое.

— То есть я должна внимательно рассматривать все детали того, что увижу, и постараться представить себе то место в других ощущениях?

— Верно. Закрывай глаза. Я покажу тебе следующий пункт назначения, и ты попробуешь перенестись туда сама.

Я послушно и даже с радостью закрыла глаза, почувствовав прохладу его ладони перед своими веками, а потом увидела тёмную узкую улицу, зажатую покосившимися домами, стены которых поддерживали иссохшие, покрытые трещинами балки. На крутых крышах темнела выщербленная и местами провалившаяся черепица. Грязная мостовая с большими тёмными лужами на каждом шагу вела куда-то в сторону тёмного проулка. Небо было зеленовато-коричневым и низким. Здесь мне тоже не нравилось, но я была заморожена тем, насколько объемно и достоверно выглядит всё вокруг. Я опустила взгляд и увидела свои ноги, которые стояли на мостовой. Решив сделать шаг, я подняла ногу и опустила её чуть впереди, сквозь подошву почувствовав выбоину на камне, куда ступила. Самое удивительное, что я уже была там, в этом мирке. Я посмотрела на свои руки, на Джулиана, с любопытством наблюдавшего за мной, потом подошла к стене ближайшего дома и осмотрела тёмную балку. В щелях копошились какие-то насекомые, и я невольно передёрнула плечами от отвращения. Однако я всё-таки сама перенеслась сюда, и мне хотелось осмотреться, потому я пошла вперёд, нервно поглядывая на нависающие надо мной верхние этажи ветхих строений, грозящие обрушиться в любой момент. Было очень тихо. Я слышала только свои шаги и, кажется, напряжённый стук своего сердца. Дойдя до конца улицы, я остановилась на краю небольшой площади, к которой сходились такие же грязные узкие улочки. Теперь я заметила, что окна домов на них выбиты вместе с рамами, а кое-где на одной петле ещё висели покосившиеся дырявые ставни. В центре площади стоял полуразвалившийся эшафот, а на нём — виселица. В петле всё ещё висела верхняя половина скелета в тёмных лохмотьях.

— Ты серьёзно? — спросила я, обернувшись. Джулиан с мрачным удовлетворением осматривался по сторонам, видимо, не замечая ничего неприятного. — Ты хочешь, чтоб я осталась вот здесь, пока ты будешь искать Ноттингема? Я — вот здесь? Одна? Или это всё-таки шутка?

— Нет, это не шутка. Но давай попробуем что-нибудь ещё, если здесь тебе так уж не нравится?

— Можно что-нибудь без трупов и грязи?

— Это сложно, но я попробую... — он поднял голову и посмотрел в мрачные небеса. — Нашёл, кажется.

— Я на тебя надеюсь, — на всякий случай соврала я, и закрыла глаза.

Первое, что я увидела, был бледно-голубой свет, лившийся сверху где-то впереди, из него свисали острые клыки сталактитов, потому что проникал он в большую пещеру сквозь пролом в потолке. Снизу, как в пасти легендарного чудовища вздымались навстречу ему такие же острые зубы сталагмитов. Я стояла на каменном полу, на котором, хотя бы не было гнилых луж и грязи. Но прямо в лицо мне от этой мертвенной голубизны веяло сковывающим холодом, а сзади вдруг начало припекать, и я обернулась. Прямо за моей спиной, на расстоянии около ста метров в отвесной стене располагались три узких стрельчатых окна, из которых мощными струями вырывалось жаркое красноватое пламя. Я невольно закашлялась, потому что кислорода здесь явно было недостаточно для дыхания.

— Не говори ерунды, — проворчал Джулиан, зачарованно смотревший на пламя. — Ангелам не нужен кислород для дыхания.

— А Ноттингему? — воскликнула я.

— Опять не нравится! — прорычал он и его зрачки полыхнули гневным пламенем едва ли не ярче того, что горело в стене пещеры. — Тебе и не может здесь нравится, потому что ты из других сфер. А это — Тьма! Тут нет ничего красивого и приятного, от слова «совсем»! Почти...

Он сбавил обороты, заметив, что начал раздражаться. Ему, кажется, тут нравилось, и он был огорчён тем, что я не разделяла его чувств.

— Ладно, — вздохнул он. — Попробуй найти что-нибудь сама. Закрой глаза и поищи. Здесь это легче, чем в пределах реального мира. Думаю, что ты без труда найдёшь ближайшие капсулы. Заодно поупражняешься в ясновидении.

Я мрачно посмотрела на него и закрыла глаза. Из-за ревущего передо мной пламени я какое-то время видела только красный свет, который постепенно светлел. Я даже удивилась, что могу видеть такой лучезарный свет в тёмной пещере. Потом я заметила, что этот свет неоднороден, а напоминает белые облака, которые постепенно начали рассеиваться и за ними открылся подёрнутый лёгкой дымкой высокий склон горы, поросший маленькими изогнутыми соснами с изысканными пышными кронами, каждая — готовый бонсай. Между ними струились серебряные каскады тонких водопадов, и вился причудливый красноватый серпантин горной дороги, по которой медленно двигалось стадо каких-то белых животных. Сверху хлынул жемчужный свет, и всё вокруг наполнилось им. Там, выше, располагалось изумительное по глубине и прозрачности небо, в котором медленно перетекали голубые, розовые и золотистые тона, изысканно подсвечивающие невесомые облака. Я опустила голову и увидела густую изумрудную траву, в которой пестрели алые, аквамариновые, фиолетовые и солнечно-жёлтые цветы. Я уже почти ощутила прохладу и аромат окружающего воздуха, как вдруг кто-то схватил меня за плечо и выдернул обратно в ту душную пещеру между пламенем и ледяным дыханием бездны.

— Ты куда собралась? — воскликнул Джулиан возмущённо. — Это уже не Тьма. Как тебе вообще удалось разглядеть это отсюда? Впрочем, не исключено, что у тебя органы чувств естественно настроены на...

— Мне там понравилось! — капризно, едва не со слезами заявила я.

— Ещё бы! Это уже область Света! Он так же как Тьма притягивает к себе миры, родившиеся в головах людей, но в его случае — в момент медитации и молитвы тех, кто полагал, что может увидеть Небеса. Как Тьма сохраняет в своей глубине отпечатки наиболее удачных и соответствующих ей фантазий, так и Свет бережно хранит в своём лоне подобные

творения, соответствующие ему. То, что ты видела, — одна из капсул, хранящихся в непосредственной близости от затомиса, который вы называете Шан-Ти.

— Небесный Китай? — переспросила я, и мне почему-то стало грустно. — Я хочу туда, Джулиан. Ну, почему мы не можем проверить всё там? Ну, не испугается Ноттингем, но проникнется лучшими чувствами, и моё явление там будет всё равно впечатляющим.

— Одна маленькая деталь, если ты позволишь, — поморщился он. — Хочу напомнить, что я не могу появляться в пределах Света без ущерба для себя. И тем более не могу привести туда живого человека. Потому тебе придётся согласиться на один из предложенных мною вариантов. Или просто лететь к Ноттингему и в реальном мире взывать к его чувствам. Но я не уверен, что у тебя получится.

— Ладно, — смирилась я. — Но давай всё-таки выберем что-нибудь другое, иначе сразу отсюда Ноттингема придётся отправить в реанимацию с диагнозом асфиксия.

— Хорошо, что ты хочешь?

— Ну, что-нибудь готичное, но...

— Ясно, кладбища и руины не предлагать, — мрачно усмехнулся он и кивнул. — Есть кое-что на примете. Закрывай глаза, будем смотреть.

Джеймс Ноттингем стоял возле дверей трактира под широким дощатым навесом, прикрывающим вход от нудно морозящего ночного дождя. Он находился во втором оборонном кольце луара и задумчиво наблюдал за проходящей мимо колонной наёмников, направлявшейся к воротам. Он ощущал пронизывающее холодный воздух тревожное ожидание войны, боли и смерти. Может, причиной тому были решительные и сумрачные лица проходящих мимо пехотинцев и лучников, следующих на свои позиции за стенами города, и молча провожающих их горожан. Ему было беспокойно, и всё же это всё было похоже на историческую хронику, снятую с помощью машины времени. Эти люди были для него не более чем тенями прошлого, ещё живыми в своём веке, но уже мёртвыми в последующем. Им можно было сопереживать, но лишь как героям исторических романов и старинных баллад. Он не собирался принимать во всём этом участие, но намерен был внимательно следить за происходящим, как сторонний наблюдатель.

— Как удачно, что вы здесь, командор, — услышал он смутно знакомый голос и обернулся.

За его плечом стоял высокий рыцарь в доспехах из белого металла, украшенных изысканной чернью, и наброшенном на плечи плотном плаще из чёрного бархата. Его длинные мелко вьющиеся волосы лежали на сложенном мягкими складками большом капюшоне, а светло-зелёные глаза провожали уходящую в ночь колонну солдат задумчивым взглядом. Джеймс узнал его и немного удивился, увидев здесь, да ещё в таком облачении. Впрочем, ему было известно, что врач с «Пилигрима» — рыцарь-госпитальер, хотя он всегда казался ему более врачом, чем рыцарем. Наконец, последние шеренги наёмников скрылись вдалеке, и площадь снова заполнилась торговцами и покупателями, которые, однако, вели себя куда более сдержанно, чем обычно. Надвигающаяся война подействовала и на них.

— Что вы здесь делаете, доктор? — спросил Джеймс без особого интереса. — Собираетесь поучаствовать в разборках местных?

— Это не моё дело, — ответил МакЛарен. — И не ваше, и вы это понимаете, в отличие от ваших подчинённых. Потому вам следует донести эту мысль до них и обеспечить их возвращение на звездолёт. Это приказ командора Северовой.

— Я ей не подчиняюсь, — пожал плечами Ноттингем. — Здесь каждый сам выбирает свою дорогу и следует по ней на свой страх и риск. Это относится и к моим бывшим подчинённым.

— Значит ли это, что вы отказываетесь выполнять приказ старшего офицера флота и свои уставные обязанности?

— Вы меня правильно поняли, доктор, — Джеймс посмотрел в глаза собеседника. — Так и передайте командору Северовой.

— Скажите ей сами. Вы должны пойти со мной и заявить о своём решении.

— Нет, я никуда не пойду, — на лице Ноттингема мелькнула едва заметная усмешка. — Потому что вы не вправе указывать мне, что делать.

МакЛарен вздохнул и перевёл взгляд туда, где горожане снова расходились в стороны, чтоб освободить дорогу следующему отряду, идущему на битву.

— Я уважаю ваше право выбора, командор Ноттингем, но мы оказались в пиковой ситуации, и мне придётся прибегнуть к более жёстким мерам, чтоб склонить вас к

исполнению долга старшего офицера поисково-спасательного флота Земли. Ваша жизнь против жизни ваших подчинённых на обеих сторонах конфликта. Я не сентиментален и умею считать. Выбор не в вашу пользу. Не хотите исполнять приказ добровольно, я смогу вас заставить.

— Попробуйте, — пожал плечами Джеймс и шагнул назад.

Казалось, он вошёл в тёмный душный зал таверны, но там он не появился. Вернее, он видел его, и мрачно жующих солдат за тесно сдвинутыми столами, и усталых слуг, разносивших поздний ужин, и жарко пылающий огонь в большом камине. Но всё это он видел так, словно это были лишь призраки, неосязаемые, полупрозрачные. Повернувшись, он пошёл вдоль стены, проходя сквозь столы, сидевших за ними людей и дальше — сквозь стену в соседнюю лавку, где такие же призрачные покупатели рассматривали товар, тревожно переговариваясь и оборачиваясь назад, чтоб сквозь распахнутые двери увидеть идущих по улице солдат.

Он шёл по этому зыбкому миру, глядя по сторонам, и снова ощущая их тревожное ожидание и страх перед неминуемыми испытаниями, а потом вдруг услышал позади шаги и резко обернулся. Доктор МакЛарен во плоти шёл за ним, и его шаги звучали отчётливо, как поступь каменного Командора. Это было неожиданно, и Джеймс сначала растерялся, а потом прибавил шаг, но тут же понял, что это глупо. Он видел рядом с собой по правую руку зыбкую границу, отделяющую его от следующего слоя этого мира, и свернул туда. Всё вокруг стало ещё более расплывчатым, люди и предметы превратились в тени, но появившаяся позади него фигура в латах с чёрным плащом за плечами снова была вполне чёткой и реальной. Джеймс невольно осмотрелся в поисках следующей границы, но МакЛарен, опережая его, резко ударил по ней закованной в латную перчатку ладонью. И по невидимой ранее стене пробежало синеватое мерцание, которое быстро сошло на нет, но теперь эта грань была пронизана тонкими колючими искрами, при виде которых Джеймс почувствовал панический ужас. Он понятия не имел, что это, но понял, что пересечь эту границу уже не сможет. Он подался назад, чтоб вернуться в первый слой, но тут же раздался новый звон латной перчатки по грани, и она так же заискрилась, превращаясь для него в подобие монолита.

— Может, поговорим? — спросил МакЛарен, приближаясь, и Ноттингем увидел, как вспыхнули алым светом его зрачки, изумрудно засветилась радужка пронзительных и страшных глаз и... дальше смотреть он не стал.

Он понятия не имел, действительно ли это док с «Пилигрима» или некая сущность под его маской, и проверять не желал. Ему хотелось оказаться подальше от этого существа, и он побежал по мерцающему коридору, пока не увидел в стене тёмное пятно проёма, куда и нырнул в поисках спасения.

Он снова оказался на улице города, но город был другой. Осмотревшись, он понял, что никогда раньше не бывал здесь. Стены в этом городе были выше, в них были встроены высокие спиралевидные деревянные башни, покрытые тёсом. Мостовая под ногами была грязной и мокрой, а стоящие на ней люди выглядели оборванными и нездоровыми. Присмотревшись, он увидел, что некоторые из них одеты в добротную одежду с претензией на роскошь и даже носили грубо сделанные украшения из золота и цветных камней, но всё равно выглядели оборванцами из-за того, что их наряды были покроены из тёмной ткани и давно не стираны, а бледные лица и засаленные волосы никогда не знали мыла. И только посмотрев на их лица, Джеймс понял, что здесь происходит что-то страшное, потому что

головы этих людей были запрокинуты, они с ужасом смотрели вверх, на каменный свод небес. Невольно взглянув туда, он сам содрогнулся от ужаса, потому что увидел, что небо действительно каменное, и оно с устрашающей быстротой падает вниз. Раздались крики, люди вокруг него заметались в панике, и в следующий момент чьи-то руки схватили его сзади за плечи и швырнули в сторону. Он почувствовал слабое сопротивление, словно своим телом порвал плёнку, натянутую между мирами, и, упав, прокатился по камням, путаясь в плаще.

Вокруг было темно. Он тяжело дышал и всё ещё не мог избавиться от ужасного видения — падающего на голову каменного неба. Только теперь он начал понимать, что стал свидетелем страшной катастрофы — столкновения двух планет, одна из которых была обитаемой. Он подумал, что, возможно, попал в далёкое будущее того мира, в котором находился последнее время, потому что то, что он увидел в том обречённом городе, было совсем не похоже на луар Синего Грифона или Сен-Марко. Но затем он вспомнил, что у планеты, на которой они находились, не было спутника, который мог бы притянуться и обрушиться на неё, да и каких-либо орбит других подобных планет поблизости не проходило. Однако он явно был в той реальности, если только... Он вспомнил астероидный пояс, который мог быть тем, что осталось от двух столкнувшихся планет. Значит, это прошлое, которое закрепилось в одном из измерений благодаря тому неистовому всплеску отчаяния и ужаса, что пережило тогда население погибшей планеты. Это было ещё страшнее.

Он с трудом поднялся на ноги и осмотрелся. Он оказался в лесу, но очень странном. Вокруг виднелись только стволы деревьев, тонкие и толстые, прямые, расширяющиеся к корням и сужающиеся кверху, они едва выступали из жутковатого серо-зелёного тумана, от которого несло холодом и сыростью. Под ногами из земли торчали бугристые корни, которые он при падении принял за камни. Он почувствовал боль в колене и, чуть прихрамывая, пошёл вперёд. Ему казалось, что вокруг что-то происходит. Краем глаза он улавливал на периферии зрения едва заметное движение, но стоило ему повернуть голову, как всё замирало. Он видел только туман и эти чёрные стволы. А потом впереди появилось что-то большое и тёмное. Сперва это было только ощущение, а потом он, действительно, увидел впереди плотную темноту, которая по мере приближения превратилась в необъятный ствол огромного дерева, который по краям состоял из множества более тонких стволов, росших из того же корня. Подняв голову, он увидел наверху спуганные ветви, закрывающие небо и тоже тонущие в тумане, а потом снова почувствовал движение впереди. Опустив глаза, он увидел, как из пустоты между стволами появляются белёсые прозрачные тени и медленно направляются к нему. Из этих туманных сгустков в его сторону потянулись бледные отростки, словно призраки протягивали к нему руки. Он замер и осмотрелся и теперь уже ясно увидел другие бледные тени, выходящие из тумана, и все они тянулись к нему. Страх сковал его душу, и он попятился назад, а потом обернулся. Путь к отступлению ещё был свободен и он, забыв про ушибленную ногу, побежал, чувствуя сзади на шее прикосновение холодных пальцев. Тяжёлые латы тянули его вниз, бежать было трудно, дыхание с хрипом рвалось из груди, но он боялся остановиться хоть на мгновение. Потом впереди возникло что-то тёмное, преграждающее дорогу, он с размаху налетел на каменный бок огромного валуна, выступившего из тумана, и упал на землю, обернувшись и ожидая, что призраки сейчас обступят его, а, может, и набросятся, терзая своими ледяными руками, но там ничего не было. Он сидел на земле, прижавшись спиной к камню, и прислушивался к

абсолютной тишине, в которой кузнечным молотом стучало его сердце.

— Я вот думаю, — услышал он откуда-то сверху голос МакЛарена. — Вас предупреждали о том, что на чужих планетах ни в коем случае нельзя уходить в параллельные реальности, поскольку они могут быть не приспособлены для жизни гуманоидов? К тому же их обитатели чаще всего настроены не так уж миролюбиво к чужакам. Это ведь не Земля с её дружелюбными и максимально очищенными от опасностей сопредельными мирами. Хотя наверняка вас об этом предупреждали, ведь в том мире вы аккуратно ходили по кромочке рядом с реальностью, не забираясь глубоко в дебри. Так почему ж сейчас вы проявили крайнюю неосторожность, решив прогуляться по более глубоким слоям брамфатуры неизвестной вам планеты и даже выйти за её пределы? Очень неосмотрительно. Так и заблудиться недолго. А вы — всего лишь человек из мяса и костей. Вам нужен воздух для дыхания, пища и чистая вода. Вы не можете переносить ни сильный мороз, ни сильную жару и к тому же уязвимы перед всеми стихиями, я уж не говорю о разных вредоносных существах и сущностях.

Джеймс издал свирепое рычание и поднялся, чтоб посмотреть на своего преследователя, но то, что он увидел, смутило его. Доктор МакЛарен сидел на камне на корточках, но лат на нём не было, только чёрные брюки и больше ничего. Он был босиком и его мускулистые бледные плечи атласно отливали мрамором. Вместо плаща за его спиной виднелись большие чёрные крылья, которые сливались с окружающей Тьмой.

— Кто ты такой? — пробормотал Ноттингем.

Тот нахмурился.

— Я не помню, когда мы с вами пили на брудершафт, командор, — заметил тот. — Впрочем, это неважно, поскольку сам вопрос задан неверно, вернее, он не актуален. Куда разумнее было бы спросить: «Где я?»

Джеймс осмотрелся. Он видел границу этого мира неподалёку. По сути, он не должен был уйти далеко от начального пункта своего путешествия и потому, не взглянув больше на то, что сидело на камне, он пошёл туда, где призрачно светилось пятно портала. Перешагнув через грань, он остановился, потому что оказался в полной темноте и тишине. Здесь ничего не было, но поскольку он стоял на твёрдой почве и мог дышать здешним воздухом, этот мир был материален. Потому он осторожно двинулся вперёд, нащупывая ногами землю перед собой. Было всё так же тихо. Он ничего не видел и надеялся разглядеть где-то поблизости портал, поскольку решил, что попал в промежуточное измерение. Но неожиданно он услышал странный и тревожный звук, словно кто-то скребёт по камню. Прислушавшись, он понял, что это шаги крупного зверя, который при каждом движении царапает каменный пол огромными когтями. Напряжённые до предела нервы натянулись тонкой звенящей струной, вызвав боль в висках. Он замер, а потом увидел впереди два красных узких огонька — глаза зверя, наполненные яростью. Струна порвалась и он, развернувшись, бросился бежать назад, к тому portalу, через который вошёл сюда. Он знал, что его там уже нет. Из мира никогда нельзя выйти так же, как вошёл, нужно искать другой портал. Тяжелые удары мощных лап и размеренное дыхание хищника позади подгоняли его, и он нёсся в темноту, рискуя споткнуться о невидимое препятствие или просто налететь на стену, но вместо этого он вдруг провалился вниз, почувствовав, как преодолел зыбкую границу между измерениями, и с ужасом забарахтался в ледяной темноте, чувствуя, как его лёгкие начинают разрываться от отсутствия кислорода. Мгновение спустя он осознал, что оказался в невесомости и от смерти его отделяют лишь секунды.

И в следующий момент перед ним возникла крылатая фигура бледного человека в чёрных брюках. Его волосы извивались тёмными лентами вокруг головы, как в воде.

— Идиот, — презрительно прозвучал в гаснущем сознании чей-то голос, и загадочная сущность с размаху ударила его кулаком в грудь, отчего он отлетел назад и снова покатился по камням, тяжело дыша.

Он с трудом приходил в себя, лёжа на земле. Вокруг снова было темно. Наконец, ему удалось отдышаться. Грудь болела не от удара, а из-за измученных лёгких. В голове мутилось, но он заставил себя встать и осмотреться. Он оказался посреди тёмной длинной аллеи, по обеим сторонам которой стояли голые деревья. За ними снова клубился серый туман, но что-то ему подсказывало, что это не тот мир, где его преследовали призраки. В этом измерении было что-то странное. Чуть позже он понял, что именно, почувствовав лёгкий приступ клаустрофобии, которая иногда случалась у него в детстве, когда он оказывался в тесном помещении. Теперь он оказался в тесном замкнутом на себя мире, кожей чувствуя, что вокруг нет ни границ, которые можно преодолеть, ни порталов. Здесь нет ничего, кроме этой аллеи, прямой как стрела.

Он посмотрел вверх и увидел там сплетающиеся ветви деревьев, в которых путались клочья тумана. Впереди в самой дали что-то светилось расплывчатым белым пятном, словно там был выход в иной светлый мир. А позади, напротив, — сгущалась тьма. Он какое-то время смотрел туда, понимая, что ничего хорошего в темноте не найдёт и, развернувшись, прихрамывая, пошёл к свету. На сей раз он не чувствовал ни тревоги, ни опасности. Здесь было тихо и пусто. Он уже не ждал нападения или удара из этого тумана, просто шёл, наслаждаясь краткими мгновениями временной безопасности, которая грозила вскоре обернуться новыми бедами.

Сначала он не заметил, что аллея начала меняться и меж древесных стволов появились едва заметные призрачные арки, смыкавшиеся над головой, в гуще тонких ветвей. Но вскоре уже не заметить это было невозможно. Чем дальше он шёл, тем явственней проступала по краям и наверху строгая готическая галерея, а деревья, напротив, становились бесцветными, призрачными и, наконец, совсем пропали. Теперь он брёл по каменной галерее, как по бесконечному нефу старинного собора, ощущая вокруг себя строгую холодность тонких изящных колонн и поглядывая на тонкую резьбу, украшающую высокий свод.

Свет впереди уже приобрёл очертание стрельчатой арки, дав ему надежду на скорое спасение. Не понимая ещё, как это возможно, он шёл туда, и, наконец, разглядел нечто странное. Свет исходил не из проёма, а от крылатой фигуры, стоявшей в нём. Поняв это, он остановился, а та фигура медленно двинулась ему навстречу. Он невольно зажмурился, пытаясь избавиться от очередного видения, но, открыв глаза, всё равно увидел шествующего к нему ангела с распростёртыми белыми крыльями. Потом сзади тоже послышались шаги, и, обернувшись, он убедился, что оттуда к нему идёт доктор МакЛарен, снова в своих серебрястых латах, но на сей раз за его плечами вместо плаща вздымались огромные чёрные крылья.

Джеймс стоял, бессильно глядя назад, а потом снова взглянул на ангела. Тот светился уже не так ярко, и теперь можно было рассмотреть и мерцающую кольчугу, и золочёный нагрудник с узором в виде лебяжьих крыльев и золотые кудри вокруг ангельски прекрасного лица, в котором он неожиданно узнал лицо командора Северовой. И крылья у неё за спиной выглядели очень даже естественно. Остановившись в нескольких шагах от него, она молча подняла над головой странный продолговатый предмет, который мгновение спустя

превратился в длинный меч с клинком, подобным белой молнии.

Он обернулся и увидел, как МакЛарен поднял вверх руки, и в его закованных в латные перчатки ладонях появился длинный меч с клинком настолько тёмным, что вокруг него струились сгустки чёрной энергии.

Снова взглянув вперёд, Джеймс устало произнёс:

— Командор высшего класса, разрешите доложить: второй помощник командира баркентины «Паладин» командор второго класса Ноттингем по вашему приказанию прибыл.

И он медленно опустился на одно колено и склонил голову.

— Ты что, на нём верхом ездил? — поинтересовалась я, стоя на вершине башни замка на Грозовой горе. — У него был такой вид, словно он пару контейнеров со стальными болванками разгрузил.

— Ничего, за ночь проспится, — небрежно пожал плечами Джулиан. — Всё равно Хок туда раньше следующего светлого утра не доберётся. Зато согласишься, он был счастлив видеть тебя и вернуться к своим служебным обязанностям.

— А у него был выбор? — уточнила я.

— Я не оставил ему никакого выбора и не жалею об этом. Он должен заботиться о подчинённых и думать, прежде всего, о них. А если слегка забылся, то не грех ему напомнить, кто он в этом мире. И заметь, он вовсе не заявил тебе, что не желает служить и исполнять приказы командования.

— Ты иногда слишком жесток для врача.

— Это когда я не врач, а демон. Демоны не бывают милосердны. Я, кстати, пару раз спас ему жизнь, хоть это и не в правилах нашей братии.

— Ну, я полагаю, что перед этим ты сам и загонял его в смертельные ловушки.

— Не спорю. Ладно. Ты его пожалела и спасла, как и полагается ангелу. И сейчас он дрыхнет под деревом в паре миль от луара у той самой дороги, по которой поедет Хок. Я, между прочим, и лошадку для него подыскал, так что ему не придётся бежать рядом, держась за стремя.

— Ладно, не ворчи, — наконец, улыбнулась я. — Признаю, ты отлично справился со своей задачей и, надеюсь, получил от этого удовольствие.

— Не без этого, — не стал спорить он.

Его спектакль был разыгран, как по нотам, но я увидела только финал. Ноттингем сам пришёл ко мне и, доложив по уставу о своём прибытии, для верности преклонил колени. Он был тих и покорен, и я даже усомнилась в том, что он не желал выполнять свои обязанности второго помощника. Возможно, Хок ошибся на его счёт, но заметив, как он усиленно не смотрит в сторону Джулиана, стоявшего рядом с удовлетворённой усмешкой на лице, я поняла, что парню сильно досталось, и только потому он так покладист. Впрочем, детали меня не интересовали. Я отдала ему приказ, и он заверил меня в том, что всё будет сделано в лучшем виде, даже если ему придётся за шиворот вытаскивать наших парней из рядов кавалерии обеих армий. Мне это показалось излишним, но я не стала возражать, предоставив ему самому определять способ выполнения задания.

После он ушёл вместе с Джулианом, взявшимся доставить его к луару, где он должен был ждать Хока, а я собиралась добраться до замка на Грозовой горе самостоятельно. И, как ни удивительно, мне это удалось с первого раза, а вскоре рядом со мной появился и Джулиан. С момента возвращения он был мрачен и задумчив, и это меня насторожило. Я вообще чувствую себя неуютно, если что-то заботит моего мужа, потому что это что-то должно быть достаточно серьёзным, чтоб повергнуть его в такое состояние.

— Ну, что с тобой? — спросила я и подошла к нему, не обращая внимания на нескольких оборванцев из шайки Зиккура, прячущихся в тени башни.

Они наблюдали за нами, но мне не было до этого дела. Я положила руку на плечо Джулиана и повернула его к себе лицом. Он с усилием оторвал взгляд от обступавших замок

скалы, тонущих в ночной темноте, и посмотрел на меня.

— Нужно найти Азарова, Даша, — проговорил он тихо. — Это нужно сделать срочно, пока я не выбыл из игры.

— Ты о чём? — встревожилась я.

— Не знаю, — покачал головой он. — У меня такое чувство, что скоро я уже не смогу принимать в ней участие. Меня потихоньку выводят из неё, и я хочу успеть сделать то, что могу только я.

— Ты что-то чувствуешь? — не унималась я. — Что-то случится?

— Понятия не имею. Только чувствую, что постепенно теряю связи с этим миром. Информация, которая раньше текла потоком, теперь поступает очень избирательно и, самое главное, она меня больше не интересует, словно меня освобождают от обязанности участвовать во всей этой круговерти. Двери закрываются, каналы пресекаются, я начинаю отдаляться от этого мира, и он всё меньше меня заботит. Я думаю о другом, о чём угодно, только не о судьбах луара и Сен-Марко.

— О чём ты думаешь? — на всякий случай спросила я.

— О многом. Куда мы поедем отдыхать с детьми, в какую школу отдадим Жулю, как сделать так, чтоб Билли остался на Земле, вместо того, чтоб поднимать экономику на Агорисе. Ну, какой из него царь? Он талантливый музыкант, ему учиться нужно! Видишь?

— Ну, может, это и неплохо, — неуверенно пробормотала я, — если ты выйдешь из этой сумасшедшей игры. Лишь бы с тобой ничего не случилось.

— Не думаю, что со мной что-то случится, — покачал головой он и снова перевёл взгляд на скалы. — Но случится что-то, после чего моя активность здесь будет либо не нужна, либо невозможна. Я только начал улавливать закономерности в поведении этого странного мира, понимать, а, вернее, чувствовать правила, по которым он живёт. И для меня тут же закрыли все источники информации.

— Может, всё дело в этом? Этот мир не хочет, чтоб кто-то разгадал его загадки? Понизить твой статус он не может, потому и пытается вывести за рамки игры.

— Может быть. А, может, всё гораздо проще. Но одну загадку я ещё успею разгадать. И если у меня будет возможность, попытаюсь разгадать другую.

— Первая — Азаров, а вторая?

— Ротамон. Я не хочу оставлять его в этом мире. Он опасен.

— Оставлять? Ты говоришь так, словно уверен, что скоро покинешь этот мир, — снова забеспокоилась я.

— Возможно, мы все его скоро покинем, — уточнил он. — Давай не будем терять времени. Ты считаешь, что Азаров где-то здесь?

— Всё указывает на это. Если он жив, то, скорее всего, находится в бессознательном состоянии, иначе ничто не могло бы его удержать. Но и в таком состоянии он всё равно должен оказывать влияние на окружающий мир, скорее даже, именно в таком состоянии оно должно быть более заметным, потому что обычно он контролирует свои силы и сдерживает их. Он как-то проговорился мне, что для этого ему необходим постоянный самоконтроль. Если он ослабляет его, а это бывает, когда он нервничает или злится, вокруг начинается всякая чертовщина.

— Ну, да, я помню ту грозу над Турцией.

— И эта гора, как мне кажется, самое аномальное место этого мира. Сам замок — нестабильное и чувствительное к желаниям обитателей строение. Тут всякие странные

события в порядке вещей, и я не думаю, что дело в Олдридже.

— Точно не в нём, — согласился Джулиан. — Мощная энергия идёт снизу. Он даже не умеет ею пользоваться. В этом деле он не более продвинут, чем ты или Багси. Значит, этот источник энергии в толще горы. И это может быть Азаров, но может быть и Алмазное Сердце.

— Ты думаешь, оно существует?

— Да, должно существовать. Здесь должен быть источник магической энергии, какая-то мощная сущность, управляющая этим миром. И её влияние на людей и природу тут вполне осмыслено и логично, хотя эта логика не сразу и не всем понятна. В религиях всех населяющих этот мир народов есть только один такой источник магической силы, это — Алмазное Сердце. Мой опыт подсказывает, что в легендах обычно кроется истина. Впрочем, это всё теория, и нас она не должна волновать. Нам на этом этапе нужно найти Азарова и узнать у него, как поднять звездолёты с поверхности планеты и увести их домой. Я правильно понимаю?

— Да. И я думаю, что он может находиться только в самой горе, потому что замок я уже обыскала вдоль и поперёк.

— Проверим, — кивнул он и запрыгнул на парапет башни, после чего ринулся вниз, на лету расправляя крылья.

Мне оставалось только последовать за ним. Вскоре мы уже стояли внизу под стенами башни, на камнях, которые всё ещё источали влагу, хоть она уже и не текла рекой, а сочилась тонкими ручейками. Было темно, и стены блестели антрацитовыми отблесками. Дождь прекратился, и теперь в холодном воздухе висела неприятная липкая морось.

Я вдруг очень остро почувствовала, что мы сейчас стоим здесь вдвоём, посреди огромных мёртвых скал у подножия массивной крепости, которая может осыпаться нам на головы в один момент, если кто-то не захочет, чтоб мы нашли Азарова. Но камни прочно сидели в своих гнёздах, и ничто не предвещало беды. Джулиан осмотрелся, а потом опустился на одно колено, снял перчатки и сунул их за пояс, после чего нагнулся и положил ладони на землю. Он закрыл глаза и замер, слушая, что происходит внизу, в самой глубине тверди. Наверно это и было то, что он называл «спросить у камня». Спустя несколько минут он поднялся и посмотрел на влажные ладони.

— Я нашёл в глубине горы одну полую камеру. Только одну, но именно из нее поднимается эта энергия. Я думаю, что источник магии этого мира там.

— Как туда попасть? — спросила я.

— Только пройдя сквозь камень. Другого пути нет. В любом случае, король Ричард зря проделал свой путь сюда. Он бы не смог добраться до этого тайника, но мы можем.

— Телепортироваться? — с надеждой уточнила я.

Мне совсем не хотелось проходить сквозь толщу горной породы. Я боялась в ней застрять. Это был первобытный страх, как у первопроходцев земной телепортации, когда они боялись, что их расплывшиеся на парсеки атомы не смогут снова сложиться в нужном порядке. К сожалению, порой случалось и такое.

— Если хочешь, — пожал плечами он.

— Только я пока ещё не очень хорошо умею это делать, — начала я, но он просто протянул мне раскрытую ладонь, и я после краткого колебания вложила в неё свои пальцы.

Мы оказались в полной темноте, только впереди что-то призрачно светилось

голубоватым светом, да чуть ниже пробегали красные и зелёные огоньки.

— Анабиозная камера, — проговорил Джулиан и пошёл вперёд, — первый работающий аппарат, который я вижу за прошедшие месяцы.

Я почти ничего не видела и потому шла медленно, нащупывая пол ногами, но он был гладким и чистым, потому я вскоре осмелела и поспешила следом. Когда я подошла, он уже был возле камеры, стоявшей примерно на уровне метра над полом. Присев рядом, он осмотрел шкалы, расположенные на боковой поверхности, а я нагнулась к куполу и сквозь серебристую поверхность защитного стекла разглядела лицо Азарова. Мои глаза привыкли к темноте, и я смогла различить его черты. Никаких повреждений на его голове не было, лицо спокойно, словно он спал.

— Жив, — проговорил Джулиан и поднялся.

— Ты уверен? — спросила я.

— Он жив, правда, находится в нулевой точке, то есть процессы жизнедеятельности максимально заторможены. Хорошая консервация с очень хорошими перспективами для вывода его из этого состояния. Кстати, мозг продолжает работать очень интенсивно, словно он не спит, а решает сложную задачу. Впрочем, кто его знает, как он работает у него обычно. Он же феномен.

— Как нам забрать его отсюда? — я огляделась.

— Здесь нет выхода, как и входа, — напомнил Джулиан. — Пещера в толще горы и, несколько заглублена под уровень материкового щита.

— И что нам делать?

— Я привёл тебя сюда, смогу вывести обратно и прихватить его. Только без камеры.

— Это не опасно?

— Нет, если поторопимся.

— Вам не стоит этого делать, — раздался резкий голос, и вокруг стало светлее.

Я огляделась. Пещера была совершенно круглой с неровными стенами, испещрёнными глубокими бороздами, словно её вырубали грубыми орудиями сверху вниз. Потолок терялся в темноте, но вокруг всё освещалось несколькими голубыми шарами, парившими в опасной близости от нас. В первый момент я не поняла, откуда исходит этот голос, он отразился от стен и заметался глухим эхом, но потом увидела высокую тёмную фигуру. Олдридж стоял возле стены, наведя на нас заряженный арбалет, и с мрачной решимостью смотрел на Джулиана.

— Не нужно этого делать. Оставьте его здесь, или составите ему компанию.

— Вы думаете нас можно убить стрелой? — Джулиан развернулся к нему и при этом прикрыл меня собой.

Олдридж какое-то время молча смотрел на него, потом кивнул:

— Конечно, для ангелов нужно что-нибудь покруче.

— Я демон... — уточнил Джулиан.

— Без разницы, — Повелитель теней опустил арбалет и подошёл ближе. — Но я настаиваю, что лучше будет, если он останется здесь.

— Попробуйте убедить нас в этом, — предложила я.

Он перевёл взгляд на меня, а потом на купол камеры, под которым уже ясно было видно неподвижное тело Азарова. Потом он притронулся к запорному устройству, и крышка камеры поднялась вверх, откинувшись над изголовьем. Он медленно склонился к лицу

Азарова, который действительно выглядел спящим. Коснувшись пальцами его лица, он кивнул.

— Ладно, пусть будет так.

И прежде чем мы успели помешать ему, подхватил тело на руки и вытащил из камеры. Громоздкий кокон под его взглядом приподнялся и, отлетев в дальний конец пещеры, с грохотом рухнул на пол. Он положил Азарова на широкий каменный стол, похожий на алтарь.

— Это и есть алтарь, — подтвердил он. — Над ним когда-то сиял огромный голубой кристалл, прекраснее которого я не видел. Я всё расскажу, а после этого вы заберёте его с собой. И на этом всё закончится. Для меня и для тех, на чью сторону я встал.

— Вы о ком? — насторожился Джулиан.

— О них? — он жестом указал вокруг, — Разве не видите? Никто не видит, а я в силу своих способностей вижу и чувствую. И он тоже чувствовал... — он посмотрел на Азарова. — Но для него они были чужаками...

— Говорите, наконец! — воскликнула я, в сотый раз повторяя просьбу, которую твердила в разных вариантах уже давно.

— Ладно, я скажу, как всё было, — его голос стал бесконечно усталым, и он провёл рукой по глазам, а потом взглянул на меня. — Это не займёт много времени. При всей глобальности моих переживаний, у меня в распоряжении слишком мало слов, чтоб описать это. Я не буду задерживаться на том, как мы прилетели сюда, как начал умирать «Паладин». Мы были почти в смятении, мы искали причину и выход, но ни того, ни другого не находили. Мы не понимали, в чём дело. Даже диагностическая аппаратура, которая могла определить причины неполадок, отказала. Связи тоже не было. Люди начали впадать в панику. Поддерживать дисциплину в экипаже становилось всё сложнее. Я чувствовал, что всё дело в планете, в её недрах, в её ауре, в её населении. Я не говорю об этих заигравшихся в крестовые походы идиотах. Я говорю о тех, кто жил здесь всегда. Я ощущал их достаточно ясно, а они очень скоро заметили меня. Сначала я просто иногда замечал рядом какие-то тени, которые мгновенно шмыгали в темноту, стоило мне обернуться. Потом они осмелели и вскоре уже кружили вокруг меня, заглядывали мне в глаза. Это очень тревожило меня. Нет, слабо сказано! Я сутками не находил покоя, я всегда был окружён ими, и это сводило меня с ума. Не знаю, может, они кружили и вокруг остальных, но те не чувствовали их, а я чувствовал достаточно ясно. Я их боялся.

Он снова взглянул на Азарова.

— Я однажды признался ему в этом, но только потому, как он болезненно поморщился, я понял, что он тоже что-то чувствует. Но он сразу заговорил о другом. Он сказал, что нашёл источник энергии достаточно близко к поверхности планеты. Именно он и гробит нашу аппаратуру. Если его устранить, «Паладин» сможет восстановиться, и мы вернёмся домой. Я тогда подумал, что именно хозяева планеты, а не затянувшийся плен так мучают его. Мы пошли сюда вдвоём. Он привёл меня в эту пещеру. Здесь в метре над алтарём я увидел пульсирующий светом кристалл.

Он поднял голову и взглянул туда, где видел это чудо. В его взгляде была смертная тоска, и мне снова стало жаль его.

— Здесь я с новой силой ощутил их присутствие, но я почувствовал что-то другое. Раньше... да, я понял, что раньше это было лишь любопытство и, может быть, какое-то удовольствие от прикосновения к моему страху. Они любят эмоции, оникупаются в них. Так

они устроены. А на сей раз, я почувствовал тревогу. Они очень беспокоились, потом испугались. Я почувствовал их страх, как свой. Они метались вокруг, пытаясь то ли отвлечь нас от кристалла, то ли защитить его. Но они существуют на другом уровне, и только их Сердце, этот кристалл, соприкасается с нашим миром. Мне стало жаль их. Эта жалость пронзила меня, мне хотелось их защитить. Не думаю, что это они внушили мне это чувство, это была нормальная реакция профессионального спасателя на боль, страх и беспомощность живых существ. И я уверен, что Азаров тоже чувствовал это. Я пытался его остановить, я говорил, что это не просто артефакт, это источник их жизни. Они нам ничего плохого не сделали. Они просто хотят жить в своём мире. Но он сказал, что я всё неправильно понял, и уничтожил кристалл. Просто аннигилировал его.

Олдридж откинул голову назад и с мукой взглянул в нависшую над ним темноту.

— Вы не представляете, что тогда обрушилось на меня. Если б это было один огромный ужас, одно отчаяние, одна боль, я бы так не страдал. Но это были отдельные ужас, отчаяние и боль множества существ. Я вдруг слился с ними, я вобрал их в себя, а они втянули меня в свою сферу... Я просто понял... Всё. Это конец... Они обречены... Они не злые, они не опасны, они любопытны и чувствительны, как дети. И только потому, что мы вторглись в их мир, этому миру приходит конец... Всё очень просто. Мне казалось, что я умираю вместе с ними, и при этом стало как-то плевать на себя.

Он стиснул пальцы и опустил голову.

— Мы вернулись на «Паладин». Азаров всё понимал, он сделал свой выбор, как командир. Он спасал свой экипаж. А я... Во мне засела эта боль, эта безысходность и что-то вроде удивления, словно тысячи детских голосов спрашивали меня: «За что?» Я отчаянно хотел их спасти. Я понимал, что для этого нужен источник энергии, схожей с уничтоженным кристаллом. И я его нашёл. Дальше вы знаете. Я застрелил Азарова, бежал со звездолёта забрал его вместе с анабиозной камерой и установил её здесь. Это их спасло на какое-то время. Теперь всё кончено.

— Мы не можем оставить его здесь, — проговорила я, потрясённая его рассказом.

— Я знаю. Я сам не хочу, чтоб он здесь оставался. Он нужен Земле, экипажу. Он нужен жене и детям... Это я никому не нужен. Кроме них... Я останусь здесь.

— Что? — я изумлённо взглянула на него.

Он пожал плечами.

— У меня мало сил. Я не супермаг. Я всего лишь заклинатель духов. Я не смогу спасти их, но, по крайней мере, могу смягчить их агонию. Я знаю как, чувствую... Через какое-то время они угаснут вместе со мной...

Я хотела ещё что-нибудь сказать, хоть как-то убедить его, но понимала, что это бесполезно. Инстинкт спасателя у Бена Олдриджа был сильнее инстинкта самосохранения. И я его понимала, как никто другой.

Джулиан тоже молчал. Он нагнулся и осторожно взял на руки тело Азарова, потом посмотрел на Бена.

— Передать что-нибудь вашим родным? — спросил он.

— Нет, — после некоторого раздумья произнёс он. — Мне нечего им сказать.

— А Элу? — спросила я.

Он дрогнул. Я видела, как он стиснул зубы и по его скулам прошлись желваки.

— Я не знаю, что можно сказать, чтоб уменьшить его боль. Просто позаботьтесь о нём. И обо всех кто сейчас наверху. Замок больше не нужен, и скоро его не будет.

Когда мы уходили, я невольно обернулась. Бен Олдридж присел на край каменного алтаря, и, опершись локтями о колени, устало опустил голову. Над ним всё также парили в беззвучной пустоте несколько мерцающих голубых шаров.

Всё произошло слишком быстро, и я никак не могла поверить в реальность случившегося. Столько времени я пыталась раскрыть эту тайну, может, долгие месяцы. Я не считала дни, проведённые в странном заколдованном замке на Грозовой горе. И вдруг, всё раскрылось в несколько минут. Слишком просто, чтоб это было правдой. Но что было, то было. Джулиан унёс Азарова на «Паладин». Ему некогда было рефлексировать по поводу стремительности развития событий. Он оказался с очередным пациентом на руках и теперь думал лишь о том, как его спасти.

Мне тоже пришлось поторопиться, потому что, едва лишившись источника энергии в недрах горы, замок начал стремительно разрушаться. Наверно я не успела бы предупредить всех разбредшихся по коридорам жителей замка, но они сами почувствовали тревожную вибрацию, которая шла по стенам, и, не искушая судьбу, кинулись к ближайшим выходам. Потом мы все стояли у подножия скал и смотрели, как медленно осыпаются вниз огромные валуны, ещё недавно составлявшие стены, контрфорсы и башни крепости. И вскоре уже ничто не напоминало о том, что здесь когда-то было строение — только огромная гора, сложенная из камней и грубо отёсанных блоков. Лошади, которых держали под уздцы разбойники Зикюра, тревожно ржали и пританцовывали, испуганно кося глазами на гору камней, поблёскивающую в темноте. Слышался тихий плач Миси, уткнувшейся в передник обнимающей её за плечи кухарки. Каким бы странным ни был этот замок, но это был их единственный дом.

Тучи над Грозовой горой стремительно рассеивались. Они не расходились в стороны, их не уносило ветром, они просто таяли в синем небе, которое уже начало светлеть, возвещая ещё не скорое, но неизбежно светлое утро.

Рядом со мной с потерянным видом стоял Эл. Он смотрел на камни, а потом повернулся ко мне и по-детски беспомощно спросил:

— Вы не знаете, где Бен?

— Знаю, — ответила я и пошла туда, где с задумчивым выражением на лице стоял Зикур.

Мне не хотелось говорить Элу правду, мне просто нечем было его утешить, потому я хотела позаботиться о тех, кому ещё могу помочь. Подходя к своему верному рыцарю, я вдруг подумала о том, как он изменился за последнее время, его спина выпрямилась, плечи расправились, и на лице появилась спокойная мрачная уверенность. Если раньше он больше походил на бродягу, то теперь даже в старой кольчуге и затёртом плаще в нём сразу можно было узнать рыцаря.

— Что случилось, моя леди? — спросил он, взглянув на меня.

— Повелитель теней ушёл, — ответила я. — Он исполнил свой долг. Крепость больше не нужна. Все успели выйти?

— Да, мы даже вывели всех коней, вытащили кое-какое добро.

— Куда пойдут люди?

— Несколько человек пойдут со мной, те, за кого я могу поручиться перед лордом Аресом. Остальные вернутся на равнину. В деревнях их знают не как разбойников, а как охотников, приносящих оленей и кабанов. Надеюсь, они смогут поселиться там. В любом

случае мне придётся предупредить их, что, если они будут бесчинствовать в горах, то могут однажды попасть нам на мечи. Кухарку и девочку мы постараемся пристроить в какую-нибудь корчму у дороги. Старуха хорошо готовит и разбирается в травах, а расторопные девицы в таких заведениях всегда нужны, чтоб помогать на кухне и в зале. Чтоб ими никто не помыкал, мы отдадим им часть добычи из сундуков. А куда пойдёте вы?

— Мне пора возвращаться. Эла я заберу с собой. Тут ему больше нечего делать.

— Мы больше не увидимся, моя леди? — печально спросил он.

— Скорее всего, — ответила я. — Но я буду помнить о вас, мой друг. Берегите себя и впредь постарайтесь не сбиться с пути, на который вышли. Передайте лорду Аресу мои наилучшие пожелания.

— Непременно, моя леди, — поклонился он.

Я вернулась к Элу, смотревшему на меня, как заблудившийся ребёнок, который, наконец, нашёл кого-то, кто готов позаботиться о нём. Казалось, ещё чуть-чуть и он возьмёт меня за руку.

— Вы ведь не оставите меня здесь? — тихо спросил он. — Без Бена я не смогу добраться до звездолёта.

— Мы вернёмся вместе.

— И всё-таки, где Бен? Если вы знаете, командор, скажите хотя бы, он успел выйти из замка?

Он с мольбой смотрел на меня.

— Да, он ушёл раньше.

— А что случилось? — он посмотрел на гору каменных валунов. — Почему замок рухнул?

— Мы нашли Азарова.

— Он жив? — с надеждой спросил Эл.

— Да.

— Понятно. Значит, Бен сбежал. Но ведь его теперь не будут обвинять в убийстве, правда? Он не хотел его убивать.

— Вы потом мне об этом расскажете, а пока возвращаемся на «Паладин».

— Ночью? — он испуганно посмотрел на меня. — Может, хотя бы попросим у тех ребят коней? Вам они не откажут.

— В этом нет необходимости.

Я уже заметила в темноте блеск лат Джулиана. Он подошёл к нам и Эл поспешно спрятался от него у меня за спиной.

— Как он? — спросила я мужа.

— Пока без сознания, но жизненные функции начинают восстанавливаться. Нет никаких повреждений, но длительная консервация требует либо полного комплекса восстановительных процедур, либо длительного периода постепенного самовосстановления. Я склоняюсь ко второму варианту, но мне хотелось бы быть рядом на случай, если потребуется вмешательство. Слышите, Багси? Мы возвращаемся немедленно, так что, идите сюда.

— Забери его, — произнесла я. — Я попробую вернуться самостоятельно. Мне нужна практика.

Джулиан кивнул и внезапно наклонился и схватил за руку стоявшего за моей спиной Эла. Тот вскрикнул и они исчезли. Я в последний раз взглянула на то, что недавно было

замком, потом — на его обитателей, грустно поглядывающих в мою сторону, махнула им на прощание рукой и закрыла глаза.

Я представила себе командный отсек «Паладина», таким, каким он должен быть сейчас, неярко освещённым аварийными панелями, пустым и гулким. Я припоминала детали, те, что совпадали с нашим командным отсеком, то, что отличалось, потом представила, как там сейчас сухо и немного теплее, чем на улице. Стало тихо, я почувствовала, что стою на гладком полу отсека и открыла глаза, убедившись, что передо мной именно то, что я представляла. У меня снова получилось. Что ж, я научилась перемещаться хотя бы в хорошо знакомые мне помещения.

Окинув взглядом огромный чуть затенённый зал, я развернулась и пошла к выходу, чтоб подняться в медотсек и убедиться, что с Азаровым всё в порядке.

Эл сидел в своей каюте. Изабо Моро, которая, вернувшись на «Паладин», взяла на себя командование, велела запереть его и сторожить, но это было излишне. Он был рад вернуться на звездолёт и не собирался никуда убегать. Торчать возле его дверей никому не хотелось, о чём помощнику командира по науке сообщили, не взирая на её звание. Она не решилась настаивать, а когда он попросил разрешения сходить в душ, она, недовольно взглянув на него, пожала плечами и ушла, оставив его в покое.

Когда я вышла из медотсека и спустилась в его каюту, он уже вымытый, побрившийся и кое-как, не совсем удачно подстриженный, сидел на застеленной койке и уныло рассматривал висевшую на стене картину с идиллическим пейзажем. На нём был свежий комплект формы, но без наградных планок, наверно он уже не считал себя достойным носить их.

Мне не хотелось проводить официальное расследование, однако, я понимала, что должна прояснить некоторые обстоятельства этого дела. Я не стала препровождать его в специально оборудованную для допросов камеру в трюме, тем более что смонтированное там оборудование было бесполезно. Также я не стала вызывать кого-то для ведения протокола и вести его самостоятельно, оставив это всё Азарову, если он сочтёт нужным позже запротоколировать показания Эла. Я даже не сняла свой рыцарский наряд, хотя не собиралась возвращаться в тот дремучий мир, который здесь, на борту земного звездолёта казался мне странным сном.

Войдя в его каюту, я подошла к столу и присела в кресло. Он покорно смотрел на меня, сложив руки на коленях, и иногда нервно приглаживал коротко остриженные волосы, которые топорщились после душа.

— Считайте, что это официальный допрос, — проговорила я, чтоб придать значимость нашему разговору. — Позже ваши показания будут оформлены надлежащим образом, а пока просто изложите устно, что тогда произошло.

— Вы знаете, где Бен? — спросил он, заискивающе взглянув на меня. — Вы его нашли?

— Об этом позже, мистер Багси, — проговорила я. — Давайте сначала о том, что произошло на самом деле между ним и командором Азаровым. Хочу напомнить, что это официальный допрос.

Он неловко заёрзал на койке, а потом кивнул.

— Я всё понял. Я, Элвин Багси, 45 лет, капитан, служу третьим помощником на поисково-спасательной баркентине «Паладин», Земля. Я готов честно ответить на ваши вопросы, командор.

— Будет лучше, если вы всё расскажете по порядку. Меня интересуют обстоятельства покушения на убийство командора Азарова.

— Никто не собирался его убивать! — нетерпеливо перебил меня Эл. — Он был нужен нам живой, но в бессознательном состоянии. Так сказал Бен.

— Бен Олдридж?

Багси торопливо кивнул.

— Он сказал, зачем это нужно?

— Нет, не сказал. Я всегда верил ему. Он сказал, что это очень важно и просил помочь. Я помог. Я всегда ему помогал.

— Итак, что произошло?

— Я должен сказать, что командор Моро была с нами в заговоре. Она проделала большую часть работы, а рассчитал и придумал всё Бен. Он просто вошёл в командный отсек и выстрелил в голову Азарову. Бластер был настроен таким образом, чтоб рана была обширной и выглядела смертельной, но на самом деле она была поверхностной. Азаров просто потерял сознание. Изабо бросилась к нему, будто пытаюсь помочь, а на деле сделала ему инъекцию. Я не знаю, что это за препарат, я не разбираюсь в лекарствах, но это должно было ввести его в медикаментозную кому. Инъектор она сунула ему под спину и бросилась к Бену. Ноттингем её перехватил и, пока она билась в его руках, а стрелки уводили вниз Бена, я успел подобрать инъектор и сунуть его в карман. Потом Азарова отнесли в медотсек, и нам осталось только ждать ночи.

— Вы были уверены, что доктор Джонсон не определит, что рана не смертельная и Азаров жив?

— Она занималась исследованиями паранормальных способностей и генетическими отклонениями, потому Азаров и взял её в экипаж. Как врач, она ничто. Она умеет работать только с аппаратурой. Даже простейшие операции делал медкибер. Теперь у неё не было ничего, даже лазерного скальпеля. Её шаги можно было просчитать с большой долей вероятности, что и было сделано. Она не обнаружила пульса и дыхания, в лобной части Азарова была огромная чёрная дыра. Она решила, что он мёртв.

— Но она накачала его формалином, как же он выжил после этого?

— Нет, — замотал головой Багси. — Я ж говорю, всё было просчитано заранее. Доктор Джонсон не переносит резких запахов, к тому же она считала, что работает с трупом, и формалин — едкая жидкость. Поэтому она надела защитный костюм и маску. И она не заметила, что запаха формалина нет. Изабо заранее заменила жидкость в ёмкостях. Она залила туда этот... ну, антифриз для крови. Его ещё используют полярники, водолазы и ремонтники в лёгких скафандрах. Он не даёт жидкости кристаллизоваться в низкотемпературной среде и защищает от обморожений. Она это ему впрыснула! Мы же знали, что после его унесут в холодильник. Он мог просто замёрзнуть, если б не это.

— Что было дальше?

— Я забыл сказать, что ещё предыдущей ночью мы с Беном спустили через люк в кормовой части тележку и автономную анабиозную камеру. На тележке мы отвезли камеру подальше в лес к началу лесной дороги. А в ту ночь Изабо открыла дверь моей каюты, я выпустил Бена, и мы тем же путём вынесли Азарова, отнесли его в лес и уложили в ту камеру. Потом Бен ушёл. Я боялся оставаться там. Я даже не разбойников боялся, думал, что командир проснётся и от меня мокрого места не оставит. Вы же знаете, что бывает, когда он не в духе. Но он не проснулся. Я ждал очень долго, несколько раз поспал и поел из тех

запасов, что взял с собой. Уже прошёл день и снова начало темнеть, когда вернулся Бен. Он привёл лошадь с впряжённой повозкой. Мы погрузили камеру на повозку и завалили хворостом, поехали куда-то, я не знаю куда. Ехали долго, останавливались только, чтоб дать лошади отдохнуть и пощипать травку. Мне её жалко было. Такая доходяга... Я ей белковые сухари давал. В общем, мы шли несколько дней и пришли к подножью горы. Она меня испугала, чёрная, с крутыми склонами и вершина окутана каким-то грязным туманом.

Он замолчал, вспоминая то, что тогда произошло. Я поняла, что речь идёт о Грозовой горе.

— Потом произошло кое-что очень странное, — продолжил он. — Бен скидал с повозки хворост, положил ладони на анабиозную камеру и вдруг исчез вместе с ней. Я ничего не понимал, попытался позвать его, но его не было. А потом началось что-то страшное. Тучи над горой за клубились, послышался страшный грохот. Лошадь испугалась. Я с трудом её удерживал. А тут ещё начали сверкать молнии. И следом... полетели камни.

Он подавлено замолчал.

— То есть сошла лавина? — уточнила я, чтоб снова вернуть его к рассказу.

— Нет. Камни полетели вверх. Все, что лежали вокруг, большие валуны и просто булыжники летели вверх, и я видел сквозь грозу, что они укладываются в стены на вершине, и получается замок. Потом грохот смолк, но тучи клубились, и молнии кое-где ещё сверкали. И появился Бен. И тогда я понял, что с ним что-то не так.

— Что именно? — спросила я.

— Я тогда подумал, что он забрал силу у Азарова. Он стал чародеем. Я сразу почувствовал эту ужасающую мощь. Это был уже не мой Бен.

— Он сказал, что сделал с Азаровым?

— Нет. Он просто сказал, что исправил ошибку, и теперь мы будем жить здесь и сторожить эту гору. Мне это не понравилось, но спорить я не решился. Я боялся. Мы поселились в этом жутком замке наверху среди теней. Правда, потом Бен сказал, что пора заявить о себе, и мы пошли в город Синего Грифона. По дороге купили коней. Там в таверне встретились с Изабо. Оказалось, что она уже съездила в город Сен-Марко и заручилась поддержкой короля Ричарда Красивого. Он послал её к альдору в качестве шпионки. Ей явно нравилась эта роль. Наверняка в детстве она рыдала, прочитав, как мушкетёры казнили миледи, — в его голосе на секунду послышалось презрение. — Бен одобрил этот план, сказал, что информация из дворца алкорцев не будет лишней. Потом он сам явился во дворец и устроил весь этот балаган. После мы вернулись в замок, и к нам потянулась всякая шваль, вроде как гарнизон замка. Я много раз жалел о том, что ввязался в это, но бежать и бросить Бена не мог. Я понимаю, что совершил преступление и готов понести наказание.

— Это всё?

Он молча кивнул и стал рассматривать свои руки, лежавшие на коленях, а потом снова попытался пригладить непокорный ежик стриженных волос.

— Оставайтесь в расположении экипажа, — проговорила я, поднявшись. — Выходить за пределы лагеря я вам запрещаю.

Он поспешно закивал. Я вышла из каюты и наткнулась на Изабо, которая сделала вид, что хотела войти. Я была уверена, что она подслушивала под дверью.

— Я хотела доложить, командор... — поспешно начала она, но я её перебила:

— Впредь, до решения вашего командира, я отстраняю вас от командования экипажем.

— Но в чём дело? — она изобразила удивление, но не протест.

— Сами знаете. Если не согласны с моим решением, можете обжаловать его в установленном порядке, — и, пройдя мимо, пробормотала: — если найдёте, кому подать жалобу.

Утро выдалось туманным и сырым. Медленно расплзавшиеся в стороны обрывки сероватой дымки, наконец, открыли вид на долину вокруг луара, а вместе с ним и на укрепления алкорцев, и их лагерь с множеством шатров и туго натянутых тентов, укрывавших от дождя коней. Кое-где дымились печи передвижных кузниц и котлы, на которых готовили пищу. Стоявшие хорошо обустроенным лагерем под стенами своего города подданные альдора не скрывали своего числа и деловитой активности, с которой готовились к отражению нападения. Они, казалось, не обращали внимания на мокнувших под дождём кавалеристов Сен-Марко, спустившихся в долину и вставших на расстоянии полумили от передовых укреплений. Впрочем, быть может, они и поглядывали на них из своего лагеря, посмеиваясь над тем, что их противники вынуждены спать под брюхами своих замёрзших коней на мокрой земле.

Надеясь с марша вступить в бой, король Ричард не позаботился о том, чтоб у его кавалеристов были под рукой хотя бы лёгкие палатки и тенты. Дождя не было давно, и ухудшение погоды оказалось неприятной неожиданностью. Кое-кто поговаривал, что это — дело рук боевых магов альдора, но было ли это правдой или нет, сказать не мог никто. Дальний родич короля молодой маг Филбертус всё ещё страдал от головных болей и слабости, и не мог заняться колдовством, а его подручные лишь качали головами и спорили о том, причастны ли алкорские маги к этой непогоде, и можно ли считать это нарушением перемирия.

Король, естественно, мокнуть не собирался. Он устроил свою ставку в ближайшей к городу опустевшей деревне, заняв лучший дом, видимо, принадлежавший местному старосте. Остальные бароны рассредоточились со своими отрядами по другим деревням, но всё же укрыть всё войско под крышами не удалось, даже, несмотря на то, что часть рыцарей обосновались в хозяйственных постройках, и многим пришлось спать вповалку на сеновалах, в хлевах и овинах.

Барон Делвин-Элидир позаботился о том, чтоб его люди оказались в тепле, и успел ввести свой отряд в небольшую деревушку. Капитан Гвиллим распределил воинов по домам и постройкам и приказал топить печи и готовить еду. И хотя его солдаты этой ночью спали не в постелях, то хотя бы не на пропитанной дождевой влагой земле.

Рано утром молодой барон велел оседлать коня и в сопровождении небольшой охраны поехал навестить своего тестя, и вскоре они уже вдвоём отправились на край равнины, чтоб посмотреть на луар и военный лагерь противника.

Чуть позже они стояли на склоне холма, глядя на проступающие за рассеивающейся дымкой длинные полосы свежеврытых канав и окопов, опоясанных рвами, и на палаточный город под стенами луара. Кутаясь в тёплые войлочные плащи, накинув на головы капюшоны, они задумчиво изучали открывшуюся им картину. Чуть выше на склоне под тентом, который удерживали на шестах продрогшие слуги, разместились со своими инструментами королевские картографы, спешащие составить карту алкорских укреплений и доставить её в штаб. Айолин слышал, как они переругивались между собой, споря о высоте брустверов и вероятном назначении крепко сколоченных наклонных щитов между ними.

— Я думаю, что вы можете вернуться в штаб, отец, — произнёс Айолин, мрачно осматривая долину. — Ваше предложение, в конце концов, было поддержано всеми и

принято королём. Он уже остыл, и, я уверен, разрешит вам снова принять на себя командование.

— Нет, мой мальчик, — покачал головой де Сансер в то время, как его взгляд скользил по рядам окопов и неизвестно откуда взявшихся холмов и зелёных кип ветвей, которые, скорее всего, скрывали засады и ловушки. — Я рад, что он прогнал меня. Теперь, по крайней мере, он не сможет переложить на меня ответственность за поражение в этой битве. Он не прислушивается к чужому мнению, всё решает сам, а потом нас же и обвинит в своих несчастьях. Я слишком стар для всего этого. Только его прямо выраженный приказ заставит меня вернуться, но он не отдаст его, поскольку это значило бы признать свою ошибку. Он слишком горд, чтоб сделать такое признание. И я прошу тебя не говорить ему обо мне. Я выйду на поле брани во главе своего отряда и буду биться, как другие командиры, выполняя приказы командующего. При этом я буду отвечать только за свои действия и своих людей, в которых уверен.

— Я понимаю вас, отец, — вздохнул Айолин. — Как вы оцениваете перспективы этого сражения с учётом того, что видите?

— Я не устаю восхищаться талантом Беренгара, — задумчиво проговорил барон де Сансер. — Эта система укреплений — его новая вершина. Он грамотно использовал данное ему время, резервы луара и особенности рельефа. Пока его оборонительный пояс вокруг города кажется мне безупречным.

— Так не бывает, — возразил Айолин. — Где-то должна быть уязвимость.

— Согласен, но пока я её не вижу. Боюсь, что он навяжет нам бой по собственным правилам, а у нас слишком мало информации. Посмотри, он оставил нам для манёвра только полмили. За спиной у нас будут вырубленные склоны холмов, впереди — система канав и валов, которые перемежаются с укрытиями для пехоты и лучников. И эти полмили рассекают ложбины, которые в случае продолжения дождливой погоды очень скоро заполнятся водой. Честно говоря, на данный момент наш противник лучше подготовлен к бою, чем мы. Весь смысл нашего скорого выступления был в эффекте неожиданности, но они встретили нас в полной готовности, и теперь наше положение крайне невыгодно.

— Это всё я понимаю, — нетерпеливо проговорил Айолин, поглаживая под плащом висящую на перевязи сломанную руку, которая ныла с самого утра. — Но наступать нам придётся. Глядя на всё это, я тоже думаю, что здесь идти в наступление довольно опасно. Коннице сложно будет преодолеть эту череду канав и окопов, я уж не говорю о том, что там наверняка полно волчьих ям, которые хорошо замаскированы. Но, может, если обойти город с тыла, мы сможем действовать более эффективно?

— Не думаю. Там тоже есть всё это. И даже если там пояс укреплений уже, то и подойти мы сможем только к крепостным стенам, которые выше, чем здесь, и отлично защищены. Это единственные ворота города. Лучше было бы всё-таки собрать все силы в единый кулак и прорваться к воротам. При этом можно попытаться отвлечь часть армии на другой участок битвы ложным манёвром, сделав вид, что мы решили зайти с тыла и взять стены на приступ.

— Я с ужасом думаю, что придумает король, — признался Айолин. — Он рвётся в бой, и только отсутствие пехоты некоторым образом остужает его пыл. Но он понимает, что большая часть войска при отставших обозах сейчас находится в условиях, которые снижают боеспособность. Не знаю, что лучше, начать сейчас или всё-таки ждать, пока подойдут пехотинцы и лучники. При этом Ричард стремится к началу военных действий, а де Бове и

Вайолет колеблются.

— Де Бове неплохой стратег, но что касается тактики... — де Сансер поморщился. — Он проиграл несколько сражений в прошлой кампании, и если б не расторопность короля Армана, вовремя бросившего в бой резервы, мы могли бы проиграть войну. Вайолет и вовсе не полководец. Я уверен, его сейчас больше заботит, как минимизировать последствия отсутствия обозов и скудность запасов провианта. Хорошо хоть травы для коней на лугах пока достаточно.

— Именно потому я и прошу вас вернуться.

— Нет, Айолин. Может, я и вассал короля, но у меня тоже есть гордость и здравый смысл. Я буду думать, и когда у меня появится приемлемый план сражения, я скажу об этом, но только тебе. И прошу подать его королю, как свой собственный. Не возражай, — он резко отмахнулся, пресекая попытку Делвин-Элидира что-то сказать. — Ричард не желает слышать от своего слуги мнение, отличное от своего, а к тебе он вынужден прислушиваться. К тому же за тобой стоят военные бароны, чьё мнение он не может так просто проигнорировать. Я уж не говорю, что он сделал на тебя ставку, приблизив к себе, а значит, твоё мнение имеет для него большую цену, чем мнение старика, которого он может прогнать прочь, как одряхлевшего пса.

— Как вам будет угодно, отец, — сдался Айолин. — Но если этот план будет принят королём и приведёт к победе, я скажу, от кого я получил его.

— Ты забегаешь вперёд, сын мой, — усмехнулся де Сансер. — До победы ещё очень далеко, если она вообще возможна. Поедем на другую сторону равнины и посмотрим, что накопал Беренгар под стенами города с той стороны. Потом я отправлюсь к себе и буду думать, а ты приложи все силы, чтоб удержать короля от скоропалительных решений. Убеди его, что нападать сейчас без поддержки пехоты и лучников слишком опасно и безрассудно. Впрочем, последнее слово лучше не произносить. Нам нужны наши обозы, нужно время на подготовку, возможно, придётся тоже взяться за топоры и лопаты, чтоб создать собственные укрепления для поддержки с тыла. Беренгар сделал всё, чтоб луар невозможно было взять с наскока, и в этом он преуспел. Значит, нужно искать другие варианты, а для этого нужно время.

Запахнув полы своего плаща, он развернулся и начал подниматься по склону туда, где их ждали оруженосцы, державшие под уздцы коней, покрытых стёгаными попонами.

Маги альдора к дождю были непричастны. Седобородый Боррадо между делом сделал некий намёк на свою заслугу в том, что земляне сейчас мокнут на холмах, но после того, как насмешник Дуэйт почтительным тоном попросил его усилить дождь, чтоб кони и всадники начали чихать от простуды, а кольчуги и мечи врагов проржавели насквозь, старец предпочёл сменить тему разговора и больше не возвращался к ней. Их короткая перепалка оказалась незамеченной, потому что сплотившиеся вокруг альдора рыцари и бароны были заняты организацией обороны города.

Рано утром в одном из залов дворца за длинным дубовым столом был собран расширенный военный совет, куда помимо командиров были вызваны старосты ремесленных цехов и коменданты оборонных колец. Контаррен известил правителя луара о том, что его войско выведено за стены на позиции и готово отразить нападение землян. Так же он добавил, что снабжение войска налажено, и до сих пор имеется возможность подвоза припасов и продовольствия из других областей, поскольку земляне пока не перекрыли

дороги, да и вряд ли сумеют сделать это в ближайшем будущем, поскольку не располагают для этого достаточными силами. Если же они всё-таки выставят на дорогах посты, то их несложно будет обойти или при необходимости уничтожить.

— Значит, пока мы не блокированы и армия готова к войне, — удовлетворённо кивнул альдор, выслушав его доклад. — Следующим утром закончится перемирие. Что вы нам предлагаете, контаррен? Следует ли нам первыми напасть на врага, воспользовавшись тем, что он пока не готов к сражению?

— Я полагаю, великий, что мы всё же должны подождать его нападения, в противном случае все наши приготовления окажутся напрасными. Насколько я знаю короля Ричарда, он не сможет долго выжидать и бросится в атаку, то есть сделает именно то, чего мы от него ожидаем. На своей территории нам будет легче разгромить его войско.

— А если им удастся пробиться к стенам и, ещё хуже, к воротам?

— Такой вариант возможен, но в этом случае мы отсечём авангард войска, ворвавшийся в город, закрыв внутренние ворота, и разгромим его в первом оборонном кольце. Остальная часть армии Сен-Марко будет стеснена в манёвре, попав в полосу наших укреплений, и, в конце концов, окажется зажатой с флангов резервными полками и расчленена.

— Первое кольцо готово к тому, чтоб эвакуировать женщин и детей и мобилизовать мужчин для действий в такой ситуации? — альдор перевёл взгляд на пожилого мужчину в простой кирасе — коменданта первого кольца, который когда-то был комендантом внешних стен.

— Мы готовы, великий, — кивнул тот.

— Я думаю, до этого не дойдёт, — сообщил Беренгар. — Наша разведка донесла, что войско Сен-Марко подошло к стенам в неполном составе. У них только конница, нет ни пехоты, ни лучников, ни обозов. Они могут сейчас нанести только один удар в лоб, направленный на ворота, но мы выдержим его, потому что хорошо подготовлены. У нас численное преимущество почти в три раза.

— Так почему бы нам не напасть первыми? — спросил принц Лорант, который в отсутствие старшего брата стремился быть опорой отцу.

— Это заставит нас отойти от подготовленных укреплений и вести бой на холмах и в лесу, мой принц, — почтительно ответил контаррен. — Наша конница будет лишена манёвра, и обеспечить поддержку пехоты и лучников будет сложнее. Если нападут они, то потеряют часть войска в череде ловушек и волчьих ям, а затем попадут под обстрел лучников и подвергнутся внезапным атакам ополчения, разместившегося в укрытиях. Им придётся пройти через оставленный нами коридор, под постоянным обстрелом с флангов. Если они попытаются отклониться в сторону, то попадут в систему канав и рвов, которые задержат движение конницы вперёд, а, может, и сделают его невозможным. Таким образом, нашим основным силам придётся иметь дело с теми, кто сумеет прорваться к стенам. К тому времени накал атаки выдохнется, а мы успеем подтянуть резервы с других участков обороны. В результате не исключено, что нам удастся взять вражеское войско в окружение и диктовать ему свои условия боя, а затем и мира. Однако в одном вы правы, мой лорд, мы должны начать битву до того, как к королю Ричарду подойдёт пешая часть войска, и он сумеет выгодно расположиться и укрепиться на подступах к городу, перекрыть дороги надёжными заставами и отрезать нас от подкреплений из торговых городов и поставок продовольствия.

— Значит, мы должны заставить Ричарда напасть первым до того, как тот будет к этому

готов, — задумчиво произнёс барон Дюбарри. — Полагаю, сразу после окончания перемирия?

— Я связываю этот момент не с окончанием перемирия, — возразил Беренгар. — Мы могли бы начать в любой момент, но есть один и только один повод выждать. Войско на битву должен вести венценосный полководец, это обязательно, но великий альдор не должен рисковать собой, участвуя в сражении.

— Вы очень тактичны, контаррен, — улыбнулся альдор. — Я действительно стар для того, чтоб вести войско в бой. Это должен сделать мой наследник — энфер. Я согласен с вами. Ликар заслуженно пользуется уважением армии и народа, одно его присутствие воодушевит рыцарей и простых солдат. К тому же он не зря так долго и тщательно изучал военное дело, к тому же одарён талантом тактика и стратега, а потому до его возвращения мы не можем начать сражение. Что известно? Когда возвращается мой сын?

— Он уже извещён о происходящем и спешит в луар, — поклонился со своего места Деллан. — Однако на это нужно время, да и пробираться ему придётся тайно, окольными путями, а значит, раньше ночи нам не стоит ждать его.

— Может, навстречу выслать отряд, пока дороги не перекрыты? — спросил один из алкорских баронов.

— Да, отправьте сотню всадников, но скрытно. Не нужно привлекать внимание землян, — согласился альдор. — А мы пока подумаем, как нам потянуть время, не дав Ричарду напасть раньше, чем вернётся Ликар, а затем заставить его ринуться в бой до того, как он сам будет готов к этому.

— Ричард крайне нетерпелив и всегда рвётся в бой, — задумчиво проговорил Беренгар. — Он отважен и силён, и уверен, что воинов, равных ему, нет на свете, потому победа ему обеспечена. Однако у него есть мудрые советники, тот же де Сансер, который, как я знаю, стоит во главе армии в этом походе. Он тоже склонен к решительным и стремительным действиям, но при этом умеет выждать, чтоб нанести сокрушительный удар внезапно и в нужном месте. Нам следует сначала удержать короля от скоропалительных действий, а после вынудить его ринуться в бой, очертя голову.

— Удержать его может только необходимость подтянуть пехоту и обозы, — заметил барон Дюбарри, — а дождавшись их, он уже не будет торопиться.

— Он уже не ринулся в бой, предпочтя занять позиции на холмах, — напомнил Беренгар. — Наши разведчики сообщают, что его люди заполнили ближайшие деревни, а лазутчики шныряют вокруг наших укреплений. Они собирают информацию, которая необходима для разработки плана сражения, а значит, никакого «очертя голову» нам ждать уже не приходится. Король Ричард уже отказался от поспешных и неосторожных действий, следовательно, мы можем не опасаться, что он нападёт в ближайшее время. Потому нужно, прежде всего, решить, как нам заставить его действовать до подхода пехоты и лучников. Нужно предпринять что-то такое, чтоб вынудить его нарушить собственные планы и броситься в атаку, когда нам это выгодно.

— А если совершить вылазку сразу после окончания перемирия и попытаться заманить их на наши позиции? — предложил один из алкорских баронов.

— Это будет нарушением всех правил ведения войны, — ворчливо заметил комендант первого оборонного кольца. — Такое пристало землянам, а не нам.

— Среди нас есть земляне, — сухо напомнил альдор.

— Простите, великий, и вы, лорд контаррен, — склонил седую голову комендант. — Я

никоим образом не хотел огульно обидеть всех землян, тем более что благородный король Арман, прозванный Миротворцем, свято чтит обычаи и рыцарский кодекс. Но король Ричард... — он покачал головой. — Я просто хочу напомнить, что нам следует следовать установленным правилам.

— А ведь ты прав, сэр Нолвер, — улыбнулся альдор. — Мы будем следовать правилам и принудим к этому короля Ричарда, который итак уже не раз поставил под удар свою репутацию, и так кичиться своей рыцарской честью, что вряд ли сможет избежать этой ловушки.

— О чём вы, великий? — Беренгар обернулся к нему.

— Я о поединке перед боем, лорд контаррен. Этот старый обычай не применяется давно, но его никто не отменял. Мы можем потребовать проведения такого поединка, и сразу после его окончания королю Сен-Марко придётся вступить в битву. У него будет видимость того, что ему предоставлено время для подготовки, но оно будет ограничено моментом проведения поединка.

— Для этого нужно сделать так, чтоб время поединка назначали мы, — заметил контаррен. — Если мы направим ему такое предложение, то у него будет право назначить время.

— Он этого не сделает, — на лице альдора появилась довольная усмешка. — Он не знает, когда подойдёт его пешее войско и будет тянуть время. А мы подыграем ему, не назвав сразу имя нашего поединщика. Мы только выдвинем такое предложение и попросим его назвать своего воина, который будет биться за всех. Мы попросим его назвать это имя до конца светлого дня, что б мы могли найти воина, достойного его ставленника. Ему придётся согласиться на поединок и назвать имя, иначе будет считаться, что он отверг наше предложение.

— Это сработает, — уверенно кивнул барон Моример. — Ричард уверен, что собрал непобедимую армию и его рыцари — лучшие. Он понимает, что отказ будет считаться уклонением от боя и может быть расценен, как трусость, а трусость равна проигрышу! После поражения в восточных скалах он не сможет позволить себе такое.

— Пожалуй, мы предложим ему назначить время поединка, — добавил Беренгар. — Он решит, что мы тоже заинтересованы в том, чтоб потянуть время, особенно если создадим видимость некой непонятной для него активности, которая может быть расценена им как подготовка к сражению. Тогда он откажется от назначения времени.

— А если он просто скажет, что назовёт его позже? — забеспокоился принц Лорант.

— Оттягивать поединок — признак нерешительности, потому он, скорее, передаст это право нам, чем воспользуется им сам, — снисходительно улыбнулся ему альдор. — К тому же он не может назначить время, пока не названы имена поединщиков. Думаю, он будет ожидать, что мы назовём имя позже, и любая наша задержка будет ему на руку. Он будет уверен, что мы снова предложим ему выбрать время поединка, но мы сообщим его вместе с именем нашего бойца.

— И что? — принц непонимающе смотрел на отца. — Допустим, Ликар вернулся, мы называем имя и время поединка. А что если поединок закончиться не в нашу пользу?

— Мой мальчик, я огорчён твоим невежеством, — сухо проговорил альдор. — Неужели ты не изучал старые хартии войны и не знаешь, что результат поединка имеет значение только в том случае, если обе стороны признают его достаточным для определения победителя? Если побеждённая сторона пожелает отстаивать свои права в сражении, оно

состоится.

— Простите, отец, — смущённо понурился принц. — Теперь я припоминаю, что читал эту хартию, но мне сказали, что она давно не применяется.

— Мы применим её сейчас, — заявил альдор. — Если энфер вернётся этой ночью, то мы назначим поединок на ближайшее светлое утро. Это самое удачное время для начала битвы. У нас будет в распоряжении весь светлый день до темноты.

— Да, ведь битва должна начаться сразу после окончания поединка, — припомнил Лорант, стремясь загладить свою неловкость.

Альдор кивнул ему и перевёл взгляд на Саймона де Толли, так же приглашённого на совет.

— Что мы можем затеять такое на глазах у противника, чтоб они решили, что это важно для нас, но для этого потребуется время?

— Как я понимаю, мы должны их заинтриговать, создав при этом видимость, что это очень важно для нас и опасно для них? — спросил Саймон и, получив утвердительный ответ, задумался. — Я полагаю, что мы должны продемонстрировать противнику, что готовы приложить максимум усилий для создания некоего объекта, причём при соблюдении секретности, но на виду. Значит, в этом должно участвовать много народа, объект должен быть достаточно объёмным, чтоб мы не могли построить его в городе и доставить наружу, и при этом нужно скрыть, что это такое. Я предлагаю просто вывести за стены позади линии фортификационных укреплений большое количество работников, привезти туда ящики с инструментами и доски, сколотить для начала щитовой короб, а потом делать вид, что основные работы проводятся внутри него. Высоту короба можно будет постепенно наращивать, чтоб казалось, что сооружение внутри растёт. Но в какой-то момент мы сделаем вид, что у нас что-то не получилось, например, конструкция рухнула, и примем за её восстановление с удвоенной активностью. Наша суета вокруг этого короба будет хорошо видна с холмов, но совершенно непонятна врагу, и потому он будет нервничать. После грохота внутри короба он будет уверен, что теперь у него есть время, которое мы ему предоставляем.

Альдор одобрительно кивнул.

— Отлично, сэр де Толли, займитесь этим. Хоть мы и не собираемся сразу называть имя нашего поединщика, но можем уже сейчас подумать над тем, кого выставим? Барон Малар, вы активный участник турниров как в луаре, так и в Сен-Марко, видели много рыцарей в деле. Ваше мнение, кого мы можем выставить против королевского бойца?

— Вы правы, великий, — кивнул Эрон Малар, — не так давно я по приказу благородного энфера ездил в Сен-Марко и участвовал в турнире, который устраивал король. Должен признать, что мы потерпели поражение от рыцарей Ричарда. У него, действительно, есть сильные воины, которые отлично сражаются и пешими, и конными. Более всего я был поражён тем, что в поединках всегда побеждал недавно появившийся рыцарь, который служит в войске Ричарда обычным гвардейцем.

— И что, он так хорош, что здесь нет никого, кто мог бы поспорить с ним за первенство? — хмуро уточнил альдор.

— Я могу назвать несколько наших рыцарей из числа алкорцев, а так же рыцарей, прибывших с лордом контарреном из Сен-Марко. Однако все они, на мой взгляд, уступают одному, который пока так и не познал поражения ни на турнире, ни в дружеских состязаниях, нив в тренировочных поединках. Я говорю о рыцаре, который теперь состоит

при лорде контаррене. Его имя Светозар.

— Да, я с вами согласен, барон, — оживился Беренгар. — Светозар, действительно, сильный и ловкий воин, и при этом обладает мгновенной реакцией и уникальными навыками боя, как на мечях, так и в бою на копьях. Я всегда с удовольствием наблюдаю за ним, когда он берётся за оружие.

— Осмелюсь сказать, великий, — взволнованно заговорил принц Лорант, — что и я был поражён умением Светозара вести бой любым видом оружия. Помните, как он отбивал мечом летящие в него стрелы? Я просил его дать мне несколько уроков фехтования и, несмотря на то, что считаю себя неплохим бойцом, рядом с ним чувствую себя лишь учеником. Не представляю, что кто-то мог бы защитить луар от врагов в одиночном поединке лучше, чем он.

— Я счёл бы столь восторженные рекомендации чрезмерным восхвалением удачливого рыцаря, если б не видел его во время недавнего турнира, — заметил альдор. — Сэр Светозар, действительно, превосходит многих рыцарей в своём мастерстве, а по части хитрых и внезапных приёмов, ведущих к победе, ему нет равных. Я согласен. Лорд контаррен, известите Светозара о том, что выбор в этом опасном, но благородном деле пал на него. Пусть готовится к поединку.

Беренгар с готовностью заверил, что сразу после совета известит его об этом, после чего альдор решил перейти к обсуждению других важных дел, связанных с отражением агрессии Сен-Марко.

Дождь всё-таки закончился, но в воздухе по-прежнему чувствовалась промозглая сырость. На выкошенных лугах, где стояли лагерем не попавшие под крыши рыцари Сен-Марко, наконец, удалось разжечь костры, вокруг которых собирались замёрзшие воины. Они протягивали руки к огню, недобрым словом поминая короля, который не позаботился о них. Их кони свободно бродили неподалёку в густой, ещё не скошенной траве и, в отличие от своих хозяев, чувствовали себя неплохо.

В деревне, где остановился король Ричард, было шумно. Дома там были заняты придворными, входившими в свиту и сопровождавшими короля в этом походе, а также свитой наследного принца и его друзьями. Гвардейцам дома не хватило, при этом они должны были находиться возле короля, который ни на шаг не отпускал их от себя, остро чувствуя свою уязвимость в отсутствие верного Джинхэя. Потому гвардейцы разместились в хлеву дома старосты, верхний этаж которого занял король, а так же в хозяйственных постройках рядом с домом. Впрочем, это было лучше, чем спать под открытым небом, тем более что хлев у старосты был чистый, просторный и тёплый.

Карнач пребывал в мрачном расположении духа. Отъезд Джинхэя был оправданным, но привёл к тому, что у гвардейцев больше не было ни малейшей возможности покинуть армию Сен-Марко. Война с её сражениями и опасностями была всё ближе. Это особенно чувствовалось здесь, когда даже лёжа на подстилке из сена, он мог видеть постоянно снующих по двору и по лестнице на второй этаж адъютантов, вестовых и герольдов. Разведчики приносили нерадостные вести о том, что луар укрепил свои древние стены, в ранее уязвимых местах возвёл мощные контрфорсы и неприступные бастионы. Все луга вокруг города изрыты траншеями и широкими канавами, через которые не перепрыгнуть лошади, высокие валы с воткнутыми в них острыми кольями делают невозможным проход

пехоты к стенам. Естественные ложбины углублены и залиты водой, повсюду видны земляные, укрепленные брёвнами брустверы, а также толстые щиты с узкими щелями бойниц. Вся эта сложная и хорошо продуманная фортификационная система внешних укреплений связана тонкими линиями окопов, позволяющих в любой момент скрытно и безопасно направить подкрепление на любой участок.

В штабе только начали анализировать составленные картографами и уточнённые разведчиками карты, раздумывая над планом сражения, а наблюдатели уже принесли новые тревожные вести: из города на подводах, запряжённых парами тяжеловозов, подвозят большие ящики и штабеля брёвен и досок. Всё это выгружают под стенами у вала, опоясывающего широкий ров вокруг города. Туда же следуют артели мастеровых, вокруг этого места уже расставлена городская стража, не пропускающая никого на площадку, где расположены снятые с подвод грузы. И вот уже в армии Сен-Марко поползли тревожные слухи, что алкорцы придумали ещё какую-то хитрость, и это никак не улучшило настроение уставших и продрогших людей.

Ещё через некоторое время вдалеке раздался рёв сигнальных труб, а следом в деревню на высоких конях въехала группа всадников, облачённых в тоги, под штандартом альдора Синего Грифона, окружённая рыцарями Сен-Марко. Два герольда с трубами следовали по сторонам, а в центре на белом коне, облачённый в начищенные латы возвышался уже знакомый землянам барон Отадер.

Спешившись во дворе дома старосты, он сообщил, что доставил королю Ричарду послание от великого альдора Синего Грифона. Вышедший ему навстречу маркиз Вайолет принял опечатанный красным сургучом свиток белёного пергамента, после чего посланец вернулся в седло и беспрепятственно покинул королевскую ставку вместе со своим эскортом.

Вайолет поднялся на второй этаж, а вскоре оттуда спустился его адъютант, чтоб отправить вестовых в ближайшие деревни, где обосновались со своими отрядами члены малого королевского совета. Не прошло и получаса, как первые из них подъехали к дому старосты и, передав королевским конюхам своих коней, торопливо поднялись наверх.

Карнач слышал, как стучат по ступеням их подкованные сапоги и звенят шпоры. Он нехотя поднялся со своего ложа, устроенного на копне сена. Пора было менять Булатова и Стаховски, стоявших в карауле в верхнем зале, потому, кивнув встрепенувшемуся при его движении Игнату, он вышел из хлева и осмотрелся. По дороге ехали три всадника, в одном из которых он узнал Делвин-Элидира. С ним были ещё два военных барона, входивших в королевский совет.

— Похоже, битва всё ближе? — заметил Игнат, поправив ножны меча на перевязи.

— По Адальберу и Донцову соскучился? — с неожиданной злостью процедил в ответ Карнач.

Игнат смутился, а Александр поманил к себе стоявшего у распахнутых ворот Валуева и поднялся по ступеням наверх. Сменив караул, он снова спустился вниз и во дворе столкнулся с Делвин-Элидиром, выглядевшим озабоченным. Кивнув капитану гвардейцев, он на какое-то мгновение задержал взгляд на Булатове. Казалось, он хотел что-то сказать, но в последний момент передумал и, придерживая здоровой рукой длинный меч, путавшийся в складках плаща, направился к лестнице.

— Что там случилось? — спросил Карнач, посмотрев в небо, откуда снова посыпались мелкие капли дождя.

Он вошёл в хлев и обернулся к спешившим следом товарищам.

— Альдор направил послание, в котором предложил перед боем провести поединок, — пояснил Стаховски.

— Это как у Пересвета с Челубеем? — уточнил Карнач.

— Это распространённая практика, — пожал плечами Булатов. — По крайней мере, в тех странах, где в обычае рыцарские турниры.

— И что, после этого битвы не будет?

— Если бы... — вздохнул Булатов и прошёл к своей подстилке. — Это, так сказать, прелюдия для разогрева.

Карнач кивнул. Он специально ставил в караул в зале своих людей, чтоб быть в курсе происходящего. Его всегда удивляло, что здесь к караульным и слугам относятся как к мебели, часто обсуждая при них самые секретные дела, но не воспользоваться этой странностью, было бы глупо. К тому же король явно предпочитал иметь перед глазами молодых, статных и безупречно одетых рыцарей, потому никого не удивляло, что капитан ставит в покоях своих лучших гвардейцев.

Теперь оставалось только ждать, когда Москаленко и Валуев вернутся с поста и расскажут, что же происходило на совете.

В верхнем зале было тесно. Хоть это и был самый большой дом в деревне, он всё же был гораздо меньше дворцового зала для заседаний совета и даже королевского походного шатра. К тому же в него перенесли мебель из соседних домов, в том числе широкие лавки, на которых была устроена постель короля. Столы сдвинули, чтоб разместить на них карты и бумаги, необходимые для работы штаба.

По мере того, как подъезжали члены малого совета, стало ясно, что далеко не всем удастся найти место за этим столом, и в какой-то момент возникло замешательство, кому выпадет право сидеть за ним вместе с королём, а кто разместится у стены на длинной лавке, но маркиз Вайолет во избежание конфликтов взял это на себя и сразу же указывал входившим их место. Ричард мрачно наблюдал за происходящим, держа в руках тот самый пергаментный свиток с красной печатью альдора, изредка опуская взгляд, чтоб снова пробежать взглядом по убористым строчкам, написанным опытным писцом.

Наконец, члены совета заняли свои места, и граф де Бове велел открыть окна, потому что в зале стало душно. Большая печь была растоплена жарко, и мокрые плащи военачальников понемногу подсыхали, наполняя спёртый воздух излишком влаги.

— Мы можем начинать, ваше величество, — сообщил Вайолет, пересчитав членов совета по головам.

— Я не вижу здесь барона де Сансера, — заметил Леонард Дэвре, — можем ли мы начать без главнокомандующего?

— Он отстранён, — сухо проговорил король, и невольно бросил взгляд на Делвин-Элидира, ожидая его реакции, но тот даже не поднял головы от карты алкорских укреплений, которую рассматривал. — Полагаю, его нерешительность сыграет на руку алкорцам, а потому главнокомандующим назначен граф де Бове. Говорите, граф.

Настороженно взглянув на явно помрачневшего Дэвре, де Бове поднялся и начал свой доклад. Он кратко описал оборонительную систему луара, а так же упомянул о странных приготовлениях алкорцев, которые те затеяли утром под крепостными стенами.

— Мы не знаем, что они собираются там делать, — заметил он, — но явно затевают

что-то масштабное. Там не меньше двух сотен рабочих, а грузы продолжают подвозить. На площадке замечены инженеры крепостных стен, которых можно опознать по красно-синим эмблемам на тогах и плащах. В любом случае это играет на руку нам, поскольку говорит о том, что то, что они собираются построить, крайне важно для обороны города, и они пытаются отодвинуть начало битвы. Пока они заняты строительством, наши пешие войска подойдут, и мы ударим до того, как они закончат свои приготовления.

— Если успеем, — проворчал кто-то с боковой скамьи.

— Успеем, — ответил король, бросив взгляд в ту сторону. — Сегодня утром гонец из луара доставил нам письмо, в котором альдор предлагает до битвы провести поединок рыцарей. Нам предложено назвать условия и имя нашего бойца, а также выбрать время по своему усмотрению. Они не могут не понимать, что наша сдержанность вызвана тем, что мы ждём подкрепления, а значит, установим как можно более отдалённый момент проведения поединка. Они даже дают нам возможность ещё потянуть время, поскольку не называют имя своего поединщика.

— Мы примем это предложение? — спросил Вайолет, озабоченно посмотрев на короля. — Если они тянут время, то не будет ли разумно ударить сразу после окончания перемирия, пока они не построили то, что намерены использовать против нас?

— Может, они пока и не соорудили какое-то секретное оружие, но того, что уже построено, вполне достаточно, чтоб мы увязли на подступах к луару, — проворчал Леонард Дэвре. — Я ездил туда утром и попытался решить, как бы я стал пробиваться к стенам, и везде мой взгляд наткнулся на препятствия: на острые колья, воткнутые в вал, на широкие канавы, через которые не перескочит моя лошадь, на подтопленные низины, тоже наверняка наспигованные ловушками, скрытыми под водой. Или мы оказываемся под дождём стрел, выпущенных лучниками, спрятавшимися за деревянными щитами с бойницами, или будем вынуждены проходить между кучами срубленных веток, где наверно уже засели их пехотинцы с алебардами. Без поддержки пехоты и лучников мы потеряем половину кавалерии, даже не добравшись до основной линии их обороны.

— Звучит пессимистично, но разумно, — согласился король. — Вы согласны, барон Делвин-Элидир?

— Да, ваше величество, — на мгновение оторвав взгляд от карты, ответил молодой барон, и снова вернулся к её изучению.

— Мы в любом случае должны были бы принять это предложение, — произнёс граф де Бове. — Это старый обычай, он давно не применялся, но хартия, которой он был установлен, не отменена. Вызов изложен альдором, как вежливое предложение, но отклонить его мы не можем. Это часть рыцарского свода хартий о ведении войны. Стало быть, мы должны принять его приглашение, назвать условия, имя нашего бойца и день, когда будет проведён поединок.

— Сколько времени у нас на предоставление ответа? — уточнил Леонард.

— Достаточно для обсуждения и принятия решения. Ответ мы должны дать до темноты. В тёмное время суток большие сражения не начинаются. Таков закон. Стало быть, у нас время до следующего утра.

— Этого мало, — заявил Делвин-Элидир. — К следующему утру наша пехота только успеет подойти к границам луара и будет здесь не раньше, чем следующей ночью. При этом следует учесть, что солдаты идут пешим строем с небольшими привалами. Обозы отстают от них почти на сутки. Людям нужно будет хотя бы поесть и поспать после марша, иначе они

не смогут сражаться.

— Тогда примем игру алкорцев, — со вздохом кивнул король. — Мы даже немного подыграем им. Пусть сами думают, как затянуть время до постройки своего секретного оружия. К ночи мы отправим гонца к альдору. В ответном послании мы примем его предложение, назовём условия поединка, имя нашего поединщика, но не станем называть день поединка, сославшись на то, что они сами не назвали своего рыцаря, который будет биться с нашим. Дадим им время для ответа до следующего светлого полудня. Если они не назовут время поединка, то снова адресуют это право нам, а мы, воспользовавшись скорым наступлением ночи, протянем до следующего светлого утра. Тогда наша пехота уже подойдёт, и люди успеют отдохнуть.

— Мы сможем ещё немного помедлить, — заметил седой рыцарь с длинными усами, которые выдавали в нём северного барона. — Если мы не будем назначать время, а укажем лишь день, испросив их мнение о часе поединка. На согласование уйдёт ещё несколько часов. По упомянутой хартии расписан порядок действий, который предполагает множество уловок для того, чтоб не соглашаться с противником сразу, а предлагать другие варианты. Пока идёт обмен письмами, время уходит.

— Найдите текст этой хартии, — приказал король своему секретарю и тот поспешно и немного испуганно кивнул, видимо, соображая, где её искать, и есть ли она среди бумаг канцелярии. — Пока же давайте решим, что мы сообщим альдору. Нам нужно определить условия поединка и назвать имя нашего рыцаря. Насчёт условий, я полагаю, сомнений нет: это будет конный поединок на боевых копьях. Копья должны быть длиной не более семи локтей с острым наконечником. В случае потери копья бой продолжается на мечах до смерти одного из участников.

— Кто будет участвовать в поединке? — спросил Леонард Дэвре.

Король, прищурившись, смотрел на него. Леонард, как конный рыцарь в тяжёлом вооружении представлял собой эталон бойца для копейной схватки, но насколько проворен он будет в своих тяжёлых латах, если дело дойдёт до боя на мечах?

— Кто у нас победил в недавнем турнире? Там, кстати, были и рыцари из луара и Магдебурга, — произнёс Ричард, сделав вид, что не помнит имя победителя, чтоб его назвал кто-нибудь другой. Он посмотрел на Делвин-Элидира, тоже участвовавшего в том турнире, но тот снова рассматривал карту и не торопился отвечать.

— Это был гвардеец, ваше величество, — произнёс принц Жоан, сидевший в конце стола, куда был «сослан», впав в немилость после оплошности при штурме цитадели Девы Лардес, — кавалер Булатов, которому вы поручили моё обучение.

— Победителем был я, поскольку выбил того гвардейца из седла, — процедил король, а потом добавил: — хотя признаю, что он был хорош. Что ж до твоего обучения, то он явно не преуспел, поскольку не научил тебя ни почтительности, ни отваге.

— Он должен был учить меня биться на мечах, — спокойно ответил принц. — И скоро на поле боя у меня будет возможность доказать вам, что этому он хорошо меня научил. Пока же я выдвигаю его для участия в этом поединке. Принять ли моё предложение, решать вам, мой король.

Ричард какое-то время задумчиво смотрел на сына, в то время как в зале повисла напряжённая тишина. В реплике принца многие усмотрели некоторую дерзость. Даже Делвин-Элидир, оторвавшись от карты, поднял голову и обернулся к принцу, а потом взглянул на короля. Заметив его взгляд, Ричард чуть заметно усмехнулся.

— По крайней мере, у тебя теперь хватает смелости говорить без дрожи в голосе, — произнёс он. — Не знаю, чья это заслуга, твоего учителя фехтования или ещё кого-то, но судя по всему, ты готов отвечать за свои слова, потому я принимаю твоё предложение, за которое ты теперь несёшь ответственность.

Делвин-Элидир снова уткнулся в карту, чтоб никто не заметил, как он невольно закусил губу от досады. Король сам принял решение, но снова переложил ответственность за него, на сей раз на своего сына. А принц так наивно попал в расставленную для него ловушку.

После совета молодой барон спустился по лестнице во двор и вошел в тёплый, пахнущий скотиной хлев, где на сене устроились гвардейцы. Остальные члены совета поспешно садились на коней и разъезжались по своим лагерям. Снова начался дождь, и они торопились вернуться под крышу, откуда теперь можно будет не выходить до того момента, как последуют новые приказы короля. Никому из них даже не пришло в голову войти в хлев, который многим казался слишком презренным местом для их высоких особ. Но Айолин был не настолько высокомерен и прекрасно понимал, что для солдата на войне нет деления на презренные и достойные помещения, особенно, если идёт дождь.

Он остановился в дверях, ожидая, когда глаза привыкнут к полумраку, и услышал голос Карнача:

— Входите, ваша светлость. К сожалению, не могу предложить вам кресло, но здесь достаточно сухо и тепло.

— Учитывая эту мелкую холодную морось на улице, это своевременное приглашение, — кивнул он и, пройдя вглубь помещения, опустился на подстилку рядом с Карначом.

На соседней копне сена, покрытой плащами, устроились ещё три знакомых ему гвардейца.

— Согрейтесь, ваша светлость, — проговорил Стаховски, протянув ему кувшин с узким горлышком. — Это настойка трав на виноградном спирте, разбавленная красным вином. Извините, кубка не нашлось.

— Неважно, — покачал головой Айолин и, взяв кувшин, сделал глоток из горлышка. В первый момент пряный напиток, казалось, обжёг его горло, но потом по всему телу от шеи до ног прокатилась приятная тёплая волна. — Благодарю, — кивнул он, возвращая кувшин. — Это то, что нужно в такой промозглый день.

— Отвратительная погода, — согласился Аль-Сафар. — И заметьте, пока мы шли к восточным скалам и находились там, погода стояла отличная, но стоило нам подойти к луару, как похолодало и начался дождь.

— Это всё алкорские маги, — подал голос сидевший неподалёку Маршан. — Они наслали на нас дождь и холод. Их солдаты не мокнут, у них достаточно шатров и часть войск может оставаться в городе. Они ничего не теряют от этой сырости. Напротив, когда поле боя зальёт дождём, нам придётся идти по этой грязи, а они, — попомните моё слово! — будут ждать нас на своих позициях, за рядами кольев и рогаток.

— Да, наверно так и будет, — пробормотал Карнач и задумчиво посмотрел на гостя. — Что известно о сражении, ваша светлость? Если это, конечно, не секрет.

— Нет, и скоро вы в любом узнали бы обо всём, — проговорил барон. — Время сражения ещё не названо, как и время поединка перед ним. Но уже определено имя того, кто должен будет биться за Сен-Марко, — он перевёл задумчивый взгляд на Булатова. — Хоть вы и проиграли королю недавний турнир, кавалер, а, может, благодаря именно этому, его

выбор пал на вас. При этом вашу кандидатуру выдвинул принц, приняв на себя ответственность за это предложение.

Булатов изумлённо взглянул на него, а потом перевёл взгляд на Карначу. Тот хмуро смотрел на него.

— Это великолепно! — воскликнул Маршан и, поднявшись, хлопнул Булатова по плечу. — Это большая честь, а если ты победишь, то твоё имя останется в истории навечно!

Айолин тем временем внимательно наблюдал за Булатовым и не заметил на его лице никакой радости. Скорее, он был растерян и даже расстроен.

— Каковы условия поединка? — спросил он.

— Конный бой на копьях. Оружие боевое. Одного из соперников или обоих ждёт смерть.

— Смерть лишь увековечит твоё имя! — не унимался Маршан. — Разве не величайшая честь для рыцаря — умереть за короля и Сен-Марко? Ведь у тебя нет семьи, и никто не будет тебя оплакивать! К тому же ты можешь и победить! Разве есть на свете рыцарь более ловкий и сильный, чем ты?

Булатов одарил его мрачным взглядом и Маршан, пожав плечами, вернулся на своё место.

— Я понимаю, что устав запрещает вам убивать, — тихо проговорил Айолин, поднимаясь, — но считайте, что в этот раз вы сражаетесь за свою жизнь. Разве необходимость защитить себя не даёт вам право убить?

Кивнув Карначу, барон вышел на улицу, где ему сразу подвели коня. Александр хмуро смотрел ему вслед, а потом взглянул на Булатова.

— Видишь, Юра, — произнёс он по-русски, — не всегда хорошо быть лучшим.

— Я даже не думал, что этот турнир мне так откликнется, когда рвался в нём участвовать, — проговорил тот. — Что мне делать?

— Бежать. При первой же возможности. Я скажу, что отправил тебя в другую деревню.

— По какому делу?

— Пока не знаю, придумаю! Может, де Сегюр что подскажет...

— Его нет, — проговорил Белов, который молча прислушивался к разговору. — Он занял со своими людьми избушку на краю деревни, но его почти сразу отправили проверять дорогу на севере. Остались только Фонтейн и Герлан, но от них нам толку мало. Ничего, мы и сами что-нибудь придумаем.

— Я не могу уехать! — воскликнул Булатов. — Меня сочтут трусом.

— Юра, ты дурак? — прямо спросил Белов. — Если ты останешься, то или тебя убьют, или тебе придётся убить кого-то! Тебе это надо?

— Но если я сбегу, Сашу могут обвинить в этом, — Булатов покосился на Карначу.

— Выкручусь, не впервой! — заверил его тот.

— Может, вместе?

— Валуев и Москаленко наверху, я не могу их сейчас снять с поста. Это будет выглядеть подозрительно. Королю после отъезда Джинхэя везде мерещатся шпионы и изменники. К тому же, если мы поедем всей кодрой, нас схпают. А ты проберёшься мимо постов незаметно и поедешь к звездолётам.

— Чёрт, — пробормотал Булатов и посмотрел на распахнутые ворота хлева как раз в тот момент, когда в них, брезгливо озираясь, вошёл оруженосец принца Жоана.

— Кавалер, — проговорил он, поклонившись Булатову, — его высочество желает видеть

вас немедленно.

— Иди, — кивнул ему Карнач. — Когда вернёшься, договорим.

Булатов поднялся с соломы и, отряхнув плащ, пошёл за оруженосцем. Они поднялись наверх, а спустя четверть часа спустились снова уже вместе с Жоаном. Увидев, что им подводят трёх коней, а Булатов с беспокойством смотрит в его сторону, Карнач поспешил выйти во двор.

— Капитан! — с широкой улыбкой проговорил принц, — я забираю нашего героя. Ему предстоит важная миссия, и потому он достоин того, чтоб дождаться её в лучших условиях. Он будет жить со мной и моими друзьями. А то, не ровён час, застудит кости в вашем хлеву и не сможет биться с врагом. Идёмте, кавалер!

— Но ведь у меня есть обязанности в гвардии! — воскликнул Булатов, отчаянно взглянув на Карнача.

— Капитан, у вас достаточно людей, чтоб обойтись без кавалера Булатова? — Жоан взглянул на Александра и тут же, не дожидаясь его ответа, кивнул: — И я так думаю! К тому же, — обернулся он к Булатову, — вы слышали, что король согласился с тем, что нам следует повысить ваш статус перед поединком. А если вы победите в нём, вам будет дарован титул барона и земли, и я обещаю, что возьму вас в свою свиту. Так что капитану имеет смысл уже сейчас начать обходиться без вас.

Юрию не оставалось ничего другого, как сесть в седло и отправиться вслед за принцем, тем более что сзади за ним теперь почтительно ехал оруженосец.

— Дьявол, — прорычал Карнач, — всё против нас!

— Может, ночью нам удастся забрать его? — спросил подошедший к нему Стаховски.

— Ты знаешь, как охраняют наследного принца? Нам придётся провести диверсионную операцию, и вряд ли обойдётся без шума.

— Это точно, — подтвердил Белов. — Если в ближайшее время война не начнётся, то сегодня у принца будет пирушка, они не уснут дотемна. Но, может, Юре удастся ускользнуть от них, когда они напьются и лягут спать?

— Ладно, будем ждать, — проговорил Карнач. — Надеюсь, нам удастся отправить его подальше отсюда до начала поединка.

— Господа, — услышали они позади чей-то голос.

Александр поспешно обернулся и только потом понял, что подошедший к ним барон де Грамон, только что спустившийся от короля, даже если и слышал их разговор, вряд ли что понял. Словно подтверждая это, барон подозрительно взглянул на капитана.

— Я вижу, вы не рады, что вашему человеку выпала такая честь? — спросил он.

— Мы служим королю и рады погибнуть за его величество, — тут же соврал Карнач. — Однако я беспокоюсь, не скажется ли пребывание кавалера Булатова у принца на его боеспособности.

— О чём вы? — нахмурился де Грамон.

— Он плохо переносит вино.

— Ах, это! — рассмеялся де Грамон. — Король предупредил принца: никаких попоек! Я намерен проследить за этим. К тому же мы скоро сообщим имя кавалера Булатова алкорцам. Не думаю, что они предпримут что-то против нашего поединщика, но его имя наверняка известно в луаре, поскольку некоторые побеждённые им рыцари были оттуда и сейчас, скорее всего, служат при дворе альдора. Потому его величество приказал мне обеспечить его защиту. С этого момента он будет находиться под постоянной охраной

тайной полиции, чтоб избежать любых попыток похищения или покушения на его жизнь.

— Его величество очень заботлив, — заметил Карнач.

— Королю нужна победа в поединке, — пояснил де Грамон. — А значит, выставленный нами боец должен быть готов к бою с любым противником.

— Он будет готов, — кивнул капитан.

И барон, удовлетворённый его заверениями, махнул рукой конюху, который тут же отправился в сарай за его конём.

— В одном ты прав, — пробормотал Стаховски, когда де Грамон уехал, — всё против нас, — и с ненавистью взглянув в серое, сочащееся холодной моросью небо, ушёл под крышу.

Как и ожидали при дворе альдора, гонец короля Сен-Марко приехал уже в сумерках. Проехав по раскисшему от дождя полю до передней линии укреплений, он был встречен выехавшим ему навстречу рыцарем под штандартом Синего Грифона. Он заявил, что уполномочен принять послание короля Ричарда и доставить его во дворец. Гонцу не оставалось ничего, кроме как передать ему письмо и вернуться в ставку короля с сообщением, что дальше его не пустили. Впрочем, это итак видели те, кто наблюдал за ним с холмов, и вскоре король был поставлен в известность, что его посланцу не позволили проехать к воротам и увидеть, что делается под стенами луара. Эта скрытность произвела гнетущее впечатление не только на Ричарда, но и на его ближайших сподвижников, которые надеялись получить от гонца дополнительные сведения о приготовлениях врага.

Письмо же было доставлено в город, провезено через все семь колец и вручено адъютанту контаррена, поспешившего с ним в зал совета, где располагался макет луара и прилежащих земель. На сей раз там не было военачальников и командиров ополчения. Альдор сидел в своём кресле, подложив под спину подушку, потому что утром у него так некстати прихватило поясницу. Принц Лорант вполголоса обсуждал что-то с маркизом Беренгаром, показывая на городские ворота. Рядом стоял Донцов, с интересом прислушиваясь к разговору. У окна откровенно скучал Кроу, вглядываясь в ночные огни, освещавшие двор и стены ближайших домов.

Несколько баронов из свиты контаррена и альдора расположились у растопленного камина и вполголоса обсуждали предложенный на недавно закончившемся совете план сражения.

Когда распахнулась дверь, и адъютант вошёл в зал, никто не обратил на него внимания. Его появление было ожидаемым, как и письмо короля Ричарда. Интрига заключалась лишь в том, удалось ли альдору заставить землян играть по правилам алкорцев, и кто будет участвовать в поединке перед сражением под знаменем Сен-Марко.

Поклонившись альдору, адъютант, повинуясь его небрежному жесту, подошёл к Беренгару и подал ему письмо. Тот взял его, поспешно сорвал печать и пробежал взглядом по тексту.

— Что там, лорд контаррен? — спросил альдор и, поморщившись от ноющей боли в пояснице, поправил подушку.

К нему тут же устремился пожилой лакей, чтоб помочь, а Беренгар, дочитав, удовлетворённо кивнул:

— Всё, как мы и надеялись, великий. Король Ричард принял наше предложение о поединке, он назначил своего бойца и определил условия, Впрочем, обычные для такого

случая, и отказался назначить время поединка, сославшись на то, что не до конца урегулирован вопрос об участниках. Он предлагает нам назвать своего рыцаря и оставляет время поединка на наше усмотрение.

— Как мило с его стороны, — улыбнулся альдор. — Ликар ещё не вернулся?

— Нет, отец, — ответил Лорант. — Как только он приедет, вам сообщат. Да, скорее всего, он сам тут же явится к вам.

— И всё же я беспокоюсь... — пробормотал альдор. Больная спина заставила его чувствовать себя старым и более уязвимым перед жизненными невзгодами. — Я беспокоюсь, не нападут ли на него в пути земляне. Вы отправили отряд ему навстречу?

— Конечно, — заверил его Беренгар, — наши разведчики проверяют дороги. Те, что на юге и юго-западе пока свободны. Благородный энфер наверняка не поедет в такой ситуации по прямой. К тому же прошло ещё не так много времени. Думаю, что завтра днём он вернётся.

— Хорошо, подготовьте письмо королю о том, что мы объявляем вторым участником поединка сэра Светозара и назначаем время его проведения — ближайшее светлое утро. Отправьте сразу после возвращения Ликара.

— Всё будет сделано, — заверил его Беренгар и кивнул адъютанту, подтверждая приказ.

— А кто будет сражаться за Сен-Марко? — полюбопытствовал Лорант.

— У него довольно странное имя, мой принц, — озабоченно произнёс Беренгар, снова посмотрев на пергамент. — Я не помню такого рыцаря. Должно быть, он появился в Сен-Марко после моего отъезда. Кавалер Булатов. Это имя вам о чём-нибудь говорит, барон Малар?

Он обернулся к камину. Малар поднялся и подошёл к нему.

— Это именно тот рыцарь, о котором я говорил, лорд контаррен. Он участвовал в недавнем турнире и проявил завидное мастерство. Он довольно молод, но, по всему видно, является опытным воином. За весь турнир он проиграл только один поединок.

— И всё же проиграл... — с надеждой произнёс Лорант, но Малар тонко улыбнулся.

— В конце турнира его вызвал король Ричард. Кавалер Булатов был измотан многими конными сшибками и поединками на мечах. К тому же поговаривали что-то о подрезанной подпруге.

— Вряд ли это правда, — неодобрительно проворчал альдор.

— Напротив, это вполне в духе короля, — мрачно заметил сидевший у камина Дюбарри. — Или его клеветов, действовавших по своему усмотрению, но в его интересах.

— Не будем говорить о том, что нам в точности неизвестно, — остановил его альдор. — Итак, пока всё складывается для нас наилучшим образом. Как там дела у сэра де Толли?

— Недавно сообщили, что он закончил возведение деревянного короба, — ответил адъютант контаррена. — Сейчас туда заносят остатки досок и раскладывают на лесах. Как только всё будет закончено, леса обрушат. Грохот будет слышан даже в ставке короля.

— Отлично, — альдор задумчиво посмотрел на Донцова, который застыл, устремив взгляд в одну точку на макете. — Сэр Светозар, вам, судя по всему, достался сложный противник, и, хотя результат поединка формально не скажется на исходе общего сражения, ваша победа воодушевит нашу армию. Я надеюсь, вы справитесь с ним.

— Я сделаю всё возможное, великий, — поклонился Донцов.

Ещё несколько минут назад он был совершенно спокоен. Ему было известно, что вскоре состоится поединок рыцарей перед основным сражением, и когда обсуждалось, кто будет

биться под знаменем Синего Грифона, выбор альдора пал на него. Грядущая схватка с неким абстрактным противником его нисколько не тревожила, напротив, он был польщён тем, что его мастерство оценено по достоинству. Он был уверен в победе, поскольку умел биться с любым противником и любым оружием. Что мог противопоставить его многостороннему опыту и продвинутым методам подготовки этот дремучий мирок? Даже на Земле у него было не так много противников, с которыми ему сложно было бы справиться, а здесь он до сих пор не встретил никого, кто, действительно, заставил бы его сомневаться в своей удаче. До этого момента он относился к будущему поединку довольно легкомысленно, представляя себе что-то вроде обычного турнира, и только услышав знакомое имя, ощутил сильное беспокойство.

— Простите, лорд контаррен, — проговорил он, взглянув на Беренгара. — Я не сведущ в военных обычаях вашего мира. Прошу вас пояснить, что вы имели в виду, говоря об обычных условиях проведения поединка?

— Это будет первый официальный бой войны, сэра Светозар, — ответил тот. — И это значит, что он будет проходить по военным законам. Вы будете сражаться боевым оружием, допустимы все приёмы, ведущие к победе, ценой которой будет жизнь вашего противника.

— То есть это поединок на смерть? — спросил Кроу, обернувшись.

— Это же война, сэра Кроу! — воскликнул Лорант, который старался исправить недавнюю оплошность на военном совете и теперь всё свободное время посвящал изучению военных хартий. — В этом поединке можно калечить и ранить как соперника, так и его коня. Если соперник окажется на земле, можно, руководствуясь рыцарским кодексом, спешиться и дать ему возможность подняться и достать оружие, а можно тут же добить копьём, оставаясь в седле. Смерть противника будет символизировать поражение вражеского войска в решающем сражении. Это покажет, что боги на нашей стороне, и воодушевит воинов луара на подвиги.

— Хорошо сказано, — кивнул альдор и тяжело поднялся. — Я пойду к себе и займусь делами. Лорант, навести мать и сестёр. Они заняты обустройством лазаретов в амбарах зернового рынка.

— Да, великий, — кивнул принц. — Лорд контаррен позволит сэру Светозару сопровождать меня?

— У тебя есть своя свита, — проворчал альдор до того, как Беренгар ответил согласием. — Думаю, сэру Светозару нужно начать подготовку к поединку.

— Верно, — согласился контаррен. — Идите, Светозар. Вам нужно отдохнуть и настроиться на поединок. Я обойдусь без вас, однако, если решите покинуть дворец, сообщите дежурному офицеру, где вас можно будет найти. Сэр Кроу, можете сопровождать вашего друга.

Донцов и Кроу поклонились ему и покинули зал совета. Донцов был рад, что ему не пришлось идти с принцем и выслушивать его щебетание. Мальчик, начитавшись военных хартий, был явно воодушевлён романтикой былых войн и пока понятия не имел, что война это не только подвиги и победы.

— Я правильно понял, что они предлагают тебе убить Юру Булатова? — спросил Дэн, пока они шли по залам дворца, направляясь в казармы гарнизона.

Донцов невольно поморщился, но этой фразой Дэну удалось довольно точно сформулировать то, что только что случилось. Впрочем, здесь можно было бы добавить одно уточнение, и он его добавил:

— Это не предложение, Дэн. Это приказ.

— И что ты собираешься с этим делать? — растерянно спросил Кроу.

— Пока не знаю, — покачал головой Донцов. — Я хочу поговорить с Адрианом и Энцо.

Они ведь пока здесь?

— Кто-то должен охранять дворец. Наверно они сейчас где-то в карауле или отсыплются после дежурства.

Небо над луаром уже налилось сочной густой синевой. Улицы и площади постепенно погружались в темноту, с которой отважно боролись армии фонарей, факелов и костров, разожжённых в кованых чашах, установленных на треножники прямо посреди мостовой. Суэта в городе не замерла с наступлением тёмного времени суток. Горожане продолжали подготовку к обороне, но теперь уже меньше телег и подвод передвигалось по улицам, зато больше стало людей с оружием, проходивших в одиночку, группами и стройными колоннами. Причём оружие было не только у военных. Купцы, ремесленники и наёмные работники готовились встать в ряды ополчения. И даже женщины теперь появлялись на улице, надев поверх лифвов и корсажей кольчужные накидки или некое подобие доспехов, закрывавших плечи и правую руку, а на поясах у них помимо круглых сумочек, расшитых шёлком и речным жемчугом, висели ножны с длинными кинжалами.

Посреди этого моря огней и деловитой суеты горожан неприступной твердыней стоял тонущий в подступивших сумерках замок альдора, лишь местами подсвеченный огнями, и его тёмная громада казалась оплотом стабильности в этом тревожном и беспокойном мире.

Сменившись с поста у ворот, Адальбер и Коррадо поднялись на крепостную стену, где их ждали Донцов и Кроу. Новости быстро разносились по дворцу, особенно среди рыцарей, и им уже было известно о том, что со стороны землян в поединке перед сражением будет участвовать Булатов.

— Он ведь вроде неплохой боец? — задумчиво спросил Адриан, опершись на каменную выемку между зубцами крепостной стены.

— Очень неплохой, — кивнул Донцов, встав рядом и тоже задумчиво глядя на вереницы огней, осветивших внутреннюю стену предпоследнего оборонного кольца. — Я бы даже сказал, очень хороший.

— Он призёр первенства Европы по историческому фехтованию прошлого года и абсолютный чемпион России, — проговорил Кроу.

— Это ведь любительские соревнования? — уточнил Энцо.

— Конечно, но это не значит, что там сплошная бутафория, — заметил Донцов. — Среди участников состязаний есть очень сильные бойцы. У них хорошие национальные школы. Многие участники соревнований служат в космофлоте и космическом десанте, так что для того, чтоб побеждать их, нужна отличная подготовка.

— И у Булатова она есть? — поинтересовался Адальбер.

— Если ты хочешь знать, может ли он меня победить, — вздохнул Донцов, — то я скажу тебе, что всё возможно, но до сих пор такого не случалось. Во всех спаррингах мне удавалось взять верх, хоть это и было очень нелегко.

— То есть ты всегда его побеждаешь?

— Да, потому что он — спортсмен, а я — солдат. Он зажат кучей условностей, которых для меня не существует, и я знаю все его ограничения, как свои пять пальцев, и всегда играю на этом.

— А если он отбросит эти условности и захочет тебя убить? — Адальбер повернулся и

посмотрел ему в глаза. — Если он будет настроен на смертельный бой, а не на дружеский спарринг?

— Тогда не знаю. Впрочем, я всё равно умею больше, чем он. У меня в арсенале есть такие приёмы, которым не учат тренеры и наставники. Но я не собираюсь его убивать. Я даже не рассматриваю такую возможность.

— Так, — кивнул Адальбер, — давай по порядку. Поединок уже назначен и отменять его никто не станет. Альдор приказал тебе участвовать в нём. Отказаться ты не можешь. Или можешь?

— Не могу, — покачал головой Донцов.

— Значит, светлым утром ты наденешь латы, сядешь на коня, тебе подадут боевое копьё с острым наконечником, и ты выйдешь на поединок. По установленным местными правителями правилам ты будешь должен убить противника или умереть. И что ты будешь делать?

— Я знаю одно: я не стану убивать Булатова.

— А если он убьёт тебя?

— С чего бы это? — нахмурился Донцов. — Он никогда никого не убивал.

— Почему ты так в этом уверен? — уточнил Энцо. — Потому что он из интеллигентной семьи? Я тоже, и что? Мне пришлось этому научиться. Мне страшно, больно, меня мучают кошмары по ночам, но благодаря этому я ещё жив. Здесь у всех едет крыша. А Булатов сейчас в рядах армии, которая уже совершила один военный поход. Возможно, он участвовал в боях. Почему ты уверен, что он остался прежним?

— У меня нет оснований думать иначе, — резко заявил Донцов. — Булатов никогда не был изнеженным маменькиным сынком, у него есть внутренний стержень, принципы, которыми он руководствуется в жизни. Я готов поручиться, что он тоже не намерен убивать меня.

— Знаешь, ещё неделю назад я готов был поручиться за Карнача и его ребят в том же, — заметил Адальбер. — А теперь, пожалуй, нет. Мерседес сказала, что кто-то из них выстрелил в спину инспектору зазубренной стрелой. Я не представляю, кто из них и зачем мог это сделать, но факт остаётся фактом. Кстати, Булатов тоже там. Ты уверен, что стрелял не он?

— Ни в чём я не уверен, — проговорил Донцов. — Но я знаю одно, что я не могу идти против своих принципов из-за того, что делает кто-то другой. Я не могу убить своего. И точка.

— Даже если он попытается убить тебя? — снова спросил Адриан. — Это будет самообороной.

— Подождите, о чём вы? — воскликнул Кроу, слушавший их разговор с мрачным недовольством. — Как можно вообще предполагать, что кто-то из них убьёт другого?

— Это цель поединка, — напомнил Энцо. — Кстати, Булатов, судя по всему, тоже знает о ней, однако тоже не счёл возможным отказаться, значит, согласился.

— Может, он собирается схитрить?

— Каким образом?

— Ну, они же могут разыграть поединок, кто-то кого-то ранит, а тот прикинется мёртвым или сделает вид, что потерял сознание.

— Не прокатит, — покачал головой Адриан. — Во-первых, чтоб что-то разыграть между собой, им нужно об этом договориться, а никаких контактов с Булатовым у нас нет.

Во-вторых, бой до смерти предполагает, что раненный противник должен быть добит. И, в-третьих, поправьте меня, если я ошибаюсь, но намерено нанести ранящий, но не смертельный удар боевым копьём длиной три с половиной метра на полном скаку вряд ли возможно.

— Ты не ошибаешься, — проговорил Донцов. — Я не буду даже рисковать его жизнью, пытаюсь нанести такой удар. Если он хочет, пусть попытается убить меня.

— Даже если нет, — пожал плечами Энцо, — вы что просто будете ездить по кругу, глядя друг другу в глаза? Представляю реакцию альдора.

— Да, и короля Ричарда, — кивнул Адальбер. — Согласись, это тоже не выход. Так что будем делать? Может, сделать так, чтоб ты не мог участвовать в поединке. Ну, сам понимаешь, перелом руки не так страшен, как потеря головы.

— Тогда против Булатова выставят кого-то, кто точно будет настроен убить его, — тут же возразил Донцов. — А если я прав, и он убивать не собирается? Тогда он погибнет. И это тоже будет на моей совести. Нет, я буду участвовать в поединке. А вот как я буду выкручиваться из этой ситуации, мне придётся придумать. Надеюсь, я найду выход.

— Я тоже очень на это надеюсь, — кивнул Адальбер и похлопал его по плечу. — В противном случае...

Он замер, тревожно обернувшись в сторону городских ворот, откуда раздался раскатистый грохот, напоминавший сход лавины в горах.

— Не обращай внимания, — невесело усмехнулся Кроу. — Это Саймон де Толли имитирует крушение наших надежд.

— В каком мире мы живём... — пробормотал Энцо Коррадо, устало покачав головой.

Марк выехал на разведку вечером первого светлого дня. Помня о том, что в прошлый раз потерял двух всадников де Сансера из-за их же горячности, он не стал брать с собой чужих людей, на которых не мог положиться. Вместе с оставшимися в строю рыцарями в разведку отправились их оруженосцы, поскольку им пора было привыкать к боевой обстановке. Маленький отряд довольно далеко продвинулся на север от луара, но на сей раз разузнать что-то полезное оказалось сложнее. Видя перед собой вооружённых землян на конях, алкорские крестьяне и купцы старались сбежать или просто сурово поглядывали на незнакомцев и твердили, что ничего не знают. Убедить их в том, что разведчики служат альдору, уже не удавалось. Все знали, что войско Сен-Марко стоит под стенами города.

Светлое время подходило к концу, они отъехали далеко от своих позиций. Люди и кони начали уставать. Несколько кратких привалов не могли компенсировать бессонную светлую ночь, которую Марк не хотел потерять. Понимая, что с трудом добытые сведения скудны и малозначительны, он, в конце концов, впал в крайнее раздражение. Уже в сумерках на дороге им встретилась маленькая кибитка, крытая просмоленной рогожей, в которой небогатый торговец развозил по деревням разные хозяйственные мелочи от шёлковых лент до гвоздей. Её хозяин, увидев вооружённых всадников, испуганно забился в самый угол своей маленькой передвижной лавочки, спрятавшись за тюками с товаром, но Марк вытащил его оттуда и, угрожая кинжалом, начал допрос. Бедняга так перепугался, что согласился ответить на все вопросы доброго господина, если тот отпустит его живым. Впрочем, знал он немного, но именно от него разведчикам удалось узнать самое важное: не так давно по этой дороге на север проехал отряд из сотни лёгких кавалеристов альдора. Отпустив купца, Марк вернулся к своему коню и задумчиво посмотрел на подъехавшего к нему Арно.

— Что это за отряд? — спросил тот, озабоченно глядя на командира.

— Думаю, это охрана, которую альдор выслал навстречу Ликару, — ответил Марк. — Наверняка тот уже извещён о нашем прибытии и возвращается в луар. Нам нужно поторопиться и сообщить об этом в ставку, — он запрыгнул в седло и натянул поводья.

— Думаешь, стоит попытаться его перехватить? — с сомнением уточнил Арно.

— Согласись, это был бы козырь в наших руках, — пожал плечами Марк. — К тому же альдор уже стар, а вместо него войско может возглавить только его сын. И для нас было бы лучше, если б в бой его армию вёл не грозный энфер, а молодой и неопытный Лорант. Однако поймать Ликара будет непросто. В любом случае, это уже не наше дело. Нам, кстати, следует поторопиться, если мы не хотим попасть под копыта его эскорта. Возможно, направленная альдором навстречу охрана уже встретила отряд Ликара, и сейчас они вместе во весь опор скачут в сторону луара.

Разведчики тоже заторопились в обратный путь, но как они ни спешили, усталые кони не могли скакать слишком быстро, да и люди валились с сёдел от усталости. Сутки в пути с небольшими привалами на обочинах сделали своё дело, и возвращение оказалось не столь стремительным, как путь вперёд.

Уже на подступах к своему лагерю, Марку пришлось собраться с силами, чтоб не уснуть. Он постоянно оглядывался, чтоб убедиться, что никто из рыцарей и оруженосцев не отстал. Кони шли, опустив головы, а всадники засыпали на ходу и то и дело вздрагивали, внезапно проснувшись и не совсем понимая, где находятся.

Самое удивительное, что через какое-то время Марк понял, что спать ему уже не хочется. В голове воцарилось мрачное настороженное спокойствие, и он внимательно смотрел по сторонам. Поблизости от луара можно было ожидать встречи с разведчиками алкорцев или нападения местных крестьян, которые могли сформировать свои собственные отряды ополчения.

Мысли его ползли медленно и были совсем не радостными. Он понял, что устал не только телом, но и душой, и из-за этого вся бессмысленность происходящего проявилась для него с новой силой. Он думал о том, на что уходят лучшие годы его жизни, его молодость, а она скоро закончится, уступив место зрелости, к которой он не готов, поскольку не обзавёлся не только семьёй, но даже собственной крышей над головой. Да и наступит ли эта зрелость, или совсем скоро его сразит пущенная из темноты стрела или чей-то быстрый меч? И ради чего всё это? Ради чего вообще затеяна эта война, из-за которой он уже потерял нескольких близких друзей? Прав, сотню раз прав Карнач, недоумеая по этому поводу. Ему, чужому в этом мире, не понять, как можно просто так отдавать свои и чужие жизни ради чьей-то мимолётной прихоти. Раньше Марк не задумывался об этом, так было всегда, и потому семилетний мир, подаренный всем королём Арманом, казался такой странной и гениальной идеей. А ведь недоумение Карнача было сродни этой идее, потому что можно и нужно жить без войн, когда сильные и хорошо обученные мужчины совершают подвиги, не убивая друг друга, а спасая попавших в беду.

Марк покачал головой. Его прекрасный король Арман с самого начала был обречён на гибель. Его светлая душа, ясные мысли и добрые помыслы делали его чужим среди людей. Он был слишком хорош для этого жестокого мира, и этот мир в лице Ричарда уничтожил его, а теперь уничтожает и его наследие, начав новую войну. И сколько ни мечтай о прекрасном мирном будущем, действительность сомнёт все мечты и выжжет душу, так что лучше было бы жить, как все, не задумываясь о том, что происходит. И лучше было бы, если б вовсе не попадались Марку на пути странные люди, которые умеют жить по-другому. Сам бы он до этого никогда не додумался, и мечты Армана так и остались бы в его памяти нечаянным всплеском гения, угасшего, как свеча в ночи.

Затем он снова вспомнил о том, что так и не признался Карначу, куда дел его арбалетную стрелу, и опять пережил мучительный приступ вины, а после ещё раз подумал, что лучше б ему не встречать капитана гвардейцев в своей жизни.

Вернувшись в деревушку, где разместились ставка короля, он отпустил своих измотанных подчинённых спать, и они свернули к маленькой избушке на краю селения, где за ветхим заборчиком был сооружён навес от дождя и установлена коновязь с яслями из скрещенных кольев. Сам он проехал дальше, поглядывая по сторонам и кивая в ответ на приветствия проходивших мимо рыцарей.

Оказалось, что обратная дорога заняла у них всю тёмную ночь и тёмный день. Уже наступил второй тёмный вечер, и дневная суэта, царившая в лагере, начала затихать. Проезжая мимо дома старосты, Марк невольно бросил взгляд на распахнутые ворота хлева, где разместились гвардейцы. Там тускло поблёскивал огонёк фонаря, но ни во дворе, ни у ворот никого из них не было. Ему не хотелось бы встретить кого-то из них и опять мучительно раздумывать о том, стоит ли признаться, как он потерял ту злосчастную стрелу, или лучше промолчать. К счастью, у него не было нужды заезжать в этот двор. Он направлялся к другому дому, где остановился со своими офицерами граф де Бове.

Там было более оживлённо, и адъютант командующего тут же проводил его на второй

этаж дома, который был меньше того, где остановился король, но тоже добротным и хорошо обставленным. В зале возле печки он увидел заваленный схемами и картами стол, возле него, набросив плащ на плечи, сидел граф, просматривая какие-то заметки. Рядом, прислонившись к опорному столбу, стоял барон де Сансер, что немало удивило Марка. Впрочем, де Бове был достаточно умён, чтоб осознавать свои недостатки и признавать опыт и таланты барона. Потому он, конечно, просил своего старого друга помочь ему с разработкой плана сражения, о чём король, возможно, не знал, а если и знал, то делал вид, что не знает.

Военачальники внимательно выслушали доклад де Сегюра и одобрили его действия.

— У вас измотанный вид, барон, — сочувственно произнёс граф, глядя на него. — Идите отдыхать. Я доложу королю о скором прибытии энфера, и пусть он сам решает, будем ли мы устраивать засаду.

— Он не поедет по дороге, ваше сиятельство, — заметил Марк. — Именно потому, что мы можем устроить ему засаду. Он как свои пять пальцев знает все леса вокруг города. Это его охотничьи угодья. Он постарается обойти город и пробраться в расположение своего войска незаметно.

— С отрядом в две с лишним сотни мечей? — с сомнением спросил де Бове.

— Ему не обязательно идти с отрядом, — возразил де Сансер. — Он может разбить его на небольшие группы и пустить по нескольким направлениям, чтоб отвлечь наше внимание, а сам проберётся к городу лесными тропами с горсткой верных рыцарей. Впрочем... Попытаться захватить его не будет лишним, — он поднял глаза от карты, которую изучал, видимо, размышляя, какой путь может избрать Ликар, и взглянул на молодого барона. — Иди спать, Марк. Ты выполнил свою задачу и заслужил отдых. С остальным мы разберёмся без тебя.

Марк поклонился и вышел из зала. Он не стал садиться верхом, пожалев своего измученного коня, и, проходя по деревне, вёл его в поводу. Вернувшись в заросший травой дворик своей избушки, он ожидал, что его встретит Шарль, но парня нигде не было. Вздохнув, Марк сам привязал коня у коновязи и, убедившись, что перед ним достаточно свежего сена, вошёл в дом.

Вернувшиеся из разведки рыцари и оруженосцы спали на полу, даже не сняв доспехи. Они лежали в тесной комнатке, положив головы на грудь или руки друг другу, не разбираясь, кто слуга, кто господин. Шарль похрапывал, сидя у стены возле самой двери. Наверно, он намеревался дожидаться хозяина, но его сморил сон.

— Хотите есть, ваша светлость? — услышал он молодой голос и, обернувшись, увидел оруженосца Фонтейна. Юноша стоял возле печурки, на которой красовался большой горшок, закрытый деревянным кругом. — Я сварил похлёбку из вяленого мяса и зерна.

— Нет, — покачал головой Марк, немного подумав. Он так устал, что есть не хотелось. — Напой моего коня, если он ещё не уснул. Дай ему тёплой воды, не больше, чем полведра и, если осталось, засыпь в ясли овса.

— Сделаю, господин барон, — кивнул оруженосец и поспешно выскользнул из дома.

Марк осмотрелся, пытаясь понять, что его встревожило и, наконец, понял, что не видит здесь остальных членов отряда, остававшихся в деревне. Не было ни Фонтейна, ни Герлана с Эдамом. Движимый дурным предчувствием, он вышел, но тут же наткнулся на Фонтейна, который вышел из-за дома, подтягивая штаны.

— Ты вернулся? — обрадовался тот, но в его тоне что-то показалось Марку

фальшивым. — Слышал новости? Альдор запросил поединок перед боем.

— Где Герлан? — резко спросил Марк.

— Он скоро будет, — уклончиво ответил Фонтейн, чем вызвал у командира приступ раздражения.

— Я спросил тебя, не когда он вернётся, а где он? — отчеканил де Сегюр.

— Ну... — замялся тот. — Понимаешь, он должен был вернуться к вашему приезду, но...

— Он опять поехал к этой женщине? — рыкнул Марк.

— Ты же знаешь, — проворчал Фонтейн. — В этом деле алкорцы мало отличаются от нас. И если речь заходит о даме, то и они думают отнюдь не головой. Я говорил ему, что ехать туда опасно, что ты будешь в ярости, что, кстати, и произошло. Но он уверял меня, что к вечеру вернётся.

— Проклятье! Её муж и брат служат альдору.

— Вот-вот! Он решил, что они в луаре, а, стало быть, она там одна. Ну, и уехал.

— Когда?

— Ещё утром.

— В полночь сменят пароли, при возвращении его задержат патрульные и ему придётся объясняться с де Грамоном, что он делал ночью вне лагеря. А учитывая, что он алкорец и наверняка не станет говорить правду и не сможет придумать убедительную ложь, то обязательно вляпается. И даже я не смогу ему помочь.

— Но, может, он успеет, — неуверенно пробормотал Фонтейн.

— Я возьму твоего коня, — произнёс барон и направился к коновязи.

— Я поеду с тобой.

— Нет, — отрезал Марк и, отвязав свежего коня, вывел его со двора.

Сев в седло, он почувствовал, как заныли бёдра и поясница. Одна мысль, что ему снова придётся куда-то ехать, казалась ужасной, но иного решения этой проблемы он не видел. Только если Герлан и Эдам вернутся вместе с ним и пройдут посты с новым паролем, им ничто не будет угрожать.

Он снова поехал к дому де Бове и отыскал его адъютанта.

— Его сиятельство у короля, — сообщил тот.

— Отлично, — кивнул Марк. — Мне нужно срочно уехать. Скажите графу, что я собираюсь встретиться со своим осведомителем, который недавно побывал в луаре. Я вернусь через несколько часов, потому мне нужно знать новые пароли.

— Вы поедете один? — забеспокоился адъютант. — Не опасно ли ехать без охраны?

— Я хорошо знаю эти места, — успокоил его барон. — К тому же мой осведомитель пуглив и боится собственной тени. Если я приеду не один, он, чего доброго, сбежит через окно, и мы останемся без ценной информации.

— Как знаете, ваша светлость, — сдался адъютант. — Пароль — «Марианна», отзыв — «бастион». Я передам его сиятельству, что вы уехали на встречу с осведомителем.

Простившись с ним, Марк вернулся в седло и, проехав по деревне, направился в сторону луара.

По дороге он продолжал чертыхаться и ругать Герлана, который вместо того, чтоб сидеть в расположении войска, тайком сбежал и поехал к своей Крольчихе. Именно так за глаза звали эту даму — жену мелкопоместного рыцаря, чьи владения располагались на западе в нескольких милях от луара. Она славилась не столько своей красотой, сколько

любезностью и доступностью. Ещё девицей появившись при дворе альдора, она умудрилась в краткий срок обзавестись несколькими любовниками, что привело в крайнее раздражение альдорену, считавшую своим долгом следить за нравственностью юных девиц в своём окружении. Даму срочно убрали из дворца и выдали замуж за того самого рыцаря, уже не молодого, но тоже не устоявшего перед её чарами. Однако это нисколько не утолило её жажду приключений, и, иногда наезжая в город, где служили её муж и брат, она не упускала ни единой возможности развлечься.

Она действительно была красива, белолица, с ясными синими глазами и шёлковыми золотыми косами почти до колен, к тому же хорошо сложена, в чём Марк и сам имел возможность убедиться. Впрочем, познакомившись с ней ближе, он тут же охладел к её красоте. Она была хороша собой, но при этом довольно глупа, а её стремление к чувственным удовольствиям обесценивало те достоинства, которыми она, действительно, обладала. Потому Марк не стал продолжать эту связь, переключившись на умную, смешливую и к тому же рыжую дочь трактирщика Этиллу.

Герлан же совершенно потерял от неё голову. Он был влюблён и почитал её, как трубадуры почитают своих прекрасных дам. К слову сказать, её ума хватало на то, чтоб скрывать одних любовников от других, и всех их от мужа, который, может, о чём-то и догадывался, но из боязни утратить обожаемую плутовку, предпочитал закрывать на это глаза. Потому Герлан пребывал в приятном заблуждении, что является единственным тайным возлюбленным красавицы, а его друзья, щадя его чувства, не спешили это заблуждение разрушить. Впрочем, Марк понимал, что если любовники этой ветреницы не станут драться из-за неё на дуэли в виду малозначительности повода, то муж, столкнувшись с носом к носу с явными признаками её измены, будет вынужден вызвать обидчика на поединок. И чем бы это ни закончилось, скандал будет громким, а это ни Герлану, ни, тем более, Марку, с учётом их тайной миссии, было ни к чему. Потому Марк уговаривал и даже требовал, чтоб Герлан прекратил связь с замужней дамой. Тот сначала спорил, потом согласился, но, скорее всего, продолжал встречаться с ней втихаря, в тайне теперь уже и от своего друга.

Марк ехал по дороге в объезд луара. Здесь ещё стояли посты землян, потому опасность засады была невелика. Затем он предпочёл отъехать в сторону и пробираться по лесу, тем более, что здесь леса были просторные и чистые — сосновые боры, где часто охотилась семья альдора и их приближённые. Потому даже в глубине леса можно было ехать верхом, не опасаясь наткнуться на бурелом или густые заросли многолетнего кустарника. Лесничие хорошо знали своё дело, заботясь об обустройстве охотничьих угодий вокруг луара.

Обогнув город с севера, Марк выехал на просёлок и двинулся на запад. Было ещё довольно темно, но это была уже не крошечная тьма. Долгая ночь близилась к концу, небо постепенно наливалось яркой синевой, высветляя лёгким сиянием луга и верхушки деревьев. Марк настороженно оглядывался по сторонам и напрягал слух, чтоб не пропустить малейший знак того, что кто-то наблюдает за ним, спрятавшись в темноте под деревьями. Он понимал, что посты Сен-Марко давно остались позади, и он едет по чужой территории, где можно неожиданно наткнуться на местных жителей или разведчиков алкорцев. И всё же он не заметил человека, затаившегося в кустах на краю дороги и, только проехав мимо, услышал позади знакомый голос, позвавший его. Обернувшись, он увидел, как к нему, размахивая руками, бросился человек, на груди которого поблескивала кольцами новенькая лёгкая кольчуга.

— Не ори, — прошипел Марк, осадив коня. — Что случилось? Где твой господин?

По голосу он узнал Эдама, а теперь увидел его, но так же заметил, что юноша взволнован, почти напуган. Осмотревшись по сторонам в поисках опасности, он ничего не обнаружил и снова взглянул на него.

— Он ранен, мой лорд! — повинуюсь его приказу, громким шёпотом сообщил оруженосец. — Мой конь убежал, его — убит. Нас ищут!

— Что случилось? Говори яснее, — приказал Марк и, спешившись, отвёл коня в сторону от дороги.

— Мы выехали ещё утром, мой лорд, — тем временем начал свой рассказ Эдам. — Мой господин всю дорогу расхваливал достоинства своей дамы и прямо светился от предвкушения скорой встречи. Мы ехали в темноте, но он, похоже, часто ездил к ней тайком, потому что, как гончая, находил дорогу там, где заплутал бы кто-то другой. Мы приехали в её замок, нам открыли ворота. Кажется, она, и правда, была рада ему, а меня велела отвести на кухню и накормить. Мой господин ушёл с ней. Его не было долго. Я уже начал беспокоиться, не пора ли нам возвращаться, и даже спрашивал у слуг, не стоит ли напомнить ему, что время идёт, но они только посмеивались и подшучивали надо мной. Наконец, он появился и велел мне выводить коней, а сам ещё долго обнимался со своей дамой у ворот. Так мы выехали уже вечером, мой лорд, но к ночи должны были добраться до своих. Мой господин пребывал в счастливом расположении духа и пел дифирамбы своей даме, но я-то, ваша светлость, зорко посматривал по сторонам. И я первым услышал ржание коней и голоса. Я сказал ему об этом, но он лишь пожал плечами, заявив, что это наши. Но я-то знаю, что наших здесь нет. Я сказал ему об этом, но он рассмеялся, назвав меня трусливым зайчонком. Я не обиделся, только просил его ехать быстрее. Мы поскакали рысью, но они, те, кого я слышал, должно быть, тоже заметили нас. Я услышал крики и топот коней позади. Я сразу понял, что это не наши, они кричали по-алкорски. Тут и сэр Герлан понял, что попал в переплёт, да только было поздно. Мы никак не могли оторваться, а потом они стали стрелять. Они подстрелили коня моего господина и тот рухнул. Сэр Герлан забрался на круп моего, а потом они подстрелили и его. Мой лорд! — в отчаянии воскликнул юноша. — Я как подумаю, что мой господин закрыл меня собой, словив ту стрелу, так сердце моё разрывается от горя. Ведь если б он не сидел позади, я бы получил её в свою спину.

— Что было дальше! — Марк взял его за плечи и встряхнул, пресекая поток сожалений.

— С другой стороны тоже слышались крики, — продолжил Эдам, — и наши преследователи свернули туда, — должно быть, там был второй отряд. Я понимал, что они сейчас объединятся, что б искать нас вместе, и хотел убраться подобру, по здорову, но тут-то и услышал стон за спиной. Я заехал в кусты и остановил коня. Мой господин был уже без сознания и упал с седла так, что я едва успел подхватить его и уложить на землю. А мой конь, распалённый погоней и напуганный шумом, умчался прочь. Я вытащил стрелу и перевязал моего господина тканью, которую оторвал от своей рубахи. Я хотел нести его на себе, но понял, что не смогу. Даже если б я снял с него доспехи, он слишком тяжёл, а я, как жалкий цыплёнок... — он снова всхлипнул. — Я оставил его там и побежал за помощью. Я надеялся наткнуться на наш разъезд или добежать до ближайших постов, но, к счастью, встретил вас. Я сперва подумал, что это кто-то из них, потому и спрятался у дороги.

Он замолчал, глядя на барона полными отчаяния глазами.

— Успокойся, — Марк снова тихонько встряхнул его. — Мы сейчас его заберём.

— Я боюсь, что те люди уже нашли его, — горестно пробормотал Эдам.

— Надеюсь, нет, — не слишком уверенно проговорил Марк. — Твоему хозяину нельзя попадаться алкорцам. Они уже приговорили его к жестокой казни и теперь с радостью приведут приговор в исполнение. Идём! Ты найдёшь дорогу?

Можно было и не спрашивать об этом. Эдам, как лисёнок, скользнул во тьму леса, и Марку осталось только следовать за ним, ведя коня под уздцы. Они довольно долго пробирались через лес, который здесь уже был гуще, и изобилдовал плотным подлеском, через который конь проходил, нервно подёргивая шкурой и всхрапывая, потому что ветки невысоких деревьев и кустарника царапали его шею и бока.

Наконец, перед ними за кружевом трепещущей от ночного ветерка листвы открылся синеватый луг, перечёркнутый тёмными полосами ложбин, по краям поросший зарослями высокой травы с острыми широкими листьями, растущей обычно на берегах рек и топях. Марк сразу увидел движущиеся по лугу огоньки факелов и, прикинув, сколько всадников прочёсывает сейчас местность, понял, что это не обычный разъезд, а большой отряд. Только что он делает здесь, вдалеке от расположения противника?

— Я оставил его вон там, — прошептал Эдам и, прижавшись к плечу Марка, указал на кипу густых ветвей, поднимавшихся сразу за полосой камыша. — Эти всадники едут как раз туда!

В его шёпоте прозвучала паника. Марк поморщился.

— Не впадай в отчаяние раньше времени. Мы успеем забрать его оттуда, если обойдём краем леса.

— Нет, там не пройти, — покачал головой оруженосец. — Между лесом и этим местом широкая канава, заполненная водой. Можно пробраться только по узкой полосе суши за камышами, но нас могут заметить. Они совсем близко.

— И явно кого-то ищут, — пробормотал Марк. — Коня оставим здесь и ползком доберёмся до Герлана, убедимся, что он жив, и я вытащу его оттуда.

Он отошёл назад и, пробравшись сквозь густые заросли ежевики, привязал коня к ветке невысокой изогнутой сосны. После этого они вернулись назад и, опустившись на землю, под прикрытием высокой травы поползли к кустарнику. Марку очень хотелось выругать оруженосца за то, что он спрятал своего раненного рыцаря посреди луга, вместо того, чтоб дотащить его до леса, но он понимал, что требовать от мальчишки большего не вправе. Он сделал всё, что мог, чтоб спасти Герлана.

Земля здесь была сырой, местами приходилось ползти по лужам, и холодная вода вскоре уже залилась под одежду и в сапоги. Марк теперь воспринимал новые испытания с каким-то стоическим спокойствием. Ему казалось, что он спит, и ему снится эта синяя дымка на лугу, тёмные тени всадников вдалеке, увенчанные яркими звёздами факелов, и эта необходимость ползти куда-то ночью, опасаясь за свою жизнь.

Герлана они нашли там, где Эдам его оставил. Он лежал в зарослях на плаще, постеленном в самом сухом месте. Марк поспешно осмотрел его и убедился, что рана его не смертельна, хоть и тяжела. Тугая повязка остановила кровь, и сердце молодого алкорца билось ровно. На душе стало чуть спокойнее. Он боялся, что потерял ещё одного друга, хоть и запрещал себе думать об этом.

Он осмотрелся, раздумывая, как удобнее взять раненного, чтоб вытащить его отсюда к лесу, когда услышал тревожный шёпот Эдама.

— Они едут сюда, мой лорд!

Марк приподнялся и, разведя острые листья камыша, взглянул в направлении, куда указывал оруженосец. Огни приближались, и вскоре стал слышен глухой топот копыт по мягкой земле, а потом и голоса.

— Нужно осмотреть здесь всё! — раздался грубый голос. — Он не мог уйти далеко! Его конь убит.

— Их было двое! — крикнул второй. — Они могли ускакать на втором коне.

— Энфер приказал искать! — грозно крикнул первый. — Посмотрите по краю леса, а потом пройдите по тем кустам!

— Они идут сюда... — испуганно простонал Эдам.

— Тихо! — остановил его Марк, тревожно вглядываясь в огромный силуэт на крупном коне. — Не шуми, мальчик! Я знаю этот голос! Это Элот, приближённый рыцарь энфера. Значит, Ликар уже здесь, и задержался лишь для того, чтоб отыскать лазутчика. Нужно известить об этом...

Он невольно обернулся туда, где был спрятан его конь. Теперь намерение тащить Герлана в лес, а потом вывозить на коне, казалась ему сомнительным. Элот уже приказал своим подручным обыскать край леса, и они вполне вероятно могли наткнуться на привязанного коня. А потом они собирались осмотреть тот самый кустарник, где укрываются они с Герланом. Это значило, что ранее придуманный план уже неосуществим.

— Мы не успеем, — проговорил Марк, наблюдая, как три всадника отделились от остальных и въехали в лес.

— Они найдут коня, а потом нас, — пробормотал Эдам.

— Верно. А нам нужно уберечь от них Герлана и сообщить в ставку о том, что энфер вернулся. Без коня мы не сможем добраться до своих и доставить к ним твоего господина. И у нас только один конь на троих...

— Что же делать?

— Только одно — заставить их прекратить поиски.

— Но как?

Марк молчал, прикидывая возможности, хотя уже знал, что нужно делать, и чем придётся пожертвовать.

— Слушай меня, Эдам, — наконец, решил он. — Я отвлеку их и уведу подальше. Если они найдут меня, то прекратят поиски. Ликар спешит в луар и не станет задерживаться здесь без причин.

— Но... — прошептал Эдам.

— Помолчи! — перебил его Марк. — Когда они уйдут, ты приведёшь сюда коня, посадишь Герлана в седло или перекинешь через него, как сможешь. После сядешь верхом и отправишься на восток. Запомни новые пароли: «Марианна», отзыв — «бастион». Запомнил?

— Мой лорд, — снова зашептал Эдам.

— Запомнил? — переспросил Марк, добавив металла в голосе.

— «Марианна» и «бастион».

— Верно. Ты поедешь к барону Делвин-Элидиру и только ему, слышишь, мальчик, — только ему! — ты расскажешь о возвращении энфера.

— Но они убьют вас, мой лорд, — упавшим голосом пробормотал Эдам, отчаянно глядя на командира. — Я не могу... Я буду биться вместе с вами!

— Ты слышал меня? — резко спросил Марк, посмотрев на оруженосца, но, встретив его

отчаянный взгляд, смягчился и положил ладонь на его плечо. — Ты уже не ребёнок, Эдам, ты — солдат, а быть солдатом нелегко. Нужно выполнять приказы даже тогда, когда больно, когда сердце рвётся из груди и плачет от гнетущей несправедливости. Тебе придётся научиться не только сражаться, но и провожать на смерть других. Тебе придётся научиться стойко переносить потери и продолжать путь. Надеюсь, он будет долгим и однажды приведёт тебя домой. Считай это уроком, который ты должен вынести из этой ситуации. Твой долг — спасти своего господина и сообщить барону Делвин-Элидиру важные для нас сведения.

— Но, может, это сделаете вы, а я отвлеку их?

— Нет, — Марк улыбнулся и потрепал его по щеке. — Я не стану прикрываться тобой. Я уже пожил достаточно, мои грехи давно тянут меня вниз, а мой король ждёт меня на том берегу. У тебя же впереди вся жизнь. Ты станешь отважным рыцарем, не знающим страха. Главное, береги свою честь и слушай своё сердце.

— Я так надеялся, что вы научите меня этому, мой лорд, — прошептал Эдам и по его перепачканному лицу потекли слёзы, оставляя на щеках бледные дорожки.

— Считай, что я сегодня преподаю тебе последний и самый важный урок, мой мальчик. Его глубину ты ещё долго будешь постигать, но я сделал для тебя всё, что мог. Ты выполнишь мой приказ, Эдам?

— Да, мой лорд, — прошептал юноша.

— Хорошо, а теперь седи тихо и жди.

Марк приподнялся и, прячась за стеной камыша, снова пробрался к лесу. Пройдя мимо зарослей ежевики, за которыми стоял привязанный конь, он направился туда, где перемещались в гуще леса огни факелов. Они двигались ему навстречу. Он остановился и достал из ножен меч.

«Вот и всё», — подумал он, вдруг почувствовав, что стоит не на краю леса, а на краю своей жизни. За её пределами клубился синеватый туман, струящийся с сапфировых небес. И где-то там, в этом тумане он надеялся отыскать того, кого искал столько безрадостных месяцев и кого так и не смог найти.

Он напал первым, выскочив сбоку на едущего впереди всадника. Он ударил его мечом снизу вверх и стащил на землю. В какой-то момент у него мелькнула сумасшедшая мысль вскочить в освободившееся седло и умчаться отсюда прочь, но это было совсем не то, чего он хотел. Два других всадника, заметив его, ринулись навстречу, а он рванулся сквозь подлесок на луг, зная, что скоро окажется в окружении врагов.

Шум привлёк внимание остальных, и едва он вышел на открытое место, к нему тут же устремились всадники. Подоспевшие сзади, увидев рыцаря с мечом, спешили и обнажили оружие. «Алкорцы... — горько подумал он. — Даже на войне они стараются биться честно». Впрочем, попасться живым, к каким бы страшным последствиям это не привело, сейчас казалось ему наилучшим исходом. Если он ещё сможет говорить, то убедит их, что он здесь один.

Он встал в боевую стойку и спустя мгновение бросился в атаку. На несколько минут, растянувшихся на века, всё смешалось для него в тёмном кровавом тумане. Он наносил рубящие удары мечом, чувствуя, как лезвие утопает в упругой плоти, отбивал чужие клинки, и раз за разом ощущал резкую боль то в руке, то в плече. Враги падали, но на их место, как в кошмарном сне, вставали новые. Горячая кровь текла по его телу, в голове мутилось от усталости и боли. Их было слишком много, и он знал, что не сможет победить, но не хотел

задешево отдавать свою жизнь. Он готов был драться до конца, до последней капли крови, но его остановили раньше. Меч его был выбит из рук, он смутно слышал грозный рык:

— Живым! Берите его живым!

И тут же на него накинулись несколько человек, повисли на плечах, заломили назад руки. Сквозь кровавую пелену он увидел, как великан Элот поднял его меч и с размаху воткнул его в землю.

— Нет, Элот! — ещё успел крикнуть он и увидел, как от мощного удара разлетелся вдребезги старинный клинок.

Марк замер и перестал сопротивляться. Ему казалось, что его душа умерла вместе с фамильным мечом, который хранил его все эти годы, с которым исходил он столько дорог, сразился в стольких битвах и победил столько врагов. Круг замкнулся, и последнее, что соединяло его с семьёй, с отцом и покинутым домом, рассыпалось по траве поблескивающими осколками.

Всадники всё подъезжали и становились вокруг, безмолвно, как призраки, глядя на него. Потом они расступились, и появился ещё один. Марку надавили на плечи и заставили встать на колени.

— Гляньте-ка, благородный энфер, кто у нас здесь, — усмехнулся Элот и, подойдя, взял пленника за подбородок и поднял его голову.

— Барон де Сегюр, — процедил Ликар, которого Марк видел, как чёрную скалу нависающую над его головой. — Я надеялся, что военная судьба сведёт нас, и молил богов, чтоб они дали мне взять вас в плен. Вы ловко ускользнули от наказания, но теперь расплатитесь сполна за ваше предательство. Кто ещё здесь?

— Никого, — устало проговорил Марк и уронил голову на грудь.

Силы оставили его, раны мучительно ныли и кровоточили. Осталось совсем немного, а потом, как бы ни мучительна была смерть, она приведёт его к Арману, к отцу и погибшим друзьям.

— Наверняка ездил к леди Крольчихе, — усмехнулся Элот и ударил его ногой под рёбра. — Он же не может пропустить мимо себя ни одной юбки! И поскольку наведывался к алкорке, наверняка ездил к ней тайком. Не думаю, что король Ричард одобрил бы подобные связи своих рыцарей.

— Их было двое, — напомнил кто-то из темноты.

— Где второй? — спросил энфер.

— Мой оруженосец... — проговорил Марк. — Он давно уехал. Я велел ему поторопиться и сообщить ближайшим постам о вашем прибытии, привести подмогу.

— Уходим! — тут же распорядился энфер и, натянув повод, развернул коня.

Марку стянули за спиной локти так, что заныли плечи, и усадили на коня убитого им рыцаря, тело которого перекинули через луку седла, так что оно тяжело придавило его колени. Вскоре отряд энфера собрался вместе вокруг своего предводителя. Как и думал Марк, их было не двести человек, а не более трёх десятков. Они спешно покинули луг, увозя с собой пленного, и направились охотничьими тропами через леса к луару.

Эдам видел, как они уехали, забрав с собой барона де Сегюра. В голове его мутилось от горя, и он готов был броситься на помощь, особенно когда барон бился с множеством врагов на краю луга, и потом, когда его схватили и поставили на колени перед энфером. Но он знал, что не может подвести своего командира и должен выполнить приказ. Потому он сжался,

стоя на коленях и кусая руки, чтоб не закричать. Слёзы ручьём бежали из его глаз, но он заставлял себя смотреть, чтоб до конца усвоить этот последний урок своего кумира. После того, как луг опустел, он выбрался из кустов и дошёл до того места, где всё произошло. Трава здесь была примята и залита кровью. Он снял плащ и опустился на колени, чтоб собрать в него осколки меча. Из-за слёз он почти ничего не видел и на ощупь, не замечая порезов на руках, собирал острые куски металла. Последним он положил на плащ украшенную гербом витую рукоятку со стершимся рисунком на гарде.

Завернув своё сокровище в плащ, он снял пояс и аккуратно перевязал свёрток. Поднявшись, он отправился в лес и вскоре нашёл коня, который ждал его, тревожно прядая ушами. Конь принадлежал Фонтейну, и так как его наездник был крупным мужчиной, обладал крепкими ногами и широкой спиной. Отвязав его, Эдам вернулся к Герлану и услышал его тихий голос:

— Где ты был, мальчик?

— Я ходил за конём, мой лорд, — тихо ответил Эдам и сам удивился, как бесцветно звучит его голос.

— Где они? — прошептал Герлан, снова теряя силы.

— Уехали. Мы можем возвращаться.

— Помоги мне.

Герлан приподнялся, опираясь на руки. Эдам помог ему встать, а потом забраться в седло. Рыцарь был так слаб, что не заметил подмены коня, а Эдаму ничего не хотелось ему говорить. Он сел позади него и, взяв в руки уздечку, поддал коню шпорами.

Для такого крепыша и два всадника оказались не тяжёлой ношей. Конь резво бежал сначала по лесу, а потом по дороге. Через посты они проехали без затруднений. Караульные, услышав пароль, исправно кричали в ответ отзвываясь, лишь заметив раненого рыцаря, выходили спросить, не нужна ли помощь. Но Эдам отказывался и гнал коня вперёд. Герлан снова потерял сознание, откинувшись назад, и юноша удерживал его до той поры, пока они не въехали в деревню. Навстречу им из избушки выбежал Фонтейн.

— Где Марк? — крикнул он встревожено, увидев Эдама и Герлана на своём коне.

— Заберите его, кавалер, — проговорил оруженосец. — Он ранен. А я должен выполнить приказ его светлости.

— Какой ещё приказ? — закричал Фонтейн, вцепившись в гриву коня. — Где командир?

Герлан пошатнулся и сполз ему на руки. Фонтейн подхватил его, а Эдам поспешно развернул коня и выехал со двора. Проехав по деревне, он миновал околицу и направился туда, где стоял отряд Дэлвин-Элидира. Их пароли ему были неизвестны, однако его знали в лицо и сразу же проводили к барону.

Была глубокая ночь, но услышав имя де Сегюра, Алед отправился будить хозяина. Айолин встал с широкой лавки и, накинув на плечи плащ, взглянул на бледного мальчика.

— Что случилось? — спросил он, поняв по его заплаканному лицу, что произошло что-то очень плохое.

Эдам обернулся и посмотрел на встревоженного Аледи, стоявшего у двери.

— Оставь нас, — приказал барон, и его оруженосец безропотно исполнил приказание.

— Его светлость барон де Сегюр велел передать вам, мой лорд, что энфер Ликар вернулся в луар.

— Откуда он знает? — насторожился Айолин.

— Мы встретили его отряд к западу от города. Он ехал с небольшим эскортом человек тридцать. Думаю, что он уже достиг своего лагеря. Его светлость велел сказать это только вам. Больше никому.

— Где он сам? И что у тебя с руками? — спросил Айолин, заметив, что юноша сжимает окровавленными пальцами серый свёрток.

Вместо ответа Эдам подошёл к столу и, положив свёрток поверх разложенных там бумаг, распутал пояс и развернул плащ. Айолину показалось, что земля уходит у него из-под ног, когда он увидел осколки меча и знакомый эфес.

— Его убили? — тихо спросил он.

— Они забрали его... — кусая губы, чтоб не разрыдаться, прошептал оруженосец. — Он бился один против многих, нескольких ранил, кого-то убил. Он был весь покрыт кровью. У него выбили из рук меч и схватили. Они увезли его в луар. Я слышал, как энфер обещал ему жестокое наказание за измену. Но ведь он не изменник!

— Он герой. Для нас, а для них он слишком сильный и опасный противник. Не плачь! Будь мужчиной! Впрочем... Он достоин, чтоб его оплакали, но сейчас ещё не время.

Айолин положил здоровую руку ему на плечо.

— Мы можем спасти его? — с отчаянной надеждой спросил Эдам.

— Нет. Если б я мог, я бы отдал свою жизнь в обмен на его, но увы... Ты говорил ещё кому-то о возвращении энфера?

— Только вам.

— А своему рыцарю?

— Нет. Он ранен.

— Где он?

— Я отвёз его к своим.

— Значит, о нём позаботятся. А ты останешься при мне. Об энфере и о том, что де Сегюр в плену, никому! Ты понял?

— Да, мой лорд, — устало кивнул Эдам.

Айолин вызвал своего оруженосца и велел ему позаботиться о юноше. Алед, с сочувствием посмотрел на измученного Эдама, который потерянно рассматривал свои израненные руки, а после обнял его за плечи и, пробормотав: «Пойдём-ка, перевяжем тебя», увёл его вниз. Айолин какое-то время смотрел на закрывшуюся за ними дверь, а потом вернулся к столу и провёл пальцами по отполированному многими ладонями эфесу:

— Эх, Марк, Марк, как же ты не уберёгся? И что ты хочешь, чтоб я сделал с этой информацией? Знаю, что ты сдал мне козырную карту, но только не сказал, как её разыграть.

Он тяжело вздохнул и, потушив свечу на столе, снова лёг на лавку.

Энфер тем временем уже въезжал во двор замка своего отца. Навстречу ему вышли придворные, а потом появился и контаррен, чтоб приветствовать благородного энфера. По ступеням сбежал принц Лорант и радостно обнял брата. По беспорядку в его одежде было видно, что принц ради этой встречи поднялся из постели.

— Отец спрашивал о тебе, — произнёс он, глядя на Ликара сияющими от воодушевления глазами. — Мы ждём только тебя! Всё готово к сражению, не было только главнокомандующего!

— Дай перевести дух, — рассмеялся Ликар, похлопав принца по плечу.

— Можете не торопиться, — улыбнулся Беренгар, — есть время до утра. Я хотел бы ввести вас в курс дела до того, как мы отправим письмо королю Ричарду.

— Письмо? — удивился энфер. — Вы что, затеяли галантную переписку с этим разбойником?

— На что только не пойдёшь ради удачно выбранного времени сражения, — в тон ему ответил Беренгар.

— Хорошо. Я устал, но выслушаю вас и встречу с отцом, если он не спит.

— Он спит, но велел сообщить ему сразу, как только ты вернёшься, — вставил Лорант.

— Что делать с этим? — спросил Элот, подтащив к энферу де Сегюра.

Тот не сопротивлялся, но из-за усталости и потери крови уже едва стоял на ногах.

— Барон де Сегюр! — раздался из толпы придворных обрадованный голос Деллана. — А я так мечтал снова свидеться с вами! В своих подвалах.

— Отведите его в тюрьму. Пусть выспится, — проигнорировав полный надежды голос начальника секретной службы, распорядился энфер.

— У нас есть время до начала битвы, — не унимался тот. — А этот плут наверняка знает много! Мы можем выбить из него ценную информацию.

— Это вряд ли, — оценивающе взглянув на пленника, ответил Ликар. — Сколько в прошлый раз вы пытались? И всё впустую. Что изменится за несколько часов?

— В прошлый раз мы старались не покалечить его... — начал Деллан.

— Я хочу, чтоб он дожил до суда и казни! — отрезал энфер. — Сейчас он уже полутруп! Если ваши палачи примутся за него с усердием, то до утра он не дотянет. Пусть придёт в себя, окрепнет, и можете располагать им, как вам вздумается.

— Я думаю, что уже к утру он будет вполне готов к допросу.

— Можете делать, что хотите, но не дайте ему умереть в застенках. Пусть умрёт на виду у всех, как и положено предателю! А мы, барон, — он обернулся к Марку, — утром вступим в сражение с вашим королём. И как бы оно не закончилось, не надейтесь, что он явится за вами и снимет оковы с ваших рук! Если битва будет нами проиграна, вас убьют тюремщики. Задуют, как крысу, потому что смерти от меча вы не заслуживаете!

— У меня только один король, благородный энфер, — спокойно взглянув ему в глаза, произнёс Марк. — Он уже не придёт, чтоб снять с меня оковы. Он ждёт меня на той стороне. И я готов к встрече с ним.

Энфер задумчиво взглянул на него, но ничего не ответил, только дал знак Элоту увести пленника.

Элот решил сам исполнить приказание. Он долго спорил о чём-то с тюремщиками и, наконец, препроводил его в просторную сухую камеру, где под потолком располагалось забранное решёткой окно. Возле стены даже стояла низкая койка с набитой сеном наволочкой и грязным одеялом.

— Почти дворец, — усмехнулся Марк, осматриваясь, в то время как ему надевали на руки и ноги оковы. — А я-то ожидал, что ты засунешь меня, как и положено крысе, в крысиную нору, где даже ног не распрямить, и на полу стоит болотная вода.

— Сейчас придёт тюремный лекарь и перевяжет твои раны, — зло глядя на него, проговорил Элот.

Марк обернулся к нему.

— Странно, в твоём голосе звучит ненависть, но ты заботишься о моих ранах.

— Не из любви к тебе, де Сегюр, и не для того, чтоб облегчить задачу Деллану. Я

покаялся сразиться с тобой и сражусь! Жаль, что не успел сделать это там, на лугу. Но я буду просить энфера позволить мне биться с тобой до твоей казни, и, зная твою репутацию, не хочу, чтоб мне потом говорили, что я воспользовался тем, что мой соперник был слаб и изранен!

— Значит, моя репутация не так плоха, — улыбнулся Марк.

Эта улыбка привела Элота в ярость.

— Скоро тебе будет не до улыбок, мерзавец! Я уверен, что мы выиграем это сражение, а ты доживёшь до того, чтоб скрестить со мной клинки! Я подберу тебе для этого случая новый добрый меч! Но я не стану убивать тебя, чтоб ты в полной мере ответил за своё предательство! И не думай, что кому-то удастся выкупить твою жизнь! Кровь изменника не может быть предметом торга!

— Мы оба солдаты, Элот, — проговорил Марк, устало опускаясь на койку. — Только служим разным правителям. Ты понимаешь это и знаешь, что я всегда хранил верность своему королю. Ни пытки, ни смерть не могут изменить этого. Ты называешь меня мерзавцем, предателем и изменником, стоя передо мной с мечом в ножнах, в то время как на моих руках — цепи. Это не делает тебе чести, а мне — бесчестья. Тем не менее, я понимаю, что ты намеренно оскорбляешь меня, и согласен биться с тобой, когда и где тебе будет угодно.

Элот слегка смутился и, что-то пробурчав себе под нос, вышел из камеры. Вскоре появился тюремный лекарь и принялся за его раны. Хоть он и привык иметь дело с преступниками, делал он свою работу со всем старанием, не причиняя пациенту лишней боли. Закончив, он весьма учтиво кивнул барону в ответ на слова благодарности и вышел. И Марк наконец-то остался один. Он вытянулся на койке и закрыл глаза, чувствуя, как расслабляется его истерзанное тело. Он надеялся, что сразу провалится в сон, но то ли боль свежих ран была слишком сильной, то ли всё ещё кипело в крови возбуждение недавней схватки, сон не шёл к нему. Его мысли уныло и медленно скользили над сомкнутыми веками, вызывая в памяти самые печальные воспоминания и всё глубже всаживая в сердце кинжал отчаяния. Он сделал то, что должен был сделать. Конечно, Эдам, этот смыслённый мальчишка исполнил его приказ, а значит, Герлан спасён. И любая пытка будет теперь не так страшна хотя бы потому, что принесёт осознание того, что он принял её за друга, с которым случилось бы то же, попади он в руки энфера. И Айолин знает о том, что алкорцы теперь готовы к бою. Как он распорядится этой новостью — его дело. Он держит руку на пульсе слишком многих событий и интриг, и, возможно, сумеет извлечь пользу из этого прощального подарка.

Марку же в этой жизни осталось совсем немного, несколько полных боли и страданий дней и мучительная смерть на эшафоте под крики толпы, пришедшей поглазеть на казнь. Там он будет совсем один, но это и к лучшему. Никто из друзей не услышит его стонов и проклятий. А потом... Да, он всё чаще возвращался мыслями к тому, что будет потом, и воображение рисовало тот самый синий туман, из которого выступали дорогие ему лица тех, кого он потерял. Он присоединится к ним, чтоб теперь быть с ними уже навсегда. И он, наконец, отыщет Армана.

Ему вспомнились долгие месяцы, когда он бродил по всему континенту, разыскивая своего короля. Он вышел из Сен-Марко юным рыцарем с гладкими щеками, на которых ещё просвечивал детский румянец, а шелковистые волосы были коротко подстрижены под шлем. Он переходил из города в город, из деревни в деревню, расспрашивая всех встречных о

человеке в сером плаще, и, пренебрегая опасностью, заглядывал под каждый похожий капюшон. Он ужасался следам болезни на чужих лицах, представляя, что они так же обезобразили дорогое ему лицо, но продолжал искать, всё более впадая в отчаяние и теряя надежду. Его щёки заросли тёмной щетиной, превратившейся в густую бороду, спутанная грива струилась по широким плечам. Из пылкого юноши он превращался в мужчину, сурового, выносливого и упорного в достижении своих целей. И всё же той самой, заветной цели он так и не достиг. Драгоценное время, отпущенное Арману его тяжким недугом, утекало, и оставалось всё меньше шансов найти его живым. И, наконец, он сдался, он решил жить дальше, храня в душе незаживающую рану потери. Может, рано он отступился от своей цели? Может, ещё немного, и нашёл бы он Армана, бредущего по дороге, разбитой колёсами крестьянских телег, окружённой тёмными лесами.

Как наяву он увидел эту дорогу, окутанную дымкой голубого тумана, и бредущего по ней путника в сером плаще с изогнутым посохом. А сам он снова шёл за ним, надеясь догнать, но ноги плохо слушались его. Болели раны, в голове мутилось, бессонные ночи тяжким грузом давили на вывернутые плечи. Но, на сей раз, он должен был настичь его, и он шёл из последних сил. Наконец, ему удалось приблизиться, и, протянув руку, он коснулся его спины. Путник остановился, потом обернулся, и серый капюшон упал на плечи, открывая миру золотые волосы, сиявшие ярче королевской короны. Марк почувствовал, как последние силы покидают его и, уже падая на землю, которая была где-то далеко внизу, увидел смуглое лицо и синие глаза своего короля.

Это уже было когда-то, когда он, страдая от боли, лежал на его коленях, одна сильная рука поддерживала его спину и плечи, а другая успокаивающе покоилась на его груди. Он снова был мальчиком, оруженосцем своего юного короля, первый раз познавшим бой и взглянувшим в лицо смерти. Она отступила тогда, а теперь снова подошла так близко, что могла бы поцеловать его в губы. Но он знал эти руки и верил в то, что они берегут его, и пока он чувствует их, смерть ему не страшна.

Он открыл глаза и посмотрел вверх. Он увидел лицо короля, тревожно сдвинутые чёрные брови и глаза цвета ранней ночи.

— Не шевелись, Марк, ты ранен, — как и тогда сказал Арман, и от звука его глубокого голоса затрепетало сердце.

— Я нашёл вас, мой король, — прошептал Марк, с трудом шевеля непослушными губами. — Наконец я нашёл вас, и больше не оставлю никогда. Простите меня за то, что я покинул вас. Я должен был идти с вами, чтоб облегчить ваш скорбный путь. Я заботился бы о вас, добывал бы для вас еду и вино, промывал ваши раны и язвы. Я не дал бы вам впасть в отчаяние, я пел бы вам баллады и шутил, как заправский паяц, лишь бы разогнать тучи в вашем сердце. А когда ноги отказали бы вам, нёс бы вас на руках. Я проводил бы вас в последний путь и своей рукой закрыл бы ваши глаза. Я вырыл бы глубокую могилу и с почтением опустил бы вас на дно, положив меч вам на грудь. Я оплакал бы вас, вознося молитвы всем богам, чтоб они указали вам короткий путь в лучший мир. Я должен был сделать это, но я покинул вас. Мне жаль...

— Я знаю, что так бы оно и было, мой мальчик, — тихо проговорил король, и его мозолистая от меча рука коснулась щеки Марка. — Я знаю, что ты ни за что не оставил бы меня, принял бы на себя все мои беды, разделил бы со мной мою боль и даже отдал бы мне свою жизнь, если б мог. Но именно потому я и не хотел, чтоб ты шёл со мной. Моя дорога лежала самыми пустынными землями и вела к забвенью. Твоя же была полна подвигов и

страстей. И я хотел, чтоб ты прожил свою жизнь так, как хотел я прожить свою. Я не мог допустить, чтоб ты смирял свой гордый нрав, ухаживая за умирающим, тратя на это лучшие годы и рискуя навлечь на себя тот же недуг. Нет, мой милый Марк, для меня твоя жертва была слишком тяжкой ношей. Я хотел, чтоб ты жил своей жизнью, хотя и предвидел, что она будет нелёгкой. Много бы я отдал, чтоб остаться с тобой и помогать тебе словом и делом, но наши дороги разошлись. Я так хотел, и потому не вини в этом себя.

— Я понял, — после некоторого молчания произнёс Марк. — Я понял, мой король, и всё же мне не хватает вас. Всего мира мало, чтоб заполнить для меня образовавшуюся с вашим уходом пустоту. Утратив вас, я второй раз осиротел, и моя душа скитается в одиночестве и продолжает искать и звать вас. Все раны лечит время и только эта по-прежнему кровоточит в моём сердце. Но скоро и эта боль утихнет. Скоро я умру, мой король, и, наконец, воссоединюсь с вами, чтоб вечно служить вам. Я больше никогда не покину вас.

— Нет, мой верный Марк, твоим мечтам не суждено сбыться. Наши дороги разошлись навсегда. Я уйду туда, — Арман поднял руку и Марк увидел над его головой чёрный провал неба, заполненного огоньками мерцающих звёзд. Он, как зачарованный, смотрел туда, слушая голос своего короля: — Наконец я освобожусь от своей боли и изнурённого болезнью тела, я обрету свободу, чтоб лететь, как птица, в бескрайних просторах великой пустоты, в которой сияет множество миров, куда более прекрасных и многогранных, чем наш. А ты останешься здесь и продолжишь свой путь. Ты будешь любить, сражаться и помнить обо мне. И назовёшь своего первенца моим именем. Ведь назовёшь, правда?

На лице Армана появилась немного лукавая усмешка.

— Я скоро умру, мой господин, — устало возразил Марк. — Мне осталось немного. Сейчас ночь, я заточён в темнице, мои руки и ноги скованы. А утром за мной придут тюремщики и отведут к палачам, и кто знает, какими изощрёнными пытками они будут вытягивать из меня жалкие признания, которые никому не нужны. Меня обвинят в измене, хоть я всегда хранил верность. Но я был верен только вам, вашей памяти, а другим... да, наверно изменял. И теперь меня ждёт расплата за это. Я не боюсь. Я сожалею лишь об одном, что я не отомстил вашему убийце. Я зря послушал Айолина. Мне нужно было собственными руками убить Ричарда. Исход всё равно один — эшафот и жестокая смерть.

— Этого я тоже не хочу, — сурово проговорил Арман. — Убийство короля — тяжкий грех, даже если корону надела змея. Я не желаю, чтоб ты пачкал его кровью свои руки и пятнал свою душу. Малыш Айолин, как всегда, мудр не по годам, и ты правильно сделал, когда прислушался к его совету. Только боги решают участь королей, и участь Ричарда предрешена. Он умрёт, а ты будешь жить. И не спорь со мной, — его палец мягко коснулся губ Марка. — Что у тебя за дурная привычка спорить с королём? Лучше отдохни, пока есть время. Закрой глаза и постарайся забыться сном. Пусть тебе приснятся зелёные луга и густые дубравы, небо над пологими склонами холмов и жаворонок в этом небе. Пусть снятся олени, вышедшие к водопою, лодка, плывущая по реке, а в ней — рыжая девушка со столь огненными волосами, что, видно, солнце каждую ночь спит в её изголовье. Пусть душа твоя наполнится покоем и тихим счастьем, пусть прошлое перестанет терзать тебя чувством вины и сожаления, а будущее не заботит мраком новых испытаний. Просто усни, мой мальчик. Ты заслужил эту тишину, этот покой. А я буду хранить твой сон. И когда ты проснёшься, всё будет иначе.

Марк хотел возразить, что разбудит его скрежет засовов, и это будет значить, что

тюремщики пришли за ним, чтоб отвести к палачам, но наверно Арман, коснувшись его губ, затворил их. Он не смог произнести ни слова, его веки сомкнулись, и он почувствовал, как расслабляется его измученное тело. И ему казалось, что он лежит на дне лодки, которая плывёт куда-то, мягко покачиваясь на волнах. Тишина и покой снизошли на его душу, и он погрузился в глубокий сон, зная, что спит на руках своего короля, и пока это так, ему нечего бояться.

Скрежет засова прозвучал, как гром. Он вздрогнул и снова почувствовал, как ноют плечи и болят раны. Он лежал на жёсткой койке и его запястья и щиколотки затекли от железных браслетов. Открыв глаза, он увидел, что в окно через решётку льётся яркий свет позднего утра. Приподнявшись, он смотрел, как открывается дверь его узилища, но не испытал страха. Он был готов к тому, что его ожидает. Он помнил свой сон, и это воспоминание наполняло его душу покоем. Это был последний бесценный дар его короля.

За несколько часов до рассвета в стане алкорцев зазвучали трубы, и на поле между позициями передовых отрядов обеих армий выехал небольшой отряд всадников с факелами. Тут же поднятый адъютантом с походной постели Леонард Девре поспешно, насколько позволяли ему тяжёлые латы, которые он не снимал уже несколько дней, взгромоздился на коня и в сопровождении своих рыцарей, скрывавших сонные глаза под глухими шлемами, выехал навстречу.

Барон Отадер, встретив его, как старого доброго знакомого, дружеской улыбкой, учтиво раскланялся и передал Леонарду запечатанный красным сургучом пергаментный свиток и, распрощавшись, ретировался обратно за линию алкорских укреплений.

Леонард, которому не терпелось узнать, что в свитке и, полагая, что это послание неминуемо повлечёт скорый созыв военного совета, решил сам отвезти его в ставку короля. Потому вскоре он проехал, звеня доспехами, по деревушке и спешил во дворе дома старосты. Его сразу же проводили к королю, и спустя несколько минут вниз спустился офицер, который разослал вестовых по ближайшим деревням.

Не прошло и часа, как зальчик на втором этаже дома снова заполнился военачальниками и командирами войска Сен-Марко. У стола рядом с мрачным королём сидел граф де Бове, задумчиво перечитывая послание, написанное на белёном пергаменте.

— Все в сборе ваше величество, — наконец доложил маркиз Вайолет, садясь на своё место.

У него было не менее озабоченное выражение лица. Он беспокойно оглядывал лица прибывших, которые с явной тревогой смотрели на короля.

— Альдор ответил на наше послание, и дал нам не совсем тот ответ, который мы ожидали, — мрачно проговорил Ричард. — Он сообщил имя своего поединщика, но при этом воспользовался предоставленным ему нами правом назначить время поединка.

— И сколько времени он нам дал? — спросил принц Жоан, который лучше других чувствовал, что отец не просто встревожен, он взбешён, хоть и скрывает это.

— Немного, — ответил король, бросив на него холодный взгляд. — Поединок назначен на ближайшее утро, после рассвета, как только мы будем готовы.

В зале стало шумно, бароны и рыцари переглядывались, громко недоумевая по этому поводу.

— Но ведь ещё недавно они делали всё, чтоб затянуть время! — воскликнул барон Ренар-Амоди, вызванный на совет в числе других командиров.

— Если только это не было уловкой, — проговорил граф де Бове. — Наша разведка сообщает, что вся активность вокруг этого странного сооружения под стенами алкорцами прекращена. Оцепление они сняли, и все мастеровые вернулись город. Они или отказались от идеи соорудить там что-то, или просто делали вид, что что-то делали, чтоб ввести нас в заблуждение.

— Энфер Ликар вернулся в город? — спросил граф Блуа, буравя главнокомандующего своими круглыми совиными глазами.

— У нас нет таких сведений, — ответил де Бове. — Получив от барона де Сегюра донесение о его скором возвращении с севера, мы выслали несколько усиленных отрядов,

чтоб перекрыть дороги в этом направлении, но они до сих пор не известили нас о том, что встретили его.

— Дело может быть в том, что при строительстве этого загадочного сооружения алкорцев постигла неудача, — произнёс маркиз Вайолет. — И они решили отказаться от этой идеи, посчитав, что готовы к сражению и без него. Теперь, когда у них больше нет нужды оттягивать битву до конца строительства, они сделают всё, чтоб не дать нам возможности дождаться подхода основных сил. Потому они и форсируют события. Номинально войско может возглавить второй сын альдора принц Лорант, в то время как фактически сражением всё равно будет руководить Беренгар. Если всё так, то какая-либо задержка им теперь не то что не нужна, она для них опасна.

— Нам тоже затягивать нельзя, — хмуро кивнул король, глядя на него. — С каждым часом боеспособность нашей армии уменьшается. Запасы провианта тают. Фуражиры ничего не могут отыскать в ближайших деревнях, а в дальних им удаётся наскрести крохи, которые не успели поспрятать местные крестьяне. Куда бы они ни пришли, везде их встречают пустые дома и распахнутые ворота хлевов. Сражение на рассвете, когда наши рыцари и их кони уже отдохнули и пока не страдают от голода, нам выгодно.

— И всё же я советовал бы повременить с наступлением, ваше величество, — проговорил граф де Бове. — В письме есть оговорка, что мы можем начать поединок после рассвета, но когда будем готовы. Это даёт нам право выжидать, ссылаясь на то, что пока мы не готовы.

— Каким образом мы это объясним? — хмуро спросил король.

— Мы не обязаны ничего объяснять. Просто известим их о том, что объявим о нашей готовности звуком труб, и пусть ждут.

— Они сочтут нас трусами! — воскликнул Ричард.

— То, что сперва кажется трусостью, в случае конечной победы будет признано военной хитростью, — возразил граф.

— Значит ли это, — голос короля стал вкрадчивым, — что вы, наш главнокомандующий, не готовы предложить нам план сражения, который мы приказали вам разработать и сообщить нам этим утром?

— План сражения у нас имеется, — пояснил де Бове, — однако в виду крайне невыгодных для его начала условий следовало бы дождаться хотя бы уравнивания баланса сил. Сейчас противник находится на удобных для себя специально подготовленных позициях. Его город надёжно укреплён, армия обеспечена всем необходимым. К тому же у него явное численное преимущество. Потому я всё же считаю, что нам нужно подождать подхода пехоты и лучников, тем временем подготовив позиции и снаряжение для штурма.

— Мы не можем оттягивать поединок на несколько дней, граф! Он назначен на утро. Не на день, не на вечер, а на утро после рассвета!

— Мы можем провести поединок перед боем, но не начинать сражение, — заметил барон Делвин-Элидир. — Кто сказал, что мы обязаны напасть первыми? Алкорцы только того и ждут, что мы ринемся на их укрепления и увязнем в них. А нам выгоднее, чтоб бой вёлся на нейтральной полосе, где мы будем иметь возможность манёвра для конницы, а они окажутся с нами на равных за пределами своих брустверов и окопов. К тому же непосредственное столкновение на поле боя обесценит их лучников, поскольку они не смогут стрелять в нас, рискуя попасть в своих.

— И сколько вы предлагаете стоять так, барон? — еле сдерживая недовольство, спросил

король.

— Сколько хватит выдержки, — невозмутимо ответил тот. — В этой ситуации проиграет тот, у кого первого сдадут нервы.

Король прищурился и покачал головой.

— Неплохая тактика, но, увы, нам она не подходит. У нас нет времени выжидать. Как я сказал, у нас не хватает продовольствия, люди спят на холодной земле. Через пару дней им сложнее будет идти в атаку. Потому, граф де Бове, — он перевёл взгляд на главнокомандующего, — я хотел бы услышать ваш план.

Граф де Бове невольно бросил взгляд в угол, где возле стены сидел барон де Сансер. Это не укрылось от Ричарда. Король нахмурился, а потом пожал плечами.

— Мне всё равно, кто из вас двоих будет говорить! Барон де Сансер, что вы можете сказать о сложившейся ситуации?

Барон де Сансер нехотя встал и подошёл к столу, на котором была расстелена карта луара и укреплений вокруг него.

— На данный момент следует признать, что противник лучше подготовлен к сражению, чем мы, ваше величество, — начал он. — По нашим сведениям его войско составляет примерно восемнадцать-двадцать тысяч человек, что примерно равняется нашему с учётом отставших резервов. Его позиции хорошо укреплены. Само строение луара идеально приспособлено для обороны на случай штурма и осады. Единственный путь в город — это его ворота. Именно возле них сосредоточена большая часть войска противника, в частности боевой авангард их конных рыцарей. Кроме того полоса фортификационных укреплений здесь шире, поскольку именно ворота противник намерен защитить прежде всего. Все эти укрепления носят капитальный характер и не могут быть сдвинуты, в результате чего подойти к воротам можно только по довольно узкому коридору, ведущему вот сюда. В случае наступления по этому коридору мы оказываемся под обстрелом со стороны лучников, наверняка размещёнными за брустверами и щитами здесь и здесь. Вот тут и тут имеются кучи хвороста, которые, скорее всего, скрывают засады пехоты, готовой ударить при нападении с флангов. Однако, ни лучники, ни пехота и тем более ополчение не смогут удержать массированный удар в лоб.

— То есть мы можем пробиться к воротам? — уточнил король.

— Да, можем. При ближайшем рассмотрении мы нашли ряд уязвимостей в оборонной системе луара. Прежде всего, следует отметить, что противник не сможет вывести против нас всё своё войско. Анализ военной традиции алкорцев говорит о том, что они никогда не снимают гарнизоны с оборонных колец до их сдачи. Значит, часть войска остаётся на стенах и за ними. Кроме того, мы учитываем, что из, скажем, двадцати тысяч человек лишь несколько тысяч являются полноценными воинами, большинство — это хорошо подготовленные ополченцы, однако они не так надёжно защищены и хуже вооружены, чем рыцари и наёмники. Именно они в основном остаются в городе и будут находиться в засаде. Таким образом, если пока не принимать во внимание засадные отряды, нам противостоит небольшая профессиональная армия, которая сосредоточена вокруг ворот на сравнительно небольшом пятачке. При этом она лишена манёвра в той же степени, что и мы. Толку от конницы здесь не будет никакого. Чтоб использовать её, им нужно выйти за линию укреплений, но тогда они не смогут использовать лучников, и вся их фортификационная система утратит свой практический смысл. Я полагаю, что Беренгар ожидает именно лобового удара, когда мы будем вынуждены влиться в коридор, который они оставили, и

растянуть свои силы, подставив фланги под обстрел из луков и арбалетов. Здесь нас встретят отборные силы пеших рыцарей и, поскольку подход подкреплений будет ограничен для нас и совершенно свободен для них, они будут планомерно уничтожать наши передовые отряды, а если мы обратимся в бегство, они выпустят конницу и будут преследовать нас до полного уничтожения.

— Вы говорили об уязвимостях, — мрачно напомнил Ричард.

— Да, и я вижу их в общей обороне луара. Основные силы сосредоточены здесь, на сравнительно небольшом пяточке перед воротами. Здесь собрано от силы две-три тысячи воинов, иначе они из-за тесноты будут просто мешать друг другу. Остальная часть войска растянута за укреплениями вокруг города. Однако, поскольку у нас нет осадных машин, вал достаточно крутой, а ров широкий, стены настолько высоки, что взобраться по ним без осадных машин нет никакой возможности, здесь они нападения не ждут. Стоящие здесь отряды состоят из наёмных пехотинцев и ополченцев. Поля вокруг достаточно гладкие и укрепления можно преодолеть меньшими силами.

— Зачем это нам, если мы не сможем здесь подняться на стены? — уточнил Ричард, однако в его голосе уже звучала заинтересованность.

— Мы не будем подниматься на стены и даже на вал, — покачал головой де Сансер. — Мы ударим с двух сторон, здесь и здесь, то есть в стороне от главных ворот, башен и контрфорсов, где обычно располагаются метательные машины. Вперёд мы пустим конных рыцарей, вооружённых луками с зажигательными стрелами. Их задачей будет поджечь расположенные здесь щиты для лучников и хворост, который может прятать засады. Дождь давно закончился, и всё это загорится достаточно быстро. После этого мы начинаем атаку лёгкой кавалерией одновременно с двух сторон и прорываемся к стенам. Вал теперь будет мешать алкорцам, поскольку прикроет наших всадников от обстрела со стен. Для метательных орудий будет слишком маленькое расстояние, для того, чтоб бросать что-то сверху на головы, — слишком большое. Плотность обороны здесь низкая, потому задачей кавалерии будет продвигаться под стенами в сторону ворот. Затем в бой вступает основная часть нашей армии. Впереди железным клином выдвигается отряд кавалера Дэвре, под их прикрытием буду двигаться лучники с зажигательными стрелами, которые постараются обезвредить вот эти укрепления. По мере продвижения вперёд мы будем вводить в прорыв новые силы, а наш противник окажется заперт на своём пяточке с трёх сторон. Мы усилим натиск так, чтоб у него не было возможности ввести в бой резервы из города, и постараемся разгромить ядро его армии вне стен.

— А если они отведут свои войска в город и закроют ворота?

— Мы не будем преследовать их, — проговорил де Сансер. — Мы удовольствуемся тем, что отыграем ситуацию назад, и получим то, на что надеялись, когда спешно выдвигались сюда из восточных скал. Противник будет заперт в городе. Наиболее сильная часть его войска будет уничтожена. Мы перекроем дороги, возьмём город в осаду и после этого сможем спокойно расположиться на равнине, дожидаться своих пеших войск, осадных машин и подготовиться к штурму.

— Почему не ворваться в город у них на плечах? — азартно спросил король, глядя на карту.

— В городе нас ждут не менее десяти тысяч человек войска. Система ворот, а потом и каждое оборонное кольцо представляет собой ловушку для нашего авангарда. У нас всего четыре тысячи всадников. К тому моменту, как сражение закончится, может остаться

меньше половины. Не исключено, что в какой-то момент Беренгар намеренно отведёт своих рыцарей за стены, чтоб сохранить хотя бы часть ударных сил и заманить нас в западню. Нам ни в коем случае нельзя поддаться на его уловку.

Король встал и, опершись руками о стол, с возбуждением начал рассматривать карту. Он шевелил губами, проговаривая про себя детали плана, а потом поднял взгляд на де Сансера. Его глаза сияли воодушевлением.

— Мне нравится ваша идея, барон! Использовать хитрость врага против него самого! Сколько человек вы предлагаете бросить на фланговые атаки?

— Не менее тысячи с каждой стороны, ваше величество. Тогда они с лёгкостью сомнут оборону под стенами и выйдут на фланги алкорцам у ворот, а лобовая атака будет, по сути лишь ударом в тыл, когда у ворот уже завяжется бой. К тому же, получив удары с флангов, алкорцы, скорее всего, перебросят часть защитников ворот на их сдерживание и отвлекутся от защиты коридора. В этой ситуации быстрое наступление тяжёлой конницы поможет развить успех.

— Ну, что ж, барон де Сансер, — улыбнулся король. — Я полагаю, что вам удалось реабилитироваться в моих глазах. Теперь я вижу, что вы не склонны отсиживаться в тылу, а готовы к быстрым и сокрушительным действиям. Я возвращаю вам командование этой кампанией.

— Благодарю, ваше величество, — поклонился де Сансер, не проявив при этом никакой радости. — Однако я обращаю внимание моего короля на то, что план пока продуман лишь в общих чертах, и времени на его разработку осталось немного...

— Командуйте! — нетерпеливо махнул рукой король. — Весь штаб, все присутствующие в вашем распоряжении. К рассвету наши отряды для фланговых ударов должны быть скрытно переброшены к месту атаки, потому не будем терять времени. И он сел, уступая седому барону место во главе стола.

Наблюдая за тем, что происходит во дворе, Карнач понял, что что-то случилось, и поспешный сбор расширенного военного совета лишь подтвердил его догадки. Совещание в этот раз затянулось, и это значило только одно: начало битвы, а значит, и поединок перед ней всё ближе.

Он стоял у ворот, когда дверь наверху с грохотом распахнулась и по ступеням лестницы застучали шаги, сопровождаемые мелодичным звоном шпор. Командиры спускались вниз, натягивая перчатки. Они с нетерпением покрикивали на сбивающихся с ног конюхов, подводящих им коней, взлетали в сёдла и уносились прочь. По их решительным лицам и зычным голосам можно было понять, что они торопятся к своим отрядам с конкретными приказами.

Наконец, во дворе появился и принц Жоан, который вышел вместе с бароном Делвин-Элидиром. Заметив Карнача, он двинулся к нему:

— Мы выступаем, капитан. К рассвету армия должна занять свои позиции, так что поднимайте своих людей.

— Что с поединком, ваше высочество? — уточнил Карнач, встретив непроницаемый взгляд Делвин-Элидира.

— Всё в силе, — с энтузиазмом кивнул Жоан. — Поединок состоится вскоре после рассвета. Погода нам благоприятствует. Сразу после него, если конечно альдор не признает себя побеждённым, что вряд ли, мы вступим в бой.

— Известно имя поединщика от алкорцев?

— Да, но о нём никто из нас ничего не знает. Наверно он не так часто участвовал в турнирах, что добавляет шансов нашему герою, — улыбнулся принц. — Я плохо запоминаю алкорские имена, кажется, его зовут... — он вопросительно взглянул на барона, — Светозар, не так ли, ваша светлость?

— Именно так, мой принц, — кивнул тот, слегка нахмурившись. Барон сразу почувствовал, как напрягся капитан гвардейцев. — Вам знакомо это имя?

— Да, знакомо, — кивнул тот, постаравшись скрыть свою тревогу. — Это хороший боец. Мы можем поговорить с кавалером Булатовым, ваше высочество? — спросил он у Жоана.

— Конечно! — рассмеялся тот. — Он же не под арестом!

В это время ему и барону подвели коней и они покинули двор, в то время как за их спинами уже скопилась новая группа командиров, спешащих вернуться в расположение своих отрядов.

Карнач вошел в хлев и быстро растолкал своих товарищей, по ходу сообщая им новость.

— Это плохо или хорошо? — хрипло спросонья спросил Аль-Сафар.

— Хорошо! — ответил Игнат, но одновременно с ним Стаховски категорично заявил:

— Плохо!

— Почему? — уточнил Белов с недоумением. — Нет, я слышал, что Донцов на ристалище сильнее Булатова, но он же наш!

— Пойдём, поговорим с Юрой, — пресёк их спор Карнач. — Там всё и обсудим.

Булатов не спал. Он стоял у невысокого забора и наблюдал, как мимо проносятся всадники в разукрашенных доспехах, за их спинами тревожно реяли стяги походных плащей. Принц уже вернулся и, сообщив о скором выступлении, поднялся к себе, чтоб рассказать подробности своим друзьям. Он не задержался ни на минуту, и у Булатова не было возможности расспросить его о будущем поединке. Как назло и барон Делвин-Элидир, приехавший с принцем, спешил и тут же умчался прочь. Юрий остался один на один со своими тревогами, если конечно не считать стоявших чуть поодаль двух крепких мужчин в кожаной одежде. Один слева, другой справа, они зорко смотрели по сторонам, держа руки на рукоятках длинных кинжалов, спрятанных под тёмными накидками. Соглядатаи барона де Грамона ни на минуту не выпускали его из поля зрения, и порой ему казалось, что они не столько охраняют его, сколько озабочены тем, чтоб он не сбежал.

Появление друзей он воспринял с облегчением, однако, заметив мрачное выражение на лицах Карнача и Стаховски, внутренне напрягся.

— Ну? — нетерпеливо спросил он, когда они вошли во двор и встали рядом.

Шпики проводили их профессионально подозрительными взглядами, после чего снова стали осматривать окрестности в поисках потенциальной опасности.

— Поединок на рассвете, — сообщил Карнач. — Твой противник — Донцов. Что ты об этом думаешь?

— Донцов? — Юрий озабоченно почесал затылок. — Это плохо. Мне его не победить.

— А если без лирики? Учitando, что это будет поединок до смертельного исхода?

Булатов с недоумением посмотрел на капитана, а потом перевёл взгляд на Стаховски.

— Напоминаю, — проговорил Стэн, — Донцову уже приходилось убивать. На Гимеле я сам чудом остался жив, если ты помнишь.

— Вы о чём? — нахмурился Игнат.

— Погоди, — остановил его Карнач. — Ты считаешь, что Донцов может убить Юру в этом поединке?

— Пытался же он убить меня, когда хотел занять моё место при Белом Жреце, — пожал плечами Стэн. — Пусть он действовал тогда из лучших побуждений, но факт остаётся фактом. Он меня сдал и чуть не раскроил мне череп прикладом лучемёта, после чего приказал выбросить в пустыне в нескольких десятках метров от звездолёта. Если б не док, мы бы с вами сейчас не разговаривали.

— А что это за лучшие побуждения? — подозрительно уточнил Аль-Сафар.

— Он был связан с подпольной организацией сопротивления, а я — нет.

— Я всегда замечал, что он чётко определяет приоритеты, — скептически заметил Валуев. — Но ради чего ему сейчас убивать Юру?

— Ради победы луара над захватчиками, — пожал плечами Стаховски. — И чтоб спасти свою жизнь.

— Так, подождите, можно мне сказать? — спросил Булатов, подняв руку. — Для начала, здесь не Гимел. Не думаю, что грохнув меня, он прямо-таки спасёт от агрессора луар. К тому же если он причинит мне вред, домой он вернуться уже не сможет, а у него там семья. Да и вообще я не верю, что он может меня убить!

— После возвращения с Гимела его списали с волчьим билетом, — напомнил Стаховски. — Северова взяла его на свой страх и риск.

— Как и тебя, кстати, — напомнил Москаленко. — Я что-то не припомню, чтоб Дарья Ивановна совершала критические ошибки в своей кадровой политике. И не думаю, что Донцов будет биться насмерть с Булатовым. Они уже сколько раз бились? И что? Пара сломанных рёбер и сотрясение мозга? Не смертельно.

— Сейчас другой случай, Игнаша, — поморщился Карнач. — Это поединок перед боем двух армий, который собираются залить всё вокруг кровью. Считаю, оба поединщика — сакральные жертвы. Один должен убить другого, и Донцов это знает.

— Я тоже знаю, — вздохнул Булатов. — Но убивать его не собираюсь.

— А если он тебя убьёт? — хмуро спросил Стаховски.

Юрий подумал и пожал плечами.

— Значит, убьёт.

— Значит, так и порешим, — кивнул Карнач.

— Ты серьёзно? — нахмурился Валуев.

— А что, не видно? Вы чего хотите, чтоб Юрка убил Донцова? Он не сможет этого сделать ни технически, ни физически. Вопрос, как помешать Донцову убить его. Хотя мне тоже не верится, что он на это пойдёт. Предложения?

— Всё те же, — пожал плечами Аль-Сафар. — Бежать.

— Ага, — кивнул Булатов и указал взглядом на шпиков. — Я под надёжной охраной. Слышите рожок? Поднимают войско к выступлению. Втихаря отсюда нипочём не смыться. Что остаётся?

— Ты беги, а мы их задержим, — предложил Белов.

— Очень смешно, — кивнул Булатов. — Во-первых, мы в центре расположения армии, далеко я всё равно не уйду. А, во-вторых, если вы будете их задерживать, задержат вас, и будем мы все дружно висеть на одном дереве.

— Логично, — согласился Карнач. — Я вот думаю, что если этот поединок закончится так, что никто не погибнет?

— Тогда его лучше вообще не начинать, — покачал головой Булатов. — Мы должны будем биться до тех пор, пока один не умрёт, понимаешь? Если один будет ранен, второй без вариантов должен его добить. Мне принц всё популярно разъяснил.

— А если не добьёт?

— Другие добьют, — проворчал Валуев. — Да и проявившего милосердие по головке не погладят. Ричард уж точно это так не оставит. Заметили, что он давно никого не казнил? Вот и ходит злой, как чёрт. Что делать-то будем?

— А что делать, — проговорил Булатов. — Я буду биться с Донцовым, но не стану пытаться его убить, вот и всё. И будь, что будет.

— Он тебя проткнёт этим чёртовым копьём, — заметил Стаховски. — Ты уж мне поверь. Он в армии альдора, и ты для него — солдат вражеской армии, которая идёт, чтоб захватить луар, разграбить город и перебить мирное население.

— Думаешь, он себя таким Пересветом сейчас чувствует? — задумчиво спросил Москаленко.

— А у него нет для этого причин?

— Я не знаю, — мотнул головой Игнат. — Мы, и правда, не на той стороне на сей раз.

— И это только начало, — заметил Валуев. — Что будем делать, когда битва начнётся?

— Может, смоемся под шумок? — с надеждой спросил Аль-Сафар.

Карнач скептически посмотрел на него и пожал плечами. Сзади послышались весёлые голоса. Принц с друзьями спускались вниз, а конюхи уже седлали их коней. Заметив гвардейцев, Жоан подошёл к ним и обнял Булатова за плечи.

— Поедете с нами, кавалер. Мой оруженосец поможет вам подготовиться к поединку. А вы, господа, — он перевёл взгляд на гвардейцев, — отправляйтесь к отцу. Ваш долг — защищать короля. Я буду просить его, чтоб он дал вам возможность во время поединка быть в первых рядах, чтоб вы могли поддержать вашего друга. Я уверен, что мы победим в этом сражении.

— Но луар хорошо укреплён, и у алкорцев на данный момент больше войско, — заметил Игнат, бросив на принца недовольный взгляд.

— Против любой силы можно применить хитрость, мой друг, — рассмеялся Жоан. — Или вы сомневаетесь в нашей победе?

— Напротив, — незаметно подтолкнув Игната локтем, произнёс Карнач, — мы как раз обсуждали с кавалером Булатовым тактику, которая поможет ему выиграть поединок.

— И что же это за тактика? — заинтересовался Дезире Вайолет, натягивая перчатки.

— Целить копьём в шлем, а лучше всего в прорезь для глаз, — ответил Булатов.

— Для этого нужна редкая меткость и твёрдая рука, — заметил Дезире. — Впрочем, у вас, кавалер, всё это есть. Так что пусть ваша победа предзнаменует наш общий триумф.

Карнач задумчиво смотрел на молодых рыцарей, которые явно предвкушали хорошую сечу, может, потому, что пока ещё не знали, что это такое. Он посмотрел на Булатова, не зная, что ещё ему сказать, и Юрий, поймав его взгляд, кивнул.

В это время послышался чей-то крик в отдалении, и Карнач заметил бегущего к ним гвардейца, который махал ему рукой.

— Похоже, отец желает видеть вас, капитан, — заметил принц и чуть склонил голову. — Не смею вас задерживать.

Карнач поклонился ему и остальным рыцарям и пошёл навстречу гонцу. За ним по очереди хлопнув Булатова по плечу, пошли и остальные. Юрий какое-то время смотрел им

вслед, а потом вытаскил из-за пояса перчатки. Рядом уже стоял молодой конюх, держа под уздцы крепкого рыжего коня в красивой стёганой попоне с гербами принца на боках.

— Этот конь больше подходит для рыцарского поединка, — улыбнулся ему Жоан, опережая слова благодарности, и Булатову оставалось только согласиться с этим.

Остаток ночи ушёл на то, чтоб оба войска заняли свои позиции перед сражением. В предрассветных синих сумерках по обе стороны широкого луга можно было видеть растекающиеся вереницы огней, слышать крики командиров, звуки сигнальных рожков и топот множества копыт, перекрываемый звоном лат.

Когда утро, наконец, наступило и небо над полем битвы постепенно начало наливаться прозрачным жемчужным светом, стало видно, что обе армии выстроились одна против другой боевым порядком.

Король Ричард со своим штабом задержался на холме, чтоб осмотреть сложившуюся диспозицию, и она на какой-то момент повергла его в изумление. Он ожидал, что алкорцы решат в полной мере использовать защитный потенциал своей новой системы фортификаций, заняв выгодную для них глухую оборону. Однако при одном взгляде на армию алкорцев было ясно, что они намерены сражаться в поле. Их конные рыцари выстроились перед линией защитных сооружений в длинный тройной ряд. При этом тяжеловооруженные кавалеристы стояли бок о бок с конными лучниками, вооружёнными арбалетами с длинным ложем и большими тяжёлыми луками. За линией кавалерии виднелись колонны пеших копейщиков, а в арьергарде ближе к воротам стояла ещё одна колонна конных рыцарей.

— Что это значит? — спросил король, обернувшись к де Сансеру, задумчиво изучавшему открывшуюся перед ним картину.

— Беренгар всё же решил использовать преимущества своей конницы на равнине, — пояснил седой барон. — Он даёт нам возможность сразиться с его рыцарями в открытом поле. Судя по всему, для начала сражения он выбрал обычную в таких случаях тактику, но при случае его войско в любой момент сможет отступить за укрепления под прикрытием стрелков.

— То есть он готов нам дать бой без всяких хитростей и ухищрений, — усмехнулся Ричард. — Что ж, это мне по нраву! Что с нашим планом?

— Мы его изменим, но не сильно. Часть фланговых частей мы стянем обратно к нашим позициям, а часть оставим в резерве, который сможем использовать в зависимости от обстоятельств: для развития успеха в случае удачного наступления, для поддержки основного удара с флангов, если нам удастся прорваться к воротам, или для прикрытия, если придётся отступить.

— Я не собираюсь отступать! — с ожесточением заявил Ричард. Он окинул взглядом длинный строй вражеского войска. — Мы будем биться до победы. Судя по всему, сейчас они не намерены вводить в бой резервы, и готовое к бою войско не превышает по численности наше.

— Поле не велико, ваше величество. Им проще подтянуть резервы из города. К тому же отсюда видно, что Беренгар поставил в арьергарде мощное ядро тяжёлой кавалерии. Предполагаю, что копейщики позади передней линии должны поддержать рыцарей, которые пойдут первой волной. Второй волной в наши позиции вклинится это самое ядро, а третья возможно уже готовится к выступлению за стенами города.

— Почему нам не действовать по сложившемуся плану, барон? — задумчиво спросил Ричард. — Почему неожиданно не ударить с флангов, внеся панику в их ряды и не попытаться пробиться к воротам с двух сторон?

— Мы исходили из того, что фронтальный удар разовьёт успех фланговых, но не учли, что против него будет выставлена основная ударная часть кавалерии. К тому же у ворот сейчас сосредоточена очень сильная группировка. В случае удара с флангов эти рыцари спешатся и, прикрываясь рядами копейщиков, атакуют нашу лёгкую кавалерию. Я бы так и поступил на месте Беренгара. У ворот завяжется бой, но наш авангард не сможет пробиться на помощь, в то время как алкорцы введут в бой резервы, ожидающие в первом оборонном кольце.

Король какое-то время обозревал зелёный луг и ровные ряды своих и чужих всадников, застывших по его сторонам. Утренний ветер развеивал боевые стяги и штандарты. И эта картина, несмотря на то, что ему снова приходилось менять план сражения, ещё недавно казавшийся удачным, вселяла в его душу приятное возбуждение. Открытый бой на поле, когда две армии сходятся лоб в лоб, когда всё решает мастерство и воля к победе, — это он считал своей стихией, полагая, что нет в этом мире более сильного и отважного воина, способного вести за собой своих рыцарей, чем он.

— Что ж, барон, — кивнул он, наконец, — враг не всегда играет по нашим правилам, но в том и состоит гениальность истинного полководца, чтоб менять свои планы в зависимости от сложившихся обстоятельств. Я предлагаю поставить в центр атаки отряд Дэвре, правым и левым крылом пустить отряды де Морена, Ренара-Амоди и Вайолета. Лёгкую кавалерию мы пустим второй волной. Их будут поддерживать конные лучники.

— Да, это хорошая тактика, — согласился де Сансер. — Однако нам нужно поторопиться, чтоб известить командиров об изменившихся задачах.

— Вы правы, — кивнул король и, поддав коню золотыми шпорами, поскакал вниз по склону.

Донцов тем временем находился в белом шатре посреди лагеря, разбитого алкорцами под стенами города. Адриан Адальбер в очередной раз проверял туго ли затянуты ремни, которые крепили его латы. И так было ясно, что с амуницией у него всё в порядке, но ему нужно было отвлечься от тревожных мыслей, которые в полной мере разделяли и находившиеся здесь же Коррадо и Кроу.

— Всё в порядке, — наконец произнёс Энцо, подавая ему тогу, сшитую из плотного голубого сукна с нашитым на спине серебряным грифоном.

— Перестаньте дёргаться, — проговорил Донцов. — Всё будет нормально.

— Каким образом? — нервно спросил Энцо. — Ты уже придумал, что будешь делать?

— Нет, тут и придумывать нечего. Буду имитировать атаку и посмотрю, что станет делать Булатов. Дальше — по обстоятельствам.

— Гениально, — мрачно прокомментировал Адальбер.

— Хватит уже об этом, — поморщился Донцов. — Понятно, что ситуация пиковая, но сидеть сложа руки тоже не получится, а потому...

— Пора! — раздалось от порога и в шатёр, приподняв полог, заглянул Элот. — Энфер хочет поговорить с тобой, Светозар. Он будет наблюдать за поединком сверху, с той вышки, что выстроили прошлой ночью. Оттуда всё поле, как на ладони.

— Хоть какой-то от этого прок, — проворчал Кроу.

Ликар в золочёных латах в окружении своих рыцарей ждал его на краю лагеря. За его спиной ржали кони и стояли сверкающей стеной рыцари, формирующие арьергард. С удовольствием осмотрев его высокую ладную фигуру, облачённую в мастерски сделанные доспехи, энфер положил руки, закованные в железные перчатки, на его плечи и, глядя в глаза произнёс несколько напутственных слов. Донцов заверил его в своей готовности защитить честь луара, после чего энфер развернулся и направился к дощатой вышке, возвышавшейся у городской стены.

До передней линии Донцов прошёл пешком. Его коня вели под уздцы пажи альдора. Рыцари, стоявшие боевым порядком, приветствовали его, стуча рукоятками мечей по щитам, а потом он оказался на небольшой, огороженной площадке, где стоял альдор в боевых, украшенных серебристыми узорами латах. Его шлем, увенчанный золотой короной, держал стоявший рядом оруженосец. Контаррен и его приближённые рыцари были тут же. Донцов, как ему и было указано раньше, опустился перед правителем на одно колено и тот простёр руку в благословляющем жесте. Опустив голову, Александр слушал возвышенную речь альдора и как-то отстранённо думал о том, что не сможет оправдать его ожиданий, да и пытаться не будет. Ощущение тупика вызывало у него неприятную апатию, но все его попытки что-то придумать, так и не увенчались успехом. В конце концов, он решил принять те условия игры, которые предложит ему Булатов.

Юрий в это время рассеянно слушал, что говорит ему Жоан. Принц смотрел на своего наставника с некоторой завистью, и его речь была похожа на пересказ героической баллады, а потому не имела практической ценности для Булатова. Никаких идей насчёт того, как он будет выпутываться из этой ситуации, у него не было. Ему казалось, что он стоит на обрыве над бездной, куда должен прыгнуть, и готов был просто зажмуриться и шагнуть вперёд. В который раз он подумал, что если б против него выставили не Донцова, а кого-то другого, всё было бы проще.

— Вы готовы, кавалер? — услышал он рядом голос Бертрана Нуаре. — Алкорские трубы уже известили о готовности их бойца.

— Я готов, — кивнул Юрий, расправив плечи и повернувшись к рыжему коню, который, поддавшись общему радостному возбуждению, тряс длинной шёлковой гривой и нетерпеливо пританцовывал на месте.

Сев в седло, Булатов проехал мимо рыцарей к передней линии выстроившегося войска, где разместилась свита короля. Ричард в золотых доспехах одобрительно кивнул ему. Оруженосцы принесли шлем и оружие. Надев шлем, Булатов опустил забрало и взял в руки копьё и овальный, окованный бронзой щит. Тут же совсем рядом затрубил герольд, и Юрий развернул коня в сторону вражеского войска. Сквозь щель в забрале он увидел, как от рядов конных рыцарей отделился один и двинулся ему навстречу.

Два рыцаря шагом ехали к середине поля, и вскоре остановились друг против друга в сотне метров, пристально глядя на противника сквозь узкие прорези шлемов. Казалось, они испытывают и оценивают друг друга, но на самом деле оба находились в некотором замешательстве. Донцову хотелось снять шлем и просто подъехать к Булатову и заговорить с ним, а тот чувствовал, что смертоносное копьё жжёт ему руку сквозь латную перчатку, и вся эта ситуация казалась до безумия нелепой. Так они стояли молча, и за их спинами по рядам рыцарей уже пробежал недоумённый ропот, когда на поле вдруг появились ещё два всадника.

Они рука об руку скакали вдоль выстроившихся в боевой порядок армий с непокрытыми

головами, и ветер развивал их плащи: белый из слегка потемневшего изодранного шёлка и обычный походный из плотного сукна. Заметив их, оба поединщика развернулись навстречу, а те двое остановились перед ними.

Один из них скомандовал что-то зычным голосом на незнакомом для большинства слышавших его языке, но те, кому была адресована эта повелительная речь, всё прекрасно поняли.

— Внимание! — крикнул Хок, оказавшись между позициями двух армий. — Офицерам поисково-спасательной баркентины «Пилигрим» приказываю немедленно возвратится в место расположения звездолёта. В случае неповиновения ослушавшиеся будут немедленно отчислены из экипажа и космофлота Земли без права восстановления!

Сопровождавший его Ноттингем тут же повторил приказ, адресуя его офицерам «Паладина», после чего оба они развернулись и поскакали на юг, словно их вовсе не заботило, какотреагируют на их слова подчинённые. Впрочем, этого было достаточно, чтоб Донцов и Булатов, наконец, увидели единственно возможный выход из сложившейся ситуации. Донцов первый отбросил в стороны копье и щит и, пришпорив коня, направил его галопом вслед за старпомом. За ним устремился Булатов, а после из рядов рыцарей с обеих сторон поля выехали офицеры звездолётов и поспешили за своими товарищами.

Это было так странно и неожиданно, что в первый момент никто не понял, что происходит, а когда до рыцарей, наконец, дошло, что оба поединщика попросту дезертировали на глазах у всех, было уже поздно. Плащи удаляющихся всадников реяли где-то далеко на краю луга возле самого начала дороги, которая, плавно петляя, поднималась на холм и скрывалась в лесу.

— Догнать их! — прорычал Элот, собираясь пуститься в погоню.

— Назад! — раздражённо крикнул альдор, и закованный в броню великан, как хорошо выдрессированный бульдог, тут же подчинился, натянув поводья, и его конь заржал, невольно пятясь назад. — Любое действие с нашей стороны сейчас может быть истолковано, как начало атаки, — он обернулся к Беренгару. — Что вы об этом думаете, контаррен?

Тот неопределённо пожал плечами, глядя вслед беглецам.

— Мне показалось, что все эти рыцари, и наши, и Сен-Марко получили чёткий приказ и предпочли исполнить его. Мы можем догнать их и наказать за измену, но так ли это важно сейчас? — он перевёл взгляд на вражеское войско. — Бегство четырёх рыцарей ничего не значит в сложившемся раскладе. Нам нужно проявить мудрость и самообладание, не дав королю Ричарду повода для очередной провокации.

— Я тоже так думаю, — рассудительно согласился альдор и взглянул на Элота. — Позовите энфера. Если король Сен-Марко пожелает начать сражение без поединка, не станем возражать. В конце концов, поединок был нам нужен, чтоб потянуть время, и эта цель достигнута.

— Но дезертиры... — начал Элот возмущенно.

— Мы разберёмся с этим после боя, — остановил его альдор, и тот покорно кивнул и поскакал к воротам, чтоб передать приказ правителя энферу.

Пожалуй, единственным во всём войске Сен-Марко, кто понял, что происходит, был барон Делвин-Элидир. Он прекрасно чувствовал смятение землян, которым не нравилась идея со смертельным поединком, к тому же нетрудно было понять по реакции Карнача, что поединщиком со стороны луара оказался один из членов их загадочного ордена. Он не

вмешивался, предоставив капитану гвардейцев самостоятельно выпутываться из этой сложной ситуации. У него своих проблем было достаточно. Однако внезапное появление на поле боя двух конных рыцарей заставило его чуть заметно усмехнуться. Он узнал командора де Мариньи и догадался, что последует дальше. И он не ошибся. Он не понял ни слова из того, что прокричал командор, но догадаться было несложно.

Потому он не удивился, когда не только Булатов, но и его противник тут же развернули коней и последовали за своим командиром. А потом, повинуясь короткому приказу Карнача, с места сорвались и его гвардейцы. Айолин провожал их взглядом, размышляя о том, увидится ли он с ними когда-нибудь вновь. Впрочем, с тех самых пор, как он встретился с леди Дарьей, он знал, что эти странные люди попали сюда случайно и рано или поздно уйдут обратно в свой мир. Куда больше его беспокоила судьба Марка де Сегюра, и он, проводив их взглядом, перевёл взгляд туда, откуда раздался полный ярости голос короля.

— Проклятье! Догнать их! — кричал Ричард, потрясая в воздухе кулаками. — Убить всех! Лучники!

— Если мы направим вдогонку отряд или выпустим хоть одну стрелу, это будет началом военных действий, — обеспокоенно напомнил Вайолет. — Армия луара стоит боевым порядком, а нам ещё нужно перегруппироваться. К тому же наш арьергард...

— Заткнитесь, маркиз! — оборвал его король. — Нужно срочно выставить на ристалище другого рыцаря! — он начал озираться по сторонам. — Кто у нас лучший? Делвин-Элидир? — он обернулся к Айолину и увидел его руку, висящую на перевязи. — Аллар? Де Сегюр?

— Аллар ведёт пехоту, — напомнил де Бове. — Де Сегюр ещё не вернулся из разведки. К тому же мы не можем прямо сейчас выставить нового участника поединка перед сражением. По правилам мы должны снова назначить встречу и назвать имя поединщика противнику, а они должны назвать своего.

— Это было бы нам на руку, — кивнул де Сансер. — Мы успели бы подтянуть часть фланговых отрядов и перегруппировать войска с учётом сложившейся диспозиции.

— На переговоры уйдёт большая часть светлого времени, — заметил Айолин. — Мы потеряем сутки. Может, предложить им отказаться от поединка? В конце концов, их рыцарь тоже сбежал.

— У них ещё достаточно тех, кто может сражаться, — возразил Леонард Дэвре. — Ваше величество, прошу вас выставить на поединок меня.

— Они всё равно могут потребовать время для выбора своего поединщика, — пожал плечами Делвин-Элидир. — Нам придётся отвести армию с позиций, вернуть часть в лагерь, чтоб накормить. Мы не можем сутками сидеть в сёдлах, ожидая, когда они выберут подходящего бойца!

— Проклятие! — воскликнул Ричард, мрачно взглянув на него. — Мы готовы к бою! Сейчас боевой настрой нашей армии на должном уровне, и любое промедление только ухудшит ситуацию! Мы не должны давать им отсрочки! Слышите? Мы начнём бой без дополнительных переговоров! Перемирие окончено! Началась война! И плевать на старые хартии!

— Если только... — задумчиво проговорил Айолин. — Впрочем, нет, это рискованно. Ваше величество прав. Я думаю, что можно использовать момент их замешательства и начать бой внезапно, без дополнительных церемоний! Мы начнём без объявления начала сражения.

— Но мы должны хотя бы отказаться от проведения поединка! — воскликнул де Бове, возмущённо взглянув на барона.

— Они могут не согласиться с этим и на полном основании потребовать время на поиск нового поединщика, — парировал Айолин.

— Подождите, Делвин-Элидир, о чём это вы только что говорили? — остановил его король. — Что рискованно?

— Глупая идея, мой король, — смущённо произнёс молодой барон. — Это всё мои юношеские увлечения старыми хартиями, списки которых отец когда-то привёз из луара. Мне подумалось, что мы могли бы заставить их провести поединок без согласования участников, но в данном случае этот вариант неприемлем. Нужно либо нападать сейчас, либо снова вступать в переговоры.

— Барон, я спросил вас, что вы имели в виду, — теряя терпение, воскликнул король. — Как мы можем заставить их провести поединок без проволочек?

— Изначально поединок перед боем придумали алкорцы, они называли его королевским, потому что бились между собой короли или воины королевской крови. Со временем правители начали по согласованию выставлять на поединок других рыцарей и уже этот обычай переняли ваши благородные предки.

— То есть, если я вызову альдора, он обязан будет согласиться на бой? — прищурился Ричард.

— Вряд ли он сможет биться сам, он слишком стар, но ему придётся выставить вместо себя кого-то из сыновей. Однако отказаться он не сможет, это обычай луара, а алкорцы весьма щепитильны, когда дело касается их традиций. Альдор сам потребовал проведения поединка и уже не может идти на попятную без ущерба для рыцарской чести. И всё же, ваше величество, я прошу вас не рисковать собой, потому что долг короля вести армию в сражение, а не устраивать турнир, подставляя грудь под вражеское копьё.

— А вот это уже позвольте решать мне! — раздражённо произнёс Ричард и посмотрел в сторону луара.

— Альдор стар, — заметил де Сансер, — и не сможет скрестить с вами копьё.

— Второй принц Лорант — совсем мальчик, — добавил Вайолет, скорее всего намекая, что вызывать на бой ребёнка недостойно рыцаря, но прямо сказать так он не посмел.

На лице короля появилась чуть заметная холодная усмешка, когда он смотрел туда, где за зелёной равниной луга стояли ровные ряды алкорских рыцарей.

— Подайте мне шлем и боевое копьё! — приказал он.

— Отец! — воскликнул Жоан, кинувшись к нему. — Позвольте мне вызвать альдора на поединок! Если будет биться Лорант, то принцу уместнее сражаться с принцем!

— Позволить тебе? — свирепо взглянул на него король. — Ты, жалкий неудачник, ещё осмеливаешься являться мне на глаза, после того как выставленный тобой на поединок рыцарь дезертировал с поля боя на глазах у всех? Ты ничтожество, Жоан, и мягкотелый трус! Ты не посмеешь убить старика альдора или его мальчишку-сына! Твоё увлечение рыцарскими романами превратило тебя из солдата в трубадура и твоё место среди дам и шутов! Уйди прочь и не путайся у меня под ногами. Я всё сделаю сам! И разом решу всё!

Побледневший принц всё же хотел возразить, но стремительно шагнувший к нему барон Делвин-Элидир положил ладонь ему на плечо и произнёс:

— Не спорьте с королём, мой принц!

Жоан отступил и потупился, а Ричард уже направлялся к своему коню. Он сел в седло и

водрузил на голову увенчанный короной шлем. Оруженосцы принесли ему боевое копьё и щит. Развернув коня, он помчался через луг туда, где в окружении своих приближённых стоял старый альдор.

Остановившись в нескольких десятках шагов, он прокричал:

— По древнему обычаю я, Ричард, король Сен-Марко вызываю на поединок перед битвой альдора Синего Грифона! Выйди и сразись со мной!

— Он убьёт старика, — проговорил де Сансер, подойдя к Айолину и принцу. — Тот ведь не может отказать ему?

— Может, — возразил Айолин, — и откажет.

— Что, будет лучше, если он убьёт Лоранта? — мрачно спросил Жоан.

— Я думаю, у юного принца ещё будет время возмужать, — ответил Айолин. — Уверю тебя, наш славный король найдёт себе достойного противника, победа над которым принесёт ему славу.

— О чём вы, барон? — нахмурился Жоан, а потом посмотрел на своего отца, который гарцевал перед рядами алкорских рыцарей на своём могучем коне.

А затем эти ряды расступились, и вперёд выехал высокий широкоплечий рыцарь в золочёных доспехах, который ни ростом, ни статью не уступал королю Сен-Марко.

— Ты будешь биться со мной, король Ричард! — крикнул он так громко, что его голос докатился до противоположного конца луга. — Немного чести вызывать на бой старого льва. Попробуй сразиться с молодым. Я, энфер Синего Грифона Ликар Мэйл Арбунос принимаю твой вызов!

Похоже, король Ричард даже не думал о вероятности такого развития событий, но это не столько обескуражило, сколько разозлило его.

— Старый, молодой, всё равно сегодня львиная шкура будет на моих плечах! — заявил он, отъезжая назад.

Он развернул коня влево, в то время как его противник, получив от оруженосцев копьё и щит, поскакал в другую сторону. Разъехавшись, они встали друг против друга, подняв копья и прикрыв грудь щитами. Затем оба всадника сорвались с места и стремительно помчались навстречу друг другу. Уже через несколько мгновений они столкнулись посреди луга. Послышался треск сломанных копий. Одно из них сломалось о щит энфера, но он невредимым промчался дальше. А король Ричард на полном скаку откинулся назад и вскоре упал на землю.

— Коня! — крикнул Делвин-Элидир и запрыгнул в седло.

— Я поеду с вами! — проговорил принц и тот, взглянув ему в глаза, кивнул.

Тем временем несколько оруженосцев подхватили копья и побежали к лежащему на траве королю. Барон и принц опередили их и, подъехав, спешили. Айолин опустил на колени и склонился над телом Ричарда. Он снял с него шлем и увидел короткий обломок копья, застрявший в глубокой ране на шее под челюстью. Копьё энфера скользнуло под край шлема выше кольчужного воротника. Остриё вонзилось так глубоко, что едва не сорвало с плеч голову, но обломилось и, пройдя к затылку, вышло наружу.

— Он был так уверен в лёгкой победе, что позабыл надеть кольчужный капюшон, — заметил Айолин. — Хотя, при таком ударе боевым копьём это вряд ли спасло бы ему жизнь.

— Он мёртв, — потрясённо проговорил принц, стоя над телом отца.

Тем временем к ним подбежали оруженосцы, а следом уже скакали приближённые короля, которые скоро плотным кольцом окружили его тело. Барон де Сансер осторожно

снял с шлема корону и провозгласил:

— Король Ричард мёртв, — после чего опустился перед Жоаном на одно колено и, низко склонив голову, протянул корону ему.

Увидев это, все, кто окружал их, последовали его примеру, склонившись перед новым королём. А затем и стоявшие в боевом строю рыцари, спешившись, преклонили колени. Эта волна катилась всё дальше, а барон Делвин-Элидир поднял голову и, взглянув на Жоана, произнёс:

— Теперь наши жизни в ваших руках, ваше величество.

Жоан глубоко вдохнул, выпрямился и, взяв из рук де Сансера корону, возложил её на свою голову, после чего подошёл к коню и обернулся к своему другу.

— Поедемте со мной, барон!

Они выехали из кольца рыцарей, когда оруженосцы уже соорудили из копий и мечей носилки и накрыли их плащом, чтоб перенести тело Ричарда в стан Сен-Марко. Энфер оставался поблизости и по реакции воинов понял, что король мёртв. Сочтя свой долг выполненным, он поскакал к своему войску, но вскоре услышал позади конский топот и развернулся. Увидев перед собой принца в королевской короне, он чуть заметно кивнул в знак приветствия и выпрямился, уперев руку в латной перчатке в бок.

— Благородный энфер, — произнёс Жоан, — вы честно победили моего отца в поединке, и я признаю победу в этом сражении за луаром Синего Грифона. Я увожу из-под стен вашего города свою армию. Мне нужно будет похоронить моего отца и пройти обряд коронации. После этого я направлю в Магдебург своё посольство и прошу вашего отца великого альдора Синего Грифона сделать то же.

— Зачем нам это, если мы победили? — нахмурился энфер.

— Чтоб обсудить условия мирного договора между нашими государствами, — ответил Жоан. — Мне кажется, что вы, как и я, оценили то благотворное действие, которое оказали на наши земли семь лет мира, подаренные нам вашим отцом альдором и моим кузеном королём Арманом. Я же предлагаю не продлить перемирие, а заключить добрый мир без всяких сроков.

— Я передам это отцу и уверен, ваше благородное решение не вступать с нами в битву, он примет как предложение мира и добрососедства. Я сам приеду в Магдебург, как только получу от вас известие о готовности вашего посольства.

— Сен-Марко будет представлять маркиз Делвин-Элидир, — Жоан обернулся к Айолину. — Я надеюсь, друг мой, вы примите от меня в знак признательности новый титул и возьмёте на себя эту миссию?

— Я буду счастлив выполнить её во имя процветания наших государств, — кивнул тот.

— Не вы ли семь лет назад были с королём Арманом при заключении перемирия, ваша светлость? — спросил энфер.

— Я сопровождал моего короля в те славные дни, — подтвердил Айолин.

— Я буду рад снова увидеться с вами не на поле боя, а в добром застолье.

Ликар развернул коня, чтоб уехать, но голос Айолина остановил его.

— Благородный энфер, позвольте мне обратиться к вам с просьбой.

— Что угодно, маркиз? — добродушно откликнулся тот.

— Ваше высочество, я знаю, что вашими воинами этой ночью был пленён мой близкий друг барон де Сегюр. Я прошу вас в ознаменование вашей победы проявить милосердие и помиловать его.

Ликар нахмурился.

— Он не просто военнопленный, ваше сиятельство, он изменник. Он принёс клятву верности великому альдору и вероломно нарушил её. Более того, он давал её с намерением нарушить. Нам известно о том, что он занимался шпионажем в пользу Сен-Марко.

— Благородный энфер, Марк де Сегюр такой же солдат, как вы и я, — произнёс Жоан. — Каждый из нас на своём месте отдаёт все силы ради защиты своего королевства. Засылать шпионов во вражеский стан — это общая практика в условиях войны. Ваши вассалы так же исполняют свой долг, не гнушаясь приносить клятвы Сен-Марко и нарушая их. Для нас они изменники, для вас — герои. Но война между нами заканчивается, так и не начавшись. Пусть мой отец останется её первой и единственной жертвой. Я от своего имени прошу вас о милости к барону де Сегюру.

Принц склонил голову, Айолин последовал его примеру. Ликар какое-то время смотрел на них с некоторым смущением. Видимо, столь смиренные просьбы от правителя Сен-Марко и его приближённого были для него нове.

— Ладно, ваше величество, — наконец произнёс он, — если этот день останется в нашей истории, как начало периода мира и процветания наших королевств, я не хочу омрачать его, проливая кровь вашего подданного. Я верну вам де Сегюра в целостности и сохранности до того, как вы уйдёте.

— Благодарю вас, благородный энфер, — улыбнулся Жоан.

Тот кивнул и взглянул на Айолина.

— Что ж, маркиз. Я жду встречи с вами! Нам будет, о чём вспомнить за чашей вина!

И развернувшись, он помчался дальше.

— А я жду встречи со своей прекрасной женой, — пробормотал Айолин и посмотрел на Жоана. — Отличное начало, ваше величество!

— Всего лишь начало, — вздохнул тот. — У нас ещё много дел, помимо церемониальных. К счастью, отец для своей войны собрал всех верных нам людей. Нам предстоит нелёгкая работа. Придётся очистить королевский двор от сброда, вернуть в казну всё, что он раздал своим клевретам, пересмотреть все принятые им законы. Мне понадобится ваша помощь, мой друг.

— Я весь ваш, мой король, и готов присягнуть вам на верность хоть сейчас, — поклонился Айолин.

— Я верю в вашу преданность без всяких присяг. Вы её уже не раз доказали. Едем. Нас ждёт скорбный путь. Мы возвращаемся, проиграв две войны и потеряв короля.

— Но сохранив войско и честь. К тому же мы возвращаемся с новым королём, и я уверен, что вас, ваше величество, будут встречать цветами и песнями.

Марк приподнялся на койке и смотрел на открывающуюся дверь. Ему казалось, что ничто не может удивить его, но всё же удивился, когда в его камеру вошёл не тюремщик и даже не Деллан, а капитан дворцовой стражи золотоволосый Линдар. Когда-то они были приятелями, и Марк менее всего ожидал увидеть его в столь мрачной обстановке. Впрочем, следом появились и тюремщики. Один внёс помятый лагунный таз, в котором стоял глиняный кувшин, а другой — кружку и миску с похлёбкой.

— Мне приказано доставить вас к великому альдору в лагерь за стенами луара, — холодно сверкнув синими глазами, объявил Линдар. — У вас есть время умыться и поесть, но поторопитесь. Я буду ждать вас возле ворот.

— Альдор послал за мной? — озадаченно спросил Марк, наблюдая за тюремщиками, которые поставили то, что принесли, на край койки. — Я полагал, что утром меня ждёт встреча с палачами.

— Это было бы справедливо после того, что вы сделали, — заметил капитан, а потом обернулся к тюремщикам. — Снимите с него ножные кандалы. На руках — оставьте.

Те с готовностью кивнули и зазвенели ключами, чтоб открыть замки на браслетах, а Линдар с гордым видом удалился. Пока надзиратели возились с оковами, а потом Марк смывал с рук и лица засохший слой крови и грязи, он размышлял, что бы это значило. Не собирается ли альдор казнить его публично на глазах своих и чужих воинов, чтоб поднять боевой дух одних и деморализовать других. Однако это было, скорее, в духе Ричарда, и уж в любом случае не вписывалось в правила ведения войны, которых старались придерживаться как в Сен-Марко, так и в луаре.

Наскоро перекусив и запив крепким элем наваристую похлёбку, сваренную явно не на тюремной кухне, он решил, что не имеет смысла гадать о том, что происходит, и, поднявшись, вышел вслед за своими провожатыми. Тюремщики провели его по длинным коридорам подвалов и, когда поднялись наверх, оказалось, что он находится в центральной части дворца альдора. Пройдя мимо сурово поглядывавших на него караульных, он спустился во двор, где его уже ждал Линдар со своими рыцарями. Ему тоже подвели коня и он сел в седло, удивляясь тому, что ему позволяют проехать по улицам города с достоинством, вместо того, чтоб протащить по мостовой за лошадиным хвостом.

Линдар держался холодно и отчуждённо, однако, стоило ему выехать за стены замка, на лице его появилась улыбка, и он принялся махать окружившим его горожанам, а Марку оставалось только с недоумением смотреть по сторонам. Улицы луара, все семь колец были заполнены толпами ликующего народа. Горожане, купцы и ремесленники, крестьяне из окрестных сёл, нашедшие здесь временное пристанище, и солдаты, прибывшие на подмогу из соседних городов, обнимались и горланили песни. На площадях вокруг выставленных на улицу бочек собирались толпы, всем желающим наливали эль и вино. Девицы разбрасывали цветы, и благоухающий дождь обрушился на Марка и его эскорт. Никто в порыве радости не заметил цепей на его руках. Все были слишком счастливы, чтоб обращать внимание на такие мелочи, зато сам вид бравых мужчин в военной одежде, восседающих на высоких лошадях с чеканной сбруей, вызывал у окружающих воодушевление.

— Ради всех богов, Линдар, — взмолился совершенно сбитый с толку Марк, — объясните мне, что происходит?

— Мы выиграли войну, барон де Сегюр, — гордо подбоченившись, сообщил капитан.

— И как вам это удалось? — растеряно спросил Марк.

— Ваш король вызвал на поединок альдора, но вызов принял энфер. Вы же знаете его коронный удар в шею!

— Ричард мёртв? — поражённо воскликнул барон.

— Никто не подсказал ему, что щит нужно держать выше, — рассмеялся Линдар, но потом вдруг подумал, что его шутка неуместна. — Он был великим королём, и пал в честном бою за Сен-Марко. Его сын признал поражение и просит мира.

Марк молчал, глядя по сторонам. Шум на улицах слился для него в глухой гул, лица вокруг расплывались, сливаясь в бледный голубой туман. Ему вдруг подумалось, что он всё ещё спит, и его воображение лишь развивает то, что говорил ему недавно во сне король Арман.

— Вы бледны, барон, — в голосе Линдара, наконец, прозвучало что-то похожее на сострадание. — Я понимаю, что для вас это известие — тяжёлый удар.

— Смерть короля — это большое горе, — произнёс Марк и сам не узнал свой хриплый голос.

Он ничего больше не стал говорить. Опустив голову, он снова вспоминал свой сон и слова Армана о том, что утром всё будет иначе. Так оно и вышло, но как? Мысли в смятении метались в его голове, и он никак не мог поверить, что то, к чему он в тайне так стремился, случилось само собой. И вот Ричард мёртв, Арман отмщён, а корона досталась Жоану.

Он очнулся от своих мыслей, когда тень последних городских ворот осталась позади, и на него обрушился ясный свет наступившего дня. Подняв голову, он смотрел на зелёную равнину под стенами луара и всё ещё стоявшие друг против друга армии, но что-то уже изменилось. Не чувствовалось напряжения, которое витает в воздухе перед боем. А потом он разглядел опущенные знамёна над войском Сен-Марко и чёрное полотнище на древке королевского штандарта.

По ту сторону луга было тихо, но войско луара ликовало, не скрывая своей радости. Его провезли мимо стоявших в ряд лучников, мимо рыцарей, сидевших на траве в стороне от своих свободно пасущихся коней. На него поглядывали без приязни, но и особой ненависти в их взглядах он не заметил.

Потом ему велели спешиться и вывели на широкую площадку, где под парчовым навесом в окружении своей свиты и старших сыновей сидел в походном кресле альдор. На его лице светилась благодушная улыбка, однако, увидев пленника, он нахмурился. Марк, оказавшись перед его лицом, не дожидаясь приказов и толчков, сам опустился на колени и склонил голову.

— Барон де Сегюр, — услышал он голос Ликара, — вы обвиняетесь в том, что при поступлении на службу к альдору дали ложную клятву верности, занимались шпионажем в пользу Сен-Марко и совершили тем самым измену. Признаёте ли вы свою вину?

— Признаю, — произнёс Марк, не видя смысла спорить.

— Как вам известно, измена карается смертью, — продолжал энфер, — а учитывая тяжесть ваших преступлений, вы заслужили ещё более суровое наказание, чем просто смерть. Однако в ознаменование нашей победы над Сен-Марко, а также в надежде на прочный мир между нашими государствами, великий альдор Синего Грифона принял решение удовлетворить просьбу о вашем помиловании, с которой обратились к нему король Жоан и маркиз Делвин-Элидир. Также за вас просил и лорд контаррен. По сему, барон де Сегюр, великий альдор прощает ваши многочисленные преступления и освобождает вас от наказания за них. Вы свободны.

Марк поднял голову и посмотрел на альдора, а потом снова поклонился.

— Я благодарю великого альдора за его милость ко мне.

— Идите, барон, — сухо произнёс тот. — Я надеюсь, что между нашими государствами наступит мир, и мы более не увидим вас в числе наших врагов.

Марк поднялся, и пока с его рук снимали оковы, отыскал в толпе придворных Беренгара. Тот ободряюще улыбнулся ему, Марк благодарно кивнул.

Уже когда он направился в сторону своего войска, путь ему неожиданно заступил Элот.

— Мы ещё увидимся, де Сегюр, — с угрозой прорычал он.

— Непременно, Элот, — усмехнулся Марк. — А о мече я сам позабочусь, — и аккуратно обогнув великана, он вышел на луг, которому в этот день так и не суждено было

стать полем боя.

Он шёл по зелёной траве под голубым небом, прислушиваясь к возбуждённому гудению алкорского лагеря за спиной, туда, где в скорбном молчании стояли всадники Сен-Марко под печально опущенными знамёнами. И всё же он невольно улыбнулся, вспомнив слова Армана из своего сна: «Он умрёт, а ты будешь жить. И не спорь со мной. Что у тебя за дурная привычка спорить с королём?»

— Простите меня за то, что я спорил с вами, мой король, — прошептал он. — Я снова был не прав, а вы — правы.

В то утро всё изменилось. Я проснулась не в холодной полутёмной комнате магического замка, а в своей постели в каюте «Пилигрима». На мне была шёлковая ночная рубашка. И пусть имитационные экраны, заменяющие окна, не работали, а аварийное освещение было немного тусклым, я была дома. Давно забытое ощущение покоя и защищённости было таким приятным, что я какое-то время нежилась под одеялом, а потом встала и, накинув халат, босиком пошла в гостиную, чтоб поставить кофе. Кофеварка не работала, но вечером на кухне каким-то образом отыскалась пузатая медная ёмкость с краником, установленная на витых лапках над спиртовкой. Теперь это чудо гордо возвышалось на барной стойке, всем своим видом показывая, что всё гениальное — просто. Вскоре по каюте распространился изумительный аромат, а я забралась с ногами на диван и долго с наслаждением пила настоящий кофе из крохотной фарфоровой чашечки, потом налила ещё одну, а потом ещё.

В гулкой тишине уснувшего мёртвым сном звездолёта время, казалось, остановилось. Я сидела, прислушиваясь к этому непривычному беззвучию и обдумывая сложившуюся ситуацию. Моё возвращение на «Пилигрим» ошеломило меня внезапным контрастом между тем, что окружало меня ещё недавно, и тем, что я видела и чувствовала теперь. Однако странным и неестественным выглядели не привычные интерьеры звездолёта, а моё недавнее затянувшееся приключение. Замок, рыцари, волшебники и демоны. Это был диковинный, какой-то слишком логичный сон, навеянный любимыми в детстве книгами и фильмами. Теперь казалось, что мне всё это приснилось, но тишина, царившая в отсеках «Пилигрима», напоминала, что я всё ещё нахожусь на той безымянной планете, так коварно захватившей нас в плен, и здесь по-прежнему в пределах досягаемости есть и рыцари, и волшебники, и демоны. Вот только нет больше магического замка, превратившегося в бесформенную кучу валунов на вершине Грозовой горы.

Следовало признать, что я добилась своего, выяснив, что здесь произошло, и даже нашла Азарова, который теперь лежал в медотсеке «Паладина» на высоком столе и не думал просыпаться. Таким образом, наше плачевное положение пока не изменилось, и мы по-прежнему были заточены в этом сказочном мире, не имея понятия, как из него выбраться.

Прошлым вечером я долго стояла рядом с тем столом, ожидая, что Азаров всё-таки откроет глаза. Он был жив, жизнедеятельность его организма полностью восстановилась, он дышал, хоть дыхание и оставалось поверхностным. Пульс ясно прощупывался.

— Что с ним? — спросила я у мужа, который сменил доспехи на мундир госпитальера и вплотную занялся своим пациентом. — Ты можешь привести его в чувство?

— Нет, — ответил он, бросив на Азарова мрачный взгляд. — Я не знаю, что с ним. Он не спит. Его мозг находится в чрезвычайно активном состоянии. Посмотри на его глаза.

Я нагнулась к его лицу и увидела, как стремительно двигаются под веками зрачки.

— Может, ему снится кошмар?

— Нет, состояние мозга не соответствует сну. Это что-то вроде активного транса. Он думает с такой интенсивностью, что ни один нормальный человек не выдержал бы и минуты. Мозг просто отключился бы из-за переутомления. А ему хоть бы что! Впрочем, нормальным его не назовёшь.

— То есть он не очнётся? — насторожилась я.

— Очнётся, когда сочтёт нужным, — пожал плечами Джулиан. — И вмешиваться в его мыслительный процесс я не намерен, потому что не знаю, с чем этот процесс связан.

Он так и остался на ночь на «Паладине», чтоб наблюдать за состоянием Азарова, а я решила всё-таки вернуться на «Пилигрим», по которому соскучилась. Я даже отвергла предложение моих ребят, предоставить мне палатку в их уютном кемпинге. Им было скучно и уныло в бездействующем звездолёте, а для меня мой звездолёт даже в спящем режиме оставался домом, дорогим, любимым и удобным.

Кофе закончился, и я со вздохом поднялась с дивана. Осмотревшись по сторонам, я заметила на кресле кучу тряпья, которое сбросила вчера вечером перед тем, как отправиться в душ. Всё было потрёпанным и довольно грязным, потому надевать эти штаны и камзол у меня желания не возникло. Не было и нужды. Я твёрдо решила для себя, что приключения в дремучем средневековье для меня закончились, и пора возвращаться к нормальной жизни. Потому я вернулась в спальню и достала из шифоньера запечатанный пакет со свежим комплектом формы.

Одевшись, я решила спуститься вниз. Стоило мне открыть дверь каюты, как в неё ворвалось что-то маленькое и пушистое, чудом не сбившее меня с ног. Обернувшись, я увидела, что посреди гостиной, деловито озираясь, стоит Киса. На его голове розовели проплешины, покрытые пухом едва начавшей отрастать шерсти, под которой были заметны свежие шрамы.

— Киса ищет папу, — сообщил он мне после приветственного «Мяв».

— Папа скоро приедет, — пообещала я ему. — Он уехал на задание и скоро вернётся.

— Папа должен был взять Кису с собой, — печально промяукал кот. — Киса совсем немного болел и скоро поправился.

— Пошли завтракать, — проговорила я, не желая поощрять его безрадостное настроение, и направилась туда, где в шахте лифта поблескивала хромированным металлом складная лестница.

Киса вприпрыжку помчался за мной и, стоило мне взяться за поручень, привстал на задние лапки, протягивая мне передние, что значило, что Киса ещё не настолько здоров, чтоб самостоятельно спускаться по холодным скользким ступенькам. На землю под днищем звездолёта я ступила, прижимая кота к груди, и, опустив его на траву, с удовольствием вдохнула густой от лесных ароматов прохладный воздух. Всё-таки, что касается экологической обстановки, этот мир был — само совершенство!

Киса помчался туда, где вокруг походного стола уже расселись на складных стульях члены экипажа. Наш кемпинг был обустроен лучше, чем у соседей, помимо столов и стульев здесь стояли шезлонги, а на крайних деревьях покачивались три гамака. Коллеги из лагеря «Паладина» каждый день приходили к нам за свежим молоком, яйцами и фруктами из неисчерпаемых запасов Бетти, обменивая на них пахнущую пряными травами и тмином чабатту и пластиковые контейнеры с равиоли ручной работы. При этом ребята то и дело ходили друг к другу в гости, устраивая общие застолья. И всё же эта идиллия была иллюзорной, и я сильно сомневалась, что члены обеих экипажей, вернувшись домой, пожелают воспользоваться положенным им после полёта длительным отпуском, потому что наотдыхались они уже до одурения. И по тому, как с неизбывной тоской они поглядывали на звездолёты, было ясно, что им хочется вернуться к работе.

Когда я подошла, мне тут же указали на удобное кресло с подлокотниками, которого здесь ещё вчера не было, а сегодня оно стояло во главе стола. Наверно возвращение

командира создавало у них ощущение чего-то настоящего, близкого к привычной жизни.

Бетти тут же поставила передо мной тарелку с сырниками, изящную розетку с вишнёвым вареньем, а потом сняла с костра сковородку, на которой подрумянивались тосты из чабатты.

— Когда возвращаемся домой? — спросил меня Винд Эрлинг, ему, как и остальным, уже надоел этот летний лагерь.

— Дай командиру поесть! — прикрикнула на него Бетти, и я подумала, что будь у неё в руках половник, она бы щёлкнула им по его лбу.

— Как только, так сразу, — пообещала я слегка легкомысленным тоном, намазывая варенье на тост. — Пока ещё не все собрались.

— Нам достаточно знать, что мы вернёмся, — заметил Ис, осуждающе взглянув на брата. — Мы знаем, что вы делаете всё возможное. Даже Азарова нашли. Он, правда, жив?

— Да, но пока не очнулся.

— Надеюсь, он очнётся и скажет, как запустить движки, — проговорил Лин.

— А можно мне забрать домой единорога? — спросила Илд. — Дакоста говорит, что они тут не водятся и его убьют, чтоб отпилить рог. А на Земле он будет жить в нашем городском парке, окружённый заботой.

— Конечно, можно, — великодушно разрешила я.

— Не отвлекайте! — снова прикрикнула Бетти и поставила рядом с моей тарелкой чашку с кофе.

Но в этот момент в лесу раздался треск веток, и из кустов вылетел большой белый волк. Он закрутился вокруг меня, радостно повизгивая и тыкаясь мне в бок мокрым носом. Не помню, чтоб раньше наш старший стрелок так бурно проявлял свои чувства. Мне захотелось погладить его, но обращаться так со старшим офицером звездолёта казалось недопустимым.

— Здравие желаю, командор! — раздался голос Мангуста, и он вышел на поляну, беззаботно улыбаясь. — Почешите его за ухом, пока он без штанов, иначе, надев форму, он будет в глубине души жалеть, что упустил такую возможность!

Уговаривать меня было не нужно и, развернув кресло, я принялась трепать и гладить волка, который прижимал уши и извивался всем телом, норовя поставить лапы мне на колени. Бетти снесла это стоически, а после того, как волк немного успокоился и лёг рядом, весело поглядывая на меня своими золотистыми глазами, достала из тазика мокрое полотенце, пахнущее жасмином и мятой, тщательно отжала его и подала мне, чтоб я вытерла руки.

После этого я, наконец, окончательно почувствовала себя дома, где меня окружали близкие люди, которые искренне меня любят. И мне снова, в очередной раз, отчаянно захотелось вернуть их домой.

После завтрака я полетела к «Паладину». Теперь, в отсутствие летательных аппаратов мой навык самостоятельного полёта оказался очень полезным. Поздоровавшись с членами экипажа «Паладина», уже приступившими к утренним делам, и вежливо поблагодарив Франческо Гримбальди, жаждавшего повторно накормить меня завтраком, я поднялась на борт звездолёта и, вскарабкавшись по узким лестницам на четвёртый уровень, вошла в медотсек.

Джулиан сидел за столом в углу процедурного кабинета и что-то писал в толстой тетради.

— История болезни? — я наклонилась к нему, чтоб поцеловать, и он привычно

подставил мне губы.

— Это очень хлопотно, записывать всё от руки, — пожаловался он. — Я уже отвык от этого. То ли дело — надиктовал свои соображения в микрофон, а медкибер всё оформит, как нужно.

— Как Азаров? — я выпрямилась и замерла, увидев, что стол пуст.

— Я перевёл его в палату, — ворчливо пояснил Джулиан. — Ему всё равно, где лежать, а у меня скоро появится новый пациент.

— Кто? — насторожилась я.

— Тот инспектор, Ван Джинхэй, помнишь?

— Стрела в спине, — кивнула я.

— Тонни и Елизар доставят его сегодня, они уже близко, я чувствую. И чувствую, что рана начинает воспаляться. Мне понадобится операционная, а потом этот стол. Азарову я помочь ничем не могу. Он практически здоров. А вот с инспектором придётся повозиться.

— Если Азаров не спит, может, мне поговорить с ним? — нерешительно предложила я. — Как думаешь, он услышит?

— Скорее всего, но вот пожелает ли ответить? Впрочем, попробуй. Я пока подготовлю всё к приёму нового пациента.

Я кивнула и отправилась искать ту самую палату. Я нашла её по приоткрытой двери. Обычно эти палаты были настоящей находкой для релаксации, потому что на стенах проецировались стереокартины с природными пейзажами, вентиляционные аппараты насыщали воздух целебными экстрактами, а из невидимых динамиков ненавязчиво доносились звуки природы, соответствующие фону стен. Здесь можно было отдохнуть, пребывая в стойкой иллюзии, что находишься в горах Кавказа, на берегу моря где-нибудь в Ирландии или на Гавайях, или в лесу: тайга, джунгли или берёзовая роща на выбор. Теперь здесь было тихо, немного душно и пусто из-за девственно белых стен.

Азаров лежал на кровати всё так же неподвижно. Я присела рядом на стул и задумчиво посмотрела на него.

— Всё лежишь? — спросила я немного сердито. — Конечно, почему бы тебе и не лежать, когда другие бегают по всему континенту и бьются на мечах? А те, кто остались здесь, сходят с ума от безделья и скучают по семьям. У тебя совесть есть, Азаров? Это ты притащил сюда своих ребят и привёз какого-то сумасшедшего колдуна, который перевернул полконтинента. Да ещё мы влезли в передрагу, пытаюсь найти и спасти вас. Возможно, в этом есть и моя вина, но я слишком буквально понимаю наше призвание искать и спасать. Я не снимаю с себя ответственности, только не могу понять, почему после этого я одна должна отдуваться здесь и расхлёбывать то, что ты заварил? Это магический мир, а я вообще в этом ничего не понимаю. Мне просто нужно вернуть людей домой. Ты же тоже пытался это сделать, но что-то пошло не так. Ты полагаешь, я, слабая женщина, в состоянии справиться с этим в одиночку, в то время как ты, здоровый мужик, к тому же маг высшей категории, будешь тут лежать, пронзая своим сверхразумом время и пространство? Честно говоря, Саша, я была о тебе лучшего мнения. Ребята хотят домой. Тут для них опасно, слишком много соблазнов. Джильда Джиоло уже погибла. Дома без нас растут дети. Твои Серёжа и Поля, кстати, тоже. Думаешь, Алле легко там одной? Что она, бедняжка, пережила за этот год, подумать страшно. А твои родители? Каково им? Молчишь, — я мрачно кивнула. — Ладно, лежи и дальше. Не буду тебе мешать. Но, учти, я не прощаюсь!

Я встала и повернулась к двери, но неожиданно услышала глубокий вздох и слегка

хрипловатый голос Азарова:

— Ты не мешаешь.

Я обернулась. Его глаза приоткрылись, он посмотрел в потолок, и его веки опять опустились, словно ему трудно было удерживать их открытыми. Я села на стул, наблюдая за ним. Он дышал теперь глубоко, и его лицо постепенно оживало. Он снова открыл глаза, потом закрыл их и снова открыл, какое-то время задумчиво изучал потолок и, наконец, перевёл взгляд на меня.

— Доброе утро! — кивнула я.

— Правда? — нерешительно спросил он. — Хотя, ты права, это утро, действительно, доброе. Прости, я знаю, что происходит, знаю, что вы вытащили меня, и Джулиан перенёс меня на «Паладин», слышал, как он пытался привести меня в чувство и понимал, что ты растеряна, но... — он снова вздохнул. — Мне нужно было закончить одно дело, пока я не утратил связь с...

— С чем? — спросила я.

— С этим миром, пока я мог влиять на него, я хотел исправить то, что ещё могу. Мне это удалось. Остальным будет заниматься Бен, — на лице Азарова появилось скорбное выражение. — Бедняга Бен, ему приходится отдуваться за мои ошибки. Я виноват перед ним.

Я нахмурилась. На какой-то момент мне показалось, что он слегка не в себе. Не припомню, чтоб раньше когда-нибудь слышала в его голосе хотя бы слабые нотки раскаяния, а теперь он был наполнен глубоким сожалением.

— Я сейчас встану и всё объясню, — проговорил он и попытался приподняться.

— Лежать! — раздался от дверей властный голос Джулиана.

Он решительно вошёл в палату и посмотрел на меня.

— Мне нужно заняться пациентом, а ты иди, погуляй.

— Я в порядке, — пробормотал Азаров нерешительно.

— Если это так, то обещаю, что через час отпущу тебя в каюту. А пока...

— Я уже ухожу, — поспешно проговорила я, направляясь к двери.

Я спустилась вниз, с удивлением замечая, что не испытываю особой радости от того, что Азаров очнулся. В его голосе ясно прозвучало, что всё не так просто. Не было в нём прежней уверенности, какой-то глубинной исполинской силы, ощутив которую сразу понимаешь, что всё под контролем. Движимая тревожным предчувствием, я подошла к палаткам, и какое-то время наблюдала за тем, как Платон Шувалов играючи колет на дрова толстые чурки, устанавливая их на массивную колоду, почему-то неприятно напоминавшую плаху, и большой топор казался игрушечным в его огромных руках. А Ганджу и Нгуен едва успевали таскать нарубленные им дрова на край поляны, складывая их в поленницу.

Заметив меня, Платон опустил топор.

— Были у командира? — спросил он.

— Да, он очнулся, только что, — ответила я.

— Значит скоро домой? — с надеждой спросил Нгуен, остановившись, а Ганджу с сомнением посмотрел на поленья в своих руках.

— Продолжайте работать, курсанты, — проворчала я. — Он пока ничего не сказал.

Видимо, заметив мой безрадостный тон, стажёры слегка приуныли, но послушно потащили свои охапки дальше. Я присела на бревно возле кострища, наблюдая, как вдалеке рыжая девушка помогает Франческо сажать в самодельную печь противни с белыми шарами теста.

Через какое-то время я заметила, как забеспокоился Нгуен, то и дело, вглядываясь в гущу леса, подступавшего к самому лагерю, и почему-то вспомнила, как когда-то очень давно он также смотрел туда, после чего появился Алонсо Кабрера, чтоб увлечь меня в этот чужой, дремучий и непонятный мир.

— Там кто-то едет, — сообщил маленький вьетнамец, обернувшись к Платону.

Тот кивнул и крепче стиснул большими руками изящное топориче, а Ганджу появился рядом с ним, видимо для того, чтоб наводить на незваных гостей ужас своей обаятельной улыбкой.

— Это свои, — сообщила я, не вставая с места.

— Откуда вы знаете? — подозрительно спросил Ганджу.

Я пожалала плечами, а из леса раздалось ржание. Через какое-то время послышался треск веток и скрип колёс и, наконец, появилась невысокая лошадка, которая с трудом тащила по лесу лёгкую повозку, рядом с которой шли Тонни Хэйфэн и Дакоста. Увидев их, стажёры побежали навстречу и подхватили повозку с двух сторон, чтоб помочь лошади. Я вдруг подумала, как всё-таки наши ребята отличаются от местных и тех, кто уже успел обжиться здесь. Местным не пришлось бы в голову тащить телегу, чтоб облегчить жизнь лошади.

Вскоре повозка выкатилась на край луга, и стажёры принялись распрягать лошадку.

— Здравия желаю, командор! — кивнул мне Тонни и повернулся, чтоб помочь Ланфэн спуститься с телеги.

— Доктор МакЛарен здесь? — тревожно спросил Дакоста.

Я давно заметила, что неспособность справиться с медицинскими проблемами всегда выбивает его из колеи, хоть он давно уже не числится судовым врачом.

— Он у Азарова, — ответила я, поднимаясь, и направилась к телеге, — а до этого готовил операционную для вашего пациента.

— Слава Богу!

— Азаров жив?

— А откуда он узнал?

Эти три возгласа Елизар, Тонни и Ланфэн произнесли одновременно, и поскольку, я не могла ответить так же, то сделала это поочерёдно:

— Слава! Жив. Он всегда всё знает.

Я посмотрела на инспектора Ван Джинхэя, которого увидела впервые. Это был очень красивый мужчина, высокий, крепкого телосложения, с длинными чёрными волосами. Но выглядел он плохо, его желтоватая кожа была бледной и приобрела пергаментный оттенок, губы запеклись, на напряжённом лбу выступили мелкие капли пота, волосы разметались по плащу, на который он был уложен.

— Я боялся, что мы его не доведём, — виновато проговорил Дакоста. — Сперва всё было неплохо, он даже очнулся. А потом снова потерял сознание, началась лихорадка. Я опасаюсь, что это сепсис.

— Горячка изматывает его ещё больше, — жалобно пробормотала Ланфэн, с нежностью посмотрев на своего старшего друга.

— Он сказал, кто в него стрелял? — спросила я, и каким-то очень естественным для себя движением положила ладонь ему на лоб, всей душой желая выздоровления.

— Это было первое, что я спросил, — кивнул Тонни. — Это не наши, он сказал, что это кто-то из местных.

Я кивнула, почувствовав, как у меня отлегло от души. Страшно подумать, чтоб кто-то из

наших ребят мог стрелять зазубренной стрелой в инспектора. Лоб Джинхэя был горячим, но вскоре я почувствовала, как он постепенно остывает под моей рукой, мышцы расслабляются, черты разглаживаются. Дыхание его из прерывистого стало ровным и глубоким.

— Как вы это сделали? — спросила Ланфэн, с изумлением посмотрев на него.

— Не знаю, — ответила я, — но теперь он выживет.

От звездолёта уже шёл быстрым шагом Джулиан, и я поспешила обратиться у него с пути. Он тут же развернул бурную деятельность, отправив стажёров за носилками, выясняя у Дакосты анамнез и предпринятое лечение и попутно ощупывая и оглаживая чуткими ладонями тело раненого. Через четверть часа его переложили на носилки и Платон с Ганджу понесли их к звездолёту.

— Да, Азаров в порядке, он у себя, — на ходу бросил Джулиан и, закатывая рукава, поспешил за ними. — Коллега, будете мне ассистировать.

— Конечно, — с готовностью откликнулся Дакоста. — Только переоденусь и помоюсь. Я быстро.

— Значит, он жив, — услышала я задумчивый голос Тонни, и это замечание относилось явно не к инспектору.

— Тонни, ты пойдёшь со мной в медотсек? — Ланфэн умоляюще смотрела на него. — Я так боюсь, вдруг он умрёт.

— Не бойся, — Тонни ободряюще улыбнулся и обнял её за плечи так, что я сразу поняла, что здесь что-то большее, чем дружба и национальная солидарность. — С ним всё будет хорошо. И я, конечно, пойду с тобой.

— Хотите чаю? — подскочил к ним Нгуэн. — У меня ещё улун остался и немного пуэра.

Ланфэн что-то зашебетала на вьетнамском, усиленно кланяясь, а курсант тут же расцвёл от счастья и, кланяясь ещё ниже, жестами пригласил их следовать за собой.

Я осталась одна среди белых палаток и какое-то время наблюдала за вознёй Франческо и Ханны возле печи, размышляя, насколько уместным будет прямо сейчас отправиться к Азарову и потребовать у него ответов на давно мучившие меня вопросы. В конце концов, я решила, что это будет вполне уместно и снова отправилась на звездолёт.

Жилой уровень здесь мало отличался от нашего, разве что салон был оформлен не в роскошно марокканском стиле, а в более сдержанном викторианском и напоминал гостиную в старом английском замке. Здесь тоже были диваны, но большие, кожаные, с медными заклёпками, низкие столики со столешницами, украшенными инкрустированными слонами и кобрами, на которых стояли немного вычурные лампы с круглыми абажурами из матового стекла.

Пройдя мимо, я направилась к каюте номер один, располагавшейся там же, где и моя на «Пилигриме», и увидела идущую мне навстречу мрачную Изабо.

— Он никого не хочет видеть, командор, — сообщила она, но я не остановилась, а она не решилась меня задержать.

Оказавшись перед дверью, я постучала.

— Входи, открыто, — тут же услышала я из-за двери голос Азарова и вошла.

Его каюта была обставлена по серийному образцу, каких было множество в отделе дизайна космического флота. Элегантная, уютная и просторная одновременно, со светло-бежевыми стенами, подобранной в цвет мебелью и имитацией камина, окаймленной золотистой рамой из блестящего металла. Обычно в таких каютах бывает светло, но сейчас в ней царил

гнувший полумрак. Я увидела, что он сидит на диване напротив камина и направилась к креслу рядом, но по дороге мой взгляд упал на единственный предмет, выбивавшийся из общего стиля: возле камина стояла маленькая копия старинной кушетки с изящными гнутыми ножками и золочёным резным обрамлением малиновых бархатных подушек. Это была немного вычурная игрушка, словно доставленная сюда из Версаля или Шёнбрунна. Я остановилась, рассматривая её, и только потом сообразила, что это лежанка для кота. Только сейчас я вспомнила о Василии и о том, что не видела его здесь.

— Он скоро вернётся, — тихо проговорил Азаров, заметив мой взгляд. — Чтоб он не очень переживал, я устроил ему сказку, которую он любил больше всего, но ему всё равно было грустно. Сейчас он не один, с ним ваш капитан Ченг. Хочешь кофе?

— Нет, спасибо, я уже пила кофе, — я села в кресло и посмотрела на него. — Как ты?

Выглядел он неплохо. Я не заметила никаких следов ранения на лбу, как и чрезмерной бледности. Однако на его лице отражалась безмерная усталость. Он задумчиво посмотрел на меня, а потом на потолок. В каюте сразу стало заметно светлее, а в камине вспыхнули весёлые огоньки пламени. Я не стала спрашивать, как он это сделал, учитывая, что звездолёт обесточен, и вся техника в нём не работает, а он не стал ничего объяснять. На его губах появилась слабая улыбка.

— Так лучше, правда? — произнёс он. — Я должен извиниться, что втянул тебя и твоих ребят в эту историю.

— Нет, ты не должен извиняться, — покачала головой я. — Вряд ли ты мог предусмотреть насколько аномально это место.

— Я ошибся, — тихо проговорил он. — Не один и не два раза. Я постоянно ошибался и, чтоб исправить одни ошибки, совершал другие. В результате все мы оказались в безвыходном положении.

— Что ты имеешь в виду? — насторожилась я.

— Я знаю, что ты больше всего хочешь того же, что и я, что и все остальные, — улететь отсюда. Это возможно только в одном случае: если мы заберём из-под Грозовой горы Бена. Это спасло бы ему жизнь, но погубило бы весь остальной мир.

— Да, он рассказал мне, — кивнула я.

— Он ничего не понял, — покачал головой Азаров. — И я тоже сначала ничего не понял, а когда до меня дошло, было уже слишком поздно. Мне осталось только дать ему возможность попытаться всё исправить. Непонятно? Я сейчас попытаюсь тебе всё объяснить, хоть это и нелегко.

Он поднялся, подошёл к низкому столику и приподнял секцию столешницы, из-под которой появился небольшой бар, состоявший из нескольких бутылок, хрустальных стаканов и бокалов.

— Коньяк? — он обернулся ко мне.

— Не сейчас, — ответила я.

— Ладно, — он взял бокал, и, плеснув туда немного коньяка, вернулся на место. — Знаешь, когда я только попал в этот мир, я сразу почувствовал его неестественность. Это трудно объяснить, но в нём сразу ощущалась какая-то надуманность, словно он был создан искусственно. Дело даже не в том, что это колония протоалкорцев, расположенная в мире чёрных теней, как решил Бен. Это просто полностью искусственно созданный мир, придуманный кем-то, кто вдохновлён книжными историями. Он был наполнен то ли актёрами, то ли марионетками, которые разыгрывали на потеху своему создателю

театральные страсти, хотя сами не должны были ничего чувствовать, будучи персонажами, сочинёнными от начала до конца. Всё равно непонятно, — он поставил бокал на широкий подлокотник дивана и потёр лоб, собираясь с мыслями. — Понимаешь, этот мир делит свою историю на две части: вымышленную, которая была вложена в головы первых актёров, и реальную, которую они начали разыгрывать, руководствуясь простыми и логичными правилами игры. А за всем этим стояло нечто... Я не знаю, что или кто это. Я до сих пор этого не знаю, хоть и взаимодействовал с ним долгое время. Я даже не могу назвать это сущностью, потому что это нечто более глобальное, подобное ноосфере, обладающей собственным мышлением.

— Что-то вроде бога? — подсказала я.

— Это не бог, — возразил он. — Это особая форма жизни, обладающая очень странным, глубоким разумом. Я не знаю, что это: вся планета, океан, какой-то его слой или облачность над океаном, просто оно живое и думает. Представь, оно было одиноко и не переживало из-за этого, потому что жило так всегда. Но в какой-то момент оно почувствовало, что в его доме, как оно воспринимало эту планетную систему, появилось нечто необычное. Я оперирую такими понятиями как «дом», чтоб тебе было понятнее. Оно ощущало всю систему, слышало и чувствовало её и тем жило. И тут появились те самые протоалкорцы, которые когда-то прилетели сюда в поисках новых земель, и заселили небольшую стабильную планету на орбите звезды. Они создали там условия для жизни, обжились, построили свои города и деревни, жили, влюблялись, воевали друг с другом, интриговали, принимали гостей из космоса. А оно просто вслушивалось в их жизнь, постепенно попадая под очарование их запутанных страстей и желаний. Это было для него бесконечным многоуровневым сериалом, который всё больше затягивал его. И вдруг случилась катастрофа. Их планета столкнулась с другой, колония погибла, он лишился своего театра и оказался в пустоте, которую ощущал теперь очень остро. И он решил создать у себя свой собственный маленький театр. Он сотворил твердь, воссоздал на ней те же условия, что и в погибшей колонии, населил её искусственно созданными двойниками тех людей, которых помнил, наполнив их память обрывками собственных воспоминаний. Не спрашивай меня, как он это сделал, понятия не имею, но всю эту историю я прочувствовал едва ли не сразу, появившись здесь.

— А что такое тени? — спросила я, заинтригованная его рассказом.

— Это не самостоятельные сущности, это что-то вроде нейронов мозга, пронизывающих весь этот мир, собирающих информацию и передающих её в то, что выполняло здесь роль мозга.

— Алмазное Сердце? — догадалась я.

— Да, Алмазное Сердце, — вздохнул он. — Это не компьютер, это именно мозг, который не только собирал и перерабатывал всю информацию в форму, которую Хозяину — будем так его называть, — было легче всего усвоить, и обратно отправлял его импульсы, управлявшие миром. Оно, как и наш мозг, выполняло много функций по управлению этим огромным континентом, как механизмом, или, если хочешь, организмом. Оно обеспечивало его стабильность, условия жизни, состав воздуха, наличие воды, давление, температуру. Всё, что у нас делает мозг, хоть мы об этом даже не задумываемся. Когда он был уничтожен, испугались не тени, испугался их Хозяин, который терял свой театр. Бен решил, что гибнет мир теней, но этим маленьким пиявкам ничего не угрожало. Они могут жить и в космосе. Погибал этот мир, сама твердь и всё живое на ней. Я слишком поздно осознал, что всё, что

здесь происходит, вовсе не театр марионеток. Это уже давно живой мир, это люди, животные, птицы, насекомые, растения, рыбы, пресмыкающиеся. Всё могло погибнуть только потому, что я высокомерно решил, что происходящее здесь — лишь постановочное виртуальное шоу.

— Подожди, — остановила я его. — Выходит, чтоб звездолёты завелись, нужно было уничтожить Алмазное Сердце? Но почему?

— Любая лишняя энергетическая активность нарушает стабильность системы, а она итак не на уровне, — пояснил Азаров. — Тут всё ходуном ходит, потому и смещаются целые пласты реальности, прыгают ориентиры. На самом деле удерживать этот мир в устойчивом состоянии очень сложно. Поэтому все источники энергии здесь автоматически гасятся. Это предохранительный механизм. Ничего личного. Этим тоже руководило Алмазное Сердце, это одна из его многочисленных функций. Я просто выяснил, что является помехой для нормальной работы энергетической системы, и решил этот фактор устранить. Я полагал, что затем этот мир может быть воссоздан творцом. Наверно он, действительно, мог бы создать всё это заново, и снова наклеить двойников своих любимых героев, вот только сами герои — вовсе не рисованные персонажи. Это полноценные живые люди, и их ждала ужасная смерть. Поэтому, когда в голове Бена появилась идея, кем заменить сердце этого мира, я не стал возражать.

— Но как ты смог заменить Алмазное Сердце? — воскликнула я. — Ты тоже руководил жизнеобеспечением этого мира?

— Нет, я даже не знаю, как это делается. Я был источником магической силы и проводником импульсов, которые передавались от теней Хозяину. Он сам взял на себя все функции, которые я не мог осуществлять. Знаешь, самое странное, что он ничуть не обиделся на меня за то, что я сломал его игрушку, он был очень доброжелателен. Я не испытывал никакого дискомфорта. Напротив, я увидел и почувствовал всё, что видел он. Я подключился к этому каналу, а потом даже смог влиять на происходящее. Жаль, что я научился этому слишком поздно, я мог бы спасти Джильду. Хотя, вряд ли. Я не осознавал себя, не знал, кто я и что, я был частью системы, но поскольку во мне заложены определённые принципы, я начал влиять на жизнь этого мира, может, сделал его чуть добрей.

— Погоди! — воскликнула я. — Так это ты создал землян?

— Конечно, нет! — возразил он. — Они здесь уже давно. Откуда? Мне остаётся лишь догадываться, но я знаю, что далеко на севере лежат обломки земного звездолёта, в угасшем кибере которого хранится библиотека классической литературы Земли. Именно из неё он и черпал вдохновение, когда создавал землян, чтоб обострить интригу в своей игре. Правда, он их немного идеализировал, именно поэтому тебе казалось, что все эти рыцари и короли сошли со страниц романов Вальтера Скотта и полотен прерафаэлитов.

— Значит, это тот самый Хозяин сочиняет все эти истории, что разыгрываются здесь?

— Я тоже сначала так думал, но нет. У живущих здесь людей есть полная свобода действий. Они могут делать всё, что сочтут нужным, а он лишь выстраивает внешние обстоятельства и обеспечивает то, что зовётся судьбой, кармой или роком. Та самая закономерность, которую ты заметила: каждый получает то, что хочет и что заслуживает.

— Значит, это он был моим добрым волшебником? — усмехнулась я.

— Нет, твоим добрым волшебником был я, — сообщил Азаров. — Ты была моей любимицей, и я смутно помнил, что когда-то уже встречал тебя, но и без этого ты мне сразу

понравилась. Ты была лучом света в этом тёмном царстве, поэтому я тебя баловал.

— А Джулиан?

— Он в этом не нуждался. У него своя воля и своя сила, он сразу уловил правила игры и принял их, а потому был встречен весьма благосклонно.

— Значит, это всё-таки игра?

— Для Хозяина — да. Для всех остальных это — жизнь, — Азаров какое-то время смотрел на пляшущие в камине язычки пламени. — Для меня это тоже было игрой. Я был какой-то самостоятельной, и всё же частью системы, частью Хозяина, пока ты не раздобыла у ведьм тот загадочный артефакт и не запустила его. Вот тогда я очнулся и начал осознавать себя, я понял, что происходит и начал вмешиваться в игру с единственным намерением — вернуть всех нас домой. Я постепенно начал выводить ребят из игры и возвращать к звездолётам. Сегодня нам общими усилиями удалось предотвратить войну и вернуть стрелков. После этого я решил, что теперь могу передать игру Бену. Он занял моё место в этом мире.

— Но у него нет такой силы, как у тебя, — заметила я.

— Думаю, что недостаток силы компенсирует Хозяин. Проблема в том, что пока Бен исправно выполняет свои функции в системе, звездолёты будут стоять здесь на приколе. Если мы его заберём, система рухнет. Мы улетим, но мир погибнет. Лично мне после этого уже не будет смысла возвращаться домой.

— Да, и мне тоже, — кивнула я озабоченно. — Ты прав, Саша, это не выход. Я не знаю, что ты там чувствовал, лёжа в анабиозной камере, но я была в этом мире, я знаю живущих в нём людей, никто из них не заслуживает того, чтоб сгинуть в глобальной катастрофе. Да этого вообще нельзя допустить! Наша задача спасать, а не крушить миры! — я нахмурилась. — То есть ты хочешь сказать, что у нас нет никакой возможности вернуться домой? Мы должны оставить всё, как есть, и жить здесь? Вариантов нет?

— Это парадокс, который вносит существенный диссонанс в мировоззрение Хозяина. Если действовать по правилам, то он должен нас отпустить, потому что все мы этого страстно хотим. Но для того, чтобы нас отпустить, нужно внести изменения в принципы существования этого мира, а это нарушает стабильность и угрожает устойчивости системы. Пока он не знает, как разрешить этот парадокс. Вся надежда на Бена.

— То есть ты думаешь, он сможет найти выход?

— Он этого хочет, — вздохнул Азаров. — В отличие от меня, он уже сейчас полностью осознаёт сложившуюся ситуацию. Он может найти выход там, где не смог я. По крайней мере, я на это надеюсь. Вот только сможет ли он при этом спастись сам? Я знаю одно, Даша, без Бена я отсюда не улечу. Это я втравил его в эту историю, из-за меня он оказался в аду, и я сейчас никак не могу ему помочь. Одного его я здесь не брошу.

— Давай пока не будем предвосхищать события, — проговорила я. — Звездолёты всё ещё мертвы, а наши ребята бродят по этому сумасшедшему миру. Вот когда все вернуться, и у нас будет возможность взлететь, тогда и будешь решать, полетишь ты с нами или останешься, если к тому времени сам вопрос не отпадёт.

— Имеешь в виду, он умрёт? — Азаров мрачно взглянул на меня.

— Я всегда верю в лучшее, — возразила я. — Не думаю, что его смерть в интересах Хозяина. К тому же, как мне кажется, Бен тоже хочет домой или, если его там никто не ждёт, на «Паладин». Он спасатель и любит свою работу. Это его жизнь. Так что он тоже часть того самого парадокса для Хозяина.

— Может быть, — Азаров неопределённо пожал плечами и перевёл взгляд на камин.

— Есть ещё один вопрос, Саша, который мы обязаны решить до того, как уберёмся отсюда.

— Какой? — не пошевелившись, спросил он.

— Ротамон, которого ты привёз сюда и который сжигает деревни и убивает мирное население.

— Ещё одна ошибка, — покаянно отозвался он, кивнув. — Я не знаю, что делать с этим негодяем, а он начинает притягивать сюда Тьму. Хозяин сначала присматривался к нему с любопытством, но потом понял, что через Ротамона его курятнику угрожает Бездна, и тоже забеспокоился. Однако пока он не смог дотянуться до этого колдуна. Хотя варианты есть...

— Пока он здесь, я отсюда не улечу! — серьёзно заявила я.

— Тогда Хозяину придётся сильно поднапрячь извилины, или что там у него, чтоб развязать весь этот узел, который мы тут у него запутали. Надеюсь, он усвоит урок и впредь не будет так опрометчиво впускать в игру непроверенных игроков.

— Или придумает гуманный способ вовремя избавляться от них, — добавила я.

— Аминь, — кивнул Азаров и потянулся за своим бокалом с коньяком.

Кирилл выехал из Магдебурга рано утром первого светлого дня. Несмотря на его протесты, Рената вручила ему в дорогу большую котомку с разной снедью. Уступив её настойчивости, он сдался и приторочил котомку к седлу, после чего на прощание чмокнул девушку в щёчку и пожал руку её отцу.

Путь предстоял неблизкий, и всё же светлого дня ему с лихвой должно было хватить, чтоб добраться до «Пилигрима». Он был уверен, что помнит дорогу, но на всякий случай запасся картой и списком ориентиров. Впрочем, пока он ехал по дороге, ни то, ни другое ему не понадобилось. На сей раз хорошо разъезженный путь вёл себя смирно и прямо бежал меж лесов и широких полей, не петляя и не прерываясь. Так он преодолел больше половины пути, лишь раз спешившись, чтоб напоить коня и дать ему отдых, а заодно проверить, что положила для него в котомку милая Рената.

Чем дальше он продвигался на юг, тем беднее и меньше становились городки, встречавшиеся на пути, тем более настороженно смотрели на него стражники у ворот и быстрее убегали с пути случайные путники, завидев вдалеке всадника. Деревень уже не было видно, они прятались в лесу, и лишь изредка ветер доносил откуда-то слабый запах дыма и собачий лай. Дорога постепенно становилась уже, посредине между колеями появились островки зелени, а после того, как он проехал последний городок, похожий на деревню дровосеков за высоким частоколом, и вовсе превратилась в широкую тропу. Дальше, как он помнил, дороги не было, а тропа постепенно терялась в лесу, и теперь нужно было тщательно выбирать путь и следить за тем, чтоб не пропускать ориентиры.

И всё же какое-то время он уверенно ехал по тропе, слушая шум зелёных крон над головой и громкий щebet птиц. День входил в самую светлую свою фазу, небеса сияли ясным жемчужным светом, а значит, близилась условная ночь, и следовало остановиться на пару часов, чтоб поспать. Однако он не чувствовал усталости и уверенно ехал дальше, пока тропинка не разветвилась на две. Какое-то время он стоял на развилке, как витязь на распутье, а потом свернул направо. Ещё какое-то время он двигался по этой тропе, но она становилась всё уже, а трава по её сторонам всё выше, и, наконец, он выехал на берег озера.

Место было красивое, от воды тянуло приятной прохладой. Противоположный берег был совсем близко, а в стороны озеро тянулось так далеко, что его концов было не видно. В какой-то момент он подумал, что запросто преодолеет эту преграду вброд или переплывёт, но потом вспомнил, что на пути от «Паладина» к Магдебургу они не переплывали и даже не встречали никаких озёр. Это значило, что он всё-таки сбился с дороги. Потом ему пришло в голову, что здесь можно было бы отдохнуть, прежде чем продолжить путь. Вода всё так же манила искупаться, но что-то в ней было не так. Присмотревшись, он заметил, что прямо у берега гладь воды была чёрной и неподвижной, без малейших признаков водорослей и осоки. Да и сам берег выглядел немного странно. Из травы торчали засохшие ветви кустов, к тому же вокруг не видно было насекомых, хотя совсем недалеко отсюда в лесу гудели шмели и пчёлы.

Решив не испытывать судьбу, Кирилл развернул коня и поехал назад, в надежде вернуться к развилке и выбрать другой, правильный путь. Но тропинка, по которой он ехал, постепенно исчезла в траве, и он оказался в лесной чаще, не имея представления, куда ехать дальше. Он остановился, чтоб посмотреть карту, но на ней не было того озера.

Единственное, что он смог сделать, это определить, где находится юг, но, не зная точного направления, была опасность просто промахнуться мимо звездолётов и зайти дальше на мёртвые земли, отравленные ядовитым дыханием газового океана, покрывавшего планету. Потому он решил ехать на север, чтоб отыскать местных жителей, которые могли бы указать ему путь, или, если удастся, снова вернуться на проезжую дорогу и начать путь заново с точки, местонахождение которой можно было определить на карте.

Так он двигался какое-то время по лесу, а потом вдалеке послышался собачий лай, и меж деревьев появились проблески света, указывавшие на открытое пространство. Направив коня туда, он выехал на край небольшого наполовину вспаханного поля, возделанного кем-то в лесной глуши. Посреди поля, как раз между вспаханной частью и целиной он увидел небольшой плуг, привязанный к верёвке, концы которой были прикреплены к длинному шесту. Налегая на этот шест, плуг тянули трое встрёпанных чумазных ребяташек, а сзади, нажимая на рукоятки плуга, шёл невысокий худощавый мужчина.

Кирилл замер в изумлении, глядя на эту картину, подобную которой видел только когда-то давно на живописном полотне в каком-то музее. В тот же миг к нему подскочил большой лохматый пёс с висячими ушами и начал прыгать вокруг коня, яростно рыча и лая. Его поведение привлекло внимание детей и мужчины, которые, наконец, заметили незваного гостя. При этом ребяташки тут же кинулись в лес, видимо, чтоб спрятаться, а мужчина застыл, пристально вглядываясь в незнакомца.

— Я не причиню вам зла! — крикнул Кирилл, настороженно глядя на собаку, готовую вцепиться зубами в ноги коня. — Я заблудился и ищу ночлег. Я вам заплачу, если вы приютите меня на краткое время и укажете дорогу.

Мужчина развернулся и направился в его сторону. По мере приближения Кирилл понял, что это подросток, ещё почти мальчик, тоже встрепанный, худой, но жилистый. Должно быть, на его долю выпало немало испытаний, и он уже чувствовал себя достаточно опытным, чтоб не бросаться наутёк при первой же опасности. На его поясе висели ножны с коротким мечом, на рукоятку которого он положил руку.

— Меня зовут Кирилл, — произнёс Оршанин. — Я еду на юг к своему звездолёту, если ты знаешь, что это такое. Я сбился с пути на развилке тропинок.

— И заехал к озеру, — тут же кивнул парень, слегка расслабившись.

— Точно. Странное озеро.

— Это потому, что его нет. Оно то появляется, то исчезает. Но если кто сунется в воду, то исчезнет и снова уже не появится.

— Ну, что-то такое я себе и представлял, — кивнул Кирилл и опасливо посмотрел на собаку. — Я могу спешиться? Честное слово, я не причиню вам зла. Просто пустите меня переночевать. Мне не нужно еды, я сам вас накормлю.

— Правда? — в голосе паренька прозвучала надежда.

— Хорошая еда из Магдебурга, — Кирилл постучал ладонью по котомке. — Хватит на всех.

— Пойдём, — решился парень и, развернувшись, махнул ему рукой. — Тут недалеко. Меня зовут Аморе.

— Как альдора, — улыбнулся Кирилл и спрыгнул с коня, потому что мальчик свистомотозвал пса.

— Так и есть, — кивнул тот. — Мой отец служил в его войске. Среднего сына он назвал Сатум, а младшего — Алер. Нас троих зовут, как альдора. А сестру называли Ортеллой в честь

альдорены.

— И где ж ваш отец сейчас? — спросил Кирилл, следуя за мальчиком.

— Ушёл воевать с Сен-Марко и забрал с собой коня. Надеюсь, он вернётся живым. А нам пора сеять хлеб, иначе ничего не вырастет. Мы не можем его ждать, возможно, война продлится несколько лет.

— И что ж, с вами нет никого из взрослых? — нахмурился Кирилл.

— Я взрослый, — отрезал Аморе и прибавил шагу.

Когда они подошли к краю луга, из кустов выбежали младшие дети и бесстрашно пристроились рядом. Какое-то время они шли по лесу, а потом вышли на поляну, где стоял добротный круглый домик, окружённый плетнём. Во дворе бродили утки, по очереди плескаясь в лужах и разбрызгивая вокруг чистую дождевую воду.

Внутри, как обычно в таких домах, была только одна комната, где в центре стояла обмазанная глиной печь, рядом — стол со скамьями, а по стенам — широкие лавки, застеленные одеялами. Было чисто, пахло хлебом, но краюшка, лежавшая на столе под белой тряпицей, была совсем маленькой. Видимо, Аморе сэкономил зерно, чтоб посеять его. Больше никакой еды Кирилл не заметил, потому сразу же поставил на стол котомку и начал выкладывать на стол свои припасы. Детишки расселись вокруг и с любопытством смотрели на холстяные свёртки, один за другим появлявшиеся перед ними.

— Налетай, — скомандовал Кирилл, выгрузив всю снедь, и развернул первый свёрток.

Румяный пышный пирог, который так и лоснился масляным боком, привёл детей в бурный восторг. Кирилл разрезал его на четыре части и положил перед братьями и сестричкой. Но Аморе тут же сунул свою порцию под тряпку к караваю, пояснив:

— Это им на потом.

— Ешь, — проговорил Кирилл. — Мой путь недолог, а там — накормят. Я с собой немного возьму, а остальное оставлю вам.

— Что, правда? — недоверчиво спросил Аморе, и Кирилл кивнул, вынув из холста головку сыра и большой кусок окорока.

— Всё лучшее — детям, — пояснил он и достал из ножен кинжал, чтоб нарезать хлеб.

Поев и накормив детей, он устроился на широкой лавке возле входа. Какое-то время он прислушивался к весёлой возне на другой стороне комнаты. Кой-то веки наевшись, малыши затеяли игру, и недовольное ворчание старшего брата несколько их не смущало. Должно быть, он был не слишком строг с ними, и наказания они не боялись. А Кирилл снова вспомнил своего племянника Кирюшку и сыновей Саньку и Васю, на губах его появилась улыбка, и он заснул с приятными мыслями, сказав себе, что должен проснуться через пять часов.

Когда он открыл глаза, на улице было всё так же светло, но малыши сладко посапывали, обнявшись под пёстрым лоскутным одеялом, а с улицы доносились какие-то скрипы. Выйдя, Кирилл увидел, что скрипит ворот, с помощью которого Аморе качает воду в широкую лохань.

— Ты уже проснулся? — улыбнулся он. — Ранняя пташка. Я тоже рано встаю. Хочешь умыться? Я накачал воды и уже помыл твоего коня.

— Спасибо, — кивнул Кирилл и расстегнул пояс, чтоб снять куртку.

Пока они вдвоём завтракали, детишки так и не проснулись. После этого Аморе поднялся и взял с лавки ножны с мечом.

— Я провожу тебя до дороги, которая ведёт в Магдебург, и покажу, куда ехать.

— На развилке повернуть налево?

— Не будет никакой развилки. Ты однажды уже побывал у озера и уехал, больше оно тебя манить не будет. Кстати, если б ты поехал в другую сторону, то всё равно приехал бы к нему.

— Лихо тут у вас... — пробормотал Кирилл и посмотрел на спящих детей, после чего отстегнул от пояса кошелек и положил на стол. Аморе, как зачарованный, смотрел на мешочек, в котором звучно звякнули монеты. — Плата за постой.

— Ты, верно, чужак, Кирилл, — криво усмехнулся парень. — За постой этого много. К тому ж ты нас накормил до отвала, да ещё оставил. Нет, я не возьму.

— Честность — это хорошо, но я не от сердца отрываю. Тебе эти деньги нужнее, чем мне. Я иду туда, где они мне будут не нужны. Понял? Бери. Вам долго ещё перебиваться, пока отец вернётся.

— Я не знаю... — нерешительно проговорил Аморе.

— Я знаю, — Кирилл снова достал кинжал и отрезал себе в дорогу полкраюхи хлеба. — Идём, мне до темноты нужно добраться до места.

Он решительно поднялся и вышел из домика. Конь его пасся во дворе без привязи, его чисто вымытые бока лоснились, а на заборе сушилась повешенная за верёвочку широкая скребница.

— Я сейчас оседлаю, — кинулся к коню Аморе.

— Не нужно, — остановил его Кирилл. — Я пешком дойду. А лошадку оставлю у вас. Не надо больше на детях пахать, ладно? Я понимаю, что тогда другого выхода не было, но теперь есть.

— Да ты что? — возмущённо воскликнул Аморе, и на глазах его блеснули слёзы. — Так же не бывает! Все вокруг отнимают! Почему ты отдаёшь?

— Потому что я не такой, как все. И потому что я служу Деве Лардес. Я сейчас к ней иду, и она даст мне всё, что мне нужно, но для этого я должен поступать так, как она велела. Понимаешь?

— Понимаю, — кивнул Аморе. — Спасибо тебе.

Кирилл улыбнулся и, накинув на плечо заметно полегчавшую котомку, открыл калитку. Мальчик довёл его до той самой широкой тропы, по которой он уже проезжал и махнул рукой на юг, указывая направление. Кирилл пошёл дальше своим путём, а Аморе ещё долго стоял на дороге, глядя вслед странному служителю Девы Лардес.

Теперь он узнавал и эту постоянно истончавшуюся тропинку, и лес вокруг, замечая знакомые необычные деревья и вросшие в мох камни, некоторые из которых были указаны в списке ориентиров. Потом тропинка исчезла в густой траве, и Кирилл чуть замедлил шаг, внимательно высматривая вокруг очередной ориентир.

Он понял, что опять сбился с пути, когда уже начало темнеть. В рассеянном свете темнеющего неба он снова и снова рассматривал карту, пытаясь определить, куда забрёл. Он уже час, как миновал кривую берёзу с большим муравейником у подножия, но следующий ориентир — каменный столб с водружённым на вершину грубо обтёсанным камнем найти так и не смог. К тому же он подозревал, что ушёл куда-то в сторону, а потом оказалось, что эта догадка верна, потому что болота, на краю которого он оказался, на карте не было. Он вернулся обратно в лес и попытался идти на юг, но вскоре убедился, что правильно определить направление не может. В небе не было звёзд, стволы деревьев равномерно

обросли мохом со всех сторон. Ветви деревьев торчали в разные стороны, не обнаруживая по сторонам более длинных или коротких. Какое-то время он брёл наугад, прислушиваясь к лесным звукам. Страх не было. Он знал, что выживет в любых условиях, и рано или поздно найдёт путь к баркентине, но беспокойство, что этот путь займёт у него слишком много времени, уже начало нарастать.

Потом всё-таки появился страх. Оценив своё состояние, он понял, что это никак не связано с реальной угрозой. Что-то внутри тревожно вибрировало, по телу пробегала дрожь, словно оно реагировало на что-то опасное, но холодный ум знал, что ничего опасного вокруг нет. Потом до него дошло, что тело может чувствовать влияние какой-то патогенной зоны, находящейся поблизости. Гиблое место, как называл их доктор МакЛарен. Но он не знал, где оно находится, чтоб отвернуть в сторону.

Несколько раз он слышал странный мелодичный звон, доносящийся издалека, но затем смолкавший. Услышав его в очередной раз, Кирилл какое-то время стоял, прислушиваясь. Ничего, только гудение ветра в кронах деревьев, крики ночных птиц и стрёкот кузнечика. Где-то далеко ухнула сова, потом послышался странный треск, словно сквозь чашу шёл какой-то крупный зверь. Может, олень, а, может, и медведь. Неприятный холодок пробежал по спине, и он огляделся по сторонам. Синеватый свет, всё ещё лившийся с неба, позволял ему видеть чёткие силуэты деревьев, но ничего больше ему рассмотреть не удалось. Паника потихоньку нарастала, а значит, то самое гиблое место было совсем рядом. Нужно было уходить, пока оно не запустило свои щупальца ещё глубже в его душу. Он двинулся с места и вдруг почувствовал накатившую волну отвратительной вони, словно где-то рядом был гниющий труп. Он снова замер.

— Ты идёшь навстречу смерти, — раздался за его спиной тихий хриплый голос.

Он резко обернулся и увидел перед собой призрака. Вернее, это было первое, что он подумал, разглядев в нескольких шагах от себя серый силуэт кого-то, закутанного в длинный грязный плащ с низко надвинутым капюшоном. Этот капюшон жутковато свисал вниз, полностью закрывая лицо незнакомца. Он опирался на изогнутый посох, в котором угадывалась едва обработанная ножом коряга, а рука, сжимавшая его, была обмотана серым тряпьем.

— Кто ты? — спросил Кирилл, морщась от новой волны вони, докатившейся до него,

— Никто, — ответил незнакомец и позвонил в колокольчик, висевший на длинной верёвке на его поясе. Это был тот самый звон, что он слышал раньше. — Ходячий мертвец всего лишь, и тебе незачем меня бояться. Моих сил хватает лишь на то, чтоб таскать ноги по глухим лесам, но если б и мог, я не стал бы причинять тебе вред. Я бы даже не подошёл к тебе, но ты направился как раз в гнилой лог, где гибнет всё живое. Земля там дышит ядовитыми испарениями и даже птицы, пролетая над ним, падают замертво. И тот страх, что ты чувствуешь, это предостережение. Звери не ходят туда, и ты не ходи.

Всё это он произнёс медленно, часто останавливаясь, чтоб передохнуть. Кирилл тем временем расслабился. Он понял, что стоящий перед ним человек тяжело болен какой-то заразной болезнью, потому и оказался здесь один, вдали от людей.

— Куда мне идти? — спросил он, с сочувствием глядя на несчастного.

— Это зависит от того, куда ты хочешь попасть.

— Я шёл к реке, там стоит наш звездолёт.

— Ты из этих... — пробормотал незнакомец. — Я знаю, где это. Я могу отвести тебя туда, но это будет долго. Я не могу передвигаться так же быстро, как ты.

— Ты очень болен?

— Я умираю, — спокойно ответил тот. — Но я мог бы отвести тебя туда, куда тебе нужно. Сделать что-то полезное для живых — не лучший ли это способ проститься с жизнью?

— Но если тебе так плохо...

— Неважно, — перебил незнакомец. — У меня нет дома. Какая разница, под каким деревом я окончу свои дни? Я всё равно не смогу забиться в нору, как больной зверь, и ждать смерти. Потому и брожу здесь без цели. Впрочем, если ты торопишься, то...

— Я не настолько тороплюсь, — проговорил Кирилл. — И если ты проводишь меня, я буду рад.

— Хорошо, но держись подветренной стороны, если не хочешь и дальше дышать моим смрадом. Идём, я отведу тебя на поляну, где мы сможем отдохнуть, а потом я поведу тебя к твоему летающему дому.

Он повернулся и тяжело двинулся по лесу, опираясь на свой посох, и звон колокольчика печально оповещал о его приближении всё живое.

Поляна оказалась небольшой, но уютной. Это был пятачок, поросший мягкой травой с маленькими цветочками, в окружении деревьев, низко склонивших свои ветви. Меж ветвей нежно сияло синевой небо ранней ночи. Под деревьями рос мягкий мох, напоминавший пышные зелёные подушки, на одну из которых с трудом опустился новый спутник Кирилла, пока тот, достав кинжал из ножен, обустроивал кострище. Он срезал под корень траву, снял вокруг полосу дёрна и уложил его на внешний край канавки вверх корнями. После этого собрал под деревьями хворост и, сложив его в шалашик, поджёг зажигалкой.

Он заметил, как его спутник немного приподнял капюшон, чтоб видеть костёр и протянул к нему изуродованные болезнью руки.

— Пора перекусить, — бодро произнёс Кирилл и достал из котомки полкраюшки пшеничного хлеба.

Отломив половину, он протянул её больному, но тот не пошевелился. Тогда Кирилл положил её рядом на землю и, отойдя за костёр, присел на траву и принялся за еду. Тот взял хлеб и начал есть, отламывая кусочки непослушными пальцами и поднося ко рту.

— Спасибо, что угостил меня хлебом, — тихо произнёс он, спрятав остатки в свою суму. — Я давно не ел такого. У меня есть вода, но я не могу дать тебе свою бутылку, не хочу заразить этой хворью.

— Не беспокойся, у меня есть фляга, — успокоил его Оршанин. — Не пора ли нам познакомиться? Меня зовут Кирилл. А тебя?

— Меня давно никто не звал по имени...

— Может, было некому. Но ведь мы будем какое-то время рядом, мне нужно как-то обращаться к тебе.

— Когда-то у меня было имя, но я потерял его, когда стал мёртвым, — печально и загадочно изрёк тот.

— Какое это было имя?

— Арман. Да, меня звали Арманом...

— Хорошее имя, — кивнул Кирилл. — Прости что спрашиваю, но чем ты болен? Там куда мы идём есть врач и...

— Нет, моя болезнь смертельна и зашла слишком далеко. Она гложет меня изнутри. Это проказа. Она очень заразна и спасения от неё нет ни беднякам, ни королям.

— Мне жаль. В нашем мире тоже когда-то была проказа, но теперь её нет.

— Хотел бы я жить в вашем мире, — прошептал больной. — Но ты, я вижу, не боишься меня. Обычно люди разбегаются, заслышав мой колокольчик.

— Страшен не ты, а твоя болезнь, Арман. Но она передаётся при контакте, к тому же у меня сильный иммунитет. То есть моё тело может справиться со многими болезнями за счёт внутренних сил. Мне незачем тебя бояться.

— Хорошо. Быть может, боги послали мне тебя, как последнее утешение перед смертью, чтоб мне было с кем поговорить. Я так давно ни с кем не говорил...

— Говори, я слушаю тебя, — ободряюще произнёс Оршанин. — нам нужно скоротать время в пути, и, разговаривая с тобой, я лишь в малой мере оплачу ту помощь, что ты мне оказываешь. К тому же, мне интересно узнать, с кем я иду. Я знаю твоё имя, но больше ничего. По твоей речи я слышу, что ты не простой человек. Ты образован, твоя речь правильна. К тому же ты говоришь на языке Сен-Марко. Ты оттуда, верно?

— Да, я родился и жил в Сен-Марко.

— И кем ты был?

— Королём...

Это тихое слово заставило Кирилла вздрогнуть, и он изумлённо взглянул на своего нового знакомого. Это можно было принять за шутку, но разве стал бы шутить человек, стоящий по его признанию на краю могилы? И в этом коротком ответе было столько горечи, столько тоски, что от одного этого сжималось сердце.

— Ты Арман Миротворец? — спросил Кирилл. — Но ведь ты умер! Я видел твою усыпальницу и твоё тело под кисеёй. Тебе поклоняются, как богу... Почему ты здесь?

— Это всё дядя, — тихо ответил Арман. — Это он. Я знаю. Он всегда завидовал мне и под его улыбкой я чувствовал звериный оскал. Он поддерживал меня на словах, был рядом и влезал во всё, ни в чём не перечая. Он льстил мне и требовал, чтоб меня восхваляли все вокруг, а сам готовил изощрённую месть за то, что я не только, обойдя его, стал королём, но к тому же королём, любимым своим народом. Я был молод, хорош собой, я завоевал сердце самой красивой девушки Сен-Марко и был счастлив с ней. Я сделал то, чего не могли сделать ни мой отец, ни дед, ни прадед. Я добился перемирия с луаром и дал своим подданным семь лет спокойствия и процветания. Я был на вершине, но однажды я проснулся в своей спальне от удушающего смрада и увидел возле своей постели страшного человека, покрытого наростами. Он провёл своей скрюченной рукой по моей груди и ушёл. Я думал, это сон, и забыл об этом. Только с той поры дядя так внимательно разглядывал мои руки и шею, словно ждал, когда на них появятся роковые отметины. И они появились. Врачи поставили диагноз: это проказа, я неизлечим. По законам Сен-Марко королём может быть только безупречный рыцарь, красивый, сильный, мудрый. И здоровый. Мне пришлось смириться с приговором. Жизнь короля закончилась смертью. Об этом объявили глашатаи во всём городе и меня, ещё живого пронесли на руках в гробу по всему городу. Я пролежал в нём неподвижно до ночи, пока со мной прощались горожане. А ночью меня вывели за ворота, дали мне охотничий нож, плащ и колокольчик. И прогнали прочь. А в моём гробу теперь лежит восковая кукла.

— Значит, твои подданные не знают, что ты жив?

— Я уже не король, мой друг, и это подданные короля Ричарда. Они знают, но приняли ту версию, которая была озвучена глашатаями. Я сыграл свою роль в этом спектакле и, перестав соответствовать её требованиям, должен был уйти со сцены. Моё место занял

другой король. Я потерял всё: здоровье, имя, королеву. Саму жизнь.

— Это ужасно, — проговорил Кирилл. — Как так можно, восхваляя умершего короля, с его именем на устах идти в бой, пить за него на пирах, зная, что он скитается где-то в одиночестве? Что за люди...

— Обычные люди. Им так удобнее. Их жизнь и без этого слишком тяжела. Что им за дело до совершенно бесполезного больного человека?

— И как ты жил один все эти годы?

— Сначала всё было неплохо. Моё тело долго боролось с болезнью. Я был ловок и силен. Я мог охотиться, и этим жил. Я ещё не выглядел уродливым и, сердобольные крестьяне, увидев мой колокольчик, бросали мне хлеб. Потом стало хуже. Я слабел, страдал от болей, мой вид начал пугать. Я искал смерти, даже несколько раз выходил к лесным разбойникам, в надежде, что они не пожалеют для меня стрелу, но они разбегались. И мне пришлось уйти вглубь леса и поселиться в пещере. Я ловил мелких зверюшек, рыбу в ручье, собирал коренья, грибы и ягоды. Но затем и это стало нелегко. И какое-то время меня спасал кто-то, кого я не знаю. На полянке неподалёку от моей пещеры на пеньке начали появляться хлеб и сыр. Кто-то приходил туда и оставлял это для меня, но я ни разу не видел этого человека. Он убегал, едва заслышав мой колокольчик. А не так давно я заметил, что мне уже тяжело вставать со своей подстилки. Я понял, что умираю, и умру быстрее, если так и останусь там лежать. Когда-то я был воином, и теперь решил отправиться навстречу смерти. И я ушёл... И встретил тебя.

— Я хотел бы тебе помочь, — проговорил Кирилл.

— Ты помог. Ты выслушал меня с сочувствием и пониманием. Этого достаточно. А теперь, прости. Я устал от столь долгого разговора. Давай поспим и тронемся в путь. Мне нужно успеть довести тебя до твоего звездолёта.

Он замолчал, сидя у дерева, и вскоре послышалось его размеренное свистящее дыхание. А Оршанин ещё долго не мог уснуть, снова и снова обдумывая то, что он знал об Армане Миротворце и что услышал теперь.

На пару часов ему удалось уснуть, а проснувшись, он снова вернулся к своим невесёлым мыслям. Через какое-то время и Арман зашевелился и проснулся. Когда он поднимался на ноги, Кирилл мучительно боролся с желанием помочь ему. Потом они медленно шли по тёмному ночному лесу, в котором Арману каким-то образом удавалось находить путь. Несколько раз они останавливались, чтоб он мог передохнуть, и с каждым разом подниматься ему было всё труднее. Однажды, когда идя по тропе, он запнулся за корень и упал, Кирилл инстинктивно бросился к нему, но был остановлен протестующим возгласом. Ему пришлось отступить и с болью наблюдать, как тяжело поднимается его спутник на слабых больных ногах.

К тому времени, когда они всё-таки дошли до баркентины, Арман уже двигался с большим трудом. Он остановился в самой чаще и, прислонившись к стволу дерева, тяжело опустился на землю.

— Иди туда, Кирилл, — он махнул рукой вперёд. — Теперь не заблудишься.

— Пойдём со мной! — воскликнул тот. — Наш врач поможет тебе или хотя бы облегчит твои страдания.

— Я уже не могу идти. Это всё... Я смотрю в бездну. Но я благодарен тебе за то, что ты проводил меня до этого порога. Иди. Я не хочу, чтоб ты переживал мои последние часы вместе со мной. Это причинит тебе боль, которой ты не заслуживаешь. Прощай. И будь

счастлив.

Кирилл какое-то время нерешительно смотрел на него, а потом повернулся и пошёл туда, куда указал Арман. Очень скоро он вышел на берег речки, над ней мостом перекинулась баркентина. Возле небольшого костра сидел Винд Эрлинг, который поднялся, заслышав его.

— Кирилл? Откуда ты? — спросил он, но Оршанин лишь отмахнулся и бегом бросился к ближайшей лестнице, ведущей внутрь звездолёта.

Спустя десять минут он спустился обратно. На нём был костюм противоэпидемической защиты, а в руках медицинский подсумок и свёрнутый в рулон герметичный мешок.

— Это что? — нахмурился Винд, увидев его.

— Не спрашивай, — попросил Кирилл и снова пошёл в лес.

Когда он нашёл Армана, тот уже впал в беспамятство. Подняв его капюшон, Кирилл содрогнулся, увидев его лицо и голову, но всё равно знал, что не отступит. Он открыл подсумок, сделал больному несколько инъекций, а потом, аккуратно разложив на траве мешок, переложил лёгкое высохшее тело на него и аккуратно запаковал. Взвалив его на плечо, он вернулся к баркентине. Винд ждал его на краю леса.

— Дакоста здесь? — на всякий случай уточнил Кирилл, направляясь к лестнице.

— Ещё вечером приехал, — сообщил тот.

— Повезло... — пробормотал он без особой уверенности.

Дакосту он нашёл в его каюте и изрядно напугал своим видом. Он не спешил снимать костюм, не зная, что делать дальше. Объяснив, что он доставил в операционную человека, который нуждается в медицинской помощи, он отправился наверх. Сонный и страшно недовольный Дакоста пошёл следом. Когда они вошли в операционную, Кирилл приблизился к столу и расстегнул молнию на мешке.

— Господи! — возопил Дакоста, увидев больного. — Что вы притащили?

— Не что, а кого, — раздражённо ответил Оршанин. — Это живой человек и он нуждается в помощи. Вы же врач!

— Послушайте, капитан, — слегка сбавив тон, проговорил Дакоста. — Мы не можем лечить всех прокажённых, встречающихся вам на пути! У нас не лепрозорий!

— Он — не все, — возразил Кирилл. — Это Арман. Он, преодолевая боль и слабость вёл меня к баркентине. Он не дал мне зайти в гиблое место, где я мог погибнуть из-за ядовитых испарений. Он хороший человек, наконец! И после этого я бросил бы его в лесу умирать?

— Простите, капитан, — сочувственно взглянув на Кирилла, произнёс рыцарь. — Я понимаю, что вы приняли его судьбу близко к сердцу, но и вы понимаете, что есть случаи, когда медицина бессильна...

— То есть вы не будете ему помогать?

— Честно говоря, я даже не знаю, как это лечится. Лепра давно уничтожена на Земле, и меня просто этому не учили. Я даже не знаю, есть ли у нас подходящие препараты. И в любом случае, болезнь безнадежно запущена!

— Ладно, — кивнул Оршанин и, взглянув в потолок, крикнул: — Док! Доктор МакЛарен! Вы нужны!

— Перестаньте голосить! — снова рассердился Дакоста. — Его здесь нет. Он на «Паладине» и там у него пациент, которому ещё можно помочь!

— Кратегус! — повелительно рявкнул Кирилл.

— Что ты орёшь? — раздался сзади мягкий баритон. — Я слышу, но у меня тоже есть дела.

— А здесь вас ждёт пациент, док, — проговорил Кирилл обернувшись.

Увидев, что МакЛарен не в доспехах, а в привычном мундире госпитальера, он сразу почему-то почувствовал облегчение, а тот подошёл к столу и посмотрел на неподвижно лежащее тело. Его лицо стало серьёзным. Проведя ладонями над больным, он покачал головой.

— Боюсь, что слишком поздно, — наконец, произнёс он. — Если б у нас под рукой была аппаратура, то... и в этом случае, шансы были бы малы. А у нас нет ничего кроме обычного инструмента и препаратов. Мне жаль.

— Но вы знаете, как это лечится, док?

— Это все знают.

— А он не знает! — Кирилл враждебно посмотрел на Дакосту.

— Елизар тоже знает, просто он не сообразил, что его учили лечить несколько иную разновидность лепры. Вы ведь знаете, что делать с киотской похидермией, рыцарь? Лечение такое же. У нас есть препараты для подавления бактериальной инфекции, но случай запущенный, поражены внутренние органы, он уже почти ослеп. В данном случае его могли бы спасти на Земле, но не здесь.

— Ну, вы, хотя бы, можете сделать так, чтоб он не страдал?

— Это я могу, — вздохнул МакЛарен, задумчиво глядя на Армана, а потом тихо проговорил. — А ведь он мог выглядеть так перед смертью.

— Кто? — нахмурился Дакоста.

— Балдуин IV, король Иерусалима. Он был героем моего детства. Он заболел ещё ребёнком, но всё равно был коронован и в 15 лет возглавил своё королевство. Он был смел и мудр не по годам, отважен и беспредельно предан своему народу. Он долгие годы защищал Святой город от полчищ сарацинов, и сам Саладин Великий говорил, что пока жив этот король, Иерусалим не падёт. Когда его рука уже не могла держать меч, он велел привязывать его, когда не мог сидеть верхом, приказывал нести себя на носилках впереди войска. Превозмогая боль, отчаяние и слабость он продолжал бороться с врагами, интригами и жестокой судьбой, и умер вконец измученный, когда ему было всего двадцать четыре года.

— Да и этому немногим больше! — воскликнул Кирилл. — И он тоже король, отважный и самоотверженный. Это Арман Миротворец! Его заразили по приказу короля Ричарда...

— Это он? — МакЛарен внимательней взглянул на лежащего перед ним человека. — Я знаю эту историю. Её можно утаить от кого угодно, но не от меня. Но я думал, что он уже давно мёртв. Печальная судьба, которой он не заслуживает. Впрочем, как и Балдуин Иерусалимский. Услышав его историю от отца, я плакал всю ночь от восхищения и сострадания. Я думал о том, что он чувствовал, оставаясь в тишине и одиночестве, зная о своей жестокой участи и не в силах что-то изменить. Наверно он плакал, сетовал на судьбу и молился о чуде. Которого не произошло. А ведь он был святым, и как никто заслуживал чуда. Он даже не знал, в чём каяться, когда к нему пришёл священник за последней исповедью. Я тогда готов был отдать свою жизнь в обмен на его, хотя со дня его смерти уже прошло несколько веков. Может, именно тогда я впервые подумал о том, что стану врачом. Таким врачом, какой, оказавшись рядом с ним, смог бы его спасти. Смерть родных лишь укрепила эту мечту.

— Да, я тоже знаю историю Балдуина Иерусалимского, — печально вздохнул Дакоста. — И меня она тоже потрясла когда-то.

— А что, коллега, может, попытаемся спасти своего короля? — неожиданно спросил Джулиан.

— О чём вы, доктор? — нахмурился мальтиец.

— Мы не можем его вылечить здесь и сейчас, но можем доставить на Землю. У нас есть аварийные камеры консервации, регенерирующий раствор, необходимые препараты.

— Погодите, к консервации его нужно подготовить. К тому же он не выдержит операционного вмешательства.

— Как знать! — в голосе МакЛарена внезапно послышался энтузиазм. — Несмотря на то, что он измотан болезнью, у его организма ещё есть некоторые резервы. Наверно в лучшие годы он был крепок, как дуб. И внутренние органы, как я успел заметить, поражены не так, чтоб очень сильно. Мы можем хотя бы попытаться! Дело нелёгкое, но возможное. Мы удалим все атрофировавшиеся ткани, покроем его искусственной кожей, погрузим в регенерирующий раствор, который зальём в камеру консервации. Консервации, коллега, а не анабиоза! Подсоединим к нему катетеры, через которые будем по старинке вводить внутривенно сначала антибактериальные препараты, потом стимулирующие восстановление тканей, ну, и питательные вещества. Выглядеть это будет жутко, но даст ему шанс.

— Как мы снимем эти самые атрофированные ткани? — растерянно спросил Дакоста. — У нас даже лазера нет!

— Да, с лазером было бы проще, — согласился МакЛарен. — Насколько хорошо вы владеете обычным скальпелем? Ладно, я сам. Будете ассистировать.

— Да с чего вы взяли, что это король Арман? — неожиданно воскликнул мальтиец. — Мало ли что он в бреду наплёл Оршанину!

— Да какая разница! — перебил его Джулиан. — Будь он хоть мытарем, я уже знаю, как можно дать ему шанс выжить! Смелее коллега, у нас может получиться!

— Это было бы чудом, — проворчал Дакоста, мрачно покосившись на пациента.

— О, на этой планете и не такие чудеса случаются! — рассмеялся МакЛарен. — А я ещё добавлю щепотку волшебства. И если этот парень достоин жизни, он будет жить. За работу, коллега! Кирилл, костюм — в обработку, сам — в санитарный блок и полная дезинфекция, потом пойдёшь в изолятор на карантин.

— Док, — Кирилл умоляюще посмотрел на него.

— Можешь составить список книг, ребята тебе принесут из библиотеки. Без разговоров!

— Понял, — смирился Оршанин и, бросив уже не такой безнадежный взгляд на Армана, вышел из операционной.

За пределами звездолёта рассвело, начинался новый долгий день, а МакЛарен и Дакоста только закончили свою работу. Джулиан, не расстегивая стерильный комбинезон, устало стащил с головы обруч с прозрачной маской, над которой поблескивали круги увеличительных линз, и устало опустил в кресло, глядя на большой кокон камеры консервации, над которым на стойках висели разнообразные ёмкости с отходящими вниз и терявшимися внутри камеры катетерами.

— Он не выживет, — мрачно заметил Дакоста, стаскивая с рук прозрачную плёнку перчаток. — Это чудо, что он выдержал все эти манипуляции. Ваш талант хирурга поражает, но одного таланта мало. Нужно чтоб у пациента было достаточно сил, чтоб выжить.

— Таланты тут непри чём, — отрешённо проговорил Джулиан. — Пелларская школа хирургии даёт необходимые навыки, но это как точная механика. Механизм можно перебрать и починить, но ему нужен импульс, чтоб он снова заработал. Так что вы правы, насчёт чуда. Начиная с пятого часа операции, я удерживаю его на этой стороне собственными силами.

— Делитесь энергией? — переспросил Дакоста, расстегивая комбинезон. — Тогда всё ясно. Но жизнь всё равно еле теплится в нём. Должно быть, внутренние органы сильно повреждены болезнью, и мы ничего не можем с этим сделать.

— Он жив пока лишь потому, что у него сильное сердце, но оно тоже начинает сдавать. Кровь отравлена продуктами распада, селезёнка почти не работает, почки тоже на грани. Лёгкие поражены, хотя не так фатально. Во время операции я видел его, как под рентгеном, но что толку видеть? Нужно иметь возможность что-то изменить. Нужно заставить организм сопротивляться, восстанавливаться. Это я и пытаюсь сейчас сделать.

— Этого мало в данной ситуации, — раздражённо пожал плечами Елизар. — Пока органы не работают, как следует, нужно их чем-то заменить. Вы своей магией держите его на этой стороне, но сколько это продлится? Вы не можете делать это двадцать четыре часа в сутки на протяжении всего времени до того момента, как нам удастся восстановить энергоснабжение и подключить его к аппаратуре. Если это вообще будет возможно. Вы итак измотаны. Вам нужно выспаться, а для вашего чудесного влияния, насколько я понимаю, нужна постоянная концентрация.

— В чём-то вы правы, коллега, а в чём-то ошибаетесь, — Джулиан поднёс руку ко лбу, но заметил на руках перчатки со следами регенерирующего раствора, резким движением сдёрнул их и бросил в сторону неработающего утилизатора. — Я не так уж нуждаюсь во сне и вполне могу сутки напролёт торчать здесь и поддерживать его. Правда, для этого мне лучше всего войти в транс. Раньше я не пробовал столь длительно энергетически воздействовать на человеческий организм дистанционно, но мне кажется, у меня получится. Вся проблема в том, что я могу лишь поддерживать в нём эту искру жизни искусственным путём, но никак не могу улучшить его состояние. С внутренних органов нужно снять нагрузку, чтоб они постепенно могли восстановиться. Нужно очистить его кровь, и медикаментозных препаратов для этого недостаточно. И тут вы совершенно правы: без аппаратуры у нас очень мало шансов доставить его на Землю живым.

— Может, попробовать переливание крови? У нас здесь есть несколько доноров с той же группой крови, а скоро приедет Булатов, его кровь тоже подойдёт.

— Это всего лишь полумера, хотя следует иметь в виду и этот вариант, — пробормотал Джулиан и потёр пальцами переносицу. — Я вот чего не понимаю: если он добрался до нас, если он всё-таки перенёс операцию, то почему мы оказались в тупике? Или я что-то не понимаю в логике этого мира? Мне казалось, что если судьба подбросила ему такой шанс, то этот шанс должен быть вполне надёжным. Мы сделали всё, что было в наших силах, и сделали правильно. Что не так? Почему та помощь, которую он получил от судьбы, разом прекратилась? Зачем вообще было тащить его через лес в таком состоянии к нашей баркентине, да ещё знакомить с главным альтруистом экипажа? В этом же должен быть какой-то смысл!

Дакоста с сочувствием посмотрел на него.

— Вы устали, доктор, и вам всё-таки нужно поспать. И вы очень близко принимаете к сердцу судьбу человека, которого, по сути, не знаете. Вы — хороший врач, но вы не бог.

— Я демон, если вы помните, — проворчал Джулиан. — Просто в данной ситуации я не могу воспользоваться тёмным даром и повелеть его недугу уйти, потому что тогда он перейдёт на кого-то другого. Я сейчас действую в рамках своих человеческих возможностей, если не считать имеющегося у меня светлого дара, возможности которого сравнительно малы. Я уверен, что этого достаточно для успеха, но не могу понять, почему не получаю помощь в том, что угодно этому миру!

— Я замечал, что вы верите в карму и судьбу, но в данном случае явно преувеличиваете их значение... — начал Елизар, но МакЛарен его перебил:

— В этом мире — нет! Здесь всё взаимосвязано и логично на глубинном уровне. А сейчас я не улавливаю логики. Или что-то фатально изменилось, что-то, о чём я не знаю.

— Это всё философия, доктор, — покачал головой мальтиец. — Я же знаю только одно: чтоб спасти этого несчастного, нам нужна аппаратура, а она не работает.

— А мы проверяли? — МакЛарен развернулся к нему вместе с креслом.

— Здесь ничего не работает, — напомнил Дакоста.

— Светильники работают, холодильники тоже. Даже душ!

— С помповой подкачкой. А аварийный режим работы на аппаратуре жизнеобеспечения основан на автономных аккумуляторах. Аккумуляторы не работают, даже в часах, — он постучал по своему запястью.

— Давайте рассуждать логически, — проговорил Джулиан. — Парня, который всю жизнь прожил в дремучем мире, где большую часть болезней лечат ртутью и кровопусканием, занесло на случайно оказавшийся здесь звездолёт, где есть современное медицинское оборудование и два компетентных врача. Он не умер на операционном столе и благополучно водворён в камеру консервации. Чтоб он выжил и пошёл на поправку, нужна только аппаратура, которая смонтирована вот за той переборкой. Мы с вами сетуем, что она не работает, но делаем этот теоретический вывод на основе обобщённых данных, даже не пытаюсь проверить его экспериментально.

— На самом деле это очень даже логично, — возразил Дакоста. — Если все аккумуляторы в этом мире сдохли, то почему тот, который за переборкой, должен работать?

— Потому что он нужен для того, в чём я вижу Божий промысел, коллега!

— И вы ещё рассуждаете о ртути и кровопускании...

— Просто подойдите к этому чёртову пульта и нажмите на эту чёртову кнопку! — рывкнул МакЛарен.

— Не кричите, — обиделся Елизар. — У вас глаза красные, как у лабораторной крысы. Смотреть жутко. Я тоже устал, а резервы моего организма не безграничны, в отличие от ваших. Если я ещё не нажал на эту, как вы выразились, чёртову кнопку, то лишь потому, что не хочу выглядеть идиотом. Можно сколько угодно закидывать сеть в плавательный бассейн, рыба в нём от этого не появится.

— Но если не забрасывать сеть, то вообще ничего не поймает! — воскликнул Джулиан и, поднявшись, подошёл к пульта.

Какое-то время он стоял, глядя на его тёмные датчики и пустые экраны, а потом нажал на неприметную кнопку подключения аварийного режима.

— Ну, и?.. — спросил Елизар, скрестив руки на груди. — Идите спать, доктор!

МакЛарен стоял, глядя в одну точку и проследив за его взглядом, Дакоста изумлённо замер. Индикатор автономного режима работы оборудования медотсека постепенно разгорался, наливаясь сочным алым светом.

— Но как?... — прошептал он. — Это же невозможно!

— Не имеет значения, как! — воскликнул Джулиан и начал нажимать кнопки на пульте. — Главное, что работает. Этот парень заслужил право жить дальше, и наша обязанность — помочь ему в этом деле! Достаньте новые комбинезоны и перчатки. Будем его подключать!

— Чёрт возьми, — ошеломлённо бормотал Дакоста, направляясь к шкафу, — нужно было всего-то нажать кнопку. С ума сойти!

Вторая тёмная ночь уже пошла на убыль, и небеса засияли ярким сапфировым светом. Сёрмону не спалось, он сидел в своём просторном, богато обставленном зале, зябко кутаясь в длинную накидку, подбитую волчьим мехом, и уныло шурился на огоньки свечей, горевших в витом шандале. Мерцающий отблеск огня падал на потемневшую от времени страницу древней рукописи и отражался в его глазах, словно крохотные язычки адского пламени вспыхивали в глубине зрачков. Он пытался понять, подходит ли для его целей описанный в рукописи ритуал, но мысли ускользали. Он устал и готов был впасть в отчаяние. Он так бы и сделал, но это чувство было ему неприсуще, куда логичнее было спрятаться за привычным цинизмом. В конце концов, что с ним случится, если он проиграет в этой партии? Смерть ему не грозит, а жизнь не имеет особой ценности. Ставки были бы не так высоки, если б на кону не стояло благополучие ормийцев, живущих в этом маленьком, укрытом от чужих глаз городке. Кто б мог подумать, что он, алкорский аристократ, один из кровожадных рыцарей-карателей из отряда Горных лисов, которых когда-то бросали в бой против ормийцев с единственной целью — перебить всех, будет переживать оттого, что этим самым ормийцам грозят неприятности! И дёрнул же его Мурб пощадить когда-то молодого повстанца, захваченного в бою! И пощадил-то лишь потому, что хотел убить позже, медленно и со вкусом, доставив себе удовольствие отыграться за свирепые взгляды и оскорбительные речи. И к чему это привело? Он оказался на краю вселенной в окружении дикарей, да ещё и страдая от одной мысли, что его неосторожность может нанести им вред!

Он бросил тёмный лист на стол и покачал головой. Ритуал не годился. И этот тоже! У него оставалась одна надежда, что Ротамон не совладеет с колдуном, нанятым бароном Турланом, а значит, не сможет потребовать платы за свою услугу. Но что такое местный колдун против этого тёмного жреца, за спиной которого стоит Тот, кто за гранью?

Сёрмон потёр глаза и вздохнул. Ему хотелось спать, хотя раньше он полагал, что сон ему не так уж и нужен. Но бесконечное чтение расплывающихся на старых страницах строк утомило его. Должно быть, интеллектуальные усилия — не сильная сторона Проклятого, и в этом деле проку от него не будет. Сёрмон поднял голову и посмотрел в окно. За цветными стёклами светилось предутреннее небо. «Поспать хотя бы пару часов», — подумал он и поднялся. Прежде чем уйти в спальню, он подошёл к окну и приоткрыл его, чтоб проветрить зал. Именно тогда он и услышал, как кто-то тихо позвал его с улицы.

Голос был тихий, шелестящий, но он ясно услышал своё имя и, распахнув створку, высунулся на улицу. Внизу стояла женщина. Голубой свет небес падал на её бледное лицо, выделявшееся на фоне тёмного вдовьего покрывала. Он узнал Задобад Салфар, недавне потерявшую мужа, убитого Ротамоном.

— Что тебе нужно? — недовольно спросил он, задетый тем, что она осмелилась беспокоить его среди ночи, да ещё называть по имени.

— У меня послание для тебя, Сёрмон? — прошелестела она, протянув к окну белые руки.

Он нахмурился. Она вела себя странно. Его побаивались в городе, и Задобад скорее пошла бы со своими проблемами к суровому Авсуру, чем к нему. К тому же что-то странное было в её неестественно бледном лице и этой позе с умоляюще протянутыми руками.

— Сейчас спущусь, — проворчал он и, выходя из комнаты, взял с подставки меч

Канторов в богато украшенных ножнах.

Задобад ждала его возле крыльца, придерживая белой рукой своё покрывало и странно улыбалась. Сёрмон хмуро смотрел на неё, спускаясь по ступеням крыльца. Вокруг было тихо. Горожане ещё спали и даже собаки сидели в своих конурах, не нарушая покой ночи.

— Я послана великим властелином Огня, — с улыбкой произнесла Задобад. — Он велел передать тебе, что исполнил свою часть сделки, а ты должен исполнить свою. Он будет ждать тебя, сам знаешь где. Ты готов принести клятву крови, Сёрмон?

Он задумчиво рассматривал её, понимая, что то, что стоит перед ним, уже не Задобад. Он видел пустые, без единой мысли глаза, странную, похожую на маску, улыбку, и длинные чёрные ногти на тонких белых пальцах.

— Он велел сказать, — прошелестела она, — что верит твоему слову, ибо слово Канторов крепче железа, но если твоё железо изъела ржавчина, то огонь восстановит его прочность. Приходи туда и сделай то, что должен.

Она смолкла, наблюдая, как он медленно вытянул из ножен свой меч, а потом покачала головой.

— Это не поможет тебе, Сёрмон. За мной придут другие посланцы. Любой из тех, кто рядом с тобой, может стать посланцем Властелина. Никто не в силах противиться воле его. А потому просто исполни свою часть сделки...

— Конечно, — кивнул он и взмахнул мечом.

Движение было привычным и точным, и всё же он поморщился, услышав стук, с которым отрубленная голова женщины упала на плиты двора, а следом рухнул её обезглавленный труп. Крови не было. Только нагнувшись, он заметил, что глаза головы ещё смотрят на него, а на губах блуждает всё та же странная улыбка. Она ещё что-то прошептала, но он не смог разобрать, что именно.

— Только после этого она умерла, — произнёс он, внимательно следя за выражением лица Авсура.

Рано утром он явился к повелителю тёмных эльфов, чтоб рассказать о ночном происшествии. Он застал своего старого друга в просторной комнате, служившей ему кабинетом, где на широком, выточенном из цельного ствола дуба резном столе были аккуратно разложены стопки бумаг и коробки с письменными принадлежностями. Авсур, сидевший за столом, слушал его внимательно, но, как обычно, не проявил никаких чувств, кроме озабоченности.

— Ты говоришь, она изменилась? — уточнил он задумчиво.

— Она стала выглядеть так, как по слухам выглядят прислужники Ротамона, — ответил Сёрмон. — А после смерти её труп вспыхнул и сгорел, но одежда осталась нетронутой. Это странно, Рен. Я имею в виду, что она явилась ко мне от его имени. Задобад любила мужа, она была убита горем и полна жажды мести, и вдруг подчинилась его убийце. Меня насторожило то, что она сказала: любой может стать посланцем этого колдуна. Раньше это были только средней руки маги, которые сами шли к нему в услужение.

— И она сказала, что он исполнил свою часть сделки?

— Это правда, — вздохнул Сёрмон. — Под утро приехал мой лазутчик, который присматривал за бароном Турланом. Наш враг мёртв, сгорел в собственном замке вместе с семьёй и челядью. Пожар заметили, только когда он уже охватил верхние этажи.

— А что его маг?

— Это самое плохое, — проворчал Сёрмон. — Он жил в башне, пристроенной к замку. Она не горела. Младший брат барона, живущий в городе, примчался на место пожарища и побежал в башню. Может, он хотел спросить с колдуна за смерть Турлана? Маг был жив и находился в своей башне, но узнали его с трудом. Он был бледен и худ, а его ногти почернели. Завидев людей, ворвавшихся к нему, он начал поносить их и грозить огненными карами, а так же требовал подчиниться властелину огня. Молодой барон приказал схватить его и заточить в подвале, но едва к колдуну приблизились, он вспыхнул, как факел, и сгорел, злобно хохоча.

— Вряд ли этот маг соблазнился посулами Ротамона, — пробормотал Авсур. — Значит, этот колдун теперь завладевает разумом любого, кто ему нужен. Это очень плохо, Норан.

— Не то слово, — вздохнул Сёрмон.

— А что молодой барон? Что он думает об этом?

— Он решил, что это наших рук дело, что это мы погубили его брата в отместку за объявленную против нас войну и подослали колдуна, подчинившего себе придворного мага. Он не видит иных причин, которые заставили бы Ротамона желать смерти его старшему брату.

— Да, у нас причин больше. К тому же так оно и есть. Думаешь, юный барон будет мстить?

— Он напуган до смерти, — усмехнулся Сёрмон. — Так напуган, что больше точно не полезет к нам со своими притязаниями.

— Ну, хоть что-то хорошее, — Авсур задумчиво перевёл взгляд на окно, где уже занялся светлый день, и прозрачное небо изливало мягкий жемчужный свет на покрытые густым лесом склоны гор, окружающие долину. — Ты уже знаешь, как будешь противостоять Ротамону?

— Нет, — покачал головой Сёрмон. — Я перерыл всю свою библиотеку и не нашёл ничего, что могло бы защитить меня от его колдовства. Вернее, самому мне вряд ли что-то угрожает, но ты же знаешь, что он сеет смерть везде, где оказывается. Я опасаюсь, что он устроит пожар в городе и обратит наших людей в своих прислужников.

— Я не допущу этого. Где ты должен встретиться с ним?

— Там же, — пожал плечами Сёрмон.

— У тех развалин?

— Да, теперь это развалины, — слегка раздражённо подтвердил алкорец. — Время свидания не назначено, но он любит тёмное время суток. Я пойду с тобой.

Авсур мрачно взглянул на него.

— Нет. Во-первых, ты ему нужен, потому тебе лучше держаться подальше от него. Лучше всего оставаться здесь и без нужды не контактировать ни с кем. Во-вторых, если мы пойдём вдвоём, и я ввяжусь с ним в поединок, ты не сможешь стоять в стороне. А если мы ввяжемся в него вместе, то Проклятый может вырваться на волю. Уверяю, в пылу схватки ты и сам не заметишь, как возжелаешь этого.

— Да, в бою ярость захлёстывает меня с головой, — покаянно кивнул Сёрмон. — Но ты уверен, что справишься с ним в одиночку?

— Нет, не уверен, но я должен попытаться. К тому же я хочу узнать, чего он хочет на самом деле, — он заметил удивлённый взгляд Сёрмона и кивнул: — Я не верю, что он просто хочет посадить тебя на трон луара. Здесь что-то другое. С чего бы ему стремиться повторить древний расклад, который, в конце концов, оказался неудачным? К тому же, как

бы стар он ни был, он никак не может помнить те давние времена, чтоб жаждать их повторения. Он набирает силу, и, если так пойдёт дальше, то скоро ему не нужен будет никакой ставленник на троне. Я уж не говорю о том, что он может просто подчинить своей воле альдора и его сыновей. Но ему нужен именно ты. Он желает склонить тебя к кровавой клятве. Я хочу знать, зачем?

— Может, ты и прав, — пожал плечами алкорец. — Мне нужно было подумать об этом раньше и попытаться вытянуть из него правду, но я поверил в его версию. А, может, ему просто нужна моя кровь, которую я дам ему по своей воле при принесении клятвы?

— Может быть, — согласился Авсур. — Но твоя кровь для него не цель, а лишь средство достижения цели. Мне нужно знать, что он задумал. Только тогда я смогу решить, как действовать дальше, если конечно мне не удастся победить его в открытом поединке.

— Будь осторожен, — проговорил Сёрмон. — Я не хочу потерять тебя теперь, когда мы обрели покой и свой дом.

— Свой дом нужно защищать, Норан, — заметил Авсур и положил руку на плечо друга. — Иногда ценой своей жизни, но не думаю, что Проклятый так просто её отдаст.

— И всё же у меня ещё есть время до темноты. Я постараюсь придумать, чем помочь тебе и оградить от опасности наш народ.

— Хорошо, — кивнул Авсур. — А я пока займусь повседневными делами, которых у нас меньше не становится.

Он встал из-за стола и вышел из кабинета. Сёрмон какое-то время сидел, глядя ему вслед, а потом устало поднялся, намереваясь снова вернуться в свою тайную комнату, чтоб в очередной раз просмотреть колдовские книги. Дверь за ним затворилась, и в следующий момент бордовый занавес, скрывавший арку в глубине комнаты, приподнялся и из-за него появился Фарок. Он случайно оказался в гардеробной и вовсе не для того, чтоб подслушать этот разговор. Он просто принёс выстиранную и починенную женщинами одежду Авсура, и зашёл в тесный закуток, чтоб убрать её в сундуки. Именно тогда он услышал рядом шаги и голоса, а поняв, о чём идёт разговор, замер, прислушиваясь и стараясь не упустить ни слова из сказанного. И теперь, узнав о страшных ночных происшествиях, он поспешил к своим друзьям, чтоб рассказать им о том, что случилось.

Фарок нашёл их за теремом на хозяйственном дворе, где Юшенг с Антоном чинили большой точильный станок, а за ними, сидя неподалёку на корточках, внимательно наблюдал Юки. Этот станок на рассвете несколько мужчин с трудом вытащили из кузни, чтоб при свете дня можно было осмотреть все узлы и обнаружить причину неподвижности огромного наждачного вала. Сооружение было сложное, с множеством рычагов, шкивов и приводных ремней, к тому же изначально оно было подсоединено к электрическому мотору, а теперь дополнено ещё одной системой приводов, вращавших точильный вал при помощи двух ножных педалей. Юшенг подкручивал винты на шкивах и осматривал ремни, в то время как Антон забрался на педали и с усилием нажимал на них, пытаясь запустить механизм.

Пока Фарок пересказывал то, что услышал в кабинете Авсура, Юшенг продолжал сосредоточено подтягивать широкие ремни, иногда проверяя надёжность их сцепления с натяжными роликами, а Антон, следя за его действиями и реакцией механизмов, высматривал поломку.

— Вы вообще меня слушаете? — обиженно воскликнул Фарок, когда Антон молча указал озабоченному Юшенгу на нижний узел, где ремень соскользнул с вала.

— Да, и очень внимательно, — кивнул Юшенг, достав из ящика с инструментами гаечный ключ. — Нельзя допустить, чтоб Ротамон явился в город. Это может привести к жертвам и разрушениям. Он уже не раз демонстрировал неадекватное поведение и склонность к неоправданной жестокости. Потому я, как звёздный инспектор, обязан принять меры для обеспечения безопасности мирного населения.

— Я согласен, — с готовностью поддержал его Фарок. — Как полицейский, я тоже давал клятву защищать граждан от любых посягательств. Я уж не говорю о том, что для меня они свои. Это мой народ, ормийцы, единственные ормийцы на этой планете. Нас мало, и чтоб выжить, мы должны беречь каждого. А значит, нужно действовать!

Юшенг ослабил винт и, накинув ремень на колесо, вернул его в прежнее положение, после чего деловито кивнул Антону:

— Покрути ещё.

— Работает, — кивнул Антон и спрыгнул с широких педалей. — Я понимаю ваши мотивы, и всё же, может, нам лучше не соваться в это дело и предоставить Авсуру самому разобраться с Ротамоном? В этих делах у него и опыта, и возможностей больше, чем у нас. Что мы можем сделать, чтоб остановить колдуна? Как вы помните, его магия весьма эффективна.

— Ты можешь не ходить с нами, если боишься, — заметил Фарок, пожав плечами. — Мы поймём. Дело опасное, а у тебя нет специальной подготовки. Ты радист, и спецоперации — не твоя работа.

— Я пойду, — резко возразил Антон, в его голосе прозвучала обида. — Я, прежде всего, — спасатель, а уже потом радист. Так что если вы пойдёте, то я с вами. Конечно, я боюсь. Я всю жизнь чего-то боюсь, но как говорит один мой друг, смельчак не тот, кто не боится, а тот, кто умеет справляться со своим страхом. Я над этим работаю.

— Твой друг — мудрый человек, — одобрил Юшенг. — Хочешь пойти с нами, пойдём. И всё же постарайся не лезть в драку впереди нас. Мы всё-таки профессионалы в борьбе с преступными элементами. А этот колдун и есть преступник, и мы должны попытаться справиться с ним сами. Если у нас не получится, тогда пусть с ним сражается Авсур. Но я опасаясь, что если пустить это дело на самотёк, Ротамон может появиться здесь, не дожидаясь ночи, и устроить маленький Армагеддон.

— Без сомнения, — нетерпеливо кивнул Фарок. — Понятно, что нам нужно вынудить его явиться в месте, расположенном подальше от города, и там же постараться его уничтожить. Только вот как мы будем это делать? Убить мы его не сможем. У него защита от человеческого потомства. Да и в части оружия мы сильно ограничены. Ясно, что с копьями, стрелами и мечами делать там нечего.

— Погодите, — остановил его Антон, — давайте сначала решим, как мы его найдём и сделаем так, чтоб встретиться с ним подальше от города.

— Мы его просто вызовем, — заявил Фарок. — А где, итак ясно! Задобад же сказала Сёрмону, что он должен прийти в то место, которое он знает, а в прошлый раз они с Ротамоном встречались у развалин башни, где уже являлась его прислужница, а потом и он сам.

— И как мы его призовём? — поинтересовался Антон.

— Думаю, что не нужно ничего изобретать. Его посланница явилась нашим огнепоклонникам, хотя у них совершенно другой культ. Значит, ритуал вызова не принципиален. Мы просто разожжём костёр и будем его призывать.

— По имени? — в голосе Антона почему-то прозвучал ужас.

— Это самое действенное, — невозмутимо кивнул Юшенг. — И когда он явится, мы попробуем его уничтожить. Конечно, застрелить его мы не сможем, зарубить мечами — тоже. Но можно попробовать его взорвать. Взрывчатка — боеприпас, а не человеческое потомство. Может, сработает.

— Чем взорвать? — уточнил Антон. — У нас есть порох?

— В арсенале есть, — сообщил Фарок.

— И что, мы бросим бочонок пороха в костёр? Это опасно. Мы сами можем пострадать от взрыва.

— Заранее подложить порох в место его появления мы не сможем, — озабоченно пробормотал Юшенг. — Он явится из костра. Если мы будем ждать, пока он выйдет из него, то он сообразит, в чём дело, и может напасть на нас первым.

— А если спровоцировать его, чтоб он выпустил огонь так, чтоб взорвать порох? — предложил Фарок.

— Где гарантия, что он будет при этом ближе к взрывчатке, чем мы? Спровоцировать его на атаку можно только вызвав огонь на себя. Но мы не успеем убраться от закладки пороха, а взрыв должен быть очень сильным, чтоб задел его. Идеальным было бы взорвать место костра, но для этого порох не подходит.

Фарок на минуту задумался.

— Я видел в арсенале брикеты с пластической взрывчаткой и химические детонаторы. Пластит не взрывается от высокой температуры и его можно закопать под костром.

— Я думаю, достаточно ли будет мощности взрыва? Сколько там брикетов?

— А сколько надо? Я видел там несколько ящиков с маркировкой «Отрубленная рука». Это боевое средство минирования. Одного брикета хватит, чтоб взорвать бетонный бункер.

— Может, четыре-пять штук, для надежности?

— А каким образом мы дистанционно активируем детонаторы? — уточнил Антон.

— Жидкость из детонатора в нужный момент можно слить по трубке, — предложил Юшенг. — Если подумать, то активировать его можно с помощью шнура с большого расстояния.

— У нас есть трубки, которые не плавятся в огне?

— Найдём. Главное придумать, как закрепить шнур на клапане детонатора. Это дело техники.

— Ты точно знаешь, как это сделать, или тебе нужно подумать?

— Нужно подумать, — признался Юшенг.

— У нас нет на это времени, парни, — заметил Антон. — Нужно что-то попроще.

— Тогда просто забросать его аннигилирующими гранатами, — пожал плечами Фарок.

— А там есть такие гранаты? — оживился Юшенг.

— Три ящика.

— Что ж ты молчал! Это то, что нужно! Принеси пять штук, сможешь?

— Я всё могу. Если очень захочу.

— Погодите, погодите, — снова остудил их пыл Антон. — Я, конечно, не специалист по взрывчатке, но где-то слышал, что в аннигилирующих гранатах полно сложной электроники. Вы помните, что она здесь не работает?

— Точно! — с досадой кивнул Фарок. — Что тогда?

— А что у нас работает на химии? — задумался Юшенг. — Вакуумные боеприпасы?

— Если они там есть. А нет, придётся довольствоваться обычными тротильными гранатами. Этого добра там полно. Сёрмон тайком от старика продаёт их нашим, глушить рыбу в реке.

— И всё же, поищи вакуумные снаряды и пусковые установки. Если не найдёшь, принеси обычные гранаты. Тоже сгодятся.

— Когда пойдём? — спросил Антон.

— Чем скорее, тем лучше, — ответил Юшенг. — Ротамон может появиться в любой момент. Нужно его опередить.

— Тогда я в арсенал, — воскликнул Фарок. — Не обещаю, что вернусь через полчаса, потому что пробираться туда придётся тайком, да ещё подбирать отмычки к замкам. Но к вечеру, обещаю! А ты, — он резко обернулся к Юки, всё так же сидевшему на корточках неподалёку, — никому ничего не скажешь и будешь ждать нас здесь.

И мальчик поспешно закивал. Фарок направился к крыльцу и быстро взбежал по ступеням, намереваясь сразу же спуститься в подвал, чтоб осмотреть замки на дверях арсенала и подобрать отмычки.

— Фарок! — услышал он резкий голос Авсура и замер, испугавшись, что их планы разоблачены, и его ждёт очередное наказание.

— Опять шатаешься без дела, — проворчал тот, подходя. — Пойдём со мной. Я хочу, чтоб ты помог мне разобраться с донесениями наших агентов. На равнине скоро начнётся война, и я хочу знать, к чему это может привести.

— Уже иду, — с облегчением кивнул Фарок. — Я хотел только посмотреть, сколько мешков муки осталось в подвале, не пора ли отправлять зерно на мельницу.

— Потом посмотришь. Сначала прочитаешь мне, что пишут нам земляне о планах своего короля. Каракули алкорцев я кое-как разбираю, но письменность Сен-Марко мне совершенно непонятна.

— Их письменность принципиально отличается от нашей и алкорской, — начал Фарок но, поймав сумрачный взгляд Авсура, поспешно закивал. — Конечно, я всё прочту вам, повелитель.

— Было б неплохо, чтоб ты сделал письменный перевод, — заметил тот и, развернувшись, пошёл в кабинет, а Фарок, не смея спорить, поплёлся следом, предвидя огромный объём никому не нужной бумажной работы.

Он просидел за переводом до самого вечера, лишь ненадолго прервавшись, когда мальчик-слуга принёс ему поесть. Ему хотелось поскорее закончить, потому он не пожелал прерваться, даже когда Авсур, удивлённый его усердием, пытался отправить его немного отдохнуть. Когда он, наконец, вышел из кабинета, в голове у него гудело, и перед глазами плыли строчки из донесений шпионов и его собственных переводов. Наступила ночь, и хоть на улице было светло, как днём, жизнь в городе замерла на несколько часов. Это было подходящее время, чтоб спуститься в подвал, но подойдя к лестнице, он понял, что пока не поспит хотя бы пару часов, не сможет не то, что вскрыть замки на дверях арсенала, но даже просто отыскать в темноте эти самые двери.

Потому он отправился к себе и рухнул на кровать, надеясь, что проспит не больше пары часов. Его сон был крепок, и, как знать, может, он проспал бы до самой темноты, если б кто-то не тронул его руку. Фарок открыл глаза и увидел сидящего рядом на кровати Юки.

С момента появления в городе эльфов мальчик почти не говорил, но везде ходил за

Фароком, то ли таким образом выражая признательность за своё спасение, то ли просто чувствовал себя в безопасности рядом с ним. Вот и теперь он терпеливо сидел рядом, скрестив ноги, и смотрел на Фарока своими узкими блестящими глазами, а когда тот поднялся и метнулся к дверям, понимая, что чуть не проспал всю светлую ночь, поспешно двинулся следом.

— Не ходи за мной! — приказал Фарок, завязывая на талии широкий узорчатый кушак, и Юки послушно вернулся на место и замер в прежней позе.

Фарок спустился в арсенал и при свете фонаря быстро подобрал подходящие отмычки, комплект которых когда-то стащил из шкатулки в комнате Сёрмона. Открыв дверь, он вошёл и отыскал в глубине помещения ящики с вакуумными снарядами, а рядом две ручные пусковые установки. Однако, осмотрев их, он с сожалением понял, что и снаряды и установки напичканы сложной электроникой, а значит, воспользоваться ими не удастся.

После этого ему ничего не оставалось, как сложить в прихваченную заранее брезентовую сумку десяток обычных ручных гранат. Аккуратно закрыв за собой все двери, он поднялся наверх и разбудил своих друзей.

Двери и окна домов только начали открываться, и на улицу выглядывали слегка сонные горожане, собаки радостно повизгивали, видя, что хозяева выносят им миски со вчерашними объедками, а хозяйки шли доить коров и коз, когда три пантеры с покачивающимися в их сёдлах всадниками уже начали подъём по крутой тропе, ведущей в горы.

Они добрались до развалин, когда близился полдень и небо над вершинами плоских гор начало наливаться синевой, предвещая скорые сумерки. Спешившись, друзья отпустили кошек и, поднявшись по склону к развалинам, осмотрелись.

— Где будем разжигать костёр? — нерешительно спросил Антон, озираясь вокруг.

— Прямо здесь, — проговорил Юшенг, указав на землю у себя под ногами. — Нам нужно свободное пространство от укрытия до костра. Укрыться легче всего в лесу, у подножья горы. До этого места оттуда метров сорок, как раз нормальное расстояние, чтоб бросить гранату и попасть точно в колдуна. Попадёшь? — он взглянул на Антона.

— Я кидал гранаты на полигоне и попадал в цель с соблюдением норматива по дальности, так что можешь не беспокоиться, попаду, — ответил тот. — Ты уверен, что нас самих не заденет осколками на таком расстоянии?

— А какие у нас гранаты? — Юшенг полез в сумку, которую ему передал Фарок и вытащил оттуда небольшой коричневый шарик с выпуклым «пояском» и кнопкой, заглублённой в корпус. — Да, — скептически кивнул он, — этим только рыбу глушить. У нас их «райскими яблочками» называют.

— Скажи спасибо, что я хоть это в темноте нашёл, — проворчал Фарок. — И что, ты хочешь, чтоб в подвале у нашего старика нашлись сверхсовременные боеприпасы, которыми пользуется спецназ Совета Безопасности Объединения Галактики? Так они там есть, но все на электронике! А работает только это старьё!

— Ладно, молодец, что нашёл и принёс, — успокоил его Антон, недоверчиво глядя на гранату, изготовленную наверно в подпольной мастерской ормийских повстанцев в те дни, когда последняя война на Орме ещё была в полном разгаре. — Думаю, они вполне эффективны, если бросить их много в одну цель.

— Радиус поражения у них небольшой, — задумчиво проговорил Юшенг, — но нам большой и не нужен. Граната не тяжёлая, бросать её легко, время замедления около четырёх

секунд.

— Давай решим, как будем действовать, — проговорил Фарок, забирая у него гранату. — Учитывая все эти метры и секунды, нужно продумать все действия так, чтоб гранаты были эффективны и желательно безопасны для нас. Итак, мы разводим костёр. Как скоро явится это пугало, неизвестно, но смысла торчать здесь втроём я не вижу. Вызывать буду я, и я же останусь тут один, а вы с восьмью гранатами спуститесь вниз и будете ждать. Обычно он появляется не сразу: сначала он возникает в глубине огня, и только после этого постепенно приобретает плотность. Убедившись, что он явился, я сразу же уберусь из зоны поражения взрывом, спрячусь вон там, за каменными блоками. Как только я скроюсь из виду, а он будет виден отчётливо, вы бросаете гранаты. Я тоже брошу пару из укрытия. Надеюсь, десятикратной мощности взрыва ему хватит, чтоб превратиться в кучу обгоревших локутов.

— Думаю, локутов не останется, — одобрительно кивнул Юшенг. — Хороший план. Идём собирать хворост, парни.

Они снова спустились с горы и, пройдясь по лесу, собрали сухие сучья и ветки. Через некоторое время на вершине горы возле развалин выросла большая куча хвороста, которую Юшенг поджёт с помощью карманной зажигалки. После этого они с Антоном быстро вернулись к лесу и остановились под деревьями, держа гранаты наизготовку.

Фарок дождался, когда они займут свою позицию, а потом повернулся к разгоревшемуся костру, пламя которого уже поднялось выше его головы. Огонь весело играл на сухих ветках и потрескивал, выпуская в прохладный воздух маленькие взрывы крошечных весёлых искр. Фарок какое-то время смотрел в глубину пламени, а потом громко произнёс:

— Ротамон, я призываю тебя! Явись!

Ответом ему было только гудение костра и треск лопавшихся от жара сучков.

— Ротамон! — снова крикнул Фарок. — Именем огненного божества, живущего в костре, я вызываю тебя!

И снова тишина, только где-то в небе откликнулся клёкотом большой рыжий орёл.

— Ротамон! Призываю тебя во имя Того, кто за гранью! — требовательно скомандовал юноша. — Эй, чучело, ты же хотел принести меня в жертву своему божку. Что ж, приди и возьми, если сможешь! — и тут же он заметил, как что-то чёрное мелькнуло в рыжем свечении огня.

Он вглядывался в это нечто, и вскоре уже ясно рассмотрел бесформенную чёрную фигуру, появившуюся в костре. Как только это случилось, он метнулся к развалинам и, пробежав по разбитым блокам, прыгнул за кучу камней, в которую превратилась одна из стен башни. Выглянув из своего укрытия, он видел, как в костре всё чётче вырисовывается фигура в балахоне, при виде которой его снова, как тогда в магической клетке, охватил страх. Чёрные складки грубой ткани извивались среди языков пламени, и он уже мог разглядеть широкий, накиннутый на голову колдуна капюшон. И заметив, как беспомощно огонь лижет широкий балахон, он подумал, что этому монстру и взрыв гранаты будет нипочём. В какой-то момент его охватило отчаяние, но вместо того, чтоб бежать, он поднялся из-за камней и бросил первую гранату.

Взрыв показался ему слабым и жалким, всего лишь небольшая вспышка огня, от которой в стороны разлетелись каменные осколки. Он тут же спрятался в укрытии. Следом прозвучали один за другим ещё два взрыва, а следом ещё. Теперь он чувствовал, как вершина горы и развалины башни вздрагивают от каждого удара, и, насчитав вслед за своим ещё

восемь взрывов, снова приподнялся и бросил последнюю гранату, успев увидеть края большой воронки и поднимающийся над ней тёмный дым.

Всё стихло. Юшенг и Антон смотрели вверх, ожидая, когда рассеется тёмное облако и осядет вздыбленная взрывами земля. Казалось, там наверху не могло выжить ничто живое. Но вскоре они заметили нечто странное. Облако рассеивалось, но внутри него темнело нечто чёрное, что и не думало улетать или исчезать. А чуть позже они увидели, что над глубокой воронкой в нескольких метрах от земли висит колдун в своём бесформенном балахоне. Он медленно начал поднимать руки и на его худых ладонях зажглись ярко-красные плазменные шары.

— Бежим! — крикнул Юшенг и бросился вглубь леса.

Антон уже был готов к этому и, развернувшись, тоже нырнул в плотный кустарник под деревьями. А спустя мгновение вслед ему ударила мощная волна огня, сжигая листья и ветки. Антон в ужасе бросился на землю, понимая, что сейчас вспыхнет трава и деревья вокруг. И в этом лесном пожаре не выжить ни ему, ни Юшенгу. Пламя ревело за его спиной, но вдруг он понял, что вокруг стало тихо, обгоревшие листья осыпались на влажную зелёную траву. Приподняв голову, он оглянулся и увидел на краю леса человека в тёмном плаще, от которого вверх к развалинам била мощная струя пламени, словно он держал в руках огнёмёт.

— Авсур! — услышал он в стороне громкий шёпот Юшенга и, словно в подтверждение этому раздался голос повелителя эльфов:

— Убирайтесь отсюда, наглые щенки! Все трое!

Антон был рад подчиниться, но всё же вопросительно взглянул на младшего инспектора. Тот мотнул головой и жестом показал, что нужно немного отступить и понаблюдать, что будет. Они отползли назад, а потом чуть в сторону и теперь могли видеть обгоревшую до голой земли и обугленных камней вершину горы с руинами башни, которые уже превратились в кучи каменного мусора.

Авсур стоял внизу и без видимого усилия направлял туда бившую из его ладоней струю пламени. Наконец, он решил, что этого достаточно, и пламя рыжими искрами опало на землю. Уж теперь-то можно было ожидать, что колдуна они там не увидят, но он так же висел над воронкой, и его чёрный балахон развеивал ветер, завывавший в кронах деревьев.

— Глупо тушить огонь огнём, — раздался в голове Антона жутковатый голос. — Ты постиг магию Огня, Авсур, повелитель тёмных эльфов, но ты ошибаешься, если думаешь, что твоя магия сильнее моей.

— Я так не думаю, — возразил Авсур и начал подниматься по склону. — Мне нужно было задержать тебя, чтоб дать возможность уйти этим глупым мальчишкам. Надеюсь, они теперь далеко.

— Я всё равно настигну их. Но позже... — свистящим шёпотом отозвался Ротамон, плавно опустился ниже и встал на край воронки. — Я найду всех, кто живёт на этом клочке тверди, и обращу в свою веру. Но сначала я устраню тех, кто может мне помешать, и начну с тебя.

— Ты считаешь, что я могу тебе помешать, но я вовсе не собираюсь это делать, — проговорил Авсур, остановившись в нескольких шагах от него. — До сей поры наши сферы интересов не пересекались, что же изменилось? Зачем ты убиваешь моих людей? Неужели тебе нужен этот дикий край и небольшое племя, которое не представляет для тебя никакой опасности?

— Мне не нужны ни вы, ни ваша земля, — ответил Ротамон. — И потому вы будете

обращены или уничтожены. Из всех вас мне нужен только один. Когда я услышал отсюда зов, я думал, что это пришёл он, но явились эти наглые существа, а следом ты. Я хочу видеть Сёрмона. Если хочешь получить отсрочку гибели своего народца, возвращайся и скажи ему, что я жду его, чтоб заключить сделку.

— Он не придёт, — проговорил Авсур. — Я думал, что ты понял это, когда он убил прошлым утром твою посланницу.

— Я больше не слежу за своими рабами. Их слишком много, и они не имеют никакой ценности, в отличие от Сёрмона. Он мне нужен, и если он не придёт ко мне, я сам приду к нему. Он должен дать мне клятву крови.

— Зачем тебе его клятва? Вернее, его кровь? Ведь ради его крови ты затеял весь этот спектакль.

— Ты умён, — в голосе колдуна послышалось что-то вроде насмешки. — Мне нужна его кровь или кровь любого из рода Канторов, древних западных королей Алкора. Канторы произошли от небесного дракона и волчицы, на загривке которой росли сосновые леса. Они несли в себе могучую магию древних богов, но не умели ею пользоваться. Для этого им нужны были мы. А они нужны были нам. Они давали нам кровь, в которой была мощь земли и неба, а мы давали им власть, потому что владели знанием, как воплотить эту силу в действие. Так и было, пока зловредная и глупая жена короля Волара не изменила ему с рыбаком, ловившим рыбу в озере у стен королевского замка. И её второй сын, который пришёл к нам по древнему договору, оказался ублюдком, лишённым чистой крови Канторов. На целое поколение мы утратили силу, и враги восстали на нас и свергли западных королей. Они изгнали нас... Но теперь с помощью чистой крови я могу снова возродить древнюю силу, приложив к ней великое знание.

— Почему ты так уверен в чистоте его крови? — усмехнулся Авсур. — Знаешь, сколько распутных дам было в его роду? Думаешь, все они рожали от своих мужей, а не от рыбаков, конюхов и лакеев?

— Я не знаю, течёт ли в нём кровь Лоуртов, но кровь Канторов я чую носом. Этот аромат, настоящий на древних травах и осколках звёзд, не спутаешь ни с чем. Я сразу почувствовал его, даже, несмотря на то, что смрад живущего в нём демона отравляет всё вокруг.

— Ты не боишься, что демон отравил и эту кровь? Может, она, несмотря на свой аромат, уже не годна для твоих ритуалов? Может, в ней уже нет той силы, которую ты ищешь?

— Та сила мне и не нужна, теперь я знаю, как получить, куда большую мощь. Кровь Сёрмона, какой бы грязной она ни была, годится для открытия Врат, — ответил Ротамон. — Мне нужно только открыть Врата, и я получу за ними всё, что мне нужно.

— Что за Врата? — нахмурился Авсур, невольно положив руку на рукоятку своего меча.

— Трое Врат, — мечтательно прошипел Ротамон. — Врата Отцов, которые позволят мне говорить со старейшинами Ордена, Врата Богов, которые дадут право говорить с Тем, кто за гранью, и получать от него ответы, Врата Силы, которые дадут мне доступ к неисчерпаемому источнику энергии.

— И что будет, когда ты их откроешь?

— Открытие Врат Отцов даст мне возможность сообщить старейшинам о том, что здесь есть мир, который можно использовать для базы наших будущих завоеваний, и тогда сюда устремятся мои братья, которым я открою путь в этот мир. Многие из них будут равны мне

по силе, но будут и те, кто сильнее, и перед кем меркнет сила великих магов и мудрецов. Они займут вершины власти и установят в этом мире правильный порядок. Открытие Врат Богов даст мне возможность разговаривать с Тем, кто за гранью, проводить здесь его волю и быть его дланью. Он возвысит меня над другими братьями и даст в мои руки свой меч, карающий врагов, и жезл, несущий его власть. А открыв Врата Силы, я получу вечный источник чистейшей энергии. Ещё недавно я мог превращать в свои жалкие подобия местных колдунов, пожелавших подчиниться мне, но сейчас я могу проделать это с любым, кто обладает злой волей. Сила, позволяющая мне делать это, пока течёт ко мне тонким ручейком, но после открытия Врат хлынет бурным потоком, и я сам стану Силой! И тогда я смогу поработать миры, и никто, из живущих в них, даже не успеет осознать, что с ним происходит, не то что сопротивляться. Во имя Того, кто за гранью, я буду подчинять нашему Ордену все миры, до которых смогу дотянуться. Я стану делиться силой со своими братьями, и они так же пойдут по звёздным дорогам, подчиняя себе планету за планетой. И все жители этих миров будут впредь нашими посланцами и воинами, и каждый понесёт с собой меч и жезл того, кто, наконец, выйдет из-за грани и воцарится в этом мире и миллионах других миров! Кто не подчинится его воле или не подойдёт для этой миссии, будет сожжён на месте. Так будет создана великая империя великого бога и его покорных и верных служителей. И всё, что мне нужно для того, чтоб начать это, — кровь Сёрмона. Всего несколько капель, которой он скрепит договор.

Авсур молчал, глядя в землю перед собой. Он явно был потрясён тем, что услышал, потрясён так сильно, что даже не пытался скрыть это. Он сжимал побелевшими пальцами рукоятку меча, и наконец, поднял голову и взглянул в темноту под чёрным капюшоном.

— Я не позволю тебе встретиться с Сёрмоном! — проговорил он сквозь стиснутые зубы.

— Я не спрашиваю твоего согласия, — возразил Ротамон. — Я рассказал тебе всё это лишь потому, что знаю, что ты никому не сможешь это передать. Я не могу убить тебя. Исчадьё Тьмы, что свило себе гнездо в твоём теле, бережёт его. Но я могу изгнать тебя из этого мира. Ты не будешь представлять опасности, поскольку отделённый от Сёрмона уже не сможешь призвать таящуюся в тебе тёмную сущность, чтоб помешать мне. И Сёрмон утратит такую возможность. Ему придётся подчиниться моей воле.

— Он не станет, — покачал головой Авсур.

— Ты этого уже не узнаешь...

Колдун снова поднял руку, направил её на Авсура, и за его спиной сформировался тёмный конус воронки. Плащ повелителя эльфов взметнулся, как от сильного ветра и протянулся туда, затягиваемый внутрь портала. Авсур вздрогнул, и его потащило назад. Выхватив меч, он глубоко вонзил его в землю, пытаясь удержаться на месте, но воронка затягивала его.

И в этот момент из-за кучи камней выскочил Фарок. Ротамон, сосредоточенный на своём колдовстве, не заметил его, а юноша метнулся к нему и прижал ладони к его спине. В тот же миг его отбросило в сторону, но и колдун бессильно замер, согнувшись пополам. Тёмная воронка мгновенно исчезла, и Авсур бросился к Фароку. Он упал рядом с ним на колени и приподнял тело юноши, прижав пальцы к его шее.

— Фарок, мальчик мой, — отчаянно прошептал он, нагнувшись к его лицу.

Но молодой ормиец был бледен и под пальцами не чувствовалось биение пульса. Авсур медленно поднял голову и с яростью взглянул на колдуна.

— Ты убил моего сына! — прорычал он.

— Я убью всех! — загудел Ротамон и распрямился так резко, что пошатнулся и чуть не упал в яму за своей спиной. — Я воздвигну свой трон на развалинах этой галактики!

— Нет, я остановлю тебя, — Авсур поднялся и посмотрел на бездыханное тело сына у своих ног. — Я сделаю это, даже если мне придётся вместе с тобой уничтожить весь этот мир.

И развернувшись, он сбежал вниз по склону, свистом призывая свою пантеру. Он скрылся за деревьями, а из кустов, тревожно поглядывая на покачивающегося колдуна, выбрался Юшенг и начал карабкаться по склону туда, где лежал Фарок. Вслед за ним появился и Антон. Ему было страшно, но он как-то уже начал привыкать к тому, что делает что-то нужное наперекор своему страху. Он не верил, что Фарок погиб, в любом случае, он должен был сам убедиться в этом и забрать друга отсюда.

Они с Юшенгом присели на обугленную землю рядом с Фароком, а колдун, наконец, заметил их и протянул к ним свою дрожащую руку. Однако он ничего не успел сделать, потому что внезапно из-под камней выскочил небольшой белоснежный зверёк с тремя хвостами и с визгливым лаем начал крутиться вокруг него, подпрыгивая и клацая маленькими острыми зубками. Разозлённый колдун направлял на него свои чёрные когти, но с них слетали только жалкие язычки рыжего пламени, от которых трёххвостый лисёнок легко уворачивался. Наконец, колдун нагнулся и попытался схватить зверька когтями, однако, тот подпрыгнул, ловко уцепился лапами за его рукав, быстро вскарабкался по руке на плечо и нырнул в темноту под капюшоном. Колдун зашатался и задрожал, он схватился руками за горло и взвыл так, что Юшенг и Антон поспешили зажать уши. От этого воя задрожали горы и застонали деревья, но вскоре он прекратился. Теперь было слышно только свирепое повизгивание, переходящее в сердитое ворчание. Руки колдуна опали и сам он рухнул назад, в воронку, откуда тут же заструился чёрный дым.

Юшенг вскочил на ноги и, подбежав, заглянул в яму. Там лежал чёрный скелет, едва прикрытый дымящейся мантией, а на его рёбрах сидел лисёнок и злобно завывая, грыз шейные позвонки. Испугавшись, что зверёк может обгореть, Юшенг спрыгнул вниз и, взяв его на руки, вскарабкался обратно. Лисёнок дрожал, прижимаясь к нему и возбуждённо повизгивая, а скелет внизу ярко вспыхнул и сгорел в один миг, оставив после себя серое пятно пепла, которое быстро уносил ветер.

Инспектор вернулся к Антону и присел рядом с Фароком, голову которого Антон держал на своих коленях. Лисёнок жалобно заскулил, перепрыгнул на грудь юноше и принялся облизывать его лицо.

— Хватит, Юки, — прошептал Фарок и, поморщившись, отодвинул его мордочку от своего лица.

— Эй, парень, ты жив? — воскликнул Юшенг.

— Да, но по мне проехал танк. Тяжёлый. С полным вооружением.

— Господи, как ты нас напугал! — воскликнул Антон. — погоди, ты назвал этого зверя Юки?

— Он загрыз Ротамона, — сообщил Юшенг. — Представляете? Никто не мог с ним справиться, а он просто загрыз его.

— Он родился лисой, — ответил Фарок и открыл глаза. — Ему больше нравится быть щенком. Он постоянно превращался, когда спал у меня в ногах. Я обалдел, когда увидел это впервые, а потом привык. Он хороший оборотень... — улыбнувшись, он потрепал лисёнка по загривку.

— Судя по хвостам, это хули-цзин, лис-оборотень, его ещё называют кумихо и кицуне, — заметил Юшенг, внимательно разглядывая щенка. — Он превращается в человека?

— Точно, — Фарок кивнул и приподнялся. — А где Авсур?

— Он уехал. Кстати, он сказал, что ты его сын. Это правда? Он решил, что ты мёртв.

— О, это плохо! — нахмурился юноша и протянул Антону руку, чтоб тот помог ему подняться. — Что он сказал?

— Он сказал, что остановит Ротамона, даже если ему придётся вместе с колдуном уничтожить весь этот мир.

— Чёрт! — воскликнул Фарок. — Надо спешить! Помогите мне! Если мы их не остановим, они тут камня на камне не оставят!

— Кого их? — забеспокоился Юшенг, помогая ему встать.

Но Фарок только отмахнулся и, посмотрев в сторону леса, свистнул, призывая кошек.

Авсур сам не заметил, как примчался по горным тропам обратно в город. В груди его кипела ярость, сердце болело от невосполнимой потери, но взгляд был сумрачен и твёрд. Он всё решил. Ему придётся уничтожить этот мир, чтоб остановить здесь великое зло, которое может вырваться в космос и поработать планету за планетой, среди которых однажды окажется Орма. Он не размышлял о последствиях и не думал, какую ответственность возьмёт на себя. Он просто всё решил, и теперь думал лишь об одном: скорее добраться до города, успеть до того, как туда явится Ротамон, и первым встретиться с Сёрмоном.

Большие мягкие лапы его пантеры уверенно ступали по камням. Кошка прыгала, мягко приземляясь на маленькие площадки, чтоб сократить путь. Небо над головой постепенно темнело и наливалось сочным синим цветом. Было тихо, лишь мягко шелестел в кустах лёгкий ветерок, хрустели камни под лапами кошки, да стучало его сердце, отсчитывая минуты до рокового шага.

В город он въехал уже в сумерках, когда в домах и вдоль мощёных дорожек приветливо загорались золотые огни, а по улицам, почтительно кланяясь, ходили его соплеменники в красивых нарядах. Он осуществил свою и их мечту, создав маленький кусочек благословенной старой Ормы в чужом мире, они нашли здесь дом и покой, к которому стремились долгие годы войны и скитаний. И теперь всё это должно будет исчезнуть, так или иначе. Он смотрел вокруг, невольно представляя, как белеют и мрачнеют эти живые смуглые лица, как дети тянут к нему худые ручонки с чёрными загнутыми когтями, и понимал, что лучше уничтожить всех их до того, как будут разрушены их души и изуродованы тела, до того, как они превратятся в орудие безумного колдуна, получившего слишком много силы, которая благодаря им ещё возрастет.

Подъезжая к своему дому, он остановился, невольно залюбовавшись этим деревянным дворцом, выстроенным вокруг огромного дерева. Они так и старались жить в этом мире, не воюя с природой, а вживаясь в неё и стремясь к гармонии. Но медлить было нельзя, и он с усилием отвёл взгляд от мерцающих гирлянд фонариков, висящих в глубине ветвей.

Спрыгнув с седла, он хлопнул пантеру по спине, и она, издав бархатное рычание, сама направилась в сторону своего загона. А он посмотрел в небо и свистнул, призывно подняв руку. Филин мог быть далеко, он мог охотиться в лесу на мелких грызунов или просто спать после сытной кормежки в ветвях сосны возле водопада. Но он должен был услышать зов и прилететь, потому что эта загадочная птица уже давно стала частью странного и ужасного

тандема, на котором зиждилось могущество Проклятого, мерзкого, злобного и совершенно безмозглого демона, смыслом существования которого была смерть и разрушения.

Птица прилетела и с клёкотом спланировала на его предплечье, а потом, привычно перебирая когтистыми лапами, по руке взобралась на плечо и потёрлась клювом о его висок.

Авсур взбежал по ступеням крыльца и, не обращая внимания на кланявшихся ему слуг, прошёл по залам и поднялся на второй этаж. Внешняя дверь в покои Сёрмона была распахнута, и он стремительно миновал его изукрашенные комнаты, наполненные дорогими вещами, чаще ворованными, чем купленными. Эта мысль тенью мелькнула в его голове и исчезла, потому что он остановился возле массивной двери, за которой Сёрмон прятал свою никому не нужную библиотеку, набитую нечитаемыми книгами и свитками, тем более непонятными оттого, что написаны они были на языке, неизвестном никому в маленькой ормийской колонии, кроме, разумеется, самого Сёрмона. И всё же он ревностно защищал свои сокровища, накладывая на двери сложные заклятия.

Авсур решительно постучал в дверь и крикнул:

— Открывай, Норан! Это я!

Сначала было тихо, и эта тишина и промедление старого друга вызвали у него раздражение, а потом за дверью послышался настороженный голос:

— Ты один там?

— Да, один! — ответил Авсур, и птица недовольно нахохлилась, словно не соглашаясь с таким заявлением.

— А почему у тебя такой голос? — подозрительно спросил Сёрмон, после некоторого молчания.

— Какой ещё голос? — рявкнул Авсур.

— Возбуждённый и злой. Что-то случилось?

— Да, случилось! Может, ты сперва откроешь мне, а потом я расскажу тебе об этом?

— Нет, Рен, — возразил Сёрмон. — Я не стану открывать. Не сердись, но ты же сам велел мне запереться и избегать контактов с кем бы то ни было! Может, в тебя тоже вселился этот колдун?

— Ты с ума сошёл? — раздражаясь ещё больше, спросил Авсур. — Неужели ты думаешь, что он может как-то влиять на меня?

— Кто знает? Задобад сказала, что любой может стать его посланцем. И ты тоже. Если хочешь мне что-то сказать, говори через дверь. Я слушаю.

— Я встречался с ним... — начал Авсур.

— Ну, вот видишь! — словно обрадовался алкорец.

— Он убил Фарока.

— Что ты сказал? — взволнованно переспросил Сёрмон.

— Он пытался выкинуть меня из этого мира через портал, но Фарок помешал ему. Мой сын мёртв.

— О, Рен...

— Может, ты всё-таки откроешь?

— Не сейчас. О чём вы говорили? Он сказал, зачем ему моя кровь?

— Да, она поможет ему призвать сюда множество таких же, как он, исчадий Тьмы, которые устроят тут базу для завоевания галактики.

— Это смешно!

— Вовсе нет! Он призовет сюда своего чёртова бога и получит силу, которая позволит

ему превратить любого в своё подобие. Он намерен превратить всех, кто живёт в этом мире, и отправить их в иные миры, наделив силой, с помощью которой они будут превращать население других планет в скопище бледных уродов с чёрными когтями, с тем, чтоб отправить их дальше. Они собираются, как чума, распространиться по всей галактике, ты понимаешь?

— Рен, ты же знаешь, что подобные фантазии периодически возникают у всяких безумцев то здесь, то там. Но их всегда останавливают, как мы остановили Рахута. И эту экспансию остановят!

— Какой ценой, Норан? Сколько планет они успеют уничтожить, как много сил придётся затратить Объединению, Великому кольцу и тем, кто выше и ближе к центру галактики, чтоб остановить эту заразу раз и навсегда? Сколько душ будет загублено, как душа Задобад, сколько людей погибнет, как мой Фарок? Не проще ли будет остановить всё это здесь и сейчас?

— Ты о чём? — в голосе Сёрмона послышалось беспокойство. — Ты что, знаешь, как его остановить?

— Догадываюсь. Он боится Проклятого, потому и пытался избавиться от меня. Проклятый не человек и никогда не был им. Он демон, и он может уничтожить колдуна, или хотя бы сделать так, чтоб этот мир уже не смог стать базой для их экспансии.

— Нет, — воскликнул из-за двери Сёрмон. — Нет, нет, Рен! Ты же понимаешь, что Проклятый не остановится, пока не уничтожит здесь всё! В прошлый раз его остановил ты, мне это не под силу! Вспомни, сколько народу он тогда перебил! Ты хочешь, чтоб он превратил наш город в руины, покрытые кровавым месивом, разорвал в клочки наших людей, которых мы собирали по всей галактике и берегли каждого, чтоб заложить основы нового мира? Нашего мира, Рен! Ты хочешь всех их убить?

— А что, лучше будет, если они превратятся в монстров, несущих смерть?

— Не лучше, но я... Я не стану этого делать.

За дверью стало тихо. Авсур прислушался, а потом позвал Сёрмона, но тот не откликнулся. Наверно, он вовсе отошёл от двери.

— Надеюсь, что так... — прошептал Авсур и с размаху ударил в дверь кулаком, вложив в удар всю свою ярость.

Массивная деревянная плита вылетела из проёма и с грохотом упала на пол. Он вошёл в библиотеку, освещённую несколькими свечами. Сёрмон стоял у стола и, увидев его, отступил дальше, отрицательно качая головой.

— Нет, Рен. Я не согласен. Я не хочу, чтоб всё закончилось так. Я уверен, что есть другой выход, нужно только поискать его.

— Его нет! — заявил Авсур, подходя ближе, и скинул с плеча птицу, которая заметалась в низкой тёмной комнате.

— Слушай, ты в отчаянии оттого, что потерял сына. Тебе кажется, что этот мир недостойн существовать, если он уничтожил твоего мальчика. Я понимаю. Я сам любил его, ты же знаешь! У меня нет своих детей, и Фарок был мне как племянник. Я скорблю по нему, но это не значит, что я хочу наказать его убийцу, если ценой этой мести станут тысячи других жизней. Вдумайся, Рен! Я, маньяк и убийца, взываю к твоему разуму и милосердию! Неужели твоё сердце не дрогнет, неужели ты хочешь, чтоб вслед за твоим сыном умерли другие молодые ормийцы, женщины, дети, мужчины, доверившие тебе свою жизнь и судьбу!

— Дай руку, Норан, — негромко потребовал Авсур, протянув ему левую ладонь.

Он обошёл стол и вплотную приблизился к алкорцу, забившемуся в угол между книжными полками.

— Я лучше отрежу её, Рен, — проговорил Сёрмон.

— Не успеешь...

Авсур подступил к нему и, схватив правой рукой его левую руку, прижал свою ладонь к его, их пальцы невольно переплелись, а птица, которая с тревожными криками носилась под низким потолком, устремилась к ним.

Сёрмон пытался отвести взгляд, но увидел, как в чёрных глазах Авсура заплясали жутковатые зелёные искры и от ужаса зажмурился. Птица над его головой резко вскрикнула, и что-то стукнуло рядом о полку, а потом упало на пол.

— Не надо, отец! — услышал он звенящий голос Фарока и, открыв глаза, плечом оттолкнул от себя Авсура, после чего отскочил подальше и чуть не упал, споткнувшись обо что-то мягкое.

На полу трепыхался филин, растеряно крутя большой головой и бессмысленно тараща мутные глаза, а рядом лежал толстый том, которым, как снарядом, была сбита в полёте зловредная птица. Возле стола стоял Фарок, бледный и решительный.

— Не надо, — повторил он, — колдун мёртв, его больше нет.

— Не подходи к нему! — крикнул Сёрмон, остановив бросившегося к сыну Авсура. — Это колдун.

— Нет, это я, дядюшка! — сердито откликнулся Фарок. — Жив и здоров, возможно, слегка контужен. От этого, знаешь ли, иногда бледнеют. Повелитель, пожалуйста! Поверьте мне, это я.

— И ты убил колдуна? — тихо спросил Авсур.

— Нет, не я, он! — Фарок обернулся и ткнул пальцем туда, где в дверном проёме стоял Юшенг, держа на руках небольшого белого зверька. — Это Юки, он оборотень. Он запрыгнул под капюшон и загрыз колдуна.

— Вот этот щенок?

— Это необычный щенок, — улыбнулся Юшенг и, повернув лисичку, провёл ладонью по трём хвостам. — Это волшебное создание. Фарок спас его и, увидев, что колдун напал на него, Юки отомстил.

— Это правда? — Авсур недоверчиво посмотрел на стоявшего за спиной Юшенга Антона.

— Да, колдун мёртв, его загрыз маленький оборотень, который родился лисёнком от лисы и лиса, — подтвердил тот.

Авсур вопросительно взглянул на Сёрмона и увидел, что тот с вожделием рассматривает искристую шкуру зверька.

— Только попробуй, — проворчал Авсур и сунул ему под нос кулак.

— Да какая с него шкура, только на перчатки... — усмехнулся Сёрмон.

— Ты меня понял, — с угрозой в голосе проговорил Авсур.

— Слава Звёздам, — Фарок устало оперся руками о стол. — Мы успели. Я прошу вас отец, я очень вас прошу: никогда не делайте этого!

— Хорошо, мой мальчик, — кивнул тот и, подойдя, обнял его. — Я обещаю тебе, что больше никогда не стану пытаться вызвать его.

— Всё хорошо, что хорошо кончается, — пробормотал Антон и почесал за ухом довольного Юки.

А Сѣрмон так же почёсывал ошалевшего филина, которого поднял с пола и нежно прижал к своей груди.

Светлый день подходил к концу, и на лес, окружавший звездолёты, медленно опускались тихие голубые сумерки. Громкий пересвист птиц постепенно смолкал, уступая место негромкому стрёкоту кузнечиков и шуму ветра в густых кронах деревьев. Жизнь в лесу замирала, готовясь к долгой спокойной ночи, которую не нарушали человеческие войны и смуты. Всё вокруг дышало прохладой и умиротворением, и даже негромкое ржание лошадей, послышавшееся в тишине, не нарушило спокойствие природы, мягко погружавшейся в сон.

Отряд из тринадцати всадников в рыцарских доспехах на усталых лошадях не спеша двигался по лесу, следуя маршрутом, обозначенным светящимися в полумраке наклейками на стволах деревьев. Когда они выехали на небольшую поляну, украшенную странным деревянным идолом, один из них махнул рукой, и пять наездников отделились и скрылись в тени деревьев. Офицеры «Пилигрима» отправились к своему звездолёту, в то время как их коллеги проследовали дальше по тропе, ведущей к «Паладину».

Их путь был хоть и дальним, но достаточно спокойным. Они покинули поле битвы под стенами луара рано утром и двигались на юг, лишь ненадолго останавливаясь на небольшие привалы. При этом командор де Мариньи жёстко пресекал все разговоры о том, что неплохо было бы заехать по дороге в Магдебург. Он прекрасно понимал, что его товарищи из обеих сошедшихся на равнине армий всё ещё находятся под действием воинственного духа, витавшего над боевыми штандартами луара и Сен-Марко. Их мысли и воспоминания всё ещё были там, среди новых друзей, и души рвались в бой, но любая задержка в пути была бы потворством этой слабости, а потому он настойчиво вёл их в расположение звездолётов. А они, следуя жёсткому приказу командования, вынуждены были подчиниться. В его присутствии они не решались выражать своё недовольство, но когда он со своими подчинёнными скрылся в лесу, остальные слегка расслабились. Всё-таки для них Джим Ноттингем был, скорее, сослуживцем, чем строгим командиром. И потому, проводив Хока взглядом, Игнат Москаленко вздохнул с облегчением и, поравнявшись с ехавшими впереди Карначом и Валуевым, спросил:

— Не кажется ли вам, друзья мои, что мы дезертировали перед боем, бросив своих товарищей по оружию на произвол судьбы?

Карнач мрачно взглянул на него, а возглавлявший отряд Ноттингем обернулся и, вздёрнув бровь, поинтересовался:

— Проблемы, капитан?

— Никаких проблем, командор, — ответил за Игната Валуев и, взглянув на друга, проворчал: — Сказал бы спасибо, что тебя в последний момент вытащили из пекла, где тебе не понятно за что могли снести голову.

— Или просто и бесхитростно отрубить руки и ноги, — добавил Карнач. — Потому прекращаем эти разговоры и думаем, как будем выкручиваться, когда придётся докладывать о нашем несанкционированном командованием участии в боевых действиях на чужой планете.

— Если будет, кому докладывать, — проворчал Игнат, и, тем не менее, это замечание дало ему новую тему для размышлений, и он помрачнел ещё больше, обдумывая сложившуюся ситуацию.

О близости звездолёта их известили голоса перекликающихся в перелеске стажёров, и

Джим, чтоб не напугать их, заранее крикнул:

— Свои!

По тому, как курсанты кинулись им навстречу, что-то радостно тараторя на ходу и подхватывая уздечки коней, чтоб с почётом препроводить офицеров в лагерь, те с печалью поняли, что никаких других развлечений у ребят здесь нет, и даже их возвращение является большим событием.

Звездолёт встретил их нависающей над поляной безмолвной скалой, едва выступающей из сгустившихся сумерек. Даже отсветы огня от костра не оживляли его тёмные борта, и эта безрадостная картина, а более всего окружавшая лагерь тишина, произвели на вновь прибывших гнетущее впечатление. Возможно, кому-то из них и хотелось тут же развернуть коней и отправится назад, туда, где их ждали либо звуки кровавых сражений, либо палачи, быстро приводящие в исполнение приговоры, вынесенные дезертирам и изменникам, однако, делать они этого не стали. Джим Ноттингем спрыгнул с коня на землю и, обернувшись к ним, произнёс:

— Войны, господа офицеры, рано или поздно заканчиваются для всех, и вам ещё повезло, что со своей вы вернулись живыми. Потому привыкайте к мирной жизни, а чтоб вам было легче освоиться в новой реальности, я придумаю, чем вы сможете занять себя с раннего утра и до позднего вечера. Как командир звездолёта обещаю: скучать вам не придётся.

— Вынуждена тебя разочаровать, Джимми, — раздался рядом женский голос, и к ним подошла Изабо Моро, которая как-то не очень радовалась его возвращению, — но ты — не командир. Азаров вернулся.

— Вот как? — ничуть не расстроился и не удивился Ноттингем. — Значит, они его нашли и вытащили оттуда. Понимаю, почему тебе так грустно...

— Хватит скалиться, — огрызнулась она. — Посмотрим, как ты запоёшь, когда попадёшь ему под горячую руку.

— Максимум, что мне грозит: я превращусь в кучку пепла, — пожал плечами Джим и обернулся к подчинённым. — Я к командиру, доложу о нашем прибытии. А вы снимайте эти консервы и приведите себя в порядок. И побриться не забудьте, а то выглядите, как банда мародёров.

— Да поняли уже! — проворчал Валуев и направился к костру, возле которого сидел со своей трубкой Бейбал Устунов.

Светлый день пролетел для меня непривычно тихо и спокойно, и неожиданно приятно. Я и забыла, какое это удовольствие, видеть вокруг аккуратно постриженных и умытых здоровых людей, говорящих на твоём родном языке. Делать мне было нечего. Быт в лагере и на борту «Пилигрима» был давно налажен, и моего вмешательства в этот процесс не требовалось. Потому я долго гуляла по окрестным лесам с Белым Волком, совершенно позабыв о его человеческой ипостаси, и порой даже свистом подзывала его, когда он уносился куда-то далеко, мелькая среди деревьев своим пушистым белым хвостом. Он не обижался, а радостно нёсся назад и прыгал вокруг меня, заглядывая в лицо своими весёлыми золотистыми глазами.

Потом я сидела в шезлонге, подставив лицо мягким лучам местного солнца, просачивавшимся сквозь тонкий облачный слой, что было здесь почти то же, что и ясная погода на Земле. Вскоре компанию мне составил Киса, уверенно заскочивший на мои

колени. Он подsunул свою круглую, слегка плешивую голову под мою ладонь и сообщил, что вернулся Эрик Ченг и рассказал, что перед тем, как прийти к нам, он зашёл на «Паладин» и принёс туда Василия. Киса был очень рад тому, что Вася вернулся и снова обрёл папу, и теперь сам с нетерпением ждал, когда это случится и с ним. Потом он уснул у меня на коленях, свернувшись калачиком, а ко мне явился Эрик, уже умытый, облачённый в летнюю форму, и доложил, что прибыл и готов приступить к своим обязанностям.

— Приступайте, — разрешила я, соображая, что он имеет под этим в виду, учитывая сложившиеся обстоятельства.

А он тут же отправился на звездолёт, и я догадалась, что сейчас он примется за ревизию материальных запасов, что в дни вынужденного бездействия было любимым развлечением Хока, к которому он всегда привлекал второго и третьего помощников.

Сам Хок вернулся после полудня, когда уже начало смеркаться. Он в сопровождении Булатова, Донцова, Кроу и Стаховски выехал из леса, и отблески пламени костра плясали на его блестящем нагруднике. Как обычно, его брутальный вид вызвал восхищённые взгляды Бетти, Илд и даже Анхелы, помогавшей Тилли Бому чистить овощи. Впрочем, потом из внимания и одобрительных комментариев удостоились и его спутники, которые выглядели ещё более колоритно, поскольку их доспехи были украшены куда богаче.

Видимо, Хок собирался доложить мне об их прибытии по всей форме, потому что, спешившись, оправил кольчугу и решительно направился в мою сторону, но тут раздался радостный вопль Кисы, который проснулся, увидел свет своих голубых очей и, спрыгнув с командирских коленей, огромными прыжками устремился к хозяину. Он с разбегу подпрыгнул, вцепился огромными когтями в плащ, моментально вскарабкался Хоку на плечо и со всей силы боднул его головой в щёку.

Я с интересом наблюдала за происходящим, понимая, что от ранений, нанесённых этими когтями, любимого кисино папу спасла только надёжная кольчуга. Да и удар в челюсть крутым кошачьим лбом был наверно весьма чувствителен. Однако Хок снёс всё это стойко и даже обрадовался, увидев своего питомца. Он тут же забыл о своём намерении соблюсти формальности и, стащив кота с плеча, прижал его к груди, интенсивно почёсывая мохнатый загривок.

Остальные прошли мимо, привычно погладив кота, и направились ко мне, тем самым вынудив меня принять более подобающую случаю позу. Мне пришлось встать с шезлонга и выслушать их доклад о том, что они по моему приказанию прибыли.

— Хорошо, что прибыли, — одобрила я, задумчиво рассматривая узорчатую вязь на нагруднике Донцова. — Полагаю, нагулялись. Потому снимайте всю эту красоту, надевайте форму и подключайтесь к работе экипажа. Булатов и Стаховски, от вас я жду письменные рапорты относительно ваших действий в составе армии Сен-Марко.

— Есть, командор, — изрядно помрачнел Булатов, а Стаховски только покорно кивнул.

— А нам не надо? — на всякий случай уточнил Кроу, с любопытством покосившись на них.

— Только если есть что-то, о чём я должна знать.

— Да ничего такого, — пожал плечами Донцов и вопросительно взглянул на Дэна, после чего снова вытянулся в струнку и официально уточнил: — Разрешите идти, командор?

— Идите, — кивнула я и посмотрела на Хока, который с радостной улыбкой шестилетнего мальчишки направлялся ко мне, прижимая к себе Кису, тархтевшего от счастья, как старинный вездеход.

— Я уже поняла, что вы прибыли, — сообщила я и тоже машинально подняла руку, чтоб погладить кота.

— Кто ещё из наших вернулся? — спросил Хок, с усилием сосредоточившись на текущем моменте.

— Да почти все. Нет только Вербицкого, но и он, думаю, скоро появится.

— Да, все как-то подтягиваются, — пробормотал он, подняв голову, и посмотрев на мрачно нависшую над нами баркентину. — Но вот сможем ли мы отсюда улететь?

— Джулиан говорит, что сможем, — пожалала плечами я и сама удивилась своей уверенности в его правоте.

— Кстати, где он? — тут же оживился Хок, озираясь вокруг, словно Джулиан мог затаиться в подступающей мгле, что впрочем не было бы чем-то необычным.

— На звездолёте, — ответила я. — У него пациент, от которого он не решается отойти надолго.

— Кто-то из наших?

— Нет. Оршанин притащил на баркентину умирающего от лепры бродягу и уверяет, что это король Арман. Джулиан ему верит.

— Что, правда? — Хок взволнованно взглянул на меня. — Ты думаешь, это действительно король Арман?

— Я понятия не имею, — призналась я. — Поговори с Джулианом. Он так думает и намерен спасти парню жизнь. Мне остаётся смотреть на это со стороны. Ты же знаешь, что встать между ним и его пациентом решится только безумец. Честно говоря, меня даже радует, что он нашёл себе занятие на баркентине и не пропадает где-то в этом странном мире или вовсе в глубинах Тьмы.

— Пожалуй, — задумчиво кивнул Хок и снова посмотрел на баркентину. — Понимаешь, здесь есть люди, для которых эта новость, — я говорю о короле, — очень важна. Мы ведь заберём его с собой?

— Конечно, иначе его не спасти, — пожалала плечами я. — Он согласия не давал, но, в случае чего, сможет вернуться. Теоретически.

— Может, он и не захочет возвращаться, — как-то туманно заметил Хок и снова посмотрел на Кису. — Пойду, переоденусь и займусь делами.

— Ага, подключайся, — легкомысленно кивнула я и снова улеглась в свой шезлонг.

Дни снова потекли один за другим, скучные и одинаковые, ещё более тягостные оттого, что были бесконечно долгими и сменялись такими же бесконечно долгими ночами. Заняться в лагере было нечем, и Хок проявлял чудеса изобретательности, придумывая для изнывающих от безделья офицеров новые задания. Я прекрасно понимала своих ребят, которые то и дело с тоской поглядывали на уснувшую мёртвым сном баркентину, а потом переводили задумчивый взгляд туда, где начиналась тропа, ведущая на север, в луар, где кипела жизнь. Возврата туда не было, потому что они вздыхали и снова отправлялись по своим делам, придуманным старпомом.

Увы, мне нечем было их утешить. Я и сама, первое время после возвращения на «Пилигрим» пребывавшая в состоянии тихой радости, уже начала уставать от этой тишины и ожидания чуда, в которое верилось всё меньше. Мне было известно, что за моей спиной уже шепчутся о том, что всё это безнадежно, и надо возвращаться обратно. Однако прямо никто так и не высказал такое пожелание, потому что я была избавлена от неприятной обязанности

обещать скорый отлёт, объяснять всю ошибочность идеи вернуться в чуждый нам мир и просто приказывать заткнуться и выполнять приказ. Впрочем, наверно, ничего такого бы я делать и не стала, поскольку и сама думала, а не слетать ли туда на разведку?

Вместо этого я отправлялась к «Паладину», где царили те же настроения, ропот был немного громче, но скрывали его куда тщательнее. Я знала это потому, что все вопросы, которые не решались задать Азарову, задавали мне, а я не могла на них ответить, потому говорила уклончиво и старалась поскорее сменить тему разговора.

В тот день я выслушала пространное нытьё Москаленко о том, что здесь скучно, а там, быть может, погибают их друзья, ведущие битву с отборными силами луара Синего Грифона. Мне было прекрасно известно, что никакой битвы так и не произошло, и война на этот раз закончилась, так и не начавшись. Но вместо того, чтоб утешить его, я напомнила ему о том, что гвардейцам Сен-Марко незачем идти на войну, чтоб сразиться с защитниками луара, поскольку Адальбер и Коррадо у них всегда под рукой, и им с удовольствием составят компанию Донцов и Кроу, к которым, без сомнения, присоединятся Хэйфэн и младший инспектор Чен. Игнат одарил меня мрачным взглядом, но заверил, что понял, о чём я, после чего отправился изводить своим недовольством Карначу.

Я же поднялась на борт баркентины и пошла искать Азарова. Он всё так же пребывал в некоторой меланхолии и редко выходил на улицу. Тем не менее, он был в курсе всего происходящего и продолжал твёрдой рукой управлять своим экипажем. Я застала его в командном отсеке, где он сидел за центральным пультом, задумчиво почёсывая за ухом устроившегося на его коленях Василия. За соседним терминалом сидела Изабо и, перегнувшись к нему через подлокотник, что-то нашёптывала. Он к её повествованию особого интереса не проявлял, задумчиво разглядывая тёмные экраны на фронтальной стене отсека.

Едва я вошла, Изабо замолчала, глядя на меня немного настороженно, однако так и осталась сидеть в прежней позе. Мне было известно, что Азаров не отменил мой приказ о её отстранении, но она, видимо, не теряла надежды добиться этого.

— Здр-р-равия желаю! — мурлыкнул Вася, приоткрыв один глаз, и снова закрыл его.

— Добрый день, — приветственно кивнул Азаров, и ближайшее к нему незанятое кресло приглашающе развернулось в мою сторону.

— Добрый, — кивнула я и, пройдя туда, села.

— Кофе? — со сладкой улыбкой предложила Изабо, а я вспомнила, как она встретила меня в луаре, и с благодарностью отказалась.

— Есть что-нибудь новое? — спросила я, взглянув на Азарова.

Он прекрасно понял, о чём я его спрашиваю, и уныло покачал головой.

— Ничего. Всё так же.

— То есть неизвестно, когда мы полетим домой? — уточнила Изабо таким тоном, словно опаздывала на маникюр.

— Неизвестно, — подтвердил он. — Но полетим. Обязательно.

Я какое-то время задумчиво смотрела на него, а потом решила спросить:

— Ты что-нибудь знаешь о Бене? У тебя есть контакт с ним? Ты был там?

Он покачал головой.

— Мне там нечего делать. У меня больше нет контакта ни с ним, ни с его чёрными пиявками. Я ничего не знаю, но чувствую, что он ещё жив. И то, что этот мир не разваливается на части, — ещё одно тому подтверждение.

— Значит, нам остаётся только ждать, — понятиливо кивнула я. — И бороться с брожением в экипажах, которые снова начинают смотреть в лес.

— Да, всё это сложно, — рассеянно пробормотал он и, развернувшись вместе с креслом к выходу.

На пороге командного отсека появился Эл Багси. Он выглядел расстроенным и его неровно постриженные рыжие волосы всё так же стояли дыбом. Неловко кивнув мне, он взглянул на Азарова:

— Разрешите обратиться, командор.

Азаров смотрел на него так, словно ждал удара в сердце и молил о пощаде.

— Ну?

— Я хотел просить, — Эл потупился и стиснул пальцы так, что побелели суставы. — Когда звездолёты готовы будут улететь, позвольте мне остаться здесь. Я не могу бросить Бена одного. Я с ним с раннего детства. Я имею в виду его детство. Я построю хижину на склоне Грозовой горы и буду там жить. Может быть, когда-нибудь он придёт ко мне, или я что-то почувствую, или он просто будет чувствовать, что я с ним.

— Хоть ты-то меня пожалей! — воскликнул Азаров. — Уйди, Эл. Очень прошу, уйди!

Тот какое-то время нерешительно топтался в дверях, потом кивнул:

— Я уйду, но вы подумайте. Я ведь всё равно сюда вернусь.

И развернувшись, вышел. Его шаги какое-то время гулко отдавались в тишине, постепенно затихая.

Азаров снова развернулся к пульту и прижал ладонь ко лбу. В отсеке стало темно, световые панели на потолке замигали, и снизу потянуло холодом. Он порывисто вздохнул и посмотрел вверх. Взять себя в руки ему было нелегко, но он приложил усилие, и светильники снова зажглись ровным белым светом, даже стало немного светлее, только пронизывающий холод остался. Он устало посмотрел на меня.

— Слышала? Хижина на склоне горы. Мне самому впору там поселиться.

— Что ты мучаешь себя? — воскликнула Изабо. — Он сам сделал выбор.

— Это я не оставил ему выбора, — возразил Азаров.

— Он тебя предал. Он чуть тебя не убил...

Она испуганно смолкла, потому что свет вдруг погас и по отсеку пронёсся леденящий вихрь. Что-то со звоном упало на пол.

— Саша, держи себя в руках, — попросила я.

— Я в порядке, — пробормотал он. Световые панели снова вспыхнули. Он устало смотрел на осколки кофейных чашек на полу. — Это всё чушь, Изабо, — тихо проговорил он. — Бен прекрасно знал, что не сможет меня убить. Мы говорили об этом не раз. Всё, что между нами произошло, вас не касается. Это разборки двух чародеев. Впрочем, нет. Это другое. Он просто доступными ему средствами устранил последствия моей собственной ошибки, ошибки, о которой я, быть может, сожалел бы всю оставшуюся жизнь. Я чуть не уничтожил целый мир, а он его спас. И продолжает спасать. Я чувствую, что его силы на исходе, но уже не могу вмешаться. Если он погибнет, то в этом буду виноват я.

— Но он ещё жив, — напомнила я.

— И что? — Азаров посмотрел на меня. — И разве это жизнь? Разве у него вообще была нормальная жизнь? Его никто не любил, кроме Эла. Никто ему не верил. Даже я. Даже знала его.

— А, может, потому и не верил, что знал, — вставила Изабо.

— Да не знал я его! — болезненно поморщился Азаров и снова посмотрел на меня. — Теперь понимаю, что не знал. Я никак не мог забыть, кто он. Словно он выбрал свою судьбу. Это была ошибка, понимаешь? У него душа человека, а он родился некромантом. И с рождения это было его проклятием. Все мы дети своих отцов. Твой был героем космоса, и твоё детство было похоже на фантастический роман. Мой — волшебником, и я вырос в сказке. А детство Бена — это готический роман со всеми присущими ему ужасами. Он с пелёнок был окружён душами умерших, отец смотрел на него с подозрением, готовый в любой момент прижать, если не уничтожить, выискивая в нём нечеловеческие черты и присущую некромантам жестокость. Его обучали магии, в том числе, чёрной, постоянно твердя, что он не должен ею заниматься. Его держали не в рамках, а в тисках, которые впивались в его душу. Мне кажется, в космос он сбежал от этого. А поисково-спасательный флот стал для него и протестом, и спасением от этого мрака и холода. Я этого не понял.

— Как ты его нашёл? — спросила я.

На его губах мелькнуло что-то похожее на усмешку.

— Узнал о довольно странном случае. На одной станции Дальней разведывательной флотилии произошла катастрофа. Успели подлететь три поисково-спасательных звездолёта с ближайших баз, но высадиться и спасти людей возможности не было из-за пожара. И вдруг пожар пошёл на убыль. Людей спасли. Оказалось, что начальник станции сумел пройти по горящему коридору в недрах станции и включить аварийную систему климатического контроля вручную. Супермозгу удалось отрегулировать настройки и запустить систему пожаротушения. Начальник станции погиб, его посмертно наградили Алмазной звездой. Всё б ничего, но я случайно наткнулся на материалы расследования. Тело героя обгорело до костей. По словам экипажа станции, он был мёртв за день до своего подвига. Результаты вскрытия это подтверждали. Никто на это внимания не обратил. Прошёл, сделал, значит, был жив. Экипаж ошибся, вскрытие дало неверный результат. Подвиг — не преступление, чтоб искать объяснения загадкам. Только я видел фотографии этого трупа. Он не мог дойти, потому что на костях почти не оставалось плоти.

— Дай угадаю, — проговорила я. — Командиром одного из подлетевших на помощь поисково-спасательных звездолётов был Бен Олдридж.

Азаров кивнул.

— Да, Бен просёк ситуацию, отыскал в ближайшем к пульту аварийной системы отсеке труп и поднял его. Зомби прошёл по коридору, не чувствуя боли и страха и сделал то, что приказал ему Бен. Люди спасены. Наградашла героя. Парень не страдал больше, чем ему уже досталось. Всё это к вопросу о пользе некромантии в спасательном деле.

— Он сразу признался, что сделал это?

— Конечно. Он же знает, кто я. Мы все друг о друге знаем. Вернее, он знал обо мне, но я знал только его отца. Увидев фамилию Олдридж, я тут же понял в чём дело, но мне тогда и в голову не могло прийти, что он прирождённый некромант. У нас любой, кто занимается чёрной магией всерьёз, может сделать зомби. Ты это сама знаешь. Я понял, что он чародей, пригласил его на чашку чая, тогда и узнал о его способностях. Он мне понравился, но этот дар... как тёмное пятно, всегда был перед глазами. Я не до конца ему доверял, а он слишком скрытен. Он привык прятать свои чувства, и плохие, и хорошие. Я не знал, каких у него больше. Бережёного Бог бережёт. Решил, что возьму его к себе, присмотрюсь. Если что, он у меня под присмотром. В общем, впал в ту же ересь, что и его отец.

— А факт психокоррекции тебя не смутил?

— А ты знаешь, что он выбрал повышенные значения уровня сострадания? — ответил он вопросом на вопрос. — Подозрения при отсутствии точной информации искажают восприятие действительности. Я думаю, что ему не так уж нужна была эта коррекция. Он уже был полон сострадания и любви к людям, это его отец жёстким воспитанием и тотальным контролем задавил, заблокировал в нём эти чувства. Бен чувствовал этот блок и знал, что за ним что-то есть, какая-то важная часть его личности, без которой он не может ощущать жизнь во всей полноте. Поэтому он и сдвинул показатели вверх. А я решил, что он искусственно пытался сделать себя лучше, потому что ощущал свою порочность.

— Тебя послушать, так Бен — ангел, — проворчала Изабо.

— Бен — хороший человек, — устало возразил Азаров. — И я без него никуда не улечу. Может, тоже останусь и построю хижину на другом склоне.

— Вряд ли это жертвенное решение имеет смысл, — заметила я. — Мы никуда не летим, по крайней мере, пока, потому что оба звездолёта мертвы.

— Это точно, — пробормотала Изабо. — И я почему-то сомневаюсь, что они оживут. Нет никаких признаков того, что что-то изменится.

— Есть, ты просто не замечаешь их, — проговорил Азаров и снова развернул своё кресло к выходу из отсека.

Вскоре раздалась шага, и на пороге появился Ноттингем. Поприветствовав меня, он посмотрел на командира.

— Командор, вернулся лейтенант Набиев. Он не один. Вам лучше посмотреть.

— Посмотрю, — согласился Азаров и, кивнув мне, поднялся и опустил на пол Василия, который тут же решительно направился впереди него к выходу.

Выйдя на улицу, мы увидели, что на поляне возле звездолёта появилась большая телега, запряжённая двумя рыжеватыми пони. Причём эта телега была заполнена ребятишками разного возраста, сидевшими на мешках с вещами. Они с восхищением смотрели на огромный серебряный звездолёт, пока не замечая ничего вокруг. Салим Набиев, невысокий, коренастый, с чёрной бородой, в светлой домотканой одежде стоял возле телеги, а рядом с ним застыла растерянная молодая женщина с маленьким мальчиком на руках.

Увидев Азарова, Набиев решительно двинулся к нему и доложил о своём прибытии, после чего немного помолчав, добавил:

— Командор, прошу принять на борт мою семью: жену Амэ и шестнадцать детей. Я их тут одних оставить не могу, а дома, сами понимаете, у них возможностей для успешной жизни будет больше, чем здесь, образование получают, хорошими людьми вырастут, много пользы Земле принесут.

— Ну, если это ваша семья, лейтенант, то у меня возражений нет, — улыбнулся Азаров.

Я подумала, что это первая улыбка, которую я увидела на его лице за последнее время.

— Скажите, лейтенант, — произнесла я, — а почему вы решили вернуться на звездолёт? Именно сейчас.

Он немного смутился и обернулся назад, чтоб посмотреть на своё большое семейство, а потом снова взглянул на меня.

— С тех пор, как капитан Ченг ушёл из деревни, я всё думал и, наконец, решил, что оставаться здесь будет неправильно. У меня выбор был невелик: или остаться с семьёй и отказаться от возможности вернуться домой, или вернуться вместе с ними и дать своим детям целую Землю в подарок. Выбор очевиден. А что сейчас... У меня вдруг возникло ощущение, что ещё немного, и я опоздаю. Как видите, не опоздал.

— Хорошо, что ты вернулся, Салим, — заметил Азаров и обернулся к стоявшему рядом Ноттингему. — Джим, помоги ему разместить детей и оформи необходимые документы.

— От руки? — с некоторой ехидцей уточнил тот.

— Проблемы? — усмехнулся Азаров.

— Никак нет, командор, — покачал головой Ноттингем. — Разрешите выполнять?

— Давай.

Я заметила, как посветлело лицо Азарова, когда он наблюдал, как аккуратно стажёры снимают с телеги детей, а те, не отрываясь, смотрят на чернокожего Ганжу и даже пытаются потрогать его лицо, видимо, что б стереть с него сажу.

— И что это, как не признак того, что скоро у нас будет возможность улететь отсюда? — спросил Азаров, посмотрев на меня.

— Я буду уверена, когда вернутся все, — ответила я. — Включая Бена. У меня почему-то такое чувство, что он тоже вернётся.

— Надеюсь, оно тебя не обманывает, — снова помрачнел он и направился к трапу звездолёта.

К обеду я решила вернуться в свой лагерь и наверно моего ухода никто не заметил. Экипаж «Паладина» был занят своим многочисленным юным пополнением. Офицеры и стажёры, соскучившиеся по собственным детям, внукам, младшим братьям и сёстрам, старались как можно лучше устроить детей Салима, накормить их повкуснее, приласкать и развлечь. Со склада принесли игрушки, приготовленные на случай эвакуации детей, оттуда же достали детские кровати и дополнительные палатки. А зардевшийся от счастья и нахлынувшего энтузиазма Франческо Гримбальди крутился у своей любимой плиты, подгоняя помощниц, чтоб как можно скорее приготовить для малышей какую-то особую пасту, которую в детстве готовила ему бабушка.

Короче, всем было не до меня, и я вернулась на «Пилигрим» как раз к тому моменту, когда члены моего экипажа садились за столы. Джулиана среди них не было, потому после обеда я взяла у Бетти судки, в которых она обычно приносила еду вахтенным, и поднялась в медотсек.

Джулиан стоял возле большого белого кокона, на бортике которого поблескивали работающие экраны и перемигивались сигнальные огоньки. Здесь всё казалось мне странным, может, потому, что я уже отвыкла от работающей аппаратуры, от этого тихого, едва уловимого звукового фона, который обычно всегда присутствует на живом звездолёте. Это было так странно и так приятно, и тоже, как и возвращение к нам наших товарищей, давало надежду на то, что скоро и остальные системы баркентин заработают, и мы сможем вернуться домой.

Поначалу я даже пыталась выяснить у Джулиана, как так получилось, что именно здесь заработала умирающая в других отсеках электроника, но он только отмахнулся от этого глупого вопроса. Какая разница, как? Главное, что работает! Технические детали его не интересовали. Он мечтал спасти своего короля, и у него получалось.

— Как он? — спросила я, увидев, что Джулиан списывает в блокнот показания с приборного щитка капсулы.

— Хорошо, — кивнул он и его сосредоточенный взгляд упал на разноцветные судки у меня в руках. — А что, уже обед? Это кстати!

Он отложил блокнот и пошёл мыть руки, а я, немного прибрав у него на столе,

освободила место для посуды. Пока он ел, я поглядывала на капсулу, пытаюсь представить, что там внутри, и рассказывала ему о разговоре с Азаровым и о возвращении Салима, о детях и о том, как оживились с их прибытием члены экипажа «Паладина».

— Они скучают по дому, — пояснил Джулиан. — И чувствуют, что скоро вернуться.

— Ты говоришь об этом с такой уверенностью, — вздохнула я. — Мне тоже так кажется. А Азаров заявил, что не улетит без Бена.

— Я знаю, — Джулиан задумчиво кивнул. — Ему сейчас нелегко. Он чувствует свою вину и свою ответственность за всё, что происходит. К тому же никак не может смириться с тем, что, оказывается, и он может ошибаться, и его ошибки могут иметь такие серьёзные последствия. Тяжёлое признание для человека, который прежде считал себя почти непогрешимым.

— Все его действия были оправданными и логичными, — возразила я, почувствовав необходимость вступить за друга. — У него просто не было достоверной информации.

— Именно в этом и состоит его ошибка, — пожал плечами Джулиан. — Он сделал поверхностные выводы на основании своих ощущений и видений, и решил, что, как всегда, прав. Впрочем, я его понимаю. Обладая большой силой, иногда переоцениваешь свои возможности. Со всяким может случиться. Я его не осуждаю, даже наоборот. Он признал свои ошибки и сейчас ищет выход из ситуации, которая сложилась в результате его неправильных действий. Наверняка он думает, как забрать оттуда Бена, не уничтожив тех, ради кого тот жертвует собой? Где взять мощный источник магической энергии, способный поддержать жизнь в этом мире? Не его вина, что он не может найти выход.

— А кто может? — спросила я, вспомнив, что и сама постоянно задавала себе эти вопросы без какой-либо надежды ответить на них.

— Тот, кто и является первопричиной этой ситуации, — ответил Джулиан. — Тот, кто создал этот мир именно таким, и кто может либо внести изменения в систему, либо найти способ обойти её. Азаров зря себя изводит. Он даже не понимает, как здесь всё устроено, как же он сможет что-то изменить?

— А иных способов забрать Бена и улететь, кроме глобальных изменений целого мира, нет? — уточнила я.

— По крайней мере, я их не вижу. Хотя, возможно, и я ошибаюсь. Я ведь тоже не настолько умён, чтоб просечь смысл глубинных процессов, на которых держится жизнь этого мирка. Но я отлично понимаю своё бессилие перед этой громадной проблемой, а потому предпочитаю смириться, ждать и делать то, что мне по силам, — он посмотрел на капсулу.

— мудро, — согласилась я. — Хочу я этого или нет, но и мне придётся последовать твоему примеру. Хотя эта необходимость просто сидеть и ждать начинает выводить меня из себя.

— Самая тёмная ночь перед рассветом, — усмехнулся он. — Хотя здесь это и не совсем так.

А следующей ночью мне приснился Бен. Он стоял возле каменных зубцов замковой башни, но это был не замок на Грозовой горе, а какой-то другой, из светло-серого камня с выщербленными временем и всё же монолитными стенами. Над ним прозрачной голубой чашей опрокинулось высокое небо, прозрачно-голубое с лёгкими белыми облаками и ярким земным солнцем. Бен и сам был одет не в тот чёрный костюм с огромным плащом, который

носил ещё недавно. На нём были светлые джинсы и белоснежная сорочка. Романтичный образ дополняла прозрачная бледность лица и шелковистые чёрные кудри, которые трепал ветер. Его взгляд скользил по зелёным равнинам, раскинувшимся внизу, по глади мерцающей солнечными бликами реки, по зелёной роще, живописно расположившейся на противоположном берегу. Потом он повернулся и посмотрел на меня.

— Забери меня, — произнёс он, глядя мне в глаза. — Я очень хочу домой.

Что-то словно выбросило меня из сна и, проснувшись, я резко села. Джулиан стоял возле кровати, пристально глядя на меня.

— Это зов, — кивнул он. — Мы должны пойти к нему.

Я соскочила с кровати и быстро оделась. Джулиан задумчиво наблюдал за мной.

— Не торопись. У нас есть время.

— Мы телепортируемся туда? — с надеждой спросила я.

— Нет, — покачал головой он. — Я не вижу того, что сейчас происходит в камере, и не уверен, что она на прежнем месте. Мы полетим и спустимся вниз.

— Сквозь камень? — ужаснулась я, но он улыбнулся и протянул мне руку.

— Поскольку в данном случае это — единственный доступный вариант, просто держись за меня.

Он подошёл, и я вложила пальцы в его ладонь. За его спиной раскинулись чёрные крылья, я выпустила свои. Он кивнул и мы взлетели. Потолок, находившийся в двух метрах от меня, стремительно понесся навстречу, и я невольно зажмурилась, ожидая удара, но его не последовало. Мы пролетели насквозь все переборки и перекрытия, обшивку звездолёта и вылетели наружу под огромное чёрное небо.

Поднявшись выше, мы развернулись в сторону Грозовой горы и устремились туда, скользя вслед за ветром в воздушных потоках. Уже издали я увидела, что гора изменилась. Всегда кружившие вокруг неё тучи сегодня толстыми пушистыми подушками разошлись в стороны, образовав пышное кольцо, в центре которого был просвет, а через него на вершину, прямо на развалины замка лился призрачно-голубой свет. Лишь подлетев ближе, я поняла, что свет идёт не сверху, он струился снизу, из глубины горы, сквозь толщу камня. И именно этот свет рассеивал тучи.

Сделав круг над вершиной, мы снова взяли за руки и спикировали вниз. Я опять невольно зажмурилась и почувствовала, как погрузилась в тяжёлую прохладу камня, и мне стало жутко. Я проходила сквозь него, как раскалённый нож сквозь мягкое масло, но всё же он окружал меня и одна мысль, что я вдруг застряну в нём, приводила в ужас.

Но я не застряла. Вокруг меня снова стало пусто, а сквозь веки сочился свет. Мои ноги коснулись пола, и Джулиан выпустил мою руку. Я открыла глаза и увидела высокую круглую пещеру, в центре которой на возвышении стоял каменный алтарь. Только теперь пещеру заливал ровный бирюзовый свет, идущий от фигуры, застывшей на краю алтаря.

Бен сидел, сложив руки на коленях и опустив голову, в той же позе, в какой мы оставили его в прошлый раз. Его тело было полупрозрачно и излучало свет, а внутри, там, где было расположено сердце, сиял голубоватый кристалл.

Я подошла ближе, надеясь, что он заметит меня, но он оставался неподвижен, как статуя. Я беспомощно обернулась назад.

— Позови его, — подсказал Джулиан.

Я сделала ещё шаг и произнесла:

— Мы здесь, Бен. Мы пришли за тобой.

Казалось, он не услышал меня, неподвижно сидя на своём алтаре, но когда я готова была снова окликнуть его, чуть шевельнулся, приподнял голову, и я увидела его глаза, из которых лился чистый голубой свет.

— Возвращайся, Бен, — прошептала я. — Нас ждут дома.

В его взгляде мелькнуло что-то похожее на узнавание, он чуть наклонил голову, а потом нерешительно поднял руку и протянул мне. Она была прозрачна, словно изваяна из лунного серебра, но она двигалась ко мне, а ладонь раскрывалась в жесте мольбы. Я осторожно взяла её и поразилась странной, неживой прохладой, исходившей из неё.

Взяв его руку, я тихонько потянула её к себе. Он послушно подался вперёд и встал. Он стоял рядом и задумчиво, словно пытаюсь что-то вспомнить, смотрел на меня постепенно угасающими глазами. Его тело обрело обычную плотность, но не стало теплее. И только тут я заметила, что свет теперь льётся из-за его спины. Он медленно обернулся, и я тоже взглянула туда. Над алтарём висел лучистый и мерцающий, как бриллиант, живой кристалл, распространявший вокруг трепещущее сияние.

Бен снова посмотрел на меня, как-то слишком спокойно вздохнул, поднял голову, посмотрел вверх и вдруг начал медленно оседать. Его глаза закатились и закрылись и, за мгновение до того, как он упал на пол, к нему подскочил Джулиан и подхватил на руки.

Он забрал Бена на «Пилигрим», сразу телепортировавшись в реанимационную палату, а я осталась одна в абсолютной тишине наедине с этим прекрасным кристаллом, от которого исходили лучи света, любви и радости. Какое-то время я смотрела на него, и мне казалось, что его энергия пронизывает меня, вселяя в душу покой, надежду и уверенность в том, что всё будет хорошо. Что-то подобное я чувствовала, когда со мной рядом был Эладаил, и смотреть на возродившееся Алмазное Сердце было так же приятно, как на светлый лик Стража Небес. Не знаю, сколько я простояла, любуясь радужными переливами на его изысканных гранях, но в какой-то момент я почувствовала, что пора возвращаться и, махнув ему рукой на прощание, закрыла глаза и представила себе свою каюту. Спустя мгновение я уже была там и, похвалив себя за удачный опыт телепортации, решила подняться в медотсек. Но дверь в палату реанимации была заперта, и мне не оставалось ничего иного, как вернуться к себе и попытаться уснуть, чтоб поспать ещё пару часов до утра.

Следующий день был тёмным. В такие дни никто не решался пробираться через густой лес, чтоб попасть в соседний лагерь, потому гостей мы не ждали. Всем было известно, что Бен возвращён и находится в медотсеке, но что с ним, никто не знал. Дакоста, вызванный Джулианом ночью, тоже находился за закрытой дверью реанимационной, и спросить, что там происходит, было не у кого. Меня тревожило, почему Джулиан так долго не выходит оттуда, но с другой стороны, если он всё ещё там, значит, Бен не умер и надежда есть.

Ближе к полудню в глубине леса замелькали огни факелов и на поляну выехали два всадника. Несложно было догадаться, что это Азаров и Эл.

— Он ведь здесь? Да, командор? — взволнованно воскликнул Багси, едва не мешком свалившийся с седла.

— Да, но пока он в медотсеке, — ответила я и перевела взгляд на Азарова.

— Этой ночью я почувствовал, что баланс энергий в этом мире нормализовался. Что вы сделали? — спросил тот. — Вы его забрали? А что осталось там?

— Алмазное Сердце, — ответила я и невольно улыбнулась своему воспоминанию. — Пока маленькое, размером с сердце Бена. Но я уверена, что со временем оно вырастет до

прежних размеров. И в этом мире будет ещё больше света и любви.

Азаров нахмурился.

— Почему ты так думаешь?

— Оно доброе, — ответила я. — От него исходит любовь. Я очень ясно это чувствовала.

— Правда? А я тогда ничего такого не заметил. Может, я не так чувствителен, как ты?

— А, может, потому, что это Сердце начало свою жизнь в груди хорошего человека?

— Я могу увидеть Бена? — сунулся между нами Эл.

— Дверь в палату заперта, на стук никто не отзывается. Наверно, врачи слишком заняты. Как только что-то прояснится, они нам сообщат. Кофе?

— Пожалуй, — согласился Азаров и пошёл к ближайшему трапу, на перилах которого играли рыжие отсветы огня.

Бен медленно открыл глаза и увидел над собой белый потолок. Чьи-то тёплые ладони держали его безжизненную руку, и он ощущал присутствие чего-то близкого и печального. Опустив глаза, он увидел Азарова, сидевшего у его высокой, как стол, кровати, над изголовьем которой поблескивал откинутый реанимационный купол. Теперь Бен понял, откуда исходило это ощущение щемящей грусти.

— Прости меня, Бен, — прошептал Азаров, и он почувствовал, как из сжимавших его руку ладоней хлынул поток тёплой золотистой энергии, которая разливалась по телу, лёгким покалыванием оживляя застывшие мышцы.

В голове прояснилось, и пелена, только что застилавшая его глаза, рассеялась. Он осторожно высвободил руку и, опершись на локти, приподнялся, оглядываясь по сторонам. Это была палата в медицинском отсеке, но не на «Паладине». Другой цвет стен, да и аппаратура другая. Впрочем, едва увидев у дверей врача, задумчиво изучавшего экраны датчиков, вмонтированные в стену, он всё понял.

— Очнулся? — спросил МакЛарен, не отрывая взгляд от экрана.

— Да, — ответил Азаров и откинулся на спинку стула.

— Где Эл? — спросил Бен, взглянув на Азарова.

МакЛарен подошёл к двери и отодвинул в сторону створку, за которой уже стоял Багси. Он радостно рванулся к Бену, и тот, почувствовав, как на глаза наворачиваются слёзы, подался навстречу. Эл забрался рядом на кровать и стиснул друга в своих объятиях.

— Эл... — прошептал Бен, уткнувшись лицом в его плечо, а потом снова взглянул на МакЛарена: — Что со мной было, док? Я был уверен, что умираю.

— Точно, — кивнул тот. — Паралич сердца. Нам пришлось повозиться, чтоб снова запустить твой мотор. К счастью, здесь аппаратура работает, и ты снова жив.

— Вы сотворили чудо, доктор! — воскликнул Эл, повернув к нему мокрое от слёз лицо.

— Именно так это и называется, — без ложной скромности согласился МакЛарен.

Бен снова взглянул на Азарова. Тот устало, но уже спокойно смотрел на него.

— Я тебя простил, — произнёс Бен. — И, надеюсь, ты простил меня. Нам ведь ещё столько летать вместе.

Тот молча кивнул, а потом спросил:

— Что с тобой там произошло?

— Мы создали новое Сердце, — тихо ответил Бен и задумчиво провёл пальцами по рыжему ёжику на темени Эла. — Мы создали его все вместе.

— Вместе с кем?

— Не знаю, — Бен улыбнулся. — Но их много. Целый народ, тихих, бесплотных, живых и любящих жизнь во всех её проявлениях.

— Значит, Хозяин не один?

— Хозяин? Да, наверно, они хозяева здесь, у них единый разум, складывающийся из многих других. Они искали ответ, я его искал, и мы смогли найти его вместе. Мы снова создали Алмазное Сердце.

— Почему это не произошло, когда я был там?

— Наверно, ты был там без сознания, — рассеяно пожал плечами Бен. — Или не по своей воле. Я не страдал там, не беспокоился. Я был спокоен и даже счастлив. Я сделал свой выбор и остался с ними. Я погрузился в их душу и вскоре почувствовал, как их руки или... не знаю, что у них там, выступают из темноты и осторожно и ласково касаются меня. Они были благодарны мне за то, что я остался с ними и пытался помочь. А я был благодарен за то, что они не оставили меня одного. Это продолжалось долго... Благодарность и нежность стали способом моего существования. Меня не было, я слился с ними и струился в их потоках таким же потоком. Потом я заметил, что они движутся вокруг меня странными узорами. Множество хороводов сплеталось вокруг меня. И они пели... Я не слышал и не видел, но очень ясно чувствовал их. Они пели так нежно, так... ласково и светло... Потом до меня дошло, что это какой-то ритуал, бесконечный, но полный волшебства. А следом я ощутил, как в моём теле, в моём сердце зажглась искра. И по ходу ритуала, который нежил и убаюкивал меня, эта искра разгоралась всё ярче, превращаясь в маленькую звезду, потом в крохотный сияющий кристалл. И тогда я понял, что это зародилось новое Сердце. Я возликовал, но понял, что это чудо будет стоить мне жизни, потому что я отдаю своё сердце взамен. Я знал, что они ещё надеются сохранить мне жизнь и вернуть домой. Они действительно любили меня и очень хотели мне добра, но я понимал, что ничего не получится. Да это было и не важно. Я смотрел, как Сердце этого мира разрастается на месте моего сердца, и это было счастье.

Он задумчиво посмотрел на Эла.

— Я думал о тебе, очень хотел вернуться и всё объяснить. Поэтому, когда мне позволили, я позвал. Мне нужна была помощь, чтоб вернуться.

— Почему ты просил Дарью забрать тебя оттуда? — спросил Азаров. — Почему не позволил это сделать мне, если простил?

— Ты мог навредить, — взглянул на него Бен. — У тебя слишком мощная энергетика, к тому же я чувствовал, что ты в отчаянии. А Сердце было ещё очень юное, слабое и нежное. У ангелов любящие руки. Они бы не причинили ему вреда, даже если б коснулись его.

— Конечно, ты прав, — Азаров похлопал его по руке. — Но ты сказал, что они хотят вернуть тебя домой. Они отпустят нас?

— Да, но не сразу. Всплески энергии по-прежнему опасны для стабильности этого мира. Она будет возвращаться постепенно, и я обещал, что мы не станем форсировать события, и позволим им самим запустить наши энергоустановки с наименьшим риском для них.

— Без проблем! — воскликнул Азаров. — Лишь бы запустили! — он какое-то время смотрел на Бена. — Я рад, что ты вернулся. У меня словно камень с души свалился. И ты нужен мне. Ты, как никто, умеешь усмирять в экипаже шатание и разброд, которые, увы, неизбежны во время вынужденного простоя. Так что, как только доктор позволит...

— Забирайте своё сокровище, — махнул рукой МакЛарен, всё ещё изучавший показания приборов.

— Но вы говорили, что в его состоянии... — начал было Эл, но Джулиан перебил его:

— Буквально минуту назад его состояние полностью нормализовалось. Он здоров. И я тут не при чём.

— Я хорошо себя чувствую, — подтвердил Бен, приподнявшись и оглядываясь по сторонам. — Где моя одежда? Я готов вернуться к работе.

— Не сомневаюсь, — усмехнулся МакЛарен и щёлкнул выключателем на щитке. — Но советую унять излишнюю прыть. Торопиться некуда. Когда ещё восстановится энергоснабжение, вернуться последние отставшие члены экипажей? Тебе нужно немного отдохнуть и прийти в себя. Доктор Джонсон проследит за твоим самочувствием.

— Мне придётся подыскать другого врача в экипаж, — мрачно заметил Азаров, заметив ухмылку Бена.

— С этим она справится, — успокоил его Джулиан.

В тот день Хок отправил Донцова и Хэйфэна чинить ограждение загона, где паслись корова Флора и куры. Опасаться, что кормилиц похитят дикие звери, причин не было, поскольку они были столь внушительных размеров, что даже волки не решались к ним приблизиться. Но поскольку Бетти подсыпала птице комбикорм, на запах приходили дикие кабаны и с упорством, достойным лучшего применения, подрывали деревянные опоры ограждения, чтоб добраться до дармового угощения. Кроткая Флора пугалась и уходила в угол загона, издавая жалобное мычание, распугивая лесное зверьё на мили вокруг и надрывая сердце Бетти, которая была уверена, что после этого корова хуже доится. Движимая тревогой за свою любимицу, она отправляла первых же попавшихся ей под руку членов экипажа мужского пола чинить ограждение. С момента возвращения Хока она решила переложить организацию этих работ на его широкие плечи, и потому он по первому же требованию отправлял незадействованных на общественных работах офицеров на спасение Флоры.

День выдался светлый, небо над баркентиной было затянуто столь тонким и однородным слоем облаков, что создавалось впечатление безоблачности, так напоминавшей Землю в ясные дни. Зелёные, нежно шелестящие леса вокруг, и голубоватая, чуть подёрнутая рябью гладь реки ещё больше усиливали ощущение, что пленники этого странного мира уже вернулись домой. Поддавшись ему, Донцов стоял на опушке леса, вдыхая знакомые с детства ароматы хвои и луговых цветов и глядя, как под мягкими ладонями ветра пробегают по высокой траве гладкие волны. И хотя было понятно, что до дома ещё очень далеко, грусти он как-то не испытывал, может потому, что именно в этот день у него, наконец, появилась надежда на возвращение домой.

Рано утром он сквозь сон почувствовал приятную вибрацию на запястье, а потом услышал голос жены Тани: «Сашка, просыпайся! Я иду готовить завтрак! Если вернувшись, застаю тебя в постели, оболью холодной водой!» Она каждый раз так говорила, но ни разу не исполнила свою угрозу. Это уже стало ритуалом, и, улетаая в свободный поиск, он записал её голос и установил вместо мелодии будильника на браслете. В полёте он всегда просыпался под её голос, но с тех пор, как оказался в этом затерянном на краю галактики мирке, такого не случалось. И вот он снова, словно наяву, услышал голос жены. Конечно, это был только сон, но сон такой приятный, что просыпаться ему не хотелось. Однако кто-то

бесцеремонно толкнул его в бок и раздался сонный голос Тонни Хэйфэна, делившего с ним палатку:

— Ты и здесь не можешь без женщин!

Они вскочили одновременно, и оба, как по команде, воззрились на свои браслеты, которые нетерпеливо мелькали нулями, призывая установить зависимое время.

Теперь, когда у всех заработали браслеты, члены экипажа, как школьники, получившие в подарок хитрые игрушки, всё утро развлекались, переговариваясь друг с другом и в глубине души опасаясь, что они сломаются. Но они не ломались, а это значило, что загадочные хозяева планеты начали выполнять данное Бену Олдриджу обещание и уже приступили к постепенному восстановлению энергоснабжения баркентин.

— Может быть, ты мне поможешь? — вежливо спросил Тонни, устанавливавший в глубокой яме массивный столб.

— Конечно, прости. Замечтался, — проговорил Донцов и взялся за столб, удерживая его в вертикальном положении, пока Тонни закапывал его основание и уминал вокруг землю.

— Мечтать можно, не отрываясь от работы, — поучительно заметил Хэйфэн. — Или сначала закончи работу, а потом мечтай.

— Вот только ты не начинай! — проворчал Донцов, поморщившись. — Хока мне мало с его нравоучениями.

— Долгая разлука со старпомом не заставила тебя любить его сильнее, — сделал вывод Тонни.

— Сильнее некуда, — усмехнулся Донцов и постучал по столбу. — Если местные хрюшки и это выкопают, то я уже не знаю, что тут можно сделать. Слушай, энергоснабжение восстанавливается. Может, вынести небольшой генератор, натянуть по периметру проволоку и пустить слабый ток?

— Это негуманно, — возразил Хэйфэн.

— Зато действительно...

Продолжить он не успел. Его браслет призывно пискнул, и он с наслаждением отдернул рукав куртки. Вслед за звуком восстановилась и видеосвязь, к тому же её диапазон расширился. Донцов понял это, увидев на экране Адриана Адальбера, находившегося возле «Паладина».

— Привет, сосед, — с улыбкой проговорил тот. — Значит, вы теперь тоже при связи?

— Тонко подмечено, — усмехнулся Донцов. — А главное, в самую точку!

— Готовьте угощение, парни, мы к вам с визитом, — радостно сообщил Адриан.

— Мы вообще-то заняты, — напомнил Тонни, снова взявшись за лопату.

— К обеду управимся, — успокоил его Донцов. — А что есть повод для застолья?

— А без повода никак? — рассмеялся Адальбер. — Врут про русских, что им повод не нужен?

— Повод есть! — раздался голос Энцо Коррадо и он появился на экране браслета. — Вернулись наши потеряшки из луара. Уже доложили командиру и теперь рвутся встретиться с вами.

— Это другое дело, — кивнул Тонни. — После обеда ждём, а пока не мешайте нам завершать трудовую повинность. Донцов, ты работать собираешься?

— До встречи, — вздохнул тот и с огорчением выключил связь.

В этот раз делегация гостей с «Паладина» была более представительной, чем обычно,

потому что к Адриану и Энцо, помимо возвратившихся из луара Саймона де Толли, Аарона Гершмана и Оскара Триггви, присоединились и бывшие гвардейцы короля Ричарда во главе с командором Карначом.

— Что-то вы не слишком спешили с возвращением, — заметил Хэйфэн, когда рукопожатия и дружеские объятия были окончены и недавние противники на поле боя сели за стол, заставленный посудой из представительского сервиза, который Бетти достала из буфета по такому случаю.

— Не слишком спешили? — проворчал Аарон. — Да мы с трудом вырвались из жарких объятий Деллана. Вернее, Саймон с трудом вырвался, а мы не могли уйти без него.

— Хоть война и закончилась, так и не начавшись, приказ охранять меня как зеницу ока никто не отменял, — пояснил тот.

— Как война закончилась? — насторожился Донцов. — Каким образом?

— Очень просто, — пожал плечами Аарон. — После того, как вы слиняли с поля боя, король Ричард вызвал на поединок альдора, а вызов принял энфер.

— Разве энфер вернулся? — удивился Стаховски.

— Ещё ночью перед боем. Так вот, Ликар принял вызов и убил Ричарда в первой же ошибке. А его сын Жоан признал поражение и согласился увести войска из-под стен луара, предложив алкорцам мир.

— Хороший мальчик, — кивнул де Толли, — если б не он, то неизвестно, когда б я вырвался из-под надзора секретной службы. Юный король назначил встречу посольств, которые должны заключить мирный договор, в Магдебурге, а Ликар любит пышные выезды. Он отправился на встречу лично, взяв с собой огромную свиту и меня, как придворного инженера, в том числе. А из Магдебурга уйти куда легче, чем из луара.

— То есть ты сбежал? А за тобой погоню не отправят? — уточнил Хэйфэн. — Они не захотят тебя вернуть, коль скоро ты такой ценный кадр?

— Нет, меня отпустил Беренгар. Он разумный человек и знает, что такое дисциплина. Кстати, он смягчил недовольство альдора и насчёт дезертирства Донцова и остальных. На радостях по случаю победы все помилованы и при желании могут вернуться на службу.

— Я такого желания не испытываю, — проворчал Донцов.

— Я тоже, — кивнул Карнач.

— Никто не испытывает, — окинув всю компанию суровым взглядом, заявил Хок.

— Как скажете, командор, — усмехнулся Игнат Москаленко. — Хотя короля Жоана ваш череп, скорее всего, не интересуется. У него есть посуда попрличнее.

— Всё это хорошо, — кивнул Тонни, — но скажите мне, почему с вами нет Мерседес? Она что, не вернулась?

— Это тяжёлый случай, — вздохнул Валуев. — Она вернулась, но только для того, чтоб после этого уйти снова. На сей раз уже навсегда.

— Что это значит? — нахмурился Хок.

— Она нашла себя в этом мире, — пожал плечами Аарон, — и решила остаться. Это её право.

— Вы уверены? — спросил Азаров, прочитав рапорт, написанный гусиным пером на листе сероватой толстой бумаги, свёрнутой в свиток. — Вы понимаете, что, может, уже никогда не сможете вернуться на Землю, не увидите своих родных и близких?

— Это печально, но я всё решила, — кивнула она.

Вернувшись, она так и не сняла своё платье из толстого сукна и белый плат, покрывавший голову. Сидя в удобном кресле посреди командного отсека «Паладина» с чашкой кофе в руках, она задумчиво осматривалась по сторонам, словно хотела запечатлеть в памяти всё до последней, самой мелкой детали.

— Мне будет недоставать всего этого, командор, однако, я поняла, что нужна здесь. Это очень жестокий мир, но в сердцах людей, живущих в нём, есть милосердие и доброта. Слишком часто они даже не знают, как проявить эти качества или стыдятся их. Тут очень много тех, кто нуждается в помощи и сострадании, и много тех, кто готов проявить заботу о ближних, но понятия не имеют, как это сделать. Я могу стать связующим звеном между ними. Мне уже удалось организовать лазарет в луаре. Многие богатые горожане жертвуют нам деньги. Недавно я встретила альдорену, и она согласилась финансировать строительство приюта для сирот и одиноких стариков, а потом принять его под свой патронат. Эта работа потребует много сил и времени. Я просто не могу бросить всё это. Я уж не говорю о том, что часто лишь у нас люди могут получить качественное медицинское обслуживание. Местный уровень медицины даже мне, имеющей лишь навыки первой помощи и ухода за больными, кажется весьма низким. О санитарии тут имеют весьма слабое представление. Врачи даже руки перед операциями моют не всегда, а лекарства таковы, что смягчая симптомы одной болезни, они провоцируют другие. Они часто применяют ударные дозы мышьяка, ртути и растительных ядов, проводят разные магические ритуалы и пускают кровь по любому поводу даже детям и истощённым больным! Они кашель лечат порошком из высушенного языка повешенного, представляете?

— Это прискорбно, — кивнул Азаров, задумчиво глядя на девушку, которая была искренне взволнована.

Ему нелегко было смириться с тем, что придётся оставить её в этом чужом мире, но при этом он видел, что она приехала на «Паладин» только для того, чтоб заявить о своём решении и попрощаться с сослуживцами. Мыслями и душой она была там, в луаре, под крышей своего лазарета, где её ждали страждущие.

Мерседес всегда была немного странной, очень умной, разносторонне развитой и образованной, что и было решающим доводом в пользу того, чтоб принять её в экипаж «Паладина». Она получила диплом инженера по эксплуатации систем жизнеобеспечения звездолётов, имела степени бакалавра по химии, физике и истории, изучала медицину и психологию, но резюме в кадровый центр звёздного флота подала, как механик. В полёте и дома она постоянно читала книги, посещала и слушала курсы по различным научным дисциплинам, и Азаров догадывался, что она продолжает искать своё предназначение. И вот, кажется, она его нашла. Теперь перед Азаровым сидела спокойная уверенная в себе женщина, нашедшая свой путь в этой жизни и готовая взвалить на плечи скорби многих, и при этом нести их с достоинством и добротой к ближним.

— Я вижу, что вам нелегко принять моё решение, командор, — с мягкой улыбкой произнесла она. — Мы все любим Землю, она кажется нам землёй обетованной, самой лучшей, самой родной и самой удобной для жизни. И трудно поверить, что кто-то захочет променять её на маленький дикий мирок. Но иногда нужно отречься от комфорта ради других людей. Я счастлива здесь, как ни была счастлива нигде. Я нужна этим людям, я люблю их, и они отвечают мне тем же. Мы можем улететь и оставить их во тьме, но я хочу остаться с ними и нести им свет нашего мира. Я знаю, как нужно жить, и буду учить их этому.

— Я не могу запретить вам остаться здесь, Мерседес, — вздохнул Азаров. — Я не могу увезти вас отсюда против вашей воли, но я, действительно, беспокоюсь о вашем будущем. К сожалению, наша история пестрит примерами, когда такое подвижничество приводило к печальным результатам. Впрочем, вы и сами знаете это и, тем не менее, приняли такое сложное решение. Я отношусь к нему с уважением и принимаю вашу отставку. Однако, может быть, я могу чем-то помочь вам, чем-то облегчить вашу дальнейшую жизнь здесь?

— Позвольте мне взять из библиотеки справочники по медицине и траволечению, — попросила она.

— Конечно, берите всё, что сочтёте нужным, — кивнул он. — Я советую вам до вашего отъезда поговорить с доктором МакЛареном и Елизаром Дакостой. Оба они сведущи в траволечении и магической медицине, которая может быть применена в этом мире. И ещё я, пожалуй, прикажу, выгрузить со складов звездолёта контейнеры с медикаментами, которые могут быть вам полезны в вашей работе. Думаю, что «Пилигрим» так же может оставить для вас часть своих запасов.

— Это было бы прекрасно! — воскликнула она с радостью.

— Если мы ещё можем хоть чем-то быть полезными вашей миссии, вам стоит только сказать, — улыбнулся он. — Если честно, я восхищаюсь вами, Мерседес, и желаю вам успехов в вашем нелёгком деле.

— Оно, действительно, нелёгкое, командор, — согласилась она, — но вполне осуществимое. У меня много времени впереди, и я надеюсь, что смогу изменить этот мир к лучшему. Я хочу, чтоб зёрна добра и милосердия проросли в сердцах этих людей.

— Так и будет, — раздался позади неё мягкий баритон, и, обернувшись, она увидела в дверях отсека командора Олдриджа. — Мы оставляем здесь вполне жизнеспособные ростки самых добрых чувств и идей, и почва тут вполне благодатная для них. У вас всё получится, Мерседес. А пока пойдёмте на склад, посмотрим, что мы можем оставить здесь более вещественное, чем добрые мысли.

Кирилл Оршанин тоже заметил, как ожил его радиобраслет, и тут же связался со своими друзьями «на воле». В эти дни, когда к баркентине возвращались так долго отсутствовавшие друзья, ему хотелось увидеться с ними, но карантин — штука серьёзная, и ему приходилось сидеть взаперти в медицинском изоляторе, читая книги, которые принесли ему из библиотеки, и раздумывая о смысле бытия.

Известие о том, что в гости приехали вернувшиеся из луара де Толли, Гершман и Триггви повергло его едва ли не в отчаяние. Ему уже сообщили о том, что войны удалось избежать, и он жаждал услышать подробности, потому появление доктора МакЛарена он воспринял с радостью и надеждой. Тот пришёл с небольшим чемоданчиком, в котором была смонтирована переносная лаборатория, и сразу же взял у Кирилла пару капель крови, которые прямо в пробирке опустил в гнездо анализатора. Аппарат деловито загудел и вскоре выплюнул из своего паза тонкий розоватый листок с развёрнутой распечаткой результатов анализа.

Оршанин с нетерпением смотрел на МакЛарена, который внимательно изучал распечатку, не спеша читая текст, пестрящий цифрами и латинскими буквами.

— Ну, могу я выйти из своего заточения, док? — наконец, не выдержал Кирилл.

— Можешь, — кивнул Джулиан и сложил листок пополам. — Здоров, как бык!

— А то я не знал, — проворчал Оршанин и задал вопрос, который давно волновал его:

— Как там наш король?

— Ты знаешь, неплохо, — отключая аппаратуру, ответил доктор. — Последние тесты показали, что возбудителей лепры в его организме не осталось. Регенерация идёт нормально для его состояния, печень и селезёнка уже работают самостоятельно. Сердце тоже. Но дышать мы ему пока не даём, насыщаем кислородом раствор, в котором он находится. Пока он в коме, так лучше. Теперь, когда мы смогли подключить его к аппаратам жизнеобеспечения, я думаю можно говорить о том, что жить он будет. Большого пока сказать не могу.

— А можно на него взглянуть?

— Нет, — категорично заявил МакЛарен. — Там не на что смотреть. Иди, тебя ждут.

— Спасибо, док, — улыбнулся Кирилл и ринулся к двери.

— За внеочередной отпуск? — усмехнулся Джулиан.

— За короля, в основном.

— Ах, да, — окликнул он Оршанина. — Личная просьба. Не говори никому о том, что приволок сюда короля, ладно?

— Почему? — растерялся тот.

— Слишком значимая личность для этого мира, а нам придётся увезти его с собой, возможно, навсегда. Пока существует хотя бы гипотетическая возможность контактов с местными, пусть это остаётся в тайне. Ты меня понял?

— Я понял, док, — немного озадаченно кивнул Кирилл и вышел.

Ночью меня разбудил зуммер радиобраслета, и я привычно, ещё пребывая в полусне, нажала кнопку аудиасвязи.

— Командор, — услышала я голос Донцова, — к нам гости. Желательно ваше присутствие.

— Гости? Ночью? — я, наконец, открыла глаза и увидела на экране горящие цифры часов.

Было 2.35 по зависимому времени звездолёта, ну и примерно столько же по местному.

— Похоже, им всё равно, который час, — явно интригуя, ответил Донцов.

— Иду, — пробормотала я и откинула одеяло.

Выходя из каюты, я увидела, что по лестнице в шахте лифта спускается Джулиан. Он, похоже, ещё не ложился, по крайней мере, вид у него был далеко не такой сонный, встрёпанный и недовольный, как у меня.

— Кто там? — спросила я, подходя, тем временем, как он задержался, ожидая меня.

— Сама увидишь, — усмехнулся он.

Настаивать было бесполезно и я, хмыкнув, взялась за хромированные перила крутой лестницы, раздумывая, когда заработает лифт. Спускаясь под днище звездолёта, я заметила, что там стало как-то светлее, очень знакомо светлее, и поняла, что на бортах баркентины зажглись сигнальные огни и потихоньку разгораются прожектора, освещающие площадку вокруг.

Вслед за этим я услышала рычание и возбуждённые голоса. Бортовые огни освещали наш лагерь и опушку леса, и именно там я увидела несколько лесных пантер, на спинах которых были укреплены расшитые седла необычной конструкции. Рядом, глядя на баркентину, стояли тёмные эльфы. Их лица выражали ностальгическую грусть и сдержанное восхищение. Впереди застыл Авсур в тёмном кафтане, расшитом серебром, с длинной

саблей на перевязи. Когда я подошла, он нехотя оторвал взгляд от звездолёта и посмотрел на меня. За его спиной я увидела Вербицкого в столь же красивом наряде, что и у его спутников. Он явно изнывал от желания подойти и доложить по форме, что прибыл в моё распоряжение, но взгляды, которые он бросал на Авсура, говорили, что он не решается нарушить сложившуюся у тёмных эльфов субординацию.

Авсур обернулся и кивнул ему, после чего Антон едва не бегом бросился ко мне и всё-таки доложил, как положено, о своём прибытии. Вслед за ним подошёл высокий молодой мужчина, судя по чертам лица, азиат и представился, как младший инспектор Ли Юшенг. И, наконец, ко мне шагнул Авсур, за которым следовал Фарок, державший за руку высокого тонкого мальчика с бледным личиком и раскосыми тёмными глазами. О младшем инспекторе, обретавшемся у эльфов, я знала, а вот мальчик оказался для меня полной неожиданностью. Впрочем, долго рассматривать его я не могла, поскольку ко мне обратился Авсур, и к нему, как к предводителю лесного народа, следовало отнестись с должным уважением.

— Я пришёл к вам с просьбой, командор, — произнёс он, как обычно, не тратя времени на церемонии. — Не так давно я оказал вам услугу, забрав из опасного места вашего человека и проявив о нём заботу. Теперь я прошу вас о такой же услуге. Скоро вы улетите. Судя по этим огням, — он указал на баркентину, — вас отпускают отсюда, как я и предполагал. Я прошу вас забрать с собой моего сына. Ему не место здесь. Мы ищем здесь покоя и забвения, а у него впереди вся жизнь, и прожить её он должен в большом мире, среди людей.

Он обернулся и Фарок вышел вперёд.

— Добрый день, командор, — печально кивнул он и покосился на Авсура.

Я не стала напоминать ему, что сейчас ночь, а внимательнее взглянула ему в лицо и перевела взгляд на его отца. Они действительно были очень похожи, и если я раньше не заметила этого, то только потому, что для нас, землян, многие ормийцы на одно лицо, как, впрочем, и мы для них. Наверно, в молодости Авсур выглядел так же, как Фарок теперь.

— Я выполню вашу просьбу, — кивнула я и перевела взгляд на мальчика, который стеснительно жался к Фароку, с любопытством осматриваясь блестящими глазками по сторонам.

И неожиданно с ним случилось что-то странное. Его голова провалилась вниз и весь внезапно опустевший костюм опал на землю, и в этой куче красивых, расшитых шёлком тряпок что-то закопошилось, а потом оттуда выбрался белый зверёк с острой мордочкой и, повизгивая, бросился куда-то позади меня. Я обернулась, заметив, что у него странный хвост. Вернее, это были три пушистых лисьих хвостика. Зверюшка тем временем уже крутилась по траве, возбуждённо повизгивая, и тёрлась о ноги Джулиана. Он наклонился, и лисёнок мигом забрался ему на руки и принялся радостно облизывать его лицо.

— Это Юки, — пояснил Юшенг. — Он кицуне, оборотень, белый лис. Правда, пока он детёныш и очень хочет вернуться к своему хозяину.

— Он остался в этом мире, чтоб оплатить долг хозяина перед графом Кратегусом, — пояснил Фарок, глядя на меня. — Вы ведь знаете кто это?

— Да, знаю, — кивнула я и обернулась к мужу. — Ты знаком с этим малышом?

— Конечно, мы старые знакомые, — улыбнулся Джулиан, глядя лисичку, которая затихла у него на руках. — Он демон-питомец барона Грау и очень привязан к нему. Вот только, как ему помочь, я не знаю. Ворон вместе со своей башней исчез в глубинах Тьмы и

свой новый адрес мне, увы, не сообщил.

Лисёнок испуганно пискнул, подняв голову к его лицу, и его глазки заблестели от слёз.

— Увы, малыш! — вздохнул Джулиан. — Я бессилён помочь тебе. Местонахождение твоего хозяина держится теперь в строжайшей тайне, даже от меня.

По белой мордочке заструились слёзы, и лисёнок уткнулся ему в грудь.

— Неужели ему нельзя помочь? — воскликнул Фарок, обернувшись к отцу. — Он очень тоскует по хозяину! Ему не место среди людей! Он — демон!

— Что я могу сделать? — пожал плечами Авсур и посмотрел на меня. — Забирайте оборотня с собой, пока кто-нибудь не прибрал его искристую шкурку на перчатки. Может, когда-нибудь ваши дороги с его хозяином пересекутся.

— Не думаю, что это возможно, — проговорил Джулиан, прижимая лисёнка к себе. — Дороги людей и демонов пересекаются крайне редко.

— За исключением случая, когда этого демона можно вызвать, — усмехнулась я и полезла в карман куртки.

Перо Ворона, как и визитку Ириса, я на всякий случай носила с собой, решив, что они могут мне пригодиться. Мало ли что может произойти, пока мы не выберемся отсюда! Потому искомое нашлось сразу и, вытащив перо, я подняла его над головой и позвала:

— Ворон, барон Грау, я призываю вас!

И тут же в темноте за пределами освещённой площадки что-то замерцало и вскоре там оформилось нечто похожее на обрамлённое завихрениями серебристого света овальное чёрное зеркало, в котором появилось отражение Ворона. Он был в своей длинной звёздчатой мантии, перехваченной на талии серебряным поясом, в его руках поблескивал посох с сияющим белым кристаллом истины. Отражение шагнуло вперёд, и барон Грау вышел из зеркала и направился ко мне.

— Вы вызывали меня, Лебедь, — начал он, но к нему уже со щенячьим визгом нёсся вырвавшийся из рук Джулиана Юки.

Ворон тут же забыл обо мне и, бросив свой посох, который так и остался величественно стоять рядом без всякой поддержки, нагнулся и подхватил своего питомца. Юки визжал от счастья и извивался, едва не выпрыгивая из шкурки, а я впервые удостоилась необыкновенной чести узреть на лунно-бледном лице барона Грау радостную улыбку.

— Собственно, ради этого я вас и вызывала, — сообщила я, когда он, наконец, бросил на меня мимолётный взгляд. — Сделайте милость, заберите малыша домой. Он скучает.

Я специально высказала это в виде просьбы, надеясь, что он, выполнив её, сочтёт свой долг передо мной оплаченным. Но не тут-то было! Посмотрев на меня, он произнёс:

— Вы снова оказали мне услугу, Лебедь, хоть я вас об этом и не просил. Однако цена этой услуги для меня так высока, что я перед вами в долгу уже дважды. Оставьте себе перо и помните, что я готов явиться к вам по первому же вашему зову.

Он перевёл взгляд на Джулиана, и на его лице мелькнуло что-то похожее на недоумение. Видимо, он не ожидал увидеть его здесь да ещё в форме госпитальера.

— Вам я тоже благодарен, граф, — поклонился он. — И если...

— Нет, барон, — гордо выпрямившись, милостивым тоном произнёс Джулиан. — Ваш долг оплатил Юки, убив колдуна Ротамона. Мы с вами квиты, хотя я, как прежде, остаюсь вашим другом и буду рад новой встрече.

— Ты убил колдуна? — удивился Ворон, посмотрев на лисёнка.

Тот что-то радостно протявкнул в ответ и лизнул его нос. Поклонившись нам, барон

развернулся и ушёл в своё зеркало. Посох плыл рядом с ним, не отставая ни на шаг. Они скрылись в туманном овале, и он бесследно растворился в темноте.

— Прощаемся, сын, — услышала я голос Авсура.

Фарок подошёл к нему, и они обнялись.

— Я больше не увижу вас? — печально спросил юноша. — Никогда?

— Может, это и к лучшему, — произнёс тот. — У тебя своя дорога. Теперь ты знаешь, где я, и можешь быть уверен, что я жив и всё так же люблю тебя. И пусть моя любовь хранит тебя во всех испытаниях, которые выпадут на твою долю.

Чтоб не мешать им, я отошла туда, где стояли Вербицкий и Юшенг, и спросила:

— Значит, Ротамон мёртв?

— Юки загрыз его, — пояснил Антон, кивнув. — Он хоть и маленький, но всё-таки оборотень. У него острые зубки.

— Не сомневаюсь, — пробормотала я, подумав, что вызвать Ворона было удачной идеей ещё и потому, что я понятия не имела, как на борту уживутся с маленьким оборотнем воитель Киса и Белый Волк, который этой ночью бегал где-то в лесу, и нам не пришлось лицезреть его разборки с порывкивающими на незнакомцев пантерами.

— Дарья Ивановна, — снова заговорил Антон, и я насторожилась, потому что в его голосе послышались сладостные переливы, которые обычно появлялись, когда ему было что-то нужно, — Фарок — ормиец, — продолжал заливаться он, — служил в полиции Тиртаны, имеет необходимую квалификацию для службы на звездолётах Объединения в качестве радиста. Он хочет служить у нас. Я готов взять его под своё начало.

— Он же не девочка! — рассмеялся подошедший к нам Булатов.

— Я заметил, — проворчал Вербицкий, убавив тембр и бросив на него недовольный взгляд. — Можно, Дарья Ивановна?

— Пусть подаёт рапорт в общем порядке, — ответила я строго. — Если пройдёт все согласования и аттестацию, то я не возражаю.

— Спасибо! — обрадовался Антон. — Вы не пожалеете, обещаю. Он хороший парень!

— Ты ещё не знаешь, какой из него радист, — заметил Юшенг.

— Ничего, если понадобится, я его обучу, — заверил его Вербицкий и, поймав мой настороженный взгляд, добавил: — Под мою ответственность, командор.

Наконец, прощание отца с сыном было закончено и тёмные эльфы один за другим подходили к Фароку и, обняв его, что-то говорили. Он кивал и всё время грустно поглядывал на Авсура, который направился к своей пантере, самой большой и свирепой из всех. Наконец, эльфы вернулись к своим кошкам и сели в сёдла, а к Фароку подошёл Юшенг и обнял его за плечи.

Эльфы уезжали, всё так же поглядывая на баркентину, но больше ни один из них не изъявил желание улететь с нами. И вскоре все они скрылись под пологом ночного леса.

Посольство Синего Грифона прибыло в Магдебург утром второго светлого дня. Энфер, облачённый в голубую парчу, с сапфировым венцом на голове въехал под радостные крики горожан в восточные ворота, в сопровождении своей свиты, состоявшей из сановников луара и ближайших рыцарей. Остальные многочисленные придворные, следовавшие с Ликаром, разместились в богатых шёлковых шатрах, установленных на лугу за стенами. Алкорцам была предоставлена для размещения восточная часть города с её гостиницами и харчевнями. Сам Ликар и его приближённые заняли покои в большом доме бургомистра. Так свободный город отметил благородную цель, с которой прибыло посольство альдора, ибо, как известно, хоть война и сулит немалые прибыли, всё ж прочный мир куда более способствует торговле.

Следующим светлым утром, едва распахнулись западные ворота, в них под звуки труб торжественно въехало посольство Сен-Марко во главе с маркизом Делвин-Элидиром. И снова горожане встречали посланцев радостными криками и цветами, любясь богато одетыми рыцарями, окружавшими маркиза. Да и сам он в камзоле из чёрного бархата, отделанном золотой парчой, с драгоценной цепью на груди, вызывал всеобщее восхищение. Его блестящие чёрные кудри трепал ветер, а огромные зелёные глаза так благосклонно и внимательно осматривали толпу горожан, что стоявшие в первых рядах дамы и девицы краснели от радости и смущения, поскольку им казалось, что именно на них он задержал свой взгляд.

Землянам предоставили западную часть города и дом советника фон Хольца, опустевший после его бесславной гибели. В тот же день энфер Синего Грифона и маркиз Делвин-Элидир встретились на пиру, устроенном магистратом Магдебурга, и все присутствовавшие там заметили, что главы посольств встретились не как недавние враги, а, скорее, как старые приятели. Они были любезны друг с другом, и во время пира вели непринуждённую беседу, вспоминая былые времена.

Переговоры по поводу заключения мирного договора начались лишь на следующий день, и шли не так гладко, как ожидалось. Причиной тому были многочисленные разногласия, накопившиеся между государствами за века вражды, а более всего размер контрибуции, которую Сен-Марко должно было выплатить, как проигравшая война сторона. Не отрицая такую обязанность, маркиз Делвин-Элидир всячески старался снизить её размер, ссылаясь на то, что военные действия не проводились, и никаких разрушений и грабежей на землях луара не было. В то же время, Ликар намеревался отыграть те траты, что луар понёс в связи с подготовкой к войне. Однако стремление достичь хоть какого-то компромисса, который мог привести их к общей цели заключить желанный мир, позволило всё-таки прийти к соглашению, устроившему на данном этапе обе стороны. Кроме того, маркизу удалось склонить энфера к тому, чтоб отложить разрешение конфликтов по спорным приграничным землям на следующие встречи. Понимая, что подобные вопросы не могут быть решены сразу и не мешают установлению мира, Ликар согласился на его предложение сформировать совместную комиссию, для обсуждения территориальных споров с тем, чтоб она впоследствии представила свои предложения и разногласия на рассмотрение альдору и королю.

Таким образом, по истечении нескольких напряжённых дней посланниками были

сформулированы основные условия договора о мире, в который помимо прочего были включены пункты, предусматривающие установление взаимных торговых льгот. Наконец, когда переговоры были закончены, оба посла вздохнули с облегчением и, отправив копии договора своим правителям, смогли расслабиться. Им предстояло дожидаться ответов в Магдебурге, чтоб в случае возражений кого-либо из правителей, продолжить согласование условий договора. Но до того момента они могли немного отдохнуть и насладиться гостеприимством горожан, хоть и привычных к визитам высоких особ, но впервые принимавших у себя посланников, прибывших со столь необычной и важной миссией, и потому старались развлечь своих гостей и произвести на них наилучшее впечатление.

Город наводнили менестрели, актёры и акробаты, выступавшие на площадях и широких улицах. Двери таверн и трактиров распахнулись настежь, а по улицам прогуливались нарядные кавалеры с такими же нарядными дамами. Вечерами в домах богатых горожан устраивались пиры, на которые приглашали гостей, соответствующих статусу хозяев. И, наконец, когда шумные застолья уже начали всем надоедать, энфер предложил маркизу поохотиться в окрестных лесах, на что тот охотно согласился.

Марк де Сегюр входил в состав посольства Сен-Марко, несмотря на то, что граф Раймунд сомневался в уместности его участия. Граф опасался, что выдвигавшиеся против него в луаре обвинения в шпионаже и измене могут вызвать неприязнь со стороны алкорцев и привести к конфликту, который помешает достижению договорённостей на выгодных Сен-Марко условиях. Марк, в свою очередь, настаивал на том, что должен сопровождать маркиза Делвин-Элидира, поскольку хорошо знал всех, кто будет противостоять ему на переговорах, их взгляды и слабости, и в случае необходимости смог бы подсказать нужные аргументы в споре. Что ж до обвинений, то они были сняты при помиловании, и вряд ли кто-то из подданных альдора пойдёт против его воли.

Оценив их доводы, король Жоан согласился с бароном и предоставил ему официальный статус в посольстве, поручив обеспечение безопасности посланника и его свиты.

Как и ожидал Марк, встретившиеся ему в Магдебурге алкорцы отнеслись к нему без неприязни, некоторые даже в сдержанной манере одобрили решение альдора о помиловании и выразили надежду на то, что при установлении прочного мира между их государствами они смогут вновь считать его своим другом. Такое отношение не было чем-то странным, поскольку воины так часто переходили из одного стана противников в другой, что перестав быть врагами на поле боя, они часто становились хорошими друзьями, что не исключало возможности снова скрестить клинки в следующей военной кампании. Явная симпатия, выказанная Марку при встрече сопровождавшим энфера контарреном Беренгаром, ещё более упрочила его положение среди алкорских рыцарей, а после нескольких совместных пирушек он как-то незаметно снова вошёл в круг прежних друзей, хоть и относившихся к нему немного настороженно, всё же не скрывавших своей симпатии. Только великан Элот продолжал свирепо поглядывать на Марка, однако, учитывая его статус при посланце короля Жоана, не решался вслух выражать свою враждебность.

Когда же переговоры были закончены, и посланцы луара и Сен-Марко выехали на охоту, он решил, что теперь подобные условности можно не учитывать и, подойдя к де Сегюру, открыто и громко повторил вызов на поединок.

— Хватит, Элот! — недовольно воскликнул энфер, не желавший портить отношения с маркизом Делвин-Элидиром, а в его лице и с королём Жоаном, с которым надеялся установить миролюбивые и даже дружеские отношения. — Мы решили оставить войны

позади, а потому смири свою гордость и предложи барону де Сегюру свою дружбу. Насколько я помню, в былые времена вы были хорошими приятелями.

— Смею заметить, благородный энфер, — обиженно проговорил Элот, взглянув на своего господина, — что причиной этого вызова явились не те преступления, которые были прощены ему великим альдором, а совсем иные поступки, за которые он должен ответить передо мной.

— Этот вызов был получен мною ранее, благородный энфер, — поддержал противника Марк, положив руку на старый эфес своего фамильного меча, обретшего новый клинок. — Я принял его ещё тогда, и лишь моё положение вашего пленника не позволило мне дать сэру Элоту удовлетворение. Однако сейчас ничто этому не препятствует, а потому я прошу вас позволить нам сразиться.

— Что за блажь, Марк? — холодно осведомился маркиз Делвин-Элидир. — Надеюсь, ты не забыл, что находишься здесь с ответственной миссией, порученной тебе королём, и не вправе предпринимать какие-либо действия, которые могут помешать переговорам?

— Переговоры окончены, ваше сиятельство, — резко ответил де Сегюр. — В данном случае речь идёт о чести. Если мой противник считает меня мерзавцем, что является его правом, я не хочу, чтоб он при этом ещё счёл меня и трусом! Я принял вызов и должен вступить в поединок. Если для этого необходимо сложить с себя возложенные на меня его величеством полномочия...

— Это излишне! — перебил его Ликар и обернулся к Делвин-Элидиру, хмуро смотревшему на своего своенравного друга. — Право же, маркиз, если здесь задета честь, то мы с вами не вправе препятствовать этим рыцарям защищать её. Вызов сделан и принят по всем правилам. Мы с вами будем следить за поединком и можем заранее условиться, что если всё пройдёт без нарушений, то каким бы ни был его результат, он не имеет отношения к нашим переговорам и не повлечёт для них никаких последствий. Отнесёмся к этому, как к частному делу, каковым оно и является.

Маркиз сдержанно поклонился энферу и только после этого коротко кивнул Марку, показывая тем самым, что допуская эту дуэль, он идёт на уступку энферу, но никак не ему.

После этого противники смогли, наконец, скинуть плащи и камзолы и, взяв в руки мечи, вышли на ровную площадку, которую тут же окружили зрители. Элот напал первым, и его стремительный мощный удар почти достиг цели, остриё меча скользнуло по предплечью Марка и на его белой сорочке появилось алое пятно крови. Но это был последний удар, который он пропустил. Элот был опасным противником, опытным воином, и всё же ему не доставало проворства, чтоб одолеть Марка. Может, он был слишком прямолинеен, а может, поддался эмоциям, но все его действия были понятны и предсказуемы. Марк ловко уклонялся от мощных ударов, парировал остальные и при этом атаковал из любой позиции, заставляя Элота суетиться и ошибаться. Он сохранял хладнокровие и, наблюдая за соперником, не торопился, ожидая возможности закончить поединок победным ударом. Наконец, такой шанс ему представился. Когда Марк, словно зазевавшись, повернулся к нему боком, Элот, поддавшись на эту уловку, высоко поднял меч, чтоб нанести сокрушительный удар. В тот же миг Марк легко сместился в сторону и, развернувшись, ударил его рукоятью меча в солнечное сплетение. Должно быть, великан забыл, что на сей раз его грудь не прикрыта доспехами, или просто не ожидал такой дерзости, но он ахнул, на какое-то мгновение растерялся и тут же рухнул на землю в результате внезапной подсечки под колени. Его меч отлетел в сторону от резкого удара, и он замер с остриём у горла, свирепо

глядя на стоящего над ним Марка.

На мгновение вокруг воцарилась тишина, которую прервал голос энфера:

— Что вы станете делать, барон?

Предполагалось лишь два выхода: либо закончить дуэль смертельным ударом, либо ещё раз предложить противнику мир.

— Как ты думаешь, Элот, почему я ударил тебя рукоятью, а не клинком, когда ты так опрометчиво открылся мне для удара? — спросил Марк, опуская оружие. — Я не испытываю к тебе неприязни и не считаю тебя своим врагом, а потому не собираюсь убивать. Я дал тебе возможность убить меня, но ты не смог ею воспользоваться. Давай покончим с этим раз и навсегда. Но для этого ты должен сказать мне, чем я вызвал твою ненависть.

— Адалина! — прошептал Элот, глядя ему в глаза. — Девочка умерла из-за тебя.

— Верно... — устало согласился Марк и опустился рядом с ним на колени. — Мне жаль, Элот, — тихо проговорил он, покаянно склонив голову. — Я любил её, я хотел сделать её счастливой. Я и помыслить не мог, что моя любовь приведёт её на эшафот. Если б я знал, что такое возможно, я бы не стал даже приближаться к ней. Она была невинным ребёнком, находилась под опекой альдорены, она ничего не знала о моих делах! Я признаю, что она пострадала из-за меня, и мало что могу сказать в своё оправдание. Эта вина и эта боль тяжким бременем лежат на моей душе, и я не собираюсь снимать это бремя. Мне нужно было забрать её с собой из луара.

— Кто б тебе позволил? — проворчал Элот, хмуро глядя на него. — Да она б и не поехала с тобой.

— Кто знает, — вздохнул Марк. — Она меня любила.

Элот приподнялся и задумчиво смотрел на его склонённую голову, а потом протянул руку и за подбородок поднял её, чтоб взглянуть ему в глаза. Заметив, что они блестят от слёз, он пробормотал:

— Ты не должен был морочить голову девочке, если занят таким опасным делом, Марк.

— Пожалуй, — кивнул тот.

Элот тяжело встал и протянул ему руку.

— Если ты осознал, к чему привело твоё легкомыслие, и раскаиваешься, у меня нет больше причин для вражды. Я согласен на примирение.

Марк сжал его руку и поднялся с колен.

— Ну, вот видите, маркиз, иногда для того, чтоб достичь мира, нужно вступить в поединок, — одобрительно кивнул энфер, обернувшись к Делвин-Элидиру.

Маркиз задумчиво кивнул, заметив печаль на лице своего друга, однако, воздержался от вопросов, тем более что где-то вдалеке затрубили рога загонщиков, нашедших в лесной чаще оленя. Энфер нетерпеливо осмотрелся и щёлкнул пальцами, призывая своего оруженосца, державшего за повод его коня.

Вечером того же дня по случаю удачной охоты снова был устроен пир, который на сей раз состоялся за городом среди шатров алкорского лагеря. На поляны выставили столы, неподалёку повара жарили на кострах двух оленей, трёх кабанов и неисчислимое количество мелкой дичи, подстреленной охотниками. Слуги сбивались с ног, принося на столы блюда с закусками и разливая по кубкам вино из больших кувшинов. Среди гостей были как члены обоих посольств, так и именитые горожане Магдебурга. За прошедшие дни между ними установились столь дружеские отношения, что теперь алкорцы и земляне сидели

вперемешку и наперебой поднимали тосты за луар Синего Грифона и Сен-Марко, за великого альдора и молодого короля.

— Меня удивило столь внезапное решение короля признать поражение, — заметил Ликар, поставив на стол кубок после очередного тоста за Жоана. — Он не выглядел испуганным или смущённым, и, полагаю, в основе его действий лежали вовсе не сомнения в том, что он сможет одержать победу.

— Я сам был удивлён, — кивнул маркиз Делвин-Элидир, — хотя и понял причины его решения. До этого, будучи наследным принцем, он рвался в бой, стремясь доказать отцу и народу свою доблесть, но внезапно став королём, он ощутил на своих плечах груз ответственности за королевство. Война разрушительна для обеих сторон, она несёт слишком много смертей и горя. Это понимал король Арман, он постоянно говорил об этом после возвращения с войны, объясняя слишком воинственным друзьям своё стремление к миру. Жоан часто присутствовал при этом и смотрел на кузена с восхищением. Он как губка впитывал его идеи и слова. Жоан хочет продолжить дело, начатое Арманом. А Арман желал мира и процветания для всего нашего мира.

— Он был необыкновенным человеком, — задумчиво кивнул энфер. — Я помню его по прошлым переговорам. Он был очень убедителен в речах, хотя говорил вещи довольно странные для короля. Но его прекрасными идеями невозможно было не восхищаться, хоть и с трудом верилось, что у него получится воплотить их в жизнь. Однако даже на моего отца он произвёл неизгладимое впечатление. Великий альдор всегда восхищался им, повторяя, что такого короля он желал бы видеть своим другом и союзником, а вовсе не врагом. Он поручил мне обсудить с вами возможность его встречи с королём Жоаном для подписания мирного договора, когда его условия будут согласованы. Думаю, он будет рад узнать, что король Жоан намерен продолжить политику своего кузена. Мне и самому не терпится ближе познакомиться с вашим юным королём. Он произвёл на меня впечатление умного и благородного человека, а, учитывая, что нам с ним придётся править нашими государствами одновременно, то было бы весьма полезным стать друзьями, а не соперниками. И в этом я рассчитываю на вас, дорогой маркиз.

Он снова поднял свой кубок, в который виночерпий уже налил вина, и приподнял его, глядя на Делвин-Элидира.

— Я с радостью буду способствовать установлению мира между луаром и Сен-Марко, — кивнул тот, подняв свой кубок. — Семь лет назад мир между нами казался несбыточной мечтой, но теперь эта мечта начинает обретать всё более чёткие очертания. Однако боюсь, что у нас в этом деле будет много противников. Слишком многие привыкли жить войной, которая была основой существования нашего мира.

— Всё меняется, — пожал плечами Ликар. — Я сам, как рыцарь, в какой-то степени сожалею о том, что не смог в полной мере продемонстрировать своё воинское искусство на поле брани, но как правитель, ответственный за судьбы своего народа, я рад тому, что нам удалось избежать войны. Я уверен, что мы найдём, куда приложить наши силы, не сражаясь друг с другом.

Маркиз какое-то время задумчиво смотрел на него.

— Я удивлён, благородный энфер, увидев в вас такое же стремление к миру, как и у моего короля. И в этом я вижу добрый знак для процветания наших государств.

Ликар склонился к нему и доверительно произнёс:

— Алкорцы не так уж воинственны, друг мой. И поверьте, ничто так не способствует

стремлению к добрососедству, как угроза осады. Если нам удастся разрешить наши пограничные споры за столом переговоров, то, я уверен, мы добьёмся прочного мира. Не могу сказать, что будут делать со всем этим наши потомки, но мы хотя бы покажем им возможность мирного сосуществования. Однако, вы правы, и в луаре, и в Сен-Марко достаточно горячих голов, которые разочарованы тем, что им не удалось проявить свою доблесть и нажиться на грабежах. Однако им придётся смириться с этим.

— Вряд ли они так просто смирятся, — заметил сидевший рядом с энфером контаррен Беренгар. Он внимательно прислушивался к их разговору, но только теперь решил высказаться. — Луар един в своём почитании великого альдора, но в Сен-Марко царит разброд. Мало того, что там много совершенно лишних людей, привлечённых ко двору покойным королём Ричардом, так теперь и многие военные бароны, надеявшиеся нажиться на военной кампании, оказались в проигрыше. Как, кстати, и вы, маркиз. Но вы приближены к королю и достаточно богаты, чтоб смириться с потерями и компенсировать ущерб за счёт новых возможностей. Другим сложнее. Есть те, кто всё поставил на эту войну, заложив ради формирования отрядов свои имения и даже жён. Королю Жоану следует опасаться сопротивления столь миролюбивой политике. Его будут провоцировать и всячески подталкивать к новым конфликтам.

— Он всё это понимает, но твёрд в своём решении, — ответил маркиз. — Я уверен, что совместными усилиями мы справимся с нашими противниками, тем более что король пользуется любовью и поддержкой народа. В нём видят продолжателя славных дел Армана.

— Надеюсь, так и будет, — кивнул Беренгар. — Я слышал, что вокруг молодого короля формируется ядро единомышленников, состоящее из молодых баронов короля Армана и юных друзей короля.

— Пока не коалиция, но уже дружеский круг, — улыбнулся Делвин-Элидир. — Королю нужна опора в начале правления.

— Что ж, пусть оно будет долгим и счастливым, — кивнул Ликар. — А я жду встречи с вашим королём, маркиз. И надеюсь, что она пройдёт так же, как и эта. Смотрите, давно ли эти двое бились насмерть, а уже пьют вместе, как ни в чём ни бывало!

Он указал на сидевших неподалёку барона де Сегюра и Элота. Впрочем, как раз в этот момент Элот, снова на что-то обидевшись, начал недовольно ворчать, а Марк отвечал ему со спокойной улыбкой, в которой угадывалось некоторое ехидство. Впрочем, ожидать новой ссоры не приходилось, и маркиз, взглянув на них, проговорил:

— Я несказанно благодарен вам, благородный энфер, за то, что вы вернули нам барона де Сегюра. Он очень дорог мне и королю.

— Он был дорог и мне, пока я не узнал о его проделках, — усмехнулся Ликар. — Он был украшением моей свиты. Увы, последнее время она потеряла слишком много украшений. Сперва Марк, потом Светозар и Кроу. И если с Марком мне всё ясно, то причина бегства с поля боя этих двоих, а с ними и двух других рыцарей, остаётся для меня загадкой. Лорд контаррен считает, что они получили приказ покинуть наши ряды.

— Скорее, их призвали, — уточнил Беренгар.

— И чьё слово было для них более весомо, чем верность великому альдору? — нахмурившись, спросил Ликар.

— Слово той, которой подчинился бы и сам великий альдор, — усмехнулся Делвин-Элидир и, заметив, как сурово сдвинул брови энфер, уточнил: — Я говорю о святой Лурдес,

которую у вас зовут Девой Лардес, и которая не так давно гостила в луаре под именем леди Дарьи.

— А ведь верно, они служили ей, как и сэр де Мариньи, — кивнул Ликар. — Что ж, вы правы, маркиз. С богами не спорят, а уж тем более с богинями. Хотя и без того альдор уже помиловал их вслед за де Сегюром. К тому же, насколько я помню, и вы в тот момент лишились нескольких своих рыцарей.

— Лучших гвардейцев во главе с капитаном, — улыбнулся маркиз. — Впрочем, я уже тогда знал, что происходит, и единственное, что меня огорчило, так это то, что я не смог с ними проститься. Мы были друзьями.

— Что ж, в этом я могу вам помочь! — рассмеялся энфер. — Волей случая несколько моих рыцарей знают, где находится звездолёт, от которого к нам приехала леди Дарья. Они сопровождали офицера, пригласившего её к нашему двору. Тот офицер уже давно нами изгнан, но есть те, кто ездили с ним и помнят дорогу. Если хотите, я дам их вам в качестве провожатых. Они отведут вас к звездолёту, и вы сможете проститься со своими друзьями и заодно передать мои заверения в вечной преданности леди Дарье, коль скоро ей угодно так себя называть.

— И правда, — усмехнулся маркиз и взглянул на Марка, который обнимал раскрасневшегося от возмущения Элота за плечи и что-то нашёптывал ему на ухо. — Я с радостью и благодарностью приму ваше предложение, благородный энфер, и поеду навестить наших друзей, и уверен, что барон де Сегюр составит мне компанию.

— Вот и отлично! — воскликнул Ликар, довольный, что смог без особых затрат оказать маркизу услугу. — Нам ещё долго торчать в Магдебурге, ожидая вестей от наших повелителей. Так что ближайшим светлым утром вы вполне сможете отправиться в путь и, погостив у богини, вернуться к нам, осенённые сиянием её благословения!

В его голосе слышалась ирония, но маркиз с улыбкой кивнул ему и снова посмотрел на Марка, который на сей раз оказался в дружеских объятиях Элота, в чём-то жарко убеждавшего его.

Следующий светлый день застал друзей в пути. Они неспешно ехали по лесу, пронизанному прозрачным сиянием посветлевшего неба. Было тихо, и даже лёгкий ветер не касался высоких крон деревьев, но в глубине чащи беспечно щебетали птицы и их звенящие трели разливались в тени деревьев, им вторил стрёкот кузнечиков и мерное жужжание тяжёлых шмелей, перелетавших с цветка на цветок. Эта безмятежная красота наполняла душу тихим покоем и верой в то, что война с её грохотом, стонами и болью, наконец, осталась в прошлом.

Марк ехал рядом с Айолином, с наслаждением вдыхая прохладный воздух, пахнущий хвоей и медвяными травами, прислушиваясь к приглушённой перепалке алкорских рыцарей, которые, уехав вперёд, спорили, едут ли они правильным путём или сбились с дороги. Рыцари охраны и оруженосцы держались позади на почтительном расстоянии, и можно было говорить, не опасаясь чужих ушей. Но друзья молчали, впитывая безмятежный покой утреннего леса, далёкий от суеты и волнений человеческого мира.

Маркс рассеянной улыбкой смотрел на порхавших вокруг разноцветных бабочек. Они напомнили ему дождь из лёгких лепестков, взметнувшийся под ветром, когда Жоан в золотом венце вышел на ступени храма Святой Лурдес после обряда коронации. Толпа, заполнившая маленькую площадь, разразилась восторженными криками, и молодой король в

окружении своей свиты спустился на брусчатку мостовой. Его осыпали цветами, их бросали ему под ноги, а когда он со своим кортежем ехал верхом на богато убранном коне, с улиц уже раздавались песни и смех. Говорили, что такого воодушевления Сен-Марко не знал с тех пор, как им правил Арман. Всем хотелось, чтоб юный Жоан стал таким же благословением для королевства, каким был и его кузен. Город ликовал, забыв о том, что совсем недавно проводил в последний путь другого короля.

Похороны погибшего на войне Ричарда прошли в суровом молчании, без слёз и, как показалось Марку, без сожалений. Тело прежнего короля было водворено в саркофаг в ряду таких же саркофагов, между могилами его отца и брата, и покинуто всеми, кроме гвардейцев, стоявших в карауле. А через пару дней, когда храм начали готовить к коронации, и они покинули свой пост, и память о Ричарде осталась лишь ещё одной безмолвной каменной плитой в ряду других.

Марк был удовлетворён этим. Пусть никто не узнал о том, что это Ричард убил Армана, но и сам он нашёл свою смерть, а теперь будет наказан ещё и забвением, поскольку его краткое правление не принесло ему славы, а свои войны он проиграл. В то же время память об Армане, не угасавшая ни на минуту, в дни торжеств по поводу восшествия на престол молодого короля вспыхнула с новой силой. Жоана приветствовали, как героя, а появление рядом с ним вдовствующей королевы Элеоноры, покинувшей своё добровольное заточение, было встречено с восторгом.

Одним из первых указов Жоан исполнил волю своего кузена, наградив его верного слугу и друга барона де Сегюра за бескорыстную преданную службу, и даровал ему замок Ричмонд со всеми прилегающими угодьями, выходящими за пределы небольшого Зелёного Дола. Объявляя о своём решении, король отметил, что барон стал одним из немногих героев прошедшей войны. В то время как большая часть войска так и не вступила в бой, ему выпало познать и пламя битв, и горечь потерь, и тяготы плена.

Войдя в тот день во дворец безземельным бароном, Марк вышел из него владетельным сеньором и, уклонившись от предложений друзей немедленно отпраздновать это событие, отправился в маленький домик, затерянный в узеньком переулке среди бедных кварталов, куда уже рвалась его душа. Он шёл к Мадлен, и едва она открыла скрипучую дверь своего домика, бросился к ней и заключил в объятия, покрывая её лицо страстными поцелуями.

— Вы не слишком торопитесь, ваша светлость? — рассмеялась она, но её нежные руки уже обвили его шею. Чуть отстранившись, она какое-то время смотрела ему в глаза, а потом её взгляд скользнул на его губы и она прошептала: — Я всё время думала о тебе...

От этого сладостного воспоминания по его телу прошла дрожь, и он с удовольствием потянулся, глядя на синее небо, по которому легкой дымкой стелились низкие серебристые облака, похожие на распластанные крылья ангела. Ехавший рядом со столь же безмятежной улыбкой Айолин вопросительно взглянул на него.

— Я до сих пор не могу поверить, что всё так изменилось, друг мой, — проговорил Марк, посмотрев на него. — Ричард мёртв и скоро будет забыт, на троне наш Жоан, а я, наконец, обрёл свой феод, который смогу передать потомкам.

— Сначала нужно жениться, — усмехнулся Айолин.

— За этим дело не станет, — пожал плечами Марк. — Я уже нашёл ту, с которой готов прожить всю жизнь.

— Правда? Я её знаю?

— Возможно. Её зовут Мадлен де Тур.

— Рыжая?

— Так ты знаком с ней? — оживился Марк.

— Впервые слышу, — рассмеялся Айолин. — Просто, чтоб тебе захотелось связать себя узами брака, девица должна быть рыжей, как огонь.

— Скорее, такой рыжей, как будто солнце каждую ночь спит в её изголовье, — улыбнулся Марк, и эта улыбка была нежной, как цветок. — И она не девица, а вдова. У неё есть маленький сын. Но что с того? Она любит меня, и рада мне в любой момент дня и ночи. Она просто дарит мне себя и ничего не просит взамен. Ей нужен только я, а я начинаю понимать, что мне нужна она.

— И всё же не забывай, что она станет баронессой и ей придётся войти в придворный круг, — рассудительно напомнил Айолин.

— Мадлен происходит из обедневшего, но достаточно знатного рода, — сообщил Марк, — а, стало быть, я могу спокойно жениться на ней и, наконец, принять пожалованный мне Жоаном замок. А там, глядишь, мне удастся когда-нибудь выкупить Сегюр, который там совсем рядом. Я надеюсь восстановить замок предков в его прежнем величии. Сын Мадлен будет мною любим, получит заботу и протекцию в будущем, но мой титул и земли унаследует только мой родной сын, настоящий де Сегюр, даже если он будет рыжим в мать.

Уехавшие вперёд алкорские рыцари, наконец, разрешили свой спор, и один из них спешно вернулся назад.

— Мои лорды, — проговорил он, сдержанно поклонившись, — мы совсем рядом. В прошлый раз Кабрера, которого мы сопровождали, велел нам задержаться здесь, а сам поехал вперёд и вскоре вернулся с леди Дарьей и её провожатыми.

— Вы уверены, что это здесь? — спросил Айолин и, приподнявшись в стременах, осмотрелся. Вокруг был густой лес, и не было слышно ничего, кроме птичьего пересвиста.

— Уверены, господин маркиз, — кивнул тот. — Там впереди поляна, на которой мы ждали, и приметная старая ольха с дуплом.

К ним подъехала охрана и оруженосцы, которые тоже нерешительно осматривались по сторонам.

— Что ж, — распорядился Айолин, — поезжайте на эту поляну и разбейте лагерь. Ждите нас там. Дальше мы поедем вдвоём.

— Разумно ли это? — настороженно прислушиваясь, спросил Алед.

— Почему не взять с собой оруженосцев? — поинтересовался Марк.

— Нас вообще туда не приглашали, — напомнил Айолин. — Незачем тащить с собой вооружённый эскорт.

Марк пожал плечами.

— Как скажешь. Шарль, оставайся с Аледом. Ждите нас до следующего светлого утра, потом разрешаю приблизиться к звездолётам, но в любом случае избегайте грубости и бряцанья оружием.

— Я полагаю, что мы управимся раньше, — произнёс Айолин, успокаивая встревоженного Аледа. — Если задержимся, то сообщим.

И развернув коня, он поехал по едва заметной тропинке. Марк поспешил за ним. Догнав его, он спросил:

— Ты оставил там наш эскорт только из деликатности?

— Нет, — покачал головой Айолин. — Я не знаю, что и кого мы там увидим. Возможно, там есть что-то, о чём не стоит болтать.

— Возможно, — согласился Марк.

Вскоре они услышали вдалеке голоса, а потом за деревьями что-то блеснуло и они выехали на широкий луг, на котором стояло на массивных кружевных опорах сооружение, которое можно было бы назвать домом или даже дворцом, не будь оно странной, вытянутой формы, гладкое и блестящее, как капля ртути. Это сооружение было огромно и не касалось земли. Трудно было поверить, что эту массивную громадину удерживают навесу такие изящные подпорки, которые вовсе не напоминали каменные опоры мостов. Её гладкие серебристые стены были украшены мерцающей вязью узоров, завораживавших взгляд своими необычными переплетениями.

Оба рыцаря застыли на краю леса, изумленно глядя на это необычное творение, поражаясь его совершенным формам и огромному размеру. Они даже не сразу заметили находившихся здесь людей, а заметив, испытали ещё один шок. Наверно, встретив этих страшилищ в иной ситуации, они схватились бы за мечи. Огромный косматый человек с лицом, заросшим густой чёрной бородой, держал в руках топор, а рядом с ним стоял кто-то похожий на демона из преисподней, совсем чёрный, но с белыми зубами и белками глаз. Они были не менее необычны, чем стоявший на лугу звездолёт, и при этом выглядели устрашающе. Однако после того как первое потрясение от их вида прошло, Марк заметил, что оба они одеты в чистую светлую одежду: странного вида длинные штаны и обтягивающие рубашки с короткими рукавами. На запястьях знакомо поблескивали серые браслеты, что окончательно успокоило его.

— Свои, Платон! — услышал он знакомый голос и обернулся. К ним от звездолёта направлялся одетый в такую же одежду Карнач. — Не пугай людей, Ганджу.

— Работа такая, — скаля белые зубы, объяснил чёрный, а великан, обернувшись, бросил свой топор и тот вонзился блестящим лезвием в широкую колоду.

Марк спрыгнул с коня и, улыбнувшись, шагнул навстречу Карначу. Они обнялись, а потом Александр пожал руку спешившемуся Делвин-Элидиру.

— Мы были здесь неподалёку и решили заехать проститься, пока вы не улетели, — объяснил Марк.

— Я очень рад, — кивнул Карнач. — Все наши будут рады видеть вас.

Марк снова невольно взглянул на поблескивающую гладкими бортами баркентину.

— Значит, это и есть ваш звездолёт? Он сделан из серебра?

— Нет, он сделан из искусственных материалов и покрыт тончайшим слоем голубого золота, — пояснил Карнач. — К сожалению, не могу сказать больше. Не потому что это секрет, просто это сложно объяснить.

— И есть второй такой? — спросил Айолин, любуясь «Паладином».

— Тот выглядит, как золотой, — уточнил Александр, — но в целом очень похоже. Вы его увидите, если хотите повидать леди Дарью и командора де Мариньи. Мы вас проводим к ним.

Из палаток и звездолёта тем временем начали появляться остальные члены экипажа, привлечённые приездом гостей. Бывшие гвардейцы радостно приветствовали старых друзей, а те, кто не уходил из лагеря, с любопытством разглядывали рыцарей, их нарядные костюмы и искусно сделанное оружие. Марк заметил среди них белолицую рыжую девушку и ласково улыбнулся ей.

— Расслабься, — усмехнулся Карнач, заметив это. — Наши девушки предпочитают героев космоса.

— Мужчины с мечами им тоже нравятся, — подмигнул ему Валуев, а Марк тем временем задержал взгляд на лице красивой женщины, стоявшей поодаль и настороженно смотревшей на него.

— Это?.. — начал он, нахмурившись.

— Да, это она, — подтвердил Карнач. — Дама полуночи.

— Та самая куртизанка? — заинтересовался Айолин, бесцеремонно разглядывая Изабо. — Полагаю, что её альдор не помиловал, так что мы сделали правильно, не взяв с собой алкорцев.

— Я бы сам придушил её, — процедил Марк. — Из-за неё погибли мои друзья.

— Ничем не могу помочь, кроме заверений, что она ответит за свои дела, но ответит по нашим законам, — произнёс Карнач, положив руку ему на плечо.

А Изабо, поймав свирепый взгляд барона, предпочла удалиться и быстрым шагом направилась к звездолёту.

— Значит, это вы устроили тот магический туман в луаре? — спросил Марк, проводив её взглядом.

— Не я. Это были Ланфэн, капитан Оршанин и их команда.

— Что ж, тогда я должен поблагодарить их за спасение жизни моего друга, который всё же вырвался из когтей Деллана, — заметил Марк и, взглянув на Александра, неожиданно решился. — Я должен признаться, что нарушил данное тебе слово. Мне очень жаль.

— Ты о стреле? — догадался Карнач. — Честно говоря, нам повезло, что парень, в которого ты стрелял, выжил, иначе мне было бы трудно объяснить своим, почему в его спине оказалась наша стрела.

— Выжил?

— Ну, да. Вон он!

Карнач указал назад, туда, где у металлической лестницы, ведущей во чрево звездолёта, стоял Джинхэй. Бывшего телохранителя короля непросто было узнать в форме инспектора, однако его взгляд, обращённый на гостей, был, как и прежде, задумчивым и бесстрастным.

— Джинхэй? — изумлённо воскликнул Айолин. — Так он тоже из вашего ордена? Но вы же враждовали! И у него не было браслета!

— Эти не носят браслеты, — заметил Игнат Москаленко. — У них всё в голове.

— Мы не афишировали наши отношения, — пояснил Александр. — Ему выгоднее было оставаться одиночкой, чтоб держаться при короле. Но это не мешало нам делиться информацией.

— Так вот откуда у вас были сведения о том, что творится при дворе, — пробормотал Айолин. — Почти из первых рук.

Марк задумчиво кивнул и посмотрел на Александра.

— Мне жаль, что я ранил вашего человека. Если б я знал...

— То он был бы плохим профессионалом, — перебил его Карнач. — А поскольку он хороший профессионал, то ты и не должен был ни о чём догадываться. Не вини себя. Всё это просто стечение обстоятельств и моя ошибка. Я дал тебе оружие, и требовал, чтоб ты не пользовался им. Но ты же солдат, и просить тебя не стрелять из арбалета всё равно, что уговаривать волка не пользоваться клыками. Я дал, мне и отвечать.

— Я нарушил данное тебе слово, — покаянно напомнил Марк.

— Ладно, оба виноваты, — подытожил Валуев и обернулся. — Шухер парни! Бен на горизонте, — и уже громче произнёс: — Старпом, вы очень кстати. Можно нам отлучиться и

проводить наших гостей к «Пилигриму»?

Все обернулись к направлявшемуся к ним командору Олдриджу и на сей раз смятение отразилось на лице Айолина. Конечно, он знал, что Повелитель теней тоже принадлежит к ордену пилигримов, и всё же его появление рядом взволновало его. Ведь до этого он видел его лишь в своём странном смертном сне. Теперь он не выглядел ни таинственным, ни зловещим, скорее, обычным, таким же, как другие, окружавшие их люди.

А Бен внимательно посмотрел на него и приветственно кивнул, как старому знакомому.

— Можете ехать, — разрешил он.

— Седлаем коней, парни! — поспешно, словно боясь, что он передумает, командовал Карнач и отправился на пастбище.

Айолин тем временем не отрываясь смотрел на Олдриджа и, наконец, решился заговорить.

— Я не знаю, как обращаться к вам... — начал он почтительно и Марк с удивлением взглянул на него, так несмело прозвучал голос его друга.

— Командор, ваше сиятельство, — подсказал Бен. — Теперь снова командор.

— Я давно хотел поблагодарить вас за участие, — продолжил Айолин. — Вы откликнулись на зов моей души, и это спасло меня.

— Вас спасла леди Дарья, — уточнил Бен. — Я был бессилён, что меня огорчало.

— Простите, о чём речь? — не выдержал Марк, заинтригованный их разговором.

— Это Повелитель теней! — воскликнул Айолин.

— Правда? — растерялся Марк, глядя на бледного человека, стоявшего перед ним.

— Всё это в прошлом, — проговорил тот. — Все мы сыграли свои роли в этом спектакле, перевернувшем ваш мир. Скоро мы уйдём, но ваш мир уже никогда не будет прежним.

— Что нас ждёт? — спросил Айолин, тревожно глядя на него.

— Это зависит от вас, — ответил Бен и, ещё раз кивнув, ушёл к звездолёту.

— О чём он? — нахмурился Марк, глядя ему вслед.

— Я не знаю, — ответил его друг. — Думаю, о том, что теперь нам со всеми нашими проблемами придётся справляться самостоятельно.

— Как всегда, — беспечно пожал плечами Марк и снова посмотрел на рыжую девушку, которая с интересом поглядывала на него из-под золотистых ресниц.

Командный отсек «Пилигрима», наконец, приобрёл свой привычный вид. Имитационные фронтальные экраны работали, давая чёткую картинку того, что происходит за бортом. Пульты ожили и мигали сигнальными огоньками, по маленьким экранам стремительно проносились строки результатов диагностики внутренних систем звездолёта. И больше не было той мёртвой гнетущей тишины, что царила здесь недавно. Аппаратура корабля заработала, создавая едва уловимый шумовой фон, от которого у меня на душе было тепло и спокойно.

Я с наслаждением прикасалась кончиками пальцев к сенсорам панели, ощущая их прохладную гладкость. Рядом, опираясь на спинку моего кресла и склонившись к экранам, стоял Лин Эрлинг, а чуть в стороне — Белый Волк. Он, наконец, встал на две ноги и облачился в летнюю форму, собрав свои длинные чёрные волосы в хвост на затылке и заткнув за пёструю ленту, перечёркивающую лоб, перо сокола. Может, он и сожалел о том, что ему пришлось снова принять человеческое обличие, но вида не подавал. Впрочем, по

тому, как внимательно он смотрит на экраны пульта системы наблюдения, я догадывалась, что и ему приятно вернуться к своим непосредственным обязанностям.

— Винд, что там на пятой палубе с вентиляцией? — произнёс Лин, проведя пальцем по шкале на экране, встроенном в сенсорную панель. — Почему выдаёт только семьдесят восемь процентов мощности?

— Уровень там был отрегулирован вручную, — пояснил его брат, работавший в отсеке механиков. — Даю полную загрузку.

— Сто процентов, — кивнул Лин. — Проверь пятый сектор трюма и освещение в седьмом колодце. Ис, что у нас с лифтами?

— Я хотел сначала подключить холодильные установки и кухню, — отозвался второй его брат. — Бетти уже грозилась перевести нас на концентраты, если я не подключу её оборудование в первую очередь.

— Хорошо, подключай кухню и холодильники, потом займись лифтами. Бомбадил, диагностика системы жизнеобеспечения завершена. Всё работает. Я могу доложить командиру?

— Докладывай, — проворчал стармех. — Я — в оранжерею.

— Если Бомбадил идёт в оранжерею, значит, всё в порядке, — усмехнулась я. — Можете не докладывать. Волк, что у вас?

— Камеры и датчики внутреннего контроля подключены. Аварийная система отключается в автоматическом режиме и запускает самодиагностику. Кстати, появилась искра в генераторах оружейной системы.

— Это радует, — пробормотала я. — Что с аккумуляторами капсул и вездеходов?

— Зарядные станции ангаров работают пока на половинной мощности, — после минутного молчания доложил он. — Но те аппараты, что были заряжены раньше, уже подаёт признаки жизни. При желании можно слетать в гости на «Паладин».

— Не сегодня. Помогите Анхеле запустить систему очистки и роботов на генеральную уборку звездолёта и проверьте жилой уровень, нет ли сбоев в работе освещения и бытовой техники. Тилли один не справится. Вентиляцию — на режим проветривания. Особенно лаборатории и зал пентаграммы, там дышать нечем.

— Да, и мыши, пауки и дохлые мухи, — ехидно добавил Лин.

— Неуместная шутка, — тут же обиженно отозвался из динамика Елизар Дакоста. — Зал пентаграммы не использовался по назначению уже несколько месяцев, и насекомых там по определению быть не может.

— А как насчёт мышей? — Хок вместе с креслом развернулся от своего пульта.

— Киса проверит, — заверил кот, спрыгивая на пол с его коленей.

— Это тоже шутка! — протестующим тоном заявил Елизар.

— А вдруг? — усмехнулся Волк, провожая взглядом победно реющий хвост Кисы, направлявшегося с ревизией в зал пентаграммы.

— Похоже, у нас всё работает, Дарья Ивановна, — сообщил Лин, отведя взгляд от экранов на пульт.

— Кроме основного реактора, который нужен для того, чтоб запустить движки, — добавил Хок.

— Будем надеяться, что и он проснётся, — проговорила я, откинувшись на спинку кресла.

— Теперь я верю, что мы вернёмся домой, — произнёс Белый Волк. — Звездолёты

оживают, экипажи в сборе. Ещё немного и можно будет сказать: мы это сделали!

— Командор, — раздался из бокового динамика голос Мангуста, — у нас гости.

Я посмотрела на фронтальный экран, но никаких гостей не увидела. Более того, члены экипажа продолжали заниматься своими делами на улице, не проявляя никакого беспокойства.

— Откуда такие сведения? — поинтересовался Хок, тоже посмотревший на экран.

— Это данные биолокации, — пояснил стрелок. — У меня заработала система раннего оповещения. Вижу четырнадцать объектов, направляющихся в нашу сторону. Дальность около километра. Судя по совмещению объектов попарно можно сделать вывод, что это семь верховых. Едут со стороны «Паладина».

— Звучит тревожно, — усмехнулся Хок.

— Странно, что Олдридж кого-то отпустил к нам, вместо того, чтоб гонять весь наличный состав экипажа по случаю восстановления энергоснабжения.

— Это критика в адрес командования, Мангуст? — уточнил Хок.

— Это выражение крайнего изумления, старпом, — ответил тот. — Кстати, у двоих в отряде при себе целый арсенал металлолома. Думаю, что это не наши. Кто-то из местных.

— Хочешь сказать, они вооружены? — Хок развернулся к своему пульта, чтоб подключиться к системе биолокации. — Ну, да, мечи, кинжалы, пряжки, кованая сбруя. Может, выпустить зонд, посмотреть? — он обернулся ко мне.

— Что, поиграть захотелось? — ехидно уточнила я. — Пока ты программируешь зонд, они уже сюда подъедут. Спускайся встречать. Я отсюда посмотрю.

Хок быстро вышел из отсека, а из динамика снова послышался голос Мангуста:

— Система идентифицировала только пятерых. Это Карнач, Валуев, Москаленко, Белов и Аль-Сафар.

— Гвардейцы короля Ричарда, — определила я. — Кажется, я начинаю догадываться, кто к нам пожаловал.

Гости появились вскоре. Они выехали из леса и остановились на некотором расстоянии от баркентины, чтоб окинуть её одним взглядом, а я смогла увеличить изображение с камеры внешнего наблюдения и разглядеть тех, кто пожаловал к нам в сопровождении коллег с «Паладина». Увидев среди них барона Делвин-Элидира, я поняла, что моя догадка была правильной. С ним был красивый рыцарь в чёрном бархате, тот самый, которого я видела у подножья цитадели Девы Лардес после неудачного штурма. Его тёмные локоны снова развевал ветер, а светлые, со стальным отливом глаза смотрели на звездолёт с восхищением.

Потом они всё же подъехали, и мне пришлось сместить фокус камеры, чтоб увидеть вышедшего из-под днища звездолёта Хока. Встреча была более чем тёплой. Старпом сначала пожал гостям руки, а потом, немного подумав, обнял того, что сопровождал барона Делвин-Элидира. А я, приглядевшись к нему, вспомнила, что видела его ещё раньше, до штурма. И тогда он был в свите энфера Синего Грифона. Этот факт чрезвычайно меня заинтриговал, и я решила пойти вниз и выяснить, кто этот красавец, успевший побывать в свите Ликара и в войске короля Ричарда.

Я спустилась как раз в тот момент, когда Хок что-то объяснял гостям, указывая на звездолёт. Обернувшись ко мне, он проговорил:

— Я слышал, ты знакома с маркизом Делвин-Элидиром?

— Уже маркиз? — улыбнулась я, подходя.

Я тоже была настроена на неформальную встречу, но оба рыцаря, увидев меня, вдруг опустились на одно колено и почтительно склонили головы. Хок вздёрнул бровь и покачал головой.

— Можете встать, господа, — милостиво разрешила я.

И они поднялись.

— Я теперь маркиз по благосклонной воле короля Сен-Марко Жоана, моя леди, — пояснил Делвин-Элидир. — Мы прибыли в Магдебург, чтоб провести мирные переговоры с луаром Синего Грифона и, закончив их, не могли отказать себе в удовольствии навестить наших друзей и увидеть вашу несравненную красоту. Разрешите представить вам моего друга барона де Сегюра.

Тот тоже поклонился.

— Мне кажется, вы уже были представлены мне, барон, — заметила я. — Энфером Синего Грифона, в свите которого служили в мою бытность в луаре.

— Штирлиц, — коротко пояснил Игнат.

— Ах, вот оно что! — рассмеялась я, а барон метнул на него настороженный взгляд.

— Капитан сказал, что вы занимались разведкой, друг мой, — успокоил его Хок. — Причём дал вам самую высокую оценку, отметив ваш профессионализм и верность долгу.

— Ну, что ж, мы рады, что вы нашли время посетить нас, — произнесла я.

— Мы здесь благодаря энферу Ликару, предоставившему нам провожатых, — продолжал маркиз. — Он просил меня передать заверения в его искренней преданности вам. Он сожалеет, что не смог проститься с вами перед тем, как вы покинули луар, и приносит извинения за то недоразумение, которое было причиной вашего решения уйти.

— Ему не за что извиняться, — произнесла я. — Я знаю о его расположении ко мне и прошу вас передать ему и великому альдору мою благодарность за их гостеприимство и доброе отношение ко мне. Я рада видеть вас в добром здравии, маркиз, а также приветствовать у нас вашего друга.

— Я в восхищении от вашей красоты, моя прекрасная леди! — очаровательно улыбнулся барон де Сегюр. — И так же хочу выразить вам свою благодарность за то, что вы так впечатляюще предотвратили штурм цитадели и тем самым подарили мне и моим солдатам жизнь.

— Именно с этой целью я и остановила ваш штурм, барон, — кивнула я. — Мне не хотелось, чтоб лилась кровь, будь это кровь моих рыцарей или ваших. И потому я очень рада, что вместо того, чтоб воевать, ваш король решил заключить мир с альдором.

— Значит ли это, моя леди, что вы благословляете короля Жоана на мирные свершения во имя процветания нашего мира? — с неожиданным волнением спросил маркиз.

— Я благословляю и его, и великого альдора, в знак чего позже передам им реликвии, которые будут напоминать им и их потомкам о том, что мир угоден не только людям, но и богам.

— Сильно сказано, — с иронией заметил Хок.

Я сурово взглянула на него:

— Старпом, подберите что-нибудь подходящее в представительских запасах.

— Непременно, моя леди, — тут же с почтением поклонился он, а потом перевёл взгляд на рыцарей. — Если вы желаете, то я покажу вам наш летающий дворец, друзья мои. А за это время наши дамы приготовят столы для дружеского застолья. Ну, и свободные от других заданий джентльмены им помогут.

Он ласково улыбнулся Бетти, которая, судя по всему, боролась с искушением щёлкнуть его по лбу половником.

— Хорошо, что мы ещё не убрали лестницы из лифтовых шахт, — пробормотала я, когда они отошли, и уже издали услышала, как барон де Сегюр поинтересовался, сможет ли он засвидетельствовать своё почтение сэру Киску.

— Забавные ребята, — проговорила Бетти, провожая их взглядом.

— Да, только жизнь у них не забавная, — ответила я.

— Такие красавцы, — мечтательно вздохнула Илд. — Настоящие рыцари. С мечами.

— Зато у тебя есть единорог, — усмехнулась Бетти. — Ну, что, командор? Накрываем столы здесь или пустим пыль в глаза и устроим пир в капитанских апартаментах?

— Вряд ли нам удастся пустить им пыль в глаза, — ответила я. — Дворец альдора не сильно уступает в роскоши нашим апартаментам, да и королевский дворец в Сен-Марко, я полагаю, тоже. На них, пожалуй, даже золотая посуда не произвела бы впечатления. Хок покажет им всё во время экскурсии, а сидеть внутри до того, как там проветрят, довольно душно. Накрывайте столы на улице.

Сама баркентина, её светлые просторные салоны и отсеки, а также технические возможности, которыми похвастался Хок, произвели на гостей неизгладимое впечатление. Он умел подать всё это в доступной форме, поскольку проводил подобные экскурсии не раз для посетителей самых разных планет с различным уровнем развития технологий. Как потом выяснилось, более всего их поразила интерактивная карта вселенной в астронавигаторском отсеке, которую во всех режимах продемонстрировал им Булатов. Мне и самой нравился этот туманный тёмно-синий шар, наполненный крохотными сияющими песчинками звезд, живущих своей жизнью в реальном времени. Я могла долго вглядываться в его мерцание, замечая плавное кружение планет, стремительные росчерки астероидов и мерное дыхание пылевых туманностей самых неожиданных цветов. И, конечно, рыцари сочли это чудо компьютерной техники магической игрушкой, позволяющей заглянуть за вечный газовый полог их небес, вызвав восторг, приправленный суеверным страхом.

Они спустились из звездолёта в потрясённом молчании, всё ещё пытаюсь осмыслить то, что увидели.

— Им понравилось, — сообщил мне Хок, подошедший ко мне с Кисой на руках. — Особенно Марку. Он прямо в тоску впал, вспомнив о короле Армане, который так мечтал летать среди звёзд на таком вот корабле. Как ты думаешь, может, стоит им сказать, что он жив?

— И что дальше? — спросила я, поглядывая на рыцарей. — Мы не можем его показать. После операции он выглядит так, что вызовет шок у любого, кто не имеет медицинского образования. К тому же мы собираемся увезти его отсюда, возможно, навсегда. Пусть для них он остаётся легендой.

— Жаль, Марк по нему тоскует, — вздохнул Хок, задумчиво почёсывая загривок Кисы, — но, как скажешь.

Если мы не могли поразить наших гостей роскошью сервировки, то хотя бы качеством выставленных на столы угощений удивить смогли. Я разрешила извлечь из представительских запасов несколько бутылок коллекционного вина, а Бетти блеснула своим кулинарным мастерством, тем более что теперь у неё в распоряжении была её любимая кухня. При этом я просила её не сообщать гостям о том, из чего изготовлено мясо, которое только на этикетке называлось олениной и индейкой. И хоть оно было

синтетическим, но нежным насыщенным вкусом сильно превосходило жестковатое, жирное и порой подгоревшее жаркое, которым потчевали меня в луаре.

Вино и вкусная еда помогли рыцарям расслабиться и слегка отойти от того потрясения, что вызвала у них экскурсия по звездолёту. Сидевший рядом за столом маркиз Делвин-Элидир между тостами обернулся ко мне и произнёс:

— Я совсем забыл вам сказать, моя леди, что недавно получил письмо от моего брата Брана, в котором он поведал мне необыкновенную историю о том, как ангел принёс ему сына.

— Значит, это мальчик, — улыбнулась я. — Надеюсь, он здоров?

— Здоров, весел и красив, словно его поцеловала богиня, — усмехнулся маркиз. — Бран благодарит вас за этот волшебный подарок, и надеется, что его и Гвенды молитвы дойдут до вас.

— Теперь, как видите, дошли, — кивнула я. — Хорошо, что они не выбросили колыбель.

— Вы велели ему не делать этого, и вот она пригодилась, — он задумчиво смотрел на меня своими глубокими зелёными глазами. — Странно, что я чувствую себя так легко с вами, зная, что вы святая Лурдес, воплощённая среди людей. И совсем недавно так же близко я видел Повелителя теней, и он тоже выглядел обычным человеком. Боги всегда выглядят, как мы?

— Иногда, — уклончиво проговорила я.

— Вы сошли с небес, чтоб что-то изменить в нашем мире, не так ли? — не унимался он. — Жаль, что никто, кроме меня, не осознаёт значения этого события. Посмотрите на Марка! Он ведёт себя так, словно это не пир с богами, а пирушка с друзьями.

— Так и есть, — заметила я, посмотрев на барона де Сегюра, что-то живо обсуждавшего с Хоком. С другой стороны сидел Карнач, тоже вставлявший свои реплики, и при этом зорко следивший, чтоб его приятели не подливали в свои бокалы вино, предназначенное для гостей. Для них был выставлен морс. Что поделаешь, в расположении звездолётов действует сухой закон для членов экипажей. — Мы такие же люди, как и вы, — продолжила я, — просто наш мир старше, и нам дано немного больше, чем вам. Но мы так же ценим любовь, дружбу и живое человеческое общение. И вам не стоит придавать такое уж большое значение некоторым нашим странностям.

— И это вы называете некоторыми странностями? — уточнил он. — Вы летаете, как птица, моя леди. Вы парой слов остановили войну и вызвали с небес сияющего крылатого исполина. Повелитель теней говорит с мёртвыми, как с живыми, и может вызвать огненный дождь. Что ещё могут те, кто собрался за этим столом или остался на том, другом звездолёте? Я не могу не думать об этом, как и о... — он с волнением посмотрел на меня, — не знаю, уместно ли говорить об этом. Но я был свидетелем того, как ваши гвардейцы вызвали духа Тьмы.

— Кстати, где он? — встрепенулась я и осеклась, заметив отблеск страха в глазах рыцаря. — Ладно, видимо, он занят, если не пришёл, — поспешно добавила я.

— Он здесь? — тихо спросил маркиз.

— На звездолёте. Он у нас занимается врачеванием. Наверно, он занят. Расскажите мне лучше о вашем молодом короле, мой друг. Он действительно так стремиться к миру с луаром?

После моих слов в его взгляде вспыхнуло воодушевление, и я слегка успокоилась,

подумав, что напугав своими чёрными крыльями этого мальчика, Джулиан, к счастью, проявил тактичность, не явившись ему на глаза снова, чтоб не вызвать приступ суеверного ужаса.

Через какое-то время я заметила, что Хок то и дело поглядывает в нашу сторону, и поняла, что он тоже не против поболтать с маркизом по душам, а потому, сославшись на дела, освободила для него место. Поднявшись на четвёртый уровень баркентины, я сразу же направилась в медотсек и застала Джулиана за медкибером.

— У нас гости, между прочим, — сообщила я и, наклонившись, поцеловала его в щёку. — Бетти превзошла самую себя, готовя изысканные угощения.

— Кто б сомневался, — пробормотал он, что-то выстукивая на клавиатуре. — О гостях мне известно, но я не думаю, что они были бы счастливы видеть меня за столом. Особенно маркиз. Впрочем, и его друг не испытывает особой симпатии к исчадьям Тьмы.

— Ты не исчадьё, — улыбнулась я, присаживаясь на край кушетки, застеленной цветастой простынёй.

— Почему ж ты не попыталась объяснить это своему кудрявому другу? Мне некогда сидеть с ними за столом, Даша! У меня, наконец, подключился весь комплекс оборудования медотсека. Я должен буду обследовать весь экипаж, а для этого мне нужно систематизировать прежние данные.

— Я не хотела тебе мешать, — заметила я, не трогаясь с места.

— Ты мне не мешаешь. Напротив, вдохновляешь, — он всё-таки оторвал взгляд от экрана и посмотрел на меня. — Я нахожу кое-что забавным в этой ситуации. Помнишь, как ты переживала из-за того, что спасла жизнь парню, который собирался идти на войну? Так вот, оказалось, что именно его участие в войне и помогло её предотвратить.

— О чём ты? — заинтересовалась я.

— Делвин-Элидир вместе со своим другом де Сегюром, узнав, что Армана заразили по приказу Ричарда, решили устранить короля и посадить на трон его сына Жоана.

— Я не знала.

— Никто не знал, кроме этих двоих. Они двигались к своей цели, используя любую возможность, жертвой чего едва не пал инспектор Ван, но это другая история. А наша состоит в том, что с их участием была разыграна блестящая комбинация, результатом которой явилась гибель короля перед первым сражением войны.

— Хочешь сказать, Делвин-Элидир повинен в смерти короля? — нахмурилась я.

— Он не нанёс смертельный удар, он лишь подтолкнул его туда, где он был нанесён. Король погиб, клюнув на нехитрую приманку, которую бросил ему Делвин-Элидир, пользуясь некой информацией, полученной от друга, заплатившего за неё свободой. И побочным результатом этой гибели явилось то, что став королём, юный принц поправил волю своего отца, которого не любил, и двинулся в направлении, указанном ему обожаемым кузенком. Ричард столько сил вложил в этот поход, мечтая стать властелином мира, а сын, едва надев упавшую с его головы корону, забил на помыслы и стремления папаши и прекратил войну. Если б прежний король был жив, то поля вокруг луара уже были бы залиты кровью. Понимаешь?

— Значит, мои действия по спасению Айолина предотвратили войну? — уточнила я.

— Если рассматривать всю цепочку событий, то да.

— И какова мораль всей этой истории?

— А тебе так уж нужна мораль? — усмехнулся он. — Тогда вот она: всегда слушай своё

сердце, девочка моя. Оно не обманет.

Я рассмеялась, а он, с улыбкой посмотрев на меня, спросил:

— Кофе?

— Сейчас сварю, — кивнула я, и, поднявшись, направилась к кофеварке, стоявшей в углу на столике, обычной кофеварке с кнопками и весело горящим зелёным огоньком на панели. А он снова уткнулся в свой экран, настукивая что-то на клавиатуре.

— Кстати, как твой пациент? — спросила я, с удовольствием нажав кнопку под огоньком.

— Будет жить, — коротко ответил Джулиан.

— Отлично. Жаль увозить его отсюда, теперь, когда этот зловредный король умер.

— Он тоже умер для этого мира.

— Так ли? — я обернулась к нему. — Хок терзается, он хочет рассказать им о том, что их король жив. Я сказала ему, что не надо, но всё думаю, может, я не права.

— Хок — это Хок, — глубокомысленно изрёк Джулиан. — Он всё равно всё сделает по-своему.

Я уже хотела спросить, о чём он, но в кофеварке что-то булькнуло и зажурчало. В две белые чашечки, зачаровывая взгляд, полились тёмно-коричневые ароматные струйки, и я подумала, что после этого приключения даже мне все эти привычные бытовые мелочи кажутся настоящим чудом.

Дни, проведённые возле баркентины, показались Марку сказочным сном. Он чувствовал себя легко и спокойно, ему не надоедало без конца рассматривать её гладкие блестящие борта и причудливые узоры, мягко проступающие нежной терракотой сквозь роскошное золото. Он часто поднимался по крутым металлическим лестницам внутрь, чтоб прогуляться по просторным залам и отсекам. Ему никто не препятствовал, и он мог сколько угодно бродить там, разглядывая странные предметы, дивясь высоким потолкам, которые излучали ровный яркий свет, и гадая из чего сделаны стены и плафоны декоративных светильников и не находя ответа, потому что в его мире не было таких материалов. Порой он заходил в командный отсек, похожий на внутренность храма какого-то звёздного божества, и издалека наблюдал за работой леди Дарьи, командора де Мариньи, кавалера Булатова и других членов их звёздного ордена. Своими странными и удивительными делами они занимались так привычно, словно это было что-то обыденное, а ведь они готовились улететь в тот мерцающий океан, живой образ которого он видел в одном из помещений звездолёта.

Они готовились улететь, и ему было немного грустно, потому что казалось, что они увезут с собой какую-то часть его души. Они уходили навсегда, его друзья, с которыми ему не хотелось расставаться, его белокрылая богиня, пленявшая его своей простотой и нежностью. Даже пушистый кот, который так часто составлял ему компанию на прогулках по звездолёту, уже был ему дорог.

И Марк, понимая, что не в силах удержать их, использовал любую возможность, чтоб узнать как можно больше об этих необычных людях, расспрашивая всех подряд о Земле, о мире за облаками, об их работе. Их работа, вот что восхищало его больше всего! Этот великолепный сияющий дворец был построен с единственной благородной целью: спасти тех, кто попал в беду. И эти сильные, умные, образованные люди были подготовлены так именно для того, чтоб нести жизнь, а не смерть. Размышляя об этом, он жалел лишь о том, что с ним сейчас не было Армана. Как бы он был счастлив узнать, что его безумные мечты

где-то воплотились в жизнь! И Марк видел свой долг в том, чтоб узнать обо всём этом как можно больше, и постараться воплотить хотя бы малую часть увиденного здесь, дома, в этом маленьком мирке, который теперь и ему казался тёмным и дремучим. Марк делился своими мыслями с Айолином, тот слушал его внимательно, но его взгляд становился немного печальным. Наверно, он не верил, что такое возможно. Марк не спорил, он просто решил для себя что-то важное, и не собирался отступить от этого решения.

Долгий светлый день сменила ночь, оказавшаяся совсем не такой тёмной, потому что на бортах баркентины зажглись яркие вереницы разноцветных огней, а в дневные часы луг, на котором был обустроен лагерь, освещали прожектора.

И когда вновь наступило светлое утро, Айолин сказал, что пора возвращаться. Как ни печально было это признавать, но он был прав. Пришла пора навсегда проститься с друзьями, которые так много внесли в его жизнь, и отправиться домой, в знакомый с детства мир, который для него уже никогда не будет прежним.

На прощание леди Дарья, как и обещала, передала Айолину две реликвии, которые он должен был вручить Ликару для великого альдора Синего Грифона и королю Жоану. Это оказались две одинаковые чаши, уложенные в тёмно-бордовые бархатные шкатулки-футляры. Чаши представляли собой полые конусы, изготовленные из опалового радужного стекла, в которых, если смотреть на просвет, появлялся сияющий ангел с большими крыльями. Этот ангел был в подпоясанной лентой рубашке до пят, у него были длинные вьющиеся локоны и трепещущие переливчатые крылья, что делало его похожим на крылатую богиню. Стекланные конусы были вставлены в основания из белого серебристого сплава в виде трёх лебедей, поднятые крылья которых аккуратно придерживали в своих объятиях мерцающее стекло. Айолин, полюбовавшись подарками, бережно и с благоговением уложил их в прикрепленный к седлу плотный мешок.

Рыцари уже собирались садиться на коней, когда к Марку подошёл командор де Мариньи. Он был чем-то взволнован и после некоторого колебания передал ему заклеенный конверт из белой атласной бумаги.

— Это вам, друг мой, — произнёс он. — Но обещайте мне, что прочтёте его не раньше, чем будете уверены, что мы улетели. Выполните ли вы мою просьбу?

— Я обещаю, — кивнул Марк и, взяв письмо, спрятал его в потайной карман на груди.

После этого они обнялись на прощание. Все слова были сказаны и бывшие гвардейцы короля Ричарда во главе с Карначом, вызвавшиеся проводить гостей до того места, где их ждала охрана и верные оруженосцы, уже сидели в сёдлах.

Поклонившись леди Дарье, рыцари сели верхом и, кинув последний взгляд на баркентину, двинулись в путь.

Они уже скрылись из виду, когда мой браслет призывно пискнул, и я услышала голос Лина Эрлинга:

— Командор, подключается система активации основного реактора. Если всё пройдёт в штатном режиме, то через десять часов мы сможем взлететь.

— Вот и всё, — произнёс стоявший рядом Хок, глядя в лес. — Когда-то мне так хотелось улететь отсюда, а теперь почему-то немного грустно.

— Можешь остаться, — усмехнулась я.

— Не могу, — ворчливо возразил он и, развернувшись, направился к звездолёту.

— Ты куда? — поинтересовалась я, обернувшись ему вслед.

— Снимать лагерь, — не останавливаясь, пояснил он.

— Ну, вот, а я хотела тебя похвалить, — проговорила я.

— За что? — тут же обернулся он.

— За отличный выбор подарков. Я совсем забыла об этих муранских кубках с лазерной гравировкой. Молодец! У тебя отличный вкус.

— И не менее отличная память, — усмехнулся он. — Я о них не забыл.

Связавшись с «Паладином», я убедилась, что и их реактор начал постепенно оживать. Обсудив с Азаровым ситуацию, мы пришли к выводу, что на подготовку к полёту у нас уйдёт не меньше суток, а потому вылет был назначен на полдень следующего дня.

Оставшееся до вылета время прошло в деловитой суете. Воодушевлённые скорым возвращением домой члены экипажа демонтировали палатки, разбирали временные сооружения, заносили и размещали в трюмах оборудование. Корова Флора, куры и единорог по пандусам были заведены в просторный зал, размещавшийся на техническом этаже под кухней. Здесь уже всё было готово для приёма наших питомцев, уютно светились солнечным светом панели голубого потолка, а на влажном покрытии пола взамен увядшей проросла свежая нежно-зелёная травка.

Напоследок стрелки вынесли из кладовых контейнеры с медикаментами для Мерседес Флавио, разместили их на краю леса и укрыли прочными тентами.

После этого работы переместились в звездолёт. Специалисты приступили к штатным мероприятиям по подготовке к полёту и уже вечером того же дня старшие офицеры доложили мне о готовности их служб к вылету.

Утром я отправилась на «Паладин», чтоб обсудить с Азаровым технические детали совместного возвращения на Землю. Поскольку Хок свою часть работы выполнил, я взяла его с собой, чтоб он не грузил членов экипажа новыми заданиями и дал им немного отдохнуть. Поскольку я не могла тащить его за шкурку, да и вообще считала неуместным использовать крылья при наличии исправных летательных аппаратов, я решила лететь на четырёхместном флаере. Узнав, что у нас есть свободные места в салоне, Джулиан вызвался составить нам компанию.

На «Паладине» тоже заканчивали подготовительные работы. Я прошла в командный отсек, где застала Азарова, наблюдавшего за деловитой активностью Бена, привычно руководившего действиями экипажа. Увидев меня, Азаров кивнул и жестом пригласил пройти в его отсек рядом с командным, где мы за чашкой кофе обсудили предстоящий полёт.

Сумерки постепенно опускались на лес, окружавший баркентину, и я задумчиво смотрела на экран забортной камеры, думая про себя, что следующего рассвета здесь я уже не увижу. Эта философская мысль не блистала новизной, и потому продолжать размышления на эту тему я не стала. До вылета оставалось меньше часа, но мы всё ещё не вернулись на «Пилигрим». Я сидела рядом с Джулианом на диване с изогнутыми ножками в викторианском салоне «Паладина». Хок стоял, опираясь на каминную полку, а Карнач с какой-то яркой банкой в руке подпирал декоративную арку, в которую был вставлен идиллический пейзаж с видом из грота. Он заканчивал свой рассказ о похождениях в восточных горах, потихоньку прихлёбывая из банки, когда из бокового коридора беззвучно возник Бен Олдридж. Он как всегда был в безупречной голубовато-серой форме, идеально сидящей на его изящной фигуре, чёрные волосы гладко зачесаны назад. Остановившись рядом, он в упор взглянул на старшего стрелка.

— Командор, — ледяным тоном произнёс он. — Вы вынуждаете меня напомнить вам о том, что в полёте употребление энергетических напитков без рекомендации судового врача категорически запрещено.

— Мы ещё не взлетели... — начал было оправдываться тот, но старпом резко перебил его:

— Должен ли я напомнить вам положения Устава в части содержания термина «полёт» или вы вспомните их сами?

— Простите, старпом, — смутился, как мальчишка, бравый стрелок и, бросив банку в сторону утилизатора, направился в свой отсек.

Банка ударилась от пол и откатилась к камину.

— Командор, — негромко, но чётко произнёс Олдридж, и когда Карнач испуганно обернулся, взглядом указал ему на банку. — Обычно вы куда более ловки.

— Я... — Саша поспешно метнулся к банке и, подхватив её, на сей раз точным броском забросил в раструб утилизатора, после чего вытянулся в струнку. — Разрешите идти, командор второго класса?

— Идите.

Он проводил Карнача до дверей отсека пристальным взглядом, после чего на его губах появилась тонкая усмешка, и он обернулся ко мне.

— Они считают, что я слишком придирчив.

— Как старпом старпому, — доверительно заметил Хок. — В нашей работе это, скорее, плюс, чем минус.

— Рад, что ты меня понимаешь.

— К тому же строгий старпом помогает командиру сохранять имидж доброго родителя, — добавил Джулиан, покосившись на меня.

Бен с усмешкой кивнул.

— Да, это вполне разумная стратегия. В случае чего линчуют не командира, и будет, кому уладить конфликт, — он расправил плечи и потянулся. — Наконец-то, домой! Неделя и...

— Где устраиваем банкет? — деловито осведомился Хок.

Бен задумался.

— В Норфолке есть хороший отель, расположенный в красивом замке над рекой. Там достаточно большой ресторан в старинном зале для пиров и хорошая кухня. В речке можно купаться и неплохая рыбалка.

— Не мрачновато будет? — Хок обернулся ко мне.

— Шутишь? Я живу в таком замке!

— Отлично, до отлёта успею направить заявку на бронирование отеля на ближайший уик-энд, — кивнул Бен, что-то отмечая на своём радиобраслете. — А вы поторопитесь. Мы пропускаем вас вперёд, чтоб первый коридор был ваш.

— Как благородно, — заметил Джулиан, поднимаясь и протягивая мне руку.

— Нормально, — пожал плечами Олдридж. — Джентльмены всегда пропускают дам вперёд.

Проводив коллег до флаера, он вернулся на звездолёт, поднялся в командный отсек и осмотрелся по сторонам. Знакомые звуки и цвета хлынули со всех сторон, и он почувствовал радостное возбуждение, а потом заметил, что дежурные офицеры, сидящие за пультами,

обернулись к нему. Скользя внимательным взглядом по их лицам, он с облегчением увидел дружеские улыбки. Азаров сидел за центральным пультом, просматривая показания приборов.

— Командор высшего класса, — доложил Олдридж, подойдя ближе. — Звездолёт к вылету готов.

— Командуйте, старпом, — кивнул Азаров и снова уткнулся в экраны.

Бен сел за свой пульт и подключил общую связь по кораблю.

— Господа офицеры, прошу занять места и доложить о готовности к взлёту.

Потом он сидел в своём кресле и, глядя на столь дорогие сердцу экраны и сенсорную панель пульта, принимал краткие доклады, наслаждаясь ни с чем несравнимым восторгом. Так наверно бывает только в детстве, когда исполняется самая тайная, самая заветная, самая волшебная мечта.

— Специалисты и службы к взлёту готовы, — доложил он командиру.

— Дамы — вперёд, — напомнил Азаров.

И он вдруг рассмеялся, приведя в изумление коллег, и даже Азаров обернулся, впрочем, его глаза тоже смеялись. Бен подключил внешний канал связи и взглянул наверх, где на большом экране появилась командор Северова.

— Счастливого пути, «Пилигрим»! — произнёс он и добавил: — До встречи дома!

Я кивнула командору Олдриджу и обернулась к Хоку.

— Командуйте, старпом!

— Машинное, — тут же произнёс он, переключив что-то на своём пульте, — антигравы на среднюю мощность.

— Есть, антигравы, — бодро отозвался с экрана Лин Эрлинг.

— Убрать опоры!

— Опоры убраны, командор.

— Маневровые на вертикальный взлёт, по малой.

— Есть, по малой!

Я сидела, слушая эту негромкую переключку своих офицеров, и смотрела, как медленно начали уходить вниз кроны деревьев, а тёмно-голубое вечернее небо постепенно заполнило весь экран. Потом Хок выдвинул свой штурвал из пульта и положил руки на его отполированные поручни.

— Мы готовы, командор, — повернулся он ко мне, а я всё смотрела вниз на ровный зелёный океан густых темнеющих крон.

Этот мир, в котором мы провели столько долгих дней, наконец, постепенно отдалялся от нас, и мы понимали, что уже не вернёмся сюда вновь. Наверно кому-то было жаль покинуть остающихся здесь друзей, но мне уже отчаянно хотелось вернуться домой, к своей семье, к детям, которых я так давно не видела. К тому же я возвращалась с победой, ведя за собой потерянный «Паладин» с экипажем на борту. И где-то в глубине души я чувствовала радость от того, что отвертелась-таки от командования подразделением, а значит, выходные и отпуска смогу, как прежде, проводить со своими родными, а не за пультом в подземном центре управления.

— Счастливого нам пути, дорогие мои! — проговорила я, обращаясь к экипажу, и снова кивнула Хоку.

Он с видимым наслаждением потянул на себя и слегка развернул штурвал, и, повинувшись

этому движению, баркентина слегка приподняла нос и на лёгком развороте пошла к небесам. А впереди, прямо по курсу вдруг образовалась серебристая воронка, края которой стремительно расходились в стороны, сверкая золотистыми молниями. И хоть нам вовсе не нужен был этот парадный выход, стало ясно, что нас провожают.

В круглом отверстии, образовавшемся в облачном слое, густой чернильной темнотой проглянуло ночное небо, в котором мелкой золотой пылью мерцали звёзды, и я невольно глубоко вздохнула и улыбнулась, словно только что выбралась из душного подвала на волю, под чистое прохладное небо, полное свободы и покоя.

А баркентина уже неслась туда золотой птицей, спеша вырваться на свободу, в свой безбрежный океан, где для неё не будет никаких преград. И через несколько минут мы, наконец, покинули этот странный мир, вокруг стало просторно и безмолвно. Где-то далеко полыхал своим вечным пламенем тяжёлый шар звезды, чей свет, приглушённый фильтрами, казался на экране красноватым. Чуть ниже слева разворачивал свой бок серый гигант. Но любоваться их совместным бесконечным танцем у нас не было никакого желания. «Пилигрим» стрелой нёсся к выходу из системы, а Хок уже запросил у Булатова координаты для скачка и отдал распоряжения о подготовке реактора к переходу в режим сверхсветовой скорости.

Мы, наконец, покинули этот мир, мы возвращались домой.

Светлая половина дня подошла к концу и на Магдебург постепенно опускались сумерки. Небо темнело, наливаясь сочным синим цветом, и на его фоне острые крыши храмов и шпиль магистрата вырисовывались чётко очерченными силуэтами. Несмотря на подступающую темноту, шум на улицах не стихал, он доходил и до дома советника фон Хольца, спрятанного от посторонних глаз в тенистом саду, но всё же здесь сохранялось ощущение покоя и некоторого запустения.

Тишину полутёмных комнат и галерей нарушали громкие голоса и музыка, доносившиеся из парадного зала, где маркиз Делвин-Элидир устроил пир в честь энфера. Там было шумно и весело, но Марку не хотелось идти туда. Он сидел на подоконнике открытого окна в своей комнате, глядя в небо, туда, где по сапфировой синеве медленно плыли сизые перистые облака, похожие на крылья.

Он смотрел туда, где далеко на юге в тишине лесов стояли два сказочно красивых звёздных корабля, которые скоро должны были навсегда покинуть этот мир, и он надеялся увидеть их отлёт.

Уже совсем стемнело, когда он заметил, как в середине небосвода образовалось странное крутящееся пятно, которое начало расширяться, и в его центре появилась чёрная точка. Она постепенно разрасталась, и вскоре на её месте уже темнело круглое окно, прозрачный провал в чернеющую пустоту, в которой льдистыми огоньками мерцали мелкие звёзды. Очень скоро этот провал начал напоминать магическое зеркало, в котором отражался чужой загадочный мир, а драгоценной рамой этому зеркалу служило кольцо серых клубящихся облаков, пронизанных вспышками молний, напоминавших тучи, что ещё недавно кружились над Грозовой горой.

Марк пристально вглядывался туда и, наконец, разглядел несущуюся по небу золотую стрелу, которая, достигнув чёрного окна, исчезла в нём, а через несколько минут следом за ней в небе мелькнула ещё одна стрела, серебристая. И она канула в мерцающей звёздами бездне, после чего края провала начали сжиматься, словно кто-то стягивал горловину неба

огненными нитками, продёрнутыми по клубящемуся облаками краю. Постепенно чёрный провал уменьшился до точки, облака сомкнулись, и небо снова приобрело ровный, безмятежно синий цвет.

— Вот и всё, — с печалью прошептал Марк, а потом расстегнул серебряные пуговицы камзола и достал из потайного кармана на груди конверт из атласной бумаги.

Задумчиво посмотрев на него, он спустился с подоконника и подошёл к столу, на котором одиноко горела восковая свеча в изящном бронзовом подсвечнике. Присев рядом в кресло с витыми подлокотниками, он достал из ножен стилет и вскрыл конверт.

Внутри оказался тонкий лист белой бумаги, где наверху было размещено изображение звездолёта и надпись на незнакомом языке, а ниже темнели ровные строчки, написанные чётким без изысков почерком на том самом тайном языке, который он когда-то изучал, будучи юным пажом наследного принца.

«Дорогой Марк, — писал Хок, — покидая ваш мир, я не могу оставить вас в неведении относительно одной тайны, которую, по моему мнению, вы должны знать. Я надеюсь, что вы простите мне моё молчание при встрече. В своё оправдание могу лишь сказать, что обстоятельства вынудили меня промолчать. Теперь же, когда мы покинули ваш мир, я могу открыть вам её и надеюсь, что это в какой-то мере умерит ту скорбь, которую вы испытываете, вспоминая о своём короле. Некоторое время назад один из наших людей повстречал в лесу прокажённого, назвавшегося Арманом. Он сказал, что некогда являлся королём Сен-Марко, однако, по приказу своего дяди Ричарда был заражён проказой некимбольшым, подсланным ночью в его спальню. Когда признаки болезни проявились, стало ясно, что он не может больше править королевством, и после церемониальных похорон его изгнали из города. Правдив ли его рассказ, решать вам. Могу только сказать, что, по мнению нашего врача, это молодой мужчина, который до болезни был высок, широк в плечах и хорошо сложен. О его внешности сейчас судить трудно, поскольку недуг обезобразил его тело и лицо. Подробнее расспросить его нам не удалось. К тому моменту, как его доставили на звездолёт, он уже находился на пороге смерти и впал в беспамятство. Наши врачи приложили все усилия, чтоб спасти его жизнь, и на данный момент она вне опасности. Однако полностью излечить его в наших условиях невозможно, потому было принято решение доставить его на Землю. Дорогой мой друг, я не могу утверждать, что этот человек — ваш Арман, однако, если это так, то вы можете быть уверены, что он будет полностью исцелён и снова станет таким, каким был до того, как его поразил жестокий недуг. Он сам решит, как будет жить дальше, захочет ли вернуться к вам или начнёт новую жизнь на Земле, где для него будут открыты возможности, о которых он раньше не мог и помыслить. В свою очередь, я обещаю вам, что мы окажем ему всяческое содействие и сделаем всё, чтоб он не чувствовал себя одиноким в нашем мире. Прощайте, мой друг, берегите себя. Искренне преданный вам Рауль де Мариньи».

Какое-то время Марк сидел неподвижно, снова и снова пробегая взглядом по ровным строчкам, а потом, положив письмо на стол, вернулся к окну. Он опять присел на подоконник и задумчиво взглянул на постепенно темнеющее небо. Ему вспомнился тот сон, в котором Арман, указав ему на разверзшиеся небеса говорил, что уйдёт туда, освободится от своей боли и изнурённого болезнью тела и обретёт свободу, чтоб лететь, как птица, в бескрайних просторах великой пустоты, в которой сияет множество миров, куда более прекрасных и многогранных, чем этот мир. И снова тот сон оказался вещим. Арман ушёл в небеса, и пусть во сне звёзды в чёрном провале великой пустоты сияли ярче, но ведь есть

наверно где-то мира, где они светят, подобно солнцу. И именно туда он ушёл.

— Что ж, счастливого пути, мой прекрасный король, — прошептал Марк, глядя на темнеющий над городом свод, подёрнутый серебристой дымкой прозрачных облаков, но видя внутренним взором синие глаза и золотые волосы Армана. — Пусть сбудутся ваши мечты. А моё сердце навеки будет принадлежать вам.

Лёгкий ветер, налетевший из сада, коснулся его лица, и таким же лёгким и немного печальным был его вздох. Он готов был всю ночь напролёт просидеть так в тишине, думая об Армане, однако, через некоторое время его раздумья были прерваны внезапным вторжением. Маркиз Делвин-Элидир, как всегда, без стука распахнул дверь и вошёл в комнату. Огонёк свечи заколебался от сквозняка, отразившись в его глазах.

— Вот ты где! — воскликнул он, закрыв за собой дверь, и подошёл к окну. — Энфер зовёт тебя. Он вспомнил, что ты неплохо поёшь героические баллады, и жаждет услышать их в твоём исполнении! Кстати, будет неплохо, если ты снова добьёшься его расположения. Это может нам пригодиться в будущем.

Марк задумчиво посмотрел на друга и снова перевёл взгляд в небо.

— Что с тобой? — насторожился маркиз.

— Они улетели, — тихо проговорил Марк.

— Уже? — Айолин тоже посмотрел в небо, а потом пожал плечами. — Ты же знал, что это должно было случиться. Они были чужими в нашем мире, и им пора возвращаться домой. Хотя мне тоже будет не хватать их.

— Мне казалось, что они увозят с собой часть моей души, — признался Марк, — но эта часть оказалась больше, чем я мог предвидеть.

— О чём ты? — нахмурился Айолин.

— На столе письмо. Прочти его, если знаешь этот язык.

Маркиз подошёл к столу и взял лежавший там листок бумаги.

— Я знаю этот язык, — кивнул он. — Странная бумага...

— Читай, Айолин, — велел ему Марк.

Тот кивнул и склонился к письму, поднеся его ближе к свече.

— Прокажённый? — с недоумением пробормотал Айолин, взглянув на Марка.

— Читай дальше, — тихо произнёс тот.

Айолин вернулся к чтению, и его лицо становилось всё мрачнее. Закончив, он медленно опустился в кресло и взволнованно посмотрел на друга.

— Ты думаешь, это Арман?

— Да, мой милый, это он.

— Но проказа, Марк!

— Недуг не только страшный, но и постыдный, — вздохнул тот. — Считается, что им боги наказывают за страшные грехи, и потому прокажённых сторонятся даже разбойники. Но это правда, малыш мой Айолин. Именно проказой был болен Арман. Я готов бы проклясть всех богов, когда узнал об этом, потому что в моих глазах он всегда был безгрешен. Не только я был потрясён несправедливостью случившегося. Мы не могли допустить, чтоб кто-нибудь узнал эту тайну. Только самые близкие люди знали о том, чем он болен, и все посвящённые принесли клятву хранить этот секрет, как государственную тайну. Так что командор де Мариньи не мог узнать это ни от кого, кроме самого Армана. И уж тем более никто, кроме него, не мог знать о том, как его заразили. Понятно, что Монтре и его прислужники не стали бы откровенничать об этом. Так что я уверен, что это Арман, и они

забрали его с собой.

Марк снова поднял глаза и посмотрел в небеса, словно надеялся снова увидеть там золотистый росчерк улетающего звездолёта.

— Он вернётся, как думаешь? — негромко спросил Айолин.

— Зачем? Ему ни к чему возвращаться. Его трон занял достойный преемник, и он не станет вмешиваться в наши дела, предоставив нам самим разбираться с ними. Он хотел летать железной птицей от звезды к звезде, и теперь у него будет такая возможность. А мы можем лишь утешаться знанием, что он жив, молод и прекрасен, как прежде. И его ждут подвиги, свершения, и, я надеюсь, новая любовь и счастье.

На лице Марка появилась печальная улыбка.

— Ты скажешь об этом кому-нибудь? — Айолин указал ему на письмо.

— Нет.

— Даже Жоану?

— Никому, мой друг. И тебя прошу сохранить эту тайну. Заключив мир с луаром, Жоан взялся за сложное и даже опасное дело. Нельзя дать нашим врагам даже малейший повод усомниться в легитимности его правления. Исцелившийся король по закону вправе снова занять свой трон, а значит, его преемник может быть признан самозванцем. Ты же не хочешь, чтоб нашего юного короля обвинили в узурпации власти?

— Конечно, нет. Ты прав, — согласился Айолин. — А Элеонора? Она ведь до сих пор любит Армана и скорбит о нём.

— Пусть скорбит. Время лечит любые раны. Она молода и красива. Может, со временем она сможет перевернуть эту страницу и тоже встретит новую любовь. Она может быть счастлива. Но если она будет знать, что её муж жив, то будет вечно ждать его, но так и не дождётся.

— Тоже верно, — маркиз вздохнул и задумчиво посмотрел на лист бумаги, лежащий на столе. — И что нам с этим делать?

— Сожги письмо, Айолин, — проговорил Марк. — И давай похороним эту тайну в самой глубине наших сердец, где она будет тихонько гореть, согревая наши души.

Маркиз задумчиво кивнул и поднёс письмо к пламени свечи. Они молча смотрели, как вспыхнул белый листок и опал на стол серыми лепестками пепла.

— Ну, что, пойдём на пир? — Марк спрыгнул с подоконника и, застегнув серебряные пуговицы камзола, расправил плечи. — Ликар как-то сказал, что мой мужественный баритон больше подходит для исполнения рыцарских баллад, чем тенор Эрмона, который делает их слишком слащавыми.

— Я давно не слышал, как ты поёшь, — заметил Айолин. — Когда-то твой голос был неплох. Надеюсь, и теперь ты не будешь скрипеть, как мельничное колесо.

— Конечно, нет! Если голос Эрмона дамы сравнивают со струящимся шёлком, то мой напоминает им чёрный бархат.

— Что ж, посмотрим, так ли он хорош!

И друзья вместе вышли из комнаты. Ворвавшийся в открытую дверь сквозняк снова заставил трепетать пламя свечи и сдул со стола лёгкий пепел, в который превратилось письмо Хока.

Со времени того полёта прошёл почти год, но его последствия до сих пор напоминали нам о давних приключениях, которые постепенно начали казаться странным, хоть и очень реальным сном. Они были не слишком приятны, потому что дисциплинарной коллегией космофлота было инициировано расследование деятельности членов наших экипажей на той безымянной планете. На период его проведения от выполнения служебных обязанностей были отстранены командоры Олдридж и Моро, а так же все офицеры, служившие в армиях Сен-Марко и луара Синего Грифона. Правда, мне повезло больше, чем Азарову, потому что очень скоро все мои ребята, кроме Булатова и Стаховски вернулись на звездолёт и продолжили службу. В их действиях коллегия не усмотрела нарушений Устава. Булатов был у нас единственным астронавигатором, и без него нам пришлось нелегко. Временное отсутствие Стэна оказалось не так заметно, в экипаже было достаточно стрелков и помимо него. К тому же через какое-то время наш экипаж пополнился вторым радистом: лейтенант Фарок Басар успешно прошёл аттестацию и по результатам испытательного полёта был зачислен в экипаж, а я тем самым, наконец, заполнила одну из вакансий, которые уже начали казаться мне вечными.

На «Паладин» вернулись только Бен Олдридж, Адриан Адальбер и Энцо Коррадо. В отсутствие Карнача именно Адриан возглавил команду стрелков, которую пришлось формировать едва ли не заново. Мы, сжалившись над командиром подразделения, временно откомандировали по одному человеку с «Паладина», «Кудесника» и «Фудзивары», надеясь, что рано или поздно бывшие гвардейцы короля Ричарда вернуться в свой экипаж.

О ходе расследования я мало что знала. Тот полёт был засекречен, и, как нам было запрещено разглашать информацию о нём, так и сами мы были в полном неведении о том, что происходит в дисциплинарной коллегии.

Постепенно наша жизнь вошла в привычную колею. Новые задания и рейды заслонили собой путаные воспоминания о таинственном мире, спрятанном на далёкой планете под облаками метана. С Азаровым я виделась редко, общаясь только по делам подразделения и в основном по каналам спецсвязи. Наши графики патрулирования не совпадали и мы никак не могли встретиться на Земле, да и срочные вылеты на задания то и дело разводили нас в разные концы зоны действия нашего космофлота.

В тот раз нам пришлось разыскивать очередной заплутавший катер с тиртанскими туристами. Найдя потерявшее ход судёнышко в пыльном облаке на периферии звёздной системы, известной только по номеру в каталоге, я передала его вместе с пассажирами консулу Тиртаны на ближайшей обитаемой планете и связалась с Землёй, чтоб доложить командору Донахью об успешном выполнении задания. После этого мы отправились домой, предвкушая небольшой отпуск, положенный после недельного полёта.

Спустя несколько дней «Пилигрим», пролетев на второй крейсерской скорости несколько сот парсеков, привычно вынырнул из подпространства на окраине солнечной системы.

— Вышли мягко, — прокомментировал Хок, взглянув на экран, где разноцветной россыпью перемигивались сигнальные маяки, указывающие вход в транзитный коридор, ведущий на Землю.

Он расслаблено сидел за своим пультом, почёсывая загривок Кисы, устроившегося у

него на коленях. Я окинула взглядом фронтальные экраны и кивнула:

— Главное — точно.

У транзитной станции, открывавшей путь в солнечную систему, мы были не одни. В стороне терпеливо ожидали своей очереди на вход несколько звездолётов: десантный крейсер, небольшой каботажный грузовик и изящный золотистый лайнер. А ещё дальше я разглядела одиноко висящий среди звёзд знакомый серебристый силуэт «Паладина».

— Земля запрашивает связь, — обернулся ко мне Фарок, сидевший за пультом связи.

Рядом с видом строгого учителя стоял Вербицкий и внимательно наблюдал за его действиями.

— Диспетчер космофлота на связи, — поправил Антон.

— Я так и сказал, — проворчал Фарок и щёлкнул тумблером на пульте.

— Нужно дождаться приказа командира о принятии соединения, — назидательно произнёс Вербицкий.

— Соединять? — тут же обернулся ко мне лейтенант, и я с трудом удержалась от улыбки.

— Уже соединил, — заметила я и посмотрела на экран, где появился старший диспетчер космофлота Андрей Радчук. — Добрый день, Андрей!

— У нас на Байконуре ещё утро, а у вас в Гоби, действительно, уже день, — улыбнулся он. — Рад вас видеть, коллеги. Сожалею, но вам придётся подождать входа в систему. Сегодня почти на всех пропускных станциях очереди. Диспетчеры работают с полной нагрузкой. Перед вами «Маршал Конев», «Имперский орёл» и «Золотая Калифорния». После вас будет предоставлен проход без задержек по зелёному лучу. В районе вашего космодрома два дня была песчаная буря, потому он закрыт для посетителей. Семьи ждут вас дома. Сейчас ветер почти утих, но довольно жарко, сорок два градуса по Цельсию. В Москве — плюс двадцать, в Париже — плюс двадцать пять, в Пекине — плюс двадцать три, дождь в 16.42. В Лондоне утром дождь, но к обеду закончится, плюс двадцать. Вопросы?

— Вот этот «чемоданчик» называется «Имперский орёл»? — поинтересовался Кроу, рассматривая грузовичок, казавшийся ещё меньше рядом с мощным десантным кораблём.

— Именно так, — невозмутимо кивнул ему Радчук и перевёл взгляд на меня. — Я могу быть вам ещё чем-то полезен, командор?

— А что с «Паладином»? — спросила я, указав на экран, где серебрилась вторая баркентина.

— Они пока не подавали заявку на вход. Кажется, у них контрольные стрельбы. Они отстрелялись, — он опустил взгляд на свой пульт. — Пришла заявка. Они пойдут за вами.

— Спасибо, Андрей. Не будем вас задерживать. До встречи на Земле.

— До встречи, — кивнул он и пропал с экрана.

— Связаться с «Паладином»? — обернулся ко мне Фарок.

Я заметила, как двинулась с места машина крейсера, приближаясь к обозначенному маяками коридору, а следом на его место шустро продвинулся «чемоданчик».

— Дома увидимся, — немного подумав, ответила я и обернулась к пилоту: — Кроу, занимаем очередь на вход.

Проход к Земле по зелёному лучу и посадка на наш космодром прошли без происшествий. Сидевшие за пультами офицеры принялись отключать системы корабля, готовя его к передаче технической службе. Я сидела в кресле, оглядывая открывшуюся на

экранах панораму светло-серой, раскалённой солнцем степи. Чуть в стороне поблескивал хрустальными стенами наземный административный корпус, похожий на юрту. Ни «Кудесника», ни «Фудзивары» на площадках не было, но вскоре рядом с нами точно в выделенное перекрестье плавно опустился «Паладин».

На пульте связи призывно пискнул сигнал, и Фарок щёлкнул тумблером.

— Где этот ормийский стервец? — раздался из динамиков голос старшего радиста Оскара Триггви.

— Я здесь, — тут же отозвался Фарок, невозмутимо взглянув на экран.

— Смотри-ка, откликнулся, — усмехнулся Оскар и только тут заметил меня и смутился.

— У нас один ормиец в экипаже, — недовольно проворчал Вербицкий, посмотрев на коллегу.

— Вообще-то, я на стервеца среагировал, — пояснил лейтенант.

— Прошу прощения, командор, — пробормотал Триггви. — Мы просто хотели поздравить вашего новобранца с окончанием испытательного срока и с зачислением в подразделение.

— Впредь выбирайте выражения, выходя на связь, капитан, — назидательно произнёс Хок и обернулся ко мне. — Техническая служба готова к работе, запрашивают вход.

— Опускайте лифты, — разрешила я. — Все свободны. Я останусь, сдам звездолёт техникам и поговорю с Азаровым.

— Мне задержаться? — уточнил он.

— Нет. Я сама справлюсь.

Он кивнул и с удовольствием потянулся. Киса спрыгнул на пол и, подняв свой огромный пушистый хвост, неторопливо двинулся к выходу.

— Парни, кто-нибудь знает, кафе работает? — спросил Булатов.

— Только что открылось, — сообщил Вербицкий, посмотрев на пульт. — По команде из диспетчерской космофлота кухня активирована и готова к выполнению заказов. Спасибо Радчуку. Он знает, что нужно скитальцам космоса.

— Идём, подождем ребят с «Паладина» там, — поднялся с места Кроу.

Офицеры не спеша отключали пульта и, простившись со мной, расходились, а я наблюдала, как из-под днища «Паладина» опускаются блестящие трубы лифтовых шахт, уходя вниз, под покрытие взлётно-посадочного поля, где в недрах земли располагался весь комплекс обслуживания космодрома.

Браслет связи призывно пискнул и отвлёк меня от созерцания.

— Я с ребятами в кафе, — сообщил мне Джулиан, надевая куртку. — Подожду тебя там.

— Ладно, — кивнула я и обернулась к входу в отсек как раз в тот момент, когда на пороге появились техники, пришедшие, чтоб принять звездолёт.

В этот раз в уютном кафе административного корпуса было непривычно шумно. Маленький космодром, затерянный в пустыне, был предназначен для одного подразделения поисково-спасательного космофлота, и пока на нём базировались только четыре звездолёта. Не так часто члены экипажей задерживались в небольшом зальчике, чтоб отметить возвращение из полёта, и командование не видело необходимости держать здесь персонал. Кафе было автоматическим и полностью компьютеризированным, однако, вполне комфортным.

Здесь были светло-бежевые стены, расписанные пасторальными пейзажами,

изображавшими залитые солнцем долины и виноградники. В керамических вазонах росли пышные растения, их вьющиеся ветви оплетали кружевные шпалеры, создавая густые колонны из зелени, в гуще которой пестрели яркие ароматные цветы. В центре уютного зала меланхолично журчал маленький фонтанчик, и его хрустальные струйки падали в чашу из розового мрамора, в которой резвились завезённые с дальней планеты-океана радужные рыбки с плавниками и хвостами, похожими на шёлковые ленточки.

Столики с прозрачными столешницами, в которые были встроены сенсорные панели терминалов, предназначались для размещения двух-четырёх человек, но по команде могли сдвигаться, образуя длинные столы для большой компании. Вокруг них стояли разноцветные стулья с высокими изогнутыми спинками, которые подстраивались под любую спину.

Сдвинув столы в центре зала, члены экипажей «Пилигрима» и «Паладина» расселись вокруг них, делясь новостями и набирая на сенсорных панелях свои заказы. Уже через несколько минут вставленные в столешницы лючки начали с мелодичным звоном открываться и из них выезжали тарелки из цветного стекла, на которых, распространяя аппетитные запахи, дымились горячие закуски или причудливыми башенками возвышались сложные слоистые салаты. Мягко поблескивали кубиками льда бокалы и стаканы с разноцветными коктейлями. Кто-то включил музыку.

— Друзья мои! — возвысив голос, проговорил Джим Ноттингем и, поднявшись, постучал вилкой по своему бокалу с мохито, привлекая внимание собравшихся. — У нас есть две прекрасные новости, и обе они касаются командора Олдриджа.

— Кончай, Джим, — проворчал сидевший рядом Бен, но тот отмахнулся.

— Что за новости? — живо обернулся к ним Хок.

— Первая новость, — улыбнулся Джим. — Сегодня утром в «Космическом вестнике» опубликован указ о награждении командора Олдриджа Алмазной звездой, за исключительный героизм, проявленный при спасении людей.

— По-моему, это первая Алмазная звезда в нашем подразделении! — перекрывая радостные крики и поздравления, произнёс Хок.

— Значит, с почином! — рассмеялся Оршанин. — А вторая новость?

— Скоро на Землю прибудет четвёртый «сенбернар» для нашего подразделения. Бену предложили принять его под своё командование, и он согласился.

— Бедный Азаров, — усмехнулся Мангуст. — Так он скоро один на «Паладине» летать будет.

— Это ещё не все его потери, — заметил Олдридж. — Я забираю у него второго помощника. Джим будет моим старпомом.

— Представляю, как долго ты его уламывал, — съязвил Донцов.

— Я не слишком ломался, если честно, — признался Ноттингем. — Вы ж знаете Бена, за ним всё время нужно присматривать. Так кто, если не я?

— И Эла ты, конечно, тоже забираешь? — уточнил Хок, взглянув на Олдриджа.

— Да куда ж я без него? — рассмеялся тот.

— Да уж, бедный Азаров!

— Азаров выкрутится, — пожал плечами Белый Волк. — Найти несколько человек в экипаж — это не такая сложная задача. В любом случае, ещё один «сенбернар» в подразделении того стоит.

— Да, учитывая, сколько нам приходится мотаться в поиске, ещё один звездолёт — это хорошо, — согласился Бомбадил.

— Один звездолёт — это приятно, но проблему он не решит, — проворчал Энцо Коррадо. — Тут десяток нужен.

— Так и десяток не решит! — усмехнулся Адриан Адалбер. — Область действия подразделения всё время расширяется, так что безработица нам ни в коем случае не грозит. Так выпьем за пятый звездолёт, четвёртый «сенбернар», его командира и старпома!

Присутствующие подняли свои бокалы, и по залу пронёсся мелодичный звон хрусталя. Снова стало шумно, присутствовавшие с воодушевлением обсуждали новости, и мало кто заметил, как на взлётно-посадочное поле неподалёку от административного корпуса приземлился небольшой золотистый флаер.

— Странно, — пробормотал Фарок, увидев его. — Радчук говорил, что космодром закрыт для посетителей.

— Может, открыли, — небрежно пожал плечами Вербицкий.

А дверца флаера тем временем распахнулась, и из неё появился высокий мужчина, который решительно направился к административному корпусу. Войдя в фойе, он остановился, осматриваясь по сторонам и, наконец, вошёл в кафе.

— Доктор, к вам пришли, — заметил Дакоста, указав на него МакЛарену.

Джулиан поднялся со своего места и с улыбкой направился к гостю.

— Дипкорпус, — определил Антон Вербицкий, оценивающе взглянув на молодого мужчину в красивой синей форме с яркими золотыми нашивками.

Незнакомца заметили, и в зале стало тише. Все с интересом смотрели на вошедшего, а посмотреть было на что. Парень был красив и статен, с коротко постриженными янтарными кудрями, открытым смуглым лицом, синими глазами и тёмными густыми бровями. Высокий лоб, прямой нос, широкие гладкие скулы и твёрдые линии правильного рта делали его облик благородным и чрезвычайно привлекательным.

— Младший советник, — тут же определил по нашивкам Донцов, — но думаю, пойдёт далеко. Такая харизма — первый козырь на любых переговорах.

— Пойдёт, куда пошлют, — заметил Кирилл. — На то они и послы.

МакЛарен, пожав гостю руку, слегка отстранился и окинул его внимательным взглядом.

— Отлично выглядишь. Идём?

Тот с улыбкой кивнул, и они вместе подошли к столу. Джулиан, подхватив от стены свободный стул, поставил его рядом с Оршаниным. Незнакомец сел и повернулся к Кириллу. Улыбка у него была мягкая, взгляд тёплый, и стрелок невольно поддался его обаянию.

— Я давно хотел увидеться с тобой, Кирилл, — произнёс незнакомец приятным звучным баритоном, — и поблагодарить за всё, что ты для меня сделал.

— Я? — Кирилл немного смущённо посмотрел на товарищей, которые с любопытством наблюдали за происходящим. — А что я сделал?

— По меньшей мере, спас мне жизнь.

— Ну, я рад, конечно. Но я не один работаю...

— Нет, — качнул головой тот, — тогда ты был один. И это был только твой выбор. Ты мог смириться с неизбежным, но ты сделал всё, чтоб спасти меня. Я благодарен тебе за это.

— Вы уверены, что это был я? — осторожно спросил Кирилл. — Честно говоря, я вас не знаю.

— Знаешь, просто не узнаёшь. Когда мы встретились впервые, я выглядел совсем иначе.

Кирилл нахмурился, пытаясь разглядеть хоть что-то знакомое в лице этого человека, смотревшего на него с благодарностью. Да, он, безусловно, видел когда-то это лицо. В его

памяти возникло печальное воспоминание, запах свечного воска и блеск золота в полумраке. И молодое лицо, черты которого расплывались под белой кисеей покрывала. То была лишь восковая кукла, запечатлевшая утраченные черты молодого короля.

И тут он заметил некоторую странность в облике сидевшего рядом человека. Эта идеально гладкая кожа, длинные густые ресницы, мягкие волосы. Даже губы яркие, как у ребёнка. А руки? Он посмотрел на сильные кисти рук и увидел, что их кожа тоже гладкая и светлая, а ногти тонкие и розовые, словно детские. Такие же были у его старого друга, перенёвшего полную регенерацию, когда его тело, кости, внутренние органы, мышцы и кожные покровы были выращены заново после полного уничтожения.

Он снова посмотрел в лицо этого парня и увидел смеющиеся синие глаза. Тот ждал.

— Не может быть... — пробормотал Кирилл, чувствуя, как со дна души мощной волной поднимается радость. — Это ты? Арман! Это ты?

— Да, это я, — рассмеялся тот.

— Арман, так ты полностью выздоровел?

— Твоими заботами, заботами Джулиана и многих других людей. Я потерял сознание в тёмном лесу, а очнулся здесь на Земле, в светлой палате исследовательского медицинского центра.

— Док, вы знали? — Кирилл обернулся к МакЛарену, который присел рядом и, облокотившись о спинку его стула, с удовольствием наблюдал за обоими.

— Конечно, знал. Я даже доставил себе удовольствие оказаться первым, кого он увидел, когда его вывели из искусственной комы. Но я сразу же рассказал ему о том, кто притащил его на баркентину и едва не с пушкой у виска требовал вылечить.

— Док! — воскликнул Кирилл. — Вы всё-таки спасли своего короля!

— Ну, хотя бы этого спас. Благодаря тебе. Так что ты помог мне исполнить заветную мечту моего детства.

— Кто-нибудь объяснит, что происходит? — поинтересовался Донцов.

— Это Арман Миротворец! — воскликнул Кирилл.

— Что, правда? — растеряно спросил тот, взглянув на гостя. — Король Сен-Марко?

— Нет, — возразил Арман. — Хотя и был им когда-то. Король умер. У меня новая жизнь. Теперь я просто младший советник дипкорпуса Земли, стажёр подразделения межпланетных контактов. И не более того.

— Ну, это ненадолго, — усмехнулся Кирилл. — Парень, который уболтал альдора на семь лет мира, обречён стать звездой дипломатии. Наши контактёры уж точно не могли упустить такого переговорщика!

— К тому же эта работа даёт возможность много путешествовать, — задумчиво улыбнулся Хок.

— И как вам на Земле? — спросил Вербицкий.

— Порой мне кажется, что это волшебный сон, — признался Арман. — Я хотел бы, чтоб и у нас в Сен-Марко было так же.

— Когда-нибудь будет, — произнёс Бен Олдридж. — Скучаете по дому?

— По друзьям, в основном. Но надеюсь найти здесь новых, — он снова взглянул на Кирилла. — Иногда, чтоб что-то обрести, приходится от чего-то отказываться. Я не могу вернуться домой, слишком много проблем возникнет с моим возвращением. К тому же мне всегда казалось, что мой настоящий дом где-то в другом месте. Теперь мне кажется, мой дом именно здесь.

— Тогда добро пожаловать! — произнёс Джим Ноттингем. — Заметьте, ребята, у нас ещё одна хорошая новость. Сегодня поистине удачный день!

— Что за несчастный день, — простонал Азаров, жалобно взглянув на меня. — Мало того, что Олдридж уходит на новую баркентину командиром, так он ещё сманил у меня второго и третьего помощника! Помощник по науке уволен из космофлота без права восстановления! С кем я летать буду?

Мы сидели в его уютном кабинете в мягких креслах и пили кофе, я — эспрессо из маленькой фарфоровой чашечки, а он своё ужасное американо из большой кружки с кошачьими мордочками. На его коленях развалился большой сибирский кот, который с независимым видом вылизывал свою лапу и пушистый живот.

Азаров сокрушённо покачал головой и отхлебнул из кружки. Не думаю, что он стал бы проявлять свои чувства, если б свидетелем этому был кто-то, кроме нас с Василием. Мы же были для него своими и наши жилетки всегда были к его услугам, если очень хотелось поплакаться. Впрочем, я его понимала. Вакансии в экипажах всегда были большим местом нашего подразделения, и если я переживала только за свой экипаж, то у Азарова голова болела за все четыре. А теперь помимо своего, изрядно поредевшего, ему придётся думать и об укомплектовании экипажа новой баркентины.

— Значит, расследование закончено, — сделала я вывод, услышав о решении в отношении командора Моро. — А что со стрелками?

— Их удалось отбить, — вздохнул он, — причём в немалой степени благодаря той превосходной характеристике, которую ты им дала. Белов и Аль-Сафар тоже возвращаются. Эти двое, как и Булатов, отделались лёгким испугом. Со стрелками хуже: все трое понижены в звании, но оставлены в экипаже. Твой Стаховски тоже. Карнач будет рядовым стрелком. Спасибо, хоть не вылетел со службы.

— Ему это не впервой.

— Намахали они там мечами, — проворчал Азаров.

— Не без этого, — согласилась я. — Хотя, если честно, я их понимаю. С нашим воспитанием сложно жить в чужом мире, не сближаясь с хорошими людьми и не принимая их проблемы близко к сердцу.

— Это было учтено, — кивнул он. — В дисциплинарной коллегии работают люди опытные, хорошо знающие космос и проблемы контактов с населением чужих миров. К тому же Совет духовной безопасности, проведя консультации, дал заключение о том, что в целом наше вмешательство во внутренние дела этого мира имело позитивное значение для него.

— Я не думаю, что это вмешательство привело к каким-то серьёзным последствиям.

— Думаешь? — он скептически взглянул на меня. — Мы переворошили этот мир и изменили вектор его развития. Бен, поучаствовав в создании нового Алмазного Сердца, зарядил его новыми идеями. И я не уверен, что Совет духовной безопасности, представляя его к Алмазной звезде, руководствовался только тем, что он едва не ценой своей жизни спас целый мир от глобальной катастрофы. Подозреваю, что именно внушив Хозяину планеты близкие нам ценности, он повернул его деятельность в более гуманном направлении, и это было учтено.

— Хочешь сказать, что там сейчас наступит эра любви и милосердия? — недоверчиво спросила я.

— Там живут обычные люди, — напомнил он, — воспитанные в условиях постоянных

войн и грабежей. Так быстро они не перевоспитаются, но, возможно, теперь им будут создаваться более подходящие для этого условия. Впрочем, это уже не наше дело. Экспедиция засекречена, район официально закрыт для посещения, как потенциально опасный.

— Значит Хозяин не получит новых игроков для своих игр?

— Если очень захочет, то получит, но у него и без того достаточно персонажей. А теперь и проблем с новыми сюжетами не будет.

— Ты о чём? — насторожилась я, уловив в его словах какой-то скрытый намёк.

— Вы после того полёта проверяли журнал операций бортового компьютера за период нахождения там?

— Зачем, если он не функционировал?

— А Бен проверил, и установил, что один из информационных блоков был взломан, его энергоснабжение временно восстановлено и информация, хранившаяся там, скопирована на внешний носитель. Я уверен, что у вас на «Пилигриме» та же история.

— Кто-то взломал наш кибер? — изумилась я. — Это как?

— Наверно с моей помощью, — пожал плечами Азаров. — Но я этого не помню.

— И что это за блок?

— Библиотека. Скопирована вся библиотека, всё, до последнего тома, до самой маленькой брошюры и захудалого эссе. Наверно Хозяин сейчас с утра до вечера и с вечера до утра читает романы из наших хранилищ, и подозреваю, что наибольшей его симпатией пользуются детективы, триллеры и любовные романы.

— И любимая готика Дэна Кроу, — мрачно изрекла я. — Скоро там появятся вурдалаки, призраки и вампиры в неограниченных количествах.

— Не исключено. И теперь у местных будет достаточно забот без войн и набегов.

— Какой ужас... — пробормотала я и сердито взглянула на него. — Кой чёрт понёс тебя на эту галеру?

— Я наказан, — вздохнул он. — Я потерял четырёх человек: двух убитыми, одна осталась там, а ещё одну с треском выгнали из состава космолота, и, подозреваю, что этим дело для нее не закончится. Изабо призналась, что насылала на тебя порчу и подослала наёмного убийцу, ты в курсе?

— Да, но это не сработало, и я её простила.

— В Совете духовной безопасности нет ангелов, Даша. Там всё серьёзно. И мне ещё придётся долго отмаливать гибель Джильды Джиоло и Кабреры, хотя они сами были виноваты в своей участи. И я очень беспокоюсь о Мерседес.

— Ладно, Саша, хватит ныть, — проговорила я. — Всё это позади. Твои стрелки и механики возвращаются в экипаж. Что ж до помощников, то ты же сам предложил кандидатуру Бена на должность командира баркентины и дал ему соответствующую характеристику.

— А я мог не дать? — уточнил он.

— Если дал, значит, парень этого достоин, а у тебя, по крайней мере, есть командир четвёртой баркентины. И часть экипажа там уже укомплектована.

— За мой счёт.

— Дело житейское, — усмехнулась я.

— Легко тебе говорить, — проворчал он. — В отличие от меня, ты после того полёта не с потерями, а с приобретением. Как твой ормиец?

— Научится, — вздохнула я.

— Всё так плохо?

— Вовсе нет. Он хорошо сработался с экипажем, не боится привидений и метко стреляет. Но у него пока не хватает квалификации: он закончил обучение несколько лет назад, радистом не работал, связью для него — не профильная специальность, а на Тиртане, где он учился, совсем другое оборудование. Но он всё схватывает на лету, к тому же Вербицкий серьёзно относится к его подготовке. Это дисциплинирует обоих. Так что, со временем, всё наладится.

— Это хорошо, — он поставил на столик пустую кружку и почесал загривок Василия. — Кадровый центр сейчас занимается подбором кандидатур в новый экипаж. Может, и мне что-то перепадёт. В любом случае, скоро Бену предстоит отправиться за новым «сенбернаром», и для этого ему нужно набрать хотя бы семьдесят процентов экипажа. Ты не дашь кого-нибудь из своих?

— Если только временно, — проворчала я. — Самой не хватает.

— Ну да, ну да... — пробормотал он, задумавшись о новой проблеме.

А я подумала: хорошо, что это не моя проблема. Мой кофе тоже закончился, и я с сомнением посмотрела на кофеварку. Нет, больше не хотелось. К тому же в кафе меня ждал Джулиан, а дома — дети.

— Мне пора, Саша, — проговорила я, поднимаясь, и направилась к двери, но на пороге, уже открыв её, обернулась. — Кстати, ты не знаешь, с названием нового звездолёта уже определились, или он всё ещё под номером?

— Определелись, — кивнул он. — Полагаю, в определённых кругах его название вызовет замешательство, но Совет духовной безопасности проголосовал за него почти единогласно. Его назовут в честь командира.

— «Бенедикт Сайрус Олдридж»? — уточнила я.

— Да нет же! — Василий, наконец, оторвался от умывания и посмотрел на меня, как на несмышлёного котёнка. — Его назовут «Повелитель теней»! Как Бена!

— Хорошее название, — ехидно одобрила я, — а главное — точное, — и закрыла за собой дверь.

Больше книг на сайте - Knigoed.net